МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2024 **№ 92**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul);
Krasilnikov Sergey A., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University;
Luzyanin Sergey G., Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences;
Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;**
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan);
Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Балабин А.А. Петр I и Джон Ло 5
Дунбинский И.А., Муценик А.И., Румянцев П.П. Томский период жизни В.В. Куйбышева. К 90-летию присвоения Томскому государственному университета его имени 15
Колева Г.Ю. Противостояние уральских и тюменских геологов по вопросу первенства определения места закладки Березовской газовой скважины (1956 г.) 23
Рогачев И.В. Приграничные регионы России в политике США и Великобритании в условиях международной интервенции на Русский Север 34
Сарычева Т.В., Калинина Е.А. Становление физического воспитания в системе высшего образования СССР (на примере Западной Сибири и Карелии) 40
Сенина А.В. Социокультурная и политическая трансформация позднеимперской России в газете «Пермская земская неделя», 1907–1917 гг. 48
Фролов В.В. Образ Швеции на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) 58
Хубулова С.А. Рецепция «советского проекта» в Северной Осетии: малые города и их роль в социально-экономических и культурных процессах 1930-1980-х гг. 63
Якуб А.В., Якуб Н.В. Выставочная деятельность в СССР в 1920-е гг. как форма публичной дипломатии 69

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Горбачев А.С., Тимошенко А.Г. Информационно-аналитическое обеспечение Общей политики безопасности и обороны Европейского союза 75
Хахалкина Е.В. «Быть человеком в меняющемся мире»: роль гуманитарных наук в условиях Четвертой промышленной революции на примере РФ 87
Ли Цимоу, Савкович Е.В., У Яньбинь. Китайские и индийские подходы к регионализму на рубеже XXI в.: эволюция и особенности 96

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Егорова М.В. Екатерина II и французские просветители: некоторые аспекты дореволюционной историографии 106
Ломакин Д.А. «Старый дворец» близ Симферополя: отечественная историография о мечети Эски-Джами 113
Шаповлов В.А., Истомина И.В. Бытовые сказки о барской спеси, жадности и глупости как аксиологический источник по системе взаимоотношений помещика и крестьян в русской деревне 127
Широкова М.А., Должиков В.А. Культурно-историческая концепция славянофилов в свете современных дискуссий о политическом образовании в России 136

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Ожередов Ю.И. Заяц в воззрениях палеоселькупов и селькупов по материалам археологии и этнографии 144

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Костерев А.Г. Развитие научно-образовательной среды Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники в советский период (1971–1991 гг.) 153
Расколец В.В. Наука позднего сталинизма в призме теории «центр–периферия» (на примере вузов Томска) 160

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Balabin A.A. Peter The Great and John Law 5
Dunbinskiy I.A., Mutsenik A.I., Rumyantsev P.P. The Tomsk period of V.V. Kuibyshev's life. On the 90th anniversary of the assignment of Tomsk State University to his name 15
Koleva G.U. The confrontation between Ural and Tyumen geologists on the issue of the primacy of determining the location of the Berezovskaya gas well (1956) 23
Rogachev I.V. Russian border regions in the policy of the United States and Great Britain in the context of international intervention in the Russian North 34
Sarycheva T.V., Kalinina E.A. Formation physical education in the system of higher education in the USSR (on the example of Western Siberia and Karelia) 40
Senina A.V. Socio-cultural and Political Transformation of Late Imperial Russia in the newspaper “Permskaya Zemskaya Nedelya”, 1907–1917 48
Frolov V.V. The image of the Sweden on the pages of the military periodical “The Chronicle of the War of 1914–1917” in the first years of the First World War (1914–1915) 58
Khubulova S.A. Reception of the “Soviet project” in North Ossetia: small towns and their role in the socio-economic and cultural processes of the 1930s–1980s 63
Yakub A.V., Yakub N.V. Exhibition activity in the USSR in the 1920s as a form of public diplomacy 69

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Gorbachev A.S., Timoshenko A.G. Intelligence and analytical implementation of the Common Security and Defense Policy of the European Union 75
Khakhalkina E.V. “Being Human in a Changing World”: The Role of the Humanities in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution using the example of the Russian Federation 87
Li Qimou, Savkovich Y.V., Wu Yanbin. Chinese and Indian approaches to regionalism at the turn of the 21st century: evolution and characteristics 96

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Egorova M.V. Catherine II and the French enlightners: some of the aspects of pre-revolutionary historiography 106
Lomakin D.A. “Old Palace” near Simferopol: domestic historiography on the Esqi-Jami Mosque 113
Shapovalov V.A., Istomina I.V. Household tales about lordly arrogance, greed and stupidity as an axiological source on the system of relations between the landowner and peasants in the Russian village 127
Shirokova M.A., Dolzhikov V.A. Cultural and historical concept of the Slavophiles in the light of modern discussions on political education in Russia 136

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Ozheredov Yu.I. The Hare in the views of Paleoselkups and Selkups based on the materials of archeology and ethnography 144

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Kosterev A.G. Development of the scientific and educational environment of the Tomsk Institute of Automated Control Systems and Radio Electronics in the Soviet period (1971–1991) 153
Raskolets V.V. Science of late Stalinism in the prism of the theory of “center-periphery” (on the example of Tomsk universities) 160

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Шевцов В.В. Магистерская программа «Сибирские исследования» в социальной сети «ВКонтакте»: опыт коммуникации с абитуриентами и студентами 171

РЕЦЕНЗИИ

Барышников В.Н., Пленков О.Ю., Демичева Т.М., Смолин А.В. Из тупика: Германия в 1945–1955 гг.: Рец. на кн.: Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы: 1945–1955. М.: Individuum, 2024, 496 с. 179
Минзафаров Г.А. Рецензия: Smith B. E., Dotter E. Digging our own graves: Coal miners and the struggle over black lung disease. Haymarket Books, 2020. 250 p. 185
Смолякова Л.Н. О столпах западного альянса в 1960-е годы. Рец. на монографию: Лекаренко О.Г. Европейская политика США в годы президентства Л. Джонсона (1963–1969 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 2023. 206 с. 189
Чуркин М.К. Рецензия: Климова О.Г. Организация изучения истории сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: АлтГТУ, 2021. 334 с. 194
Шерстова Л.И. Перепись 1897 г. как этнографический источник по проблеме межэтнического разделения труда в Азиатской России. Рец. на монографию В.П. Зиновьева «Межэтническое разделение труда в Азиатской России по переписи 1897 г.». Томск: Изд-во ТГУ, 2024 г. 210 с. 199

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Федосов Е.А. Научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов» 203

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Shevtsov V.V. Master's program “Siberian Studies” on the VKontakte social network: communication experience with applicants and students 171

BOOK REVIEW

Baryshnikov V.N., Plenkov O.Yu., Demicheva T.M., Smolin A.W. Out of the impasse: Germany in 1945–1955. Review on the book: Jähner H. Wolfszeit: Deutschland und die Deutschen 1945–1955. Berlin, Rowohlt, 2019. 480 S. 179
Minzafarov G.A. Review: Smith B. E., Dotter E. Digging our own graves: Coal miners and the struggle over black lung disease. Haymarket Books, 2020. 250 p. 185
Smolyakova L.N. About the pillars of the Western Alliance in the 1960s. Review of the monograph: Lekarienko O.G. The European policy of the United States during the presidency of L. Johnson (1963–1969). Tomsk: Tomsk State University Press, 2023. 206 p. 189
Churkin M.K. Review: Klimova O.G. Organization of studying the history of Siberian entrepreneurship in the second half of the XIX – early XX centuries. Barnaul: AltGTU, 2021. 334 p. 194
Sherstova L.I. The 1897 Census as an ethnographic source on the problem of the interethnic division of labor in Asian Russia. Review of V.P. Zinoviev's monograph “Interethnic division of labor in Asian Russia according to the census of 1897”. Tomsk: Tomsk State University Press, 2024. 210 p. 199

SCIENTIFIC LIFE

Fedosov E.A. Scientific conference “The Slavic World: Responding to New Challenges” 203

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 94(4) “1492/1914”
doi: 10.17223/19988613/92/1

Петр I и Джон Ло

Алексей Александрович Балабин

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН; Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, balabin-a-a@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимовлияния двух исторических личностей – царя Петра I и скандально известного финансиста Джона Ло. Показано, что зарождению легенды о их личном знакомстве способствовало соединение фактов одновременного пребывания Петра I и Джона Ло в Париже, взаимодействия русской делегации с банком Ло, а также неожиданного решения пригласить Ло на службу в Россию после провала затеянных им финансово-денежных реформ во Франции. Этому же способствовали некритически воспринятые отечественными историками сообщения и свидетельства современников Петра.
Ключевые слова: Петр Великий, Джон Ло, Миссисипский пузырь, финансовый кризис, русские люди во Франции

Для цитирования: Балабин А.А. Петр I и Джон Ло // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 5–14. doi: 10.17223/19988613/92/1

Original article

Peter the Great and John Law

Alexei A. Balabin

Institute of Economics and Industrial Engineering, of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, balabin-a-a@mail.ru

Abstract. The article focuses on summarizing the data accumulated by domestic and foreign science on the mutual influence of the Russian Tsar Peter the Great and the French financier John Law, as well as on clarifying the possible origins of the legend about the personal acquaintance of these two historical figures. Both of them left a significant mark on the history of Europe. The first of them was the great reformer of Russia. The second went down in history as a professional card player, who became by the will of fate the finance Minister of France.

Both persons attract considerable attention of historians from France, Great Britain, the United States, and Russia. Important archival materials published in the works of E. Faure, A. Murphy, J. Buchan, S. M. Troitsky, S. A. Mezin and others can be noted. However, both of domestic and foreign authors, detailing the life paths of their chosen historical characters, ignore the question of their possible face-to-face meeting.

In 1717, Tsar Peter the Great and banker John Law had the opportunity to meet in Paris, where Tsar Peter arrived with a large Russian delegation. At present, no documentary evidence of their meeting has been found. However, the existence of indirect links between Law and Tsar Peter is beyond doubt. The funds for the tsar were transferred through the Law’s bank. A French translation of John Law's most significant book was available in the Peter’s Library in St. Petersburg. Peter followed John Law's initial success in France.

As is known, Law's financial experiment in France ended very badly. At first, the bank notes and stocks he issued in excessive numbers quickly rose in value, creating the so-called "Mississippi Bubble". The bubble burst with a loud bang in May 1721. Many Russian people who were in France at that time got into a very difficult financial situation because they could not get their money through the bankrupt bank of John Law.

Tsar Peter decided to invite John Law to the service, when John Law fled France after this country had been bankrupted by him. The envoy of Tsar Peter offered him a high rank, protection, serfs in exchange for activities to establish trade relations between Russia and Persia. Law declined the job and honors offered. And a possible personal acquaintance with Peter I did not take place once again.

It should be said that the possibility of a meeting arose twice – in 1717 and 1721. The first time when Peter and Law had the opportunity to meet in Paris was in 1717, and the second time it could be in 1721, if Law agreed to come to the service in Russia. That didn't happen. However, the assumption about the meeting has become a legend. The source

© А.А. Балабин, 2024

of this was only one reference to an unreliable witness, given in a note in the book of a French historian Pierre-Édouard Lémontey. This note was translated, picked up and transmitted (already in the affirmative form) by the Russian authors.
Keywords: Peter the Great, John Law, financial crisis, Mississippi bubble, Russians in France

For citation: Balabin, A.A. (2024) Peter The Great and John Law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 5–14. doi: 10.17223/19988613/92/1

В 2020 г. исполнилось 300 лет с начала одного из крупнейших и известнейших финансовых кризисов в истории. Он стал окончанием одного из самых масштабных экономических проектов, который охватил целую европейскую страну. Автором проекта, вдохновителем и главным действующим лицом был Джон Ло (John Law of Lauriston), профессиональный игрок в карты, по воле судьбы ставший главным контролером (т.е. тогдашним министром финансов) Франции. И бурная жизнь Джона Ло, и его воззрения, и безрадостный итог его финансовых новаций привлекают к этой фигуре значительное внимание за рубежом.

В отечественной истории данный период связан с великими преобразованиями Петра I. Второе путешествие Петра по Европе, в частности посещение им Парижа в 1717 г., совпадает с парижским периодом деятельности Джона Ло в качестве банкира. И это не только хронологическое совпадение. Творческий характер Петра, его новые идеи по развитию России привлекли его внимание к преобразованиям Джона Ло и даже побудили пригласить того в Россию. Это обстоятельство породило сначала предположения (а потом и утверждения) об очной встрече Петра I и Ло в Париже, результатом которой якобы было последовавшее через несколько лет приглашение Ло на работу в Россию.

Цель данной статьи – обобщение данных, накопленных отечественной и зарубежной наукой по поводу взаимного влияния французского финансиста и русского царя, а также выяснение возможных истоков легенды о личном знакомстве этих двух исторических фигур. Мы постарались также оценить влияние, которое оказал Джон Ло на русских людей, оказавшихся наблюдателями или невольными участниками событий, приведших Ло на вершину французской власти, и его столь же стремительного падения.

Если говорить об источниках о жизни и воззрениях Джона Ло, то прежде всего следует отметить весьма существенную работу по поиску и каталогизации произведений Ло, которую провел известный бельгийский ученый Поль Арсен, составивший в 1934 г. трехтомник «Джон Ло: полное собрание сочинений» [1]. Имеются также фундаментальные академические монографии о его деятельности [2–3] и более или менее подробные жизнеописания Ло [4–6]. Сравнительно недавно изданы материалы (письма, записки, памфлеты) британских современников Ло, в числе которых был и Даниель Дефо [7]. По мнению одного из авторов, Ло даже вошел в почетный список ста великих экономистов докейнсианского периода (правда, рассказ о «знаменитости» уложился всего в две страницы) [8].

До 1917 г. в России вышли две работы, посвященные целиком Ло: одна из них принадлежала перу отечественного ученого [9], другая была переводом с немецкого книги австрийского автора [10]. Вплоть до настоящего времени других книг, персонально посвященных Джону Ло, на русском языке не выходило.

В советской литературе этому персонажу уделялось совсем немного места [11]. Из числа значимых работ последнего времени упомянем журнальную статью А.В. Аникина [12], одну из глав его книги, выдержавшей уже несколько переизданий [13], а также раздел в книге С.Р. Моисеева [14], посвященный экономическим аспектам деятельности Ло во Франции. Следует отметить, что многочисленные источники в сети Интернет (особенно это касается русскоязычной его части) содержат зачастую не только неполную, но и явно ошибочную информацию о жизни и деятельности Джона Ло. Отчасти это связано с некритическим или некомпетентным подходом к переводам зарубежных научно-популярных и просто популярных источников.

Отечественная историография богата исследованиями о Петре Великом. Особенное внимание в нашей статье мы уделим труду известного журналиста и историка Н.А. Полевого по истории Петра Великого [15], замечательной подборке документов из Российского государственного архива древних актов, опубликованной С.М. Троицким [16], и монографии С.М. Мезина, в которой подробно рассматривается период пребывания Петра во Франции [17].

К сожалению, и российские, и зарубежные авторы, подробно излагая жизненные пути избранных ими исторических персонажей, оставляют почти без внимания вопрос об их возможном очном «пересечении».

Остановимся кратко на обстоятельствах жизни Джона Ло, приведших его в Париж. Сын шотландца, преуспевающего ювелира и ростовщика Уильяма Ло появился на свет в 1671 г. в Эдинбурге. Его отец умер, когда Джону было 14 лет, оставив ему значительное наследство и недавно приобретенный титул баронета. В 1691 г. Джон перебрался из сравнительно бедного Эдинбурга в Лондон. Молодой человек («Красавчик Ло», как его тогда называли) вел праздный образ жизни, проводя время за азартными играми в карты и на теннисном корте. Печальный итог этому периоду жизни Джона подвела дуэль в апреле 1694 г., на которой он убил своего противника. В результате Ло был осужден английским судом на смертную казнь, но ему удалось бежать в Голландию.

В течение последующих лет он ездил по Европе, останавливаясь для карточной игры во всех крупных городах Голландии, Германии, Италии и Франции. В ходе своих путешествий он познакомился с деловыми обычаями и работой финансовых учреждений в разных странах. Особенно в этом отношении продвинулась Голландия. Амстердамский банк был в то время крупнейшим международным расчетным центром Европы, билеты и векселя банка имели хождение во многих странах. Активно работала Амстердамская биржа, где

проходили торги товарами, акциями и долговыми обязательствами. В Италии Ло наверняка получал услуги старейших европейских банков Флоренции, Венеции, Рима.

Отметим, что экономика как научное направление к тому времени еще окончательно не оформилась. Вообще всякий грамотный и творчески мыслящий человек мог стать «экономистом», направив знатному лицу или опубликовав для широкой публики свои соображения о возможных источниках обогащения. Одним из таких людей стал и Джон Ло.

Наиболее известный труд Ло под названием «Деньги и торговля, рассмотренные в связи с предложением об обеспечении нации деньгами» [18], был издан в 1705 г. в Эдинбурге. Он представлял собой проект для парламента Шотландии и содержал в обширной первой части теоретическое обоснование предлагаемых мероприятий. По мнению Ло, наиболее верное средство стимулирования экономического развития – это увеличение количества денег в стране. Однако если денег в виде звонкой монеты в стране не хватает, их можно создать искусственным путем – осуществив с помощью особого банка эмиссию бумажных денег (сейчас их называют банковскими билетами, денежными купюрами или банкнотами) под залог земельной недвижимости. Новизна идеи состояла в дополнении металлической монеты, которая в Шотландии была в дефиците, банкнотами и увеличении на этой основе оборотов производства и торговли [10. С. 69–90].

Шотландский парламент обсуждал проект Ло (наряду с другими аналогичными), однако отверг его [3. P. 73–75]. Для того чтобы планы Ло имели шанс осуществиться, должны были возникнуть особые обстоятельства. Такие условия сложились в 1710-х гг. во Франции. Первое пребывание Джона Ло в Париже относится к 1708 г. Как и всегда, его основной целью было профессиональное участие в крупной карточной игре. Для этого он завел полезные знакомства со знатными особами, в том числе с Филиппом II, герцогом Орлеанским, слабовольным и распущенным племянником тогдашнего короля Франции Людовика XIV. Франция, хотя и оставалась одной из самых сильных в военном отношении стран Европы, переживала далеко не лучшие времена. Длительная Война за испанское наследство, которая закончилась Утрехтским миром лишь в 1713 г., строительство Версаля и роскошная жизнь короля-солнца и его приближенных разоряли страну.

Желание получить опережающим образом суммы налогов привело к широкому привлечению откупщиков. Будущие налоги, авансированные откупщиками на несколько лет вперед, были уже истрачены королевским двором.

Государственное учреждение, ответственное за займы – Касса займов (La Caisse des emprunts), созданное еще Кольбером и первоначально привлекавшее займы (так называемые ренты) под 5% годовых, вынуждено было поднять доходность до 8%, а в 1705 г. – до 10% годовых [14. С. 167]. Наряду со срочными рентами продавались и пожизненные, по которым проценты выплачивались до смерти их держателя. Занимали с помощью долговых расписок и другие государственные ведомства и даже их подразделения, которые вступали друг с другом в конкуренцию на долговом рынке [10. С. 16–24]. К примеру, свои долговые расписки на предъявителя (billets de monnaie) выдавал Монетный двор.

Другим источником доходов служила продажа государственных должностей. Формально любой человек, располагавший деньгами, мог внести крупный денежный залог, занять соответствующую должность и получать ежемесячное вознаграждение, даже не исправляя своей работы. Правда, необходимо было проявить определенную изобретательность в названии должностей королевских чиновников: к ним относились, например, контролеры париков, инспекторы и измерители строительного камня, досмотрщики свиней и поросят, счетчики сена, смотрители при складывании дров, надзиратели за свежестью масла и др. [10. С. 6–15].

Наконец, третий немаловажный источник пополнения финансов составляли манипуляции государства с принудительной сменой курса ливра (тогдашней расчетной денежной единицы) к используемой в обороте золотой и серебряной монете и связанной с этим перечеканкой монеты [3. P. 150–153].

Однако в первое пребывание Ло в Париже ему не удалось опробовать на практике свои финансовые идеи. Спустя несколько месяцев его высылают за пределы Франции, мотивируя тем, что он слишком искусен в карточных играх.

Второй шанс предоставился Джону Ло в 1715 г., когда скончался Людовик XIV. Внуку и наследнику умершего короля Людовику XV исполнилось всего пять лет. Регентом при малолетнем короле становится герцог Орлеанский.

Отметим, что к этому времени финансовые проблемы Франции только усугубились. Общая величина госдолга достигла 2,8 млрд ливров, из которых более 1 млрд ливров приходилось на бессрочные ренты, а 830 млн ливров представляли собой залоги по проданным должностям [14. С. 168].

Регент и вновь назначенный генеральный контролер (министр финансов) герцог де Ноайль предприняли чрезвычайные меры для поиска новых источников доходов. Были несколько уменьшены расходы на содержание королевского двора, сокращена армия, сняты ограничения на торговлю хлебом. Объявлена новая перечеканка монеты. Принудительно реструктурированы ренты Кассы займов со снижением процентных ставок по ним. Была списана часть текущего долга госучреждений, другая его часть переоформлена в государственные 4-процентные обязательства (billets d'Etat). Были введены чрезвычайные процедуры дознания и конфискации незаконно нажитой собственности через особую Судебную палату (Chambre de justice), действовавшую в 1716–1717 гг. Эти меры позволили несколько выправить текущую финансовую ситуацию, но одновременно привели к чрезвычайно угнетенному состоянию дел во всей Франции. Вера французов в незыблемость обязательств государства, неизменность монетного стандарта и правосудие была окончательно подорвана [10. С. 31–48].

Именно в это время идеи Джона Ло становятся особенно привлекательными. Правда, первый пункт

прежнего плана (организация государственного банка, выпускающего билеты до востребования) в силу недоверия французского общества к государственным институтам в тот момент не мог быть исполнен.

Пользуясь доверием и поддержкой герцога Орлеанского, Ло подает прошение об учреждении частного Генерального банка (Banque générale) и в мае 1716 г. получает патенты на его организацию. Банку были позволены выпуск банкнот, обмениваемых на монету по предъявлении, прием денежных депозитов, выдача собственных векселей. При этом банку не разрешалось выдавать кредиты и займы, однако он мог приобретать торговые бумаги и принимать к платежу векселя третьих лиц.

Немаловажным обстоятельством было то, что банку разрешалось вести счета в серебряных экю. Это подразумевало учет не только количества монеты, внесенной на банковский счет, но и содержания в ней драгметаллов, и давало решающее преимущество по сравнению с приемом и хранением обычных монет: в условиях постоянных «игр» государства с перечеканкой монеты банк фактически давал обязательство выдавать владельцу то количество драгоценного металла, которое тот внес на свой счет.

Первоначальная деятельность банка характеризовалась обязательностью, небольшими размерами операций и низкими ставками учета векселей. И учредители оказывали посильную помощь. Так, циркуляры де Ноайля в октябре 1716 г. рекомендуют, а в апреле 1717 г. обязывают принимать банкноты банка для уплаты налогов и пошлин.

Таким сложился ко времени приезда делегации русского царя в Париж общественный и «финансовый» статус Джона Ло – преуспевающего директора частного французского банка, имеющего крепкие связи при королевском дворе.

Общей целью поездки Петра I в Европу было решение политических задач, направленных на успешное завершение Северной войны со Швецией. Дипломатические переговоры должны были облегчить России успешный выход из затянувшейся войны. Однако не менее важной движущей силой были любознательность царя, стремление приобрести и перенести на российскую почву полезные знания, ремесла и искусства. Петр также хотел поправить пошатнувшееся здоровье на европейских водных курортах.

Непосредственно во Франции, куда Петр прибыл из Голландии и Фландрии, он пробыл с 21 апреля по 24 июня 1717 г. В Париж он приехал, ненадолго останавливаясь по дороге в небольших городках, 7 мая 1717 г. Следующие три дня были посвящены официальным визитам и приемам. В частности, состоялась официальная встреча Петра I и малолетнего Людовика XV, хотя никакого политического значения она иметь не могла. Переговоры велись с регентом и его приближенными.

Не останавливаясь на итогах дипломатических встреч (а они были не слишком велики), отметим в качестве одного из достижений учреждение в августе 1717 г. постоянного представительства (посольства) России во Франции, глава которого сыграл далее определенную роль в формировании взглядов Петра на деятельность Ло. Помимо небольшой официальной части, программу пребывания в Париже Петр формировал по собственному желанию, иногда даже не предупреждая принимающую сторону.

Петр посещал достопримечательности Парижа и его окрестностей, а также мануфактурные, военные, научные учреждения (Арсенал, Монетный двор, Ботанический сад, Академию наук, Академию живописи, обсерваторию, мануфактуру Гобеленов, заводы и т.д.). Не оставил он своим вниманием и парижские мастерские и магазины, где приобретались книги, лекарские и научные инструменты, предметы роскоши, а также обычные вещи – мебель, письменные принадлежности, ткани для одежды [17. С. 60–77].

Отметим, что в сферу интересов Петра входило прежде всего то, что мы бы назвали «реальной экономикой» и «реальной политикой». Неудивительно, что в круг его общения не попали многие «бесполезные», с его точки зрения, особы, к которым, вероятно, относились и банкиры. В число десятков лиц, общение с которыми зафиксировано документально [17. С. 289–298], Джон Ло не вошел. Известна личная встреча лишь с одним парижским финансистом, А. Огюэ, однако поводом были не финансовые вопросы, а некая хранящаяся у того диковина [17. С. 74]. Откуда же взялся гуляющий по страницам Интернета и даже в книгах [15. С. 49] миф, будто бы царь не только встречался, но и имел длительную беседу с Джоном Ло?

Проанализируем подробно документальные свидетельства о контактах делегации Петра I и его сподвижников по финансовым, деловым и житейским вопросам, которые решались с помощью банка Джона Ло. Заметим, что описанные выше серьезные финансовые проблемы Франции в то время никак не затронули русскую делегацию. Вместе с тем определенный вывод о благосостоянии рядовых французов, сильно упавшем в ходе правления Людовика XIV, Петр все же сделал в письме к жене от 10 мая 1717 г. о поездке через Францию в Париж: «А сколько дорогою видели, бедность в людях подлых великая» [15. С. 90].

При этом французская сторона (которая, как ранее описывалось, находилась в крайне стесненном финансовом положении) была все же несколько озабочена текущим содержанием русских (а это было более 60 человек, включая слуг). Камер-юнкер де Либуа, которого регент выслал встречать Петра, получил деликатное задание обсудить вопросы денежного содержания царя и его свиты во время пребывания во Франции. Королевский посланник был уполномочен предложить на содержание русского посольства фиксированную сумму в 1 200–1 500 ливров в день, не считая расходов на кареты. Так и не успев поговорить по этому вопросу, Либуа позже получил указание не говорить с русскими о затратах, не показывать стремления к экономии [17. С. 79]. Таким образом, «русские туристы» проживали, питались и путешествовали за счет французской короны.

Известно, что текущие расчеты русской делегации везде велись в золотой и / или серебряной монете. Специально к путешествию Петра в 1716 г. были отчека-

нены отечественные монеты – особого вида золотые червонцы. Русский червонец 1716 г. примечателен тем, что это единственная подлинная отечественная монета, которая имеет надписи, сделанные на латинском языке. Штемпели для него были изготовлены в Нюрнберге мастером Генрихом Мюллером [19. С. 7]. Для более мелких расчетов имелась и серебряная монета – ефимок, или талер (Joachimsthaler), различные варианты которого имели хождение во многих европейских странах. Однако для расчетов на территории Франции, естественно, предпочтительной являлась монета французской чеканки. Поэтому один из источников получения «местной» валюты для русской делегации состоял в обмене привезенных червонцев на луидоры. Первый такой обмен состоялся 24 апреля, затем 25 мая и 19 июня 1717 г. [17. С. 220]. Подъячий Иван Черкасов, совершивший первую обменную операцию, довольно сильно прогадал в валютном курсе: «…променено в Дункеркене 32 червонных на люидоры, которых взято 8» [17. С. 220]. Таким образом, курс обмена составил 1 луидор = 4 червонца, в то время как в действительности, исходя из весовых характеристик монет, 1 луидор (приблизительно 7 г золота) = 2 червонцам (около 3,5 г золота).

Вместе с тем перевозить, хранить при себе и обменивать большую сумму в металлической монете было неудобно. В то время «продвинутый» способ перечисления денег (которым и пользовался в поездке Петр) состоял в составлении и последующем предъявлении к платежу переводных векселей. Как известно, Россия в это время активно торговала с Голландией, где скапливался определенный объем наличной монеты. Суть «безналичного перевода» состояла в приобретении переводного векселя за наличные в Амстердаме и последующем его предъявлении к акцепту (и платежу) в Париже. Так, 18 апреля 1717 г. Петр I послал из Кале в Амстердам наказ торговому агенту Т.Т. Левкину о необходимости перевода в Париж крупной суммы денег: «По получении сего переведи немедленно (ис тех ефимков которые у тебя в Амстердаме есть) в Париж десять тысяч ефимков, чтоб отдали в Париже французскою манетою по курсу нынешняго векселя что надлежит, и переведи те денги с совету господина Бранта на имя добрых банкиров, чтоб могли те денги в Париже скоряя получить и пришли те векселя к нам в Париж» [17. С. 219]. Как видим, имело место распоряжение выписать в одном из амстердамских банков, который выступал как векселедатель, переводной вексель на 10 тыс. ефимков, акцептантом (плательщиком) по которому будет выступать надежный банк в Париже. С большой долей уверенности можно сказать, что в силу срочности вексель имел срок платежа «по предъявлении». Ремитентом (первым векселедержателем) по векселю выступал Левкин. После получения векселя он должен был составить на его обороте передаточную надпись (индоссамент) на имя следующего векселедержателя (им был выбран Иван Толстой, прибывший в Париж раньше царя Петра) и отправить вексель с нарочным из Амстердама в Париж. Получив вексель, Толстой мог предъявить его к платежу в парижский банк сам либо передать (индоссировать) его другому лицу. А в качестве банка-акцептанта («доброго банкира») был выбран Генеральный банк, которым руководил знакомый нам Ло. Таким образом, банк обслуживал безналичные денежные переводы русской делегации. Однако трудно себе представить, чтобы царь самолично ходил в Генеральный банк предъявлять векселя к платежу и получал монету из рук Ло. Это делал упомянутый выше Черкасов, который 31 мая и 1 июня 1717 г. ездил к банкиру получать деньги по векселям [17. С. 220].

Конечно, нельзя исключить, что Джон Ло мог присутствовать в свите своего патрона, герцога Орлеанского, на какой-либо из его официальных встреч с Петром. Но встречи проходили по строгому протоколу, их никак нельзя было использовать даже для знакомства.

Укажем и на еще один косвенный признак личного незнакомства Петра и Ло. Практически всегда при встрече с Петром его собеседники передавали тому памятные подарки, образцы продукции, планы, книги, свидетельствующие о почтении царю и / или в расчете на заказ. Зная характер Ло и его постоянное стремление продвинуть свои идеи, можно было бы ожидать от него при очной встрече с Петром вручения ему своего основного труда, опубликованного в 1705 г. В описании библиотеки царя Петра [20. С. 133] мы действительно можем найти книгу Ло, но не первое издание, а перевод на французский язык, сделанный в 1720 г. [21]. То есть эта книга попала в библиотеку гораздо позднее времени путешествия царя во Францию и не могла быть презентована автором при очной встрече. Более того, и в дальнейшем Джон Ло никогда бы не послал издание 1720 г. русскому царю.

Упомянутый выше французский перевод книги, Considérations sur le commerce et sur l'Argent 'par Mr Law Controlleur General des Finances, был опубликован голландским издателем Жаном Нолмом (Jean Neaulme) летом 1720 г. в Гааге. Помимо основного текста книга была снабжена портретом автора и предисловием издателя, однако вызвала сильное недовольство Ло. Это привело к несколько необычной ситуации, когда автор сам пытался изъять свое собственное сочинение из продажи. Попытки запретить распространение издания можно обнаружить в переписке французского посольства в Гааге, выдержки из которого опубликованы в [3. P. 290–292].

В кратком изложении эта история состоит в следующем. 30 августа 1720 г. из Парижа было отправлено письмо графу де Морвилю (Morville), французскому послу в Гааге. Морвилю писали, что Ло рассердился из-за того, что эта книга была опубликована под его именем. Отмечалось, что нет никакого смысла пытаться изъять эту книгу, поскольку она уже напечатана и большое количество экземпляров распространено, тем не менее было указано, что г-н Ло хотел бы, чтобы были приняты все меры для изъятия тех экземпляров, которые остаются непроданными. Неизвестный автор письма (возможно, это был аббат Дюбуа, в то время французский министр иностранных дел) указывал, что единственный способ добиться этого – скупить непроданные экземпляры. Пишущий признает, что даже это в свободной стране не помешало бы новому изданию.

Несмотря на это, для доказательства того, что сделано все возможное, чтобы уничтожить тираж, послу было поручено скупить все оставшиеся непроданными экземпляры и попробовать убедить голландских судей сделать все возможное, чтобы предотвратить дальнейшие переиздания.

Четыре дня спустя, 3 сентября 1720 г., Морвиль отвечает, что намерен приобрести все оставшиеся экземпляры книги и сделает все возможное, чтобы предотвратить публикацию новых тиражей. Еще три дня спустя он сообщает, что организовал покупку 430 экземпляров книги через посредничество своего друга-книготорговца. Кроме того, он примет необходимые меры, чтобы другие экземпляры были сняты с продажи у книготорговцев в Амстердаме, Роттердаме и Делфте в течение четырех-пяти дней. Помимо этого, сообщается, что общий тираж книги составлял около 1 500 экземпляров.

Парижское руководство поблагодарило Морвиля в письме от 13 сентября 1720 г. Ему было предложено продолжать свои усилия по блокированию продажи книги Ло и не допускать впредь публикации второго издания. Позже Ло признавал, что он пытался пресечь публикацию и продажу Considérations… В 1722 г. в письме от 16 марта сербскому графу Розембергу (Rosemberg) Ло пишет, что «эта книжица, в которой я указан автором, была напечатана в Голландии. Я пресек ее [распространение]. Она написана довольно плохо, в ней содержатся мои размышления, которые я записал шестнадцать лет назад по просьбе моих друзей, когда был в Шотландии. Есть кое-что хорошее в идее денег, основанных на земле, но с тех пор я много размышлял над этим вопросом и нахожу [в ее осуществлении] большие трудности» [3. P. 290].

Однако, вероятнее всего, дело было не в эволюции теоретических воззрений Ло. Упомянутый выше французский перевод книги Ло, вышедший в Гааге в 1720 г. на пике популярности финансиста, делался со второго издания труда Ло на английском языке [22]. В отличие от первого, анонимного шотландского издания, на этот раз на титульном листе стояло имя автора: «М-р Джон Ло, ныне директор Королевского банка в Париже». В двухстраничном предисловии «Обращение книгопродавца к читателю», которое было включено и во французский перевод, рассказывалось и о том, что Ло добивался помилования от английской короны в связи с убийством противника на дуэли в Лондоне в 1694 г. [21. P. 2]. Понятно, что шотландец не хотел, чтобы широкая публика узнала, что он был осужден за тяжкое преступление, что ему был вынесен смертный приговор и что он бежал из тюрьмы и скрывался от британского правосудия. Книга с таким предисловием никак не годилась в подарок кому-либо, не говоря уж о презентации Петру I.

Вернемся, однако, к истокам легенды о личном знакомстве Ло и Петра. Возможно, невольным источником предания стал автор фундаментального труда «История регентства и несовершеннолетия Людовика XV до министерства кардинала де Флери»» Пьер-Эдуард Лемонте (Pierre-Édouard Lémontey; 1762–1826). Лемонте, описывая, в частности, бегство Ло из Франции и его пребывание в Брюсселе в 1721 г., делает даже не в основном тексте, а в примечании, следующее замечание о встрече Ло с посланником Петра: «Это был Багерель де Плесси. Он происходил из Шамбери, и сам был человек с проектами. Де Пресси в 1735 году рассказывал хранителю печатей Шовлену (Chauvelin), что он имел поручение от Петра Великого привезти Ло в Россию. По условиям поручения, кажется, Ло обещал царю в 1717 году отправиться в другие государства и обогатить их, после того как принесет удачу Франции» [23. P. 342–343]. Следует отметить, что авторитетный историк Лемонте сам сомневается в достоверности события, зафиксированного в ходе беседы двух пожилых людей через 18 лет после того, как это событие произошло.

Однако примечания тоже читают, в том числе и в России. Николай Алексеевич Полевой, журналист, писатель и историк, в 40-х гг. XIX в. затеял многотомную работу «История Петра Великого». Наверняка он знакомился с литературой по данному вопросу, в том числе с вышедшим в 1832 г. трудом Лемонте. В 1843 г. выходит четвертая часть его «Истории…», где он повторяет примечание французского автора, но уже без тени сомнения, в утвердительной форме и в основном тексте [15. С. 42–43].

Аналогично поступил позже и российский автор книги, специально посвященной Джону Ло, Иван Кондратьевич Бабст. Уже не сомневаясь, со ссылкой на уважаемого Лемонте он пишет: «В Брюсселе нагнал его (т.е. Ло. – *А.Б.*) русский посланник, не заставший его уже в Париже, и вручил письмо от Петра Великого, который предлагал ему управление финансами. Петр виделся с Ло и беседовал с ним в бытность свою в Париже в 1717 году» [9. С. 176]. Первое утверждение в приведенной цитате является установленным историческим фактом, второе ничем, кроме одного нетвердого воспоминания, не подтверждено.

Понятно, что в настоящее время многие, основываясь на перечисленных «документальных» источниках и их многочисленных переложениях в Интернете, уже не сомневаются в парижской встрече Ло и Петра I.

Со своей стороны, обобщая вышесказанное, скажем, что до настоящего времени не обнаружено никаких четких документальных свидетельств личного знакомства Ло и Петра I. Однако участие банка Ло в финансовом обслуживании русской дипломатической миссии тоже не вызывает сомнений.

Между тем дело Ло, запущенное им в 1717 г., первоначально привело его к успеху. Генеральный банк, который он основал, был в декабре 1718 г. национализирован и стал Королевским банком (Banque royale). Была также основана Индийская компания, которая получила монопольные права на торговлю сначала с североамериканской Луизианой, а потом и с другими заморскими колониями Франции. Французы же по старой традиции продолжали называть торговую компанию «Миссисипской компанией», а выпущенные ею акции – «миссисипскими акциями». Организованная Ло система маркетинговых мероприятий и активная реклама привели к раскрутке выпущенных им финансовых инструментов. На ажиотажной волне его банк выпускал все больше своих билетов, а его компания –

все больше акций, которые быстро росли в цене непропорционально будущим дивидендам.

Лихорадочная торговля охватила все слои общества как в Париже, так и в других городах, и не только во Франции. Это явление вошло в экономическую историю как «Миссисипский пузырь». В январе 1720 г., на волне краткосрочного успеха, регент назначает Ло генеральным контролером (министром финансов) Франции. Итог ажиотажа известен: цена акций пошла вниз уже в феврале–марте 1720 г. Попытка зафиксировать цены акций на определенной величине была неудачной. Пузырь окончательно лопнул в мае 1720 г., оставив в дураках всех держателей акций (правда, кроме, регента и его приближенных, которые сумели вовремя обменять свои банковские банкноты и миссисипские акции на звонкую монету и / или приобрести недвижимость).

Что касается русских людей в Париже, в том числе и оставленных после отъезда дипломатической делегации для выполнения поручений Петра, то они пострадали от финансового кризиса едва ли не больше, чем остальные французы. Вот как эти обстоятельства описываются в письмах в Петербург денщика Петра А.И. Юрова, следившего в Париже за выполнением царских заказов, кабинет-секретарю царя А.В. Макарову. В письме от 15 июля 1720 г. он сообщает: «Не мог сего оставить, чтоб вам не донесть о здешных делах, что во Франци[и] ныне делаеться, а имянно, что Франция пришла в великую скудость, понеже ни у ково денег нет ничево, а ходят толко билеты банковыя, которых в комерцию нихто не берет, отчего много помирало з голоду. А в банке не платят болше десяти гулденов, а ныне и ничего не дают. Но когда платили оныя по десяти гульденов билеты, тогда множество великое приходило народу, и от тесноты и от жажды великой, чтоб иметь деньги, нахаживали мертвых человек по 30 и по 40 в день в банке… и отчего нынече раптание в народе, хотя господин регент для своего охранения привел в Париж з дватцать с пять тысяч человек (войск. – *А.Б.*), но я опасаюся, чтоб чего не случилося» [24. С. 187].

В письме от 27 ноября 1720 г. Юров докладывает Макарову о приостановке исполнения поручения Петра: «Вексель, которой изволили послать… для переводу ко мне денег на заплату живописцу, но оной банкер, на которого оной вексель написан, учинился банкрутом, не заплатя денег... А живописец мне сказал, что работать не может без денег, ибо он итак разорился от билетов. И я не знаю, что ныне делать, … а нынече на деньги вексель очень низок…Я трудился здесь, чтоб у кого занять хотя тысячи две ливров, но воистинну не мог сыскать ни ста гулденов, понеже всяк требует векселя на какое место» [24. С. 188]. То есть Юров пытался продать составленный в Амстердаме вексель за 2 тыс. ливров, но никто не соглашался купить его даже за сто гульденов, узнавая, что место платежа по нему – разорившийся Королевский банк.

Трудно складывались и личные финансовые дела русских. Посланные в 1717 г. в Париж изучать науки Иван Каргопольский, Тарасий Посников и Иван Горлецкий, получившие стипендию банкнотами Королевского банка, к осени 1720 г. очень остро почувствовали кризис на себе: «Доносим вашему превосходительству, что когда мы были высланы в Париж, и мы жили без жалованья в Париже больше года, а имянно: с октября месяца 4-го числа 1717 году даже до марта месяца 9-го числа 1719 году, и о том просили вашего превосходительства, чтоб позволили доложить царскому величеству, чтоб за оной 1718 год нам выдали жалованье против нашего определения, которое мы получили в 1719-м году, понеже мы приняли [в качестве жалования] на нынешний на 1720-й год деньги бумагами, а ныне тем бумагам ходу нет по их цене, для того, что которые были по сту ливр, ныне те только ходят по двадцати ливр, а которые были по десяти ливр, те только ходят по две ливры и меньше. Тако ж де и другие по пропорции умалились, ради которого случая мы имеем нужду и препону к науке велику» [16. С. 135–136]. Текст этого письма от 28 сентября 1720 г. студенты без всяких изменений послали Макарову еще раз 4, 7 и 14 ноября 1720 г.

В письме от 2 декабря от Юрова Макарову читаем: «Просим, государь, о жалованье, понеже время прошло, а мы истинно разорились от билетов, которыя ходят тысячной по осмидесяти франков, а сотенно[й] по десяти» [24. С. 189]. Таким образом, курс обмена банкнот на монету, составлявший в середине года 5:1, упал к декабрю до 10:1.

В сложную финансовую ситуацию попал и «Арап Петра Великого», во крещении Абрам Петрович Ганнибал. Он прибыл во Францию в составе свиты Петра в 1717 г. и жил там для обучения военному делу вплоть до конца 1722 г. Понятно, что финансовый кризис, связанный с падением банка и компании Ло, ударил и по нему, о чем он писал 5 марта 1722 г. тому же Макарову: «И вотъ разсуди, государь мой, что мы здесь все в долгу не от мотовства, но от бумажных денгах, о чем вы, я чаю, известны через графа Мусина-Пушкина, какое здесъ житие было здешними денгами, и ежели бы здесь не был Платон Иванович, то бы я умер с голоду: он меня по своей милости не оставил, что обедал и уженал при нем по вся дни. Которые жалования получили от вас, нам выдали здесь бумагами, которые ни во что пропали, болшая частъ еще у меня остались, что ни во что нигодятся». И далее, в конце того же письма: «Христа ради, мой Милостивой государь, прикажите прислать жалования на 1722 год, истенно бумажные денги французские умарили с голоду, что поят и кормят в долг» [25. С. 211–212]. Спасителем Абрама от голода в письме назван поручик гвардии граф Платон Иванович Мусин-Пушкин, который прибыл в Париж в июле 1720 г. (т.е. в самый острый период кризиса) с дипломатическими целями. Вероятнее всего, учитывая финансовый коллапс, он благоразумно отказался от вексельных и иных операций с Королевским банком.

Как это ни удивительно, труд Ло был очень быстро переведен на русский язык. Конечно, «благая весть» пришла не от пострадавших «командировочных» в Париже. Один из молодых людей, князь Иван Андреевич Щербатов, находившийся по наказу Петра в 1719–1721 гг. на обучении в Англии, уже в феврале 1720 г.

перевел главный трактат Джона Ло на русский язык. Рукописный перевод, названный «Деньги и купечество, рассуждено с предлогами к присовокуплению в народе денег через господина Ивана Ляуса, ныне управителя королевского банку в Париже» был послан Петру I и сохранился в его библиотеке [20. С. 34].

Вряд ли Щербатов мог найти первое шотландское издание труда Ло 1705 г. Скорее всего, он делал перевод по уже упоминавшемуся лондонскому или даже по французскому изданию книги 1720 г. Ясно, что Иван Андреевич, которому было в ту пору 24 года, наблюдал за французскими событиями со стороны и, очевидно, был сильно впечатлен сообщениями о первоначальных успехах Джона Ло во Франции. В посвящении царю Щербатов пишет: «Господин Ляус, славный министр во Франции, нашел замечательные способы чрез исполнение чего доходы государственные и купечество во Франции пришли в лучшую степень... Чрез установления банку и компании купечества видима есть прибавка во Франции обращения денег и издержки товаров» [16. С. 97].

Вернувшись в Россию в сентябре 1721 г., Щербатов формулирует свои предложения о финансовых преобразованиях в отечестве в докладной записке, в которой предлагает организовать государственный банк для выпуска векселей: «Управителем банку повелеть напечатать обещательных писем на толикое число денег, сколь вашего величества доходу в год збирается» [16. С. 122]. Кроме того, «по напечатании помянутого числа банковых писем дать позволение управителем банку печатать столь много писем, сколь кто денег похочет за оные в заклад в банке положить и повелеть оным банковым письмам во всяких платежах також де за деньги ходить» [16. С. 123]. Отметим, что при переводе Щербатов дает «кальку» с незнакомого ему английского термина promissory note – «обещательное письмо». Как уже отмечалось, ныне в русском языке этот термин означает «простой вексель». Далее по тексту Щербатов переходит к термину «банковые письма» (англ. bank note), имея в виду уже денежные обязательства до востребования, выпущенные банком.

Определенную роль в популяризации фигуры Джона Ло в глазах царя Петра сыграл недавно назначенный полномочный посланник (посол) России во Франции барон Ганс Христофор Шлейниц. В сообщении из Парижа от 8 января 1720 г. Шлейниц извещал царя о том, что Ло находится в зените своего могущества и играет большую роль не только в финансовых, но и в дипломатических делах. Два месяца спустя Шлейниц информировал русское правительство о предпринимаемых регентом Франции мерах по уменьшению дороговизны в стране и поднятию курса находящихся в обращении бумажных денег. В апреле он даже добился личной встречи с Ло, в ходе которой обсуждались вопросы развития взаимной внешней торговли. Переговоры Ло с Шлейницем свидетельствовали о том, что Франция пыталась использовать новую обстановку в Европе и с помощью России найти ближайшие пути к рынкам азиатских стран как на суше, так и морем, через Северный Ледовитый океан. В письме от 17 июня 1720 г. Шлейниц докладывает Петру I, что он беседовал с Регентом и Ло: «Господин Лау особливо сие последнее ставит за дело великой пользы при будущем учреждении коммерции между в. в-вом и Францией, понеже… товары, которые ис Персиды и Китай чрез земли в. в-ва по намеренному будущему учреждению во Францию ходить имеют лехко…» [16. С. 113].

Наряду с этим Шлейниц сообщает и об охвативших столицу беспорядках. Так в мае 1720 г. он пишет, что Париж «в великой опасности от бунта обретается для оскудения в потребных запасах, понеже… никакого вывозу из деревень сюды не бывало» [16. С. 114]. В июльском донесении Шлейниц описывает давку, возникшую при попытке обменять банкноты на монету в Королевском банке, и о том, что погибших при этом понесли с громкими криками к резиденции регента, в Пале-Рояль, где их встретила вооруженная охрана. В декабре того же года Шлейниц сообщает и об «эвакуации» (с разрешения властей) Ло за границу: «Лаус с позволением и паспортом от регента через Женев в Рим поехал, дабы свою особу в совершенную безопасность привесть» [16. С. 117].

Однако происходящие финансовые потрясения и бегство Ло посол описывал в письмах как бы параллельно с торговыми переговорами, не связывая их с внутренней нестабильностью «финансового пузыря», надутого Ло. Не разобравшись в сути происходящего, Шлейниц вольно или невольно создавал у царя ложное впечатление о Ло как о высокопрофессиональном государственном управленце. Отметим, что Петр I, вероятно, был не очень доволен работой посла и не доверял ему. Упомянутому ранее П.И. Мусину-Пушкину было велено действовать секретно от Шлейница. И уже в августе 1720 г. послом во Францию было назначено другое лицо, князь В.Л. Долгоруков [26. С. 4].

Возможно, первые благоприятные сообщения Шлейница и Щербатова повлияли на необычное решение Петра – позвать к себе беглого «ценного специалиста». В январе 1721 г. (т.е. буквально во время бегства Ло из Франции) Петр пишет наказ асессору Берг-коллегии де Пресси о приглашении Джона Ло в Россию. В случае согласия царь обещает Ло княжеский титул, доходы с 2 тыс. дворов, охрану в 100 солдат и, если «господин Ляус» поступит на службу, чин действительного тайного советника. В России Ло предлагалось возглавить работу по развитию торговли с Персией [16. С. 136–138].

К счастью (для России), столь выгодное предложение (оно было передано де Пресси в марте 1721 г. во время его встречи с Ло в Брюсселе) не было принято. Ехать в далекую и холодную Россию из Европы, в которой он мог еще пригодиться, Джон Ло не захотел. Его дальнейшая жизнь прошла гораздо менее заметно. Получив наконец помилование за преступление, совершенное в молодости, он некоторое время жил в Лондоне, ожидая новых предложений, в том числе из Франции, однако интерес к его персоне постепенно угас. И он перебрался в более теплый климат, в Италию, где жил в Венеции, Риме, Генуе и занимался делом, которое он знал лучше всего, – игрой в карты. Смерть застала его в Венеции 21 марта 1729 г.

Итак, в качестве заключения отметим, что жизни двух примечательных исторических личностей, Джона

Ло и Петра I, могли бы дважды пересечься – в 1717 и 1721 гг. Но этого не случилось. До настоящего времени отсутствуют достоверные документальные свидетельства их встречи. Однако миф о их очном знакомстве проник (сначала как предположение, а потом и как утверждение) в серьезную историческую литературу и получил вторую жизнь в литературе научно-популярной, в том числе и в многократно растиражированных публикациях в Интернете.

Вероятнее всего, источником легенды о личном знакомстве Ло и Петра I послужило всего лишь примечание в книге французского историка Лемонте, которое было подхвачено и передано в утвердительной форме русскими авторами Н.М. Полевым и И.К. Бабстом. Некритически воспринятое, оно до настоящего времени бытует в российской популярной литературе и на страницах Интернета.

Вместе с тем нет дыма без огня. Действительно, банк Ло обслуживал финансовые расчеты царя Петра и его сопровождающих во время его визита во Францию в 1717 г. И действительно, Петр получал от своих сподвижников самые свежие данные о теоретических взглядах и (первоначально) удачной практической деятельности министра финансов Джона Ло при французском королевском дворе. Наконец, документально подтвержденным фактом является приглашение Ло со стороны Петра поступить к нему на службу. Это приглашение было сделано в самый неудачный для Ло момент, когда ему пришлось бесславно бежать из Франции после провала его финансовых преобразований. И все-таки отказавшийся от России Джон Ло вошел в канву нашей отечественной истории, почти всегда лишь сносками в трудах историков и примечаниями к собраниям сочинений классиков русской литературы.

Список источников

1. Law J.: Oeuvres completes : trois tomes / publiées pour la première fois par Harsin Paul, professeur à l'Université de Liège. Paris : Recueil Sirey. 1934.
2. Faure E. La Banqueroute de Law: 17 juillet 1720. Paris : Gallimard publ., 1977. 742 p.
3. Murphy A. John Law: Economic Theorist and Policy-Maker. Oxford : Clarendon Press, 1997. 391 p.
4. Gleeson J. Millionaire: the Philanderer, Gambler, and Duelist Who Invented Modern Finance. New York : Simon & Schuster. 2000. 304 p.
5. McCall C. Cash, Credit and Chaos: a Brief History of the Life and Work of John Law (1671–1729), the Father of Credit Systems (Lesser Known Heroes). Matlock : Solcol, 2007. 182 p.
6. Buchan J. John Law: a Scottish Adventurer in the Eighteenth Century. London : MacLehose Press, 2018. 564 p. URL: https://books.google.ru/books?id=qSOxDAAAQBAJ&redir_esc=y
7. Adams G. Letters to John Law. Washington : Newton Page, 2012. 162 p.
8. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб. : Экономикус, 2008. 352 с.
9. Бабст И.К. Джон Ло, или Финансовый кризис Франции в первые годы Регентства. М. : Университетская тип., 1852. 185 с.
10. Горн Э. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1895. 369 с.
11. Аникин А.В. Юность науки : жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. 2-е изд. М. : Политиздат, 1975. 384 с.
12. Аникин А. Бумажный змей Франции // Коммерсантъ. Деньги. 1998. № 37. С. 50–55.
13. Аникин А.В. История финансовых потрясений: российский кризис в сфере мирового опыта. 3-е изд. М. : Олимп- бизнес, 2009. 440 с.
14. Моисеев С.Р. История центральных банков и бумажных денег. М. : Вече, 2015. 536 с.
15. Полевой Н.А. История Петра Великого. СПб. : Тип. К. Жернакова, 1843. Ч. 4. 344 с.
16. Троицкий С.М. «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи. М. : Наука, 1970. С. 90–138. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1720-1740/Sist_John_Law/framepred.htm
17. Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб. : Европейский Дом, 2015. 310 с.
18. Law J. Money and Trade Considered: With a Proposal for Supplying the Nation with Money. Edinburg : The Heirs and Successors of Andrew Anderson publ., 1705. 226 p.
19. Редкие русские монеты XVIII – начала XX вв. : из собрания отдела нумизматики Государственного исторического музея. М. : Внешторгиздат, 1988. 30 с.
20. Библиотека Петра I : указ.-справочник / под ред. Д.С. Лихачева. Л. : Библиотека Акад. наук СССР, 1978. 213 с.
21. Law J. Consideration sur le commerce et sur l'argent : trad. de l'anglais. La Haye : Jean Nealme, 1720. 187 p.
22. Law J. Money and Trade Considered: with a Proposal for Supplying the Nation with Money. London : W. Lewis, 1720. 228 p.
23. Lemontey P.-E. Histoire de la régence et de la minorité de Louis XV. Paris : Paulin, 1832. 488 p.
24. Лаптева Т.А. «По указу вашего величества з живописцем договорился писать баталии». Документы РГАДА об исполнении парижскими мастерами заказа Петра I. 1717–1727 гг. // Исторический архив. 2011. № 1. С. 182–197. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1700-1720/Zakazy_zivopiscam/text.htm
25. Ганнибал А.С. Ганнибалы: новые данные для их биографий // Пушкин и его современники : материалы и исследования. СПб. : Комиссия для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1913. Вып. 17/18. С. 205–248.
26. Отечественная война и русское общество 1812–1912 / ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. М. : Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 1. 232 с.

References

1. Law, J. (1934) *Oeuvres complètes. Publiées pour la première fois par Harsin Paul, professeur à l'Université de Liège*. Paris: Recueil Sirey.
2. Faure, E. (1977) *La Banqueroute de Law: 17 juillet 1720*. Paris: Gallimard.
3. Murphy, A. (1997) *John Law: Economic Theorist and Policy-Maker*. Oxford: Clarendon Press.
4. Gleeson, J. (2000) *Millionaire: The Philanderer, Gambler, and Duelist Who Invented Modern Finance*. New York: Simon & Schuster.
5. McCall, C. (2007) *Cash, Credit and Chaos: A Brief History of the Life and Work of John Law (1671–1729), the Father of Credit Systems (Lesser Known Heroes)*. Matlock, UK: Solcol.
6. Buchan, J. (2018) *John Law: A Scottish Adventurer in the Eighteenth Century*. London: MacLehose Press.
7. Adams, G. (2012) *Letters to John Law*. Washington: Newton Page.
8. Blaug, M. (2008) *100 velikikh ekonomistov do Keynsa* [Great Economists Before Keynes]. Translated from English. St. Petersburg: Ekonomikus.
9. Babst, I.K. (1852) *Dzhon Lo, ili Finansovyy krizis Frantsii v pervye gody Regentstva* [John Law, or the Financial Crisis of France in the Early Years of the Regency]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
10. Horn, E. (1895) *Dzhon Lo. Opyt issledovaniya po istorii finansov* [John Law. Research on the History of Finance]. Translated from English. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

11. Anikin, A.V. (1975) *Yunost' nauki: zhizn' i idei mysliteley-ekonomistov do Marksa* [The Youth of Science: The Life and Ideas of Economic Thinkers before Marx.] Moscow: Politizdat.
12. Anikin, A.V. (1998) Bumazhnyy zmey Frantsii [The paper kite of France]. *Kommersant". Den'gi*. 37. pp. 50–55.
13. Anikin, A.V. (2009) *Istoriya finansovykh potryaseniy: rossiyskiy krizis v sfere mirovogo opyta* [History of Financial Turmoil: The Russian Crisis in the Sphere of Global Experience] Moscow: Olimp-biznes.
14. Moiseev, S.R. (2015) *Istoriya tsentral'nykh bankov i bumazhnykh deneg* [History of Central Banks and Paper Money] Moscow: Veche.
15. Polevoy, N.A. (1843) *Istoriya Petra Velikogo* [History of Peter the Great]. Vol. 4. St. Petersburg: K. Zhernakov.
16. Troitskiy, S.M. (1970) "Sistema" Dzhona Lo i ee russkie posledovateli [John Law's "System" and Its Russian Followers]. In: Braudel, F. (ed.) *Franko-russkie ekonomicheskie svyazi* [Franco-Russian Economic Relations]. Moscow: Nauka. pp. 90–138.
17. Mezin, S.A. (2015) *Petr I vo Frantsii* [Peter the Great in France]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.
18. Law, J. (1705) *Money and Trade Considered: With a Proposal for Supplying the Nation with Money*. Edinburg: The Heirs and Successors of Andrew Anderson.
19. Uzdenokov, V.I. (ed.) (1988) *Redkie russkie monety XVIII – nachala XX vv.: iz sobraniya otdela numizmatiki Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Rare Russian coins of the 18th – early 20th century. From the collection of the numismatics department of the State Historical Museum] Moscow: Vneshtorgizdat.
20. Likhachev, D.S. (1978) *Biblioteka Petra I* [Peter the Great's Library]. Leningrad: USSR AS Librairy.
21. Law, J. (1720) *Consideration sur le commerce et sur l'argent*. La Haye (The Haag): Jean Nealme.
22. Law, J. (1720) *Money and Trade Considered: With a Proposal for Supplying the Nation with Money*. London: W. Lewis.
23. Lemontey, P.-E. (1832) *Histoire de la régence et de la minorité de Louis XV*. Paris: Paulin.
24. Lapteva, T.A. (2011*)* "Po ukazu vashego velichestva z zhivopistsem dogovorilsya pisat' batalii." Dokumenty RGADA ob ispolnenii parizhskimi masterami zakaza Petra I. 1717–1727 gg. ["By your Majesty's decree, I agreed to paint battles with the painter." The RGADA documents on the execution by Parisian craftsmen of the order of Peter I. 1717–1727]. *Istoricheskiy arkhiv*. 1. pp.182–197.
25. Gannibal, A.S. (1913) Gannibaly: novye dannye dlya ikh biografiy [The Hannibals: New data for their biographies]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research]. Vol. 17/18. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 205–248.
26. Dzhivelegov, A.K., Melgunov, S.P. & Pichet, V.I. (eds) (1911) *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo 1812–1912* [The Patriotic War and Russian society 1812–1912]. Vol. 1. Moscow: I.D. Sytin.

***Сведения об авторе*:**
Балабин Алексей Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН; доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: balabin-a-a@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Balabin Alexey A. – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of Management at Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: balabin-a-a@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.03.2021; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 31.03.2021; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 929
doi: 10.17223/19988613/92/2

Томский период жизни В.В. Куйбышева. К 90-летию присвоения Томскому государственному университета его имени

Илья Александрович Дунбинский[1], Анна Ивановна Муценик[2], Петр Петрович Румянцев[3]

[1, 2, 3] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] dunbinskiy@mail.ru
[2] annamutsenik@gmail.ru
[3] petroom@mail.ru

Аннотация. На основе ранее неопубликованных материалов из Государственного архива Томской области, Музея истории ТГУ и периодической печати рассматриваются малоизученные сведения о томском периоде жизни В.В. Куйбышева. Исследуются ключевые этапы его учебы в Императорском Томском университете, а также его общественно-политическая деятельность в Томске. Затрагиваются вопросы истории памяти о В.В. Куйбышеве в Томском университете.
Ключевые слова: студенчество, общественно-политическая деятельность, В.В. Куйбышев, история памяти, Томский государственный университет, Томск

Благодарности: Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Дунбинский И.А., Муценик А.И., Румянцев П.П. Томский период жизни В.В. Куйбышева. К 90-летию присвоения Томскому государственному университета его имени // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 15–22. doi: 10.17223/19988613/92/2

Original article

The Tomsk period of V.V. Kuibyshev's life. On the 90th anniversary of the assignment of Tomsk State University to his name

Ilya A. Dunbinskiy[1], Anna I. Mutsenik[2], Petr P. Rumyantsev[3]

[1, 2, 3] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] dunbinskiy@mail.ru
[2] annamutsenik@gmail.ru
[3] petroom@mail.ru

Abstract. In 2024, the 90th anniversary of the attribution of the name of V.V. Kuibyshev to Tomsk State University took place, however, despite this, there is still no comprehensive study devoted to the Tomsk period of V.V. Kuibyshev's life. In Soviet times, V.V. Kuibyshev, as a hero of the revolution, was a popular subject of research works by Tomsk authors, however, the biography of the revolutionary was mainly presented fragmentarily, covering only certain stages of his life. On the other hand, after the collapse of the Soviet Union, publications and research dedicated to V.V. Kuibyshev were completely stopped. In this regard, the purpose of this work is to reconstruct the Tomsk period of V.V. Kuibyshev's life, since he subsequently became an important symbol in the structure of the university for more than half a century. A number of special historical methods were used as a methodological basis for the study, such as biographical, historical-genetic, historical periodization method, as well as historical-chronological. In the current study, the source base can be divided into three large groups: office materials, personal sources, and periodicals. The information collected from current sources allows us to reconstruct the existing biography of V.V. Kuibyshev, significantly supplementing it with new, as yet unpublished information. As a result of the study, it should be noted that V.V. Kuibyshev was more connected with Siberia and Tomsk as a revolutionary than as a student. Therefore, during Perestroika, his role at the university was questioned and leveled. Weak connections with the educational institution explain the lack of a full-fledged biography and research articles about him. Nevertheless, when TSU was named after V.V. Kuibyshev, he took part in its life and felt a paternal responsibility. Perpetuating the memory of V.V. Kuibyshev is a good example of commemorative practices that contribute to the perpetuation of the history of the USSR and the formation of the identity of society, strengthening the ideals laid down in the foundation of the Soviet state. However, being a complex and ambiguous personality, he was almost completely “forgotten” during the perestroika period. At present, in our opinion, Soviet history and the leaders of the Soviet past require a certain rethinking, since they are part of our common history.

© И.А. Дунбинский, А.И. Муценик, П.П. Румянцев, 2024

Keywords: student life, socio-political activity, V.V. Kuibyshev, memory studies, Tomsk State University, Tomsk

Acknowledgements: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2024-0008.

For citation: Dunbinskiy, I.A., Mutsenik, A.I., Rumyantsev, P.P. (2024) The Tomsk period of V.V. Kuibyshev's life. On the 90th anniversary of the assignment of Tomsk State University to his name. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 15–22. doi: 10.17223/19988613/92/2

Актуальность

2024 год ознаменовался 90-летием присвоения Томскому государственному университету имени В.В. Куйбышева, однако до сих пор отсутствует комплексное исследование, повещенное томскому периоду его жизни. В советское время биография В.В. Куйбышева как героя революции была популярным предметом научно-исследовательских работ томских авторов. Вместе с тем необходимо отметить, что биография революционера в основном была представлена фрагментарно и освещала только определенные этапы его жизни. Так, в ряде монографий, посвященных истории Томского университета, присутствуют лишь упоминания о В.В. Куйбышеве, так как основной фокус исследований был направлен на историю высшего учебного заведения [1, 2]. М.П. Евсеев в ряде публикаций 1970-х гг. уделяет внимание деятельности В.В. Куйбышева как экономиста, но в рамках всего Советского Союза [3. С. 3]. В.С. Синяев и А.К. Говоркова, директора музея В.В. Куйбышева в 1950–1980-х гг., посвящали свои исследовательские работы жизни революционера за пределами Томска, а также поиску и описанию экспонатов этого музея, но не исследовали деятельность В.В. Куйбышева в Томске [4. С. 2]. После распада Советского Союза в 1990-х гг. отношение к герою ушедшего государства стало по идеологическим мотивам сугубо негативным, поэтому какие-либо научно-исследовательские работы, посвященные В.В. Куйбышеву, прекратились. Лишь начиная с 2010-х гг. происходит постепенное возвращение к изучению биографии В.В. Куйбышева. Так, в 2013 г. впервые за много лет вышел трехминутный видеоролик И. Старовойтова «Забытое прошлое ТГУ: что стало с памятником В. Куйбышеву», затрагивающий проблему роли В.В. Куйбышева для университета [5].

В этой связи можно сделать вывод, что на данный момент не существует обстоятельных и комплексных биографий, описывающих жизнь В.В. Куйбышева в Томске. Таким образом, данная работа направлена на реконструкцию подробной биографии В.В. Куйбышева в годы проживания в Томске и обучения в Императорском Томском университете, поскольку указанная личность впоследствии являлась важным символом в структуре университета на протяжении более полувека.

Методология и источники исследования

В качестве методологической базы исследования использованы как общенаучные, так и специально-исторические методы познания. Биографический метод позволил реконструировать личность В.В. Куйбышева на основании сохранившихся воспоминаний и писем как источников личного происхождения. Историко-генетический метод позволил рассмотреть исследовательскую тему как единый неразрывный процесс, где события развиваются постепенно и один факт вытекает из другого. Метод исторической периодизации был использован для выделения значимых этапов в жизни В.В. Куйбышева; также был использован историко-хронологический метод, который позволил выстроить имеющие факты в единую историческую линию.

Базу источников в текущем исследовании можно разделить на три большие группы: делопроизводственные материалы, источники личного происхождения, а также материалы периодической печати. Собранная информация позволяет реконструировать имеющуюся биографию В.В. Куйбышева, существенно дополнив ее новыми, еще неопубликованными сведениями.

Делопроизводственная документация, хранящаяся в Государственном архиве Томской области, детализирует общие сведения, относящиеся к жизни революционера в Томске. Так, «Опись особо ценных документов на имя Валериана Владимировича Куйбышева» и «Список студентов и вольнослушателей университета за 1909–1910 гг.» позволяют реконструировать подробности обучения В.В. Куйбышева в Императорском Томском университете. «Личное дело студента Механического отделения В.В. Куйбышева 1910 г.» развенчивает миф об обучении революционера в Томском технологическом институте и раскрывает детали одного из его арестов. Телеграмма В.В. Куйбышева 1934 г., направленная руководству Томского государственного университета, отражает его отношение к Томскому университету спустя 24 года после отчисления.

К источникам личного происхождения следует отнести книгу «Валериан Владимирович Куйбышев (1888–1935). Материалы к биографии. Период подполья», которая хранится в неоцифрованном виде в Музее истории ТГУ. Из нее были взяты воспоминания товарищей В.В. Куйбышева, его личные письма и стихотворения собственного сочинения, которые способствуют реконструкции биографии революционера, наполняя ее важными деталями о личных качествах В.В. Куйбышева, а также географии его перемещений. Другим источником личного происхождения стали воспоминания В.В. Куйбышева, опубликованные в книге «Эпизоды из моей жизни», в которой он последовательно осветил разные периоды своей биографии, в том числе и пребывание в Томске.

Кроме того, была использована периодическая печать Томского государственного университета. Так, в газете «За качество кадров» (1933–1935) В.В. Куйбышеву было посвящено 6 номеров из 43, в которых в основном освещался процесс присвоения университету имени революционера, а также мероприятия, посвященные его памяти после смерти. В газете «За Совет-

скую науку» (1947–1991) о В.В. Куйбышеве зачастую писали в связи с юбилейными датами его рождения или смерти, а также освещая посвященные ему коммеморативные мероприятия в стенах университета. Данная информация была найдена в 162 выпусках из 1 841. В газете Alma mater, которая выходит с 1991 г. по настоящее время, В.В. Куйбышев упоминается лишь в 21 выпуске из 789 номеров. Таким образом, на протяжении XX – начала XXI в. В.В. Куйбышев присутствует на страницах периодической печати, однако зачастую сведения о нем носили обрывочный справочный характер.

Становление В.В. Куйбышева в качестве революционера

Валериан Владимирович Куйбышев родился 25 мая (6 июня) 1888 г. в Омске. Он происходил из многодетной семьи военного – личного дворянина Владимира Яковлевича Куйбышева – и учительницы Юлии Николаевны Куйбышевой (в девичестве Гладышевой). Спустя восемь месяцев после рождения Валериана вся семья переехала в Кокчетав (ныне Кокшетау, Республика Казахстан) на новое место службы отца. В 1896–1898 гг. Валериан учился в станичной начальной школе, где работала его мать. В 1898 г. он вернулся в Омск для обучения в Сибирском кадетском корпусе.

В 1903 г., еще будучи воспитанником 6-го класса Сибирского кадетского корпуса, В.В. Куйбышев вступил в нелегальный социал-демократический кружок. Большую роль в привлечении Куйбышева в ряды социал-демократов сыграла его старшая сестра, которая вместе с соученицами из женской гимназии Е.Я. и Р.Я. Ревзон, В. Ледовской организовала коммуну для совместного проживания и материальной независимости. В конце лета 1904 г. В.В. Куйбышев в возрасте 16 лет официально вступил в РСДРП(б). Отметим, что, несмотря на происхождение, шестеро из восьми детей в семье Куйбышевых разделяли идеи социализма [6. С. 3–8].

В 1905 г., окончив обучение в кадетском корпусе, В.В. Куйбышев поступил на курсы Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, в это же время он участвовал в студенческих волнениях в рамках первой русской революции [2. С. 85]. Однако в столице В.В. Куйбышев пробыл недолго. В 1906 г. его исключили из Военно-медицинской академии, поскольку он так и не приступил к занятиям, предпочитая партийную деятельность. В том же году, скрываясь от ареста, Куйбышев ненадолго перебрался в г. Кузнецк (ныне Новокузнецк) к родителям, после чего переехал в Омск для работы в местной большевистской организации. Там же в 1906–1907 гг. он пережил свой первый арест, а после, игнорируя постановление генерал-губернатора о высылке в г. Каинск (ныне Куйбышев), нелегально отправился в г. Томск [6. С. 11–20].

В апреле 1907 г., впервые прибыв в Томск, В.В. Куйбышев, уже имея достаточно большой опыт революционной деятельности, стремился к распространению пропаганды социал-демократического движения среди населения. Так, сразу после приезда он наладил контакт с местной большевистской организацией, чуть позже стал членом пропагандистской группы Томского комитета РСДРП(б). С самого начала жизни в Томске В.В. Куйбышев уже поддерживал связь с некоторыми студентами Императорского Томского университета и Томского технологического института [2. С. 85].

С точки зрения распространения революционных идей выбор места был крайне логичным: Томск являлся одним из самых периферийных университетских городов империи со значительным количеством студентов; как известно, именно студенчество считалось целевой аудиторией агитаторов наравне с рабочими. В советской историографии указывается, что В.В. Куйбышев переехал в Томск исключительно из «жажды» знаний, однако, на наш взгляд, при переезде он во многом руководствовался идеями распространения социализма среди студентов. Косвенно это подтверждается тем, что сразу после появления в городе он в первую очередь установил контакты именно с городскими большевистскими организациями. Также сам Куйбышев в письме 1908 г. писал А.З. Судаковой: «Сначала я уехал в г. Томск, где начал работать» [7. С. 51].

Однако деятельность В.В. Куйбышева в Томске не осталась незамеченной для правоохранительных органов. Практически сразу после его приезда со стороны Департамента полиции поступило предписание начальнику Томского губернского жандармского управления о розыске приехавшего в город «молодого человека неопределенной профессии» В.В. Куйбышева, замешанного в революционной деятельности. Поэтому несколько раз на короткие сроки ему приходилось покидать Томск и снова возвращаться.

В первой половине 1907 г. томская партийная организация отправила В.В. Куйбышева в качестве уже профессионального революционера на железнодорожную станцию Тайга, где находилось большое количество рабочих; он стал организатором забастовки рабочих-железнодорожников. В этой связи полиция начала преследовать революционера, поэтому он сразу перебрался в Петропавловск, а затем в Каинск [7. С. 52–53].

Осенью 1907 г. В.В. Куйбышев ненадолго вернулся в Томск, где по неизвестным причинам, находясь в имперском розыске, поступил в Томский технологический институт, но к занятиям так и не приступил. Полиция преследовала его, а дирекция института, получив с опозданием сведения о его деятельности, отчислила его за политическую неблагонадежность, после чего революционер бежал в Санкт-Петербург [6. С. 22–25].

Обучение В.В. Куйбышева в Императорском Томском университете

С августа 1908 г. В.В. Куйбышев находился в заключении в Томской тюрьме после своего уже второго ареста. Освободившись в октябре того же года, он был сослан в Каинск, где пробыл шесть месяцев [6. С. 27]. Далее последовали третий арест и очередное возвращение в Томскую тюрьму. 16 мая 1909 г. Куйбышев был допрошен в Томском губернском жандармском управлении по делу о получении посылки из Киева с нелегальной литературой от Е.Я. Ревзон, подруги сестры революционера по женской омской гимназии,

и помещен в одиночную камеру. Там В.В. Куйбышев занимался стихосложением; именно в томской одиночке были написаны такие стихотворения, как «Эту ночь я без сна провожу», «Замолчи, мое сердце», «Лунная ночь», и в том числе одно из его известнейших стихотворений «К матери» [7. С. 69]. Данный факт способен раскрыть В.В. Куйбышева с другой стороны, показав его не только как глубоко убежденного социалиста, но и как идейного поэта.

Важно отметить, что, по словам самого В.В. Куйбышева, режим тюрьмы был сравнительно хорошим. Летом заключенным удавалось переговариваться с соседями через открытые окна, а зимой коммуникация происходила путем перестукивания через стену. Раз в неделю в 12 часов дня было время свиданий, во время которых революционера регулярно навещала одна из его сестер [8. С. 34].

31 мая 1909 г. прямо из Томской тюрьмы В.В. Куйбышев написал прошение ректору университета о зачислении его на первый курс юридического факультета [9. Л. 1]. Через одного из своих товарищей ему удалось получить свидетельство о политической благонадежности. В августе 1909 г., после внесения платы за обучение, революционер был зачислен в Императорский Томский университет [9. Л. 5, 9]. Сразу после освобождения, которое произошло в середине сентября 1909 г., В.В. Куйбышев начал посещать лекции [1. С. 109]. В первом полугодии I курса он изучал следующие предметы: энциклопедия права, политическая экономика, статистика, дискуссия права и история римского права [10. Л. 54; 11. Л. 15].

Одновременно с учебной деятельностью В.В. Куйбышев стремился оживить работу студенческих революционных организаций в университете и даже возглавить их [12. С. 1]. Так, для легализации социал-демократического движения он использовал студенческие землячества – разрешенные объединения, направленные на помощь обучающимся в университете студентам. Всего на тот момент времени в университете было около 30 землячеств. Благодаря Куйбышеву вечера и сходки, проводившиеся под эгидой землячеств, стали приобретать политический оттенок [2. С. 85].

В январе 1910 г., после первой сданной Куйбышевым сессии, мать революционера написала прошение в Санкт-Петербург о назначении ей пособия на оплату обучения сына в Императорском Томском университете [13. С. 1]. В ответ на запрос в феврале того же года ректор университета сообщил в столицу, что студент В.В. Куйбышев успешно сдал все зачеты за предшествующее полугодие, следовательно, нет оснований, чтобы отказать в предоставлении пособия [9. Л. 6]. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на работу в революционной организации, В.В. Куйбышев уделял внимание и своему образованию, успешно завершив I полугодие.

Отметим, что в 1909/1910 учебном году В.В. Куйбышев числился сразу в двух высших учебных заведениях. История зачисления в Томский технологический институт является весьма загадочной: в личном деле института В.В. Куйбышев значится как студент механического отделения, который был арестован в 4 утра 15 февраля 1910 г. в компании двух других студентов: А.М. Горбунова и А.А. Коржавина. Там же местными жандармами была определена политическая принадлежность всех троих – социалисты-революционеры. Однако путем внутреннего расследования в институте было выявлено отсутствие документов, на основании которых В.В. Куйбышев был формально зачислен [14. Л. 1–3]. Документы Куйбышева хранились в Императорском Томском университете [11. Л. 15]. Данная ошибка могла быть совершена в связи с тем, что обыск и последующий арест Куйбышева были произведены в квартире, расположенной в доме 5 по улице Преображенской (ныне ул. Дзержинского), принадлежавшей студенту Томского технологического института М.Ф. Наумову, в которой В.В. Куйбышев значился квартирантом [7. С. 71]. Важно отметить, что хозяин квартиры арестован не был.

В ходе допроса было также опровергнуто и ошибочное определение его партийной принадлежности. Так, в протоколе он собственной рукой написал: «Виновным себя в принадлежности к Томской организации социалистов-революционеров я не признаю и никогда к таковым не принадлежал. После моего ареста и суда в Омске я ни в какой организации не состоял и никакую деятельность не проявлял. По своим взглядам скорей мог бы разделить некоторые принципы социалов-демократов, но ни в коем случае не социалистов-революционеров» [7. С. 73–74]. Любопытно, что после многочисленных арестов и найденных у него запрещенных книг В.В. Куйбышев счел долгом точнее обозначить свои взгляды, что характеризует его как идейного революционера. Характерно, что все арестованные вместе с ним, преимущественно эсеры, были вскоре освобождены, в отличие от самого Куйбышева, для которого это был уже четвертый арест [15. С. 1].

С 15 февраля по 5 апреля 1910 г. продолжались дознания и допросы по делу В.В. Куйбышева, вторично привлеченного за получение незаконной литературы из Киева от Е.Я. Ревзон. Еще до решения суда, 17 июня 1910 г., на основании решения особого совещания Императорского Томского университета В.В. Куйбышев был исключен из числа студентов в связи с привлечением к уголовной ответственности за революционную деятельность [13. С. 1].

В процессе расследования дела Куйбышева вскрылось весьма странное обстоятельство. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев обратился к ректору университета с вопросом: на основании каких документов Куйбышев был принят в число студентов после того, как ранее он был обвинен судом в совершении преступления политического характера и 1,5 года провел в крепости в заключении? Также попечитель потребовал предоставить ему копию свидетельства о политической благонадежности Куйбышева [16. Л. 19]. Таким образом, можно сделать вывод, что, по мнению попечителя учебного округа, у Куйбышева не было оснований для поступления в вуз. Видимо, это дело «спустили на тормозах» по той причине, что в процессе разбирательства могли пострадать достаточно высокопоставленные чиновники, в первую очередь томский губернатор и начальник местного

жандармского управления, от которых и зависела выдача тому или иному лицу свидетельства о политической благонадежности.

По воспоминаниям пермского большевика П.М. Обросова, «В.В. Куйбышев резко стоял на позиции, что суд нужно использовать как трибуну для агитации, и только благодаря большому напору со стороны товарищей и передаче через защитника удалось убедить его, что в данном случае аудитория далеко не столь обширна, чтобы можно было использовать трибуну суда, а может быть, и сама обстановка дела такова, что есть все элементы к тому, чтобы вырваться из этой обстановки более или менее благополучно» [7. С. 78]. Как известно, В.В. Куйбышев прислушался к товарищам, поскольку Е.Я. Ревзон, также обвиненная по данному делу, отмечала: «На суде Валериан Владимирович проявил необыкновенную выдержку и достоинство настоящего революционера» [7. С. 78].

17 июля 1910 г. состоялось шестичасовое судебное заседание Томского окружного суда по делу В.В. Куйбышева и Е.Я. Ревзон. Слушание происходило при закрытых дверях, в зале заседания по ходатайству подсудимого присутствовала его мать. Приговором суда В.В. Куйбышев был признан невиновным и оправданным. 22 июля 1910 г. он был освобожден из-под стражи и передан Томскому уездному исправнику для переселения его в Нарымский край, так как еще 15 апреля 1910 г. начальник Томского губернского жандармского управления полковник С.А. Романов при поддержке томского губернатора Н.Л. Гондатти добился от министра внутренних дел решения о высылке В.В. Куйбышева в Нарымский край на два года в случае оправдательного приговора [7. С. 72]. До своего отправления в ссылку Куйбышев проживал под гласным полицейским надзором в Томске, по адресу: пер. Дроздовский, д. 7/29 (ныне пер. Спортивный). 31 июля 1910 г. революционер подал прошение о выдаче кормового и квартирного довольствия ввиду неимения средств к существованию и в тот же день был отправлен в Нарым, где пробыл два года [7. С. 78–79].

В Нарыме, расположенном на севере Томской губернии, 1 мая 1911 г. вместе с В.Н. Яковлевой, Я.М. Свердловым, В.М. Косаревым и другими В.В. Куйбышев организовал и провел «маевку» (мероприятие, приуроченное к 1 мая, дню международной солидарности трудящихся. – *авт.*). Поскольку в Нарыме в то время находились главным образом политические ссыльные, то, по мнению революционера, «маевка» не должна была представлять никакой опасности для царского правительства. В воспоминаниях он писал: «Кончая нарымскую ссылку, я не знал, что за мной есть дело». В первой половине 1912 г., по окончании ссылки, В.В. Куйбышев вернулся в Омск, где, не скрываясь, поселился у своей бабушки [8. С. 39–43]. Однако 17 июня 1912 г. он был вновь арестован из-за «нарымской маевки» 1911 г., а спустя два дня после ареста был переведен в Томскую тюрьму. Условия заключения там значительно ухудшились, это отмечал революционер В.М. Косарев, арестованный вместе с В.В. Куйбышевым по тому же делу: «Самодержавие делало все, чтобы ухудшить наше положение. Чтобы противодействовать вредному влиянию тюрьмы товарищ Куйбышев занимался ежедневно гимнастикой и заставлял то же самое делать и нас» [7. С. 98].

В октябре 1912 г. В.В. Куйбышев был освобожден под залог из-под ареста до суда. Будучи на воле в Томске, он занимался частным преподаванием, а также помогал своим товарищам, которые оставались в тюрьме. По воспоминаниям А.А. Ивановой, представительницы финского рабочего движения и жены большевика А.Ф. Иванова, В.В. Куйбышев неоднократно переводил ей из своего небольшого заработка 5–8 руб. В связи с тем, что женщина была арестована беременной, а впоследствии родила в тюрьме дочь, Куйбышев неоднократно организовывал ей передачи через своих знакомых. Кроме того, находясь в Томской подпольной организации, он смог добиться освобождения А.А. Ивановой под залог, лично встретив ее и снабдив теплой одеждой ребенка.

27 марта 1913 г. по делу о первомайской демонстрации состоялся суд, приговором которого В.В. Куйбышев и 18 других политических ссыльных из Нарымского края были признаны невиновными. Однако на протяжении трех лет по данному делу подавались апелляционные протесты. Лишь 2 августа 1916 г. был получен окончательный оправдательный приговор, и в Томск революционер более не возвращался [7. С. 99–100].

В 1913–1914 гг. В.В. Куйбышев вел революционную работу в Тамбове, Санкт-Петербурге (Петрограде), Вологде и Харькове [7. С. 173]. В июле 1915 г. он был выслан в Иркутскую ссылку, из которой бежал в конце того же года [8. С. 86]. Направляясь в Петроград, он остановился в Самаре. Однако старый партийный товарищ А.С. Бубнов, впоследствии народный комиссар просвещения РСФСР и один из организаторов ликбеза, убедил В.В. Куйбышева остаться в Самаре. Там В.В. Куйбышев устроился на трубочный завод фрезеровщиком по металлу, что, по воспоминаниям самого революционера, дало ему возможность «соприкасаться с заводской рабочей массой», на тот момент уже революционно настроенной [8. С. 44].

Осенью 1916 г. В.В. Куйбышев был арестован в пятый раз и помещен в Самарскую тюрьму с другими представителями революционного движения Поволжья. В начале 1917 г. вместе с А.С. Бубновым и В.Н. Андронниковым В.В. Куйбышев был направлен в Туруханскую ссылку, тогда как других арестованных революционеров Поволжья сослали в Иркутск. По дороге (в районе Красноярска) пришли известия о Февральской революции и создании Временного правительства, которое объявило всем политическим ссыльным амнистию. В связи с этим 16 марта 1917 г. Куйбышев с товарищами вернулись в Самару. Далее именно в Самаре революционер принимал непосредственное участие в Гражданской войне [8. С. 48–54]. В 1919 г. он был членом реввоенсовета в Астрахани, а в 1920 г. – в Туркестане [8. С. 72–75].

После Гражданской войны В.В. Куйбышев работал на руководящих должностях на профсоюзной и хозяйственной работе. В декабре 1920 г. был избран членом Президиума ВЦСПС, руководя экономическим отде-

лом. Весной 1922 г. на XI съезде партии был избран членом ЦК ВКП(б). В ноябре 1930 г. назначен председателем Госплана и заместителем председателя СНК СССР и СТО. В январе 1934 г. на XVII съезде партии избран членом ЦК ВКП(б) и членом Политбюро [8. С. 87].

Процесс увековечивания памяти В.В. Куйбышева

В 1930-х гг. в советском правительстве возникает идея запечатлевать в памяти народа личностей, которые занимались построением нового социалистического государства, такая тенденция распространилась и на Томский государственный университет. Во многом этот процесс объясняется тем, что советской культуре были необходимы собственные герои, не связанные с имперским прошлым. Поскольку часть биографии В.В. Куйбышева была неразрывно связана с Томском и Томским университетом в частности, то данной привязки было достаточно для начала выстраивания политики памяти. И в 1934 г. Томскому государственному университету официально было присвоено имя В.В. Куйбышева [17. С. 1].

Отметим, что процесс героизации был запущен еще при жизни В.В. Куйбышева. Так, в связи с данным событием он прислал телеграмму из Москвы на имя ректора, адресованную томскому студенчеству: «Польщен честью названия университета моим именем, желаю, чтобы все студенчество было проникнуто такой же революционной энергией, какой были проникнуты в свое время томские большевики. Желаю, чтобы все студенчество проявило такой же революционный энтузиазм и самостоятельность, какие проявляет вся партия в борьбе за дальнейшие успехи социализма. Желаю, чтобы все студенчество томского университета в грядущей борьбе за окончательную победу социализма было в передовых рядах. Куйбышев» [18].

Текст телеграммы неоднократно публиковался в газетах «За Советскую науку» и Alma Mater, в номерах, посвященных памяти В.В. Куйбышева. Как правило, такие публикации были посвящены очередным годовщинам его рождения и смерти [19. С. 1; 20]. Сам текст телеграммы сначала был размещен у входа в актовый зал главного корпуса ТГУ [21. С. 2], а с 1969 г. перенесен к входу в читальный зал Научной библиотеки университета [22. С. 2].

В январе 1935 г. по личному ходатайству В.В. Куйбышева студентам Томского государственного университета было выделено новое пятиэтажное общежитие на ул. Никитина, д. 4 [23. С. 4]. Общежитие являлось первым пятиэтажным зданием в Томске и до сих пор входит в состав жилищного комплекса университета (общежитие № 1). Вскоре после этого, 25 января 1935 г., В.В. Куйбышев скончался [24. С. 1].

В память о революционере в том же 1935 г. Народный комиссариат просвещения во главе с А.С. Бубновым, старым партийным товарищем В.В. Куйбышева из Самары, учреждает в Томском государственном университете персональные стипендии имени В.В. Куйбышева. Они предназначались лучшим студентам-ударникам, тем, кто учился на оценки «хорошо» и «отлично», а также принимал активное участие в общественной деятельности университета. Первоначальный размер стипендии составлял 225 руб. в месяц на человека. В первый год существования стипендия была присвоена студентам третьего курса А.И. Копаневу (физико-математический факультет) и Д.С. Лещуку (геолого-почвенно-географический факультет) [25. С. 1]. Позднее количество стипендиатов снизилось до одного студента в год, а принадлежность к факультету осталась непринципиальной. Просуществовала именная стипендия В.В. Куйбышева в Томском государственном университете вплоть до 1993 г. [26. С. 1].

Томским государственным университетом неоднократно проводились коммеморативные практики для увековечивания памяти о революционере в местном обществе. В 1952 г. на корпуса университетского комплекса были установлены мемориальные доски, гласящие: «Здесь учился выдающийся деятель большевистской партии Валериан Владимирович Куйбышев 1909–1910 гг.», а над текстом был изображен бюст В.В. Куйбышева в профиль [27. С. 1]. В 1953 г. открылась комната-музей В.В. Куйбышева [28], а в 1977 г. перед главным корпусом университета был торжественно открыт памятник революционеру [29. С. 1]. Кроме того, в стенах университета неоднократно проводились научные экономические конференции, посвященные профессиональной деятельности В.В. Куйбышева [30. С. 2].

Однако в годы перестройки вместе с политикой гласности мнение о В.В. Куйбышеве изменилось в негативную сторону. Всего за несколько лет из героя он превратился в антигероя. В местной периодической печати неоднократно поднимался вопрос о том, что образ В.В. Куйбышева был навязан советским правительством, а также указывалось, что он был слабо связан с Томском в отличие от большого количества ученых, которые лучше подходили в качестве покровителя университета [31. С. 3]. Это привело к тому, что в 1990 г. был расформирован музей, посвященный В.В. Куйбышеву, в 1991 г. Томский университет отказался от его имени в своем названии, а в 1994 г. был снесен его памятник. Так с 1990-х гг. начинается своеобразный период его «забвения». Лишь с 2020 г. имя В.В. Куйбышева стало постепенно возвращаться в историю университета вместе с тем, что его памятник был восстановлен в университетском комплексе.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует отметить, что В.В. Куйбышев был достаточно тесно связан с Сибирью и Томском, скорее, как член революционной партии большевиков, оставив след в истории города именно как революционер. С другой стороны, с Томским государственным университетом его связывает лишь один семестр обучения. В этой связи становится неудивительным, что в период перестройки его роль в университете была не только подвергнута сомнению, но и впоследствии полностью нивелирована.

Отметим, что слабая связь с университетом осознавалась еще в советский период, что и стало причиной отсутствия полноценной биографии и тем более ис-

следовательских статей на этот счет. Более того, личность идейного революционера не всегда соответствовала понятию «хорошего студента», что создавало определенные проблемы при его героизации. Тем не менее нельзя полностью отрицать взаимодействие революционера с университетом, так как после присвоения Томскому государственному университету имени В.В. Куйбышева он начал активно участвовать в его жизни в меру своих сил и возможностей. Так, в заявлениях В.В. Куйбышева прослеживается отеческая ответственность, которая прекратилась лишь с его смертью.

Сохранившиеся документы личного происхождения также свидетельствуют, что личность В.В. Куйбышева была позитивной. Идейная приверженность революционным принципам сочеталась в нем с человечностью и отзывчивостью, что подчеркивается его близким отношением с семьей и неоднократной помощью партийным товарищам.

Таким образом, личность В.В. Куйбышева является хорошим примером именно коммеморативных практик, направленных на региональное увековечивание истории СССР. Благодаря политике памяти В.В. Куйбышев стал важным связующим звеном между университетом и историей страны. Однако по идеологическим причинам в период перестройки был практически полностью «забыт». В настоящее время, на наш взгляд, советская история и лидеры советского прошлого требуют определенного переосмысления, так как являются частью нашей общей истории.

Список источников

1. Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева : очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. 490 с.
2. Синяев В.С., Кирсанова Е.С., Плотникова М.Е. и др. Томский университет, 1880–1980 : [очерк истории и деятельности]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 490 с.
3. Покрасс О. Что сделано за день? // За советскую науку. 1972. 11 мая.
4. Синяев В.С., Говоркова А.К. Имени В.В. Куйбышева // За советскую науку. 1978. 1 июня.
5. Старовойтов И. Забытое прошлое ТГУ: что стало с памятником В. Куйбышеву. Томск, 2013. URL: https://youtu.be/hwP1DfS6le0?si=kJ-Gg7bWBvxZdieB (дата обращения: 08.09.2024).
6. Куйбышева Г.В., Лежава О.А., Нелидов Н.В., Хавин А.Ф. Валериан Владимирович Куйбышев. Биография. М. : Политиздат, 1966. 359 с.
7. Валериан Владимирович Куйбышев (1888–1935). Материалы к биографии. Период подполья. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 177 с.
8. Куйбышев В.В. Эпизоды из моей жизни. М. : Старый большевик, 1935. 88 с.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 502. Оп. 1. Д. 703.
10. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 462.
11. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 461.
12. Пегель В.А. Университет и его специальности // За советскую науку. 1952. 20 июня.
13. Шушаков Н. В.В. Куйбышев в Томском университете (1909–1910 гг.) // За советскую науку. 1951. 12 июня.
14. ГАТО. Ф. 194. Оп. 5. Д. 1238а.
15. Синяев В.С. Четвертый арест // За советскую науку. 1963. 3 июня.
16. ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 16.
17. Новый прием готов начать учебу 1-го сентября // За качество кадров. 1934. 1 сент.
18. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1955.
19. Телеграмма В.В. Куйбышева ректору университета и студенчеству // За советскую науку. 1950. 28 янв.
20. Следующий юбилей // Alma Mater. 2003. 7 марта.
21. Баркова Н. Он к нам придет // За советскую науку. 1968. 5 дек.
22. Имени В.В. Куйбышева // За советскую науку. 1969. 13 февр.
23. Кривошеина М. Рожденный в борьбе // За советскую науку. 1984. 12 янв.
24. От ЦК ВКП(б) // За качество кадров. 1935. 28 янв.
25. Приказ № 110 наркома просвещения А.С. Бубнова Томскому государственному университету о присвоении двух персональных стипендий // За качество кадров. 1935. 1 мая.
26. Кое-что о стипендиях // Alma Mater. 1993. 12 нояб.
27. 25 января исполнилось 17 лет со дня смерти выдающегося деятеля большевистской партии // За качество кадров. 1952. 2 февраля.
28. Об открытии комнаты-музея В.В. Куйбышева : приказ № 16 от 26.01.1953 по Томскому государственному университету им. В.В. Куйбышева, Томск // Фонд музея истории ТГУ. Оп. 3. Ед. хр. 37
29. Кручевская Г. Памятник В.В. Куйбышеву открыт // За советскую науку. 1977. 10 нояб.
30. Первая межфакультетская // За советскую науку. 1988. 2 июня.
31. Уваров И. Университету имя ученого // За советскую науку. 1989. 16 окт.

References

1. Zaychenko, P.A. (1960) *Tomskiy gosudarstvennyy universitet imeni V.V. Kuybysheva: ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880–1955)* [The V.V. Kuibyshev Tomsk State University: Essays on the history of the first Siberian university over 75 years (1880–1955)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Sinyaev, V.S., Kirsanova, E.S., Plotnikova, M.E. et al. (1980) *Tomskiy universitet, 1880–1980: [ocherk istorii i deyatel'nosti]* [Tomsk University, 1880–1980: [An essay on history and activities]]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Pokrass, O. (1972) Chto sdelano za den'? [What has been done in a day?]. *Za sovetskuyu nauku*. 11th May.
4. Sinyaev, V.S. & Govorkova, A.K. (1978) Imeni V.V. Kuybysheva [Named after V.V. Kuibyshev]. *Za sovetskuyu nauku*. 1st June.
5. Starovoytov, I. (2013) *Zabytoe proshloe TGU: chto stalo s pamyatnikom V. Kuybyshevu* [The Forgotten Past of TSU: What Happened to the Monument to V. Kuibyshev]. [Online] Available from: https://youtu.be/hwP1DfS6le0?si=kJ-Gg7bWBvxZdieB (Accessed: 8th September 2024).
6. Kuybysheva, G.V., Lezhava, O.A., Nelidov, N.V. & Khavin, A.F. (1966) *Valerian Vladimirovich Kuybyshev. Biografiya* [Valerian Vladimirovich Kuibyshev. Biography]. Moscow: Politizdat.
7. Anon. (1936) *Valerian Vladimirovich Kuybyshev (1888–1935). Materialy k biografii. Period podpol'ya* [Valerian Vladimirovich Kuibyshev (1888–1935). Materials for a Biography. The Underground Period]. Moscow: Partizdat TsK VKP(b).
8. Kuybyshev, V.V. (1935) *Epizody iz moey zhizni* [Episodes from My Life]. Moscow: Staryy bol'shevik.
9. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 502. List 1. File 703.

10. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 1. File 462.
11. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 1. File 461.
12. Pegel, V.A. (1952) Universitet i ego spetsial'nosti [University and its specialties]. *Za sovetskuyu nauku*. 20th June.
13. Shushakov, N. (1951) V.V. Kuybyshev v Tomskom universitete (1909–1910 gg.) [V.V. Kuibyshev at Tomsk University (1909–1910)]. *Za sovetskuyu nauku*. 12th June.
14. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 194. List 5. File 1238a.
15. Sinyaev, V.S. (1963) Chetvertyy arrest [The fourth arrest]. *Za sovetskuyu nauku*. 3rd June.
16. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 10. File 16.
17. *Za kachestvo kadrov*. (1934) Novyy priem gotov nachat' uchebu 1-go sentyabrya [New students are ready to begin on September 1]. 1st September.
18. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-815. List 12. File 1955.
19. *Za sovetskuyu nauku*. (1950) Telegramma V.V. Kuybysheva rektoru universiteta i studenchestvu [Telegram of V.V. Kuibyshev to the Rector and students]. 28th January.
20. *Alma Mater*. (2003) Sleduyushchiy yubiley [The next anniversary]. 7th March.
21. Barkova, N. (1968) On k nam pridet [He will come to us]. *Za sovetskuyu nauku*. 5th December.
22. *Za sovetskuyu nauku*. (1969) Imeni V.V. Kuybysheva [Named after V.V. Kuibyshev]. 13th February.
23. Krivosheina, M. (1984) Rozhdennyy v bor'be [Born in Struggle]. *Za sovetskuyu nauku*. 12th January.
24. *Za kachestvo kadrov*. (1935a) Ot TsK VKP(b) [From the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. 28th January.
25. *Za kachestvo kadrov*. (1935b) Prikaz № 110 narkoma prosveshcheniya A.S. Bubnova Tomskomu gosudarstvennomu universitetu o prisvoenii dvukh personal'nykh stipendiy [Order No. 110 of the People's Commissar of Education A.S. Bubnov to Tomsk State University on the awarding of two personal scholarships]. 1st May.
26. *Alma Mater*. (1993) Koe-chto o stipendiyakh [Something about scholarships]. 12th November.
27. *Za kachestvo kadrov*. (1952) 25 yanvarya ispolnilos' 17 let so dnya smerti vydayushchegosya deyatelya bol'shevistskoy partii [January 25 marked the 17th anniversary of the death of an outstanding figure of the Bolshevik Party]. 2nd February.
28. TSU History Museum Fund. (1953) *Ob otkrytii komnaty-muzeya V.V. Kuybysheva : prikaz № 16 ot 26.01.1953 po Tomskomu gosudarstvennomu universitetu im. V.V. Kuybysheva, Tomsk* [On the opening of the V.V. Kuibyshev Museum: Order No. 16 of January 26, 1953, for the V.V. Kuibyshev Tomsk State University, Tomsk]. List 3. 37 files
29. Kruchevskaya, G. (1977) Pamyatnik V.V. Kuybyshevu otkryt [The monument to V.V. Kuibyshev unveiled]. *Za sovetskuyu nauku*. 10th November.
30. *Za sovetskuyu nauku*. (1988) Pervaya mezhfakul'tetskaya [First interfaculty]. 2nd June.
31. Uvarov, I. (1989) Universitetu imya uchenogo [To the university in the name of a scientist]. *Za sovetskuyu nauku*. 16th October.

***Сведения об авторах*:**
Дунбинский Илья Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dunbunskiy@mail.ru
Муценик Анна Ивановна – студент факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: annamutsenik@gmail.ru
Румянцев Петр Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: petroom@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Dunbinskiy Ilya A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbunskiy@mail.ru
Mutsenik Anna I. – Student of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annamutsenik@gmail.ru
Rumyantsev Petr P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petroom@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 11.09.2024; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 553.982 (09) (571.122)
doi: 10.17223/19988613/92/3

Противостояние уральских и тюменских геологов по вопросу первенства определения места закладки Березовской газовой скважины (1956 г.)

Галина Юрьевна Колева

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия, gukoleva@gmail.com

Аннотация. Анализируется содержание выявленного в ГАСПИТО документа – протокола заседания партбюро треста «Тюменнефтегеология». Показано сложное противостояние тюменских и уральских геологов по вопросу приоритета определения места закладки скважины-первооткрывательницы Березовского газового месторождения. Обращается внимание, что тюменские геологи приводили ряд аргументов, противоречащих действительности, уральцы избегали какой-либо конкретизации событий. В последующей историографии открытие месторождения подавалось без особой детализации, при максимально упрощенной схеме изложения.
Ключевые слова: Тюменская область, Березовское месторождение, трест «Тюменнефтегеология», Уральский филиал Академии наук СССР, закладка скважины

Для цитирования: Колева Г.Ю. Противостояние уральских и тюменских геологов по вопросу первенства определения места закладки Березовской газовой скважины (1956 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 23–33. doi: 10.17223/19988613/92/3

Original article

The confrontation between Ural and Tyumen geologists on the issue of the primacy of determining the location of the Berezovskaya gas well (1956)

Galina U. Koleva

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, gukoleva@gmail.com

Abstract. The article analyzes the situation that took place in 1956 on the basis of the content of the document (minutes of the meeting of the party bureau of the trust "Tyumenneftegeologia") as well as publications of the Ural scientist and geologists and significant amounts of materials on the issue of discovery of Berezovskoye gas field. The central issue of it is the confrontation of Tyumen and Ural geologists on the issue of the primacy of determining the location of Berezovskaya well. It became a pioneer well of all hydrocarbon fields in Tyumen region. The Ural scientists widely used mass media. In their publications they highlighted the question of the role of the geologists of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences in determining the location of this well. The authors of the publications were the representatives of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences and the heads of the Ural Mining and Geological Institute. The purpose of the article is to analyze the content of the conflict and its consequences. Among the methods used in the process of the research the analysis of the historic source is primarily important. The key reason for the arguments of Tyumen geologists-practitioners was revealed. The method of comparison was widely used. The comparison was carried out through an internal source analysis, in which the statements of the participants were compared and differences of positions identified. The text of the source was compared with information from other archival sources, memoirs, and chronicles of events reflected in Internet resources. A great attention was paid to the analysis of spatial factor while searching the answers to the emerging questions. In the end, the author came to the conclusions: Tyumen geologists initially gave the date of well laying - 1951, which did not correspond to reality; contradictively submitted information about the presence in Berezhovo geologists from the Mining and Geological Institute and All-Russian Research Geological Institute. They were trying to show the accident of their presence in Berezovo. The information in the Urals' publications was too concise. The author notes in the subsequent historiography of the discovery of the Berezovsky field that this problem is completely hushed up, that the events at Berezovo are not detailed, as well as exluding from the participants everyone, except A.G. Bystritsky, which caused the mythology of the phenomenon.
Keywords: Tyumen Region, Berezovskoye field, trust “Tyumenneftegeologia”, the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, laying of a well

For citation: Koleva, G.U. (2024) The confrontation between Ural and Tyumen geologists on the issue of the primacy of determining the location of the Berezovskaya gas well (1956). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 23–33. doi: 10.17223/19988613/92/3

© Г.Ю. Колева, 2024

2023 год ознаменовался 70-летием с момента открытия 21 сентября 1953 г. первого месторождения углеводородов в Тюменской области – Березовского газового. В г. Ханты-Мансийске прошло выездное заседание Российского газового общества и Союза нефтегазопромышленников России [1]. В Тюмени в рамках промышленно-экономического форума TNF была представлена выставка «Путь героев» с портретом Ю.Г. Эрвье в центре [2], в 1953 г., правда, работавшего в Южно-Челябинской нефтеразведке. Появившиеся публикации приводили традиционную информацию. Каждый элемент указанного события в сложившейся историографии был многократно прочерченным: случайная авария на опорной скважине, открытие первого месторождения углеводородов в Тюменской области и главный герой события, прочно занявший свое место. Населенность историческими персонажами этого открытия давала только книга двадцатилетней давности Н. Патрикеева с первой главой, посвященной геологам 1950-х гг. [3], не получившая, однако, известности.

Именно в это время совершенно случайно в фонде партийной организации Главтюменгеологии в ГАСПИТО пришлось столкнуться с информацией, изначально показавшейся странной. Найденный документ представлял собой протокол заседания партбюро треста «Тюменнефтегеология» от 2 августа 1956 г. Второй вопрос повестки – «О заметках в журнале “Нева”, газетах “Советская культура” и др., освещающих открытие газоносной площади в районе Березово». Докладчиком по вопросу был главный геолог треста Л.И. Ровнин. Участвовали в обсуждении члены партбюро, среди них – начальник треста Ю.Г. Эрвье, назначенный на эту должность в начале 1956 г., геологи Т.М. Зуй, Т.Н. Пастухова, Н. Никулин, Кравченко, начальник геологического отдела С.Г. Белкина; была и представитель Уральского филиала АН СССР (УФАН) «научный сотрудник Т.Я. Ястребова» [4. Л. 5].

Доклад главного геолога треста Л.И. Ровнина назывался **«О дезинформации советского читателя сотрудниками Уральского филиала Академии наук СССР»** [4. Л. 9–13]. Он начинался с указания на то, что «после опубликования Директив XX съезда партии, в которых была поставлена задача о необходимости подготовки к эксплуатации в Шестой пятилетке Березовского газового месторождения», последовали публикации в печати, «грубо искажающие историю открытия месторождения». В самом начале выступления была сделана отсылка к статье в газете «Уральский рабочий» автора Н. Кокосова [5], являвшегося заведующим отделом экономических исследований Уральского филиала Академии наук СССР (УФАН). В указанной статье, как сообщил докладчик, «говорилось, что в 1952 г. группа научных сотрудников Горно-геологического института Уральского филиала АН СССР (УФАН) под руководством Н.И. Архангельского провела *обширные* геологические исследования и определила перспективные на нефть и газ площади, а в 1953 г. трестом «Тюменнефтегеология» была пробурена у села Березово, ***якобы по предложению УФАН*** (выделено мной. – *Г.К.*), скважина, которая открыла газовое месторождение» [4. Л. 9].

Обращение к самой статье в газете дало возможность определить ее название: «Начинается строительство газопровода Березово–Свердловск», – как и содержание статьи. Три колонки статьи содержали рассуждения о важности использования природного газа в экономике Урала, преимуществах газа и эффективности его применения. Приводились экономические выкладки. Один абзац третьей колонки статьи касался открытия месторождения газа. В нем утверждалось то, что и было озвучено Л.И. Ровниным. Обратим внимание на географию проведения работ уральскими геологами – «восточный склон Северного и Приполярного Урала», и выделенный в статье результат геологических исследований: «определены наиболее перспективные площади для бурения скважин». Подчеркнуто, что «осенью 1953 г. работники треста “Тюменнефтегеология” пробурили скважину на окраине Березово. С глубины 1 324 метра ударил мощный фонтан газа». Высказывалось мнение, что «весьма вероятно, будет обнаружено и к югу от района Березово еще ряд месторождений» [5]. Из статьи следовало: во-первых, работники Свердловского горно-геологического института проводили геологические исследования восточного склона Северного и Приполярного Урала; во-вторых, они определили наиболее перспективные площади для бурения; в-третьих, опорную скважину в Березове пробурили работники треста «Тюменнефтегеология» по предложению сотрудников Горно-геологического института.

Следуя далее за содержанием доклада, отмечаем, что Л.И. Ровнин обратил внимание на аналогичную информацию об открытии Березовского месторождения в статье К. Филистеева в «Промышленно-экономической газете» за 12 февраля 1956 г. [4. Л. 9].

За истечением значительного времени статья в «Промышленно-экономической газете» не была найдена. Сам докладчик не остановился на содержании статьи, назвав после нее публикацию в газете «Советская культура» за 19 января 1956 г. [4. Л. 9]. Автором статьи «Творческое удовлетворение» в газете «Советская культура» был А.А. Иванов [6], член-корреспондент АН СССР, один из организаторов и с 1944 г. директор Свердловского горно-геологического института. И в этой публикации открытие Березовского газового месторождения в Тюменской области увязывалось с работой сотрудников Свердловского горно-геологического института. А.А. Иванов писал: «Большую радость испытывает ученый, когда он находит новые ресурсы для развития народного хозяйства. Но втройне радостно, когда видишь, что найденное тобой так быстро и практически реализуется, используется для дальнейшего укрепления могущества нашей советской Родины. Открытый в Сибири газ пойдет по газопроводу “Березово–Свердловск” на промышленные и бытовые нужды трудящихся. Весь коллектив института работает в эти дни с особым подъемом» [6]. Вполне ясно излагалась мысль о заслугах ученых Горно-геологического института в открытии Березовского месторождения.

Л.И. Ровнин в своем выступлении указал еще на ряд публикаций: в газете «Тюменский комсомолец» за 17 февраля 1956 г., № 11, в газете «Социалистическая

Якутия» за 4 марта 1956 г., № 55, [4. Л. 9]. Все публикации, упоминаемые на заседании, имели достаточно сходную линию изложения. Суть излагаемого в публикациях сводилась к следующему.

В 1952 г. группа научных сотрудников Горно-геологического института УФАН под руководством кандидата геолого-минералогических наук И.И. Архангельского провела геологические исследования восточного склона Северного и Приполярного Урала. Были определены наиболее перспективные площади для бурения скважин. «Ученые-уральцы считали наиболее перспективным район поселка Березово» [4. Л. 9]. «По их настоянию у Березова начали бурить пробную скважину. Работу поручили геологам-разведчикам из Тюмени» [4. Л. 9]. Осенью 1953 г. работники треста «Тюменнефтегеология» пробурили скважину, на которой произошел аварийный выброс газа. Фонтан был с глубины 1 324 метра.

Информация, выложенная в прессу, исходила от Н.М. Кокосова, заведующего отделом экономических исследований Уральского филиала Академии наук СССР, А.А. Иванова, директора Горно-геологического института УФАН, члена-корреспондента АН СССР, а также была дополнена материалом, полученным от профессора Н.В. Деменева, являвшегося заместителем председателя президиума УФАН. В каждой из публикаций присутствовало упоминание фамилии Н.И. Архангельского [7]. Отметим, что Н.И. Архангельский окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, служил в Красной Армии в годы Гражданской войны, имел степень кандидата геолого-минералогических наук по защищенной в 1944 г. кандидатской диссертации, достиг в 1956 г. возраста 61 год. Научную деятельность на Урале он осуществлял с 1928 г., работал в разное время в Уральском отделении Геологического комитета, Уральском научно-исследовательском институте геологии, Уральском геологическом управлении разведки и исследования минерального сырья, в основном занимался бокситами. В годы войны был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Под его руководством был открыты ряд промышленных месторождений бокситов. По разведанным запасам уже в начале 1930-х гг. Урал вышел на первое место в СССР, а страна – на первое место в Европе. С 1944 г. Архангельский работал в Уральском государственном университете и заведовал кафедрой общей геологии. С 1950 г. стал работать в Институте геологии и геохимии УрО РАН, руководил лабораторией региональной геологии. «Принимал активное участие совместно с другими учеными в исследованиях по выявлению перспектив нефтегазоносности восточного склона Урала и Зауралья», – указывают уральские издания [8].

Среди тюменцев, участвовавших в заседании партбюро, таких представительных геологов не было. Докладчик Л.И. Ровнин [9] был 1928 г. рождения, в 1956 г. имел возраст 28 лет, в 1951 г. окончил геологический факультет Саратовского университета, в 1951–1953 гг. работал коллектором, старшим геологом Иевлевской буровой партии и Покровской нефтеразведки, с 1953 г. стал главным геологом треста «Тюменьнефтегеология». На заседании 2 августа 1956 г. он утверждал, что публикации «славили геологов УФАН за открытие Березовского месторождения», «при грубом искажении действительной истории его открытия», при этом «всю трудность по организации Березовской нефтеразведки, бурению скважины-первооткрывательницы и дальнейшему оконтуриванию газовой залежи нес на себе трест «Тюменнефтегеология», а «геологи Горно-геологического института УФАН не имели никакого отношения к открытию Березовского газового месторождения» [4. Л. 9].

Л.И. Ровниным приводилась информация, что «Березовская опорная скважина-открывательница была запроектирована техническим советом Министерства геологии **в 1951 г.**, совместно с остальными опорными скважинами по геометрической сетке, и относилась к одному из четырех профилей – «Березово–Верховье р. Пур» [4. Л. 10]. Подчеркивалось, что «в разработке плана опорного бурения в 1951 г. принимали участие геологи трестов «Тюменнефтегеология», «Запсибнефтегеология», ***ВСЕГЕИ*** (выделено мной. – *Г.К.*), Главнефтегеологии Мингео, а также Ученый совет по опорному бурению», а «геологи ГГИ УФАН в разработке плана опорного бурения не принимали участия, предложений в Ученый совет по опорному бурению не представляли, **до 1951 г**. (выделено мной. – *Г.К.*) изучением геологического строения и перспектив газонефтеносности Приуральской части низменности не занимались», «предлагать им для бурения было нечего». Но в то же время докладчик признал, что «**с 1951 г. группа геологов института** (выделено мной. – *Г.К.*) в количестве четырех человек под руководством Н.И. Архангельского проводила сбор и обобщение материалов по геологии и нефтеносности Приуралья. Эта работа помогла полнее составить представление о геологии Приуралья». Однако «конкретных предложений по поискам нефти и газа эта группа не дала», не сделала «какого-либо конкретного вывода о нефтеносности Приуральской части Западно-Сибирской низменности» [4. Л. 7]. Докладчик подчеркнул, что уральские ученые «не смогли сделать сколько-нибудь определенного вывода о перспективах нефтеносности» района [4. Л. 1], «по вопросу перспектив нефтеносности Березовского района в их геологических отчетах не было сказано ни слова». И сделал вывод: «…группа геологов института под руководством Н.И. Архангельского не имеет никакого отношения к открытию Березовского газового месторождения, а следовательно, упоминание в выше приводимых газетах об открытии месторождения геологами УФАНа является вымыслом, дезинформацией советского читателя» [4. Л. 11].

В докладе Л.И. Ровнина проскальзывает упоминание, что трест «Тюменнефтегеология» еще за три месяца до этого заседания, т.е. примерно в июне 1956 г., обращался в редакцию издания, какого именно, не указано, «но не получил **устраивающего** ответа» [4. Л. 11]. В то же время в июне 1956 г. в журнале «Нева» появилась статья «Уральские очерки», в которой дана, по мнению Ровнина, «искаженная история открытия Березовского месторождения и позорились тюменские геологи», «коверкались факты» [4. Л. 12]. Особенно

автора возмутили такие высказывания: «тюменские геологи не желали бурить скважину», «**пробурив, заделали ее бетонной пробкой**», «бежали вверх по Оби», но «вернулись на буровую», и «поздно вечером 21 сентября ударил фонтан». В заключение докладчик говорил, что такие статьи «подрывают авторитет научных работников и той организации, в которой они работают». Выдвигалось требование «наказать виновных, публикующих непроверенные факты» [4. Л. 13].

Именно о публикации в журнале «Нева» больше всего говорили в выступлениях участники заседания, давая резко критические оценки [4. Л. 7]. Ю.Г. Эрвье назвал журнал «Нева» «хорошим журналом», но публикующим «непроверенные статьи», «компрометирующие советскую печать и геологов-производственников» [4. Л. 7].

Авторство статьи в литературно-художественном и общественно-политическом журнале, органе советских писателей СССР «Нева» принадлежало Ф. Самойлову, статья называлась «Уральские очерки» [10]. Автор статьи сообщал относительно излагаемого, что «все это он услышал в Уральском филиале АН СССР от профессора Н.В. Деменева, заместителя председателя президиума УФАН» [10. С. 131]. В статье интересующей проблеме посвящена только часть «Очерков». Излагаемый сюжет совпадал с содержанием статей, о которых речь уже шла, но в данном случае акцент был сделан на «науку», которая «служит «жизни». Раздел «Очерков» по Березовскому месторождению начинался с фразы: «Еще убедительнее о силе нашей науки, поставленной на службу социалистическому хозяйству, свидетельствует история Березовского газа. Поиски природного газа в Северном Зауралье начались примерно в то же время, что и поиски способов борьбы с водой, затапливающей бокситовые рудники. Заманчиво было найти источник газа… и обратили свои взгляды к Зауралью, к северо-востоку от линии Серов–Ивдель» [10. С. 130]. Затем говорилось, что «**в 1952 г**. небольшая группа ученых геологов во главе с заведующим лабораторией общей геологии УФАН Н.И. Архангельским отправилась в путь», преодолев «на лодках несколько тысяч километров по Северной Сосьве и ее притокам, где на веслах, где на шестах», встретившись с тучами гнуса, непуганым зверем в виде медведя, который «задумчиво смотрел на людей» [10. С. 130]. Обращаем внимание на то, что Деменев называл 1952 г., и то, что отправились уральцы на лодках, значит, уже было лето. Утверждалось, что «с самого начала Архангельский и другие ученые уральцы считали наиболее перспективным район поселка Березово», «по их настоянию (имеются ввиду уральские ученые. – *Г.К.*) у Березова начали бурить пробную скважину. Работу поручили геологам-разведчикам из Тюмени». Дается не очень лестная оценка действий тюменских геологов: «теоретические доводы ученых показались тюменцам не очень убедительными», «они взялись за дело неохотно, и, когда скважина, достигнув положенной глубины в 1 300 м, не дала газа, были как будто даже довольны», заявляли: «…мы же говорили, что зря забираемся в такую даль». Архангельский и его товарищи были не на шутку огорчены. А геологи из Тюмени торопились законсервировать скважину. Они заделали ее ***бетонной пробкой*** и уже собрались было плыть вверх по Оби, но решили вернуться. И тут случилось то, чего уже никто не ожидал. Поздно вечером 21 сентября 1953 г. население поселка было разбужено мощным, непрекращающимся гулом. Геологи устремились к скважине. «“Газ пошел!” – кричал Архангельский товарищам на бегу» [10. С. 131]. ***Таким образом, Архангельский, согласно содержанию статьи, в момент аварии на скважине был*** (выделено автором. – *Г.К.*). В публикации подчеркивалось, что «опыт подтвердил теоретические расчеты ученых», а рассказ профессора Н.В. Деменева отразил, что он «ими гордился» [10. С. 131].

Н.В. Деменев имел очень солидную биографию: возраст 54 года, членство в партии с 1919 г., высшее образование, полученное в Уральском политехническом институте, защищенную в 1948 г. кандидатскую диссертацию. В 1945–1953 гг. он был директором Института химии и металлургии Уральского филиала. Академии наук СССР. С 1938 по 1957 г. являлся заместителем Председателя Уральского филиала АН СССР. Изучаемая научная проблема: разработка технологии извлечения редких и радиоактивных элементов из полиметаллических руд и изучение свойств соединений этих элементов, в частности титана, ванадия и ниобия, в чем нуждалась атомная энергетика [11].

Возвращаясь к протоколу заседания партбюро треста «Тюменнефтегеология» 1956 г., обращаем внимание на заявление руководителя треста Ю.Г. Эрвье, что ученые УФАН «не имеют никакого отношения к открытию газового месторождения» [4. Л. 7]. В то же время Ю.Г. Эрвье, признал, что «**геолог УФАНа Н.И. Архангельский во время возникновения фонтана занимался сбором материала в районе с. Березово, но на буровой скважине оказался *случайно***». Эрвье предложил написать в ЦК партии, в газету «Правда» [4. Л. 10]. Участники заседания дружно опровергали утверждения уральцев. Никонов говорил, что «скважина Р-1 не была заложена по рекомендации сотрудников УФАНа, так как она была заложена «**еще в 1951 г.»,** «геологи УФАНа проводили **работы в 1952 г.».** Геолог Т.Н. Пастухова, непосредственно работавшая в Березове, упомянула, что в Березове был не только «Архангельский – геолог УФАНа, **но геолог ВСЕГЕИ П.Ф. Ли**», но они **«приехали на скважину, когда она была пробурена»**. Она добавила, что и на фонтанирующей скважине Н.И. Архангельский был, но **«на второй день, при этом совершенно *случайно*».** Член бюро А.П. Стовбун «присоединился к высказываниям геологов», как и геолог Кравченко [4. Л. 8]. Член бюро Л.С. Бредихина сразу поддержала идею Эрвье обратиться в ЦК партии, в газеты «Правда» и «Советская культура», «которая не ответила на обращение Л.И. Ровнина». Т.Я. Ястребова, представлявшая УФАН, говорила о том, что «корреспондент журнала «Нева» посетил УФАН в момент выхода в свет «Директив XX съезда КПСС», Н.И. Архангельский никакого интервью не давал, беседа была только с профессором Деменовым, который «сам по профессии не геолог и о Березове знал понаслышке». Ястребова

поддержала высказывания тюменцев, что «опорная скважина в Березове была заложена в 1951 г., а представители УФАН работали там в 1952 г. и «поэтому не могли дать рекомендацию по закладке скважины, тюменцы заложили ее сами». Согласилась, что были «напечатаны непроверенные факты». Сообщила, что вопрос в «УФАНе по опубликованию в печати статей о Березовском газе уже разбирался, было решено написать опровержение, почему его не напечатали, не знает» [4. Л. 7–8]. После этого вспомнилось указание в биографии директора института А.А. Иванова, что смерть его наступила 20 июля 1956 г., было ему всего лишь 54 года. Невольно возникал вопрос: не после ли обсуждения этого вопроса ушел из жизни директор Горно-геологического института? Следует обратить внимание на то, что Т.Я. Ястребова в последующем работала в структуре треста «Тюменнефтегеология».

Таким образом, в прениях проявились расхождения с докладом Ровнина:

1. Ровнин говорил о начале работы уральских геологов в Зауралье и в Березове с 1951 г., в публикациях уральцев говорилось о 1952 г., в прениях также речь шла о 1952 г.

2. Ровнин заявлял о том, что геологи УФАН не имели никакого отношения к определению точки бурения, но геолог Пастухова в числе работавших над проблемой нефтеносности Зауралья назвала наряду с Архангельским сотрудника ВСЕГЕИ П.Ф. Ли; это могло свидетельствовать о том, что уральцы работали совместно с ВСЕГЕИ. При этом роль ВСЕГЕИ в определении плана опорного бурения на территории Тюменской области в 1951 г. Ровниным в докладе была отмечена.

3. Архангельский, **постоянно** появлявшийся в высказываниях участников заседания о бурении скважины в Березове, был то в одном, то в другом месте, при этом всегда **«случайно»**.

4. В прениях тюменскими геологами акцентировалось внимание на закладке опорной скважины в Березове **в 1951 г.**

В постановляющей части заседания партбюро треста «Тюменнефтегеология» было намечено обращение в Тюменский обком партии, в Отдел печати ЦК КПСС с просьбами проверки всех фактов и «публикации в газете “Правда” действительной истории открытия Березовской газоносной площади» [4. Л. 8].

Отмечаем, что в процессе обсуждения тюменцы демонстрировали полную уверенность в своей правоте, утверждали, что Березовская **скважина была заложена в 1951 г**., уральцы в Березове находились, но в 1952 г., когда осуществляли сбор материалов, и даже в момент фонтанирования Архангельский на скважине оказался «случайно». Представитель УФАН не возражала ни по одной позиции, согласилась, что скважина была заложена в 1951 г., а уральцы не давали рекомендаций по закладке скважины. Сообщила, что вопрос в УФАН о публикациях уже обсуждался, намеревались написать опровержение, но не написали. К тому времени 20 июля 1956 г. ушел из жизни А.А. Иванов – руководитель Горно-геологического института, а Деменев стал председателем Президиума УФАН СССР.

Однако ситуация оставалась неясной: если скважина в Березове была заложена в 1951 г., а уральские геологи появились со своими изысканиями на территории Зауралья в 1952 г., то почему руководители УФАН пошли на такие утверждения в газетных публикациях? Деменев получил повышение. Самое простое решение: найти дату закладки скважины – и все! Но оказалось, что *ситуация с закладкой скважины в литературе длительное время находилась в зоне умолчания, а имя Н.И. Архангельского вообще никогда не упоминалось*. Не стала исключением и книга последнего периода «70 лет Тюменской геологии» [12]. Но это не распространилось на уральские издания. В книге «Геологоразведчики Урала в Великой Отечественной войне» утверждалось, что Н.И. Архангельский «принимал активное участие совместно с другими учеными в исследованиях по выявлению перспектив нефтегазоносности восточного склона Урала и Зауралья. В открытии знаменитых месторождений нефти и газа Западной Сибири есть часть и его труда» [8]. А.Н. Сперанская в диссертации на соискание степени кандидата исторических наук «Развитие горно-геологических наук на Урале (1945–1965 гг.)» [13] во второй главе «Организация научной деятельности в горно-геологических науках» писала, что «учеными Горно-геологического института УФАН проводились исследования, расширявшие знания о геологическом строении Урала и способствующие открытию месторождений. Группа геологов под руководством Н.И. Архангельского, выполняя правительственное задание, установила перспективные нефтегазоносные площади восточного склона Урала и приуральской части Западно-Сибирской низменности» [13. С. 16].

Оставалось найти дату закладки скважины-первооткрывательницы. Одновременно возникал вопрос: изначально скважину планировали разместить в Березове? И находим ответ – нет! Местом закладки скважины планировалась «культбаза Казым», а затем место несколько раз менялось. **Рассмотрим основные места, предлагавшиеся для бурения скважины:**

1. «Культбаза Казым» и вопрос закладки скважины в 1951 г. Ю.Г. Эрвье писал в своих воспоминаниях, что «по плану опорного бурения в Тюменской области первой должна была буриться скважина на Казымской культбазе, так наметил Совет по опорному бурению», но «Казым – небольшая таежная речка, правый приток Оби – была недоступна для лесовозов Иртышского пароходства, на которых завозились все грузы из Тюмени в северные районы», «в сентябре суда могли плавать редко», «Новосибирский трест принял решение заложить скважину вместо Казымской структуры **в Березове**, мотивируя невозможностью организовать работы в Казыме» [14. С. 17]. В книге «Биография Великого подвига» [15. С. 245, 246] находим, что «Межведомственный Ученый совет по опорному бурению на заседании от **23 ноября 1951 г.**, согласно рекомендации Технического совета Мингео СССР от 20 ноября 1950 г. и геологическому обоснованию, составленному трестом “Запсибнефтегеология”, утвердил местоположение опорной скважины на Казымской культбазе. Поскольку р. Казым, небольшая таежная

речка, образующая правый приток Оби, в период навигации сильно мелела», «место решено было изменить» [15. С. 245, 246]. Кроме того, следует обратить внимание на дату принятия решения Советом по бурению – 23 ноября 1951 г, что относится к глубокой осени и, несомненно, к покрытию рек на Севере льдом. А решение было только-только принято, и уже в силу этого обстоятельства в 1951 г. доставка груза на Север не могла быть осуществлена, а значит, и скважина в 1951 г. не могла быть заложена, из чего следует, что *тюменцы говорили неправду о закладке скважины в 1951 г.* К тому же проект был рекомендован к доработке. Межведомственный ученый совет по опорному бурению рекомендовал в своем заключении по проекту провести сейсморазведочные работы. По техническим причинам работы проведены не были и были заменены электропрофилированием по линии «Березово–Ломбовож», показавшем заниженную мощность толщи мезозойско-кайнозойских отложений (800–1000 м), что потребовало проектную глубину будущей скважины увеличить до 2 900 м.

2. Казым – пос. Березово. Новосибирский трест «Запсибнефтегеология» из-за недостаточной судоходности реки Казым перенес Казымскую скважину в Березове [14. С. 18; 16].

3. Сложность и запутанность вопроса о выборе места для бурения в Березове:

а) **Замалчивается отвод участка под бурение специальной комиссией** из представителей исполкома Березовского райсовета депутатов трудящихся, лесхоза, землеустроительной комиссии, Тюменской геологоразведочной экспедиции, как и роль геолога П.В. Гаврилова.

Из документов Тюменского государственного архива, опубликованных в первом томе сборника документов «Нефть и газ Тюмени в документах», узнаем, что была создана комиссия по отводу участка для бурения скважины, включавшая представителей исполкома Березовского райсовета депутатов трудящихся, лесхоза, землеустроительной комиссии, в том числе и Тюменской геологоразведочной экспедиции в лице В.В. Смехова, П.В. Гаврилова [17. С. 81].

Комиссия при выборе места

– «учла наличие **рядом пристани, дороги, близость воды, стройматериалов**, не затопление водой весной», определила место для бурения скважины;

– определила «наиболее благоприятной и обеспечивающей заложение и строительство буровой – площадку, **прилегающую с южной и юго-восточной стороны к стекольному заводу**»;

– **указала, что** «расстояние от пристани, где разгружались баржи, до буровой **не превышало 1 км**, грунтовая дорога обеспечивала перевоз оборудования и материалов, водоснабжение буровой могло осуществляться от распределительной колонки стеклозавода, расположенной в 200–250 м, площадка не заливалась в весенний разлив, при строительстве основания под буровую можно было использовать песок и щебень с карьера и кирпичного завода…» [15. С. 245].

б) Решение геологов поддержал исполком Березовского района, о чем свидетельствует **акт «Об отводе земельного участка для строительства опорной буровой Р-1» от 31 января 1952 г.**

В акте говорилось, что, «учитывая целесообразность строительства буровой Р-1 с наименьшими затратами, доступность подъездных путей к намечаемой строительством буровой, водоснабжение, геологические обоснования, комиссия считает, что местом строительства буровой должна быть площадка, расположенная **между стеклозаводом и больницей**, захватывающая… часть рощи кедрача. Требуемую площадь размером 200 на 100 метров отвести для Тюменской геологоразведочной экспедиции» [15. С. 245].

в) **Подписали акт отведения участка**:

– Г.К. Лыжин, председатель исполкома райсовета депутатов трудящихся;

– И.А. Сморкалов, представитель лесхоза;

– А.Т. Артеев, председатель землеустроительной комиссии,

– **В.В. Смехов, П.В. Гаврилов, сотрудники Тюменской ГРЭ** (В.В. Смехов – начальник Казымской культбазы [18]; Петр Васильевич Гаврилов на момент действия комиссии – сотрудник Тюменской геологоразведочной экспедиции, затем старший инженер Березовской нефтеразведки, во второй половине 1960-х гг. – главный инженер, затем начальник Сургутской нефтеразведки [12. С. 325, 327]). Нигде биографической информации, фото и документов П.В. Гаврилова нет. Считаем, что особенности биографии П.В. Гаврилова привели к исчезновению его имени из этого открытия. Какие? В Тюменском областном государственном архиве социально-политической истории автором была получена информация, что в 1990 г. на некоторое время в архив поступало «фильтрационное дело» П.В. Гаврилова, затем оно было отозвано в ту структуру, из которой было передано. Данное обстоятельство говорит о том, что П.В. Гаврилов, скорей всего, в годы Великой Отечественной войны был в плену.

г) В популярной литературе приводится в изобилии информация о переносе места бурения в пределах пос. Березово, запутывающая ситуацию до невероятности. Указывается на неких «березовцев», предложивших свой вариант «расположения скважины на окраине поселка между стеклозаводом и больницей, где не заливает по весне» [19. С. 19]. Кто были эти «березовцы»? Возможно, это и есть члены общепоселковой комиссии. Почему «березовцы» безымянны? Создается впечатление, что перенос скважины из Казыма в Березове и породил все прочие мифы о переносе скважины, **наложившемся на ситуацию в рамках пос. Березово, когда надо было найти главного героя открытия**.

е) **Есть утверждение, что «место, определенное комиссией, было пересмотрено», насколько значительно – понять трудно. Исходный факт событий:** «**Летом 1952 г.** прибыл караван барж с буровым оборудованием, шедший на Казым и оставшийся в Березове зимовать. Чтобы не терять времени даром, **следом прибыла партия геологов**. Начальником Березовской партии опорного бурения стал А.Г. Быстрицкий» [15. С. 129]. Странная ситуация: баржа прибывает летом, чтобы «зимовать в Березове». Приказ о назначении

А.Г. Быстрицкого начальником буровой партии в Березове подписан был 14 февраля 1952 г. [15. С. 129]. Якобы летом, в момент «разгрузки тяжелого оборудования и рационального использования немногочисленных транспортных средств, руководство партии изменило местоположение будущей опорной скважины» [15. С. 245]. Как изменило, не уточняется, но далее указывается на уже состоявшийся в решении Комиссии пос. Березова **перенос места расположения скважины из Казыма в Березово**. В Березово специальная комиссия в январе 1952 г. определила новое место, о чем был составлен и подписан акт. Следует обратить внимание и на то, что П.В. Гаврилов стал старшим инженером Березовской нефтеразведки.

При этом первоначально стали бурить крелиусную скважину. Как выбирали место для крелиусной скважины, непонятно. Это как-то никого не заинтересовало. Крелиусная скважина являлась вспомогательной, была пробурена с 5 по 25 июля 1952 г. бригадой мастера А.М. Михеева на глубину 406 м [15. С. 246]. Ее задача – «дать данные для изучения стратиграфии четвертичных, третичных и части меловых отложений, отбора керна и последующего облегчения работ при бурении опорной» [15. С. 246]. Данных, кто определял место бурения крелиусной скважины, нет.

ж) **Путаница с географией. Западная, восточная, северная часть Березова!?** «Опорную скважину № Р-1 заложили в 70 м от крелиусной, на **западной окраине** с. Березово», а далее уточняется «на левом берегу р. Северная Вогулка, в 30 км от места ее впадения в Обь», место это было «отличное от проектного». Но Вогулка охватывает большую часть с. Березово с его восточной и северо-восточной части, Вогулка впадает в р. Северная Сосьва, приток Оби [12. С. 60; 15. С. 246]. Северная Сосьва подходит к Березову с северо-восточной стороны. Тогда почему вдруг возникает западная часть поселка Березово, являющаяся противоположной частью?

з) **Через запутывание ситуации с местом бурения – героизация А.Г. Быстрицкого.** Часто имеет место утверждение, что «А.Г. Быстрицкий выбрал место, отличное от проектного, это была площадка на **западной окраине** пос. Березово, на берегу реки Вогулки, притоке Северной Сосьвы» [12. С. 60]. Но если брать во внимание указанные реки – это **восточная часть** поселка. Сын А.Г. Быстрицкого Г.А. Быстрицкий писал, что «буровую поставили на окраине поселка за стеклозаводом» [20], однако и в этом нет ничего нового, это место и определила поселковая комиссия и закрепила актом. В акте определено: «…местом строительства буровой должна быть площадка, расположенная **между стеклозаводом и больницей**, захватывающая незначительную часть рощи кедрача». Но Г.А. Быстрицкий пишет, что якобы до того, как А.Г. Быстрицкий определил место, «бурить скважину хотели на территории больницы, как планировалось» [20]. Поверить, чтобы комиссия, включавшая фактически руководящую верхушку поселка, выбрала подобное место для бурения, просто невозможно. Сын Быстрицкого утверждает, что «перенос обрадовал секретаря райкома Шестакова», а Быстрицкому удалось «избежать ареста и статуса «врага народа» [12. С. 63; 20]. Почему Быстрицкий мог стать «врагом народа», если решение приняли еще в январе 1952 г. и акт подписали столько разных людей от разных структур? Утверждение о планируемом бурении на территории больницы выглядит как вымысел, тем более что акт комиссии зафиксировал местоположение – за стеклозаводом, на площадке, прилегающей с южной и юго-восточной стороны к стекольному заводу. В публикациях навязчиво фигурирует западная часть пос. Березово. Имеются и утверждения, что «Быстрицкий… самочинно переносит скважину **на северную окраину** пос. Березово, к реке Вогулка». Конечно, с какой географической точки смотреть, можно скважину видеть на восточной, западной, северной части поселка. Не совсем понятно, куда перенес скважину Быстрицкий и переносил ли он ее вообще. Говорится, что «не стали бурить на выделенном участке, буровую решили поставить **за стеклозаводом** [20]. Как все это объяснить? Только исходя из того, что упорно создавался миф о роли в открытии Березовского месторождения А.Г. Быстрицкого. В числе тех, кто определял точку бурения, документы зафиксировали геолога П.В. Гаврилова. Но о нем история умалчивает. А для повышения значимости Быстрицкого и умаления роли Гаврилова следуют какие-то переносы места закладки скважины, но всегда сохраняется тот самый стеклозавод, что был назван в акте комиссии.

и) Ключевой фигурой всех решений по скважине становится только один – А.Г. Быстрицкий. А где Архангельский? Был еще и сотрудник ВСЕГЕИ П.Ф. Ли. Их нет ни в одной из публикаций про березовский газ, изданных в Тюмени. Обращает на себя внимание факт, упоминаемый в публикациях про «солёнку» на окраине поселка, где кто-то бурил, получил воду, «крайне соленую, крайне противную, которая и горит» [21]. Можно было бы не обращать на эту «солёнку» никакого внимания, если бы мы уже не сталкивались с подобной информацией по геологическим поискам в ЯННО. Соленость вод, выявленная В.Н. Саксом в рамках экспедиции М.Ф. Данилова в 1943 г. и членами экспедиции 1952 г. Новосибирского геологического института в пределах ЯННО, дала основание членам этих экспедиций делать выводы о перспективности территории по трассе Трансполярной магистрали в нефтегазовом отношении.

Напомним: отчет начальника геологической партии Тазовской экспедиции Главсевморпути В.Н. Сакса «О маршрутных геологических исследованиях в бассейнах Мессо, Пура и низовьев Таза в 1943 г.» [17. С. 60–63]:

– отразил взятие проб в озере у р. Харвуты, ручье, впадающем в р. Сенеби-яху; определение воды в этих водоемах «первой солености», присущей морской воде;

– пробы в нижнем течении р. Таз, р. Мерома, низовьях р. Пур характеризовались «второй соленостью», с большей долей опресненности;

– сравнение с водой района Усть-Енисейского порта «с высокой первой соленостью», устанавливалась связь этих вод, а «обильные признаки нефти на Енисее» «позволили сделать вывод о предпосылках поиска нефти в низовьях Таза».

Выводы В.Н. Сакса широко известны: «нефтепоисковые работы на севере Западно-Сибирской низменности, в целом, безусловно, крайне желательные, направить в пределы Мессо и Таза, и Нижне-Обской впадины, захватывающей и бассейн Надыма… выделение Пуровского хребта и соседних с ним впадин еще нуждается в подтверждении» [17. С. 62, 63];

Организованная согласно решению правительства СССР от 1951 г., которым поручалось ГГИ ЗСФ АН СССР совместно с Западно-Сибирским геологическим управлением, Запсибнефтегеологией, трестом «Аэрогеология», НИИ геологии Арктики начать исследования по геологии, нефтегазоносности Севера Западной Сибири на территории ЯННО, **Северная экспедиция под руководством В.А. Николаева** [17. С. 88–89] «полевые работы проводила в 1952 г.» в Надым-Пур-Тазовского междуречье. **Экспедицией** обращалось внимание **«на наличие естественных выходов минерализованных вод в пределах северной части Таз-Пуровского водораздела»,** указывалось на «необходимость постановки колонкового и роторного и опорного бурения в районах пос. Надым, с. Тарко-Сале, пос. Седельниково, глубоких скважин по линии пос. Салемал, пос. Ныда, пос. Новый порт, фактория Самбург, фактория Тибейсале» [17. С.90–92]. Результаты работы экспедиции академик С.И. Миронов оценил как «выдающееся достижение в геологии Западно-Сибирской низменности» [17. С. 92–93].

Таким образом, тот, кто выявил эту «солёнку» в Березове, несомненно, был ученым-геологом с широкой научной эрудицией, и смеем предположить, что это и относится к научным сотрудникам УФАН и ВСЕГЕИ. Но место «солёнки» в Березово локализовать невозможно, как и то, в каких местах проводили исследования в Березове ученые этих подразделений.

4. В Березовском открытии героем оказался А.Г. Быстрицкий, ему была отведена роль того, кто выбрал место закладки скважины, при этом «не там, где намечалось – в **двух километрах к востоку** от Березова (по документам – в 1 км от реки Вогулки. – *Г.К.*), а на **западной** окраине поселка, на берегу Вогулки, левого притока Северной Сосьвы». Его сын упорно утверждал, что А.Г. Быстрицкий «забраковал точку выбора комиссии». Но далее тут же пишет, что «новую точку выбирали Г.А. Быстрицкий с **П.В. Гавриловым и начальником стеклозавода Сорокиным**! «Раньше должны были бурить справа от завода, а новое место было слева от завода». Относительно выбора комиссии сын Быстрицкого пренебрежительно писал: «Точку под бурение определили представитель березовского исполкома, лесник и землеустроитель» [22. С. 51], – забыв упомянуть П.В. Гаврилова, и подчеркивал: «члены комиссии по землеотводу явно не понимали, что такое глубокое бурение» [22. С. 51]. Мифотворчество обрастало деталями, как-то: «Быстрицкий пошел в райком партии, все объяснил», «его поддержали» [22. С. 51], «А.Г. Быстрицкому объявили выговор за «самовольное изменение точки заложения Р-1», – однако признается: «приказа о выговоре в архивах нет». Факт о выговоре якобы был зафиксирован в воспоминаниях Ю. Эрвье, но дело в том, что Эрвье в тот период в Тюмени не работал, начальником треста не был, он работал в Южно-Челябинской нефтеразведке. Еще одно утверждение: за изменение места закладки скважины «Быстрицкого направили в село Покровка» [22. С. 51]. Да, отправили. За что – отразил протокол № 10 внеочередного партийного собрания первичной парторганизации Березовской буровой партии **от 31 марта 1953 г.**, где вторым вопросом повестки значилось «заявление т. Васильева», который сообщил на собрании, что «31 марта 1953 г. после начала работы в 8.00 он был вызван к Быстрицкому, который “в присутствии Кулиева, Орлова стал на него кричать”». Отмечалось, что Быстрицкий «допускает элементы грубости в отношении с подчиненными». Быстрицкий признал, что «допустил разговор на повышенном тоне», другие выступившие отметили частое «нетактичное поведение по отношению к подчиненным». Партийное собрание постановило «предупредить Быстрицкого о недопустимости нетактичного отношения к подчиненным» [14. С. 40]. Конфликт в коллективе мог стать основанием для перевода начальника буровой партии на другое место работы. Покровка располагалась южнее, в 80 км от Тюмени, там экспедицию до Быстрицкого возглавлял Л.И. Ровнин, которого перевели на работу в Тюмень, в трест, а на его место назначили Быстрицкого. Начальником Березовской буровой партии поставили Г.Д. Суркова. В то время, когда произошла авария, на скважине Быстрицкого не было, что сохранило в чистоте его биографию. Причину аварийной ситуации связали с отсутствием на устье скважины специальной арматуры. 22 марта 1954 г. приказом по тресту Быстрицкого снова назначили начальником «Березовской разведки опорного бурения» [22. С. 52]. 1 июля 1954 г. фонтан был заглушен.

Для героизации открытия Быстрицкий подходил незапятнанностью биографии: и в аварии невиновен, как и в имевшей место гибели людей [23, 24]. При нем 29 сентября 1952 г. началось бурение скважины, он же отражен и в акте заложения 1 июля 1952 г. скважины № Р-1 на Березовской площади, под актом его подпись, как и геолога А.Г. Дунаевского, старшего инженера по бурению Б.С. Орлова, при утверждении акта 10 июля 1952 г. главным геологом треста «Запсибнефтегеология» И.П. Карасевым [25. С. 129]. В рассказе о Быстрицком в одно общее сливается не совсем ясное для авторов публикаций событие, связанное с переносом места бурения с Казымской культбазы в Березово, а затем все перемещения по территории поселка, если они реально имели место. **Предшествующая биография Быстрицкого была простой и ясной.** А.Г. Быстрицкий перед поступлением в институт работал забойщиком на шахте «Пролетарий» Сталинского рудоуправления в г. Донецке. Затем поступил через рабфак в Киевский горный институт, который вскоре перебазировали в Днепропетровск. Учился в институте в 1932–1937 гг., после окончания института стал работать инженером-гидрогеологом треста «Спецгео» (Москва). После службы в армии назначен начальником геологической партии Северного геологического управления (Архангельск; 1938–1941). В 1941–1945 гг. участвовал в Великой Отечественной войне, летал штурманом на

бомбардировщике на Южном, 4-м Украинском, 3-м Белорусским фронтах, участвовал в штурме Кенигсберга, закончил войну в звании старшего лейтенанта. После войны с 1945 по 1952 г. работал в Молдавской ГРЭ, откуда и был переведен на работу в Тюменскую область в 1952 г., в Березовскую буровую партию [23. С. 128–129]. **В апреле 1953 г.** последовал перевод в Покровскую нефтеразведку на место Л.И. Ровнина, направленного на работу в создаваемый трест «Тюменнефтегеология» после приезда с визитом в Тюмень и в Покровскую нефтеразведку начальника Главнефтеразведки Миннефтепрома Ю.А. Шаповалова. Ровнин в воспоминаниях обмолвился о сложных отношениях в коллективе Березовской нефтеразведки. На место Быстрицкого назначили Г.Д. Суркова [26].

5. Была ли правота у геологов УФ АН СССР? Несомненно, да! Геологи Урала активно работали на Полярном и Приполярном Урале. Несмотря на все изощрения, тюменские геологи-производственники не смогли уйти от упоминания факта присутствия лично Архангельского в Березове. Тюменские геологи упорно утверждали, что скважина была заложена в 1951 г., хотя произошло это в 1952 г. Уральские геологи стали работать над проблемами нефтегазоносности в 1951 г. (утверждение Л.И. Ровнина), на лодках отправились в Березово 1952 г. (утверждение Деменева). На протяжении многих десятилетий вопрос о месте и времени закладки скважины упорно замалчивался. Нельзя не отметить, что публикации уральцев в 1956 г. содержали и информацию о событиях при аварии ограниченного круга распространения. В частности, говорилось о бетонной пробке в Березовской скважине. В «Акте о газоводяном фонтане на березовской опорной скважине Р-1 с. Березово» от 22 сентября 1953 г., *подписанном начальником партии Сурковым Г.Д., и.о. ст. геолога Пастуховой Т.Н., бурильщиком Мельниковым В.Н., механиком Ковтуном Г.Ф. и членами буровой бригады, составленным по факту аварии 21 сентября 1953 года в 21 час 30 минут на скважине № Р-1 Березовской буровой партии, говорилось, что «авария произошла в момент подъема инструмента, после разбуривания цементных пробок…» Таким образом, факт, отраженный в информации уральцев, имел место.* Подтверждается и то, что 23 июля 1953 г. опорное бурение было приостановлено, из плановых 2 900 пройдено 1 344 метра. Специалисты вынесли решение: «скважина мертва, работы прекратить». Часть бригады направлена в Ханты-Мансийск. Оставлена небольшая группа во главе со старшим инженером Григорием Дмитриевичем Сурковым для консервации скважины. Но трест потребовал провести испытание скважины. При разбуривании цементной пробки и произошла авария [23, 24]. Во время фонтанирования погиб старший инженер по противопожарному делу Главгазнефтеразведки Миннефтепрома Е.А. Лютый [23].

В публикациях, появившихся за 70 лет, прошедших с момента открытия месторождения, положившего начало Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, нигде и никогда не упоминалось и не упоминается имя уральского геолога Архангельского, который, если внимательно читать протокол партийного заседания августа 1956 г., был практически везде, но всегда «случайно», был с ним и геолог ВСЕГЕИ П.Ф. Ли, но и его имя нигде не отразилось. Потерялся во времени и П.В. Гаврилов, хотя его фамилия фигурирует в акте отведения участка для бурения скважины в Березове и в последующем выборе места перед непосредственным заложением скважины. Но о нем ни осталось никакой информации. Героем стал А.Г. Быстрицкий, который на скважине в момент аварии не был, оказался чист от гибели трех человек – двоих перед аварией, одного – в ходе фонтанирования.

Еще один аргумент в пользу правоты уральцев в том, что даже несмотря на отсутствие информации об обращении в ЦК партии, есть многоговорящий факт. В 1957 г. в номере № 5 журнала «Геология нефти и газа» была опубликована статья Г.Л. Гришина и Л.И. Ровнина «Березовское месторождение природного газа». В статье содержалась утверждение: «Непосредственное изучение Березовского района было начато П.Ф. Ли, Н.И. Архангельским в 1951 г. Все исследования носили маршрутный характер, глубинное строение недр оставалось предметом загадок и предположений» [27]. Скорее всего, такая публикация была обусловлена требованием свыше как результат некого компромисса. Но открытие осталось за тюменцами-производственниками. Героем открытия стал А.Г. Быстрицкий. Он был «тюменцем» по факту принадлежности к геологической организации, участником Великой Отечественной войны, не был виновен в аварии, в гибели людей на Березовской скважине, так как в это время был начальником Покровской нефтеразведки. Все плохое и часть хорошего свершилось без него. Великое событие нуждалось в герое. Герой был найден. Ненужные люди из процесса были удалены.

Таким образом, протокол заседания партбюро треста «Тюменнефтегеология» августа 1956 г. раскрывает ключевые черты начального этапа рождения истории геологии Тюменской области, среди них – геологи-производственники, побеждающие геологов-ученых, принятие упрощенных схем героизации участников процесса.

Список источников

1. В Югре прошло выездное заседание Российского газового общества и Союза нефтегазопромышленников России) // МК.ru Югра. 2023. 24 сент. URL: https://ugra.mk.ru/economics/2023/09/24/v-yugre-proshlo-vyezdnoe-zasedanie-rossiyskogo-gazovogo-obshhestva-i-soyuza-neftegazopromyshlennikov-rossii.html (дата обращения: 12.11.2023).
2. В Тюменской области отмечают 70-летие со дня открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции // МК.ru Тюмень. 2023. 21 сент. URL: https://tumen.mk.ru/economics/2023/09/21/v-tyumenskoy-oblasti-otmechayut-70letie-so-dnya-otkrytiya-zapadnosibirskoy-neftegazonosnoy-provincii.html (дата обращения: 12.11. 2023).
3. Патрикеев Н. Молодежь в летописи открытий (1950–1970-е гг.) : историко-публицистический очерк / под ред. В.С. Сафонова. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2003. 165 с.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1724. Оп. 2. Д. 9. Л. 9, 10.

5. Кокосов В. Начинается строительство газопровода Березово-Свердловск // Уральский рабочий. 1956. 3 февря. № 29.
6. Иванов А.А. Творческое удовлетворение // Советская культура. 1956. 19 янв. № 8.
7. Исследователь уральских бокситов Н.И. Архангельский // Севастополь : военно-патриотический клуб. URL: http://vpk-sevastopol.ru/?p=1454 (дата обращения: 16.10.2023).
8. Комарский В.Я. Геологоразведчики Урала в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Вып. 1 // Геологи Урала. URL: http://geologi-urala.meller.su/Geologi_1/geologi_1-5.htm (дата обращения: 16.10.2023).
9. Ровнин Лев Иванович (1928–2014) // Газпром проектирование. URL: https://proektirovanie.gazprom.ru/social/32/ (дата обращения: 16.10.2023).
10. Самойлов Ф. Уральские очерки // Нева. 1956. № 6. С. 125–131.
11. Деменёв Николай Васильевич // Электронная энциклопедия «Ильинский: время, события, люди». URL: http://www.ilinsktime.ru/destiny/1018/ (дата обращения: 30.10.2023).
12. 70 лет Тюменской геологии. Служа Отечеству : в 2 т. / под общей ред. А.М. Брехунцова, В.Н. Битюкова. Тюмень : Сиб. науч. аналит. центр, 2018. Т. 1. 384 с.
13. Сперанская А.Н. Развитие горно-геологических наук на Урале (1945–1965 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 32 с.
14. Первый газ в Березово: 50 лет Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2003. 80 с.
15. Биография Великого подвига: Тюменская геология : Годы. Люди. События (1953–2003 гг.). Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 2003. 688 с.
16. Маслова О. Березовскому газовому фонтану, доказавшему наличие нефти в Западной Сибири исполняется 65 лет // Ugra-news.ru. 2018. 20 сент. URL: https://ugra-news.ru/article/berezovskomu_gazovomu_fontanu_dokazavshemu_nalichie_nefti_v_zapadnoy_sibiri_ispolnyaetsya_65_let/?ysclid=lnrvn3xcy5344417679 (дата обращения: 30.10.2023).
17. Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965 гг. : в 3 т. Свердловск : Сред-Урал. кн. изд-во, 1971. Т. 1. 478 с.
18. Рябов Андрей. Возле леса у воды // Остяко-вогульск.рф. URL: https://остяко-вогульск.рф/2022/04/28/vozle-lesa-u-vody/ (дата обращения: 27.11.2023).
19. Березово – пуп земли // Подорожник : краеведческий сборник. 2003. № 3. С. 18–21.
20. Быстрицкий Г.А. Мальбрук в поход собрался // Тюмень медиа. 2011. 25 авг. URL: https://tyumedia.ru/59410.html (дата обращения: 04.11.2023).
21. Березово – малые города России с большой историей // Wanderings.online. 2021. 12 марта. URL: // https://wanderings.online/berezovo-malye-goroda-rossii-s-bolshoj-istoriej/ (дата обращения: 12.12.2023).
22. Быстрицкий А.Г. Забыть не забываемое? Как первооткрыватель был задвинут в тень // Сибирское богатство. 2014. № 9. С. 50–53.
23. 21 сентября 1953 г. Россия стала сверхдержавой. URL: https://altyn73.livejournal.com/444913.html (дата обращения: 19.11.2023).
24. Первая скважина Югры, или как открывали газ // Безформата. URL: https://hantimansiysk.bezformata.com/listnews/skvazhina-yugri-ili-kak/14330163/ (дата обращения: 19.11.2023).
25. Биография Великого подвига: Тюменские геологи: 1953–2011 : Годы. Люди. События (1953–2011) : в 2 т. Тюмень : Сиб. изд. дом, 2011. Т. 2. 672 с.
26. Ровнин Л.И. Воспоминания // Геологический вестник. 2021. № 4. С. 3–6.
27. Гришин Г.Л., Ровнин Л.И. Березовское месторождение природного газа // Геология нефти и газа. 1957. № 5. С. 3 - 41.

References

1. *MK.ru Yugra*. (2023) V Yugre proshlo vyezdnoe zasedanie Rossiyskogo gazovogo obshchestva i Soyuza neftegazopromyshlennikov Rossii [A visiting meeting of the Russian Gas Society and the Union of Oil and Gas Producers of Russia was held in Yugra]. 24th September. [Online] Available from: https://ugra.mk.ru/economics/2023/09/24/v-yugre-proshlo-vyezdnoe-zasedanie-rossiyskogo-gazovogo-obshhestva-i-soyuza-neftegazopromyshlennikov-rossii.html (Accessed: 12th November 2023).
2. *MK.ru Tyumen'*. (2023) V Tyumenskoy oblasti otmechayut 70-letie so dnya otkrytiya Zapadno-Sibirskoy neftegazonosnoy provintsii [The Tyumen Region celebrates the 70th anniversary of the discovery of the West Siberian oil and gas province]. 21st September. [Online] Available from: https://tumen.mk.ru/economics/2023/09/21/v-tyumenskoy-oblasti-otmechayut-70letie-so-dnya-otkrytiya-zapadnosibirskoy-neftegazonosnoy-provincii.html (Accessed: 12th November 2023).
3. Patrikeev, N. (2003) *Molodezh' v letopisi otkrytiy (1950–1970-e gg.): istoriko-publitsisticheskiy ocherk* [Youth in the chronicle of discoveries (1950–1970s): A historical and journalistic essay]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.
4. The State Archive of the Socio-Political History of the Tyumen Region (GASPITO). Fund 1724. List 2. File 9. pp. 9, 10.
5. Kokosov, V. (1956) Nachinaetsya stroitel'stvo gazoprovoda Berezovo-Sverdlovsk [Construction of the Berezovo-Sverdlovsk gas pipeline begins]. *Ural'skiy rabochiy*. 3rd February.
6. Ivanov, A.A. (1956) Tvorcheskoe udovletvorenie [Creative satisfaction]. *Sovetskaya kul'tura*. 19 January.
7. Shatrov, V.P. (n.d.) *Issledovatel' ural'skikh boksitov N.I. Arkhangel'skiy* [A researcher of the Ural bauxites N.I. Arkhangelsky]. [Online] Available from: http://vpk-sevastopol.ru/?p=1454 (Accessed: 16th October 2023).
8. Komarskiy, V.Ya. (n.d.) *Geologorazvedchiki Urala v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Ural prospectors in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Vol. 1. [Online] Available from: http://geologi-urala.meller.su/Geologi_1/geologi_1-5.htm (Accessed: 16th October 2023).
9. Anon. (n.d.) *Rovnin Lev Ivanovich (1928–2014)*. [Online] Available from: https://proektirovanie.gazprom.ru/social/32/ (Accessed: 16th October 2023).
10. Samoylov, F. (1956) Ural'skie ocherki [The Ural essays]. *Neva*. 6. pp. 125–131.
11. Anon. (n.d.) *Demenev Nikolay Vasil'evich*. [Online] Available from: http://www.ilinsktime.ru/ destiny/1018/ (Accessed: 30th October 2023).
12. Brekhuntsov, A.M. & Bityukov, V.N. (eds) (2018) *70 let Tyumenskoy geologii. Sluzha Otechestvu* [70 years of Tyumen geology. Serving the Fatherland]. Vol. 1. Tyumen: Siberian Scientific and Analytical Center.
13. Speranskaya, A.N. (2006) *Razvitie gorno-geologicheskikh nauk na Urale (1945–1965 gg.)* [Development of mining and geological sciences in the Urals (1945–1965)]. Abstract of History Cand. Diss. Chelyabinsk.
14. Anon. (2003) *Pervyy gaz v Berezovo: 50 let Zapadno-Sibirskoy neftegazonosnoy provintsii* [First gas in Berezovo: 50 years of the West Siberian oil and gas province]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.
15. Kalin, V.M. (ed.) (2003) *Biografiya Velikogo podviga: Tyumenskaya geologiya: Gody. Lyudi. Sobytiya (1953–2003 gg.)* [Biography of the Great Feat: Tyumen geology: Years. People. Events (1953–2003)]. Sverdlovsk: Sredne-Ural. kn. izd-vo.
16. Maslova, O. (2018) Berezovskomu gazovomu fontanu, dokazavshemu nalichie nefti v Zapadnoy Sibiri ispolnyaetsya 65 let [The Berezovsky gas fountain, which proved the presence of oil in Western Siberia, turns 65]. *Ugra-news.ru*. 20th September. [Online] Available from: https://ugra-news.ru/article/berezovskomu_gazovomu_fontanu_dokazavshemu_nalichie_nefti_v_zapadnoy_sibiri_ispolnyaetsya_65_let/?ysclid=lnrvn3xcy5344417679 (Accessed: 30th October 2023).
17. Smorodinskov, D.A. (1971) *Neft' i gaz Tyumeni v dokumentakh. 1901–1965 gg.: v 3 t.* [Oil and gas of Tyumen in documents. 1901–1965: in 3 vols]. Vol. 1. Sverdlovsk: Sred-Ural. kn. izd-vo.
18. Ryabov, A. (2022) *Vozle lesa u vody* [Near the forest by the water]. [Online] Available from: https://ostyako-vogul'sk.rf/2022/04/28/vozle-lesa-u-vody/ (Accessed: 27th November 2023).

19. Anon. (2003) Berezovo – pup zemli [Berezovo – the navel of the earth]. *Podorozhnik: kraevedcheskiy sbornik*. 3. pp. 18–21.
20. Bystritskiy, G.A. (2011) Mal'bruk v pokhod sobralsya [Malbrouk goes off to war]. *Tyumen' media*. 25th August. [Online] Available from: https://tyumedia.ru/59410.html (Accessed: 4th November 2023).
21. *Wanderings.online*. (2021) Berezovo – malye goroda Rossii s bol'shoy istoriey [Berezovo – small towns of Russia with a great history]. 12th March. [Online] Available from: // https://wanderings.online/berezovo-malye-goroda-rossii-s-bolshoj-istoriej/ (Accessed: 12th December 2023).
22. Bystritskiy, A.G. (2014) Zabyt' ne zabyvaemoe? Kak pervootkryvatel' byl zadvinut v ten' [Forget the unforgettable? How the discoverer was pushed into the shadows]. *Sibirskoe bogatstvo*. 9. pp. 50–53.
23. Anon. (2013) *21 sentyabrya 1953 g. Rossiya stala sverkhderzhavoy* [September 21, 1953. Russia became a superpower]. [Online] Available from: https://altyn73.livejournal.com/444913.html (Accessed: 19th November 2023).
24. Anon. (n.d.) *Pervaya skvazhina Yugry, ili kak otkryvali gaz* [The first well of Yugra, or how gas was discovered]. [Online] Available from: https://hantimansiysk.bezformata.com/listnews/skvazhina-yugri-ili-kak/14330163/ (Accessed: 19th November 2023).
25. Kalin, V.M. (ed.) (2003) *Biografiya Velikogo podviga: Tyumenskaya geologiya: Gody. Lyudi. Sobytiya (1953–2003 gg.)* [Biography of the Great Feat: Tyumen geology: Years. People. Events (1953–2003)]. Vol. 2. Sverdlovsk: Sib. izd. dom.
26. Rovnin, L.I. (2021) Vospominaniya [Memories]. *Geologicheskiy vestnik*. 4. pp. 3–6.
27. Grishin, G.L. & Rovnin, L.I. (1957) Berezovskoe mestorozhdenie prirodnogo gaza [The Berezovskoye natural gas field]. *Geologiya nefti i gaza*. 5. pp. 3–41.

***Сведения об авторе*:**
Колева Галина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент ВАК, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия). E-mail: gukoleva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Koleva Galina Yu. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (the Higher Attestation Commission), Professor of the Department of Humanities and Technologies of the Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 10.07.2024; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 94(470)“1918/1922”:341.233(73)(410)(045)
doi: 10.17223/19988613/92/4

Приграничные регионы России в политике США и Великобритании в условиях международной интервенции на Русский Север

Иван Викторович Рогачев

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, i.rogachev@narfu.ru

Аннотация. Представлен анализ роли приграничных регионов России во внешних связях страны. Страны Антанты в ходе международной интервенции на Русский Север предприняли попытку расширить свое стратегическое присутствие в регионе. Достижение этих целей предусматривало создание буферных образований на территории Севера России, где была создана антисоветская Северная область, претендовавшая на роль самостоятельного актора в международных отношениях.
Ключевые слова: США, Великобритания, Русский Север, Северная область, международная интервенция, Гражданская война, автономные движения, сепаратизм

Для цитирования: Рогачев И.В. Приграничные регионы России в политике США и Великобритании в условиях международной интервенции на Русский Север // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 34–39. doi: 10.17223/19988613/92/4

Original article

Russian border regions in the policy of the United States and Great Britain in the context of international intervention in the Russian Nort

Ivan V. Rogachev

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Archangelsk, Russian Federation, i.rogachev@narfu.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the difficult international situation of the Russian Federation and the need to find a constructive dialogue with the leading countries of the world. In this context, the rich potential of the Russian border regions is of particular importance, while maintaining the proper level of national security. The purpose of this article is to study the historical experience of the participation of the internal regions of Russia (on the example of the Russian North) in the maintenance and development of the country's external relations, as well as to identify foreign influence on this process during the international intervention and the Civil War in Russia. The article actualizes the problem of creating buffer formations in the border areas of the country in order to exert influence and establish their control. The emergence of an independent entity in the Russian North was largely due to a number of circumstances: the weakening of the state vertical of power, the violation of well-established economic and infrastructural ties, foreign military and diplomatic presence in Murmansk (modern Murmansk) and in Arkhangelsk.

In addition, the results of the study can be useful for the development of modern relations between Russia and the United States, Great Britain and other countries at the regional level and in various fields, as well as to identify possible negative factors in the work of foreign missions in the context of the weakening of the state foundations of the host country. Using the historical experience of the US diplomatic mission in Arkhangelsk, it is possible to establish and intensify regional ties with the United States in trade, economic and social spheres – attracting American investments, creating joint Russian-American enterprises, forming joint chambers of commerce and industry, etc. A striking example of this is the experience of American businessmen establishing trade, economic and other relations with northern representatives of cooperation, local authorities, as well as public figures through the US consular agency in Arkhangelsk.

The conclusion is that in the context of the weakening of Russian statehood and the violation of established economic ties, the former allies: Great Britain, the United States and France attempted to expand their economic, political, diplomatic and military-strategic presence in the region during the implementation of the armed intervention in the Russian North. One of the mechanisms for implementing such a scenario military strategists and diplomats of the Entente countries saw in the creation of buffer formations on the territory of Russia, including in the Russian North, where the anti-Soviet Northern Region was created, claiming to be an independent actor in international relations.
Keywords: USA, Great Britain, Russian North, Northern Region, international intervention, civil war, autonomous movements, separatism

© И.В. Рогачев, 2024

For citation: Rogachev, I.V. (2024) Russian border regions in the policy of the United States and Great Britain in the context of international intervention in the Russian North. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 34–39. doi: 10.17223/19988613/92/4

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью обеспечения национальной безопасности России – предотвращения развития центробежных стремлений своих внутригосударственных регионов. Одновременно с этим в условиях развития современного глобализационного процесса перед руководством страны стоит сложная задача – максимально активизировать потенциал своих субъектов для укрепления социально-экономического и общественно-политического положения. Последнее сегодня может быть достигнуто при рациональном использовании возможностей регионов во внешнеэкономической деятельности страны.

В связи с нарастанием напряженности вокруг России – применением экономических и иных рестрикций – руководству страны необходимо учитывать исторический опыт участия регионов во внешних связях, поскольку это может, с одной стороны, увеличить шансы на кооперацию с иностранными партнерами, а с другой – угрожать целостности государства.

В рамках настоящей работы будет предпринята попытка выявить особенности политики стран Антанты в отношении российских приграничных регионов (на примере Архангельского Севера) в условиях международной интервенции и Гражданской войны в России, что и составляет цель данной статьи.

Указанная тема в российской исторической науке на данный момент не получила широкого изучения. Обусловлено это тем, что отечественные и зарубежные авторы анализируют общее развитие вооруженной интервенции стран Антанты на Север России и русский Дальний Восток. Предметом их исследований являются преимущественно военно-стратегические мотивы, политико-дипломатическая подоплека, а также вопросы экономики и реже общественно-культурное взаимодействие.

В советской исторической литературе авторы рассматривали общие проблемы взаимоотношений между странами Антанты в годы Гражданской войны, посвященные в основном экономической эксплуатации территории страны. При этом роль и значение северных регионов в развитии связей России и зарубежных стран ими специально не рассматривались. В большей степени освещение получила союзная интервенция с участием стран Антанты в Россию, в частности на Русский Север [1–3].

В постсоветский период, в новой российской действительности, открылись широкие возможности для изучения и трактовки прошедших событий. В связи с этим предметом изучения историков стали механизмы реализации интересов ведущих стран Антанты в регионах России. Здесь следует выделить обстоятельные исследования профессора В.И. Голдина. В них он подробно рассматривает политико-дипломатические и военно-стратегические методы реализации интересов стран Антанты, косвенно затрагивая планы военных представителей Великобритании по развитию и укреплению своих позиций на северных территориях [4].

Работы последнего времени, в частности таких исследователей, как С.В. Листикова [5], А.Н. Зашихина [6], С.Н. Третьякова [7], отражают коллизии политико-дипломатического, военно-стратегического и экономического характера среди стран Антанты, возникшие в ходе реализации международной интервенции на Севере России.

В последнее время некоторые историки стали обращать внимание на ряд имплицитных факторов, имеющих значение для реализации странами Антанты своих национальных интересов на территории российского государства, не отмеченных в предшествующих исследованиях. Так, Э.И. Иванян кепзывает, что США обладали на территории России широкой шпионской сетью, через которую официальный Вашингтон постоянно отслеживал ситуацию в стране [8].

Историк П.С. Журавлев дополнил предшественников размышлениями о влиянии и деятельности иностранных представительств на Севере России. По его мнению, страны Антанты, в первую очередь Великобритания и США, были заинтересованы в поддержании автономистских процессов на Севере России, где целью ставилось создание буферных объединений [9]. Другой исследователь, В.Л. Мальков, приходит к выводу, что американские дипломатические службы проводили в России широкие диверсионные и разведывательные операции, распространяя своих осведомителей в важных опорных пунктах страны. Более того, автор считает, что Белый дом был готов к созданию зависимых режимов в приграничных регионах России, свободных от советского влияния [10].

Следует отметить, что в зарубежной историографии, как и в отечественной, большое внимание исследователей сосредоточено на общих проблемах реализации международной интервенции в регионах России, таких как военно-стратегическое противоборство, вопросы экономической, политико-дипломатической и иной поддержки [11–13]. Из последних наиболее значимых работ следует выделить монографию Д.С. Фоглесонга. В рамках данной публикации автор раскрывает тайные механизмы реализации интересов официального Вашингтона на территории России в годы международной интервенции. Он подчеркивает, что американская администрация эффективно использовала дипломатический корпус и иные представительства в России с целью подрыва советской власти и упрочения своих позиций в различных регионах страны [14]. Другой исследователь, В. Эллисон, также отметил, что американское представительство в Архангельске было причастно к шпионажу, в результате чего консульский агент К. Леве в 1917 г. был отозван со службы без объяснения причин и заменен другим представителем США [15. P. 128–129].

Революционный процесс, внезапно поразивший Россию в 1917 г., вызвал глубокий внутренний кризис, отразившийся на общем положении государства на мировой арене. В силу этого страна резко стала терять

внешнеполитические позиции ведущего актора международной системы, чем не преминули воспользоваться геополитические оппоненты. После захвата власти большевиками во главе с Лениным в октябре 1917 года и провозглашения в России первого социалистического государства отношения с зарубежными странами de jure были приостановлены.

Однако бывшие союзники не прекратили свои связи с Россией, а наоборот, еще больше усилили свое внимание к ней, что вызвало к жизни так называемый «русский вопрос». Его решение виделось в ведущих европейских столицах в контексте переноса отношений с центрального на региональный уровень. С этого момента руководство США, Великобритании и Франции стало проводить политику двойных стандартов: поддерживать неофициальные отношения с советской Москвой и антисоветскими силами в стране и за ее пределами.

В результате расширения и углубления внутреннего российского раскола у стран Антанты появлялась возможность на местном уровне поддерживать силы, противодействовавшие распространению и укреплению власти Советов. Этому способствовали нарастание системного кризиса российской государственности, нарушение инфраструктурных и хозяйственных связей, в силу чего ряд приграничных регионов России оказался вынужден рассматривать различные варианты обеспечения своей жизнедеятельности, в чем существенную поддержку могли и, как показала практика, стремились оказать зарубежные страны, в первую очередь Великобритания, США и Франция.

Северный регион России занимает видное место в геостратегическом положении государства, позволяя поддерживать внешние контакты посредством выхода к морским акваториям, соединяющим страну с внешним миром. С другой стороны, это побуждает геополитических оппонентов России заполучить контроль над этими территориями. В условиях расширения Гражданской войны и усиления дестабилизации бывшие союзники России, как и прямые противники в лице Германии, стали уделять повышенное внимание этим приграничным территориям страны. Германская империя, использовав внутренний раскол в Финляндии, путем вооруженной интервенции сумела упрочить свое положение на Севере Европы. Этим она создала потенциальную ситуацию по вероятному захвату Русского Севера. В свою очередь, это обстоятельство привело к резкой активизации членов Сердечного Согласия в решении «русского вопроса» в контексте международной интервенции в стратегически важные регионы России.

Политическая обстановка на Севере России была нестабильной и тяжелой. Обрыв связей с центром грозил массовым голодом и страданиями многих тысяч людей. С целью не допустить этого среди местных властей стали проявляться тенденции к автономизации и наделению себя некоторыми суверенными правами (в части отношений с союзниками). В Мурманске к началу 1918 г. находились вооруженные силы и военные корабли союзников по Антанте, а в Вологду в марте того же года переезжает Дипломатический корпус, готовый оказать поддержку местному населению.

Американские дипломаты постоянно контролировали ситуацию и докладывали в Вашингтон о муссировавшихся идеях создания полуавтономных объединений в североевропейских губерниях. Консул США в Архангельске Ф. Коль телеграфировал в Вашингтон, что чем сильнее нарастает проблема с продовольствием, тем меньше становится доверия и стремления северян подчиняться большевистскому руководству в Москве [16]. В своих донесениях американский консул настаивал на том, чтобы правительство США немедленно организовало гуманитарную помощь северянам через порты Архангельска и Мурманска, а взамен предполагалось получить эквивалентное количество отменного русского сырьевого леса и других товаров [15].

Следует заметить, что Ф. Коля в его рекомендациях поддерживал и консул Великобритании Д. Юнг, который направлял свои депеши в Форин-офис с предложением начать продовольственные поставки в Архангельск. По существу, местные дипломаты очень хорошо разобрались в сложившейся обстановке и предложили эффективную и менее дорогостоящую альтернативу международной интервенции на Север России. Благодаря гуманитарной помощи можно было в достаточно короткие сроки расположить к себе местное население, сделав его лояльным к иностранным поддержке и присутствию как основе защиты и пропитания.

Это поняли и за рубежом. Американское руководство санкционировало поддержку региона через поставки Американского Красного Креста [17]. Лондон дал указания Д. Юнгу в случае необходимости заверить местное руководство о предоставлении материальной поддержки [9. С. 46]. Серьезных подвижек не удалось достичь в результате внутриполитических расхождений в Архангельске по поводу получения открытой помощи из-за рубежа.

Несмотря на неудачу с гуманитарными инициативами, на начальном этапе проработки планов интервенции бывшие союзники сумели реализовать свой военно-стратегический потенциал в Мурманске. Здесь была размещена значительная военно-морская группировки под командованием Т. Кемпа. На Мурмане державам Антанты удалось достичь наибольших результатов распространения и упрочения своего влияния в России путем полуофициального признания советской власти на региональном уровне. Это было закреплено 2 марта путем оформления «словесного, но дословно запротоколированного соглашения о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края». В результате страны Антанты сумели юридически обоснованно утвердиться на северных рубежах России несмотря на то, что затем советское руководство отказалось признать заключенное соглашение.

Согласно воспоминаниям современников, положение в Мурманске благодаря оказанию поддержки извне было весьма привлекательным: «Все прибывающие из России лица изумлялись обилию всяких съестных припасов… доставляемых кораблями, приходящими из Англии и Америки. Это обстоятельство привлекает туда очень много лиц из России» [17. Л. 91–94]. Таким образом, иностранная поддержка в военной, а особен-

но в гуманитарной сфере является весьма значимым аргументом, способным привлечь массы на свою сторону.

Далее, расширяя свое присутствие в северном регионе России, страны Антанты 3 июня 1918 г. принимают официальное решение об интервенции, закрепленное в Совместной ноте № 31 «Союзническая интервенция в русские союзные порты», согласно которой в Мурманск и Архангельск стали прибывать новые военные контингенты. Главнокомандующим экспедиционными войсками был назначен опытный британский генерал Ф. Пуль. Официальный Вашингтон присоединился к союзной операции после длительных обсуждений в июле 1918 г.

Бывшие союзники стали достаточно оперативно действовать на Севере России, и к началу августа 1918 г. в Архангельске благодаря их прибытию из Мурманска было изгнано советское руководство и образовано буферное образование под названием «Северная область», председателем которой, или президентом, как его именовали в газетах за рубежом, стал Н.В. Чайковский, стремившийся включить в новое образование территории Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской и Вятской губерний. Реализация этого плана, однако, оказалась труднореализуемой в силу проявившихся конфликтов между руководством Северной области – Верховным Управлением – и Ф. Пулем.

Решить эти противоречия Н.В. Чайковский пытался через дипломатический корпус, который прибыл в Архангельск в начале августа 1918 г., благодаря чему Архангельский север превратился в основной форпост стран Антанты в России. Переговоры шли весьма проблематично, так как старшина дипломатического корпуса Д. Фрэнсис поддерживал Ф. Пуля в его намерениях самостоятельно использовать создавшееся положение с целью ослабить советское руководство. Чайковский тщетно искал возможности международного признания Северной области. Дипломаты США и Франции выступали против. Д. Фрэнсис неоднократно заявлял: «Мы рассматриваем вас, как чисто местную власть Северной России, и с этим сообразуемся». Представители Великобритании в лице уполномоченного Ф. Линдлея, наоборот, считали приемлемым вариант признания Северной области, что позволило бы в короткие сроки создать широкое сопротивление Советам и Германии на Севере России. В итоге после ряда прений дипломаты пришли к общему мнению занять выжидательную позицию и начать действовать только после того, как ситуация прояснится [18. Л. 12].

И ситуация прояснилась, когда в ходе переворота 5–6 сентября 1918 г., поддерживаемого имплицитно дипломатами и союзным командованием, Верховное Управление было заменено на Временное Правительство, которое перестало претендовать на роль государственной власти в России. Со своей стороны Чайковский продолжил действия по получению международного признания Северной области. В подобной ситуации оказалось не только Временное правительство Северной области, но и другие антибольшевистские правительства на территории русского Дальнего Востока. Так, Временное правительство Амурской области и ряд других, а также в целом белое Приморье пытались получить международное признание, однако добиться удалось лишь налаживания частных экономических связей с зарубежными партнерами [19. С. 214].

Н. Чайковский стремился к самообеспечению Северной области путем установления связей и поставок из антибольшевистских регионов Сибири через Северный морской путь в летние месяцы. Но данная идея не была поддержана союзным руководством при косвенной поддержке Дипломатического корпуса. Обусловлено это было весьма вероятными опасениями утраты контроля над Северной областью, чего не желали допустить державы Антанты.

В последнее время исследователи стали публиковать материалы, свидетельствующие о проработке иностранными представителями в России планов по созданию зависимых государственных образований на основе Северной области. В.И. Голдин обнаружил сведения, указывающие на стремление британских военных образовать опорную точку для последующего наращивания влияния в России. Ф. Пуль еще в начале 1918 г. сообщал в Лондон: «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске… Мы могли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя северными портами» [4. С. 8].

Т.У. Кемп также рассматривал возможность расширения британского присутствия на Севере России. По его мнению, страны Антанты должны иметь «контроль в течение некоторого времени над всеми средствами транспорта и связи и над экономической системой России в целом» [20. С. 186].

Работая в Архиве внешней политики РФ, автор данных строк обнаружил документ под грифом «Совершенно секретно». Он был составлен в виде аналитической записки, раскрывающей весьма масштабное, но продуманное создание на базе Северной области буферного образования под названием Русская Североокеанская Республика (РСР), зависимого от Великобритании, США и Франции. В качестве основной причины его появления называлась необходимость обеспечения безопасности грузов стран Антанты в северных портах России.

Исходя и документа, можно констатировать, что союзники стремились к поддержанию и расширению прямого водного сообщения с РСР, установлению контроля над продажей товаров и сырья из РСР, сохранению в своих руках русских поселений на Шпицбергене, а также порта Кильдин. Помимо этого, планировались широкая реконструкция и строительство инфраструктуры г. Архангельска: развитие судостроения в Соломбальском районе, возведение консервной фабрики, деревообрабатывающих заводов, мостов и др. [21. С. 119]. Прорабатывались также идеи образования на Севере России другого марионеточного режима – Карельского буферного государства [22. С. 186]. Однако свертывание державами Антанты своего военного и иного присутствия в 1919 г. не позволило реализовать подобные проекты.

В конечном счете на примере Архангельского севера в условиях тяжелейшей обстановки внутри страны проявились истинные планы бывших союзников России – обеспечить себе наиболее благоприятные и выгодные позиции на ее территории, обладающие первостепенным значением в мировой геополитике, богатыми и ценными природными ресурсами, а самое главное – талантливым и весьма терпеливым народом – славянами. Для реализации этих намерений страны Антанты, в первую очередь Великобритания и США, путем создания в важных геостратегических регионах России буферных объединений могли вполне реализовать свои долгосрочные цели.

В определенной мере данный исторический опыт является непреходящим уроком как для России, так и для многих других стран, стремящихся проводить независимую самостоятельную внешнюю политику. Представляется, что приграничные территории страны должны быть особо развитыми и иметь прочную связь с центром во избежание развития автономистских и сепаратистских настроений и действий. При этом значительное влияние на центробежные тенденции в региональном контексте могут оказать такие факторы, как слабая инфраструктура, наличие иностранного дипломатического и особенного военного присутствия.

Список источников

1. Свечников М. Союзническая интервенция на Севере Советской России с 2 июля 1918 г. по 1 октября 1919 г. // Кто должник? : сб. документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции. М. : Авиоиздат, 1926. С. 429–479.
2. Минц И.И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 256 с.
3. Мымрин Г., Пирогов М., Кузнецов Г. Разгром интервентов и белогвардейцев на Севере. Архангельск : Архгиз, 1940. 99 с.
4. Голдин В.И. От первой мировой к Гражданской войне в России и на Русском Севере: уроки национальной безопасности // Первая мировая война и Европейский север России : материалы Междунар. науч. конф. «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)» (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.) / под общ. ред. Т.И. Трошиной. Архангельск : ИД САФУ, 2014. С. 6–14.
5. Листиков С.В. «Решение вмешаться»: последствия революционного кризиса в России для русско-американских отношений // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 12 (86). С. 8.
6. Зашихин А.Н. Интервенция на Севере России: проблемы изучения в историографии «перестройки» (1985–1991 гг.) // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции. Архангельск : Солти, 2008. С. 27–36.
7. Третьякова С.Н. Странная война: американский экспедиционный корпус на Севере России (1918–1919) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3 (20). С. 216–222.
8. Иванян Э.А. У истоков советско-американских отношений. М. : Междунар. отношения, 2007. 368 с.
9. Журавлев П.С. Иностранный фактор в истории сепаратизма на Европейском Севре России в 1917–1920 годах // XIX Ломоносовские международные научные чтения. Архангельск : Поморский ун-т, 2008. С. 44–60.
10. Мальков В.Л. «Кислотный тест» для дипломатии США, президент В. Вильсон и его консулы ищут решение «русской дилеммы» // Россия XXI. 2019. № 6. С. 6–39.
11. Strakhovsky L. The Origins of American Intervention in North Russia, 1918. New York : H. Fertig, 1972. 140 p.
12. Kennan G.F. Soviet-American relations, 1917–1920. Princeton : W.W. Norton & Company, 1956. Vol. II: The Decision to Intervene. 513 p.
13. McFadden D.W. Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1993. 448 p.
14. Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill ; London : University of North Carolina Press, 1995. 386 p.
15. Allison W. American Diplomats in Russia: Case Studies in Orphan Diplomacy, 1916–1919. Westport : Praeger. 1997. 191 p.
16. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918 / ed. J.V. Fuller. Washington, 1932. Vol. II: Russia. 971 p.
17. Архив внешней политики Российской Ьмперии. Ф. 170. Оп. 512/4. Д. 27. Л. 91–94.
18. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. Архив Чичерина. 1918 год. Оп. 56. Д. 56815. Л. 12.
19. Попов Ф.А. Белое Приморье как потенциальный «русский Тайвань»: опыт и перспективы развития антибольшевистской государственности на Дальнем Востоке // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории : сб. материалов междунар. науч. конф. / сост. В.И. Голдин. М. : Пятый Рим, 2020. С. 208–217.
20. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию / пер. с англ. В.Н. Мачавариани. М. : Прогресс, 1982. 192 с.
21. Шубин С.И., Рогачев И.В., Опрышко А.И. Первая мировая война как форма европейского сдерживания развития России: взгляд из Архангельска // Арктика и Север. 2015. № 18. С. 114–121.
22. Шумилов М.И. и др. История Карелии : учебник для 10–11-х классов. Петрозаводск : Verso, 2008. 383 с.

References

1. Svechnikov, M. (1926) Soyuznicheskaya interventsiya na Severe Sovetskoy Rossii s 2 iyulya 1918 g. po 1 oktyabrya 1919 g. [Allied intervention in the North of Soviet Russia from July 2, 1918 to October 1, 1919]. In: *Kto dolzhnik?: sb. dokumen-tirovannykh statey po voprosu ob otnosheniyakh mezhdu Rossiey, Frantsiey i drugimi derzhavami Antanty do voyny 1914 g., vo vremya voyny i v period interventsii* [Who is the debtor?: A collection of documented articles on the relations between Russia, France and other Entente powers before the war of 1914, during the war and during the intervention]. Moscow: Avioizdat. pp. 429–479.
2. Mints, I.I. (1931) *Angliyskaya interventsiya i severnaya kontrrevolyutsiya* [English Intervention and the Northern Counterrevolution]. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo.
3. Mymrin, G., Pirogov, M. & Kuznetsov, G. (1940) *Razgrom interventov i belogvardeytsev na Severe* [The Defeat of the Interventionists and White Guards in the North]. Arkhangelsk: Arkhgiz.
4. Goldin, V.I. (2014) Ot pervoy mirovoy k Grazhdanskoy voyne v Rossii i na Russkom Severe: uroki natsional'noy bezopasnosti [From World War I to the Civil War in Russia and the Russian North: Lessons of National Security]. In: Troshina, T.I. (ed.) *Pervaya mirovaya voyna i Evropeyskiy sever Rossii* [World War I and the European North of Russia]. Arkhangelsk: NAFU. pp. 6–14.
5. Listikov, S.V. (2019) "Reshenie vmeshat'sya": posledstviya revolyutsionnogo krizisa v Rossii dlya russko-amerikanskikh otnosheniy ["Decision to Intervene": Consequences of the Revolutionary Crisis in Russia for Russian-American Relations]. *Istoriya*. 12(86). p. 8.
6. Zashikhin, A.N. (2008) Interventsiya na Severe Rossii: problemy izucheniya v istoriografii "perestroyki" (1985–1991 gg.) [Intervention in the North of Russia: Problems of Study in the Historiography of "Perestroika" (1985–1991)]. In: *1918 god v sud'bakh Rossii i mira: razvertyvanie shirokomasshtabnoy Grazhdanskoy voyny i mezhdunarodnoy interventsii* [1918 in the Fates of Russia and the World: The Development of a Large-Scale Civil War and International Intervention]. Arkhangelsk: Solti. pp. 27–36.

7. Tretyakova, S.N. (2019) Strannaya voyna: amerikanskiy ekspeditsionnyy korpus na Severe Rossii (1918–1919) [A Strange War: The American Expeditionary Force in the North of Russia (1918–1919)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 3(20). pp. 216–222.
8. Ivanyan, E.A. (2007) *U istokov sovetsko-amerikanskikh otnosheniy* [At the Origins of Soviet-American Relations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
9. Zhuravlev, P.S. (2008) Inostrannyy faktor v istorii separatizma na Evropeyskom Sevre Rossii v 1917–1920 godakh [The Foreign Factor in the History of Separatism in the European North of Russia in 1917–1920]. *XIX Lomonosovskie mezhdunarodnye nauchnye chteniya* [XIX Lomonosov International Scientific Readings]. Proc. of the Conference. Arkhangelsk: Pomor University. pp. 44–60.
10. Malkov, V.L. (2019) “Kislotnyy test” dlya diplomatii SShA, prezident V. Vil'son i ego konsuly ishchut reshenie “russkoy dilemmy” [An “Acid Test” for US Diplomacy: President W. Wilson and His Consuls Seek a Solution to the “Russian Dilemma”]. *Rossiya XXI*. 6. pp. 6–39.
11. Strakhovsky, L. (1972) *The Origins of American Intervention in North Russia, 1918*. New York: H. Fertig.
12. Kennan, G.F. (1956) *Soviet-American relations, 1917–1920*. Vol. 2. Princeton: W.W. Norton & Company.
13. McFadden, D.W. (1993) *Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920*. New York; Oxford: Oxford University Press.
14. Foglesong, D.S. (1995) *America’s Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920*. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press.
15. Allison, W. (1997) *American Diplomats in Russia: Case Studies in Orphan Diplomacy, 1916–1919*. Westport: Praeger.
16. Fuller, J.V. (ed.) (1932) *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918*. Washington: [s.n.].
17. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 170. List 512/4. File 27. pp. 91–94.
18. The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. The Chicherin Archive. 1918. List 56. File 56815. p. 12.
19. Popov, F.A. (2020) Beloe Primor'e kak potentsial'nyy “russkiy Tayvan”': opyt i perspektivy razvitiya antibol'shevistskoy gosudarstvennosti na Dal'nem Vostoke [White Primorye as a Potential “Russian Taiwan”: Experience and Prospects for the Development of Anti-Bolshevik Statehood in the Far East]. In: Goldin, V.I. (ed.) *Mezhdunarodnaya interventsiya i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki istorii* [International Intervention and the Civil War in Russia and the Russian North: Key Issues, Historical Memory, and Lessons of History]. Moscow: Pyatyy Rim. pp. 208–217.
20. Rotstein, E. (1982) *Kogda Angliya vtorglas' v Sovetskuyu Rossiyu* [When England Invaded Soviet Russia]. Translated from English by V.N. Machavariani. Moscow: Progress.
21. Shubin, S.I., Rogachev, I.V. & Opryshko, A.I. (2015) Pervaya mirovaya voyna kak forma evropeyskogo sderzhivaniya razvitiya Rossii: vzglyad iz Arkhangel'ska [The First World War as a Form of European Containment of Russia's Development: A View from Arkhangelsk]. *Arktika i Sever*. 18. pp. 114–121.
22. Shumilov, M.I. et al. (2008) *Istoriya Karelii* [History of Karelia]. A textbook for Grades 10–11. Petrozavodsk: Verso.

***Сведения об авторе*:**
Рогачев Иван Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: i.rogachev@narfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Rogachev Ivan V. – Candidate of History, associated professor of Department of Regional Studies, International Relations and Political Science of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk, Russian Federation). E-mail: i.rogachev@narfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2021; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 13.04.2021; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 378.091.3:796]-057.87(571.1)(470.22)
doi: 10.17223/19988613/92/5

Становление физического воспитания в системе высшего образования СССР (на примере Западной Сибири и Карелии)

Татьяна Валерьевна Сарычева[1], Елена Александровна Калинина[2]

[1] Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия
[2] Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
[1] sarycheva_tv_1@mail.ru
[2] kalinka46@yandex.ru

Аннотация. Анализируется генезис физического воспитания в системе высшего образования в 1920–1930-х гг. на примере Западной Сибири и Карелии. Раскрываются формы организации физического воспитания и военной подготовки студентов, предпосылки и цель введения дисциплины «физическое воспитание» в качестве обязательной, внеучебная спортивно-массовая работа. Рассматривается появление профильных кафедр, характеризуется их кадровый состав. Интерпретируются первые программы по физическому воспитанию. Выделяются основные проблемы организации обучения студентов и реализации дисциплины.
Ключевые слова: физическая культура, высшее образование, студенческий спорт, Западная Сибирь, Карелия

Для цитирования: Сарычева Т.В., Калинина Е.А. Становление физического воспитания в системе высшего образования СССР (на примере Западной Сибири и Карелии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 40–47. doi: 10.17223/19988613/92/5

Original article

Formation physical education in the system of higher education in the USSR (on the example of Western Siberia and Karelia)

Tatiana V. Sarycheva[1], Elena A. Kalinina[2]

[1] Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation
[2] etrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation
[1] sarycheva_tv_1@mail.ru
[2] kalinka46@yandex.ru

Abstract. Domestic historiography of creation of military physical education departments, as well as including physical training and military studies into the curriculum of higher educational institutions of the USSR is insignificant. The threat to the national security of Russia, turned out to be at the epicenter of world politics, actualizes a retrospective analysis of the experience of organizing military-physical training and patriotic education of youth, realizing the educational and wellness potential of the physical culture sphere. The purpose of the research is to reconstruct the picture and interpret the results of the formation and development of the academic discipline “Physical Education” in the higher education system of the USSR in the 1920-1930s on the example of Western Siberia and Karelia. The study is based on such sources as government orders, archival documents and periodicals.

The declared chronological framework became a period of essential transformations of physical education field: management system formation, creation of a normative basis for physical education, etc. The implementation of physical education into the higher education system had enormous practical significance in the near future and was organized in a short time. There were 15,714 athletes in the clubs of Siberian universities in 1927. Including the compulsory discipline “physical education” in curriculums of the country’s universities dates back to 1929. The implementation of physical education and military training were assigned to military-physical education departments. On the example of Western Siberia and Karelia, the trends of realization of the Soviet state policy in the field of physical culture among youth and its applied military significance, and the involvement of students in the sports life of society are revealed. The model of teaching physical education established in 1930s in universities of the USSR has been reconstructed, with an emphasis on the existing regional specifics. The storyline is complemented by a detailed analysis of the first physical education programs in universities modification.

The fact of implementation of the discipline “Physical Education” and its content had its own economic and political prerequisites. In fact, during two decades, a system of not only physical, but also military, moral and patriotic education of student youth, was developed. The functioning of the system, despite numerous organizational problems, lack of ma-

© Т.В. Сарычева, Е.А. Калинина, 2024

terial and human resources, was a significant contribution to the industrialization of the country and, in the near future, the victory in the Great Patriotic War.
Keywords: physical education, higher education, student sports, Western Siberia, Karelia

For citation: Sarycheva, T.V., Kalinina, E.A. (2024) Formation physical education in the system of higher education in the USSR (on the example of Western Siberia and Karelia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 40–47. doi: 10.17223/19988613/92/5

Введение

Обращение к истории становления дисциплины «физическое воспитание» в системе высшего образования имеет свое обоснование. Угроза национальной безопасности российского государства, находящегося в эпицентре мировой политики, суверенитету и территориальной целостности актуализирует ретроспективный анализ опыта организации военно-физической подготовки и патриотического воспитания молодежи. Особый интерес представляет изучение опыта советской системы физической культуры, реализации ее воспитательного и оздоровительного потенциала в молодежной среде. Цель исследования – интерпретация и обсуждение итогов становления и развития учебной дисциплины «физическое воспитание» в системе высшего образования СССР в 1920–1930-х гг. на примере Западной Сибири и Карелии. Источниковой базой послужили правительственные распоряжения, архивные документы и периодическая печать.

Начало XX столетия было отмечено интересом студенческой молодежи Российского государства к физической культуре, и 1920-е гг. стали новым этапом развития этой сферы. В начале рассматриваемого периода основной формой организации физкультурно-спортивной работы студентов были спортивные клубы и физкультурные кружки. Подобной структурой в г. Томске стал спортклуб «ВУЗ», объединивший в 1923 г. спортсменов Томского государственного университета (ТГУ) и Томского технологического института (ТТИ) [1. С. 167].

Во второй половине 1920-х гг. обозначился подъем физкультурно-массовой работы среди учащейся молодежи. На Всероссийском ректорском совещании 15 мая 1926 г.) М.И. Калининым была дана высокая оценка ее роли в системе коммунистического воспитания молодых людей: «Наши вузы должны следить, чтобы параллельно учебе шло физическое укрепление учащихся» [2. С. 86]. Специальное решение совещания «О физкультуре в вузах» обязало руководителей высших и средних учебных заведений всемерно развивать физическую культуру и спорт среди студенчества. Несмотря на критически низкий уровень кадрового потенциала и материальных ресурсов, физкультурные занятия стали вводится в учебные планы вузов и техникумов, имевших соответствующие условия. Финансирование кружков и клубов предполагалось из средств профсоюзных организаций, профильных производств, ведомств. Так, кружки физкультуры Томского округа финансировались окружными отделами профсоюзов (1926), а техникумы – специальными ассигнованиями. Однако нехватка средств обусловила закрытие ряда кружков уже в том же году [1. С. 169].

Тем не менее в сибирских вузах начали функционировать собственные физкультурные кружки: в конце 1926 г. – в ТТИ, в начале 1927 г. – в ТГУ [3. С. 15]. Всего в студенческих кружках Сибири в 1927 г. насчитывалось 15 714 физкультурников [4].

Важно отметить, что инициаторами введения физического воспитания в высших учебных заведениях стало военное ведомство, представители которого в конце 1920-х гг. возглавляли спортивные студенческие кружки и клубы. Прошедший в сентябре 1927 г. Всесоюзный съезд военных руководителей гражданских вузов, организованный Управлением военно-учебными заведениями при Главном управлении Рабоче-Крестьянской Красной Армии, рекомендовал Наркомпросу РСФСР ввести физическое воспитание в учебные планы вузов страны. Решением Коллегии Наркомпроса РСФСР стало образование в вузах при военных кафедрах отделений по физической культуре с дальнейшей реструктуризацией в автономные подразделения [2. С. 86–87]. Таким образом, повышение физической подготовленности и укрепление здоровья студентов и сотрудников в тот период находилось в компетенции кабинетов и курсов военного дела. Так, кабинет военного дела под руководством комдива Н.Н. Биязи организовал обязательный курс физического воспитания в ТГУ во втором семестре 1928–1929 учебного года [1. С. 171].

Актуальность введения физического воспитания в систему образования была обозначена на заседаниях коллегий в комиссариатах народного здравоохранения и народного просвещения (ноябрь–декабрь 1928 г.). В докладе «О физкультуре в вузе» преподаватель Московского государственного центрального института физической культуры Б.А. Ивановский дал подробный анализ состояния здоровья студентов высших учебных заведений СССР. Так, численность здоровых студентов в Уральском политехническом институте составляла лишь 11,5% от общего состава обучающихся, т.е. процент больных студентов был критическим – 88,5%. «Физическое развитие и состояние здоровья студенчества внушают опасения… имеют довольно печальную картину…». Б.А. Ивановский в качестве мер к оздоровлению студенчества указал на «первенствующее место занятий физической культурой» [5. С. 11, 18]. По его мнению, занятия физкультурой должны состоять из: 1) организации ежедневной утренней зарядовой гимнастики (для начала в общежитиях); 2) введения уроков физического воспитания во всех вузах по два раза в неделю по 1,5 часа; 3) проведения теоретических циклов лекций и семинарских занятий; 4) добровольного участия студентов в физкультурных кружках [5. С. 19]. По итогам работы коллегий были изданы постановления, в которых говорилось о признании «необходимым включения в учебные планы вузов и

техникумов, в первую очередь медицинских и педагогических, в качестве обязательного предмета теоретических и практических занятий по физической культуре» [6].

Введение преподавания физической культуры

В июле 1929 г. дисциплина «физическое воспитание» была введена в учебные планы всех вузов в качестве обязательного предмета [7. С. 13]. Основными задачами нововведения являлись физическое развитие студенчества путем физических упражнений и привития гигиенических навыков, развитие физического образования – овладение соответствующими знаниями различными категориями специалистов (врачи и педагоги) для их применения в дальнейшей профессиональной деятельности по физическому воспитанию населения. Важно отметить, что в ТГУ обязательный курс физического воспитания был введен уже во втором семестре 1928–1929 учебного года [8].

1931 год ознаменовал появление высшего учебного заведения в Карелии – педагогического института. Уже в год его открытия в программу обучения студентов вошел курс физического воспитания, что подтверждает общую тенденцию становления физического воспитания в системе высшего образования.

Создание военно-физкультурных кафедр

В источниках советского периода указывается, что с 1930–1931 учебного года в вузах стали создаваться кафедры физвоспитания [2. С. 86–87; 9. С. 54–55].

В 1932 г. учебный и внеучебный процесс физического воспитания в педагогическом институте Карелии осуществляла военно-физкультурная кафедра. В ее состав входили два сотрудника: военрук М.Н. Гурьев и преподаватель физической культуры С.М. Кокко – мастер спорта по французской борьбе, чемпион Карелии и СССР, – оба выпускники начальных училищ, не имевшие специального педагогического образования. При кафедре функционировали кабинеты физической культуры и военного дела с наглядными пособиями, кинопленками и диапозитивами, демонстрируемыми на учебных занятиях, а также спортивным инвентарем и военным снаряжением [10. С. 25].

Примерно такую же структуру имела кафедра военной и физической подготовки Томского педагогического института (ТГПИ) под руководством участника Гражданской войны комбрига Н.А. Белякова, созданная в 1934 г. Старшим преподавателем физкультуры был назначен В.А. Забелин, окончивший в 1922 г. Сибирскую военную школу инструкторов физического образования и обучавшийся в 1929 г. в Государственном центральном институте физической культуры (Москва). Военная составляющая подготовки реализовывалась капитаном в отставке В.А. Дорофеевым. Эти два специалиста одновременно являлись заведующими кабинетами физической культуры и военного дела [11. С. 13–15].

Преподавание физической культуры военными специалистами было нормой того времени. В числе организаторов физкультурной работы в вузах Томска был выпускник Высшей военной им. В.И. Ленина школы физического образования в Ленинграде Н.К. Журавлев – призер первенств РККА и СССР по спортивной гимнастике. Также занятия в Томском университете проводили приглашенные из Артшколы преподаватели Макаров и Гуляев [1. С. 174].

Положение о кафедрах физической культуры в вузах и втузах вышло в свет в апреле 1936 г. В преамбуле отмечалось, что они организуются в целях разрешения задач физической подготовки и воспитания в высшей школе [12. Л. 3]. В учебных заведениях, не имевших соответствующих кафедр, а также в техникумах и на рабфаках в том же году были созданы предметные комиссии по физической культуре. В состав комиссий входили: старший преподаватель и преподаватели по физкультуре, тренеры, врач физической культуры, представитель военного кабинета, председатель бюро кружка физкультуры и представители общественных организаций учебного заведения [13. С. 25].

В 1938 г. самостоятельные кафедры физической культуры были созданы в 70 вузах страны (постановление Всесоюзного комитета по делам высшей школы и Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР от 11 июня 1938 г.). Так, в Томском медицинском институте им. В.М. Молотова такую кафедру возглавил аспирант кафедры нормальной физиологии Л.А. Иголинский. С 1939 по 1942 г. кафедрой руководил врач Ф.В. Сергиев. В ТГУ им. В.В. Куйбышева первым заведующим кафедрой был известный в Томске организатор физической культуры и спорта, выпускник Сибирской военной школы Б.С. Ганжа, а с 1 сентября 1938 г. по 1 сентября 1960 г. в этой должности работал выпускник Московского техникума физкультуры Л.Г. Выдрин [14. С. 115].

Программы по физическому воспитанию

Первыми официальными документами по организации, построению и проведению занятий по физической культуре в вузах стали инструктивные указания и положения Наркомпроса РСФСР, изданные в 1930 г. Учебные занятия по физкультуре (теоретический и практический разделы на I и II курсах по 45 часов в учебном году) должны были обеспечить общую физическую подготовку, ликвидировать «профвредности», способствовать воспитанию морально-волевых качеств у студентов. В обязанности преподавателей входило проведение не только учебной, но и массовой (секционной), врачебно-консультационной, исследовательской работы по физкультуре [15. С. 164–165]. Таким образом, уже с начала 1930-х гг. предусматривалось проведение занятий по физической культуре в учебной и внеучебной формах.

Публикация первых программ по физкультуре для вузов и техникумов датируется 1931 г. Они устанавливали единую систему методики преподавания и организации обучения. Основной целью спортивной работы была организация деятельности по физкультурно-спортивному комплексу ГТО. Задачами программы являлись: воспитательно-образовательные, массового оздоровле-

ния, развития военно-прикладных и профессиональных навыков. Как правило, занятий по физкультуре проводились в учебных группах на I–III курсах по два-три часа в декаду не менее 45 часов в год [15. С. 155]. Студенты обязаны были посещать уроки физкультуры, сдавать нормативы ГТО, участвовать в спортивных соревнованиях.

Важным этапом в организации физической культуры в учебных заведениях, определившим вектор ее развития, стала Всесоюзная научно-методическая конференция Всесоюзного совета физической культуры (1934). На реализацию дисциплины «физическое воспитание» в утвержденных программах предусматривалось в среднем в вузах 387 часов, в техникумах – 258, на рабфаках – 160 часов; количество часов зависело от типа учебного заведения. Представленные наркоматами программы составлялись для профильных вузов: Наркомтяжпрома (для технических вузов своей системы), Наркомпроса (для педагогических институтов), Наркомздрава (для медицинских институтов) и Наркомзема (для сельскохозяйственных вузов и рабфаков) [16. Л. 1–2].

В феврале 1937 г. Комитет по делам физической культуры и спорта и Комитет по делам высшей школы при СНК СССР издали приказ, в котором физическая культура определялась как обязательная дисциплина для студентов на всех четырех курсах обучения (ранее этот статус она имела только на первых двух). Все выпускники, оканчивающие вузы, начиная с 1941 г. обязаны были полностью сдать нормы физкультурно-спортивного комплекса ГТО [17. С. 171].

В марте 1937 г. был опубликован приказ Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР «О программе по физической культуре для вузов Союза ССР» [18. Л. 8]. По заданию отдела вузов Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта преподавателями института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта и научно-исследовательского института физической культуры г. Ленинграда была разработана новая, единая для вузов всех наркоматов, унифицированная программа по физкультуре. «Воспитание здоровых, всесторонне развитых строителей социалистического общества, готовых к труду и обороне» являлось главной целью программы [19. Л. 2]. В теоретическом курсе студенты изучали сведения о задачах физкультурного движения в СССР и деятельности Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта, оказание первой медицинской помощи при несчастных случаях и др. Программа также предусматривала введение обязательного медицинского осмотра (два раза в год) [19. Л. 2]. Нововведениями программы стали оценка успеваемости по физической культуре, сдача семестровых зачетов, выполнение норм ГТО I и II ступени, а также изучение студентами техники и методики преподавания легкой атлетики, гимнастики, лыжного спорта и плавания.

Новая учебная программа по физической культуре, как следует из анализа архивных источников, уже в 1937 г. легла в основу обучения в Карельском педагогическом институте. Бóльшая часть учебного времени – 68 (42,5%) из 160 часов – уделялась гимнастике, остальная нагрузка распределялась между занятиями лыжами и легкой атлетикой [20. Л. 2].

В 1938 г. в учебных планах увеличили количество часов обязательных занятий до 240. Из них 160 часов предназначалось на преподавание физкультуры на I и II курсах, а дополнительные 80 часов – факультативно для студентов III курса для усовершенствования отдельных видов спорта [21].

Нарастание военной угрозы в 1930-е гг. способствовало усилению военной подготовки во всех учебных заведениях страны. В этой связи подчеркивалась особая связь физической культуры и военизации. Для обороны страны нужно было не только обладать военными знаниями, но и быть здоровыми, физически подготовленными будущими воинами. В сферу физического воспитания студенчества стали входить овладение военно-прикладными навыками, занятия по стрельбе, рукопашному бою, метанию гранаты. С 1938 г. в программу по физической культуре ввели изучение основ штыкового боя. Военизация нашла отражение и в учебных программах по военному обучению. Они были направлены на подготовку бойца, умеющего действовать в разных условиях боевой деятельности войск и приобретение студентами знаний военного дела [22. Л. 52]. Студенты изучали средства противовоздушной и противохимической обороны, военную технику, летом проводили военные сборы, многодневные походы в противогазах и военные игры на местности.

Внеурочная спортивная деятельность

Одной из форм внеурочной работы, организация которой началась повсеместно в 1930-х гг., стала утренняя зарядка. Ежедневная физкультурная зарядка в студенческих общежитиях была включена в учебную Программу Наркомпроса по физической культуре в 1934 г. Между тем уже в апреле 1933 г. она стала для Карельского пединститута одним из первых физкультурно-оздоровительных мероприятий кафедры. Введенная под руководством физруководителя С.М. Кокко «в целях оздоровления жизни и быта студенчества», ежедневная утренняя зарядка охватывала молодежь, проживающую в общежитии. Освобождались от занятий студенты, живущие в городе, или по заключению врача института [23. С. 62]. Однако «зарядовая гимнастика» среди карельских студентов дальнейшего развития не получила. Да и в Томске данная инициатива изначально (конец 1920-х гг.) не встретила молодежного энтузиазма, потребовались разъяснительная работа и меры воздействия со стороны общественных организаций [1. С. 172].

В 1938 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы и Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта при СНК СССР вновь вернулись к данному вопросу. Ими было принято постановление «О введении обязательной утренней зарядки в студенческих общежитиях». В данном документе предлагалось «всем вузам обеспечить общежития необходимым оборудованием и отвести специальные места для этих занятий как в летнее, так и в зимнее время, организовав в них

сеть площадок и баз для проведения массовой физкультурной работы (спортивных игр, лыжных баз и др.)» [21. С. 98].

Формы спортивно-массовой работы, имевшие большое значение в высшей школе, с начала 1930-х гг. постепенно расширялись. С 1932–1933 учебного года стали проводиться внутривузовские спартакиады (соревнования по различным видам спорта). Высокой численностью отличались состязания по гимнастике, баскетболу, волейболу, конькобежному и лыжному спорту и др.

Активизация самодеятельного молодежного физкультурного движения в Сибири, охватившего высшие и средние учебные заведения, наблюдалась в 1934–1935 учебном году. До этого времени массовость спортивного движения и уровень достижений, несмотря на большое количество соревнований, оставались невысокими. Следует отметить организацию внутривузовских соревнований в томских вузах: университете, педагогическом и индустриальном институтах [1. С. 183].

Дирекция педагогического института в Карелии для привлечения студентов к участию в спортивных состязаниях инициировала ряд поощрительных мер. Одной из них в 1937 г. для активизации студентов – участников первого кросса, стало премирование: за I место – в размере месячной стипендии, за II место – 50% от ее номинала, за III место – в размере ее 1/3. Бесплатным культпоходом в театр награждалась студенческая группа, занявшая I место по численности участников [23. С. 93]. Материальное стимулирование стало рычагом популяризации спортивной жизни вуза. Позднее наиболее отличившиеся студенты стали премироваться за лучшие результаты в личном первенстве по институту ценными подарками [23. С. 133]. Ежегодными с 1938 г. в пединституте стали первенства по различным видам спорта, в рамках которых молодежь сдавала нормативы ГТО и получала судейскую квалификацию.

В Западной Сибири, где численность вузов и техникумов была выше, чем в Карелии, традиционными стали межвузовские спартакиады. Как правило, при подготовке к Всесоюзным физкультурным соревнованиям вузов проводились городские межвузовские встречи. Уточним, что студенческие спортивные соревнования в те годы проводились между высшими и средними профессионально-техническими учебными заведениями. К концу 1930-х гг. внеучебная спортивно-массовая работа стала существенным дополнением к академическим занятиям. Например, в Алтайском крае в 1938 г. ею были охвачены все 17 учебных заведений. В Карелии соревнования студентов в общегородских состязаниях, хотя и в ограниченном составе трех сборных команд (педагогического института, медицинского и педагогического техникумов), также стали частью спортивно-массовой работы [24].

Следует отметить и участие студентов в высокоранговых состязаниях. Первая всесоюзная вузовская спартакиада под эгидой Наркомтяжпрома состоялась летом 1934 г. в Москве. В ней приняли участие 1 500 студентов из 25 технических вузов страны, в том числе и из Томского индустриального института. Программа соревнований включала легкую атлетику, греблю, плавание, футбол, волейбол, баскетбол и стрельбу. На соревнованиях разыгрывались именные призы советских государственных деятелей Орджоникидзе, Шверника, Косарева, Антипова, Петровского [25].

Крупным событием в спортивной жизни советского студенчества стала первая зимняя Всероссийская студенческая межнаркоматская спартакиада (Наркомздрав, Наркомпрос, Наркомзем) в Москве, состоявшаяся в марте 1935 г. Участниками соревнований стали 550 человек из 29 вузов и техникумов, которые состязались в лыжном спорте и гимнастике. Задекларированные в программе конькобежный спорт и хоккей были сняты из-за погодных условий. Победителем в упорной борьбе стал Наркомат здравоохранения. Из Западной Сибири на соревнования приехали сборные команды Томского медицинского института (ТМИ), Томского государственного университета (ТГУ), Томского педагогического института (ТГПИ). Результаты выступлений спортсменов Томска были высокими: ТГУ и ТГПИ заняли общие первое и третье места соответственно в системе Наркомпроса, при этом следует отметить, что среди педагогических вузов томский был вторым. Медицинский институт в системе Наркомздрава был пятым, а в гимнастических состязаниях его спортсмены первенствовали в соревнованиях мужчин, а совместно с женщинами заняли третью позицию. По результатам соревнований среди всех трех наркоматов ТГУ занял шестое место, а в лыжных соревнованиях вышел на второе место. В этой связи были премированы лыжники Безденежных, Яхонтов, Нечаева и Еременко. ТМИ был седьмым, а ТГПИ – восьмым. Карелия на этой спартакиаде была представлена только сборной командой Карельского педагогического техникума, который занял четвертое место в подгруппе техникумов. Здесь следует отметить выступление карельской спортсменки А. Куркинен, занявшей 2-е место в лыжной гонке на 3 км [26].

В июле 1935 г. с широким размахом была проведена первая летняя Всесоюзная студенческая Межнаркоматская спартакиада, в которой приняли участие около 3 000 физкультурников. Лидером по всем видам соревнований стал сборный коллектив учебных заведений Наркомата тяжелой промышленности (НКТП), награжденный переходящем Красным знаменем ВСФК СССР и почетной грамотой. Приятным бонусом стало премирование сборного коллектива физкультурников, в составе которого были и студенты Томского индустриального института А.Л. Соколов и И.П. Заложных (по 200 руб.). Второе место занял Наркомздрав РСФСР, третье – вузы Наркомзема СССР [27. Л. 120, 122].

Несомненно, эта спартакиада стала большим стимулом для развития массовой физкультурной и спортивной работы в вузах, техникумах и на рабфаках и внимания наркоматов. Уровень спортивных результатов участников был невысоким, однако было поставлено четыре всесоюзных рекорда [1. С. 184–186].

Спортсмены Карельского педагогического института также были участниками высокоранговых соревнований. Первыми крупными состязаниями для студенческой молодежи вуза под руководством В.И. Ходотова стали в 1937 г. первенство Наркомпроса РСФСР по

спортивной гимнастике в Москве, а 1938 г. – всесоюзные химические соревнования ЦС Осоавиахима.

Проблемы организации обучения

Становление учебной дисциплины «физическое воспитание» было сопряжено со многими трудностями: нехватка квалифицированных кадров, ограниченность финансирования и материально-технической базы. Острая проблема материально-технического обеспечения, например, в Томском университете была решена достаточно успешно на местном уровне: спортивный зал (с раздевалками и минимальным количеством спортивного инвентаря) был оборудован в довольно просторном помещении, а появление спортивной площадки стало результатом ряда воскресников. В Карелии спортивный зал педагогический институт арендовал в здании бывшей Петрозаводской учительской семинарии, но он был малопригоден для занятий физической культурой. Вкупе с явной нехваткой квалифицированных специалистов это стало причиной неудовлетворительной постановки учебной работы по физической культуре в 1930-е гг.

Создание программного обеспечения существенно улучшило реализацию дисциплины на практике, но не решило всех насущных проблем организации учебного процесса по физической культуре. Например, в Карельском пединституте ежегодное увеличение численности студентов обусловило возрастание объема учебной нагрузки для преподавателей военно-физкультурной кафедры. Следствием несоответствия штатного расписания явилось невыполнение программы по физкультуре в полном объеме. Нереализованная учебная нагрузка по физическому воспитанию передавалась на расширение курсов других предметов. Примером стала передача в 1935 г. 22 часов из учебного курса «физическая культура» на обучение «методике и практике преподавания химии» на биологическом факультете [20. Л. 23 об.].

Одной из проблем в организации обучения, сохранившейся и сегодня, была нестабильность посещения студентами занятий по физкультуре, несмотря на введение ее учета (ежесеместровые отчеты) и контроля над выполнением спортивных нормативов. Невозможность изменения учебного плана обусловила высокую численность занимающихся одной группы – в среднем по 50 человек, при нормативе не более 25 человек [20. Л. 23 об.]. Это вкупе с другими факторами предопределило незаинтересованность студентов в занятиях физической культурой, снижение численности обучающихся на факультативных занятиях на III курсе и нежелание продолжения физкультурно-спортивной деятельности в будущем. Однако были вузы, например Томский университет, где посещаемость уже в конце 1920-х гг. составила 85% [1. С. 172].

Заключение

Таким образом, 1930-е гг. фактически стали десятилетием становления физического воспитания в системе высшего образования на территории Советского Союза. Именно в этот период появились структура организации учебного процесса, программное обеспечение, профильные кафедры. Вопреки острой нехватке финансирования и кадрового обеспечения организованная учебная деятельность была дополнена многогранной внеучебной, а дисциплина заняла прочное место среди обязательных, что подтвердило ее значимость.

Западная Сибирь в этот период имела более предпочтительные условия для организации физического воспитания. Деятельность «сибирского Лесгафта» – В.С. Пирусского, открытие третьего в стране института физической культуры (1920–1923), активность спортсменов, продолживших свою физкультурно-спортивную деятельность после революции, и другие факторы позволили пройти этап становления системы на более высоком качественном уровне [28. С. 99]. В отличие от Сибири инициаторами и проводниками физической культуры и спорта в Карелии на тот исторический момент, стали военнослужащие и рабочие, приехавшие в республику для несения военной службы и на стройки Мурманской железной дороги, Кондопожского бумажного комбината. Карельское студенчество знакомилось с новыми видами спорта, участвуя в кружках и секциях, а также в спортивных соревнованиях. Несомненно, несоответствие уровня подготовки кадрового состава задачам развития сферы в Карелии в совокупности с другими факторами предопределило особые трудности как во внедрении учебной дисциплины «физическая культура» в педагогическом институте, так и в развитии студенческого спорта в республике.

Безусловно, введение физической культуры в студенческую жизнь было неслучайным и имело серьезное социально-экономическое и политическое обоснование. Следует подчеркнуть активную деятельность советского руководства, сумевшего в короткие сроки и без существенных вливаний государственных средств вовлечь в эту социально-значимую сферу жизнедеятельности все слои населения, в том числе и студенчество. За два десятилетия молодежь существенно улучшила свои функциональные показатели, получила необходимые трудовые и военные навыки. Повышение уровня военно-физической подготовки студенческой молодежи явилось существенным вкладом в индустриализацию государства и – в ближайшей перспективе – победоносное завершение Великой Отечественной войны.

Список источников

1. Сарычева Т.В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). Томск : Печатная мануфактура, 2019. 696 с.
2. Физическая культура и спорт в СССР / под ред. Г.Б. Хотянова. М. : Физкультура и спорт, 1967. 352 с.
3. Сарычева Т.В. Становление и развитие физической культуры в системе высшего образования в Сибири на примере вузов города Томска (20–80-е гг. XX в.). Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 122 с.
4. 30 июля – Всесибирский праздник физической культуры // Красное знамя. 1927. 10 мая.

5. Ивановский Б.А. Здоровье и физическое развитие студенчества и задачи его физического воспитания // Теория и практика физической культуры. 1928. № 6. С. 10–23.
6. Постановление Коллегии Наркомздрава по докладу о физкультуре в вузах // Теория и практика физической культуры. 1928. № 6. С. 25.
7. Царик В.Т., Макарцев Н.А. Физическая культура и спорт в СССР в цифрах и фактах (1917–1961 гг.). М. : Физкультура и спорт, 1962. 171 с.
8. Красное знамя. 1929. 6 янв.
9. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта, 1917–1957 / сост. И.Г. Чудинов. М. : Физкультура и спорт, 1959. 390 с.
10. Калинина Е.А. От военно-физкультурной кафедры к Институту физической культуры, спорта и туризма : (исторический очерк). Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2021. 343 с.
11. Ревякин Ю.Т., Ревякина В.И., Вакурин А.Н. Физическая культура и спорт в Томском государственном педагогическом университете. Томск : Изд-во ТГПУ, 2014. 376 с.
12. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 2161. Оп. 1. Д. 1.
13. ИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 6.
14. Иконников С.К. Летопись томского спорта. Страницы истории в фотографиях конца XIX – начала XXI века : историко-документальное издание. Томск : Дельтаплан, 2011. 419 с.
15. Методика физического воспитания в средней и высшей школе : материалы к курсу методики физической культуры в физкультурных учебных заведениях. М., 1938. Ч. II. 228 с.
16. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 152.
17. Граменицкий Б., Романов А. Программа по физической культуре для вузов // Теория и практика физической культуры. 1937. № 2.
18. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 200. Л. 8.
19. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 9/74.
20. НАРК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 4/37.
21. О физической культуре в высших учебных заведениях // Теория и практика физической культуры. 1938. № 3. С. 98.
22. НАРК. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 6/52.
23. Карельский государственный педагогический университет в цифрах и фактах : 70 лет / сост. Р.П. Калинин. Петрозаводск : Изд-во КГПУ, 1996. 293 с.
24. Что показали общегородские соревнования по стрельбе // Красная Карелия. 1934. 21 окт.
25. Первая вузовская спартакиада // Красный спорт. 1934. 6 июля.
26. Первая всероссийская вузовская // Красный спорт. 1935. 6 марта.
27. ИАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 35.
28. Сарычева Т.В. История становления физкультурных организаций в Томской губернии (конец XIX – начало XX столетия) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 98–100.

References

1. Sarycheva, T.V. (2019) *Sovetskaya sistema fizicheskoy kul'tury kak sotsiokul'turnyy fenomen XX veka (na primere Zapadnoy Sibiri, 1920–1991 gg.)* [The Soviet system of physical education as a socio-cultural phenomenon of the 20th century (using Western Siberia as an example, 1920–1991)]. Tomsk: Pechatnaya manufaktura.
2. Khotyanov, G.B. (ed.) (1967) *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR* [Physical Education and Sport in the USSR]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
3. Sarycheva, T.V. (2013) *Stanovlenie i razvitie fizicheskoy kul'tury v sisteme vysshego obrazovaniya v Sibiri na primere vuzov goroda Tomska (20–80-e gg. XX v.)* [Formation and development of physical education in the system of higher education in Siberia using Tomsk universities as an example (1920s–1980s)]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
4. *Krasnoe znamya*. (1927) 30 iyulya – Vsesibirskiy prazdnik fizicheskoy kul'tury [July 30 – All-Siberian Physical Education Festival]. 10th May.
5. Ivanovskiy, B.A. (1928) Zdorov'e i fizicheskoe razvitie studenchestva i zadachi ego fizicheskogo vospitaniya [Health and physical development of students and the tasks of their physical education]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 10–23.
6. People's Commissariat of Health. (1928) Postanovlenie Kollegii Narkomzdrava po dokladu o fizkul'ture v vuzakh [Resolution of the Board of the People's Commissariat of Health on the report on physical education in universities]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. p. 25.
7. Tsarik, V.T. & Makartsev, N.A. (1962) *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR v tsifrakh i faktakh (1917–1961 gg.)* [Physical culture and sports in the USSR in figures and facts (1917–1961)]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
8. *Krasnoe znamya*. (1929) 6th January.
9. Chudinov, I.G. (ed.) (1959) *Osnovnye postanovleniya, prikazy i instruktsii po voprosam sovetskoy fizicheskoy kul'tury i sporta, 1917–1957* [Basic regulations, orders, and instructions on issues of Soviet physical culture and sports, 1917–1957]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
10. Kalinina, E.A. (2021) *Ot voenno-fizkul'turnoy kafedry k Institutu fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma: (istoricheskiy ocherk)* [From the Military Physical Education Department to the Institute of Physical Education, Sports and Tourism: (a historical essay)]. Petrozavodsk: PetrSU.
11. Revyakin, Yu.T., Revyakina, V.I. & Vakurin, A.N. (2014) *Fizicheskaya kul'tura i sport v Tomskom gosudarstvennom pedagogicheskom universitete* [Physical Education and Sports at Tomsk State Pedagogical University]. Tomsk: TSPU.
12. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 2161. List 1. File 1.
13. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 2161. List 1. File 6.
14. Ikonnikov, S.K. (2011) *Letopis' tomskogo sporta. Stranitsy istorii v fotografiyakh kontsa XIX – nachala XXI veka: istoriko-dokumental'noe izdanie* [The Chronicle of Tomsk Sports. Pages of history in photographs of the late 19th – early 21st centuries: A historical and documentary edition]. Tomsk: Del'taplan.
15. Anon. (1938) *Metodika fizicheskogo vospitaniya v sredney i vysshey shkole: materialy k kursu metodiki fizicheskoy kul'tury v fizkul'turnykh uchebnykh zavedeniyakh* [Methods of physical education in secondary and higher schools: Materials for the course on methods of physical education in physical education educational institutions]. Vol. 2. Moscow: [s.n.].
16. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R-906. List 1. File 152.
17. Gramenitskiy, B. & Romanov, A. (1937) Programma po fizicheskoy kul'ture dlya vuzov [Physical education program for universities]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2.
18. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R-906. List 1. File 200. p. 8.
19. The National Archives of the Republic of Karelia (NARK). Fund R-1168. List 3. File 9/74.
20. The National Archives of the Republic of Karelia. Fund R-1168. List 3. File 4/37.
21. Anon. (1938) O fizicheskoy kul'ture v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [On physical education in higher educational institutions]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 3. pp. 98.
22. The National Archives of the Republic of Karelia. Fund R-1168. List 3. File 6/52.
23. Kalinin, R.P. (ed.) (1996) *Karel'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet v tsifrakh i faktakh: 70 let* [Karelian State Pedagogical University in figures and facts: 70 years]. Petrozavodsk: KSPU.
24. *Krasnaya Kareliya*. (1934) Chto pokazali obshchegorodskie sorevnovaniya po strel'be [What did the citywide shooting competitions show]. 21st October.

25. *Krasnyy sport*. (1934) Pervaya vuzovskaya spartakiada [The first university Spartakiad]. 6th July.
26. *Krasnyy sport*. (1935) Pervaya vserossiyskaya vuzovskaya [The First All-Russian University]. 6th March.
27. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 4. List 1. File 35.
28. Sarycheva, T.V. (2011) Istoriya stanovleniya fizkul'turnykh organizatsiy v Tomskoy gubernii (konets XIX – nachalo XX stoletiya) [History of the Formation of Physical Culture Organizations in Tomsk Province (late 19th – early 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 352. pp. 98–100.

***Сведения об авторах*:**
Сарычева Татьяна Валерьевна – кандидат педагогических наук, доктор исторических наук, заведующая кафедрой физической культуры и здоровья Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru
Калинина Елена Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: kalinka46@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Sarycheva Tatiana V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Physical Culture and Health, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru
Kalinina Elena A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and Methods of Physical Education of the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: kalinka46@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 12.03.2024; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/19988613/92/6

Социокультурная и политическая трансформация позднеимперской России в газете «Пермская земская неделя», 1907–1917 гг.

Анна Васильевна Сенина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия, avsenina@hse.ru

Аннотация. Рассматривается восприятие социокультурной и политической трансформации позднеимперской России земством. Обращение к земской региональной периодической печати позволило выявить мнение земства о проблемах развития Пермской губернии и Российской империи в целом. Статья основана на применении междисциплинарных методов, среди которых ключевую роль играет компьютеризованный анализ текстов. Сделан вывод, что умеренность ожиданий земства, приверженность эволюционному пути развития, существование в условиях запрета на политическую деятельность привели к тому, что земство не смогло адаптироваться к революционным событиям 1917 г.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, Государственная Дума, пермское губернское земство, газета «Пермская земская неделя», Пермская губерния, MAXQDA

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-33059 «Земское самоуправление и парламентское представительство как ключевые явления социокультурной и политической трансформации России во второй половине XIX – начале XX в.».

Для цитирования: Сенина А.В. Социокультурная и политическая трансформация позднеимперской России в газете «Пермская земская неделя», 1907–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 48–57. doi: 10.17223/19988613/92/6

Original article

Socio-cultural and Political Transformation of Late Imperial Russia in the newspaper “Permskaya Zemskaya Nedelya”, 1907–1917

Anna V. Senina

HSE University, Perm, Russian Federation, avsenina@hse.ru

Abstract. The paper examines the perception of the socio-cultural and political transformation of late imperial Russia by the zemstvo as one of the direct participants in this process. The creation of the State Duma in the Russian Empire is understood as the next step towards an overall elective representation, because of which the zemstvos and parliament are represented as parts of the evolutionary process of transformation of society in the Russian Empire. The study focuses on the regional assessment of the political and sociocultural processes of the early 20th century. The research is aimed at self-presentation of the Perm provincial zemstvo. One of the most important and still poorly studied sources of this period is periodical press as the main mass source of information. The article examines the newspaper "Permskaya Zemskaya Nedelya" as the official newspaper of the Perm provincial zemstvo. The newspaper was created to publish zemstvo's opinions on the zemstvo activities and note the problems and prospects for the development of society. Attention to parliamentary activity significantly influenced the "Permskaya Zemskaya Nedelya" as a whole: the editorial board preferred the State Duma's vector of internal policy, monitored the current agenda, and used the idea of people's representation to determine its place in the state administration system. Since more than 300 issues of the newspaper “Permskaya Zemskaya Nedelya” have been digitized, the methods of text analysis in the MAXQDA software have been applied to them. A test sample of publications was conducted to analyze the self-presentation of land in the newspaper, and categories were created for further analysis. Among these categories are both formal characteristics of articles (place in the structure of an issue) and substantive (themes, images of zemstvo members and emotional color of the text). The text was marked up with codes, after that a code map was built in MAXQDA. It allowed to consider the self-presentation of the Perm provincial zemstvo in the source, and the most important image of the zemstvo is from the rhetoric of the State Duma. Because of studying the plans and expectations that the newspaper's editorial board associated with the future of the Russian Empire, it was concluded that the zemstvo could not become a modern institution. Keeping the way of social development outlined by the State Duma, the zemstvo in the Perm province was engaged in educational work. The prohibition of the expression of political opinions led to the situation that in 1917 the Perm zemstvo was unable to enlist support among the population, perceiving it as an object of its educational work, and not a full-fledged subject of public life. Despite the aim to expand the powers of local self-government bodies, the zemstvo was not ready for new social tasks and was unable to adapt to revolutionary changes. In 1917, the Perm provincial zemstvo turned out to be an old body under the new government.

© А.В. Сенина, 2024

Keywords: late imperial Russia, State Duma, Perm provincial zemstvo, newspaper “Permskaya zemskaya nedelya”, Perm province, MAXQDA

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-011-33059 “Zemstvo Self–Government and Parliamentary Representation as Key Phenomena of Socio-cultural and Political Transformation of Russia in the Second Half of the XIX – early XX century”.

For citation: Senina, A.V. (2024) Socio-cultural and Political Transformation of Late Imperial Russia in the newspaper “Permskaya Zemskaya Nedelya”, 1907–1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 48–57. doi: 10.17223/19988613/92/6

Учреждение земств оказало непосредственное влияние на процесс общественного развития, и в то же время земства сами были участниками этого процесса. Возникнув в ходе великих реформ Александра II, земские учреждения транслировали и продвигали идеи дальнейших преобразований. Отвечая потребностям развивающегося общества, земства стали неотъемлемой частью процесса трансформации Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Тем не менее возникает вопрос: в какой мере земские учреждения представляли собой вызов традиционному политическому и социокультурному строю, насколько они укладывались в логику развития модерных институтов и отвечали ценностям модерного общества?

Исходным пунктом исследования стал тезис о том, что развитие земств невозможно изучать в отрыве от других крупных общественных преобразований, ключевую роль среди которых играет формирование парламентского представительства. Учреждение земств можно рассматривать как первый шаг к заложению основ качественного иного общественно-политического строя. Возникновение парламентских институтов – следующий закономерный шаг в процессе перехода к модерному обществу. Земское самоуправление и парламентское представительство стали основой политической и социокультурной трансформации российского государства и общества, означающей формирование новых основ управления государством и сопровождающейся включением в этот процесс новых политических акторов, становлением культуры участия на всех уровнях государственного управления. Рассмотрение земских и парламентских практик в едином ключе позволяет уделить внимание эволюционному пути развития общества с позиции теории множественных модерностей [1, 2]. Такой ракурс создает возможности для исследования земств с точки зрения их адаптации к новым условиям, не отвергая при этом представления о сохранении в их деятельности традиционных черт наряду с новыми модерновыми. Кроме того, среди различных модернизационных моделей земствам была наиболее близка модель «управляемой модернизации» [1. С. 40], возникающей по инициативе политической элиты и развивающейся под ее контролем.

Поскольку земства пристально следили за созданием и развитием парламентского представительства, особую актуальность приобретает оценка земством политического, социального и культурного смысла преобразований в государственном управлении. Представляется интересным исследовать мнения представителей земств по поводу формирования новых парламентских органов, перспектив и ожиданий дальнейшего общественного развития, а также видения своей роли в модерном обществе, в основании которого лежит идея парламентского представительства.

Об актуальности исследования свидетельствует анализ литературы, посвященной социокультурной и политической трансформации позднеимперской России. В работах утверждается новый взгляд на организацию местного самоуправления, основанного на гражданском участии [3–6]. Выходят статьи и первые монографии, рассматривающие земские учреждения как фактор социокультурной модернизации российского общества [7–10].

Региональное измерение этих процессов на сегодняшний день также остается достаточно востребованным и актуальным направлением исследований земской и парламентской истории. В литературе широко освещается деятельность земств отдельных регионов, губерний или уездов, в том числе связанная с проблемами становления и развития местного самоуправления [11–13]. Так, в монографии В.И. Тетерина упоминается лишенное поддержки населения пермское земство в 1917 г.: «В обществе уже укоренился образ органов самоуправления, который связывал их со старой системой» [13. С. 161]. В фокусе внимания исследователей парламентский институтов по-прежнему оказывается деятельность отдельных депутатов или групп, представляющих в парламенте различные территории [14–18]. Земское самоуправление и парламентское представительство практически не исследуются в едином ключе развития выборных представительных учреждений в Российской империи, в том числе и на региональном материале. В настоящей статье рассматривается Пермская губерния, отличающаяся преимущественно недворянским населением и, следовательно, представительством в земских и парламентских институтах.

Еще одна отправная точка исследования заключается в том, что земская периодическая печать, привлекаемая в качестве источника для анализа широкого круга проблем и сюжетов, слабо используется для изучения мнений, дискуссий земств о собственном будущем и будущем Российской империи в целом в публичном пространстве. Тем не менее история земских учреждений – это в то же время и история земской региональной периодической печати.

Применительно к пермскому губернскому земству важнейшим источником изучения мнений редакции о деятельности земских и парламентских учреждений Российской империи выступает газета «Пермская земская неделя», издававшаяся в 1907–1917 гг. и несколько месяцев 1919 г. Газета выходила еженедельно, публи-

ковалось 52 выпуска в год. В статье в качестве источников использовано более 500 выпусков газеты, изданных в 1907–1917 гг. (до закрытия газеты большевиками в 1917 г.). Значительная часть этих выпусков, а именно 324 номера, оцифрована и доступна в машиночитаемом виде. Редакторами издания в разные годы были земские деятели И.П. Бенедиктов, А.А. Клепинин, А.И. Мухлынин, Е.Д. Калугин. В 1917 г. редакторы часто менялись, среди них можно отметить А.М. Присадского, И.Ф. Пономарева, М.А. Сигова и Ф.Я. Дьякова. В то же время идею создания земской газеты с широкой программой начиная с 1870-х гг. продвигал краевед Д.Д. Смышляев, председатель пермской губернской земской управы, а также редактор неофициальной части «Пермских губернских ведомостей».

По сравнению с «Пермскими губернскими ведомостями» «Пермская земская неделя» имела более широкую программу и была создана для всестороннего освещения деятельности земства. «Пермская земская неделя» изначально претендовала на роль связующего звена между земством и широкими слоями населения. Ориентация на крестьянскую аудиторию подчеркивалась с первых выпусков. В частности, Д.М. Бобылев, член пермской губернской земской управы, помещает в первый выпуск обращение к читателям в редакционной статье: «Как же помочь нашему крестьянству узнать о том, что такое земство, что оно делает и чем может быть полезным для народа? Как сделать, чтобы и земство постоянно знало о том, что делается во всех концах губернии, о чем думает, чего ждет деревенский народ, какие у него нужды и каким способом ему помочь? Земство и придумало для этого печатать земскую газету» [19. С. 10].

Другой важной аудиторией еженедельника являлись земские служащие и разночинная интеллигенция: «Земство будет рассылать газету во все школы, во все волостные правления, добровольным корреспондентам, которые сообщают статистику земским управам, будет высылаться газета и во все сельские библиотеки, сельскохозяйственным обществам, кредитным товариществам». Интересно, что, несмотря на возможность широко освещать деятельность земских органов и отвечать на запросы и нужды читателей, газета постоянно ставила вопрос о дальнейшем расширении программы [20. С. 264].

Очередным достижением редакции становится возможность с 1911 г. печатать отрывки из литературных произведений и критические очерки. В докладе губернской земской управы об увеличении размера листажа газеты «Пермская земская неделя» в 1916 г., представленном на LVIII чрезвычайной сессии пермского губернского земского собрания [21. Л. 1], обозначена потребность в расширении размера периодического издания с целью печати материалов, посвященных внешкольному образованию, помещения полных отчетов уездных земских собраний и сведений, востребованных для улучшения сельскохозяйственных мероприятий. По решению губернского земского собрания требование было удовлетворено, пермская земская управа была уполномочена произвести перерасход средств на дело расширения еженедельной газеты.

Возникнув в условиях ослабления цензурных ограничений, новый печатный орган должен был соответствовать новым общественным запросам. Статус официального печатного органа пермского губернского земства означал, что «Пермская земская неделя» отражала мнения редакции, следовательно, взгляд деятелей, стоявших во главе регионального земства. Периодическая печать не просто фиксировала крупные общественные изменения, но и формировала общественное мнение, являясь основным массовым источником информации того периода. Редакция «Пермской земской недели» публиковала на страницах издания информацию о земской и парламентской работе, о деятельности новых учреждений, проблемах и перспективах их работы. Сегодня, рассматривая земство как субъект социокультурной модернизации, мы можем согласиться с Т.И. Волковой, считавшей, что «программа деятельности земств позволяет ее характеризовать как цивилизационную» [22. С. 16]. Земства стремились изменить мир крестьянства, а периодическая печать стала одним из каналов продвижения новых ценностей.

Деятельность Государственной Думы и реформированного Государственного Совета рассматривалась в издании в рубрике «О Государственной Думе» («Наши законодательные учреждения»). Анализ публикаций этой рубрики показывает, что пермское земство связывало свои надежды с созданием земского общероссийского представительного органа власти, следуя идее «увенчания здания» земства, возникшей еще в годы великих реформ [23], дальнейшим развитием парламентских институтов, расширением их полномочий, справедливым и равным представительством социальных групп. Поскольку выпуск газеты начался в 1907 г., в конце революции 1905–1907 гг., определенный импульс земского либерализма в общественных настроениях не позволял пройти мимо политических вопросов. В то же время откровенно политические публикации могли привлечь внимание комитетов по печати в соответствии с указом «Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати» от 18 марта 1906 г., и курс издания, имеющего статус официального печатного органа земства, должен был оставаться проправительственным. Так, опубликованные статьи могли стать причиной судебного преследования или изъятия тиража в случае открытого выражения политических суждений. В этих условиях редакция «Пермской земской недели» ищет способы выхода за границы «дозволенного» политического для обсуждения актуальной региональной и общероссийской повестки.

Основным способом публикации политических высказываний стала рубрика «О Государственной Думе» («Наши законодательные учреждения»), в которой публиковались новости о работе Государственной Думы и Государственного Совета, речи политических деятелей, дискуссии ораторов в парламентском органе (фрагменты), реформы или же их проекты. Хотя в этой рубрике зачастую перепечатывались стенограммы заседаний Думы, значительное внимание уделялось дискуссиям депутатов. По публикуемым речам ораторов трудно установить политические предпочтения земства,

поскольку мы видим в газете речи депутатов всего политического спектра: от крайне правых до крайне левых. Земство лишь публикует для своей аудитории ход дискуссий, аргументы, разные точки зрения, практически ничем не обозначая свою. Свои комментарии редакция добавляла достаточно редко и осторожно (встречаются цитаты из выступлений депутатов Думы в собственных статьях и заметках), предпочитая публиковать перепечатки из других периодических изданий, представляющие собой аналитические обзоры.

Важно отметить, что публикации, посвященные работе парламентских учреждений, влияли на содержание газеты в целом. Об этом свидетельствуют результаты компьютеризованного анализа выпусков «Пермской земской недели», доступных в машиночитаемом формате. Анализ публикаций позволяет выявить несколько образов, с которыми себя ассоциировали представители земства (среди них образ народного представителя, используемый в газете первоначально именно в контексте работы парламента), а также и противоположный по эмоциональному окрасу образ, против которого земские деятели активно выступали. В «Пермской земской неделе» таким «антиобразом» [24–26], от которого земство старается дистанцироваться, стал образ земского начальника. Редакция с сожалением отмечает последствия деятельности земских начальников: «Я не знаю, что мне сказать о земских начальниках, какие слова я могу найти для того, чтобы наглядно изобразить ту бездну произвола и насилия, которую они внесли в русскую жизнь… Не осталось ни одной области крестьянской жизни, в которую не вторглась бы грубая рука земского начальника» [27. С. 25]. Последние отзвуки открытого противостояния мы можем наблюдать в публикациях 1915 г., когда проводились опросы среди учащихся земских школ о том, что такое земство. Эти опросы были инициированы Московским учительским домом и проводились в Рязанской, Тверской, Смоленской и других губерниях Российской империи. Ответы школьников показали, что образ земского начальника все еще ассоциируется с земством. При этом очевидно, что дети передавали то, чему их научили родители. Отмечается, что земская школа не выполнила свою роль, пренебрегая разъяснением того, чем в действительности занимается земство. В «Пермской земской неделе» читаем следующее: «Земство – это наши начальники»; «земство – это казаки, они караулят, чтобы никто не шумел, они плетью хлещут»; «земство – земские начальники» [28. С. 17].

Для исследования образов в газете использовались компьютеризированные методы анализа текстов. Выбор методов для исследования вопросов общественного развития в оценке пермского земства обусловлен существующей источниковой базой. Она обеспечена не только опубликованными цифровыми версиями выпусков газеты, но и инструментарием информационной системы по изучению пермской губернской периодической печати [29], подготовленной научным коллективом и музейными работниками под руководством С.И. Корниенко [30]. Объединение текстов публикаций в корпус применительно к теме исследования позволяет проследить основные тенденции развития представительства на общегосударственном и региональном уровнях, выявить особенности обсуждения этой проблемы в печати. На основе выпусков источника рассматривается интерпретация земством содержания, перспектив и ограничений деятельности представительных учреждений. Поскольку земство являлось органом местного самоуправления и выполняло функции представительных учреждений на местах, мы можем рассмотреть «земский дискурс о земстве», его оценку собственной роли в процессе общественной трансформации на основе семантического анализа текста.

В программную среду MAXQDA были загружены pdf-файлы 324 выпусков «Пермской земской недели». Выпуски в pdf представляют собой распознанный текст под изображением страницы. MAXQDA позволила выделить в тексте фрагменты – «коды» в инструментарии MAXQDA, в соответствии с системой кодов, которую пользователь задает самостоятельно. В частности, в рамках данного исследования на основе частотного анализа тестовой выборки из 130 публикаций в газете по теме представительства населения были использованы следующие категории, составившие информационную модель исследования: темы публикаций, рубрики в газете, эмоциональный окрас текста (маркеры, которые его определяют), а также упоминания представителей земств (прежде всего это различные категории земских деятелей, работников и служащих, возможные земские образы). Путем поиска в тексте всех используемых выпусков газеты и автоматической разметки текста в MAXQDA были добавлены коды в соответствии с представленной выше системой категорий. Кодирование текста открыло возможности для выполнения различных операций с кодированными сегментами, в том числе выбора определенных комбинаций кодов (и, следовательно, их взаимных пересечений в тексте), создания карт кодов на основании результатов кластерного анализа (карты кодов представляют собой семантические сети, которые выстраиваются исходя из смысловой близости, расположения и пересечения кодов в документах).

Так, размеченные в MAXQDA тексты публикаций показывают, что фигура земского начальника достаточно часто встречается в источнике. Как правило, образ земского начальника связывается с произволом, неправым судом, жестким стилем управления. Земский начальник попадает даже в фельетоны [31. С. 11]. В исключительных случаях этот образ может упоминаться в положительном контексте, например при организации сбора средств для помощи нуждающимся. В публикации фрагмента из дискуссий в Государственной Думе в 1916 г. читаем следующее: «Даже земские начальники ходатайствуют о праве назначать волостными писарями женщин» [32. С. 5]. Тем не менее из 184 найденных и кодированных сегментов (по запросу «земский начальник») подобный контекст характерен для единичных случаев.

Исходя из результатов компьютеризованного анализа текстов, другой потенциально важный образ, попавший в тестовую выборку, – образ земского гласного – в газете на протяжении основного периода ее су-

ществования не сложился: в публикациях «Пермской земской недели» было размечено лишь 18 текстовых фрагментов при помощи кодов, на основании которых можно было бы дать характеристику этому образу. В основном эти коды размечались в статьях, описывающих неравное представительство от населения, практически полное исключение крестьян из процесса принятия решений земскими органами и пр. Гласные упоминаются в основном при освещении выборов или же в связи с парламентскими дискуссиями о преобразованиях земств.

Наконец, образ, который складывается в газете постепенно и наиболее часто (в сравнении с предыдущими) используется в передовых и редакционных статьях, – образ народного представителя. В текстах статей было найдено 260 кодов, раскрывающих этот образ. Обратимся к карте кодов, которая отражает связи между кодами и их группировку в кластеры (рис. 1).

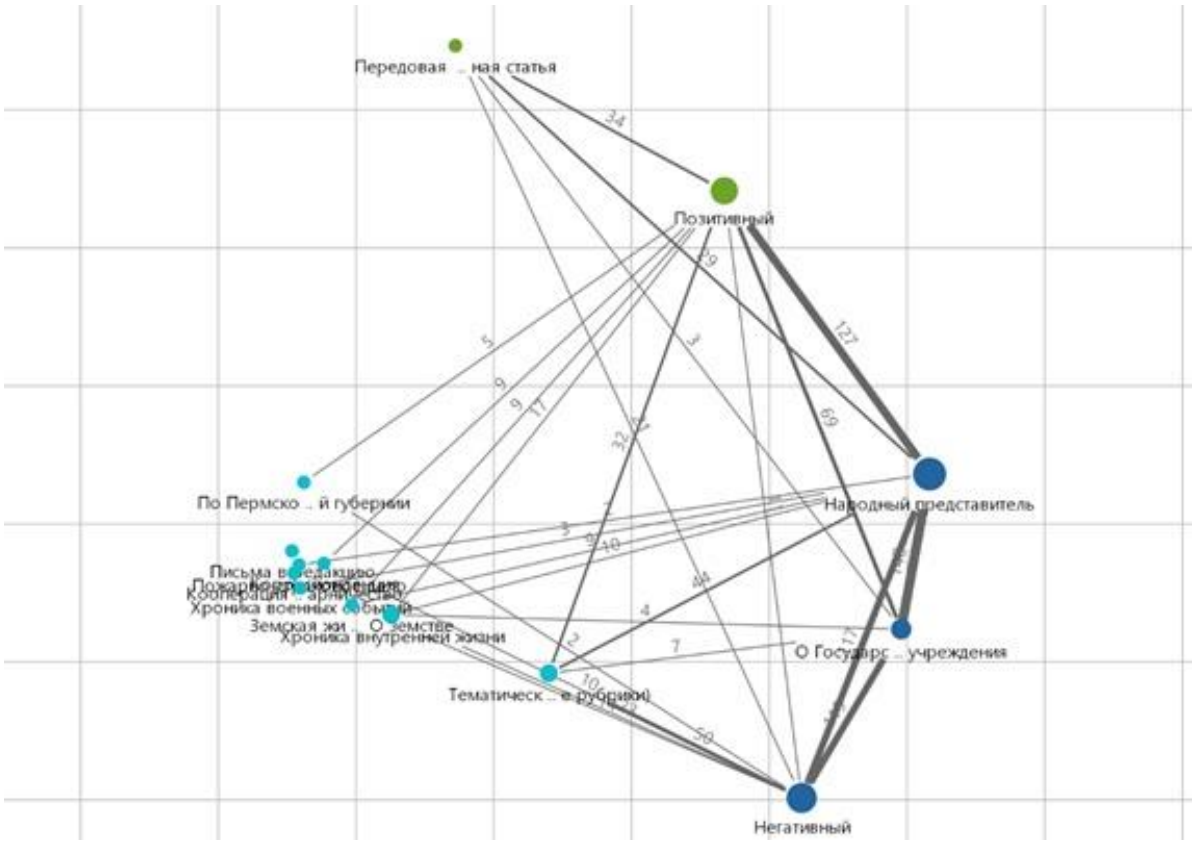

Рис. 1. Карта кодов. Образ народного представителя

Узлы на карте, изображенной на рис. 1, обозначают коды. Коды, которые попали в один кластер, имеют пересечения и схожее расположение в тексте, на рисунке они обозначены одинаковым цветом. Размер круга означает количество кодированных сегментов: чем больше упоминаний (кодов), тем крупнее круг. Толщина линии означает силу связи между отдельными кодами. Как мы видим на представленной карте, выделяются и образуют кластеры с другими кодами две крупные категории – рубрика «О Государственной Думе» («Наши законодательные учреждения») и передовые статьи вне рубрики. При этом они оказываются в разных кластерах. Обратим внимание на кластер «Народный представитель» – «О Государственной Думе» – «Негативный». Народный представитель появляется в негативно окрашенных фрагментах текста. В основном, помимо декларативных преимуществ движения к народному представительству, подчеркивались негативные моменты существующего представительства в настоящем времени: неполноценность представительства, зависимость от исполнительной власти, сохранение сословных черт в представительстве любого уровня. Несмотря на интерес пермского земства преимущественно к парламентскому представительству, часть публикаций описывает земское народное представительство, причем позитивные характеристики, подчеркивающие его важность для общества Российской империи, также возникают и в передовых статьях. Это достаточно закономерно, поскольку передовые статьи задают тон и направленность всему номеру. Их положение в структуре издания подчеркивает центральное, смыслообразующее значение текстов для изучения образа земства. Как следует из анализа на основе кодирования текста источника в MAXQDA, публикации о парламентских дискуссиях актуализируют идею народного представительства, становятся импульсом для рассуждений о представительстве земском, и пермское земство все чаще ассоциирует себя именно с этой ролью.

Считая публикации в газете обобщением опыта, который может соединять в себе различные временные промежутки, но связан с настоящим [33], мы можем исследовать на этом материале оценки, суждения, образы, конструируемые земством. Так, публикации

о работе Государственной Думы или обсуждение земской реформы мы можем отнести к пространству опыта пермского земства. Представляется интересным отдельно рассмотреть горизонты ожиданий – планы, надежды, возможности, страхи земских деятелей Пермской губернии. Стремление пермского губернского земства придерживаться определенного пути общественного развития во многом отставало от текущей ситуации: великие реформы Александра II оказались незавершенными, а их результаты были скорректированы в период контрреформ. В рассуждениях о будущем губернии земство, как правило, весьма абстрактно писало о необходимых для этого преобразованиях, поскольку его горизонт ожиданий определялся теми нереализованными возможностями, которые были заложены в реформах Александра II. Кроме того, запрет на политическую деятельность, невозможность участвовать в системе принятия политических решений вынуждали земство отказаться от любых проектов. Дальнейшие же общественные ожидания пермского земства были связаны с дискуссиями в Государственной Думе – именно в них земство находило примеры и образцы будущего общественного устройства, в том числе для создания на их основе образа народного (земского) представителя. Кластеры на карте кодов в MAXQDA наглядно визуализируют эти различия между парламентской и земской сферами ответственности. Анализ текстов публикаций, попавших в «синий» и «зеленый» кластеры, позволяет сделать вывод, что земство, одобряя и поддерживая намеченный Государственной Думой курс политических реформ, видело себя полноценным участником общественной трансформации. В передовых статьях, расположенных в верхней части карты кодов, подчеркивалась важность решения социальных, экономических и духовно-нравственных проблем региона, однако о способах их решения и достигнутых результатах, по мнению земства, должна была размышлять Государственная Дума.

В то же время, помимо надежд на «большую» политику, пермское земство сосредоточилось на текущих проблемах губернии, и здесь мы видим противоречие между опытом и ожиданием. В публикациях подчеркивались чаще негативные черты сельской жизни. Безграмотность, пьянство, малоземелье, нищета, темнота, суеверия – такие характеристики деревни чаще всего приводились в передовых статьях, тон которых был нравоучительным, направленным на борьбу с недостатками деревни. В этом состоит одна из особенностей земского дискурса на страницах газеты: представляя свою аудиторию «темной деревней», редакция газеты становилась проводником традиционных взглядов на крестьянство, что противоречило новым ценностям, которые сформулированы в программе издания. Историческая судьба крестьянства в глазах редакции ставилась в зависимость от результатов деятельности земств: «Если мы посмотрим на то, что сделало и делает земство, то станет еще яснее необходимость земства для крестьян… Одним словом, если кто и приходил на помощь крестьянам в удовлетворении его общественных нужд, то это только земство, земство и земство» [34. С. 2]. Земство считало свою работу «светом» для темной деревни. Образ света деревенской жизни появляется на протяжении всего издания газеты. Эта метафора появляется даже в заголовках передовых статей: «Теневые стороны настоящего, задачи будущего», «Из тьмы в светлую даль», «Больше света!» Описание деревни как пространства тьмы показывает нам, что земство воспринимает себя прогрессивным светом, считая среду, в которой осуществляет свою деятельность, архаичной, наполненной пережитками старого мира. Одновременно с этим редакция земской газеты подчеркивает резкий разрыв между своими идеалами и наблюдаемой действительностью: «Черствее жизни земледельца-крестьянина трудно себе представить. Небольшой его кругозор ограничивается им самим. Стремления и интересы человечества для него чужды. Он их не знает и потому не разделяет» [35. С. 3].

Ожидания и надежды земства почти не выходили за пределы настоящего времени: «Просыпается темная деревня, и все упорнее тянется она к свету и знанию. Надо только идти навстречу этому желанию…» [36. С. 29]. Даже опубликованные в газете проекты реформ, одобряемых редакцией, лишь расширяют полномочия земств, однако кардинального разрыва с настоящим положением земств не наблюдается. Например, пермское земство считало достаточным следующую, весьма умеренную программу изменений земского представительства: участие в делах земства большего числа выборных от всех слоев населения; предоставление земству большего права и самодеятельности в делах местной хозяйственной жизни; предоставление земству новых источников дохода и введение мелкой земской единицы [37. С. 7].

В русле социокультурной модернизации можно рассматривать также деятельность земства по повышению правосознания населения. Редакция газеты стремилась освещать для крестьян изменения в законодательстве, касающиеся их положения, разъяснять действие законов, механизм реализации прав и свобод и отстаивание их в судебном порядке. Так, горячо обсуждаемой темой стала столыпинская аграрная реформа. Редакция доступным языком объясняла основные положения реформы, развернула дискуссию об общине, ее достоинствах и недостатках, отстаивала преимущества хуторских хозяйств, информировала о ходе переселения и возникающих в связи ним проблемах [38. С. 2–3; 39. С. 4; 40. С. 12]. Публикации о реформе содержатся в более чем половине рассматриваемых в исследовании выпусков газеты, а общее количество статей, очерков и заметок приближается к тысяче. Еще одной обсуждаемой темой стало представительство в земствах от крестьян, возможность рассказывать о положении на местах на земских собраниях [34. С. 2–3; 41. С. 11–12]. В период революции 1917 г. земство публиковало словарь революционных терминов, который должен был помочь аудитории разобраться в новом языке, выходящем за пределы кругозора крестьянина [42. С. 19].

Земство ощущает себя «на пороге будущего» [43. С. 3–8], однако это будущее в содержательном плане остается для редакции неопределенным. В этом, на наш

взгляд, заключается особенность определения земством своего места в системе управления и общественной жизни Российской империи в целом. Несмотря на недавнее прошлое первой русской революции и внимание к работе парламента, революционные события 1917 г.. оказываются вне пределов ожидания земства. Даже после падения самодержавия оно объявляет своим главным врагом «темноту народную и пьянство» [44. С. 4], не выходя за рамки риторики, которой следовало с 1907 г. Революция понимается как великое потрясение, которое должно всколыхнуть общество, чтобы оно затем продолжило искать путь – вновь к свету [45. С. 5]. В ходе революции земство не успело сформировать какие-либо иные, новые ожидания: «...именно теперь наступает для земства золотое время служения великой задаче народного возрождения» [46. С. 15].

Несмотря на частое изображение в газете земских деятелей как представителей народа, в действительности между руководителями пермского губернского земства и аудиторией, к которой они обращаются, существует разрыв. Отсутствие напряжения между опытом и ожиданиями, как правило, несвойственное для эпохи модерна, позволяет сделать вывод, что земство не смогло адаптироваться, чтобы занять место органа самоуправления в новом общественном устройстве России, и, следовательно, его роль осталась позади, в ушедшей в прошлое Российской империи, при всем разнообразии и богатстве земского наследия.

Рассмотрение особенностей репрезентации образов народного представителя в газете «Пермская земская неделя» позволило выйти на проблемы общероссийского представительства. Работа Государственной Думы стала важнейшим фоном для вопросов развития земства, что также сказывалось и на горизонте ожиданий редакции земской газеты, который не выходил за пределы парламентских дискуссий. Метафорический образ противопоставления тьмы и света усиливает общий вывод об отсутствии в источнике публикаций о конкретном, достижимом проекте будущего. Земство позиционировало себя как один из элементов системы местного самоуправления, выступало за расширение имеющихся полномочий и возможность эффективно решать проблемы на местном уровне, однако умеренность этих положений, длительное существование рамок «дозволенного» политического опыта, описанная выше самоидентификация по отношению к существующим общественным институтам предопределили роль земства в событиях революции 1917 г. Возникает несостоятельность земства как проводника для населения в событиях исторического масштаба.

Пермское земство в целом устраивала роль органа местного самоуправления, и в темпоральных характеристиках издания будущее время практически отсутствует. Усилия пермского земства были направлены, скорее, на интенсификацию деятельности в уже существующих направлениях его работы, получение дополнительных возможностей для решения проблем на местах. Ожидание, когда на территорию Пермской губернии придет «свет» при помощи земской просветительной работы, лишало его необходимости планировать следующий шаг. Будущее время «ослепляло» земство, оно находилось в ожидании постепенных, последовательных перемен. Таким образом, поддерживая и продвигая развитие Российской империи в том направлении, которое наметилось после манифеста об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г., земство не искало свой рецепт государственного развития, но ожидало проектов от органов власти, в первую очередь от Государственной Думы. Помимо имеющихся у земства, пусть и в ограниченном виде, полномочий органа местного самоуправления, оно считало своей обязанностью объяснение населению губернии смысла происходящих изменений, довольствуясь этой ролью.

С точки зрения теории множественных модерностей земство трудно отнести к модерным институтам. Рассмотренные в статье практики репрезентации также показывают нам, что земство представляло собой, скорее, традиционный институт. Оно оказалось неспособным адаптироваться в меняющихся общественно-политических условиях.

Нельзя не согласиться с В.И. Тетериным в том, что земство видело себя в системе местного самоуправления, хотя и ощущало себя «старым органом при новой власти» [13. С. 172]. События 1917 г. не укладывались в модель «управляемой модернизации»: перемены были резкими и разнонаправленными. В условиях быстрой смены политических элит земство, стремившееся разъяснять населению, в первую очередь крестьянам, суть происходящих изменений, само не успевало за общественной повесткой. Земства в процессе политической и социокультурной трансформации Российской империи лишь придерживались вектора, заданного Государственной Думой, не подвергая его сомнению или корректировке.

Список источников

1. Паин Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 37–54.
2. Иванов А.В. «Множественные современности»: диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-3. С. 654–659.
3. Gerasimov I. Modernism and public reform in late Imperial Russia. Rural professionals and self-organization, 1905–1930. New York : Palgrave Macmillan, 2009. 325 p.
4. Evtuhov C. Portrait of a Russian Province: Economy, Society, and Civilization in Nineteenth-Century Nizhnii Novgorod. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2011. 320 p.
5. Fedyashin A. Liberals under Autocracy: Modernization and Civil Society in Russia, 1866–1904. Madison : University of Wisconsin Press, 2012. 282 p.
6. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И.В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. 316 с.
7. Волкова Т.И. Российское земство и социокультурная модернизация страны в начале XX века (по материалам губернии Центральной России). Ярославль : ВНД, 2012. 227 с.
8. Жукова Л.А. Земства и социокультурная модернизация Российской империи в начале XX в. // Вестник университета. 2013. № 20. С. 258–263.

9. Юсупов М.Р. Социокультурная деятельность земств Урала в области внешкольного образования на рубеже XIX–XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 143–146.
10. Субботина А.М. Земство Камско-Вятского региона: опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918) / отв. ред. Л.Н. Бехтерева. Ижевск : Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2017. 299 с.
11. Мустафин Р.Р. Земское и городское самоуправление в начале XX в. // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2017 г. Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2018. С. 157–160.
12. Дашкевич Л.А. Преобразование системы управления образованием в планах екатеринбургского уездного земства периода революций 1917 года // Историко-педагогические чтения. 2019. № 23. С. 29–33.
13. Тетерин В.И. Пермское земство в Великой русской революции 1917 года. Пермь : Прокрость, 2019. 184 с.
14. Андреева Л.М. Политические будни кадетских организаций на Урале: выборы в Государственную думу Российской империи III–IV созывов // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2017. № 3. С. 156–168. doi: 10.17072/2218-1067-2017-4-156-168
15. Селезнев Ф.А. Купцы на выборах в I и II Государственную думу (на примере Москвы и Нижнего Новгорода) // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб. : Астерион, 2018. Ч. 1. С. 45–51.
16. Сорокин А.А. Конфликты в ходе выборов в Государственную думу Российской империи (на материалах Нижегородской губернии) // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб. : Астерион, 2018. Ч. 1. С. 60–66.
17. Моторова Н.С. Алексей Волкович – депутат I Государственной думы и общественный деятель из Витебска // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб. : Астерион, 2018. Ч. 2. С. 59–68.
18. Егоров А.Н. Член Государственного совета от Вологодского губернского земства В.А. Кудрявый: страницы политической биографии // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб. : Астерион, 2018. Ч. 2. С. 69–76.
19. Пермская земская неделя. 1907. № 1.
20. Журналы Пермского губернского земского собрания 40-й очередной сессии и доклады Комиссий сему собранию. Пермь : Электро-тип. губернского земства, 1910. 440 с.
21. Государственный архив Пермского края. Ф. 44. Оп. 1. Д. 657.
22. Волкова Т.И. Опыт земств в социокультурной трансформации сельского населения в поздний период российского монопартийного правления (начало XX века) // Вестник Ярославского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 15–21.
23. Кошелев А.И. Общая земская дума в России : Доп. к кн. «Наше положение». Берлин : Книжный магазин Б. Бэра, 1875. VIII, 107 с.
24. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «Образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. История России. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
25. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. 2011. № 4. С. 31–40.
26. Поршнева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : в 2-х т. Екатеринбург : УрФУ, 2014. Т. 1. С. 126–129.
27. Пермская земская неделя. 1907. № 30.
28. Пермская земская неделя. 1915. № 32.
29. Пермская губернская периодика: 1914–1922 // Центр цифровой гуманитаристики ПГНИУ. URL: http://permnewspapers.ru (дата обращения: 01.05.2021).
30. Корниенко С.И., Гагарина Д.А. Историко-ориентированные информационные системы на основе губернской периодики: пермские проекты // Писменато наследство и информационните технологии : материали от V международна науч. конф. София ; Ижевск, 2014. С. 60–63.
31. Пермская земская неделя. 1908. № 20.
32. Пермская земская неделя. 1916. № 27.
33. Козеллек Р. Прошедшее будущее: к семантике исторического времени. Реф. книги: Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a. M. : Schurkamp, 1995. 389 S. // Символическая политика. 2014. № 2. С. 164–187.
34. Пермская земская неделя. 1907. № 16.
35. Пермская земская неделя. 1908. № 42.
36. Пермская земская неделя. 1915. № 41.
37. Пермская земская неделя. 1914. № 8.
38. Пермская земская неделя. 1907. № 3.
39. Пермская земская неделя. 1907. № 8.
40. Пермская земская неделя. 1907. № 13.
41. Пермская земская неделя. 1909. № 23.
42. Пермская земская неделя. 1917. № 25.
43. Пермская земская неделя. 1915. № 16.
44. Пермская земская неделя. 1917. № 12-13.
45. Пермская земская неделя. 1917. № 38.
46. Пермская земская неделя. 1917. № 18.

References

1. Pain, E.A. (2009) Mnogokul'turnaya modernizatsiya: evolyutsiya teoreticheskikh vzglyadov [Multicultural modernization: The evolution of theoretical views]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 6. pp. 37–54.
2. Ivanov, A.V. (2014) “Mnozhestvennye sovremennosti”: dialektika edinstva i raznoobraziya v epokhu globalizatsii [“Multiple Modernities”: The Dialectics of Unity and Diversity in the Age of Globalization]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 6-3. pp. 654–659.
3. Gerasimov, I. (2009) *Modernism and public reform in late Imperial Russia. Rural professionals and self-organization, 1905–1930*. New York: Palgrave Macmillan.
4. Evtuhov, C. (2011) *Portrait of a Russian Province: Economy, Society, and Civilization in Nineteenth-Century Nizhnii Novgorod*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
5. Fedyashin, A. (2012) *Liberals under Autocracy: Modernization and Civil Society in Russia, 1866–1904*. Madison: University of Wisconsin Press.
6. Poberezhnikov, I.V. (ed.) (2016) *Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of Russian Imperial Modernization (18th – early 20th Century): A Regional Dimension]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
7. Volkova, T.I. (2012) *Rossiyskoe zemstvo i sotsiokul'turnaya modernizatsiya strany v nachale XX veka (po materialam gubernii Tsentral'noy Rossii)* [Russian zemstvo and socio-cultural modernization of the country in the early 20th century (a case study of Central Russia)]. Yaroslavl: VND.
8. Zhukova, L.A. (2013) Zemstva i sotsiokul'turnaya modernizatsiya Rossiyskoy imperii v nachale XX v. [Zemstvos and socio-cultural modernization of the Russian Empire in the early 20th century]. *Vestnik universiteta.* 20. pp. 258–263.

9. Yusupov, M.R. (2015) Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' zemstv Urala v oblasti vneshkol'nogo obrazovaniya na rubezhe XIX–XX vv. [Socio-cultural activities of the Urals zemstvos in extracurricular education at the turn of the 20th century]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 6. pp. 143–146.
10. Subbotina, A. M. (2017) *Zemstvo Kamsko-Vyatskogo regiona: opyt sotsial'nogo sotrudnichestva v protsesse kul'turnoy transformatsii (1867–1918)* [Zemstvo of the Kama-Vyatka region: Social cooperation in the process of cultural transformation (1867–1918)]. Izhevsk: UrB RAS.
11. Mustafin, R.R. (2018) Zemskoe i gorodskoe samoupravlenie v nachale XX v. [Zemstvo and city self-government in the early 20th century]. In: *Prikladnye issledovaniya v pole regional'nogo strategicheskogo diskursa sovremennoy Rossii. Osnovnye itogi nauchnoy raboty v Nizhegorodskom institute upravleniya v 2017 g.* [Applied research in the field of regional strategic discourse in modern Russia. The main results of scientific work at Nizhny Novgorod Institute of Management in 2017]. Nizhny Novgorod: NIU RANKhiGS. pp. 157–160.
12. Dashkevich, L.A. (2019) Preobrazovanie sistemy upravleniya obrazovaniem v planakh ekaterinburgskogo uezdnogo zemstva perioda revolyutsiy 1917 goda [Transformation of the education management system in the plans of the Yekaterinburg district zemstvo during the 1917 revolution]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya.* 23. pp. 29–33.
13. Teterin, V.I. (2019) *Permskoe zemstvo v Velikoy russkoy revolyutsii 1917 goda* [Perm Zemstvo in the Great Russian Revolution of 1917]. Perm: Prokrost'.
14. Andreeva, L.M. (2017) Politicheskie budni kadetskikh organizatsiy na Urale: vybory v Gosudarstvennuyu dumu Rossiyskoy imperii III–IV sozyvov [Political everyday routine of the cadet organizations in the Urals: Elections to the State Duma of the Russian empire of the 3rd and 4th convocations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya.* 3. pp. 156–168. DOI: 10.17072/2218-1067-2017-4-156-168
15. Seleznev, F.A. (2018) Kuptsy na vyborakh v I i II Gosudarstvennuyu dumu (na primere Moskvy i Nizhnego Novgoroda) [Merchants in the elections to the I and II State Duma (a case study of Moscow and Nizhny Novgorod)]. In: *Tavricheskie chteniya 2017. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [The Tauride Readings 2017. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity]. Vol. 1. pp. 45–51. St. Petersburg: Asterion.
16. Sorokin, A.A. (2017) Konflikty v khode vyborov v Gosudarstvennuyu dumu Rossiyskoy imperii (na materialakh Nizhegorodskoy gubernii) [Conflicts during elections to the State Duma of the empire (based on materials from the Nizhny Novgorod province)]. In: *Tavricheskie chteniya 2017. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [The Tauride Readings 2017. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity]. Vol. 1. pp. 60–66). St. Petersburg: Asterion.
17. Motorova, N.S. (2018) Aleksey Volkovich – deputat I Gosudarstvennoy dumy i obshchestvennyy deyatel' iz Vitebska [Aleksey Volkovich – Deputy of the First State Duma and a public figure from Vitebsk]. In: *Tavricheskie chteniya 2017. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [The Tauride Readings 2017. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity]. Vol. 2. pp. 59–68. St. Petersburg: Asterion.
18. Egorov, A.N. (2018) Chlen Gosudarstvennogo soveta ot Vologodskogo gubernskogo zemstva V.A. Kudryavyy: stranitsy politicheskoy biografii [Member of the State Council from the Vologda provincial zemstvo V.A. Kudryavy: Pages of the political biography]. In: *Tavricheskie chteniya 2017. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [The Tauride Readings 2017. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity]. Vol. 2. pp. 69–76. St. Petersburg: Asterion.
19. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1907) 1.
20. Perm Zemstvo Administration. (1910) *Zhurnaly Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 40-y ocherednoy sessii i doklady Komissiy semu sobraniyu* [Journals of the Perm provincial zemstvo assembly of the 40th regular session and reports of the Commissions to the assembly]. Perm: Elektro-tip. gubernskogo zemstva.
21. The Perm State Archive. Fund 44. List 1. File 657.
22. Volkova, T.I. (2020) Opyt zemstv v sotsiokul'turnoy transformatsii sel'skogo naseleniya v pozdniy period rossiyskogo monopartiynogo pravleniya (nachalo XX veka) [The Zemstvo experience in the socio-cultural transformation of the rural population in the late period of Russian monoparty rule (the early 20th century)]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki.* 3. pp. 15–21.
23. Koshelev, A.I. (1875) *Nashe polozhenie* [Our Stand]. Berlin: Knizhnyy magazin B. Bera.
24. Senyavskiy, A.S. & Senyavskaya, E.S. (2006) Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya “Obraza vraga” (na materialakh rossiyskoy istorii XX v.) [The historical imagology and the problem of building of “enemy’s image” (on the materials of the Russian history of the 20th century)]. *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii.* 2(6). pp. 54–72.
25. Papilova, E. V. (2011) Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina [Imagology as a humanitarian discipline]. *Rhema.* 4. pp. 31–40.
26. Porshneva, O.S. (2014) Istoricheskaya imagologiya v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [Historical imagology in modern Russian historiography]. In: Rukosuev, E.Yu. et al. (eds) *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya: industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.: v 2-kh t.* [The Industrial Ural. The Bakunin Readings: Industrial Modernization of the Urals in the 18th – 21st Centuries]. Vol. 2. pp. 126–129. Yekaterinburg: UrFU.
27. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1907) 30.
28. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1915) 32.
29. The Centre for Digital Humanities Perm State National Research University. (n.d.) *Permskaya gubernskaya periodika: 1914–1922* [Perm provincial periodicals: 1914–1922]. [Online] Available from: http://permnewspapers.ru (Accessed: 5th May 2021).
30. Kornienko, S.I. & Gagarina, D.A. (2014) Istoriko-orientirovannye informatsionnye sistemy na osnove gubernskoy periodiki: permskie proekty [Historically-oriented information systems based on provincial periodicals: Perm projects]. *Pismenato nasledstvo i informatsionnite tekhnologii.* Proc. of the Conference. Sofia; Izhevsk.
31. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1908) 20.
32. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1916) 27.
33. Kozellek, R. (2014) Proshedshee budushhee: k semantike istoricheskogo vremeni [Futures Past: On the Semantics of Historical Time]. *Simvolicheskaya politika.* 2. pp. 164–187.
34. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1907) 16.
35. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1908) 42.
36. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1915) 41.
37. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1914) 8.
38. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1907) 3.
39. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1907) 8.
40. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1907) 13.
41. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1907) 23.
42. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1909) 25.
43. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1917) 16.
44. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1915) 12-13.
45. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1917) 38.
46. *Permskaya zemskaya nedelya*. (1917) 18.

***Сведения об авторе*:**
Сенина Анна Васильевна – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь, Россия). E-mail: avsenina@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Senina Anna V. – a Senior Lecturer at the Department of Humanities of the HSE University (Perm, Russian Federation). E-mail: avsenina@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2021; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 30.05.2021; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 94(4)
doi: 10.17223/19988613/92/7

Образ Швеции на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.)

Василий Владимирович Фролов

Псковский государственный университет, Псков, Россия, frolov1406@mail.ru

Аннотация. Исследованы отличительные черты образа Швеции, формировавшиеся на страницах периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» его корреспондентами в первые годы Первой мировой войны (1914–1915). Сделан вывод, что Швеция совершенно осознанно не желала изменять одному из своих главных принципов во внешней политике – нейтралитету, а поэтому предпринимала все необходимые усилия, чтобы избежать втягивания в Первую мировую войну.
Ключевые слова: международные отношения, Первая мировая война, информационное противоборство, Швеция, журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.»

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00770, https://rscf.ru/project/23-28-00770/

Для цитирования: Фролов В.В. Образ Швеции на страницах военного периодического издания «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 58–62. doi: 10.17223/19988613/92/7

Original article

The image of the Sweden on the pages of the military periodical “The Chronicle of the War of 1914–1917” in the first years of the First World War (1914–1915)

Vasiliy V. Frolov

Pskov State University, Pskov, Russian Federation, frolov1406@mail.ru

Abstract. The article examines and analyzes the image of Sweden, which was formed on the pages of their publication by the correspondents of the Russian military magazine «The Chronicle of the War of 1914–1917» in the first years of the First World War (1914–1915), when Russia was in an active military confrontation with the states of the Triple (later Quadruple) Alliance in the European theater of military operations, and Sweden in its foreign policy was guided by the principle of neutrality and tried to suppress the attempts of the main instigators of this war to draw it into this global military conflict.

«The Chronicle of the War of 1914–1917» – a printed periodical, which was one of the main official information sources of the Russian Empire about the events of the First World War. This weekly military illustrated magazine was published before the overthrow of the monarchy in Russia. A total of 132 issues of the «The Chronicle...» were released. The editor-in-chief of the publication was Major General D.N. Dubensky.

The correspondents of the «The Chronicle of the War of 1914–1917» in the first years of the First World War (1914–1915) paid little attention to Sweden on the pages of their publication, much less than such states as Romania, Belgium, Serbia, Montenegro, which also did not play an important role in international relations and did not influence to make significant foreign policy decisions. Almost all information about Sweden by the journalists of the magazine under analysis was placed in the heading «Abroad».

As part of the analysis of the materials presented on the pages of the periodical «The Chronicle of the War of 1914–1917», the following distinctive features of the image of Sweden formed by the journalists of this periodical in the first years of the war are noted:

- a state that traditionally adhered to benevolent neutrality in its foreign policy and did not have any desire (goals) to engage in open military confrontations;
- a country experiencing strong economic and political pressure from the German Empire regarding its possible accession to the Triple (later Quadruple) Alliance and entry into the war against Russia;
- a state that to a certain extent coordinated the steps of the Scandinavian states in the international arena and acted as a kind of unofficial leader of the Swedish-Danish-Norwegian union;
- a country that was able to withstand external pressure and find appropriate mechanisms for this.

At the end of the study, it was concluded that the periodical «The Chronicle of the War of 1914–1917» during the First World War was one of the tools of informational influence on the consciousness of the subjects of the Russian Empire.

© В.В. Фролов, 2024

On the pages of this magazine, various images of the states-participants of the largest military conflict in the early 20th century («enemy», «neutral state» or «ally») were formed. In «The Chronicle...» Sweden appeared as a state that consciously did not want to change one of its main principles in foreign policy – neutrality, and therefore made all necessary efforts to avoid being drawn into the war between the Entente and the Triple (Quadruple) Alliance. This northern state adhered to the concept of security, which provided, along with non-participation in military-political blocs (coalitions), the resolution of international conflicts by expanding the operation of the system of international law. At the same time, it was during the First World War that neutralist sentiments intensified in Swedish society, and neutrality began to turn into an object of national pride and the value of Swedish public consciousness.
Keywords: international relations, First World War, information confrontation, Sweden, the magazine "The Chronicle of the War of 1914–1917"

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00770, https://rscf.ru/en/project/23-28-00770/

For citation: Frolov, V.V. (2024) The image of the Sweden on the pages of the military periodical "The Chronicle of the War of 1914–1917" in the first years of the First World War (1914–1915). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 58–62. doi: 10.17223/19988613/92/7

Отношения России и ее северного соседа – Швеции – характеризует долгая и достаточно сложная история, отмеченная начиная с XII в. многочисленными военными столкновениями и политическими конфликтами. Шведские крестовые походы против Новгородской республики, русско-шведская война 1495–1497 гг., Ливонская война 1558–1583 гг., Северная война 1700–1721 гг., финская война 1808–1809 гг. – неполный перечень наиболее масштабных вооруженных конфликтов между этими двумя государствами, отложивших существенный отпечаток на восприятие северными соседями друг друга. Однако с 1812 г. Королевство Швеция стало реализовывать новый подход во внешней политике, основным принципом которого стал вооруженный нейтралитет. Во многом это было обусловлено тем, что к началу XIX столетия Швеция окончательно утратила свое былое военное могущество и внешнеполитические амбиции. Теперь эта северная страна могла претендовать только на роль лидера на Скандинавском полуострове, что в дальнейшем она и будет пытаться реализовать в рамках скандинавской интеграции. При этом в последующие десятилетия и столетия отношения между Россией и Швецией стали активно развиваться, но уже в основном в рамках экономического сотрудничества, а не военно-политического противоборства.

В представленной статье мы обратились к рассмотрению образа Швеции, который формировали на страницах своего издания корреспонденты российского военного журнала «Летопись войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915), когда Россия находилась в активном военном противоборстве с государствами Тройственного (позднее Четверного) союза на Европейском театре боевых действий, а Швеция в своей внешней политике руководствовалась принципом нейтралитета и пыталась пресечь попытки основных зачинщиков войны втянуть ее в этот глобальный военный конфликт.

«Летопись войны 1914–1917 гг.» – печатное проправительственное периодическое издание, являвшееся одним из основных информационных источников в Российской империи о событиях Первой мировой войны. Основную часть редакции этого журнала составляли патриотически настроенные российские журналисты, преимущественно монархисты консервативного толка, трудившиеся ранее, в 1904–1905 гг., над изданием «Летописи войны с Японией» – фактическим предшественником «Летописи войны 1914–1917 гг.». Главным редактором обеих «Летописей…» был генерал-майор Д.Н. Дубенский.

Этот еженедельный военный иллюстрированный журнал был частным, негосударственным изданием, получавшим при этом неофициальную, в том числе финансовую, помощь со стороны представителей органов власти, политических и общественных деятелей монархической ориентации. В данном издании содержались следующие основные разделы:

1) Официальный отдел, правительственные распоряжения;
2) Официальные донесения с войны;
3) Статьи, разъясняющие положение дел;
4) Корреспонденции с войны;
5) Отклики войны на Руси;
6) Отношение иностранных держав;
7) Разные статьи и заметки о военных событиях;
8) Объявления;
9) Официальный отдел – правительственные распоряжения, вызванные обстоятельствами военного времени.

Журнал выходил в свет до свержения монархии в России (до начала Февральской революции 1917 г.). Всего было выпущено 132 номера «Летописи...». Печаталось издание в типографии «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» в Санкт-Петербурге [1].

В российской историографии образ Швеции начала XX столетия в той или иной степени исследовали такие авторы, как И.Н. Новикова [2–4], Е.В. Корунова [5], С.А. Гриценко [6], О.В. Зарецкая, А.А. Топтунов [7], К.А. Табаровская [8]. При этом в своих работах основное внимание они уделяли политической составляющей образа этого североевропейского государства. Научных трудов, посвященных рассмотрению и анализу образа Швеции первых двух десятилетий прошлого века, создаваемого российской периодической печатью, нами обнаружено не было.

Перед тем как непосредственно обратиться к реализации обозначенной выше цели нашего исследования отметим, что накануне Первой мировой войны Королевство Швеция являлось наиболее экономически развитым государством Скандинавского полуострова. Несмотря на ограниченность людских ресурсов (в 1914 г.

население Швеции составляло 5,5 млн человек), как поставщик железной руды и производитель превосходной по качеству стали Швеция являлась важной для развития европейской экономики страной. Это скандинавское государство достигло также существенных успехов в культурной и научной сферах. При этом ее влияние на европейскую и мировую политику было незначительным. После распада шведско-норвежской унии и фактической потери Норвегии в 1905 г. интерес шведов к международным делам был достаточно ограниченным, а развитие отношений с иностранными государствами являлось прерогативой узкого круга элиты. На момент начала Великой войны шведы не принимали участия в войнах уже почти 100 лет, тем самым непроизвольно укрепляя основы своей политики нейтралитета, существовавшей за счет не только международно-правовых норм и договоров, но и сложившейся к этому моменту традиции [4. С. 177].

Корреспонденты «Летописи войны 1914–1917 гг.» в первые годы Первой мировой войны (1914–1915) на страницах своего издания уделяли Швеции немного внимания – значительно меньше, чем таким государствам, как Румыния, Бельгия, Сербия, Черногория, также не игравшим важной роли в международных отношениях и не влиявшим на принятие значимых внешнеполитических решений. Практически вся информация о Швеции журналистами исследуемого нами журнала была размещена в рубрике «За границей». Для сравнения: в официальном печатном органе Военного министерства Российской империи – газете «Русский инвалид» – Швеции в 1914–1915 гг. уделялось значительно больше внимания: почти в каждом втором номере данного издания в рубриках «Телеграммы» и «Военный обзор» можно встретить упоминания об этой скандинавской стране, но, как правило, небольшого объема, в среднем 5–6 предложений [9. С. 5; 10. С. 3; 11. С. 1].

Первое упоминание о Швеции на страницах «Летописи...» представлено в № 3 за 1914 г.: в рубрике «За границей» продекларировано, что это северное государство, как и остальные страны Скандинавии и Голландия, твердо заявляло о своем строжайшем нейтралитете в Первой мировой войне [12. С. 56]. Каких-либо упоминаний о внешнеполитической доктрине и международных интересах Королевства Швеция в данной публикации не приведено.

В следующий раз упоминание о Швеции в журнале встретилось только в № 18 за 1914 г. При этом в данном номере «Летописи…» было уделено особое внимание внеочередной встрече трех скандинавских монархов 5–6 декабря 1914 г. в г. Мальмё. По ее итогам монархи Швеции (Густав V), Норвегии (Хокон VII) и Дании (Христиан X) подписали тройственное политическое соглашение, целью которого стало создание «союза, способного противостоять потенциальной агрессии Германии» [13. С. 292]. По мнению авторов «Летописи войны 1914–1917 гг.», необходимость такого союза скандинавских государств «вытекала из того положения, в которое была поставлена Швеция Германией с самого начала великой европейской войны». Германия всяческим образом стремилась вовлечь Швецию в военное столкновение с Россией. Швеция же всеми силами стремилась избежать какого-либо участия в Первой мировой войне. Берлин не жалел сил и финансовых средств для того, чтобы убедить политическую элиту Швеции в целесообразности вступления их государства в войну против Российской империи. Немецкая сторона самым настойчивым образом намекала шведскому правительству, что настал момент, когда можно вернуть себе Финляндию и господство на Балтийском море. Германия также в довольно жесткой форме потребовала от Швеции в конце ноября 1914 г. «активных шагов против России и грозила, в случае отказа в них, репрессией» [13. С. 294]. Несмотря на такое мощное давление Берлина на шведскую политическую элиту и общество, корреспонденты «Летописи…» выражали полную уверенность в том, что никакие происки германского правительства не смогут помешать суверенному Королевству Швеция и дальше соблюдать по отношению к воюющим державам благожелательный нейтралитет.

В № 20 за 1915 г. авторы рубрики «За границей» сообщили, что почти сразу после встречи монархов скандинавских стран в Мальмё Швеция начала мобилизацию своего военного флота. В частности, два шведских военных корабля, находившихся в конце 1914 г. у Дарданелл, получили приказ немедленно возвращаться на родину [14. С. 323]. Все это, по мнению журналистов «Летописи войны 1914–1917 гг.», свидетельствовало о том, что Швеция для себя уже окончательно решила, что все требования Германии антироссийского характера для Королевства Швеция неприемлемы, и поэтому в случае необходимости шведский народ был готов дать отпор агрессии Берлина.

В рубрике «Политическое обозрение» (№ 23 за 1915 г.) ее автор обратил внимание на то, что Германия по-прежнему всеми силами стремилась сохранить добрые отношения со Швецией и другими скандинавскими государствами, так как «только через Скандинавию лежал фактически единственный путь для получения Германией разного рода припасов, нужных для продолжения войны». Именно поэтому Берлин не жалел денег, чтобы купить шведскую печать, которая помогла бы Германии «восстановить общественное мнение шведского народа против России и Великобритании» [15. С. 374]. В связи с этим автор публикации выражал надежду, что шведский народ не поддастся на лживую немецкую пропаганду, и отношения России и Швеции от всего этого не пострадают.

В № 27 за 1915 г. авторами рубрики «За границей» сделан акцент на том, что Швеция в ответ на угрозу Германии всему мировому сообществу «топить всякое нейтральное судно, приближающееся к берегам Великобритании», созвала в Стокгольме конференцию с участием скандинавских государств (Дании, Норвегии и Швеции), по итогам которой датским, норвежским и шведским правительствами было сделано совместное представление Германии по поводу тех совершенно неправомерных мер, которые Берлин обещал применять в омывающих Британские острова водах [16. С. 437]. Данное представление, по мнению журналистов «Летописи…», являлось решительным протестом против нарушения Германией основных начал между-

народного права. Швеция же в данной ситуации выступила своего рода неофициальным лидером союза скандинавских государств – стороной, которая смогла консолидировать позиции стран Северной Европы в отношении преступной политики Германии в сфере международного морского права.

В № 32 за 1915 г. редакция журнала «Летопись войны 1914–1917 гг.» сообщила о протесте Швеции против «репрессивных мер, принятых Великобританией в ответ на преступления германских подводных лодок». Однако авторы рубрики «За границей» сразу же уточнили, что этот протест чисто формальный, так как, несмотря на убыточность для нейтральных государств, в том числе и Швеции, английских мероприятий против Германии на море, «все здравомыслящие страны понимают недопустимость германского образа действий в морских водах, гораздо более пагубного для нейтральной морской торговли» [17. С. 519]. При этом авторы «Летописи…» по-прежнему были убеждены, что Швеция и в дальнейшем как минимум не изменит взятым на себя обязательствам по соблюдению благожелательного нейтралитета в великой европейской войне, а возможно, через некоторое время, осознав всю опасность замыслов и действий Германии, присоединится к Антанте.

Нельзя обойти вниманием и то, что уже к середине 1915 г. Германия начала утрачивать активный интерес к шведскому участию в войне на стороне Тройственного союза. В Берлине постепенно пришли к мнению, что Швеция могла быть более полезной Германской империи в качестве нейтрального партнера с ее активной торговлей, а не в качестве союзника. Швеция же, не забывая про свои национальные интересы, в этот непростой и напряженный период старалась проводить глубоко продуманную и сбалансированную экономическую политику со всеми своими потенциальными торговыми партнерами [5. С. 12]. Этот северный сосед России по-прежнему развивал торгово-экономические связи как с государствами Антанты, так и со странами Тройственного (Четверного) союза.

Анализируя материалы, представленные на страницах военного журнала «Летописи войны 1914–1917 гг.», можно отметить следующие отличительные черты образа Швеции, создаваемого журналистами данного периодического издания в первые годы войны:

– государство, традиционно придерживавшееся в своей внешней политике благожелательного нейтралитета и не имевшее никакого желания (целей) вступать в открытые военные столкновения;

– страна, испытывавшая сильное экономическое и политическое давление со стороны Германской империи относительно ее возможного присоединения к Тройственному (позднее Четверному) союзу и вступления в войну против России;

– государство, в определенной степени координировавшее шаги скандинавских государств на международной арене и выступавшее своего рода неофициальным лидером шведско-датско-норвежского союза;

– страна, которая была способна противостоять внешнему давлению и находить для этого соответствующие механизмы.

В заключение следует отметить, что периодическое издание «Летопись войны 1914–1917 гг.» в годы Первой мировой войны являлось одним из инструментов информационного воздействия на сознание подданных Российской империи. На страницах этого журнала формировались различные образы государств-участников крупнейшего военного конфликта начала XX столетия («врага», «нейтрального государства» или «союзника»). Швеция в «Летописи…» предстала государством, которое совершенно осознано не желало изменять одному из своих главных принципов во внешней политике – нейтралитету, а поэтому предпринимало все необходимые усилия для того, чтобы избежать своего втягивания в войну между Антантой и Тройственным (Четверным) союзом. Это северное государство придерживалось концепции безопасности, предусматривавшей наряду с неучастием в военно-политических блоках (коалициях) разрешение международных конфликтов путем расширения действия системы международного права. При этом именно в годы Первой мировой войны в шведском обществе произошло усиление нейтралистских настроений, а нейтралитет стал превращаться в предмет национальной гордости и ценность шведского общественного сознания.

Список источников

1. Фролов В.В. Журнал «Летопись войны 1914–1917 гг.» как информационный источник о событиях Первой мировой войны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 26. С. 176–180. URL: http://e-koncept.ru/2016/46436.htm (дата обращения: 09.03.2021).
2. Новикова И.Н. Швеция в германо-российском противостоянии в период Первой мировой войны : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006. 518 с.
3. Новикова И.Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 448 с.
4. Новикова И.Н. Нейтралитет или союз: внутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны // Актуальные проблемы истории Первой мировой войны : сб. науч. ст. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. С. 157–189.
5. Корунова Е.В. Шведский нейтралитет в Первой мировой войне: случайность или закономерность // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 3–18.
6. Гриценко С.А. «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции: 1905–1916 : дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 280 с.
7. Зарецкая О.В., Топтунов А.А. Российско-шведские и российско-норвежские отношения в контексте трансформации образа русского «другого» в 1905–1914 гг. // Вопросы истории. 2019. № 9. С. 98–107.
8. Табаровская К.А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1914 гг.). Политический, экономический, военный аспекты (по материалам российских архивов) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 227 с.
9. Русский инвалид. 1914. № 164. 29 июля.
10. Русский инвалид. 1914. № 168. 3 авг.
11. Русский инвалид. 1914. № 268. 22 нояб.
12. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 3.

13. Летопись войны 1914–1917 гг. 1914. № 18.
14. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 20.
15. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 23.
16. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 27.
17. Летопись войны 1914–1917 гг. 1915. № 32.

References

1. Frolov, V.V. (2016) Zhurnal “Letopis' voyny 1914–1917 gg.” kak informatsionnyy istochnik o sobytiyakh Pervoy mirovoy voyny [The magazine “Chronicle of the War of 1914–1917” as an information source on the events of the First World War]. *Kontsept*. 26. pp. 176–180. [Online] Available from: http://e-koncept.ru/2016/46436.htm (Accessed: 9th March 2021).
2. Novikova, I.N. (2006a) *Shvetsiya v germano-rossiyskom protivostoyanii v period Pervoy mirovoy voyny* [Sweden in the German-Russian confrontation during the First World War]. History Dr. Diss. St. Petersburg.
3. Novikova, I.N. (2006b) *“Mezhdu molotom i nakoval'ney”: Shvetsiya v germano-rossiyskom protivostoyanii na Baltike v gody Pervoy mirovoy voyny* [“Between a hammer and a hard place”: Sweden in the German-Russian confrontation in the Baltic during the First World War]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Novikova, I.N. (2014) Neytralitet ili soyuz: vnutripoliticheskaya bor'ba v Shvetsii po voprosam vneshney politiki v gody Pervoy mirovoy voyny [Neutrality or alliance: Domestic political struggle in Sweden on foreign policy issues during the First World War]. In: *Aktual'nye problemy istorii Pervoy mirovoy voyny* [Current Problems of the History of the First World War]. Moscow: Institute of General History, Russian Academy of Sciences. pp. 157–189.
5. Korunova, E.V. (2014) Shvedskiy neytralitet v Pervoy mirovoy voyne: sluchaynost' ili zakonomernost' [Swedish neutrality in the First World War: Accident or regularity]. *Novaya i noveyshaya istoriya.* 6. pp. 3–18.
6. Gritsenko, S.A. (2017) *“Progermanizm” v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Shvetsii: 1905–1916* [“Pro-Germanism” in the socio-political life of Sweden: 1905–1916]. History Cand. Diss. Moscow.
7. Zaretskaya, O.V. & Toptunov, A.A. (2019) Rossiysko-shvedskie i rossiysko-norvezhskie otnosheniya v kontekste transformatsii obraza russkogo “drugogo” v 1905–1914 gg. [Russian-Swedish and Russian-Norwegian relations in the context of the transformation of the image of the Russian “other” in 1905–1914]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 98–107.
8. Tabarovskaya, K.A. (2009) *Rossiysko-shvedskie otnosheniya nakanune Pervoy mirovoy voyny (1905–1914 gg.). Politicheskiy, ekonomicheskiy, voennyy aspekty (po materialam rossiyskikh arkhivov)* [Russian-Swedish relations on the eve of the First World War (1905–1914). Political, economic, military aspects (based on Russian archives)]. History Cand. Diss. Moscow.
9. *Russkiy invalid*. (1914a) 29th July.
10. *Russkiy invalid*. (1914b) 3th August.
11. *Russkiy invalid*. (1914c). 22nd November.
12. *Letopis' voyny 1914–1917 gg*. (1914a) 3.
13. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1914b) 18.
14. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1915a) 20.
15. *Letopis' voyny 1914–1917 gg.* (1915b) 23.
16. *Letopis' voyny 1914–1917 gg*. (1915c) 27.
17. *Letopis' voyny 1914–1917 gg*. (1915d) 32.

***Сведения об авторе*:**
Фролов Василий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и веобщей истории, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: frolov1406@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Frolov Vasily V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History and World History, Senior Researcher at the Scientific Research Laboratory “Center for Comprehensive Study of Regional Security Problems” of Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: frolov1406@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2023; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 05.03.2023; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/92/8

Рецепция «советского проекта» в Северной Осетии: малые города и их роль в социально-экономических и культурных процессах 1930–1980-х гг.

Светлана Алексеевна Хубулова

Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, Пятигорск, Россия, hubul@yandex.ru

Аннотация. Впервые в региональной историографии рассматривается вопрос реализации так называемого «советского проекта» в Северо-Осетинской АССР на протяжении 1930–1980-х гг. Одним из важнейших его направлений стало формирование городских поселений путем слияния нескольких перспективных сел и образования городов. Города специализировались на тех отраслях производства, которые были обеспечены местным сырьем: перерабатывающая, пищевая, горнодобывающая промышленность стала визитной карточкой республики.
Ключевые слова: малый город, урбанизация, население, производство, результаты

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований проекта 21-09-43008 СССР.

Для цитирования: Хубулова С.А. Рецепция «советского проекта» в Северной Осетии: малые города и их роль в социально-экономических и культурных процессах 1930–1980-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 63–68. doi: 10.17223/19988613/92/8

Original article

Reception of the “Soviet project” in North Ossetia: small towns and their role in the socio-economic and cultural processes of the 1930s–1980s

Svetlana A. Khubulova

North Caucasus Institute – branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, hubul@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the main characteristics of some urban settlements in North Ossetia in historical retrospect. The measurement of the cultural heritage of a small city is a scientific lacuna. For the first time, the documents and materials introduced into scientific circulation from the Central State Administration of RSO-Alania allow us to analyze the urbanization processes in the 1930s and 1980s as the directions of the"Soviet project".
The methodological approach of the "social space" is taken as a basis, which makes it possible to combine the ideas about the formation of the appearance of new cities with the real processes that took place in the second half of the twentieth century. Urban planning plans were closely connected not only with economic factors, but also largely depended on the ideas of national-political zoning. Residents of new urban settlements for a long time found themselves in a transitional state from a rural resident to a city dweller. A large body of documents introduced into scientific circulation for the first time allows us to study not only the positive changes in the social and economic structure of North Ossetia, but also to note the reason for the utopian nature of many plans for turning small towns into large industrial centers. The phenomenon of a small city allowed us to determine the origins of the conflict between plans (desired) and reality (result).
Keywords: small town, urbanization, population, production, results

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the 21-09-43008 USSR project supported by the Russian Foundation for Basic Research.

For citation: Khubulova, S.A. (2024) Reception of the “Soviet project” in North Ossetia: small towns and their role in the socio-economic and cultural processes of the 1930s–1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 63–68. doi: 10.17223/19988613/92/8

Исследование советской государственной политики, которую нередко в историографии называют «советский проект», на общенациональном и региональном уровнях в исторической ретроспективе имеет непреходящее значение, так как она охватывает всю совокупность направлений социальной, политической, экономической и культурной деятельности органов государственной власти Советского Союза и во многом закладывает перспективы устойчивого развития страны и общества в будущем [1–3].

© С.А. Хубулова, 2024

Обращение к данной проблематике в рамках междисциплинарного подхода обусловлено переоценкой значения, места и роли федерального Центра в распространении советской модели общества на периферию страны, конкретно – на национальные районы Северного Кавказа, в том числе Северную Осетию. Эта обусловленность связана с трансформацией идеи развития всех регионов СССР по единому идеологическому образцу и возникшей к этому периоду насущной потребностью формирования основных направлений в изучении советского опыта и его особенностей в разных субъектах страны.

Данная позиция во многом предопределила необходимость специального изучения исторического опыта взаимодействия Центра и субъектов Северного Кавказа, потребность в научном исследовании концептуальных подходов к развитию последнего и более углубленном осмыслении региональных проблем в конкретно-историческом пространстве страны. Проблема адаптации основных положений «советского проекта» связана с тем, что районы Северного Кавказа отличались не только от российских регионов, но и между собой по уровню социально-экономического и культурного развития. По этой причине общероссийские планы иногда претворялись на местах с большими издержками, имели не совсем те результаты, на которые рассчитывала центральная власть.

Одной из актуальных проблем, требующих современного анализа, является история становления малых городов Северной Осетии, которые также стали частью «советского проекта».

Следует отметить, что для отечественной историографии советский город в исторической ретроспективе еще не стал объектом глубокого научного изучения. Современные исследователи правильно отмечают, что проследить развитие города в динамике, определить его как интересное социальное явление можно, если выяснить общественную необходимость, особенности и направленность его возникновения [4. С. 5]. Город оказывал свое влияние на окружающие территории и население, предлагал новые формы жизнедеятельности, но и город оставался заложником ситуации, обусловившей и координировавшей особенности и направления, тенденции его развития. В такой интеграции не последнюю роль играло городское население, его традиционные и инновационные жизненные практики, мировосприятие и др.

В этой связи следует остановиться на такой важной составляющей развития городов, как урбанизация и ее особенности в СССР. В науке нет единого определения понятия «урбанизация»: рост больших городов; активизация роли городов в жизни страны и др. Мы придерживаемся понимания урбанизации как фундаментальных изменений, толчок которым дали мануфактурная стадия производства и промышленный переворот, т.е. революция, в области производства определившая начало перехода от традиционного сельского общества к городскому.

Специалисты единодушны в том, что российская урбанизация имеет специфические особенности. Но этот тезис в разные историографические периоды имел свою доказательную базу. Так, в советской историографии речь идет об особой «социалистической» урбанизации (см. напр.: [5, 6]), а в постсоветский период получил хождение термин «псевдоурбанизация». Утверждается также, что урбанизация в советский период складывалась не спонтанно, а с помощью государственных рычагов [7].

Специфику отечественной урбанизации никто не отрицает, но предлагается рассматривать этот процесс в динамике. На начальных этапах урбанизация была более традиционной, преобразование городов носило отстающий, замедленный характер, длительное время сохранялись признаки «аграрного» города. В результате раннесоветской модернизации 1920–1930-х гг. на фоне индустриализации и коллективизации происходит бурная урбанизация, рост городов. Поэтому вовсе не случайно возможно проследить сельские корни советских миграционных процессов: практически все провинциальные города пополнялись за счет выходцев из сел. Это приводило к тому, что традиционная сельская культура жизни (тесная связь с землей, сельскими обычаями) временами оказывалась даже сильнее и живучей городской. Власти последовательно изживали старый образ жизни, внедряя новые традиции и повседневные практики.

Урбанисты указывают, что «новый советский» город имел специфическую модель: это поселение с градообразующими предприятиями, бурно развивающееся, с динамичной демографической структурой за счет механического прироста; являвшееся ядром советской модернизации, но с крайне медленным урбанистическим образом жизни. Не отрицая этих особенностей, отметим, что во второй половине XX в., с преодолением болезни роста, можно говорить о складывании современного городского социума [8. С. 248], во многом схожего с европейскими аналогами. Ряд авторов указывает на подчиненность процессов урбанизации происходящим в СССР модернизациям 1920–1930-х и 1950–1960-х гг. Между тем интенсивные миграционные процессы, урбанизация способствовали тому, что в 1950–1980-х гг. существенно меняется облик страны: становится все больше средних и малых городов, численно растет их население. Именно во второй половине XX в. происходит урбанизационный переход, способствовавший увеличению городского населения до 70%.

Советский вариант урбанизации и создания городской социальной среды на периферии страны проходил в рамках социально-экономических и культурных преобразований, которые имели место в стране. Создание советских городов в регионах имело свою специфику, которая являлась следствием особенностей историко-географического характера, а также отраслевой специализации региона. Условия советской мобилизационной экономики делали невозможным создание урбанистической инфраструктуры, но в то же время трансформация ее была неизбежной, что было связано с необходимостью развития индустриального производства. В связи с этим урбанизация, во многом подпитываемая модернизацией производства, в регионах носила многофакторный характер. Благодаря политике

Центра регионы с неразвитой промышленностью и небольшим процентом горожан стали превращаться в относительно развитые индустриальные центры.

Эти процессы не обошли стороной и Северную Осетию, на территории которой в 1950–1960-е гг. появилось 5 малых городов и 9 рабочих поселков городского типа (ПГТ), специализировавшихся на добыче полезных ископаемых и переработке сельскохозяйственной продукции.

Отметим, что хрущевские реформы в области сельского хозяйства предусматривали план преобразования ряда сельских поселений в рабочие поселки или города. Такое перепрофилирование, по мнению руководства, в полной мере соответствовало модернизации сельского хозяйства в первой половине 1960-х гг. При этом особенности сельского проживания практически не брались в расчет, приоритетным было «упорядочение» системы расселения с помощью проектов районной планировки, и лишь спустя время обращалось внимание на благоустройство и создание инфраструктуры для поселенцев этих агрогородков.

Одной из центральных задач было создание на базе крупных сел перспективных городков и рабочих поселков. Принимая во внимание тот факт, что многие из них образованы из бывших деревень, очевидна ландшафтная специфика – причудливое переплетение городских и сельских черт, тесная связь с сельским образом жизни при доминировании городских норм жизнедеятельности. Роль малых городов в системах расселения и региональном развитии освещена крайне слабо, а за последние годы таких исследований нет вообще.

В советские годы возникновение городов и ПГТ было связано с близостью к природным ископаемым, удобными транспортными путями, трудовыми ресурсами и т.д. Активный процесс урбанизации проходил в годы индустриализации, когда массы населения хлынули в города, на предприятия, на всесоюзные стройки. Как указывают демографы, рост численности горожан обязан следующим факторам: приросту населения из разных источников, а также государственно-административным реформам.

Многочисленные планы индустриальной революции с легкостью разрушали сельскохозяйственные районы с отсталыми деревнями и их жителями. Эти территории стали достаточно привлекательными. Главными градообразующими причинами строительства новых городов можно назвать бурный рост новых отраслей промышленности в данных регионах. Советская власть коренным образом изменила структуру общества, разрушив сельскую замкнутость и создав довольно мощный слой горожан с новыми занятиями, новым образом жизни и новыми идентичностями.

Спустя десятилетия урбанизация нивелировала жизнь в крупных и мелких городах, создав общекультурный потенциал общества. Ученые выделяют ряд особенностей новых малых городов, связанных с экономическими, региональными и социокультурными характеристиками. Функционирование города полностью определялось народнохозяйственным профилем.

Малые города Северной Осетии на протяжении XX в. переживали указанные процессы, создавался довольно многочисленный слой горожан, удельный вес которых ныне составил более 60% населения республики. Новый малый город на территории Северной Осетии является с этой позиции примером осмысления и реконструируется как уникальный источник знаний о сущностных чертах советской культуры.

Новые города, возникшие в республике в советское время, либо образовались на совершенно новом месте, либо формировались из перспективных сел. Всего к середине 1960-х гг. в Северо-Осетинской АССР возникло 11 новых городских поселений, которые свидетельствовали о высокой степени урбанизации [9. С. 12].

Формирование городского населения Северной Осетии в указанное время происходило разными путями: во-первых, преобразование сельских поселений в городские; во-вторых, образование новый городских поселений; в-третьих, за счет внутриреспубликанских и общесоюзных миграций, наконец, в результате естественного прироста. Формируя новые населенные пункты, правительство определяло миграционные потоки, наполняя их нужными кадрами работников для градообразующего предприятия или отрасли экономики.

Если в 1959 г. в малых городах (Моздок, Алагир, Беслан) было зафиксировано 59,5 тыс. жителей, то в 1989 г. – уже 115,1 тыс. чел. Параллельно с городами в республике росло число рабочих поселков, большая часть которых тесно связана с горнодобывающей и цветной промышленностью (Садон, Бурон, Верхний Згид, Холст, Мизур, Верхний Фиагдон) [10. С. 66]. Горнорудная промышленность составляла одну из важнейших отраслей экономики Северной Осетии. Кроме основной деятельности – добычи руды – предприятия этого кластера занимались доразведкой месторождений, транспортировали добытую руду на обогатительную фабрику, на которой извлекались цинк, свинец, медь.

Подавляющая часть населения поселков – это специалисты в области разработки залежей руд цветных металлов и полиметаллических руд. В процесс миграции и, соответственно, урбанизации включилось местное сельское население из трудоизбыточных районов республики. Основные причины переезда в городские поселения– бóльшие заработки, благоустроенное жилье, культурный досуг и лучшее снабжение. Кроме того, планировавшееся размещение промышленного производства на территории Северной Осетии осуществлялось с таким расчетом, чтобы прививать навыки индустриального труда сельскому населению. Однако процесс носил долгий характер. Материалы переписи 1959 г. дают представление о кадровом составе рабочих горнорудной промышленности Северной Осетии: из общего количества горняков на долю осетин приходилось примерно 27% [11. С. 7]. Лишь к концу 1970-х гг. удельный вес работников-осетин составил 60%. Для выравнивания профессионального уровня в Северной Осетии была создана система профессионально-технического обучения молодежи. Так, в начале 1960-х гг. в республике большое внимание уделялось среднему специальному образованию, ориентированному на наиболее развитые отрасли промышленного производства: в 1960 г. получили рабочие специальности 664, в 1970 г. – 1 158, в 1975 г. –

1 097, 1970 г. – 1 335 человек [12. С. 110]. Примерно 60% поступающих в средние специальные учебные заведения – это дети из сельской местности. Полученное образование делало их конкурентоспособными на рынке труда и давало возможность изменить свой социальный статус [13. С. 114]. Все выпускники получили распределение на местные предприятия.

Исследователи отмечают: «Чем ниже профессиональный уровень коренного населения, тем выше миграция из других регионов страны» [14. С. 59]. Немало рабочих и ИТР прибывали в малые города и рабочие поселки из других регионов страны. Часть их находилась в долгосрочных командировках, восполняя недостаток квалифицированных кадров, другие же в поисках материальной выгоды оставались в Осетии на долгие годы (так называемая безвозвратная миграция). Мигранты обладали более высокой квалификацией по сравнению с коренным населением, которая давала некоторые преференции. Причем такая ситуация характерна для всех республик Северного Кавказа.

Городские поселения были объединены системой экономических, транспортных и культурных связей. Например, Беслан – второй по значимости и численности промышленный центр республики (37,4 тыс. жителей) – находится на пересечении транспортных, железнодорожных и автомобильных, магистралей, занимает выгодное экономико-географическое положение. Город Беслан вырос на месте небольшого осетинского селения Тулатово. В 1875 г. через Тулатово была проведена железнодорожная ветка Ростов–Владикавказ, позже ее продлили до г. Грозного. Кроме железнодорожной станции в окрестностях села функционировали хлебзавод, кирпичный завод, БМК, песчано-гравийный карьер. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в 1950 г. с. Тулатово было преобразовано в г. Беслан, чему во многом способствовало создание хорошей градостроительной базы. Как центр Правобережного района Беслан выполняет административные, культурные функции. Градообразующим предприятием являлся Бесланский маисовый комбинат. Известно, что крахмало-паточная промышленность в Осетии зародилась в начале XX в. В советское время на территории комбината кроме основного производственного корпуса размещалось 12 зданий разного назначения. В 1961 г. на предприятии работали 285 человек, в том числе 191 рабочий, основная масса работников – русские (195), на втором месте осетины (70) [15. С. 104]. Большую роль в жизни города и его жителей играют железнодорожное депо и узловая станция, а также аэропорт. В городе функционировали завод железобетонных конструкций, кирпичный завод, швейная фабрика, электромеханический завод, отделение Сельхозтехники.

Моздок – важный аграрный, промышленный, транспортный и культурный город. По национальному составу самым полиэтничным является именно Моздок. С 1954 г. Моздок отличался положительным сальдо миграции [16. Л. 28]. Промышленные предприятия, построенные за годы советской власти, являлись притягательной силой как для местных, так и для иногородних рабочих. Так, в 1966 г. механический прирост составил 56%, а начале 1970-х гг. – 65,7%. Градообразующими предприятиями Моздока были гардинная фабрика, консервный завод, завод стройматериалов; остальные предприятия носили вспомогательный характер. Трудовая структура населения Моздока отражает некоторые его особенности. Город отличается сравнительно высокой долей несамодеятельного населения – 55%. Из самодеятельного населения к градообразующей группе относится 28%, градообслуживающей – 17% [17. Л. 18]. Это позволяет утверждать, что в городе отсутствуют крупные промышленные предприятия, способные использовать имеющийся резерв рабочеактивного населения.

Город Алагир с самого начала формировался как транспортная развязка для перевозки грузов из рабочих поселков (шахт, перерабатывающих предприятий) к флагману промышленности Северо-Осетинской АССР – заводу «Электроцинк». Но наряду с этим градообразующими предприятиями были завод сопротивлений, лесзавод, хлебзавод. После завершения строительства Транскавказской магистрали Алагир стал важным транспортным узлом между Северный и Южным Кавказом [18].

В 1950–1960-е гг. основной задачей властей было перераспределение населения и трудовых ресурсов внутри страны. Так, визит Н.С. Хрущева в Северную Осетию в августе 1964 г. был посвящен 40-летию автономии республики. В ходе встреч глава государства обнародовал Указ Президиума ВС РСФСР о преобразовании Ардона (Ардонский р-н) и Дигоры (Дигорский р-н) в города районного подчинения [19. Л. 143]. Основанием для этого стали те изменения в занятиях населения, которые произошли к знаменательному событию. Так, в Ардоне было 12 крупных предприятий, среди которых кукурузообрабатывающий комбинат, пенькозавод, маслосырзавод, консервный завод и др. Численность работников этих предприятий составила свыше 1 000 человек [20. Л. 35]

Город Дигора имеет невыгодное экономико-географическое положение, находится на удалении от основных транспортных развязок. Дигора – самый маленький город республики, по данным за 1989 г. его население составляет 10,9 тыс. человек. Механический прирост постоянно колеблется от отрицательных до высоких значений. Национальный состав сравнительно однородный, представлен на 90% осетинами. В промышленности к началу 1990-х гг. было занято не более 30% населения. Основными промышленными предприятиями Дигоры были гофрокоронная фабрика, меховая фабрика (работала на привозном сырье), завод лимонной кислоты (сырье получала из БМК), пищекомбинат, маслосырзавод, кирпичный завод [21. Л. 2].

Такая пестрая картина развития малых городов и их населения была определялась в большей степени активными миграциями и естественным приростом.

В зависимости от степени приложения труда происходит рост / падение численности населения в городских поселениях. Так, горные поселки городского типа (Садон, Мизур) прибавили в 1950–1960-е гг. примерно 65% населения, а малые города – 50%. Указанный период был своего рода ренессансом в жизни малых городов, так как налицо довольно быстрый рост

численности городского населения, благоустройство городской среды и пр. Самое выгодное экономико-географическое положение имели г. Алагир и ПГТ [22. Л. 3–5]. Более широкая сфера приложения труда, возможность получения высоких заработков (для шахтеров и проходчиков), хорошее обеспечение и развивающаяся инфраструктура стали притягательной силой не только для местных сельских жителей, но и для большого количества приезжих.

В конце 1960-х гг. наблюдаются серьезные проблемы в добыче полиметаллических руд, происходит их истощение и, как результат, – сокращение численности городского населения в два раза. Регион перестал быть притягательным. Число прибывших в поселения республики в 1970-х гг. оценивается в 266 тыс. человек, а выбывших – в 283 тыс. В этот период городское население отличалось малой миграционной подвижностью. Для многих стало выгодно работать в столице Северной Осетии, жить в малом городе либо вообще переехать поближе к предприятию или учреждению.

В конце 1980-х гг. численность населения в поселках городского типа существенно сократилась из-за «перестроечных реформ» и падения социально-экономического уровня. Так, в поселке Верхний Згид к концу 1980-х гг. численность населения упала в 4 раза, Верхний Фиагдон – в 4,5 раз, Холст – в 3 раза [23. Л. 19]. Такому оттоку населения способствовало и то, что залежи руд практически были выработаны и рабочие шахт и перерабатывающих предприятий оказались без работы.

Подводя итоги анализа состояния малых городов Северной Осетии, отметим, что их создание определялось исключительно потребностями государственных планов развития народного хозяйства. Как результат, промышленные предприятия того или другого направления строились поблизости от сырьевых запасов. Для Северной Осетии, которая являлась аграрно-индустриальной республикой, наиболее престижными были предприятия легкой, пищевой, перерабатывающей промышленности, а в тех районах, где залегали руды цветных металлов и полиметаллические руды – горнорудная промышленность и переработка цветных металлов. Рабочая сила представлена коренным населением, а также мигрантами.

Превращение сельского населения в городское проходило достаточно тяжело и медленно. Урбанизация вызвала новые формы повседневной жизни, новые поведенческие особенности. Преобразования, которые происходили в 1950-х – середине 1960-х гг., имели целью формирование такой модели сельского расселения, которая отвечала задачам развития агропромышленного комплекса и давала возможность работникам иметь условия быта, приближенные к городским.

Список источников

1. Семенникова Л.И. «Советский проект» как теоретический инструмент исследования отечественной истории // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2015. № 2. С. 3–15.
2. Кара-Мурза С.Г. Советский проект и крах СССР. URL: http://www.situa3tion.ru/app/j_art_672.htm (дата обращения: 15.08.2021).
3. Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. / под ред. О.В. Горбачева и Л.Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 561 с.
4. Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э.В. Сайко. М. : Наука, 1995. 351 с.
5. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1998. 216 с.
6. Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э.В. Сайко. М. : Наука, 1995. С. 21–29.
7. Горбачев О.В. Российская урбанизация в XX веке как междисциплинарная проблема // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 67–71.
8. Город в процессах исторических переходов : теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. М. : Наука, 2001. 392 с.
9. Калоев Г.Ф. Новые города на карте СОАССР : учеб. пособие. Орджоникидзе : РИО СОГУ, 1986. 85 с.
10. Бадов А.Д. Формирование, развитие и функционирование расселения в Северной Осетии. Владикавказ : СОГУ, 1993. 174 с.
11. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР : стат. сб. Орджоникидзе, 1958. 82 с.
12. Северная Осетия за 60 лет автономии : стат. сб. Орджоникидзе : Ир, 1984. 128 с.
13. Культурное строительство в Северной Осетии. 1917–1977. Орджоникидзе : Ир, 1983. Т. 2: 1941–1977. 352 с.
14. Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 9. С. 56–65.
15. Черджиев Х.С. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе : Ир, 1971. 169 с.
16. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). ФР. 509. Оп. 1. Д. 109.
17. ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп. 1. Д. 149.
18. ЦГА РСО-А. ФР. 784. Оп. 1. Д. 302.
19. ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 681.
20. ЦГА РСО-А. ФР. 535. Оп. 1. Д. 101.
21. ЦГА РСО-А. ФР. 834. Оп. 1. Д. 95.
22. ЦГА РСО-А. ФР. 384. Оп. 7. Д. 30.
23. ЦГА РСО-А. ФР. 384. Оп. 1. Д. 321.

References

1. Semennikova, L.I. (2015) “Sovetskiy proekt” kak teoreticheskiy instrument issledovaniya otechestvennoy istorii [“The Soviet project” as a theoretical tool for the study of national history]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2. pp. 3–15.
2. Kara-Murza, S.G. (2007) *Sovetskiy proekt i krakh SSSR* [The Soviet project and the collapse of the USSR]. [Online] Available from: http://www.situa3tion.ru/app/j_art_672.htm (Accessed: 15th August 2021).
3. Gorbacheva, O.V. & Mazur, L.N. (eds) (2018) *Sovetskiy proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii* [The Soviet project. 1917–1930s: Stages and mechanisms of implementation]. Yekaterinburg: UrFU.

4. Sayko, E.V. (ed.) (1995) *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa* [The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process]. Moscow: Nauka.
5. Senyavskiy, A.S. (1998) *Urbanizatsiya Rossii v XX veke: rol' v istoricheskom protsesse* [The urbanization of Russia in the 20th century: The role in the historical process]. Moscow: RAS.
6. Akhiezer, A.S. (1995) Gorod – fokus urbanizatsionnogo protsessa [The city as the focus of the urbanization process]. In: Sayko, E.V. (ed.) *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa* [The City as a Sociocultural Phenomenon of the Historical Process]. Moscow: Nauka. pp. 21–29.
7. Gorbachev, O.V. (2012) Rossiyskaya urbanizatsiya v XX veke kak mezhdistsiplinarnaya problema [Russian urbanization in the 20th century as an interdisciplinary problem]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 67–71
8. Sayko, E.V. (ed.) (2001) *Gorod v protsessakh istoricheskikh perekhodov : teoreticheskie aspekty i sotsiokul'turnye kharakteristiki* [The city in the processes of historical transitions. Theoretical aspects and socio-cultural characteristics]. Moscow: Nauka.
9. Kaloev, G.F. (1986) *Novye goroda na karte SOASSR* [New cities on the map of North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ordzhonikidze: NOSU.
10. Badov, A.D. (1993) *Formirovanie, razvitie i funktsionirovanie rasseleniya v Severnoy Osetii* [Formation, development, and functioning of settlement in North Ossetia]. Vladikavkaz: NOSU.
11. USSR. (1958) *Narodnoe khozyaystvo Severo-Osetinskoy ASSR* [National economy of the North Ossetian ASSR]. Ordzhonikidze: [s.n.].
12. USSR. (1984) *Severnaya Osetiya za 60 let avtonomii* [North Ossetia in 60 years of autonomy]. Ordzhonikidze: Ir.
13. Biryukova, L.D. & Totrov, A.G. (eds) (1983) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Severnoy Osetii. 1917–1977* [Cultural Construction in North Ossetia]. Vol. 2. Ordzhonikidze: Ir.
14. Zaslavskaya, T.I. & Rybakovskiy, L.L. (1978) Protsessy migratsii i ikh regulirovanie v sotsialisticheskom obshchestve [Migration processes and their regulation in a socialist society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 56–65.
15. Cherdzhiev, Kh.S. (1971) *Narodnoe khozyaystvo Severo-Osetinskoy ASSR* [National Economy of the North Ossetian ASSR]. Ordzhonikidze: Ir.
16. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). Fund R 509. List1. File 109.
17. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). Fund R 509. List1. File 149.
18. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). Fund R 784. List1. File 302.
19. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). Fund R 639. List1. File 681.
20. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). Fund R 535. List1. File 101.
21. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). Fund R 834. List1. File 95.
22. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). Fund R 384. List 1. File 30.
23. The Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). Fund R 384. List 1. File 321.

***Сведения об авторе*:**
Хубулова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, права и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского института – филиала РАНХиГС (Пятигорск, Россия). E-mail: hubul@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khubulova Svetlana A. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History, Law and Humanities of the North Caucasus Institute – branch of RANEPA (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: hubul@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2021; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 25.08.2021; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/92/9

Выставочная деятельность в СССР в 1920-е гг. как форма публичной дипломатии

Алексей Валерьевич Якуб[1], Наталья Валерьевна Якуб[2]

[1] Омская гуманитарная академия, Омск, Россия
[2] Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия
[1] avy59@mail.ru
[2] nvy10@mail.ru

Аннотация. На примере 1-й Всесоюзной выставки по филателии, бонистике и нумизматике (декабрь 1924 – февраль 1925 г.) рассматривается механизм превращения выставочной деятельности в один из механизмов формирующейся советской публичной дипломатии. Выставки были попыткой создания привлекательного образа страны посредством специфического механизма воздействия, имеющего информационный характер. При этом выставка свидетельствовала о переходном периоде в советском выставочном движении, когда сталкивались досоветские и советские подходы к подобной деятельности со стороны общественных организаций и государства.
Ключевые слова: публичная дипломатия, выставочная деятельность, СССР, филателия

Для цитирования: Якуб А.В., Якуб Н.В. Выставочная деятельность в СССР в 1920-е гг. как форма публичной дипломатии // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 69–74. doi: 10.17223/19988613/92/9

Original article

Exhibition activity in the USSR in the 1920s as a form of public diplomacy

Alexey V. Yakub[1], Natalia V. Yakub[2]

[1] Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation
[2] Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation
[1] avy59@mail.ru
[2] nvy10@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to characterize the exhibition activity in the USSR in the 1920s as a kind of instrument of emerging public diplomacy aimed at building a dialogue with a specific target audience, whether they are representatives of the agricultural sector or the collector community. In this regard, postage stamps as an important tool for promoting the achievements of the new social order turned into a very favorable informational and visual way of influencing a foreign audience. The All-Union exhibitions became a suitable platform for such a policy of "soft power", which, in fact, by virtue of the exhibitors represented, were international in nature. At the end of 1923 The Board of the All-Russian Society of Philatelists and Bonists decided to hold in March 1924, together with the congress of the society, the first specialized exhibition of postage stamps and bon in the USSR. In June 1924, the Regulations on the Exhibition were approved. The exhibition began its work in December 1924 and ended in February 1925. The main source of the research was the journal "Soviet Philatelist/The Soviet Collector", the editorial board of which, headed by F.G. Chuchin, used its pages as the main feedback tool between the Exhibition Committee and the bulk of Soviet collectors. The results of the exhibition were published in a special edition published immediately after the summing up of the exhibition. The composition of the participants of the exhibition actually testified to its international status, since among the exhibits were collective and individual works by representatives of Holland, China, Poland, Lithuania. In general, the exhibition movement in the USSR, including the philatelic movement, in the first half of the 1920s was an attempt to combine elements of "soft power" and public diplomacy. On the one hand, it was a demonstration of domestic achievements in an area that seemed to be very indirectly related to the country's foreign policy, and, on the other, an attempt to create an attractive image of the country through a certain type of tools and methods of public diplomacy. Among them, it is necessary to point out in particular the exhibition activity as a specific mechanism of influence, which is primarily informational in nature. It is in this transitional period that the Soviet state begins to use the instruments of public diplomacy in search of possible ways of dialogue with a specific foreign target audience for political purposes.
Keywords: public diplomacy, exhibition activities, USSR, philately

For citation: Yakub, A.V., Yakub, N.V. (2024) Exhibition activity in the USSR in the 1920s as a form of public diplomacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 69–74. doi: 10.17223/19988613/92/9

© А.В. Якуб, Н.В. Якуб, 2024

Выставочная деятельность в СССР в 1920-е гг. практически сразу превратилась в своеобразный инструмент формирующейся публичной дипломатии, направленной на выстраивание диалога с конкретной целевой аудиторией, будь то представители аграрного сектора или коллекционерского сообщества. В связи с этим знаки почтовой оплаты как важный инструмент пропаганды достижений нового общественного строя превращались в весьма благоприятный информационный и визуальный способ воздействия на зарубежную аудиторию. Подходящей площадкой для подобной политики «мягкой силы» становились всесоюзные выставки, которые в силу представленных экспонентов фактически носили характер международных.

Первый опыт участия государственной организации по филателии связан с Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставкой, проходившей в Москве в августе 1923 г. Этот опыт носил сугубо представительский характер, на выставке для общего обозрения были представлены знаки почтовой оплаты РСФСР из государственной коллекции. Одновременно это был первый опыт коммерческой деятельности организации Уполномоченного по филателии, так как в специальном киоске любой посетитель выставки мог приобрести отечественные и зарубежные марки, филателистические принадлежности и специальную литературу [1]. «Для русской филателии выставка сыграла громадную роль: она окончательно ввела филателию в русло советской государственно-общественной жизни» [2].

В конце 1923 г. Правление Всероссийского общества филателистов и бонистов приняло решение провести в марте 1924 г. совместно со съездом общества первую в СССР специализированную выставку знаков почтовой оплаты и бон. Инициаторы проведения будущих съезда и выставки обратились к местным отделениям ВОФ и отдельным коллекционерам с предложением активно включиться в подготовку этих мероприятий. Поскольку подобные мероприятия проводились в СССР впервые, особый акцент делался на то, что они ни в чем не должны уступать подобным зарубежным мероприятиям [3, 4]. Основой для проведения подобной выставки послужил п. 3б Устава Всероссийского общества филателистов, утвержденного НКВД 29 января 1924 г. [5. С. 2]

Оргкомитет по проведению съезда ВОФ и Всесоюзной выставки в составе Б.Ф. Памфилова, Б.С. Пашкова, Н.Н. Бруггера, А.Р. Френкеля, В.А. Бессонова, Л.М. Иольсона и Л.К. Эйхфуса и секретаря комиссии К.К. Кирштейна, созданный в конце 1923 г., развернул активную работу как в центре, так и с региональными отделениями ВОФ [3, 6]. Для привлечения дополнительного интереса к предстоящей выставке оргкомитет обратился в Народный комиссариат почт и телеграфов с ходатайством об участии в выставке Государственной коллекции знаков почтовой оплаты, которая размещалась в Музее народной почты в Петрограде [7]. Кроме того, поскольку частью подготавливаемой выставки должны были стать разделы по бонистике и нумизматике, к ее подготовке был привлечен Народный комиссариат финансов. Государственно-политический контроль за подготовкой выставки должен был осуществлять Главполитпросвет [8].

Однако быстро подготовиться к проведению двух крупных мероприятий – съезда и выставки – организаторы оказались не в состоянии, и поэтому в мае 1924 г. на совместном заседании Правления ВОФ и комиссии по организации съезда ВОФ и проведения выставки было принято решение перенести срок их открытия на середину сентября в г. Москве [9].

В июне 1924 г. было утверждено Положение о Выставке. В § 1 данного Положения были сформулированы основные цели и задачи, которые ставили перед собой и коллекционерским сообществом СССР организаторы выставки. Они сводились к следующему: ознакомление трудящихся СССР с достижениями, развитием и состоянием советской филателии, бонистики и нумизматики, чтобы «…повести через выставку самую широкую агитацию и пропаганду по развитию этих видов коллекционирования среди трудящихся – молодежи и детей»; ознакомление с зарубежным состоянием филателии, бонистики, нумизматики и графического искусства; развертывание широкой системы лекций, докладов, научных рефератов для формирования в коллекционерской среде прослойки идейных коллекционеров, задача которых заключается в расширении возможностей научного, этического, эстетического и педагогического воспитания широких народных масс и особенно подрастающего поколения. Кроме того, предполагалось ознакомление трудящихся с историей и развитием почтового дела в России и за границей, включая последние достижения в этой области. Не были забыты и чисто коллекционерские возможности выставки: на ней предлагалось «…всем желающим по доступным ценам пополнить свои коллекции для школ, изб-читален и музеев» [8. С. 30–31; 10. С. 42].

Несмотря на то, что статус выставки предполагался всесоюзным, в Положении фактически было заложено расширительное толкование возможных участников, поскольку предполагалось, что «…на выставке могут участвовать коллекционеры всего мира, заграничные общества и торговые предприятия и фирмы, вырабатывающие и продающие материалы и пособия для означенных видов коллекционирования» [8. С. 31]. Предстоящей выставке сразу же придавался состязательный характер, фактически превращая ее в международную: «На этой первой филателистической, нумизматической и бонной выставке культура коллекционеров рабоче-крестьянской страны впервые за время нашего социалистического хозяйственного строительства осмеливается открыто выступить на суд всего человечества и бросает гордый вызов для состязания всему буржуазному миру» [11. С. 1].

Предполагалось, однако, что выставка будет носить сугубо пролетарский характер с акцентом на экспонаты, предоставленные рядовыми советскими коллекционерами. «Можно заранее сказать – на Первой Всесоюзной выставке не будут премированы коллекции ни одного короля, ни одного миллионера и ни одной марочной фирмы» [12. С. 4]. Однако, как покажут перечень экспонируемых материалов и результаты

награждения победителей, выдержать такое жесткое требование оргкомитет выставки не сможет.

Для более конкретной работы 31 июля 1924 г. специальным совместным постановлением правления Всероссийского общества филателистов и Всесоюзной филателистической ассоциации был создан специальный Выставочный комитет в составе 15 человек. От Всесоюзной филателистической ассоциации в его состав были включены Ф.Г. Чучин, Л.К. Эйхфус, Б.В. Розов; от Всероссийского общества филателистов – Б.Ф. Памфилов, Б.С. Пашков, Н.Н. Бруггер, А.Р. Френкель, В.А. Бессонов, К.К. Кирштейн, В.П. Белоусов. Кроме того, в состав Выставочного комитета вошли по одному представителю от секции нумизматов ВОФ, секции юных филателистов и бонистов ВОФ, от Народного комиссариата почт и телеграфов, Народного комиссариата финансов и Главполитпросвета. Организованный таким порядком Выставочный комитет принял на себя от Комиссии по организации 1-й Всесоюзной выставки по филателии, бонистике и нумизматике все тяготы дальнейшей работы как в центре, так и на местах [13].

Тогда же президиум Всесоюзной филателистической ассоциации и правление Всероссийского общества филателистов совместно – при участии народных комиссариатов – финансов и почт и телеграфов – вновь сдвинули сроки проведения Выставки, определив их с 15 декабря 1924 г. по 15 февраля 1925 г. с местом проведения в Москве [14].

Деятельность Выставочного комитета получила поддержку в том числе со стороны группы старых московских коллекционеров, которые в открытом письме ко всем членам ВОФ призвали последних принять самое активное участие в ее подготовке. «Мы хотим, – обращаются они, – чтобы эта наша первая филателистическая выставка показала всем филателистам и нефилателистам, что филателисты действительно не только люди порядка, чистоты, гармонии и аккуратности, но что они в то же время люди своеобразной красоты и изящества» [15].

Главным рупором Выставочного комитета стал журнал «Советский филателист», редакция которого во главе с Ф.Г. Чучиным стала основным инструментом обратной связи между Комитетом и основной массой советских коллекционеров. На страницах журнала появились публикации, которые отслеживали динамику подготовки к предстоящей выставке среди членов региональных отделений ВОФ (Москва, Нижний Новгород, Харьков, Крым, Архангельск, Аджаристан, Новониколаевск, Ростов-на-Дону, Иркутск, Владивосток, Ташкент) [16–20; 21. С. 24].

С целью повышения международного престижа предстоящей выставки Выставочный комитет обратился с приглашениями участвовать зарубежных коллекционеров и редакции западных журналов. Некоторые зарубежные специализированные коллекционерские журналы разместили на своих страницах информацию о предстоящей Всесоюзной выставке, а затем и о ее итогах, хотя иногда их комментарии носили традиционный скептический характер относительно филателистического движения в СССР в целом (Швеция, Германия, Чехословакия, Польша, США, Великобритания, Франция) [19; 22; 23. С. 3; 24. С. 3; 25; 26].

Однако подготовка к выставке выявила два серьезных узла противоречий в коллекционерской среде Советского Союза. Первыми вступили в полемику с Выставочным комитетом бонисты, которых в составе Комитета представлял один из крупнейших тогдашних бонистов Л. Иольсон. Его оппонентом был другой член Выставочного комитета и одновременно член редколлегии журнала «Советский филателист» Б.В. Розов. Камнем преткновения стала статья последнего, опубликованная в журнале в августе 1924 г., в которой автор делал особый акцент на том, что на будущей выставке приоритетное внимание будет уделено экспонатам, представленным «средними коллекционерами», а не большим коллекциям, которые якобы отражают «буржуазность» их владельцев и нажиты нечестным трудом последних [12]. В свою очередь, Л. Иольсон ссылается на множество поступивших к нему как члену Выставочного комитета писем от различных бонистов из разных уголков страны, которые весьма негодовали по поводу подобных заявлений. В итоге Л. Иольсон «…счел необходимым заявить комиссии по организации Выставки»: «…при таком своеобразном подходе я весьма сомневаюсь в успехе и интересе выставки и принимать участие в ее организации считаю для себя неудобным, так как знаком со всеми крупнейшими бонистами СССР и знаю, что они все трудящиеся, собравшие коллекции упорным тяжелым трудом, отказывая часто себе в самом необходимом, лишь бы пополнить коллекцию» [27]. Это могло означать провал формирования нумизматической секции будущей выставки.

В этой ситуации редакция журнала, в состав которой входили практически все члены Выставочного комитета, была вынуждена сгладить возникший конфликт и опубликовать официальный ответ на письмо Л. Иольсона. Этот ответ выглядит своеобразной попыткой примирить обе стороны конфликта, «советскость» и «буржуазность» потенциальных экспонентов: «Во-первых, статья т. Розова не руководящая статья: в № 8 “СФ”, как и во всех его номерах, руководящей статьей является передовая. Во-вторых, статья принадлежит т. Розову как рядовому сотруднику “СФ”, а не как секретарю редакции. В-третьих, само собой, что соображения т. Розова не обязательны для Выставочного комитета» [27]. Приведенный тут же ответ Б.В. Розова носит вид неуклюжей попытки сохранить лицо «советского коллекционера» в противовес запутавшемуся в своих заблуждениях скрытому сторонника «буржуазности» [27].

Второй узел конфликта завязывался вокруг особой позиции, занятой ленинградскими коллекционерами, что указывало на существование внутреннего противостояния среди руководства советским коллекционерским сообществом между Москвой и Ленинградом. Еще на начальном этапе подготовки выставки Выставочный комитет выражал упреки руководству Ленинградского губернского и Северо-Западного областного отделов ВОФ в медленной подготовке ленинградскими коллекционерами экспонатов на предстоящую вы-

ставку [16, 19, 20]. Более того, накануне открытия выставки в Выставочный комитет поступила резолюция объединенного заседания президиумов отделов ВОФ Ленинграда и области от 10 октября 1924 г. следующего содержания: «Имея в виду переживаемое ныне Ленинградом по сравнению с другими центрами СССР острое безденежье вообще, а после понесенных после наводнения 23 сентября убытков в особенности, а также то обстоятельство, что организаторами Выставки не предоставляется никаких материальных гарантий сохранности отправляемых в Москву экспонатов, что особенно важно для ленинградских коллекционеров, справедливо считающихся обладателями наиболее солидных и серьезных собраний в СССР, сообщить центру, что эвентуальное участие их в выставке возможно лишь при условии безвозмездного предоставления им средств, надлежащей укладки, упаковки и перевозки в Москву и обратно выставляемых собраний, а также места для их экспозиции на Выставке и дачи серьезных гарантий в полной их сохранности за время с момента отправки собраний до их возвращения владельцам в Ленинграде» [24. С. 4]. В итоге некоторые коллекционеры все же приняли участие в работе выставки, однако руководство коллекционерским движением в СССР посчитало подобного рода демарш со стороны ленинградцев позором, «…который черным пятном ложится после всего этого на всех их и в первую очередь на Ленинградское отделение ВОК» [24. С. 4]. (По решению 1-го съезда ВОФ в декабре 1924 г. организация была переименована во Всесоюзное общество коллекционеров.) Попытка реабилитировать позицию ленинградских коллекционеров была предпринята только в конце 1980-х гг. М.М. Глейзером, который, признавая мизерное участие ленинградцев в выставке, считал, тем не менее, критику, прозвучавшую на страницах журнала «Советский коллекционер», не вполне обоснованной [28. С. 21].

Несмотря на все трудности выставка начала свою работу в Москве 14 декабря 1924 г. (на день раньше, чем планировалось) и была открыта для посетителей до 1 февраля 1925 г. Под экспонаты были предоставлены пять залов Исторического музея. Практически одновременно с работой выставки были проведены 1-й съезд Всероссийского общества филателистов и Учредительный съезд Филателистического Интернационала [29–34]. Делегаты обоих съездов приняли самое активное участие в работе выставки и как члены Выставочного комитета, и как члены жюри, и как непосредственные экспоненты [24, 35].

Все экспонаты были классифицированы по шести отделам: знаки почтовой оплаты (марки и цельные вещи); денежные знаки и боны; нумизматика; филателистические принадлежности; специальная литература; история почты [8. С. 39–42]. Уровень представленных на выставке экспонатов был весьма высоким. Кроме того, состав участников выставки фактически свидетельствовал о ее международном статусе, поскольку среди экспонатов были коллективные и индивидуальные работы представителей Голландии с коллекцией знаков почтовой оплаты Трансвааля, бонно-филателистического кружка г. Харбина, Польши (Варшава), Литовского филателистического общества [8. С. 46–148].

Международный характер выставки особенно впечатляет содержанием отдела, на стендах которого была представлена филателистическая и бонно-нумизматическая литература, главным образом поступившая из-за рубежа [8. С. 176–184]. Среди этих экспонатов были периодические коллекционерские издания, которые даже с большой натяжкой нельзя было обвинить в лояльности к советской власти, в частности журнал «Донау пост», с которым редколлегия «Советского коллекционера» вела ожесточенную политически окрашенную полемику [36]. Такая открытость организаторов выставки к сотрудничеству с самыми разными зарубежными партнерами в области филателии, бонистики и нумизматики в целом на тот момент укладывалась в своеобразное «перестроечное» состояние советского общества после окончания Гражданской войны и вступления страны в новую экономическую политику, когда во внешней политике СССР еще только начинал отрабатываться алгоритм советской, классовой по своей сущности, публичной дипломатии.

Еще более статус выставки как международной подчеркивал характер присужденных наград за представленные экспонаты. Зарубежные участники получили награды от больших золотых медалей до почетных дипломов практически во всех экспозиционных классах. Однако такая щедрость со стороны членов жюри выставки, по-видимому, в дальнейшем оказала медвежью услугу филателистическому выставочному движению в СССР, поскольку следующая всесоюзная филателистическая выставка, также обозначенная как 1-я Всесоюзная, прошла только в 1932 г. и совершенно по другим критериям отбора экспонатов и подведения итогов [37].

В целом выставочное движение в СССР, в том числе филателистическое, в первой половине 1920-х гг. представляло собой попытку объединить элементы «мягкой силы» и публичной дипломатии. С одной стороны, это была демонстрация внутренних достижений в области, казалось бы, имеющей весьма косвенное отношение к внешней политике страны, а с другой – попыткой создания привлекательного образа страны посредством определенного вида инструментов и методов публичной дипломатии. Среди них следует особо указать на выставочную деятельность как специфический механизм воздействия, имеющий прежде всего информационный характер. Именно в это переходное для советского государства время начинается поиск путей возможного диалога с конкретной целевой зарубежной аудиторией в политических целях с использованием инструментария публичной дипломатии.

Список источников

1. Чучин Ф. Филателия и Выставка // Советский филателист. 1923. № 7-8, июль-август. С. 4.
2. Москвич. На выставке // Советский филателист. 1923. № 7-8, июль-август. С. 5.
3. Постановления правления Всероссийского общества филателистов // Советский филателист. 1923. № 9-10, сентябрь-октябрь. С. 44.

4. Обозреватель. Готовьтесь к съезду и выставке // Советский филателист. 1923. № 11-12, ноябрь-декабрь. С. 33.
5. Устав Всероссийского общества филателистов, утвержденный НКВД 29 января 1924 г. и зарегистрированный в Административном отделе Центрального Административного Управления НКВД того же числа за № 43. М. : Изд. Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1924. 42 с.
6. От Комиссии по организации Съезда и Выставки // Советский филателист. 1924. № 8 (24), август. С. 11.
7. Бажитова Л.И. Музей народной связи на Первой Всесоюзной филателистической выставке 1924 г. // Почтовая марка – объект культурного наследия : материалы 5-го науч.-практ. семинара по истории почты и филателии. СПб. : Изд-во Центрального музея связи, 2014. С. 137–146.
8. 1-я Всесоюзная выставка по филателии и нумизматике. 14.XII1924 г. – 1.II.1925 г. / под ред. Ф.Г. Чучина. М. : Изд. Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1925. 215 с.
9. Хроника ВОФ. Съезд и выставка. От комиссии ВОФ по созыву съезда и организации всероссийской выставки // Советский филателист. 1924. № 5, май. С. 19.
10. Якуб А.В. Два пути советской филателии в первой половине 1920-х гг. сквозь призму выставочной деятельности // Наука, образование, инновации. Актуальные вопросы и современные аспекты : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., 17 декабря 2020 г., г. Пенза. Пенза : Наука и просвещение, 2020. С. 41–43.
11. Чучин Ф. Конгресс, съезд и выставка в Москве по филателии // Советский филателист. 1924. № 8 (24), август. С. 1–3.
12. Розов Б. Первая Всесоюзная Филателистическая Выставка // Советский филателист. 1924. № 8 (24), август. С. 4–5.
13. Выставочный Комитет // Советский филателист. 1924. № 8 (24), август. С. 11.
14. Филателистическая хроника. Съезды и выставки // Советский филателист. 1924. № 8 (24), август. С. 28.
15. За работу! (Ко всем членам ВОФ) // Советский филателист. 1924. № 8 (24), август. С. 15
16. Первая Всесоюзная филателистическая выставка // Советский филателист. 1924. № 9 (25), сентябрь. С. 3.
17. Страничка читателей. Филателия в Н.-Новгороде (беседа с тов. Сикорским) // Советский филателист. 1924. № 9 (25), сентябрь. С. 19.
18. Филателистическая хроника. Съезды и выставки // Советский филателист. 1924. № 9 (25), сентябрь. С. 25.
19. Первая Всесоюзная филателистическая выставка // Советский филателист. 1924. № 10 (26), октябрь. С. 4.
20. Дмитриев П.В. Догоним! // Советский филателист. 1924. № 10 (26), октябрь. С. 5.
21. Филателистическая хроника. Первая Всесоюзная выставка // Советский филателист. 1924. № 10 (26), октябрь. С. 24–26.
22. Отклики за границей // Советский филателист. 1924. № 9 (25), сентябрь. С. 3.
23. Эйхфус Л. Вперед, за работу! // Советский филателист. 1925. № 1 (29), январь. С. 3–4.
24. Чучин Ф.Г. Уроки выставки // Советский филателист. 1925. № 6 (34). Март. С. 2–4.
25. Милютин Ю. Иностранная печать о 1-й Всесоюзной выставке // Советский коллекционер. 1925. № 7 (35), апрель. С. 9–10.
26. Иностранное обозрение. О Всесоюзной выставке // Советский коллекционер. 1925. № 19 (47), октябрь. С. 11.
27. Необходимое разъяснение // Советский филателист. 1924. № 9 (25), сентябрь. С. 28.
28. Глейзер М.М. История филателии в Петербурге–Петрограде–Ленинграде (1883–1988). М. : Радио и связь, 1989. 72 с.
29. К Всесоюзному Съезду филателистов // Советский филателист. 1924. № 11-12 (27-28), ноябрь-декабрь. С. 24.
30. 1-й Всесоюзный Съезд Всероссийского общества филателистов // Советский коллекционер. 1925. № 1 (29), январь. С. 4–9.
31. 1-й Всесоюзный Съезд Всероссийского общества филателистов // Советский коллекционер. 1925. № 2 (30), январь. С. 4–11.
32. 1-й Всесоюзный Съезд Всероссийского общества филателистов // Советский коллекционер. 1925. № 3 (31), февраль. С. 5–11.
33. 1-й Всесоюзный Съезд Всероссийского общества филателистов // Советский коллекционер. 1925. № 4 (32), февраль. С. 10–15.
34. Якуб А.В. Филателистический интернационал как элемент «мягкой силы» в дипломатии СССР: 1924 год, начало // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 219–223.
35. Чучин Ф.Г. Первые итоги выставки // Советский коллекционер. 1925. № 3 (31), февраль. С. 3–5.
36. Фегчин Я. «Советский филателист» и «Донау Пост» // Советский коллекционер. 1925. № 7 (35), апрель. С. 4–6.
37. Всесоюзная филателистическая выставка. 1932. Москва. Филателия. М. : Связьтехиздат, 1932. 16 с.

References

1. Chuchin, F. (1923) Filateliya i Vystavka [Philately and Exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 7–8. pp. 1-4.
2. Moskvich. (1923) Na vystavke [At the exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 7–8. p. 5.
3. All-Russian Society of Philatelists. (1923) Postanovleniya Pravleniya Vserossiyskogo Obshchestva Filatelistov [Resolutions of the Board of the All-Russian Society of Philatelists]. *Sovetskiy filatelist*. 9–10. p. 44.
4. Obozrevatel'. (1923) Gotov'tes' k s"ezdu i vystavke [Get ready for the congress and the exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 11–12. p. 33.
5. All-Russian Society of Philatelists. (1924) *Ustav Vserossiyskogo obshchestva filatelistov, utverzhdennyy NKVD 29 yanvarya 1924 g. i zaregistrirovannyy v Administrativnom otdele Tsentral'nogo Administrativnogo Upravleniya NKVD togo zhe chisla za № 43* [The Charter of the All-Russian Society of Philatelists, approved by the NKVD on January 29, 1924 and registered in the Administrative Department of the Central Administrative Directorate of the NKVD on the same date for No. 43]. Moscow: Commissioner for Philately and Bonds in the USSR.
6. Commission for the organization of the Congress and Exhibition. (1924) Ot Komissii po organizatsii S"ezda i Vystavki [On behalf of the Commission for the Organization of the Congress and Exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 8(24). p. 11.
7. Bazhitova, L.I. (2014) Muzey narodnoy svyazi na Pervoy Vsesoyuznoy filatelisticheskoy vystavke 1924 g. [Museum of Folk Communication at the First All–Union Philatelic Exhibition in 1924]. *Pochtovaya marka – ob"ekt kul'turnogo naslediya* [Postage Stamp – Object of Cultural Heritage]. Proc. of the 5th Seminar on the History of Post and Philately. St. Petersburg: Central Museum of Communications. pp. 137–146.
8. Chuchin, F.G. (ed.) (1925) *1-ya Vsesoyuznaya vystavka po filatelii i numizmatike. 14.XII1924 g. – 1.II.1925 g.* [The 1st All-Union Exhibition on Philately and Numismatics. 14. XII 1924 – 1.II.1925]. Moscow: Commissioner for Philately and Bonds in the USSR.
9. All-Russian Society of Philatelists. (1924) Khronika VOF. S"ezd i vystavka. Ot komissii VOF po sozyvu s"ezda i organizatsii vserossiyskoy vystavki [Chronicle of the All-Russian Society of Philatelists. Congress and Exhibition. From the All-Russian Society of Philatelists Commission for Convening the Congress and Organizing the All-Russian Exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 5. pp. 18–19.
10. Yakub, A.V. (2020) Dva puti sovetskoy filatelii v pervoy polovine 1920-kh gg. skvoz' prizmu vystavochnoy deyatel'nosti [Two ways of Soviet philately in the first half of the 1920s through the prism of exhibition activity]. *Nauka, obrazovanie, innovatsii. Aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty* [Science, Education, Innovation. Current Issues and Modern Aspects]. Proc. of the Conference. Penza, December 17, 2020. Penza: Nauka i prosveshchenie. pp.41–43.
11. Chuchin, F. (1924) Kongress, s"ezd i vystavka v Moskve po filatelii [The congresses and the exhibition in Moscow on philately]. *Sovetskiy filatelist*. 8(24). pp. 1-3.
12. Rozov, B. (1924) Pervaya Vsesoyuznaya Filatelisticheskaya Vystavka [The First All-Union Philatelic Exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 8(24). pp. 4–5.
13. Anon. (1924) Vystavochnyy Komitet [The Exhibition Committee]. *Sovetskiy filatelist*. 8(24). p. 11.
14. Anon. (1924) Filatelisticheskaya khronika. S"ezdy i vystavki [The philatelic chronicle. Congresses and exhibitions]. *Sovetskiy filatelist*. 8(24). p. 11.
15. Anon. (1924) Za rabotu! (Ko vsem chlenam VOF) [Let's get to work! (To all members of the ARSP)]. *Sovetskiy filatelist*. 8(24). p. 15.
16. Anon. (1924) Pervaya Vsesoyuznaya Filatelisticheskaya Vystavka [The First All-Union Philatelic Exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 9(25). p. 3.

17. Anon. (1924) Stranichka chitateley. Filateliya v N.-Novgorode (beseda s tov. Sikorskim) [Readers' page. Philately in Nizhny Novgorod (Conversation with Comrade Sikorsky)]. *Sovetskiy filatelist*. 9(25). p. 19.
18. Anon. (1924) Filatelisticheskaya khronika. S"ezdy i vystavki [The philatelic chronicle. Congresses and exhibitions]. *Sovetskiy filatelist*. 9(25). p. 25.
19. Anon. (1924) Pervaya Vsesoyuznaya filatelisticheskaya vystavka [The First All-Union Philatelic Exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 10(26). p. 4.
20. Dmitriev, P.V. (1924) Dogonim! [Let's catch up!]. *Sovetskiy filatelist*. 10(26). p. 5.
21. Anon. (1924) Filatelisticheskaya khronika. Pervaya Vsesoyuznaya vystavka [The philatelic chronicle. The First All-Union Exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 10(26). pp. 24–26.
22. Anon. (1924) Otkliki za granitsey [Responses abroad]. *Sovetskiy filatelist*. 9(25). p. 3.
23. Eykhfus, L. (1925) Vpered, za rabotu! [Go ahead, get to work!]. *Sovetskiy filatelist*. 1(29). pp. 3–4.
24. Chuchin, F.G. (1925) Uroki vystavki [Lessons of the exhibition]. *Sovetskiy filatelist*. 6(34). pp. 2–4.
25. Milyutin, Yu. (1925) Inostrannaya pechat' o 1-y Vsesoyuznoy vystavke [Foreign press about the 1st All-Union Exhibition]. *Sovetskiy kollektsioner*. 7(35). pp. 9–10.
26. Anon. (1925) Inostrannoe obozrenie. O Vsesoyuznoy vystavke [Foreign press review. About the All-Union Exhibition]. *Sovetskiy kollektsioner*. 19(47). p. 11.
27. Anon. (1924) Neobkhodimoe raz"yasnenie [The necessary explanation]. *Sovetskiy filatelist*. 9(25). p. 28.
28. Gleyzer, M.M. (1989) *Istoriya filatelii v Peterburge – Petrograde – Leningrade (1883–1988)* [The history of philately in St. Petersburg – Petrograd – Leningrad (1883–1988)]. Moscow: Radio i svyaz'.
29. Anon. (1924) K Vsesoyuznomu S"ezdu Filatelistov [To the All-Union Congress of Philatelists]. *Sovetskiy filatelist*. 11–12(27–28). p. 24.
30. Anon. (1925) 1-y Vsesoyuznyy S"ezd Vserossiyskogo obshchestva filatelistov [1st All-Union Congress of the All-Russian Society of Philatelists]. *Sovetskiy kollektsioner*. 1(29). pp. 4–9.
31. Anon. (1925) 1-y Vsesoyuznyy S"ezd Vserossiyskogo obshchestva filatelistov [1st All-Union Congress of the All-Russian Society of Philatelists]. *Sovetskiy kollektsioner*. 2(30). pp. 4–11.
32. Anon. (1925) 1-y Vsesoyuznyy S"ezd Vserossiyskogo obshchestva filatelistov [1st All-Union Congress of the All-Russian Society of Philatelists]. *Sovetskiy kollektsioner*. 3(31). pp. 5–11.
33. Anon. (1925) 1-y Vsesoyuznyy S"ezd Vserossiyskogo obshchestva filatelistov [1st All-Union Congress of the All-Russian Society of Philatelists]. *Sovetskiy kollektsioner*. 4(32). pp. 10–15.
34. Yakub, A.V. (2017) Filatelisticheskiy internatsional kak element “myagkoy sily” v diplomatii SSSR: 1924 god, nachalo [Philatelic International as an element of “soft power” in the diplomacy of the USSR: 1924, the beginning]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki.”* 3(15). pp. 219–223.
35. Chuchin, F.G. (1925) Pervye itogi vystavki [The first results of the exhibition]. *Sovetskiy kollektsioner*. 3(31). pp. 3–5.
36. Fegchin, Ya. (1925) “Sovetskiy filatelist” i “Donau Post” [“Soviet Philatelist” and “Donau Post”]. *Sovetskiy kollektsioner*. 7(35). pp. 4–6.
37. Anon. (1932) *Vsesoyuznaya filatelisticheskaya vystavka. 1932. Moskva. Filateliya* [All-Union Philatelic Exhibition. 1932. Moscow. Philately]. Moscow: Svyaz'tekhizdat.

***Сведения об авторах*:**
Якуб Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор Омской гуманитарной академии (Омск, Россия). E-mail: avy59@mail.ru
Якуб Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: nvy10@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Yakub Alexey V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russian Federation). E-mail: avy59@mail.ru
Yakub Natalia V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Theory of International Relations of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: nvy10@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.06.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 12.06.2024; accepted for publication 15.11.2024

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 327.7
doi: 10.17223/19988613/92/10

Информационно-аналитическое обеспечение Общей политики безопасности и обороны Европейского союза

Александр Сергеевич Горбачев[1], Алексей Георгиевич Тимошенко[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] gorbachev5aleksandr@mail.ru
[2] 21timoshenko48@gmail.com

Аннотация. Данная статья дополняет исследовательскую базу, формирующую знание о Европейском союзе как уникальном и сложном, динамично развивающемся интеграционном объединении. Исследование представляет попытку сформировать системное понимание процесса развития разведывательного направления политики Евросоюза. Делается акцент на том, как в рамках этого направления в Европейском союзе формируются и функционируют структуры и институты. Раскрывается динамика развития институтов и органов Европейского союза, задействованных в разведывательной деятельности.
Ключевые слова: ОПБО ЕС, европейская разведка, институты ЕС

Для цитирования: Горбачев А.С., Тимошенко А.Г. Информационно-аналитическое обеспечение Общей политики безопасности и обороны Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 75–86. doi: 10.17223/19988613/92/10

Original article

Intelligence and analytical implementation of the Common Security and Defense Policy of the European Union

Alexander S. Gorbachev[1], Alexey G. Timoshenko[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] gorbachev5aleksandr@mail.ru
[2] 21timoshenko48@gmail.com

Abstract. The last decade has demonstrated that threats to security vary greatly in their causes and manifestations and that they invite interest and demand responses from the social sciences, civil society, and a very broad policy community. There has been a significant shift in emphasis away from traditional approaches to security to a new agenda. In this context, the collection and analysis of intelligence is increasingly important for the European Union. The research base is formed by official documents of the European Union and publications of researchers such as M. K. Davis Cross, J.I. Walsh, R.D. Steele, J. M. Nomikos, F. Mérand, G. Adams. The authors of the article aim to systematize knowledge about the development of European intelligence and draw attention to the issue of security and sovereignty of the European Union nations. An overview of the security strategies and "EU Strategic Compass" is given. The documentation, legal and research base is provided. The priorities of the Common Security and Defense Policy of the European Union are mentioned. The study is an attempt to form a systematic understanding of the development of the EU intelligence policy and the challenges faced by its structures and institutions. The history of the development of joint intelligence activities is described. The problems of interpretation of intelligence are analyzed, as well as various related terminology is given. Issues such as the establishment of an institutional framework, including investigating the hierarchical structures, positions, and the allocation of responsibilities and powers are considered here. The organizations that form the so-called intelligence community within the European Union are investigated, as well as their relationship is described. Examples of how the database of various intelligence organizations works are given. The anti-terrorist and geospatial intelligence directions are summarized. The list of systems and tools for the collection and analysis of information and

© А.С. Горбачев, А.Г. Тимошенко, 2024

data in the European Union is given. Informal platforms for the exchange of intelligence have been studied. The issue of creating a single supranational intelligence service in the European Union has been studied. The factors that limit the effectiveness of cooperation between EU entities in the field of intelligence are described. The results of the modernization process of the national intelligence services are summarized. Overall, this article presents a comprehensive analysis of the European Union's intelligence potential, further expanding the scientific knowledge in this field.
Keywords: EU CSDP, European intelligence, EU institutions

For citation: Gorbachev, A.S., Timoshenko, A.G. (2024) Intelligence and analytical implementation of the Common Security and Defense Policy of the European Union. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 75–86. doi: 10.17223/19988613/92/10

Общая политика безопасности и обороны Европейского союза, начатая более двух десятилетий назад, претерпела множество трансформаций, которые были обусловлены подписанием ряда договоров, принятием стратегий, разработкой определенных законов, созданием десятков структур, центров и механизмов. Фундаментальной работой, посвященной формированию Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) наряду с трудами зарубежных ученых является монография В.В. Журкина «Европейская армия: поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны Европейского союза», в которой автор системно и последовательно раскрывает значение большого количества процессов и событий, сопровождавших развитие ОПБО до 2012 г. [1].

Обе предыдущие стратегии ЕС в области безопасности и обороны – от 2003 и 2016 гг. – содержали своевременный ответ на вызовы, вставшие перед ЕС в разное время. Стратегия «Безопасная Европа в лучшем мире» 2003 г. принималась в условиях активного расширения Евросоюза на восток, и ее принятие означало установление идентичных ценностей и целей для всех государств-членов ЕС, включая новые. Она регулировала общий порядок действий в сфере борьбы с терроризмом и организованной преступностью, в противодействии распространению оружия массового поражения, при урегулировании региональных конфликтов, при борьбе с коррупцией и злоупотреблениями властью [2]. Позже, в конце 2000-х гг., она была частично переосмыслена из-за динамично меняющейся геополитической обстановки.

К 2016 г., когда принималась новая стратегия, имели место новые вызовы: Брекзит, проблемы трансатлантического взаимодействия при Д. Трампе, деградация отношений с Российской Федерацией и миграционный кризис. Поэтому стратегия «Общее видение, единый подход: сильная Европа» содержала в себе основу для проведения реформ и мероприятий в рамках ОПБО, результатом которых должно было стать обеспечение соответствующего уровня защищенности от внешних угроз того времени с ориентиром на обеспечение стратегической автономии [3].

К 21 марта 2022 г. Европейским союзом был разработан и принят «Стратегический компас», в котором определяются основные цели ОПБО до 2030 г. [4]. Эта стратегическая концепция содержит ряд изменений, которые последовательно назревали с тех пор, как международная обстановка начала стремительно меняться с середины 2010-х гг. «Стратегический компас» ЕС обращен главным образом к обеспечению возможностей быстро и решительно реагировать на угрозы и происшествия, нарушающие европейскую безопасность в непосредственной близости от границ ЕС. В частности, предполагается подготовить группировку для быстрого развертывания численностью в 5 тыс. человек, а также расширить возможности анализа разведывательных данных для своевременного обнаружения гибридных угроз. Среди приоритетов, подобно предыдущим стратегиям, все так же остаются обеспечение безопасности на границах, предотвращение террористических угроз, урегулирование конфликтов.

Наряду с «традиционными» направлениями, по которым работает внешняя разведка (Балканы, Африка, Ближний Восток и Индийско-тихоокеанский регион), в Стратегии был обозначен еще ряд регионов: Россия, Китай, КНДР и Латинская Америка – регионы, по направлениям которых также не исключаются внешние миссии.

Первостепенной задачей является усиление информационно-аналитической работы и разведывательного потенциала. Для этого в соответствии со Стратегическим компасом Евросоюзу необходимо усилить защиту конфиденциальной информации и расширить обмен информацией между государствами о национальных показателях финансирования обороны. В остальном в Стратегии прослеживается призыв к наращиванию диалога со стратегическими партнерами, такими как ООН, НАТО, ОБСЕ, АСЕАН и Африканский союз.

Информационный обмен, который происходит между национальными службами государств-членов ЕС, некоммерческими международными организациями и общеевропейскими главенствующими институтами, такими как INTCEN, Военный Штаб и Военный Комитет, добычу и обработку информации, а также ее движение между субъектами и уровнями власти на территории Европейского союза традиционно относят к разведывательной деятельности. Интерес в данном исследовании представляет то, как формировались и развивались информационно-аналитические структуры и ведомства, кто участвует в информационном обмене и обеспечении, а также что собой представляет разведывательная деятельность в Европейском союзе.

Используемый термин «разведка» (intelligence) в Брюсселе прижился не сразу: долгое время она ассоциировалась с конкретными видами деятельности, такими как секретные операции, подслушивание или шпионаж. При этом термин «информация» был политически нейтральным и легко принимался институтами Европейского сообщества и вводился в коммуникационные каналы на уровне Евросоюза. В то же время

в военных ведомствах используется одновременно несколько терминов, обозначающих конкретные разведывательные действия: наблюдение (surveillance), рекогносцировка (reconnaissance). А разведданные (intelligence) означают уже обработанную информацию.

Так, стратегическая разведка имеет дело с информацией, данными и результатами их обработки в контексте стремления к предсказуемости, надежности и эффективности уже осуществляемых мероприятий. Такой подход к стратегической разведке типичен для размышлений о безопасности с точки зрения военных, правоохранительных, экономических, дипломатических и общественных ведомств.

Вплоть до середины 2000-х гг. в Европейском союзе обострялась проблема официального определения того, что представляют собой разведывательные данные (intelligence), с целью развития сотрудничества в четких правовых и институциональных рамках ЕС. Первая попытка дать единое определение разведданным была предпринята Европейской комиссией. В докладе Комиссии 2004 г. Совету и Парламенту «На пути к расширению доступа правоохранительных органов к информации» было дано уточнение: «Для целей настоящего сообщения выражение “разведданные” или “информация” означает “данные, информативность и разведывательные данные”, если не указано иное; термин “разведывательная информация” относится к “криминальной разведке”» [5].

В 2006 г. Совет, действуя по инициативе Швеции, принял Рамочное решение 2006/960/JHA об упрощении обмена информацией и разведывательными данными между правоохранительными органами государств-членов [6]. Рамочное решение включает следующее определение: «Информация и / или разведывательные данные: любой тип информации или данных, которыми располагают правоохранительные органы; любой тип информации или данных, которыми располагают государственные органы или частные организации и которые доступны правоохранительным органам без принятия принудительных мер. То есть информация является исходным материалом, в то время как разведданные – это обработанная информация.

Шведское рамочное решение ввело чрезвычайно важное функциональное разделение между криминальной разведкой для внутренней безопасности и уголовного правосудия ЕС и военной и социально-политической разведкой, подпадающей под действие ОПБО.

Говоря о правовом поле ОПБО, отметим главные вехи. Маастрихтский договор 1992 г. ввел Общую внешнюю политику и политику безопасности. При этом Договор установил, что национальная безопасность остается в ответственности каждого государства-члена Европейского союза, а институты Европейского союза способствуют выработке многосторонних решений по общим проблемам [7]. Амстердамский договор 1997 г. ввел новую процедуру выработки стратегий ОПБО в областях, которые относятся к общим интересам стран ЕС, и которые не противоречат национальным интересам какой-либо страны [8].

Начиная с 1990-х гг. в ходе европейской интеграции обострилась проблема внутренней безопасности, а у стран-участниц появились новые задачи: обеспечить стабильность внешних границ, начать координационную работу в области военных и гражданских миссий. Все это должно было поддерживаться соответствующим информационным обеспечением и аналитической работой.

Первая попытка объединить усилия национальных разведслужб в Евросоюзе была предпринята под руководством Верховного представителя ЕС Хавьера Соланы в 1999 г., когда был учрежден **Ситуационный центр Европейского союза** (SITCEN) с целью координации внешнеполитических усилий государств-членов ЗЕС. С 2001 г. центр начал проводить аналитическую работу, опираясь на получаемые разведданные, а с 2002 г. стал выполнять функции площадки для обмена конфиденциальной информацией между разведывательными службами Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Испании, Швеции и Великобритании.

Из отечественных исследований можно выделить статью А.И. Пожарова и С.А. Карюкина «Разведывательный и ситуационный центр Европейского союза в архитектуре внешней политики и политики безопасности ЕС»: статья дает комплексное понимание сложных вопросов о деятельности SITCEN, который в том числе является объектом изучения и в данной статье [9].

В тот период SITCEN выполнял следующие задачи:

1. Содействие в раннем предупреждении (в сотрудничестве с другим военным персоналом Совета). Для этой цели использовались материалы из открытых источников, военной и невоенной разведки, а также дипломатические доклады.

2. Мониторинг и оценка ситуации на мировой арене.

3. Предоставление инфраструктуры для оперативной группы по кризисам.

4. Обеспечение коммуникации с Верховным представителем.

Террористический акт в Мадриде 11 марта 2004 г. вынудил институты ЕС и государства-члены ускорить и расширить антитеррористическое сотрудничество, включая национальные разведывательные службы и соответствующие органы ЕС, особенно Европол и SITCEN [9].

Так, по просьбе Хавьера Соланы в июне 2004 г. Совет ЕС одобрил создание Контртеррористической группы в рамках SITCEN. Этой структуре было поручено анализировать данные контртеррористической разведки при поддержке служб безопасности государств-членов. Поэтому к 2005 г. у Евросоюза де-юре был сформирован механизм по выявлению и анализу наиболее важных угроз на наднациональном уровне. Однако репрезентативность получаемой информации и эффективность этого механизма не выглядели высокими, так как количество передаваемой Центру информации и способы ее передачи были жестко ограничены соображениями безопасности отдельных наций и их разведслужб, что следует из положений упомянутого договора [9].

Следующий этап формирования разведывательных органов ЕС наступил с подписанием Лиссабонского договора 13 декабря 2007 г., в результате чего ОПБО

была существенно обновлена. В том числе был учрежден пост Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности [10].

Важной вехой стало создание в 2010 г. **Европейской внешнеполитической службы** (ЕВПС) с целью обеспечения централизованного принятия решений по ОПБО. Правовым основанием деятельности Службы является Решение Совета 2010/427/ЕС от 26 июля 2010 г. об учреждении Европейской службы внешних действий [11]. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности руководит ЕВПС (наряду с руководством посольствами ЕС в третьих странах и при международных организациях). Основные обязанности ЕВПС заключаются в реализации ОПБО, представительстве ЕС на международной арене, а также в укреплении диалога и сотрудничества со странами-партнерами по всему миру.

Итак, с 2010 г. внешняя политика ЕС определяется Европейским советом и Советом ЕС. Исполнение и реализация ОПБО обеспечивается ЕВПС, структура которой имеет четкую иерархию комитетов и подразделений [12]. Их полномочия представлены широким перечнем процедур коммуникации с Европейской комиссией, Советом ЕС и другими институтами. Верховный представитель ежемесячно проводит заседания Совета ЕС. После того как политика определена, ЕВПС под руководством Верховного представителя реализует ее. Служба также предоставляет аналитическую разведывательную информацию Верховному представителю.

С января 2011 г. по результатам реформы SITCEN является частью ЕВПС под руководством Верховного представителя. Также с 2012 г. за Центром закреплено новое название – **Центр анализа разведывательных данных ЕС** (EU Intelligence Analysis Centre; EU INTCEN). Сейчас его официальное название – **Разведывательный и ситуационный центр ЕС (**EU Intelligence and Situation Centre, EU INTCEN).

Таким образом, с 2012 г. и по сегодняшний день EU INTCEN является аналитическим агентством, которое функционирует в рамках Совета ЕС и входит в состав ЕВПС. EU INTCEN осуществляет мониторинг событий и возникающих угроз, сбор и анализ разведывательной и стратегической информации, которая может повлиять на безопасность ЕС в глобальном смысле. EAAS, в свою очередь, предоставляет необходимые условия и инфраструктуру для работы INTCEN, а также обеспечивает защиту информации. Прямой и наиболее важной обязанностью Центра является предоставление стратегических разведывательных оценок Верховному представителю [13].

Изначально структура INTCEN состояла из двух отделов: первый занимался анализом разведывательной информации и отчетностью, второй – исследованиями из открытых источников (OSR). По состоянию на 2019 г. INTCEN ЕС состоит из трех подразделений:

1. Подразделение анализа разведывательной информации и отчетности. Оно отвечает за предоставление стратегического анализа, основанного на информации, поступающей от служб безопасности и разведки государств-членов. Такой анализ состоит из различных разделов, посвященных географическим и тематическим темам.

2. Подразделение информационной поддержки.

3. Подразделение разведывательной политики.

В текущие обязанности INTCEN входит предоставление разведывательных аналитических материалов различного назначения, предупреждений о потенциальных угрозах и оценок текущей ситуации председателю Европейского совета, председателю Европейской комиссии, Верховному представителю ЕС по внешней политике и политике безопасности, Генеральному секретарю ЕВПС, а также в другие специализированные структуры ЕС по внешней политике и политике безопасности: EUMC, EUMS, Институт исследований безопасности ЕС (EUISS), Рабочую группу по борьбе с терроризмом, Рабочую группу по внешним аспектам терроризма и др. Информационные материалы направляются также соответствующим разведывательным и специальным службам государств-участников ЕС [14].

INTCEN работает на среднесрочную и долгосрочную перспективу. В среднесрочной перспективе INTCEN предоставляет оперативные отчеты о международных кризисах по мере их развития, а также может выдавать ранние предупреждения, рекомендуемые процедуры антикризисного управления, оценки рисков и ситуации, а также средства реагирования на кризисные ситуации. В долгосрочной перспективе – готовит глобальные стратегические отчеты, главный аналитический продукт данного центра, каждые шесть месяцев. Такие доклады содержат «либо информацию о последствиях кризиса или события, либо [это] тематический документ, посвященный конкретной теме, представляющей текущий интерес». Например, они могут быть направлены на повышение устойчивости к террористическим атакам или раскрывать вопросы авиационной безопасности, кибербезопасности, проблемы радикализации и вербовки [13]. Сводки разведывательных данных посвящены текущим важным событиям с кратким анализом на основе разведывательных данных, а оценки рисков, которые обновляются каждые шесть месяцев, посвящены «рискам для персонала ЕС в данной стране» [15].

Аналитические документы INTCEN основаны на информации, предоставляемой службами безопасности и разведки государств-членов, открытыми источниками (СМИ, веб-сайты, блоги), дипломатическими отчетами, сетями консульских служб, международными организациями, НПО, внешними миссиями и операциями ЕС, Спутниковым центром ЕС. Однако бóльшая часть информации добывается в рамках open source intelligence (систематический сбор и анализ данных из открытых источников).

Следует отметить, что при имеющейся значимости общеевропейских внешнеполитических решений деятельность EU INTCEN ограничивается аналитическими функциями и не включает в себя выполнение прямых операций или обеспечение специальных мероприятий. Он не является частью структур военно-оперативной деятельности Европейского союза, которая реализуется силами быстрого реагирования и иными военными и миротворческими структурами ЕС [9]. Объемы и

средства передачи информации строго ограничены, так как EAAS в отношении защиты секретной информации применяет меры безопасности, изложенные в Приложении к Решению 2001/264/ЕС [16]. Верховный представитель принимает любые меры, необходимые для обеспечения информационной безопасности в ЕВПС.

Дополняют базу разведывательного потенциала EAAS несколько органов.

Военный штаб Европейского союза (EUMS), который управляется Генеральным директором Военного штаба (он же – директор Военного планирования) и заместителем директора. Военный штаб включает 8 подразделений.

Разведывательный департамент Военного штаба (Military Staff Intelligence Directorate – EUMS INT) состоит из трех отделов, что отражает традиционные требования к разведывательному циклу и разделение задач в военной разведке:

1. Разведывательная политика: этот отдел работает в тесном сотрудничестве с гражданскими властями, отвечает за разработку концепций разведки, участвует в планировании военных операций ЕС и готовит разведывательные сценарии.

2. Требования к разведданным: данное подразделение отвечает за сотрудничество с разведывательными службами государств-членов. Оно управляет потоком информации и разведывательных данных между национальными разведывательными службами и EUMS INT, содействует регулярным встречам сотрудников разведывательных служб из государств-членов ЕС, а также взаимодействует со Спутниковым центром (EUSC).

3. Производство разведывательной информации: этот отдел является центральным элементом Разведывательного департамента. Его функция заключается в обеспечении того, чтобы разведданные отвечали потребностям институтов и органов ЕС. Аналитики, работающие в этом департаменте, объединены в пять тематических и региональных групп и одну группу по транснациональным вопросам. Эта ячейка тесно сотрудничает с INTCEN [17. P. 8–9].

Более того, EUMS INT не только отвечает за ситуационные оценки, выявление угроз, рисков и поддержку стратегического планирования, но и служит гражданским целям, обеспечивая коммуникационную поддержку для анализа рисков, проводит оценки вероятности эскалации скрытых конфликтов.

Единый потенциал анализа разведывательных данных (SIAC) – это департамент, который образован в 2007 г. и является совместной надстройкой INTCEN и Разведывательного управления Военного штаба ЕС. SIAC занимается подготовкой аналитической документации для руководства EAAS и дальнейшего использования при выработке ОПБО.

Более формальный характер носит **Служба внешнеполитических инструментов** – подразделение Европейской комиссии, созданное специально для обеспечения постоянной коммуникации с ЕВПС [18].

Аналитическое направление в обеспечении безопасности в ЕС дополняется рядом центров, которые сотрудничают с национальными службами безопасности и общеевропейскими институтами. Например, **Европейский центр стратегической разведки и безопасности** (ESISC), который был создан в мае 2002 г. в Брюсселе. С момента своего основания ESISC специализируется на сборе и анализе разведывательной информации в области безопасности (терроризм, конфликты, пиратство, организованная преступность) и геополитики (принятие решений, иностранное влияние, конфликты). На основе собранной информации ESISC готовит отчеты, аналитические материалы и регулярные публикации по итогам брифингов [19].

Весомый вклад в анализ европейской безопасности и обороны вносит и **Институт исследований безопасности Европейского союза** (EUISS). Его основная миссия заключается в оказании помощи ЕС и его государствам-членам в реализации ОПБО. Институт был создан в январе 2002 г. в соответствии с Совместным решением Совета 2001/554 как автономное учреждение для укрепления аналитического потенциала ЕС и его возможности прогнозировать обстановку во внешней деятельности. В настоящее время регулируется решением Совета 2014/75/CFSP [20]. Институт также выступает в качестве связующего звена между институтами ЕС и внешними экспертами, включая представителей служб безопасности. Институт финансируется государствами-членами ЕС, а его Правлением руководит Верховный представитель. Численность персонала составляет около 40 человек. Мероприятия института могут проходить в форме конференций или небольших семинаров или практикумов экспертов. Флагманской публикацией EUISS является серия статей Chaillot Paper [21]. В 2011 г. Европейская комиссия назначила EUISS ответственным за подготовку и представление итоговых отчетов в рамках Европейской системы анализа стратегии и политики.

Современные военные операции или экспедиционные миссии (гражданские, гуманитарные, спасательные и т.д.) не могут быть должным образом проведены без формирования ситуационной осведомленности, включающей наблюдение, мониторинг и прогнозирование. Для этого существует направление геопространственной разведки. Пожалуй, основное ведомство в этом направлении – **Спутниковый центр** (SATCEN–EUSC). EUSC был открыт в апреле 1993 г., и перед ним была поставлена задача собирать и обрабатывать доступные данные изображений и предоставлять их государствам-членам ЗЕС, в частности для целей соглашений о контроле над вооружениями, мониторинга кризисных ситуаций и окружающей среды. EUSC в 1995 г. был преобразован в постоянный вспомогательный орган, а в последующие годы была запущена система прямого приема изображений, позволяющая обрабатывать и анализировать снимки, предоставляемые государственными и коммерческими спутниковыми провайдерами [22]. Также данный центр обрабатывает сопутствующие материалы, полученные от Европейского космического агентства (European Space Agency; ESA), из открытых источников и от правительств стран ЕС [23. P. 99]. По содержанию это могут быть, например, аэрофотоснимки, аналитические отчеты или данные с места событий.

Европейское космическое агентство (ESA) – международная организация, созданная в 1975 г., ко-

торая является организацией-преемником двух консорциумов: Европейского управления по космическим исследованиям (ESRO) и Европейской организации по разработке ракет-носителей (ELDO). Миссия ESA заключается в формировании космического потенциала Европы и инвестиционном планировании космических исследований [24].

Таким образом, происходило формирование потенциала стратегической внешней разведки: оценка угроз, оценка воздействия преступности и предвидение будущих угроз и рисков. Опыт ЕС доказал жизнеспособность стратегических аспектов криминальной разведки, учитывая ограничения, установленные соответствующими национальными органами власти в отношении совместного использования данных и информации [25].

В становлении разведдеятельности в ЕС имеет место и неформальный обмен опытом, информацией и мнениями в рамках некоторых устоявшихся форматов.

Бернская группа – это неформальный форум, действующий с 1971 г. и объединяющий руководителей спецслужб 27 государств Евросоюза, а также делегации Норвегии и Швейцарии. Организация считается неформальной, так как не имеет руководящего органа и не принимает решений, которые были бы обязательны для исполнения. Под началом Бернского клуба была создана специальная защищенная телекоммуникационная сеть, обеспечивающая быстрый обмен информацией о крупных террористических угрозах [25. P. 176].

Будапештский клуб – еще один неформальный форум, который состоит из представителей государственных и частных разведывательных организаций. В ходе его заседаний внимание уделяется преимущественно антитеррористической деятельности.

Евросинт также представляет собой форум, который действует с 2005 г. с привлечением представителей научных и деловых кругов. Ежегодно проводится в среднем 5–7 семинаров, а участие принимают, как правило, около 40 человек. Отличие последних двух форматов в том, что здесь, как и в INTCEN, используется open source intelligence [26].

Разведывательная коллегия Европы (Intelligence College in Europe; ICE) создана в 2019 г. по инициативе президента Франции Эммануэля Макрона. В коллегию были включены представители более 30 национальных разведывательных организаций из 21 государства ЕС, а также из Норвегии и Великобритании. Собрания ICE проводятся трижды в год. Главными направлениями работы и обсуждений в рамках площадки является кибербезопасность, борьба с fake news и информационная безопасность в целом [27].

Необходимость регулярных неформальных встреч и деятельность этих форумов подтверждают тезис польского исследователя Артура Грущака о том, что национальные органы, ответственные за безопасность, предпочитают использовать секретные, неофициальные, двусторонние и защищенные каналы связи для обмена информацией [23. P. 176].

Описанные выше структуры формируют институциональную основу, которая занимается обеспечением безопасности Европейского союза как цельного актора с единой границей, однако проблема внутренней безопасности, как уже было сказано ранее, обострялась параллельно внешнеполитическим вопросам.

Перед тем как перейти к органам внутренней безопасности, необходимо уточнить, что понимание безопасности в Европе меняется с течением времени и зависит от текущих угроз. Например, в период холодной войны безопасность в Европе рассматривалась в основном в военных терминах и оценивалась с точки зрения отсутствия конфликтов между двумя военными блоками континента – НАТО и Организацией Варшавского договора. По мере того как спадала напряженность холодной войны, начала формироваться более дифференцированная концепция безопасности, менее привязанная к военным вопросам.

В результате был разработан концептуальный подход, согласно которому безопасность можно измерить на различных уровнях: на уровне международной системы, региона, государства и отдельного человека. Безопасность можно оценивать не только с точки зрения защиты национальной территории от внешней угрозы, но и с точки зрения политических, экономических и общественных ценностей. Результатом стали расширение повестки дня в области безопасности и предоставление возможности рассматривать угрозы безопасности, отличные от военных конфликтов. Это касалось таких проблем, как организованная преступность и нелегальная иммиграция, которые, хотя и не являются новыми проблемами, игнорировались до периода 1990-х гг. [28].

Из этого к концу 1990-х гг. в ЕС сформировалось новое понимание: внутренняя безопасность не может быть изолирована от внешней политики и рассматриваться просто как защита национальной территории от внутренних угроз с использованием национальных средств. Для обеспечения безопасности государству необходимо сотрудничать со своими соседями [29]. Со временем перечень внутренних угроз расширялся, и сегодня главными являются организованная преступность, терроризм, загрязнение окружающей среды, нелегальная миграция, наркоторговля, незаконное предпринимательство и контрабанда.

Эти предпосылки, а также упомянутые выше террористические акты в начале 2000-х гг. послужили катализатором для создания наднациональных и международных структур, работающих на внутреннюю безопасность ЕС. Некоторые из них имеют антитеррористическую направленность и работают с разведданными.

В Западноевропейском союзе имели место спутниковый проект «Хеллиос» и обмен разведывательными данными в ходе военных учений и операций, но это сотрудничество было далеко от общей политики в области разведки [30].

Долгое время сбор, сопоставление и анализ информации и разведывательных данных, а также предоставление выверенной стратегической разведывательной информации входили в число задач Европола (Europol). Это одна из первых структур Западноевропейского союза (ЗЕС), которая работала на наднациональном уровне в данном направлении, являясь составной частью оборонного компонента ЗЕС. Полицейское

агентство Европол было создано 1 октября 1998 г. и имеет штаб-квартиру в Гааге. Основная задача Европола заключается в содействии национальным правоохранительным органам в предотвращении и борьбе с тяжкими формами преступности, включая терроризм, наркоторговлю и организованную преступность [23]. Директором Европола с мая 2018 г. по настоящее время является Катерина де Болль, а численность персонала составляет около 1 000 человек.

Однако на момент создания Европола в Евросоюзе еще не было четко сформированного понятия о терроризме. В 1999 г. Европейский совет представил программу, которая будет способствовать совместным действиям в вопросах терроризма. Катализатором для развития антитеррористической политики и выработки общеевропейской стратегии стал сентябрьский теракт 2001 г., после которого намерение Евросоюза усилить борьбу с терроризмом было отражено в меморандуме Европейской комиссии 12 марта 2002 г., а затем – в Рамочном решении Совета «О борьбе с терроризмом» от 13 июня 2002 г. Эти правовые инициативы в 2002 г. привели к созданию **Евроюста** для организации международного судебного сотрудничества [23].

На базе штаб-квартиры Европола в январе 2016 г. был открыт **Антитеррористический центр ЕС** (ЕСТС). Презентация Антитеррористического центра состоялась 25 января 2016 г. Центр обеспечивает обмен релевантной информацией и координирует операции по борьбе с радикальными исламистами на территории Евросоюза, расследует источники финансирования террористических группировок.

Европол и Евроюст (при непосредственном участии Совета ЕС) можно объединить по следующему признаку: они активно участвуют в реализации контртеррористической стратегии Европейского союза. Тем не менее основными участниками контртеррористической деятельности и исполнителями общеевропейской стратегии являются государства-члены. Это означает, что окончательное решение о разработке, внедрении и соблюдении политики или принятии законодательных актов принадлежит государствам-членам. То же самое относится к разведывательным службам каждой страны. Фактическая роль Европейского союза заключается в координации отдельных контртеррористических стратегий государств-членов и обеспечении их функционирования в рамках общих принципов.

Институциональная структура европейской разведки в широком смысле дополняется некоторыми организациями, которые самостоятельно занимаются сбором и анализом данных в сфере наркоторговли, пограничного контроля и информационных технологий:

Европейское агентство по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств (FRONTEX) было создано в октябре 2005 г. со штаб-квартирой в Варшаве. Правовой основой для его учреждения является регламент Европарламента от 26 октября 2004 г. [31]. В обязанности агентства входят разработка и внедрение единых стандартов охраны границ государств-членов ЕС, содействие обучению пограничников стран Союза, совершенствование технических средств охраны границ и координация действий по выдворению нелегальных иммигрантов [32].

Евродак (Eurodac) – это централизованная электронная база данных, которая собирает отпечатки пальцев тех лиц, которые подозреваются в незаконном пересечении внешних границ ЕС или которые подали ходатайство о предоставлении убежища. Как и агентство FRONTEX, Евродак дополняет прототип европейской интегрированной системы управления внешними границами.

Европейский полицейский колледж (CEPOL) действует с 2001 г. и объединяет офицеров полиции в Европе с целью развития международного сотрудничества в борьбе с преступностью и обеспечения общественной безопасности и правопорядка. С 20 сентября 2005 г. колледж начал действовать как агентство. Из текущих проектов CEPOL занимается борьбой с организованной преступностью на направлении Южного соседства ЕС, Восточного партнерства и Западных Балкан [33].

Агентство Европейского Союза по оперативному управлению крупномасштабными ИТ-системами в области свободы, безопасности и правосудия (EU-LISA) было основано в 2011 г. для обеспечения бесперебойной работы крупномасштабных ИТ-систем в зонах свободы, безопасности и правосудия. В частности, агентство отвечает за оперативное управление ИТ-системой Eurodac, а также Шенгенской информационной системой (SIS) и Визовой информационной системой (VIS), обеспечивая быстрый и бесперебойный обмен информацией между государствами [34].

Объединяет все эти структуры одна фигура – **Координатор ЕС по борьбе с терроризмом**. Согласование совместных действий Совета ЕС и Европейского совета с различными национальными и международными организациями в области противодействия террористической угрозе с 2004 г. осуществляется именно уполномоченным Координатором по борьбе с терроризмом. С 19 сентября 2007 г. на эту должность назначен Жиль де Керхов, который сменил Гейса де Вриеса, координатора-предшественника. В своем интервью в Международном журнале Красного Креста Жиль де Керхов обозначил сферу своей ответственности так: «Координатор, во-первых, выступает посредником между институтами ЕС и государствами-членами ЕС. Во-вторых, он или она должны предвидеть возможные вызовы и разрабатывать эффективные стратегические решения для минимизации любых видов террористической угрозы. В-третьих, координатор оказывает поддержку Комиссии и Европейской службе по внешним делам в их работе и одновременно помогает государствам, не входящим в состав ЕС, в оптимизации их мер по борьбе с терроризмом. И, наконец, координатор является представителем ЕС в вопросах борьбы с терроризмом, т.е. активно взаимодействует со СМИ и занимается информационно-просветительской деятельностью» [35].

Таким образом, наличие этой должности подразумевает обеспечение связи не только между организациями и службами, но и между всеми сферами, прямо

или косвенно относящимися к террористической угрозе: правосудие, правоохранительная деятельность, прокуратура, дипломатические службы, министерства финансов, министерства обороны, гражданское общество, частный сектор.

Подытоживая обзор информационно-аналитических ведомств, стоит отметить, что на территории ЕС действуют десятки организаций, осуществляющих сбор и анализ информации по определенным направлениям (таблица).

Перечень систем и инструментов по сбору и анализу информации и данных в Европейском союзе

№	Наименование	Сбор	Анализ	Публикация
1.	Anti-piracy monitoring service (MARSURV-1) – European Maritime Safety Agency EMSA	Да	Нет	Да
2.	Common Integrated Risk Analysis Model (CIRAM) – Frontex	Да	Да	Да
3.	Critical Infrastructure Warning Information Network (CIWIN) – DG HOME	Да	Нет	Да
4.	Customs Information System (CIS I & III) – OLAF	Да	Нет	Да
5.	Early Warning and Response System (EWRS) – European Centre for Disease Prevention and Control ECDC	Да	Да	Да
6.	Early Warning Mechanism – DG ENERG	Да	Да	Да
7.	Early Warning System on Conflict Prevention – EEAS Security Policy and Conflict Prevention Unit (not yet rolled out)	Да	Да	Да
8.	Emergency Response Coordination Portal (ERC Portal) – DG ECHO	Да	Нет	Да
9.	Epidemic Intelligence Information System (EPIS) – ECDC	Да	Нет	Да
10.	EU Long Range Identification and Tracking System Cooperative Data Centre (EU LRIT CDC) – EMSA	Да	Нет	Да
11.	EU Special Representatives Reports – EEAS	Да	Нет	Да
12.	Europe Media Monitor News Brief (EMM) – JRC	Да	Да	Да
13.	European Border Surveillance System (EUROSUR) – Frontex	Да	Нет	Да
14.	European Community Urgent Radiological Information Exchange (ECURIE) – JRC	Да	Нет	Да
15.	European Coordination Centre for Accident and Incident Reporting Systems (ECCAIRS) – JRC (on request by DG MOVE)	Да	Да	Да
16.	European Migration Network (EMN) – DG HOME	Да	Нет	Да
17.	European Patrol Network – Frontex	Да	Нет	Да
18.	European Union Notification System for Plant Health Interceptions (EUROPHYT) – DG SANCO	Да	Нет	Да
19.	Europol Platform for Experts (EPE) – Europol	Да	Нет	Да
20.	Frontex One–Stop–Shop (FOSS) – Frontex	Нет	Да	Да
21.	Information and Coordination Network (ICONET) – Frontex	Да	Да	Да
22.	Integrated Political Crisis Response (IPCR) Web Platform – Council Civil Protection Unit	Да	Да	Да
23.	Integrated Situational Analysis and Awareness (ISAA) – EEAS / COM	Да	Да	Да
24.	Intelligence Centre (Intcen) – EEAS	Да	Да	Да
25.	Maritime Support Services Centre – EMSA	Да	Да	Да
26.	Marsur – European Defence Agency EDA (emerging)	Да	Нет	Да
27.	Radicalisation Awareness Network (RAN) – DG HOME	Да	Нет	Да
28.	SafeSeaNet – EMSA	Да	Нет	Да
29.	Secure Information Exchange Network Application (SIENA) – Europol	Да	Нет	Да
30.	Strategic Analysis and Response Centre (STAR) – DG HOME	Да	Да	Да
31.	Systemic Model of Banking Originated Losses (SYMBOL) – JRC	Нет	Да	Да
32.	Tarîqa – EEAS Situation Room	Да	Да	Да
33.	The European Surveillance System (TESSy) – ECDC	Да	Нет	Да
34.	Threat Tracking Tool (TTT) – ECDC	Да	Нет	Да
35.	Vessel Detection System (VDS) – JRC	Да	Да	Да
36.	Visa Information System (VIS) – DG HOME	Да	Да	Да
37.	Early Warning System (Joint Report) – DG Justice (EMDDA and EUROPOL)	Да	Да	Да
38.	ECDC Epidemic Intelligence Unit – ECDC	Да	Да	Да
39.	Emergency Response Coordination Centre (ERCC) – DG ECHO	Да	Да	Да
40.	European Cybercrime Centre (E3C) – Europol	Да	Да	Да
41.	Europol Analysis System (EAS) – Europol	Да	Да	Да
42.	Fingerprint database (EURODAC) – DG HOME	Да	Да	Да
43.	Galileo Security Monitoring Centre (GSMC) – European Global Satellite Navigation System Agency GSA	Да	Да	Да
44.	Global Disaster Alert and Coordination System (GDACS) – DG ECHO & UN OCHA	Да	Да	Да
45.	Global flood detection system – JRC	Да	Да	Да
46.	Global Flooding Awareness System (GloFAS) – JRC	Да	Да	Да
47.	European Drought Observatory – JRC	Да	Да	Да
48.	European Flooding Awareness System (EFAS) – JRC	Да	Да	Да
49.	Fingerprint database (EURODAC) – DG HOME	Да	Да	Да
50.	Global Human Settlement Layer (GHSL) – DG RADIO and JRC	Да	Да	Да
51.	Joint Operations Reporting Application (JORA) – Frontex	Да	Да	Да
52.	Medical Intelligence System (MedISys) – JRC/DG SANCO	Да	Да	Да
53.	ODIN – EEAS	Да	Да	Да
54.	Rapid Alert System for Biological and Chemical Attacks and Threats (RAS–BICHAT) – DG SANCO	Да	Да	Да
55.	Rapid Alert System for Food and Feed (RASFF) – DG SANCO	Да	Да	Да
56.	Rapid alert system for non – food dangerous products (RAPEX) – DG SANCO	Да	Да	Да
57.	Risk Management Unit – European Network and Information Security Agency ENISA	Да	Да	Да
58.	Satellite Centre (Satcen)	Да	Да	Да
59.	Schengen Information System (SIS I & II) – DG HOME	Да	Да	Да

Окончание таблицы

№	Наименование	Сбор	Анализ	Публикация
60.	Single Intelligence Analysis Capacity (SIAC) – EEAS MS Intelligence and Intcen	Да	Да	Да
61.	Situation Room 24/7 – EEAS	Да	Да	Да
62.	EU MS Intelligence – EEAS	Да	Да	Да
63.	Europol 24/7 Operational Centre – Europol	Да	Да	Да
64.	Frontex Situation Centre (FSC) – Frontex	Да	Да	Да
65.	Maritime Analysis and Operations Centre – Narcotics	Да	Да	Да

Примечание. Источник: [36].

Информационно-разведывательные структуры трансформируются не только количественно, но и качественно. За последние два десятилетия все западные разведывательные службы (не только европейские) претерпели масштабные внутренние изменения, своего рода модернизацию, которую описывает Дж. Веллер. В ходе этой модернизации наблюдались следующие преобразования: изменение характера кадровой политики (с точки зрения карьеры разведывательные службы все больше приближаются к нормам государственной службы); введение новых требований для сотрудников, чтобы они были более «репрезентативны» для населения страны, в которой служат; заимствование методов управления у частных и коммерческих организаций; приобретение новых помещений для штабквартир; ужесточение правил, увеличение степени надзора и подотчетности [37].

В результате информационно-разведывательные структуры теперь больше напоминают остальные государственные службы своих стран и все чаще становятся их неотъемлемой частью. Бóльшая часть этой внутренней модернизации произошла в то время, когда агентствам также пришлось адаптироваться к новому внешнеполитическому контексту из-за окончания холодной войны. Это привело к существенному изменению требований к разведывательным данным. Спрос на высококачественную экспертизу и разведывательную поддержку значительно возрос. Объем и разнообразие разведывательной деятельности также росли.

Сегодня сотрудничество ЕС в области разведки развивается в направлении цифровизации и создания цифрового сообщества, основанного на сложных сетях, объединяющих субъектов безопасности, которые используют практические знания для развития и поддержания разведывательной деятельности. Гибридный характер Европейского союза способствовал формированию нечеткой логики сотрудничества в области безопасности и развитию взаимосвязям в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества между государствами-членами.

Вытекающие из этого проблемы разведывательной деятельности обнаружились в дебатах о перспективах создания единого разведывательного агентства ЕС, которые шли еще с 1990-х гг., а затем обострились в 2010-х гг. Экономическая интеграция ЕС, а также сотрудничество в области безопасности между военными и правоохранительными органами (вторая и третья опоры) вызвали вопросы о реальной способности Евросоюза гарантировать безопасность своих граждан и оказывать постоянную и соразмерную поддержку политике безопасности стран-членов ЕС на национальном уровне.

Сторонник концепции единой разведслужбы голландский ученый Дж. Донат, исследовавший оборонное направление европейской интеграции в начале 1990-х гг., утверждал, что «Европейскому сообществу нужна организация стратегической разведки, сопоставимая с Центральным разведывательным управлением» [38]. Он заявлял, что в долгосрочной перспективе эта организация должна была бы набирать и обучать свой собственный персонал для работы с информацией. Эта идея находила воплощение и позже, в более современных работах и дискуссиях [39].

Противники данной концепции ссылаются на Договор о Европейском союзе: ведь он предусматривает, что ЕС уважает права своих государств-членов, включая обеспечение территориальной целостности государства, поддержание правопорядка и охрану национальной безопасности. В частности, национальная безопасность остается исключительной ответственностью каждого государства-члена ЕС [23].

Верховный представитель несколько раз заявлял, что формальная институционализация и централизация разведывательного сотрудничества на уровне ЕС неосуществимы [9]. Такая принципиальная позиция со стороны Комиссии и Верховного представителя, однако, не препятствует расширению форм сотрудничества в области сбора данных, анализа и обмена ими.

На данный момент можно заключить, что решению о создании единой разведслужбы препятствует несколько факторов:

1. После окончания «холодной войны» основные европейские национальные спецслужбы претерпевали изменения, вызванные сменой внешнеполитической обстановки. Смена приоритетов повлекла за собой долгий период трансформации и адаптации западноевропейских спецслужб, при этом страны Восточной Европы не имели достаточных ресурсов для развития самостоятельной разведки. Постепенное самостоятельное развитие каждой из них привело к образованию различий в методах разведки. Каждая национальная модель развивалась на основе своего исторического и культурного опыта. Труднопреодолимые различия в подходах к разведке между национальными спецслужбами имеют место и сегодня.

2. Ресурсная и техническая база стран Евросоюза, которая должна обеспечивать работу систем наблюдения, разведки и информирования, сегодня во многом опирается на техническое обеспечение НАТО и США [40]. Среди других направлений политики Евросоюза, именно это направление можно выделить как отстающее.

3. Уровень доверия между компетентными органами государств-членов остается недостаточным, что вытекает из соображений безопасности и того факта,

что договоры ЕС оставляют обеспечение национальной безопасности в компетенции каждой страны-члена ЕС.

4. Слабо развитые коммуникационные сети и несовместимое программное обеспечение: если первое затрудняет передачу данных и со временем может измениться, последнее делает ее технически невозможной в ряде случаев на уровне кода, форматов и способов хранения информации, а также ее шифрования.

В 2024 г. Европейский союз продолжает сталкиваться с вызовами современности: геополитические и экономические изменения, киберугрозы, террористические угрозы, стихийные миграционные потоки, а также вызовы в области информационной безопасности. Все это является частью сложной и динамично меняющейся обстановки, которая вносит свои коррективы как в стратегическое планирование Общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза, так и в обеспечение безопасности и суверенитета на национальном уровне его стран-участниц.

Сегодняшнее информационно-аналитическое обеспечение значительно поменялось с начала 2000-х гг.: оно расширилось вертикально (по структуре и иерархии должностей и органов), горизонтально (появились новые направления и методы информационной работы, новые организации). С середины 2000-х гг. появилось новое измерение безопасности – внутреннее, что поменяло характер самой ОПБО. Главным же мотивом для модернизации инструментов информационно-аналитической работы – как и мотивом для разработки новых стратегий – являются постоянно возникающие риски и угрозы, в ответ на которые ЕС внедряет новые инициативы в рамках ОПБО.

Оценивая текущее положение разведки в ЕС, можно сказать, что по итогам последних двух десятилетий наблюдается тенденция расширения горизонтальных связей, или сетей, обеспечивающих постоянное движение разведданных между организациями, службами, институтами ЕС и их руководителями. Такой обмен больше напоминает консультации для выработки общих подходов, выявления общих угроз и обсуждения возможных решений, нежели целенаправленную и согласованную разведку. Существенный факт, отделяющий ЕС от создания общеевропейского и централизованного разведывательного органа, в том, что национальные спецслужбы с наименьшей вероятностью будут когда-либо делиться по-настоящему значимыми разведданными, способными поставить национальную безопасность под угрозу. По крайней мере в ЕС пока не существует ни одного нормативного акта, который бы обязывал страны-участницы передавать такую информацию институтам и наднациональным органам, как и друг другу. Также на сегодняшний день не существует подходящих каналов или способов передачи данных, которые обеспечивали бы их безопасное использование строго по назначению, исключали бы любой риск утечки информации или ее неправомерного использования третьими лицами. Поэтому существующие технические ограничения также затрудняют обмен стратегически важной информацией.

С другой стороны, количество самой информации и источников информации увеличивается с каждым годом, в том числе по мере роста количества организованных внешних миссий. Так, сегодня Евросоюз проводит мониторинг ситуации в странах и регионах присутствия данных миссий: в Молдове (EUBAM) с 2005 г, в Палестине (EUPOL COPPS) с 2006 г., в Косово (EULEX) и Грузии (EUMM) с 2008 г., в Сомали (EUTM с 2010 г., EUCAP с 2012 г.), в Нигере (EUCAP SAHEL) с 2012 г., в Ливии (EUBAM) и Мали (EUTM) с 2013 г., в ЦАР (EUAM RCA) с 2016 г., на море у Африканского Рога и в западной части Индийского океана (EUNAVFOR MED IRINI) с 2020 г., в Мозамбике с 2021 г., в Украине с 2022 г. (оказание экономической и военной помощи).

Организация и проведение военных и гражданских миссий не только в соседних, но и в удаленных от ЕС регионах сегодня говорят о том, что как минимум до 2030 г. Евросоюз нацелен удерживать статус глобального актора, который проводит всеобъемлющую внешнюю политику. Изучение опыта других стран в урегулировании конфликтов, сбор данных по местам расположения миссий позволяет Евросоюзу своевременно разрабатывать превентивные меры для борьбы с терроризмом на своей территории. При этом полностью автономным глобальным актором без поддержки НАТО Евросоюз быть не может, и в данном смысле сегодня ОПБО эту функцию не обеспечивает.

Наиболее вероятно, что в обозримой перспективе разведдеятельность в ЕС будет подвергаться изменениям только в рамках новых структурных и функциональных надстроек. К 2030 г. видится возможным создание новых платформ и форматов для обмена разведданными, как и возможен обмен мнениями на высшем уровне насчет механизмов разведки, однако концептуальные изменения в ближайшем будущем будут маловероятны.

Список источников

1. Журкин В. Европейская армия: поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны Европейского союза. М.: Междунар. отношения, 2012. 192 с.
2. European Security Strategy : a secure Europe in a better world / Council of the European Union, General Secretariat of the Council. Publications Office, 2009 // European Union. URL: https://data.europa.eu/doi/10.2860/1402 (accessed: 01.03.2024).
3. Shared vision, common action: a stronger Europe : a global strategy for the European Union's foreign and security policy | European External Action Service. Publications Office, 2016 // European Union. URL: https://data.europa.eu/doi/10.2871/9875 (accessed: 01.03.2024).
4. A strategic compass for security and defence. EEAS, 2022// European Union. External Action. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-1_en (accessed: 01.03.2024).
5. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament – Towards Enhancing Access to Information by Law Enforcement Agencies (EU Information Policy). 2004 // European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2004:0429:FIN (accessed: 01.03.2024).
6. Council of the EU. Council framework decision 2006/960/JHA of 18 December 2006 on simplifying the exchange of information and intelligence between law enforcement authorities of the Member States of the European Union // Official Journal of the European Union. 2006. L 386. P. 89–100.

7. Treaty of Maastricht on European Union (Maastricht, 7 February 1992) // European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/ treaty-of-maastricht-on-european-union.html (accessed: 01.03.2024).
8. The Amsterdam Treaty (Amsterdam, 1 May 1997) // European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/the-amsterdam-treaty.html (accessed: 01.03.2024).
9. Пожаров А.И., Карюкин С.А. Разведывательный и ситуационный центр Европейского союза в архитектуре внешней политики и политики безопасности ЕС // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16 (4). С. 91–106.
10. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community. Signed at Lisbon, 13 December 2007 // European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (accessed: 08.01.2024).
11. Council Decision 2010/427/EU of 26 July 2010 establishing the organisation and functioning of the European External Action Service // OJ. L 201/30. 3.8.2010. p. 1.
12. EAAS – About Us – Structure and organization // The European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/structure-and-organisation_en (accessed: 01.03.2024).
13. Davis Cross M.K. A European transgovernmental intelligence network and the role of IntCen // Perspectives on European Politics and Society. 2013. Vol. 14 (3). P. 388–402.
14. Müller-Wille B. For Your Eyes Only? Shaping an Intelligence Community within the EU // Occasional Papers. 2004. Paris : ISS. № 50.
15. European External Action Service // EU INTCEN Fact Sheet. 2015.
16. Council Decision 2001/264/EC of 19 March 2001 adopting the Council's security regulations // OJ. L 101. 11.4.2001. P. 1.
17. Haag D., Anaya C.B. The first ten years of military Intelligence Support for the work of the EU // Impetus. Bulletin of the EU Military Staff. 2011. Vol. 11. P. 8–9.
18. EAAS – About Us – Structure and organization // The European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/structure-and-organisation_en (accessed: 01.03.2024).
19. ESISC – Our mission // European Strategic Intelligence and Security Center. URL: https://www.esisc.org/about-us/our-mission (accessed: 10.02.2024).
20. Council Decision 2014/75/CFSP of 10 February 2014 on the European Union Institute for Security Studies // European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014D0075 (accessed: 27.02.2024).
21. EUISS – About us // European Union Institute of Security Studies. URL: https://www.iss.europa.eu/about-us (accessed: 27.02.2024).
22. European Parliament (2010c, November 30). Reply to written question E-6003/2009by Martin Ehrenhauser (NI) to the Council. Subject: Work of the European Union Satellite Centre (EUSC) // European Parlament. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=E-2009-6003&language=EN (accessed: 10.02.2024).
23. Gruszczak A. Intelligence security in the European Union: building a strategic intelligence community. London : Palgrave Macmillan, 2016. 298 p.
24. The European Space Agency – About ESA // European Space Agency. URL: https://www.esa.int/ESA_Multimedia/Videos/2019/11/This_is_ESA (accessed: 27.02.2024).
25. Walsh J.I. Intelligence-Sharing in the European Union: Institutions Are Not Enough // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2006. Vol. 44. P. 625–643.
26.Steele R.D. The Open Source Program: Missing in Action // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence. 2008. Vol. 21 (3). P. 609–619.
27. Intelligence College in Europe – Presentation // Intelligence College in Europe. URL: https://www.intelligence-college-europe.org/presentation/ (accessed: 27.02.2024).
28. Mitsilegas, V., Monar J., Rees W. The European Union and Internal Security: Guardian of the People? Basingstoke : Palgrave, 2003. 209 p.
29. Bigo D. The Landscape of Police Cooperation // The Boundaries of Understanding : Essays in Honour of Malcolm Anderson / E. Bort, R. Keat (eds.). University of Edinburgh, International Social Sciences Institute, 1999. P. 59–74.
30. Nomikos J.M. A European Union Intelligence Service for Confronting Terrorism // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence. 2005. Vol. 18 (2). P. 191–203.
31. Regulation (EU) No 2007/2004 of the European Parliament and of the Council of 26 October 2004 establishing a European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union // OJ. L 349/1. 25.11.2004.
32. FRONTEX – Tasks & Mission // Frontex. URL: https://www.frontex.europa.eu/about-frontex/who-we-are/tasks-mission/?etrans=ru (accessed: 27.02.2024).
33. CEPOL – Our Mission // CEPOL. URL: https://www.cepol.europa.eu/about/mission-vision-and-values. (accessed: 27.02.2024).
34. EU-LISA – Who we are // EU-LISA. URL: https://www.eulisa.europa.eu/ (accessed: 27.02.2024).
35. Международный журнал Красного Креста. 2021. № 916-917.
36. Boin A., Ekengren M., Rhinard M. Making sense of sense-making: the EU's role in collecting, analysing, and disseminating information in times of crisis. Stockholm : Swedish National Defence College, 2014. 80 p.
37. Weller G.R. The Internal Modernization of Western Intelligence Agencies // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence. 2001. Vol. 14 (3). P. 299-–322.
38. Donath J. A European Community Intelligence Organization // Defense Intelligence Journal. 1993. Vol. 2 (1). P. 15–33.
39. Mérand F. European Defence Policy: Beyond the Nation State. Oxford University Press, 2008. 198 p.
40. Adams G., Ben-Ari G., Logsdon J., Williamson R. Bridging the Gap: European C4ISR Capabilities and Transatlantic Interoperability, Washington : National Defense University Center for Technology and National Security Policy, 2004. vii, 186 p.

References

1. Zhurkin, V. (2012) *Evropeyskaya armiya: porazheniya i pobedy. Obshchaya politika bezopasnosti i oborony Evropeyskogo soyuza* [The European army: Defeats and victories. Common security and defense policy of the European Union]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
2. Council of the European Union, General Secretariat of the Council. (2009) *European Security Strategy: A Secure Europe in a Better World*. [Online] Available from: https://data.europa.eu/doi/10.2860/1402 (Accessed: 1st March 2024).
3. European Union. (2016) *Shared vision, common action: a stronger Europe: a global strategy for the European Union's foreign and security policy*. [Online] Available from: https://data.europa.eu/doi/10.2871/9875 (Accessed: 1st March 2024).
4. European Union. (2022) *A strategic compass for security and defence*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-1_en (Accessed: 1st March 2024).
5. European Union. (2004) *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament – Towards Enhancing Access to Information by Law Enforcement Agencies (EU Information Policy).* [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2004:0429:FIN (Accessed: 1st March 2024).
6. European Union. (2006) Council of the EU. Council framework decision 2006/960/JHA of 18 December 2006 on simplifying the exchange of information and intelligence between law enforcement authorities of the Member States of the European Union. *Official Journal of the European Union*. L 386. pp. 89–100.
7. European Union. (1992) *Treaty of Maastricht on European Union (Maastricht, 7 February 1992)*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/ treaty-of-maastricht-on-european-union.html (Accessed: 1st March 2024).
8. European Union. (1997) *The Amsterdam Treaty (Amsterdam, 1 May 1997)*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/the-amsterdam-treaty.html (Accessed: 1st March 2024).

9. Pozharov, A.I. & Karyukin, S.A. (2023) Razvedyvatel'nyy i situatsionnyy tsentr Evropeyskogo soyuza v arkhitekture vneshney politiki i politiki bezopasnosti ES [Intelligence and Situation Center of the European Union in the Architecture of the EU Foreign and Security Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 16(4). pp. 91–106.
10. European Union. (2007) *Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community. Signed at Lisbon, 13 December 2007*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (Accessed: 8th January 2024).
11. European Union. (2010) *Council Decision 2010/427/EU of 26 July 2010 establishing the organisation and functioning of the European External Action Service*. OJ. L 201/30. 3.8.2010. r. 1.
12. The European External Action Service. (n.d.) *EAAS – About Us – Structure and organization*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/structure-and-organisation_en (Accessed: 1st March 2024).
13. Davis Cross, M.K. (2013) A European Transgovernmental Intelligence Network and the Role of IntCen. *Perspectives on European Politics and Society*. 14(3). pp. 388–402.
14. Müller-Wille, B. (2004) For Your Eyes Only? Shaping an Intelligence Community within the EU. *Occasional Papers*. 2004. 50. Paris: ISS.
15. European External Action Service. (2015) *EU INTCEN Fact Sheet*.
16. European Union. (2001*) Council Decision 2001/264/EC of 19 March 2001 adopting the Council's security regulations*. OJ. L 101. 11.4.2001. R. 1.
17. Haag, D. & Anaya, C.B. (2011) The first ten years of military Intelligence Support for the work of the EU. *Impetus. Bulletin of the EU Military Staff*. 11. pp. 8–9.
18. The European External Action Service. (n.d.) *EAAS – About Us – Structure and organization*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eeas/structure-and-organisation_en (Accessed: 1st March 2024).
19. European Strategic Intelligence and Security Center. (n.d.) *ESISC – Our mission*. [Online] Available from: https://www.esisc.org/about-us/our-mission (Accessed: 10th February 2024).
20. European Union. (2014) *Council Decision 2014/75/CFSP of 10 February 2014 on the European Union Institute for Security Studies*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014D0075 (Accessed: 27th February 2024).
21. European Union Institute of Security Studies. (n.d.) *EUISS – About us*. [Online] Available from: https://www.iss.europa.eu/about-us (Accessed: 27th February 2024).
22. European Parlament. (2009) *European Parliament (2010c, November 30). Reply to written question E-6003/2009by Martin Ehrenhauser (NI) to the Council. Subject: Work of the European Union Satellite Centre (EUSC)*. [Online] Available from: http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=E-2009-6003&language=EN (Accessed: 10th February 2024).
23. Gruszczak, A. (2016) *Intelligence security in the European Union: building a strategic intelligence community*. London: Palgrave Macmillan.
24. European Space Agency. (2019) *The European Space Agency – About ESA*. [Online] Available from: https://www.esa.int/ESA_Multimedia/Videos/2019/11/This_is_ESA (Accessed: 27th February 2024).
25. Walsh, J.I. (2006) Intelligence-Sharing in the European Union: Institutions Are Not Enough. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 44. pp. 625–643.
26. Steele, R.D. (2008) The Open-Source Program: Missing in Action. *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*. 21(3). pp. 609–619.
27. Intelligence College in Europe. (n.d.) *Intelligence College in Europe – Presentation*. [Online] Available from: https://www.intelligence-college-europe.org/presentation/ (Accessed: 27th February 2024).
28. Mitsilegas, V., Monar J. & Rees, W. (2003) *The European Union and Internal Security: Guardian of the People?* Basingstoke: Palgrave.
29. Bigo, D. (1999) The Landscape of Police Cooperation. In: Bort, E. & Keat, R. (eds) *The Boundaries of Understanding: Essays in Honour of Malcolm Anderson*. University of Edinburgh, International Social Sciences Institute. pp. 59–74.
30. Nomikos, J.M. (2005) A European Union Intelligence Service for Confronting Terrorism. *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*. 18(2). pp. 191–203.
31. European Union. (2004) *Regulation (EU) No 2007/2004 of the European Parliament and of the Council of 26 October 2004 establishing a European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union*. OJ. L 349/1. 25.11.2004.
32. Frontex. (n.d.) *FRONTEX – Tasks & Mission*. [Online] Available from: https://www.frontex.europa.eu/about-frontex/who-we-are/tasks-mission/?etrans=ru (Accessed: 27th February 2024).
33. CEPOL. (n.d.) *CEPOL – Our Mission*. [Online] Available from: https://www.cepol.europa.eu/about/mission-vision-and-values. (Accessed: 27th February 2024).
34. EU-LISA. (n.d.) *EU-LISA – Who we are*. [Online] Available from: https://www.eulisa.europa.eu/ (Accessed: 27th February 2024).
35. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta – International Review of the Red Cross*. (2021) 916–917.
36. Boin, A., Ekengren, M. & Rhinard, M. (2014) *Making sense of sense-making: the EU's role in collecting, analysing, and disseminating information in times of crisis*. Stockholm: Swedish National Defence College.
37. Weller, G.R. (2001) The Internal Modernization of Western Intelligence Agencies. *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*. 14(3). pp. 299–322.
38. Donath, J. (1993) A European Community Intelligence Organization. *Defense Intelligence Journal.* 2(1). pp. 15–33.
39. Mérand, F. (2008) *European Defence Policy: Beyond the Nation State*. Oxford University Press.
40. Adams, G., Ben-Ari, G., Logsdon, J. & Williamson, R. (2004) *Bridging the Gap: European C4ISR Capabilities and Transatlantic Interoperability*. Washington: National Defense University Center for Technology and National Security Policy.

***Сведения об авторах*:**
Горбачев Александр Сергеевич – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: gorbachev5aleksandr@mail.ru
Тимошенко Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 21timoshenko48@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Gorbachev Alexander S. – PhD Student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gorbachev5aleksandr@mail.ru
Timoshenko Alexey G. – PhD of Historical Sciences, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: 21timoshenko48@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.06.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 08.06.2024; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 009; 093
doi: 10.17223/19988613/92/11

«Быть человеком в меняющемся мире»: роль гуманитарных наук в условиях Четвертой промышленной революции на примере РФ

Елена Владимировна Хахалкина

Томский государственный университет, Томск, Россия, ekhakhalkina@mail.ru

Аннотация. Выявляются ключевые составляющие дебатов о будущем гуманитарных наук в России в условиях нового технологического уклада, или Четвертой промышленной революции. Делаются выводы о происходящих глубинных изменениях в самой отрасли гуманитарного знания и актуализации внимания к человеку и человеческому под воздействием современных геополитических, социогуманитарных и технологических угроз, распространения генеративного искусственного интеллекта, вызовов цивилизационного характера и изменений ценностной основы обществ.
Ключевые слова: человек, гуманитарные науки, Четвертая промышленная революция, РФ, искусственный интеллект

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Хахалкина Е.В. «Быть человеком в меняющемся мире»: роль гуманитарных наук в условиях Четвертой промышленной революции на примере РФ // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 87–95. doi: 10.17223/19988613/92/11

Original article

“Being Human in a Changing World”: The Role of the Humanities in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution using the example of the Russian Federation

Elena V. Khakhalkina

Tomsk State University. Tomsk, Russian Federation, ekhakhalkina@mail.ru

Abstract. In the conditions of the Fourth Industrial Revolution, into which different countries of the world are entering unevenly, the question of the future of the humanities has become particularly acute. Humanities in general is under close attention from public, political and scientific expert circles due to growing doubts about its appropriateness in the new technological era and the lack of demand for humanities specialists in a rapidly changing labor market. Indeed, the contribution of humanists to the understanding and development of modern societies is not only unobvious or intangible, but sometimes their effectiveness is extended over time, while the Russian Federation and other states are moving to the implementation of short-cycle scientific policies.

For the Russian Federation, discussions about the future of the humanities are associated with domestic and foreign policy contexts. On the one hand, in the humanities branch of knowledge itself there is a diversity of opinions, an increase in crisis sentiment, and places for applicants to humanities faculties are being reduced. On the other hand, the state’s ambitious plans require maximum impact from science in conjunction with production. The article postulates that it is critically important for the humanities in the current conditions to ask difficult questions about themselves, to rethink their role and functions among other branches of knowledge. One of the solutions is the development of genuine, rather than declarative or ostentatious, interdisciplinary synthesis of methods from different sciences. New research methods need to be developed, including digital tools.

It should be borne in mind that the future of the humanities is closely tied to changes in the higher education system itself and the emergence of the term “University 4.0”. What will the new university model be? Where is the place for the humanities in it? How does technology influence creative processes? These and other questions must be answered by humanists, who play an important role in understanding and managing the changes associated with Industry 4.0 and are able to explain the ethical, social, economic and cultural consequences of technological progress. The Fourth Industrial Revolution leads to changes in people's lifestyles, the emergence of new forms and norms of communication, and interaction between people in the physical and digital worlds. Technological progress threatens to change a person’s way of life beyond recognition, and in the very short term. Therefore, the question posed in the title of the article, “being human in a changing world,” is a super task for the field of humanities.
Keywords: human, Humanities, Fourth Industrial Revolution, Russian Federation, artificial intelligence

© Е.В. Хахалкина, 2024

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of Russia, project No FSWM-2024-0008.

For citation: Khakhalkina, E.V. (2024) “Being Human in a Changing World”: The Role of the Humanities in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution using the example of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 87–95. doi: 10.17223/19988613/92/11

Постановка проблемы

В мае 2023 г. руководитель Отделения гуманитарных наук Оксфорда (Великобритания) Дэн Гримли представил доклад на тему «Ценность гуманитарных наук: понимание карьерных траекторий развития выпускников-гуманитариев Оксфорда» [1]. В отчете были даны качественный и количественный анализ востребованности выпускников факультета и мнения работодателей о их уровне подготовки. Отдельный раздел «Быть человеком в меняющемся мире» посвящен размышлениям о современном вкладе гуманитарных наук в развитие общества и формирование его ценностной основы.

Этот документ можно рассматривать как часть развернувшихся по всему миру дискуссий о будущем высшего образования, включая роль гуманитарного знания в условиях очередного технологического уклада, или Четвертой промышленной революции. Данный термин впервые был озвучен в 2011 г. в ФРГ на Ганноверской ярмарке в качестве характеристики новой стратегии для укрепления конкурентоспособности и дифференциации отраслей Германии и Европейского союза на международных рынках. Кроме того, правительство ФРГ стремилось использовать автоматизированный мониторинг в производственных процессах, чтобы усовершенствовать процессы принятия решений и техническое обслуживание для снижения издержек и повышения рентабельности немецких отраслей.

В 2016 г. была издана вызвавшая огромный отклик по всему миру книга «Четвертая промышленная революция» немецкого экономиста К. Шваба [2]. Название отсылает к трем прежним технологическим укладам: первый был основан на паровой силе (XIX в.), второй – на электричестве (XX в.), третий связан с компьютерным бумом начала 1970-х гг. Во введении к работе автор указывает, что «мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение… и не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [2. С. 8].

Четвертая промышленная революция, или «Индустрия 4.0», носит цифровой характер и объединяет все, что относится к передовой аналитике, связи, автоматизации и прорывным производственным технологиям. Если до 2014 г. в поисковом запросе Гугл «Индустрия 4.0» практически не отображалась, то уже к 2019 г. 68% респондентов глобального опроса консалтинговой компании McKinsey называли ее своим главным стратегическим приоритетом. 70% опрошенных заявили, что их компании уже тестируют или внедряют новые технологии [3].

Именно на фактор скорости и масштабности распространения инноваций делал упор в своей работе К. Шваб, обращая внимание на асинхронность наступления нового уклада в разных странах. В частности, он писал, что «в ожидании второй промышленной революции находится население 17% мировой территории, так как около 1,3 млрд чел. все еще не имеют доступа к электричеству. Примерно половина населения земного шара, или 4 млрд чел., ожидает третью промышленную революцию, поскольку большинство из них живут в развивающихся странах, где нет доступа к сети Интернет» [2. С. 12]. Разновременное вступление стран мира в новую индустриальную эпоху усложняет ее оценку и усиливает воздействие местных условий на скорость восприятия изменений в обществе и их внедрение. Как справедливо отмечают аналитики, «все относительно, и промышленные революции в наши дни являются вопросом ви́дения» [4].

Новый уклад, кроме больших возможностей и выгод, сопряжен с появлением множества проблем, прогнозирование которых на фоне экспоненциальных темпов «Индустрии 4.0» затруднено по сравнению с периодами прежних технологических этапов. Особая проблема – рост имущественного разрыва между странами, возглавившими «Индустрию 4.0», и всеми остальными. В геополитическом контексте эту проблему отражает актуализация дихотомии «Глобальный Север» и «Глобальный Юг» в условиях новой переконфигурации сил на международной арене. Именно неравенство и истощение ресурсов планеты остаются ключевыми проблемами человечества наряду с изменением климата и задачами достижения устойчивого развития [5]. Такое положение дел представляет собой сложный вызов для современных обществ.

Дебаты о состоянии и будущем гуманитарных наук на примере Российской Федерации

Большое воздействие происходящие изменения оказывают на систему высшего образования; появился термин для определения новой модели высшей школы – «Университет 4.0».

Напомним, что первая модель («Университет 1.0») зародилась в Средние века и находилась на службе религии и духовности. В индустриальную эру нового времени развитие получил исследовательский университет, нацеленный на получение технологий и экономический рост («Университет 2.0») [6. С. 116–117]. Следующая модель представляет собой экосистему инноваций, или модель предпринимательского университета («Университет 3.0»).

Предполагается, что в рамках «Университетов 4.0» особую роль будет играть развитие качественно новых технологий с их высоким уровнем проникновения в учебный процесс с целью анализа и решения гло-

бальных проблем. «Индустрия 4.0» означает переход к «экономике знаний» и новой эпохе оцифровки («цифровой экономике»), «умному» созданию сетей производственных систем и взаимосвязанным бизнес-процессам. Поэтому модель нового университета будет социально ориентирована и органично встроена в экосистему общества [7].

Такой акцент в новой модели университета на технологизацию многих процессов порождает предположения о снижении роли и составляющей гуманитарного знания в парадигме образовательного процесса. Эффективность гуманитарных наук и их вклад в развитие общества, востребованность на рынке труда в новых социокультурных, экономических и технологических условиях, запаздывающая рефлексия по многим проблемам современности и отсутствие должной связки с практикой и другими отраслями знания – все эти вопросы уже не первый год вызывают дискуссии по всему миру. В России дебаты о будущем гуманитаристики как соответствуют общемировым процессам, так и отражают национальную специфику. Рассмотрим их ключевые аспекты.

Первый связан с пересмотром прежних подходов к организации науки и роли ученых в реализации научно-технологической политики страны. Продолжение Специальной военной операции, начавшейся в феврале 2022 г., и систематическое ужесточение санкционного нажима на Россию наряду с другими факторами системного и внесистемного свойства привели к обновлению прежней Стратегии, действовавшей с 2016 г.

В Указе Президента РФ от 28 февраля 2024 г. в условиях изменившегося внутри- и внешнеполитического контекста страны, вызовов экономического и технологического характера скорректированы прежние задачи страны. В частности, в п. 28 идет речь о привлечении общества к формированию запросов на результаты исследовательской деятельности, отвечающие национальным интересам Российской Федерации, резком увеличении объема научно-технологической информации, возникновении принципиально новых способов работы с ней и усложнении форм организации. В тексте подчеркивается важность противодействия социокультурным угрозам, терроризму и экстремистской идеологии, деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию, киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства, а также укреплению обороноспособности и национальной безопасности страны в условиях роста гибридных угроз [8].

Особую значимость, исходя из документа, приобретают создание эффективной, целостной и сбалансированной системы стратегического целеполагания, планирования и прогнозирования научно-технологического развития, изменения приоритетов в данной области и на этой базе обеспечение и укрепление основы для реагирования на новые вызовы.

Качественно новым элементом стратегии стал акцент на достижение технологического суверенитета РФ, повышение эффективности расходов на проведение научных исследований и разработок, ответственность ученых и исследовательских коллективов за достижение результатов, значимых для обеспечения независимости и конкурентоспособности государства [8].

Каким образом гуманитарные науки встраиваются в реализацию этого документа? Самый очевидный ответ связан с выработкой гуманитариями ответов на «большие вызовы». Например, в п. 15 среди таковых названа «трансформация миропорядка, сопровождающаяся перестройкой глобальных финансовых, логистических и производственных систем, ростом геополитической и экономической нестабильности, международной конкуренции и конфликтности, системного неравенства на фоне ослабления национальных государственных институтов, снижения уровня и повышения сложности участия в международной кооперации в рамках научной, научно-технической и инновационной деятельности» [8].

Комплексный системный ответ на эти и другие угрозы способны дать именно представители гуманитарной науки. Ответ РФ на информационные и исторические войны, которые развернулись в медийном европейском и мировом поле, требует усиления экспертной составляющей в подготовке гуманитариев. При этом слабо решаемой, во всяком случае в краткосрочной перспективе, выглядит обозначенная в документе проблема усложнения международного научного сотрудничества. Фактическая изоляция российских ученых от контактов с зарубежными коллегами, отъезд из РФ многих специалистов после начала СВО, заморозка крупных международных проектов, сокращение публикаций российских ученых в иностранных индексируемых журналах и другие неблагоприятные для развития российской науки проблемы сохраняют свою актуальность.

Второй фактор связан с ускоренным развитием цифровой экономики, искусственного интеллекта (ИИ) и потребностями ряда государств мира в прорывных научных решениях. Реализация этих задач, на первый взгляд, лежит в поле прикладных исследований и повышения роли технических и естественнонаучных областей знания. Гуманитарии, как правило, не совершают физически осязаемых открытий, их вклад в общественное развитие связан с более тонкими материями, включая осмысление происходящих изменений, влияния новых технологий на человека и его представления о себе, изменение ценностно-мировоззренческой основы обществ и мира в целом.

Как следствие, возникает ситуация осмысления информационно-коммуникационных трансформаций современного мира и приоритетов научно-технологического развития «*вне их гуманитарной компоненты*, в сфере интересов которой и находится формирование нового мышления, новых моделей поведения и деятельности, новых способов управления, а главное – нового типа личности» [9. С. 23].

Другая проблема характеризуется опасениями, что ИИ может заменить критическое мышление и человеческое участие в ряде задач, связанных с интерпретацией и анализом информации, ее переработкой и формулированием новых смыслов и стратегий развития. Для гуманитарной науки, нацеленной в первую очередь на получение знаний «о собственно человеческом

в человеке» [10. С. 46], это серьезный сущностный вызов.

Распространение нейросетей, автоматизация все большего количества задач уже привели к сокращению рабочих мест, замещению человека в ряде отраслей. Согласно исследованиям международной консалтинговой компании McKinsey, к 2030 г. до 800 млн рабочих мест по всему миру будет подвержено риску автоматизации. Это составляет около 50% всей мировой рабочей силы. Международный валютный фонд (МВФ) утверждает, что 40% глобальной занятости, включая как низко-, так и высококвалифицированные рабочие места, фактически подвержено воздействию искусственного интеллекта» [11].

Так ли велика глобальная угроза потери рабочих мест из-за распространения ИИ? Возможно ли заменить человека в гуманитарных сферах? Преподавателей в университете? Ученых в науке? В других сферах деятельности? Пока сложно дать однозначный ответ на эти вопросы. Например, появление генеративной модели ChatGPT, которая способна в сверхбыстрые сроки обрабатывать большие объемы информации, формулировать ответы на любые запросы, писать тексты по самым разнообразным тематикам, казалось бы, создает серьезную конкуренцию гуманитариям. Отчасти это подтвердила имевшая широкий общественный резонанс история о студенте из РГГУ, защитившем написанную с помощью чат-бота дипломную работу [12].

В реальности возможности ChatGPT и схожих моделей имеют серьезные недостатки, среди которых трудности с пониманием и интерпретацией нетекстовых форм информации, в отдельных случаях неточность представляемой пользователю информации, предвзятость и идеологическая направленность некоторых ответов и др. Как отмечают эксперты, если в начале 2023 г. появление ChatGPT было «предметом обширных дебатов о возможном влиянии искусственного интеллекта на культуру, то к концу лета энтузиазм заметно утих». Тем не менее само обсуждение на разных уровнях, окрашенное беспокойством о чрезмерном вторжении ИИ в разные сферы жизни человека, «просигнализировала о чем-то, что, вероятно, связано не с технологией как таковой, а с тем, как она раскрывает неявные детали механизма организации нашей культуры» [13].

Впрочем, использование вычислительных методов и цифровых технологий для нужд гуманитарных наук не является чем-то новым; с начала 2000-х гг. активно развивается цифровая гуманитаристика (digital humanities). Эта область исследований включает в себя цифровую архивацию, создание баз данных и разработку интерактивных визуализаций. Специалисты считают, что само по себе выделение этого направления в отдельную сферу, «пересекающую границы дисциплин, является во многом парадоксальным» [14. С. 115]. Практика же показывает рост новых дисциплин на стыке социогуманитарных, технических и естественнонаучных отраслей знаний; деление на «физиков» и «лириков» становится все более условным. Появляются такие научные направления, например, как гуманитарно-ориентированное проектирование, вычислительная лингвистика, культурная аналитика, промышленная микробиология, этика ИИ и многое другое [15]. Происходит возрастающая зависимость «информационных практик человека от технологий», при которой «технологии становятся не просто инструментом создания цифрового объекта или платформой, на которой он хранится. В некотором смысле технологии выступают в качестве “соавторов”» [16. С. 158].

Третий фактор объясняется ставшим перманентным чувством «кризиса отечественной науки» (или уже – гуманитарной науки) у некоторых представителей сферы, помноженным на фиксируемый в разных странах мира «кризис человеческого капитала».

К проявлениям кризисного состояния гуманитарной науки в РФ относят отказ некоторых университетов от гуманитарных дисциплин и факультетов, постоянное реформирование науки и образования, низкий авторитет в обществе у представителей гуманитарных дисциплин, скептическое отношение общества к гуманитариям и результатам их деятельности.

Например, в 2015–2018 гг. доля степеней бакалавров, магистров и докторов наук, присуждаемых в гуманитарных областях, упала в среднем на 5, 11 и 9% соответственно в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В США доля студентов, изучающих гуманитарные науки, упала на 30% в 2005–2020 гг., в Великобритании в 2021 г. правительство объявило о намерении сократить финансирование степеней в области искусств, социальных и гуманитарных наук, которые оно теперь считает «низкоценными» [17].

Ситуация в РФ соответствует общемировому тренду. Например, в 2017 г. в России отмечалось сокращение вдвое числа бюджетных мест на такие дисциплины, как социология, политология, философия, история, культурология и др. [18]. После начала СВО в феврале 2022 г. стало увеличиваться количество мест на инженерных направлениях и IT-специальностях. Согласно прогнозам, в 2024–2025 гг. эта тенденция усилится: в крупнейших технических вузах РФ увеличены контрольные цифры приема абитуриентов [19].

Впрочем, далеко не все эксперты разделяют представления о кризисе гуманитарной науки в РФ. Некоторые исследователи справедливо указывают, что «всякая эпоха представала перед современниками-интеллектуалами как кризисная. Бывает так, что кризис не столько в самом мире, сколько в нашем понимании, а точнее, непонимании этого мира» [20. С. 89]. Ректор Томского госуниверситета Э.В. Галажинский, например, считает, что «сами ученые-гуманитарии уже настолько привыкли к кризисному состоянию своей сферы научной деятельности, что считают его образом жизни. А некоторые из них убеждены, что социально-гуманитарное знание вообще не может существовать без кризиса, который постоянно описывается самим же этим знанием» [21. С. 121]. Будучи историком по образованию, он объясняет эту ситуацию большей развитостью критического мышления у представителей «соцгума», которые «чаще и глубже рефлексируют над общей ситуацией в своей научной отрасли, нежели представители естественных и точных наук» [21. С. 121].

Большую роль в ощущении «кризиса» гуманитарной науки играют глубинные изменения, которые произошли с самой отраслью гуманитарного знания. Зародившись в Средние века в формате Семи свободных искусств, гуманитарные науки были направлена на изучение человека, общества и культуры (от лат. Humanus – человеческий, homo – человек; studia humanitatis – изучение человечества). Постепенно с течением времени в спектр внимания гуманитарных наук включались все новые направления, связанные с человеком как напрямую, так и опосредовано. Нужно также учитывать, что «гуманитаристика не так безобидна и теоретична, как порой представляется, и далеко не всегда гуманна» [20. С. 91]. Многие войны и революции в истории зиждились на интеллектуальных учениях общественных и политических деятелей, на «благих» побуждениях, идеях прогресса и справедливости. Поэтому для понимания сути «кризиса» гуманитарной науки нужно сначала серьезно разобраться с активно происходящими процессами внутри этой отрасли знания, изменениями логики и особенностей производства нового знания, изменившимся запросом общества и государства к гуманитариям.

Автор книги «Будущее гуманитарных наук» М. Эпштейн считает, что нужно «обратить внимание на самих себя и подумать, может быть, дело в самих гуманитарных науках, которые отвернулись от общества. Замкнувшись на себе, они оказались настолько оторваны от своего предмета, как если бы ботаника оказалась без садоводства» [22]. М. Эпштейн считает, что гуманитарным наукам «необходимо обзавестись собственными механизмами воздействия на культуру, нужно выработать практические трансформативные надстройки, которые установят связь между наукой и ее предметом, какие есть у социальных и естественных сфер знания. Такими трансформативными практиками должны стать так называемые гуманитарные технологии» [22].

Заметим, что о кризисе гуманитарных наук активно пишут и говорят во всем мире [23–25]. Если посмотреть на ситуацию комплексно, то можно признать правоту тех исследователей, которые считают, что кризис внутри гуманитарной науки есть отражение кризисных проявлений в обществе и «упадка человечества», что проявляется в господстве чувств над разумом, доминировании культа потребительства и снижении интереса к «вещам интеллектуальным». При этом отмечается, что гуманитарии «причастны» к сложившейся ситуации, оторвавшись от общества [25].

Еще одна сторона рассматриваемой проблемы связана с так называемым кризисом человеческого капитала. Речь идет о выявленной путем разного рода исследований закономерности, что высокий уровень образования не ведет автоматически к росту экономики и благосостояния страны. Это особенно заметно на примере РФ. Соответственно, на повестке дня – задача оптимального использования полученных выпускниками при обучении на разных уровнях подготовки навыков, их постоянного обновления и совершенствования в соответствии с быстро меняющимися требованиями времени [26].

Четвертый фактор связан с востребованностью гуманитариев на рынке труда. Процессы цифровизации вызывают тревогу у будущих абитуриентов и их родителей. Гуманитарные дисциплины воспринимаются как оторванные от новой технологической эры (несмотря на появление таких направлений, уже названных выше, как цифровая гуманитаристика и др.) и вызывают скепсис в отношении их востребованности быстро меняющимся рынком рабочей силы. На уровне общественных настроений в РФ (хотя проблема носит общемировой характер) «существует тенденция предвзято воспринимать все гуманитарное» и считать, что гуманитарий вряд ли «хорошо устроится в жизни» [15. С. 91].

Влияние рыночного фактора имеет разные проявления. Одно из них связано с наличием возможностей найти работу с достойной оплатой труда и в соответствии с профилем. Например, в уже упомянутом Отчете Оксфордского университета признается, что дипломы в области искусств и гуманитарных наук все чаще подвергаются критике за неспособность предоставить студентам знания и навыки, которые ценятся на рынке труда, и невозможность обеспечить выпускникам адекватную финансовую отдачу от их инвестиций в образование. Однако проведенное исследование показало обратное: выпускники Оксфордского гуманитарного факультета (разумеется, сделаем поправку на то, что Оксфорд – один из самых престижных университетов в мире) способны успешно и гибко ориентироваться на рынке труда и находить высокооплачиваемую работу [1].

Другая составляющая дискуссий связана с производством знаний, востребованных рынком труда. Здесь ситуация заметно сложнее. Эксперты уже давно бьют тревогу о том, что генерирование знаний в современных условиях грантовой системы начинает носить конъюнктурный характер. Нередки ситуации, когда исследователь для получения гранта начинает заниматься тематикой, так или иначе приближенной к задачам текущего дня, снижая внимание к фундаментальным, классическим темам. Как следствие, такие попытки соответствия конъюнктурным запросам приводят к «коммодификации» академических практик и сдерживанию «инноваций, пассивному и инструментальному отношению к исследованиям и обучению [27. P. 27]. Как известно, многие разрабки гуманитарных наук могут оказаться востребованными даже не в средне-, а только в долгосрочной перспективе. Переход же российской (и шире – мировой) научной политики к коротким циклам в условиях Четвертой промышленной революции вынуждает формулировать запрос на быструю отдачу от разных отраслей знания, включая «соцгум».

Как реакция на эти процессы появился термин **«технонаука»**, означающий «особый феномен, отличающийся востребованностью научного познания при создании новых технологий» [28. С. 79]. Закономерно появляются вопросы: должны ли гуманитарии продвигать и продавать свой продукт, «лоббировать собственные интересы в коридорах власти» и «насколько приемлема рыночная терминология и прагматичный

подход, диктуемый логикой социально-экономических реалий?» [15. С. 91]. Ответы на эти вопросы могут быть разными. Авторы, которые сами их формулируют, отвечают положительно, и объективно к умению гуманитариями продвигать свой продукт подталкивает логика модели «Университета 4.0», ориентированная в большей степени, чем прежде, на связь научных разработок и развития предприятий [15. С. 94].

Пятый фактор связан с «возвращением» гуманитарных наук к человеку и актуализацией категории идентичности. Активное внедрение генеративного ИИ в повседневную жизнь людей и во все сферы жизни общества, включая образование и науку, ставит вопросы о будущем природы человека и его «присутствии» в новом технологическом укладе. В Евросоюзе, например, оценили концепцию «Индустрии 4.0» как лишенную человека, или «холодную», и стали оперировать термином «Индустрия 5.0». В рамках подхода «люди прежде всего» в «уравнение возвращаются человеческие, социальные и экологические аспекты», связанные с взаимодействием человека и машины, человекоориентированными решениями в автоматике и др. [4].

Поиски новых понятий для описания происходящих изменений отражают сложное встраивание генеративного искусственного интеллекта в существующие формы социального и культурного взаимодействия, углубление разрыва между поколениями, их мировоззренческими и ценностными системами, столкновение государств и разных «культурных кодов» в современном противостоянии «Севера» и «Юга», России и коллективного Запада. На повестке дня вопросы о том, как воспринимают и анализируют окружающий мир «цифровые» поколения, какие ценности и смыслы они уже воспроизводят и будут воспроизводить, в том числе через управление ИИ. Кто и по каким лекалам контролирует, управляет и обучает нейросети? Какие этические нормы и кем закладываются в деятельность нейросетей? Перечень вопросов можно продолжать. Причем это вопросы не сегодняшнего дня: российские исследователи уже обращали внимание на эти моменты, постулируя тезис о существенном изменении ценностных норм общества под влиянием технологических изменений [29. С. 62]. По сути, речь идет о том, насколько в качественно новых технологических условиях человек воспринимает сам себя, свою самоценность, миссию в мире.

Именно сфера гуманитарных наук способна и должна дать ответы на эти вопросы, а также снабдить соответствующим инструментарием для определения человеком себя и своего места в мире. Это обстоятельство выступает дополнительным аргументом в пользу востребованности социально-гуманитарного знания, его экспертного и общественно-практического потенциала.

Еще одним проявлением Четвертой промышленной революции или цифровой эпохи стала актуализация проблемы идентичности. Вопрос «Кто я есть?» в современном, характеризующимся сверхсложностью мире приобрел особое звучание. Человек находится в состоянии постоянного самоопределения в условиях усложнения маркеров и уровней самоидентификации – гендерных, гражданских, этнических, религиозных и др. Поэтому особого внимания требует обращение к природе человека как «общефилософской онтологической проблеме», ее изменяемым и неизменяемым составляющим в условиях новой технологической эры [30. С. 9].

Давление информационной среды и беспрецедентное развитие нейросетей вызывают у людей растерянность и беспокойство, потерю или даже кризис идентичности, что напрямую связано с происходящими в мире геополитическими сдвигами и ускорением технологических изменений. Большое значение приобретает цивилизационное измерение. Американский социолог С. Хантингтон в своем знаменитом эссе «Столкновение цивилизаций» обращал внимание, что «идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной… Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями» [31]. Среди причин он называл глубинные различия между цивилизациями, размывание традиционной идентификации людей с местом жительства в условиях процессов экономической модернизации и социальных изменений, столкновение Запада «с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик» [31]. Хантингтон считал, что если в классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: «На чьей ты стороне?» – и человек мог выбирать… и менять раз избранные позиции, то в конфликте цивилизаций вопрос ставится иначе: «Кто ты такой?» Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям» [31].

Идеи американского социолога, высказанные им в 1990-х гг., вновь стали актуальны более четверти века спустя. Цивилизационные факторы на фоне усиления имущественной дифференциации в мире и актуализации дихотомии «Глобальный Север» и «Глобальный Юг» начинают выступать важнейшим строительным материалом для формирования индивидуальной и коллективной идентичности. Вопрос «о культурах, цивилизациях и ценностях» попал «в одну из самых незащищенных и болезненных зон общественного сознания», подтвердив, что «все мы сейчас живем в период очередного лобового столкновения разных культур и цивилизаций» [21. С. 119]. Особую чувствительность многих людей к этим вопросам можно объяснить их интуитивным стремлением затормозить происходящие изменения, сложно подлежащие в силу своей многомерности осмыслению и принятию. Как прогнозируют эксперты, технологический прогресс угрожает «до неузнаваемости изменить образ жизни человека» [32. С. 17], причем в самой краткосрочной перспективе. Поэтому вопрос, вынесенный в название статьи – «Быть человеком в меняющемся мире», выступает сверхзадачей для сферы гуманитаристики.

Заключение

Как видно, дебаты о гуманитарных науках, их роли в настоящем и будущем характеризуются вниманием экспертно-академического сообщества как к проблемам внутри этой отрасли знаний, так и за ее пределами, влияющими на нее прямо или опосредовано. К вопро-

сам внутреннего порядка относятся: поиск здорового баланса между давлением рыночных механизмов и развитием фундаментальной науки, синтез подходов с другими отраслями знаний, выработка новых, адекватных духу времени теорий и методик для познания окружающего мира, включая его цифровую составляющую. К вопросам внешнего порядка относится понимание гуманитарной отраслью своего места среди других в условиях давления технологической среды, роста геополитического напряжения, выхода на первый план в мировой политике цивилизационных разломов и актуализации индивидуальной и коллективной идентификации человека. Хотя современный сверхскоростной ритм жизни оставляет мало времени для осмысления и тем более прогнозирования изменений, которые происходят с человеком и человечеством, именно представители «соцгума» могут ослабить усиливающийся крен в сторону технократичности общества, его обезличивания. Поэтому говорить о снижении роли гуманитариев и гуманитарных наук в цифровую эпоху не только явно преждевременно; скорее, наоборот, разворачивается борьба за человека и человеческое.

Список источников

1. The Value of the Humanities: Understanding the Career Destinations of Oxford Humanities Graduates // Humanities Division. URL: https://www.humanities.ox.ac.uk/sitefiles/oxford-u-value-of-humanities-report.pdf
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., Эксмо, 2018. 285 с.
3. What are Industry 4.0, the Fourth Industrial Revolution, and 4IR? // Mckinsey. 2022. URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-are-industry-4-0-the-fourth-industrial-revolution-and-4ir
4. Industry 5.0 – the essence and reasons why it gets more attention // I-scoop. URL: https://www.i-scoop.eu/industry-4-0/industry-5-0/
5. Morrar R., Arman H., Mousa S. The Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0): A Social Innovation Perspective // Technology Innovation Management Review. 2017. № 7 (11). P. 12–20. doi: 10.22215/timreview/1117 URL: https://timreview.ca/article/1117
6. Воинова А.А. От модели «Университета 1.0» к модели «Университета 3.0»: смена образовательной парадигмы // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73-7. С. 114–118. doi: 10.18411/lj-05-2021-285
7. Gorina L., Polyakova E. University 4.0 within the context of the sustainable development of higher education. E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 250. Art. 04002. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/26/e3sconf_tresp2021_04002.pdf
8. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 // Гарант.ру : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/
9. Воробьева О.В. О проблемах и перспективах развития гуманитарных наук и гуманитарного образования в России // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 11. С. 22–33.
10. Замараева Е.И. Проблемы гуманитарного знания в эпоху тотальной цифровизации. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 45–50. doi: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-45-50
11. Medet H.İ., Mehdiyev N. Негативные последствия искусственного интеллекта могут привести к росту социальных волнений // AA. 2024. 18 марта. URL: https://www.aa.com.tr/ru/наука-и-технология/негативные-последствия-искусственного-интеллекта-могут-привести-к-росту-социальных-волнений/3167728#
12. Российский студент защитил диплом, написанный нейросетью ChatGPT за сутки // Альфа Банк. 2023. 1 февр. URL: https://officelife.media/news/40370-rossiyskiy-student-zashchitil-diplom-napisannyy-neyrosetyu-chat-gpt-za-sutki/
13. Голубинская А.В. Что бы сделал Роберт Мёртон, если бы у него был ChatGPT? // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 112–124. doi: 10.17223/2312461X/43/8
14. Степанчук Ю.А. Гуманитарное знание между цифрой и смыслом: к вопросу о роли гуманитарных наук в цифровом обществе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 1 (195). С. 112–119.
15. Аргамакова А.А. Насколько гуманитаристика может быть социально полезной // Философские науки. 2016. № 8. С. 91–99.
16. Рожнева Ж.А., Осташова Е.А. Настоящее и будущее персональных цифровых архивов как исторических источников сквозь призму исследовательской литературы // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 157–164. doi: 10.17223/19988613/62/18
17. Goldstein B. Decline of the Humanities: Where Does It STEM from? // Cornell University Library. URL: https://journals.library.cornell.edu/index.php/tcd/article/view/635/612
18. Хандукян А. Тайная власть гуманитариев // Независимое военное обозрение. 2019. 15 мая. URL: https://nvo.ng.ru/vision/2019-05-15/8_7573_edu3.html
19. Майер А. Технические вузы продолжают увеличивать количество бюджетных мест // Ведомости. 2024. 24 янв. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/01/24/1016438-tehnicheskie-vuzi-prodolzhayut-uvelichivat-kolichestvo-byudzhetnih-mest
20. Жукоцкая А.В. Размышления о современной гуманитаристике // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. 2021. № 1 (41). С. 89–99.
21. Галажинский Э.В. Беседы о сложном. Управленческие практики и рефлексии. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2023. 198 с.
22. Михаил Эпштейн рассказал про времена кризиса и обновления в гуманитарных науках // РГГУ. 2013. 10 апр. URL: https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=92410
23. Frodeman R., Mitcham C., Pielke R. Jr. Humanities for Policy and a Policy for Humanities. // Perspectives: Issues in Science and Technology. 2003. № 20 (1). P. 29–32.
24. Deneen P.J. Science and the Decline of the Liberal Arts. // The New Atlantis. 2010. № 26. P. 60–68.
25. Ikpe I.B. The Decline of the Humanities and the Decline of Society. // Theoria: A Journal of Social and Political Theory. 2015. № 62 (142). P. 50–66.
26. Кузнецова Т., Нархова А. Проблематика развития человеческого капитала в исследованиях ОЭСР // Высшая школа экономики. Центр компетенций по взаимодействию с международными организациями. URL: https://globalcentre.hse.ru/nletter6.1
27. Reshaping the University. New Relationships between Research, Scholarship and Teaching / ed. by R. Barnett. New York : Open University Press, 2005. 215 p.
28. Федорова М.В. Кризис гуманитаристики и современные образовательные технологии в преподавании гуманитарных дисциплин // Естественно-гуманитарные исследования. 2018. № 2 (20). С. 77–84.
29. Захарова У.С., Можаева Г.В., Можаева П.Н. и др. Digital Humanities: гуманитарные науки в цифровую эпоху. Томск : Том. гос. ун-т, 2016. 120 с.
30. Зеленцова М.Г. Кризис социально-гуманитарных наук как философская проблема// Вестник Гуманитарного института. 2020. № 1. С. 5–10.
31. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. 1996 // Высшая школа экономики. Факультет мировой экономики и мировой политики URL: https://we.hse.ru/data/2018/03/02/1165810316/Khantington_S_Stolknovenie_tsivilizatsiy_i_preobrazovanie_mirovogo_poryadka.pdf

32. Гуторович О.В. Четвертая промышленная революция и ее возможные последствия // Дискурс. 2018. № 4 (6). С. 11–17. doi: 10.32603/2412-8562-2018-4-6-11-17

References

1. The United Kingdom. (n.d.) *The Value of the Humanities: Understanding the Career Destinations of Oxford Humanities Graduates*. [Online] Available from: https://www.humanities.ox.ac.uk/sitefiles/oxford-u-value-of-humanities-report.pdf
2. Schwab, K. (2018) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
3. Mckinsey. (2022) *What are Industry 4.0, the Fourth Industrial Revolution, and 4IR?* [Online] Available from: https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-are-industry-4-0-the-fourth-industrial-revolution-and-4ir
4. I-scoop. (n.d.) *Industry 5.0 – the essence and reasons why it gets more attention*. [Online] Available from: https://www.i-scoop.eu/industry-4-0/industry-5-0/
5. Morrar, R., Arman, H. & Mousa, S. (2017) The Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0): A Social Innovation Perspective. *Technology Innovation Management Review*. 7(11). pp. 12–20. doi: 10.22215/timreview/1117
6. Voinova, A.A. (2021) Ot modeli “Universiteta 1.0” k modeli “Universiteta 3.0”: smena obrazovatel'noy paradigmy [From the “University 1.0” model to the “University 3.0” model: A change in the educational paradigm]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 73-7. pp. 114–118. doi: 10.18411/lj-05-2021-285
7. Gorina, L. & Polyakova, E. (2-21) University 4.0 within the context of the sustainable development of higher education. In: *E3S Web of Conferences*. Vol. 250. Art. 04002. [Online] Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/26/e3sconf_tresp2021_04002.pdf
8. Russian Federation. (2024) *O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 28.02.2024 № 145* [On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree No. 145 of the President of the Russian Federation of February 28, 2024]. [Online] Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/
9. Vorobieva, O.V. (2019) O problemakh i perspektivakh razvitiya gumanitarnykh nauk i gumanitarnogo obrazovaniya v Rossii [On the problems and prospects of development of the humanities and humanitarian education in Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 28(11). pp. 22–33.
10. Zamaraeva, E.I. (2022) Problemy gumanitarnogo znaniya v epokhu total'noy tsifrovizatsii [Problems of humanitarian knowledge in the era of total digitalization]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 12(4). pp. 45–50. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-45-50
11. Medet, H.İ. & Mehdiev, N. (2024) Negativnye posledstviya iskusstvennogo intellekta mogut privesti k rostu sotsial'nykh volneniy [Negative consequences of artificial intelligence can lead to an increase in social unrest]. *AA*. 18th March. [Online] Available from: https://www.aa.com.tr/ru/nauka-i-tekhnologiya/negativnye-posledstviya-iskusstvennogo-intellekta-mogut-privesti-k-rostu-sotsial'nykh-volneniy/3167728#
12. *Al'fa Bank*. (2023) Rossiyskiy student zashchitil diplom, napisannyy neyroset'yu ShatGPT za sutki [Russian student defended diploma written by the ChatGPT neural network in 24 hours]. 1st February. [Online] Available from: https://officelife.media/ news/40370-rossiyskiy-student-zashchitil-diplom-napisannyy-neyrosetyu-chat-gpt-za-sutki/
13. Golubinskaya, A.V. (2024) Chto by sdelal Robert Merton, esli by u nego byl ChatGPT? [What Would Robert Merton Do, if he had ChatGPT?]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1. pp. 112–124. DOI: 10.17223/2312461X/43/8
14. Stepanchuk, Yu.A. (2020) Gumanitarnoe znanie mezhdu tsifroy i smyslom: k voprosu o roli gumanitarnykh nauk v tsifrovom obshchestve [Humanitarian knowledge between numbers and meaning: On the role of Humanities in the digital society]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 26/1(195). pp. 112–119.
15. Argamakova, A.A. (2016) Naskol'ko gumanitaristika mozhet byt' sotsial'no poleznoy [To what extent can humanities be socially useful]. *Filosofskie nauki*. 8. pp. 91–99.
16. Rozhneva, Zh.A. & Ostashova, E.A. (2019) The past and the present of personal digital archives and historical primary sources from the perspective of research literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 62. pp. 157–164. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/62/18
17. Goldstein, B. (n.d.) *Decline of the Humanities: Where Does It STEM from?* [Online] Available from: https://journals.library.cornell.edu/index.php/tcd/article/view/635/612
18. Khandukyan, A. (2019) Taynaya vlast' gumanitariev [The Secret Power of Humanitarians]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 15th May. [Online] Available from: https://nvo.ng.ru/vision/2019-05-15/8_7573_edu3.html
19. Mayer, A. (2024) Tekhnicheskie vuzy prodolzhayut uvelichivat' kolichestvo byudzhetnykh mest [Technical universities continue to increase the number of budget places]. *Vedomosti*. 24th January. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/01/24/1016438-tehnicheskie-vuzi-prodolzhayut-uvelichivat-kolichestvo-byudzhetnih-mest
20. Zhukotskaya, A.V. (2021) Razmyshleniya o sovremennoy gumanitaristike [Reflections on contemporary humanities]. *Vestnik MGPU. Ser. Istoricheskie nauki*. 1(41). pp. 89–99.
21. Galazhinskiy, E.V. (2023) *Besedy o slozhnom. Upravlencheskie praktiki i refleksii* [Conversations about the Complex. Management Practices and Reflections]. Tomsk: Tomsk State University.
22. *RGGU*. (2013) Mikhail Epshteyn rasskazal pro vremena krizisa i obnovleniya v gumanitarnykh naukakh [Mikhail Epshtein spoke about the times of crisis and renewal in the Humanities]. 10th April. [Online] Available from: https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=92410
23. Frodeman, R., Mitcham, C. & Pielke, R. Jr. (2003) Humanities for Policy and a Policy for Humanities. *Perspectives: Issues in Science and Technology*. 20(1). pp. 29–32.
24. Deneen, P.J. (2010) Science and the Decline of the Liberal Arts. *The New Atlantis*. 26. pp. 60–68.
25. Ikpe, I.B. (2015) The Decline of the Humanities and the Decline of Society. *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*. 62(142). pp. 50–66.
26. Kuznetsova, T. & Narkhova, A. (n.d.) *Problematika razvitiya chelovecheskogo kapitala v issledovaniyakh OESR* [Problems of development of human capital in OECD research]. [Online] Available from: https://globalcentre.hse.ru/nletter6.1
27. Barnett, R. (ed.) (2005) *Reshaping the University. New Relationships between Research, Scholarship and Teaching*. New York: Open University Press.
28. Fedorova, M.V. (2018) Krizis gumanitaristiki i sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v prepodavanii gumanitarnykh distsiplin [The Crisis of Humanities and Modern Educational Technologies in Teaching Humanities]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 2(20). pp. 77–84.
29. Zakharova, U.S., Mozhaeva, G.V., Mozhaeva, P.N. et al. (2016) *Digital Humanities: gumanitarnye nauki v tsifrovuyu epokhu* [Digital Humanities: Humanities in the Digital Age]. Tomsk: Tomsk State University.
30. Zelentsova, M.G. (2020) Krizis sotsial'no-gumanitarnykh nauk kak filosofskaya problema [The crisis of Social Studies and Humanities as a philosophical problem]. *Vestnik Gumanitarnogo instituta*. 1. pp. 5–10.
31. Huntington, S. (1996) *Stolknovenie tsivilizatsiy i preobrazovanie mirovogo poryadka* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. [Online] Available from: https://we.hse.ru/data/2018/03/02/1165810316/Khantington_S_Stolknovenie_tsivilizatsiy_i_preobrazovanie_mirovogo_poryadka.pdf
32. Gutorovich, O.V. (2018) Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya i ee vozmozhnye posledstviya [The Fourth Industrial Revolution and its possible consequences]. *Diskurs*. 4(6). pp. 11–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2018-4-6-11-17

***Сведения об авторе*:**
Хахалкина Елена Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, профессор факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khakhalkina Elena V. – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Problem Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia, Professor at the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 21.06.2024; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 93/94; 303.446.4
doi: 10.17223/19988613/92/12

Китайские и индийские подходы к регионализму на рубеже XXI в.: эволюция и особенности

Ли Цимоу[1], Евгений Владимирович Савкович[2], У Яньбинь[3]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[3] Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
[1] liqimou@mail.ru
[2] holly@ngs.ru
[3] yanbinwu@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – определение особенностей китайского и индийского подходов к регионализму, поиску путей для развития регионального сотрудничества. Проанализированы научные статьи китайских и индийских ученых, официальные заявления и газетный публикации. Рассмотрены основные этапы формирования и развития регионализма в Китае и Индии начиная с 1990-х гг. Определены основы региональных отношений двух растущих держав. Разработана теоретическая модель использования растущими державами региональных институтов. Показаны общие черты и особенности китайского и индийского регионализма.
Ключевые слова: Китай, Индия, регионализм, региональные организации, сотрудничество, институциональная основа

Для цитирования: Ли Цимоу, Савкович Е.В., У Яньбинь. Китайские и индийские подходы к регионализму на рубеже XXI в.: эволюция и особенности // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 96–105. doi: 10.17223/19988613/92/12

Original article

Chinese and Indian approaches to regionalism at the turn of the 21st century: evolution and characteristics

Li Qimou[1], Yevgeni V. Savkovich[2], Wu Yanbin[3]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[3] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
[1] liqimou@mail.ru
[2] holly@ngs.ru
[3] yanbinwu@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify the peculiarities of Chinese and Indian approaches to regionalism and search for ways to develop their regional cooperation. The geographical scope of the study in this paper is restricted to the common neighborhood of India and China, including Central Asia, South Asia and Southeast Asia.

The study was based on the analysis of academic articles by Chinese and Indian scholars, official statements, newspapers, such as The Economic Times and The Indian Express, as well as the materials from the Ministry of Foreign Affairs of PRC and the Ministry of External Affairs of India.

This article examines the main stages of formation and development of regionalism in China and India and identifies the foundations of regional relations between the two rising powers. China's and India's regionalism has flourished since the 1990s, with both sides actively participating in or leading the construction of a number of regional institutions in their common neighborhood. The regional institutions led by China and India share the common characteristics of the Plus formula and overlapping membership.

This article also presents a theoretical model of a regional game between two rising powers using regional institutions in their common neighborhood. It shows that both China and India used the strategy of "participation" in the other party's institutions and strategy "exclusion" to exclude the other party from its own institutions, with only China using the strategy of "inclusion" to include the other party in its own institutions and India using the strategy of "boycotting" to boycott the other party's institutions.

The authors conclude that the India's approach to regionalism can be called "exclusive", as it does not involve engagement with countries outside the notional Indian Ocean or South Asian region, while the Chinese model of regionalism can be called "engaging" or "inclusive", as China emphasizes the creation and development of multilateral institutional mechanisms. In addition, the analysis suggests that India's interest in China's proposed regional institutions is limited.

© Ли Цимоу, Е.В. Савкович, У Яньбинь, 2024

Keywords: China, India, regionalism, regional organizations, cooperation, institutional framework

For citation: Li Qimou, Savkovich Y.V., Wu Yanbin (2024) Chinese and Indian approaches to regionalism at the turn of the 21st century: evolution and characteristics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 96–105. doi: 10.17223/19988613/92/12

Введение

В последние годы усиливается интерес к созданию разнообразных форм регионализма и регионального сотрудничества со стороны ряда растущих держав «глобального Юга», таких как Бразилия, Индия, Китай или ЮАР, все чаще выступающих в роли центров притяжения формируемых ими регионов [1. С. 2]. В широком смысле регионализм – это обобщающий термин, обозначающий международное сотрудничество или развитие интеграции в той или иной степени в конкретном регионе. С точки зрения практики применения регионализм – это политические меры и механизмы, с помощью которых страна продвигает сотрудничество и интеграцию в конкретном регионе в соответствии со своими долгосрочными стратегическими интересами [1. С. 6]. Регионализм в Азии, в отличие от традиционного регионализма в Европейском союзе, является открытым и слабо институциональным. В Азии создание и развитие многосторонних институтов должно считаться нормой, при этом региональное сотрудничество тяготеет к формированию неформальных институтов, а основной его целью является установление общей основы для сотрудничества [2].

Большое количество исследователей сходятся во мнении, что в Китае и Индии выработаны своеобразные варианты регионализма, во многом определяющие региональную политику этих стран [3–7]. Согласно норме Людвига Витгенштейна (Ludwig Wittgenstein) о семейном сходстве (the family resemblance norm), региональные инициативы под руководством Китая можно рассматривать как форму регионализма, характеризующуюся китайским лидерством, моделью «+ 1», функциональными и проблемно-ориентированными стратегиями, а также институциональной гибридностью [6. P. 80]. Соответственно, регионализм Китая может быть представлен как «конкурентный мультилатерализм 2.0», практической стороной которого является развитие инициативы «Пояс и путь». Регионализм Индии, с другой стороны, отражается в таких региональных инициативах и концепциях, как «Соседство прежде всего» (Neighborhood First), «Действуй на Востоке» (Act East) и ряде других. Оба варианта регионализма являются в достаточной мере «гибкими», изменяясь на разных этапах в зависимости от внутренней и внешней ситуации, и служат нормативной базой для создания региональных институтов и участия в их деятельности.

Современная ситуация, а именно переход от глобализации к деглобализации или даже глокализации, заставляет растущие державы уделять больше внимания региональной политике, созданию и развитию системы управления посредством институционализации, что также позволяет им отстаивать собственные интересы в регионе. По мере расширения стратегических интересов Индии в Южной Азии и за ее пределами (так называемое «расширенное соседство») она оказывается в прямой геополитической конкуренции с Китаем, чьи интересы и влияние в этих регионах стремительно растут в течение последних десятилетий [7. P. 148]. В связи с этим закономерно, что индийские подходы к регионализму неизбежно будут конкурентны китайским, что часто отмечают различные исследователи [8–12]. Как полагает Д. Скотт, между Индией и Китаем идет «большая игра», проходящая на территории, которую индийская сторона называет территорией «расширенного соседства» (extended neighborhood) [12. P. 138]. Этой же позиции придерживался в своем выступлении министр иностранных дел Индии Субраманьяма Джайшанкарав 2021 г., отмечая, что Индия готова конкурировать с Китаем в Индо-Тихоокеанском регионе и в соседних регионах [13].

Определение понятия «общего соседства» Китая и Индии

Разработанный и представленный Китаем проект «Пояс и путь» как практика китайского регионализма охватывает широкий спектр стран Евразии, а индийский регионализм больше сфокусирован на Южной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе. Таким образом, в географическом понимании различий в подходах двух великих держав нетрудно заметить своего рода региональное пересечение, которое здесь можно назвать их «общим соседством» (common neighborhood). В этой связи необходимо определить географические рамки понятия «соседство» как пространства региональной дипломатии Китая и Индии. Региональная политика Индии разрабатывается как в отношении соседних государств Южной Азии – «Соседство прежде всего» (Neighborhood First), так и в сторону расширенного соседства – «Думай на Запад» (Think West), «Соединение Центральной Азии» (Connect Central Asia) и «Действия на востоке» (Act East) [14], т.е. в направлении стран Западной и Центральной Азии, а также формирующегося Индо-Тихоокеанского региона. Таким образом, расширенное соседство Индии включает в себя не только страны, непосредственно граничащие с ней на суше и по морю[1], но и страны, находящиеся в сфере безопасности Индии, а также важные с точки зрения ее экономического развития[2]. В китайских научных кругах географическое определение «соседства» представлено в двух трактовках – узкой и широкой. В узком смысле под «малым соседством» (Сяочжоубянь) Китая обычно подразумеваются его непосредственные географические соседи[3]. В широком смысле понятие «большого соседства» (Дачжоубянь) выходит за рамки традиционных географических границ и относится к странам и регионам, разделяющим стратегические интересы Китая на море и на суше, в целом охватывая шесть субрегионов: Северо-Восточную Азию, Юго-Восточную, Южную, Центральную, Западную Азию, а также южную часть Тихого океана [15. С. 5].

Таблица 1

«Общее соседство» Китая и Индии[4]

На суше	Юго-Восточная Азия: Филиппины, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Таиланд, Бруней, Сингапур, Индонезия, Вьетнам
	Южная Азия: Непал, Бутан, Бангладеш, Шри-Ланка, Пакистан, Афганистан, Мальдивы
	Центральная Азия: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан
На море	Западная Азия: Иран
	Индо-Тихоокеанский регион: Япония, Северная Корея, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия

Таким образом, в рамках данной статьи «общее соседство» Китая и Индии определяется как регионы ЮВА, ЮА и ЦА на суше, а также Иран в Западной Азии и ИТР на море (табл. 1). Данное определение в основном совпадает с позицией китайских исследователей Лу Гуаншэна и Ни Цзяо [16. С. 3].

Эволюция китайских и индийских подходов к регионализму: региональные институты как инструменты регионального управления

На настоящий момент Нью-Дели и Пекином использование региональных институтов (организаций и механизмов) уже рассматривается как значимый способ достижения внешнеполитических задач, так как эти институты являются платформами для развития сотрудничества со странами региона. В данном случае интересы и задачи двух государств накладываются на интересы стран региона. Именно поэтому особо выделяются различные региональные институты в эволюции подходов к регионализму в Китае и Индии.

В целом формирование и развитие регионализма в Индии и КНР можно условно разделить на три этапа – подготовительный (1990-е гг.), этап формирования (с начала 2000-х до 2013 г.) и этап развития (с 2013 г.). На каждом из них появляются новые формы участия Китая и Индии в ключевых региональных механизмах или организациях (табл. 2).

Таблица 2

Основные региональные институты с участием Китая или Индии в их общем соседстве[5]

Годы	Китай				Индия			
	ВА	ЮА	СА	Трансрег.	ВА	ЮА	СА	Трансрег.
1991–1999	АСЕАН + 1 АРФ СБМ				АРФ	SAGQ		
2000–2012	ВАС	СААРК	ШОС		СМГ АСЕАН + 1 ВАС			БИМСТЭК
2013–	СЛМ ВРЭП	КПЭК КНИЭК		ЭКБКИМ		ББИН	ШОС	AAGC

Подготовительный этап (*1990-е гг.*) характеризовался постепенным смягчением отношений Китая и Индии к соседним регионам и осторожным присоединением к региональным институтам. Новая концепция индийского подхода к соседству на данном этапе заключалась в применении «доктрины Гуджрала», суть которой состоит в стремлении расположить к себе соседей через проявление доброй воли и доверия без требования на равноценный ответ. В свое время Пекин начал активно участвовать в азиатском сотрудничестве на институциональной основе, так как видел меньше рисков в своем соседстве (частично благодаря довольно сдержанной реакции большинства соседей на события на площади Тяньаньмэнь 1989 г.). Данный этап заложил основу для дальнейшего формирования так называемого китайского регионализма.

После распада Советского Союза в 1991 г. Китай уже с начала 1992 г. начал устанавливать дипломатические связи с государствами Центральной Азии, а к середине 1990-х гг. предложил вариант институционализации отношений. С другой стороны, Индия, хотя и установила в 1992 г. дипломатические отношения с независимыми странами Центральной Азии, не уделяла данному региону достаточного внимания.

Срочная необходимость изменения подхода к сотрудничеству и поиска новых партнеров из-за потери союзника после распада Советского Союза побудила Индию к позитивному взаимодействию в рамках Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК). Впрочем, незначительные результаты сотрудничества в СААРК вынуждали Индию использовать подход «субрегионализма», который позволял обойти СААРК и создать прямое субрегиональное сотрудничество с дружественными соседями. Под влиянием «доктрины Гуджрала» посредством субрегионализма были создан в 1997 г. субрегиональный механизм – Южноазиатский четырехугольник роста (SAGQ).

Надо отметить, что в 1990-х гг. китайская региональная политика в отношении Юго-Восточной Азии была коренным образом скорректирована в сторону укрепления регионального сотрудничества и взаимного доверия. Данную политику можно считать успешной ввиду создания механизма «АСЕАН + КНР» в 1991 г. Кроме того, при поддержке Азиатского банка развития в 1992 г. была создана «Программа экономического сотрудничества субрегиона Большого Меконга» (СБМ) с участием Китая, Вьетнама, Лаоса, Мьянмы, Таиланда и Камбоджи с целью укрепления экономических связей. В то же время ускорилось сотрудничество Индии с АСЕАН благодаря политике «Взгляд на восток», запущенной Индией в 1991 г. В 1996 г. Индия сразу после Китая стала членом «Регионального форума АСЕАН» (АРФ), расширив сферу сотрудничества от экономики до безопасности.

Этап формирования (*с начала 2000-х до 2013 г.*) характеризуется тем, что и китайский, и индийский подходы к регионализму приобрели стратегический характер. Именно на втором этапе Китаем была разработана политическая концепция «дружественного, мирного и процветающего соседства» («мулинь, аньлинь, фулинь»), в которой подчеркивается важность установления гармоничных отношений с соседями и сохранения региональной безопасности, а также необходимость региональной экономической интеграции и общего развития Азии [17]. С другой стороны, индийские региональные политические концепции, такие как «Взгляд на Восток» и «Доктрина Гуджрала», приобрели стратегическое значение в середине 2000-х гг. в связи со стремлением Индии к обеспечению региональной стабильности для национального экономического роста и с необходимостью противодействия проникновению Китая в Южную Азию. Вполне резонно констатировать, что на данном этапе и Китай, и Индия уже сформировали первоначальные варианты регионализма, что неизбежно вызвало расширение контактов между ними в их общем соседстве.

Прежде всего, конкуренция двух стран имела место в Восточной Азии. Индийские ядерные испытании 1998 г. привели к резкому осуждению со стороны Китая, США, Японии и Австралии. Тем не менее АСЕАН, учитывая ядерный баланс в Азии и необходимость избежать принятия Китаем на себя абсолютного лидерства в Юго-Восточной Азии, не стала резко осуждать Индию. Тем самым мягкая реакция АСЕАН способствовала дальнейшему сотрудничеству между членами АСЕАН и Индией. Так, в 2000 г. Индия основала механизм «Сотрудничество Меконг–Ганг» (СМГ) со странами региона Нижнего Меконга, не пригласив лишь Китай, единственную страну, расположенную в верхнем течении Меконга. Затем, в 2002 г., Индия после Китая также начала диалог с АСЕАН в форме «АСЕАН + 1». Более того, в 2005 г. Индия вместе с Китаем участвовала в Восточноазиатском саммите, в рамках которого она усилила свою роль в формировании зарождающейся экономической архитектуры Индо-Тихоокеанского региона.

По мере расширения сотрудничества Индии в Восточной Азии Китай предпринимал все более продуктивные усилия по созданию собственной системы сотрудничества в Южной Азии. В 2005 г. Китай был принят в качестве государства-наблюдателя СААРК. С целью противостоять влиянию Китая в Южной Азии и вытеснить Пакистан, который находится в тесном сотрудничестве с Китаем, Индия в 2004 г. создала Инициативу стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЭК), способную объединить Южную и Юго-Восточную Азию в рамках трансрегионального сотрудничества в экономической и технической сферах.

Примечательно, что на данном этапе контакты двух держав в Центральной Азии стали более частыми в связи с осознанием Индией усиления своей государственной мощи после ядерных испытаний, а также с ростом индийского национализма, призывающего к экспансии в сторону ее «расширенного соседства», в состав которого входит Центральная Азия, стратегически важная в разрезе региональной безопасности и стабильности для Индии. На фоне этого Индия выразила заинтересованность в присоединении к ШОС и в 2005 г. стала государством-наблюдателем. Однако ограничение в полномочиях в ШОС привело Индию к стремлению создать новую региональную организацию при собственном доминировании [18. P. 23].

В целом на данном этапе региональные отношения между двумя державами становились все более напряженными. Безусловно, не следует игнорировать высокую заинтересованность Китая и Индии в совместном сотрудничестве в рамках региональных институтов. С целью борьбы с мировым финансовым кризисом 2008 г. были подписаны «совместные планы Китая и Индии на XXI век», в которых утверждается их готовность укреплять взаимодействие в рамках различных механизмов регионального сотрудничества и стремление к совместному созданию нового, более тесного механизма регионального сотрудничества в Азии [19]. Достигнутые результаты могут быть подтверждены на следующем этапе.

Заключительный этап (*с 2013 г. по настоящий момент*) может быть определен как этап развития китайского и индийского регионализма на новом уровне благодаря появлению более зрелых региональных политик. Инициатива «Пояс и путь», предложенная Китаем в 2013 г., свидетельствует о формировании общих контуров китайского подхода к регионализму [5. С. 61]. Затем в Индии в 2014 г. предпринимались усилия по созданию интегрированного соседства, которые выразились в концепции «Соседство прежде всего» (в отношению к Южной Азии) и политической стратегии «Действуй на Восток», направленной на более широкое взаимодействие стран Индо-Тихоокеанского региона в сферах безопасности и экономики [7. P. 155]. Эти политические практики способствовали развитию сотрудничества Индии с соседними странами на институциональной основе.

На активное участие Индии в ряде региональных институтов, включая АРФ и Восточноазиатский саммит (ВАС) на первом и втором этапах, Китай настороженно отреагировал предложением о создании в 2013 г. механизма «Экономический коридор Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма» (ЭКБКИМ) с участием Индии с целью соединения Юго-Восточной Азии с Южной Азией. Однако интерес Индии, безусловно, не ограничивается использованием китайского механизма, а заключается в создании своего аналогичного субрегионального механизма БИМСТЭК, из которого исключается Китай. Затем, в 2015 г., Китай предпринял попытку развития сотрудничества с Индией в Южной Азии, предложив строительство Китайско-непальско-индийского экономического коридора (КНИЭК).

Созданные Китаем механизмы с участием Индии на практике развивались по-разному. В 2014 г. был построен Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК; без участия Индии), который позже стал моделью для строительства экономических коридоров в рамках инициативы «Пояс и путь». С другой стороны, в 2015 г. была учреждена возглавляемая Ин-

дией субрегиональная архитектура – Инициатива Бангладеш, Бутана, Индии и Непала (ББИН), имеющая целью противодействие китайскому влиянию в Южной Азии [20].

При этом Китай не пренебрегал созданием стратегической преемственности на востоке. В 2016 г. в регионе Меконга Китаем был создан новый субрегиональный механизм – Сотрудничество Ланьцанг–Меконг (СЛМ).

Достижения Китая, обусловленные инициативой «Пояс и путь», вызвали у Индии тревогу. Через десять дней после открытия Форума международного сотрудничества «Пояс и путь» в 2017 г., в котором Индия решила не принимать участия, она совместно с Японией запустила инициативу «Коридор роста Азия–Африка» (AAGC), географический охват которого в значительной мере пересекается с пространством инициативы «Пояс и путь» [21].

Надо отметить, что в 2017 г. Индия и Пакистан были приняты в качестве постоянных членов в ШОС, что предоставило Китаю и Индии платформу для сотрудничества в ряде сфер, в частности в борьбе с терроризмом. Расширение ШОС, по сути, способствует реализации нового регионального видения Китая, своего рода грандиозного проекта региональной интеграции между Индийским океаном и Центральной Азией, а также в определенной степени способно ослабить соперничество между Индией и Пакистаном, что поможет реализовать инициативу «Пояс и путь» как в Индии, так и в Пакистане [22]. Более того, согласно эффекту зависимости от предшествующего развития (path dependence), новые региональные организации должны будут сотрудничать с уже существующими в данном регионе. В противном случае они, скорее всего, столкнутся с сопротивлением [23]. Это так или иначе объясняет неудачу Индии в создании собственного сильного регионального института в Центральной Азии вопреки ее ожиданиям на втором этапе.

На основе обзора эволюции китайского и индийского подходов к регионализму были выявлены следующие общие черты. *Во-первых*, как Китай, так и Индия использовали модель «плюс» на базе уже существующих влиятельных региональных институтов, создав такие региональные механизмы, как АСЕАН + 1 и АСЕАН + 6. Традиционный регионализм, как правило, формируется среди стран, которые имеют общие сухопутные или морские границы, а модель «плюс» позволяет преодолеть географические ограничения, а также помогает экстерриториальным державам быстро создать сотрудничество с устоявшимися региональными институтами. *Во-вторых*, в региональных институтах, созданных Китаем и Индией, есть общие участники, что приводит к взаимозависимости между институтами. Из-за сложности конкретного выбора между Китаем и Индией некоторые страны одновременно участвуют в конкурирующих региональных институтах, созданных Китаем и Индией, в определенной степени размывая конкурентные отношения между этими институтами, но вызывая дублируемость и разногласия в их функциях. Например, страны Нижнего Меконга выступали членами как СМГ, так и СЛМ, а Бангладеш и Мьянма – членами как ЭКБКИМ, так и БИМСТЭК. В сложившейся ситуации поддержка малых стран стала объектом конкуренции между Китаем и Индией.

Теоретическая модель игры растущих держав с использованием региональных институтов

Сложность выявления особенностей игры двух растущих держав в их общем соседстве во многом проистекает из отсутствия общей теоретической модели, позволяющей рассмотреть ее с более нормативной точки зрения. В общем виде стратегии и тактики игры растущих держав в их общем соседстве с использованием региональных институтов могут быть описаны следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Теоретическая модель игры растущих держав с использованием региональных институтов в их общем соседстве

Тип	Свои институты	Институты другой стороны
Контактный	Включить *Привлекать* *Заставить*	Участвовать *Сбалансировать* *Замедлить*
Неконтактный	Исключить *Возражать* *Расширить лагерь* *Создать лагерь*	Бойкотировать *Отказаться от участия* *Отговорить малые страны*

В целом в соответствии с типом взаимодействия можно выделить две группы стратегий: к контактной группе относятся стратегии «включение» и «участие», а к неконтактной – «исключение» и «бойкот». В каждой группе стратегий выделяются более конкретные возможные тактики. Растущие державы используют одну или одновременно несколько тактик для достижения своих региональных целей.

Стоит отметить, что асимметрия сил между двумя державами способна ослаблять восприятие сильной стороной потенциальных угроз в региональном участии из самоуверенности в управлении рисками, в результате чего она с большей вероятностью примет инклюзивную стратегию – «включить» слабую сторону в свой региональный институт. В этом случае сильная сторона, заинтересованная в получении ресурсов в регионе, где доминирует слабая сторона, вероятно, примет решение «привлечь» эту сторону в свой региональный институт, демонстрируя потенциальные выгоды. Вполне возможно, что она и может «заставить» слабую сторону присоединиться к своим институтам, предупредив ее о последствиях или наказаниях в случае неучастия.

С другой стороны, обе державы могут применить эксклюзивную стратегию («исключение») независимо

от своей силы. К использованию данной стратегии, возможно, приводит осознание потенциальной угрозы своим интересам или повышение относительной доходности другой стороны после ее присоединения к своим институтам. Таким образом, конкретные тактики могут заключаться в «возражении» против заявки другой стороны на членство, «расширении» количества членов или сфер сотрудничества эксклюзивного лагеря и в «создании» нового эксклюзивного лагеря.

Естественно, растущая держава готова к «участию» в созданных другой стороной региональных институтах при наличии возможности получения высокой относительной доходности. Конкуренция между ними, тем не менее, может возникать внутри самого института. Новый участник пользуется тактикой «сбалансирования» для предотвращения полного доминирования создателя институтов, а также тактикой «замедления» процессов развития региональных институтов при отсутствии интереса к ним, часто из-за своей меньшей относительной доходности в сравнении с их создателем.

Наряду с этим стратегия «бойкота» региональных институтов вполне может быть использована из-за слишком низкой ожидаемой относительной доходности или в том случае, когда другая держава с помощью своих региональных институтов пытается приобрести влияние в данном регионе. В подобной ситуации возможными тактиками представляются «отказ» от присоединения к региональным институтам другой державы или даже «отговаривание» малых стран от участия в них.

Следует отметить, что данные стратегии и тактики уже сыграли свою роль в региональных играх между Китаем и Индией и продолжают активно использоваться. По общему признанию, наблюдается явная асимметрия сил между Индией и Китаем. Превосходство Китая в совокупной мощи позволяет ему увереннее управлять потенциальными рисками в региональных институтах с участием Индии и Китая, что повышает его готовность к принятию инклюзивной стратегии – «включить» Индию в свои региональные механизмы и организации, такие как КНИЭК и ЭКБКИМ, с помощью которых обеспечивается сухопутный стратегический вход Китая в регион Индийского океана. В этой связи в качестве основной используемой Китаем тактики выступает «привлечение» Индии к своим институтам посредством оказания внешней помощи и содействия формированию сообщества интересов в региональном сотрудничестве на основе концепции совместных консультаций, общего строительства и всеобщего доступа к плодам развития. Примечательно, что для успешного «привлечения» Китай также прилагает неустанные усилия по урегулированию китайско-индийской пограничной проблемы с целью укрепления взаимного доверия и устранения препятствий для регионального сотрудничества между двумя странами [24].

Китай не только попытался «включить» Индию в свои региональные институты, но и «участвовал» в организации СААРК (которую Индия рассматривает как «свою территорию»), признавая важность предоставляемых ею стратегических возможностей для расширения своего влияния на Ближнем Востоке и в других более обширных регионах. Итак, использование Китаем тактики «сбалансирования» мощи Индии в СААРК стало логичным в целях противостояния доминированию Индии в данной организации. Первым шагом для этого стало получение Китаем поддержки членов СААРК для укрепления своих позиций в организации. Дабы приобрести поддержку, он всячески перетягивает на свою сторону такие государства, как Непал и Бангладеш, объявляя о том, что готов предоставить странам СААРК альтернативу Индии для сотрудничества. Примечательно, что один из членов-основателей организации – Непал – поддержал Китай, призывая его играть более важную роль в структуре и деятельности СААРК [25].

В дополнение к использованным Китаем стратегиям контактного типа была использована и исключающая стратегия в ответ на стратегические амбиции Индии, ориентированные на Центральную Азию. Риторически выражая свое желание включить Индию в ШОС, Китай поначалу не проявлял активность в расширении членства организации, опасаясь ослабить свое влияние в ней. Среди индийских экспертов прозвучало мнение, что Китай, не накладывая прямого вето на заявку Индии, тем не менее затруднил ее вступление в ШОС созданием различных неявных препятствий [26]. Таким образом, тактика скрытого «возражения» придала Китаю бóльшую гибкость в решении вопроса о приеме Индии в ШОС.

В то же время тактика «создания нового эксклюзивного лагеря» была использована Китаем в ответ на появление ряда механизмов, созданных Индией (СМГ), Японией (Japan-Mekong Cooperation) и США (Lower Mekong Initiative) со странами региона Меконга. Будучи исключенным из перечисленных структур, Китай создал в данном регионе новый механизм СЛМ, позволяющий ему избавиться от влияния японских ценностей на уже существующий подобный механизм СБМ. С помощью вновь созданного механизма Пекин способен развивать сотрудничество в сфере водных ресурсов со странами Нижнего Меконга, которое не разрешено в СБМ. Таким образом, приобретается конкурентоспособность с другими державами в данном регионе, тем более что уровень полного доминирования Китая в СЛМ превосходит все аналогичные механизмы, ранее созданные другими странами в Юго-Восточной Азии [11. P. 15].

Индия также использует гибридные стратегии в отношении Китая. Перед лицом предложенных им региональных механизмов (см. ЭКБКИМ и КНИЭК) Нью-Дели приняли стратегию «участия» в них. Однако Индия намеренно «замедлила» процесс их развития, опасаясь роста влияния Китая на ее Северо-Восточную территорию, отказав китайской делегации в выдаче виз с целью затруднения проведения форума ЭКБКИМ [27. P. 22]. «Замедление» развития механизмов под руководством Китая, соответственно, стало одной из характерных индийских тактик для противодействия китайскому регионализму.

Более распространенной тактикой в рамках стратегии «участия», использованной обеими странами, выступает «сбалансирование». Во избежание полного

доминирования Китая в региональных институтах Индия активно присоединяется в качестве одного из важных членов к организациям и механизмам с участием Китая, таким как ШОС и ВАС. В ШОС используется консенсусный принцип во время принятия решений, благодаря чему Индия может отложить в сторону интересующие Китай вопросы. Членство Индии в ШОС активно продвигалось и приветствовалось Россией, имеющей общие с ней интересы – сбалансирование влияния Китая в Центральной Азии [28]. Кроме того, Индия имеет общие интересы с Японией в ВАС. Одной из причин, побудивших к созданию данного механизма, стало желание Японии противостоять растущему влиянию Китая в рамках механизма «АСЕАН + 3». В ВАС входят страны, не входящие в Восточную Азию, такие как Индия, Австралия и Новая Зеландия, служащие ключевыми полюсами для сбалансирования регионального влияния Китая.

При этом Индия даже приняла стратегию «бойкота» в отношении механизма с весомым участием Китая – Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), отношение к которому с ее стороны претерпело сложную трансформацию – от ограниченного участия и активного вовлечения к «отказу от участия». Несмотря на усилия Японии привлечь Индию обратно за стол переговоров по вопросам создания ВРЭП, она все же решила выйти из ВРЭП. Причинами этого стали торговый протекционизм, опасение доминирования Китая в рамках данного механизма в будущем и нежелание создавать у США прокитайскую иллюзию. Отсутствие Индии, безусловно, уменьшает масштаб ВРЭП и в некоторой степени ослабляет эффект расширения торговли, создаваемый региональной экономической интеграцией, отчасти оно способно усилить нестабильность развития региона, а также создать дополнительные препятствия для вхождения Китая в регион Индийского океана.

Кроме того, Индия применяла тактику «отговаривания» малых стран от присоединения к механизму, предложенному Китаем. Заметно, что попытка Индии помешать строительству КПЭК продолжается, сопровождаясь непрерывным осуждением нарушения своего территориального суверенитета и целостности вследствие прохождения данного коридора через Кашмир [29]. Более того, индийские ученые и СМИ раздувают китайскую долговую ловушку в проекте КПЭК, что, вероятно, является существенным фактором сокращения Пакистаном инвестиций из Китая [30].

Нетрудно заметить, что Индия в своих региональных институтах во многом применяет «исключающую» стратегию по отношению к Китаю. Во-первых, в ряде институтов, возглавляемых Индией, прослеживается «возражение» против присоединения Китая: Индия создала эксклюзивный механизм СМГ только со странами Нижнего Меконга, несмотря на выраженную Китаем заинтересованность в участии. Данный механизм кристаллизовал интересы Индии и стран региона, направленные на ослабление влияния Китая в субрегионе Большого Меконга [11. P. 190].

Во-вторых, в ответ на стратегическое расширение Китая в Южной Азии Индия применила исключающую тактику «расширения своего эксклюзивного лагеря». В этом случае возглавляемый Индией механизм BISTEC был расширен до БИМСТЭК с включением двух стран – Непала и Бутана, на завоевание чьей поддержки Китай не жалеет сил. В 2018 г. сфера сотрудничества БИМСТЭК также расширена от «экономического и технического сотрудничества» до «политического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности». Он стал всеобъемлющим механизмом, включающим весьма чувствительную сферу сотрудничества – военную безопасность. Кроме того, наблюдается и попытка Индии расширить ББИН на юг вплоть до Шри-Ланки и Мальдивских островов с конечной целью создания ББИН + 2 на основе «индо-шри-ланкийско-мальдивского субрегионального сотрудничества» [31. P. 36]. Можно полагать, что Индия увеличивает рычаги давления на Китай, расширяя круг участников своих региональных институтов за счет привлечения малых стран, которые одновременно стремится привлекать на свою сторону и Китай.

В-третьих, Индия отстает от Китая в плане регионального влияния в Центральной и Восточной Азии, поэтому пытается вслед за Китаем «создать» эксклюзивные и аналогичные институты в том же регионе. Через два дня после проведения саммита «Китай–Центральная Азия» в 2022 г. Индия организовала саммит с Центральной Азией, на котором был создан механизм диалога министров в определенных секторах. Данный шаг рассматривается как геополитическая конкуренция между Китаем и Индией в Евразийском регионе [32]. Кроме того, после основания механизма «АСЕАН + Китай» Индия ускорила процесс создания механизма «АСЕАН + Индия».

В целом как Китай, так и Индия пользовались стратегиями «участия» в институтах другой стороны и «исключения» другой стороны из своих институтов, при этом стратегия «включения» другой стороны в свои институты была использована лишь Китаем, а «бойкот» институтов другой стороны – Индией.

Индийский регионализм в таком случае можно считать более «эксклюзивным», так как он включает только «свои» институты. Очевидно, что Индия пыталась исключать Китай из региональных процессов сотрудничества путем возражения против его присоединения, а также создания и расширения своих эксклюзивных лагерей. В то же время Китаю не удалось в полной мере принять участие ни в одном из индийских многосторонних институтов, расположенных в их общем соседстве. Этот «эксклюзивный» характер, безусловно, создает препятствия для китайско-индийского регионального сотрудничества.

Китайский регионализм, с другой стороны, выступает более «инклюзивным». Особенно на третьем этапе Китай во многом приветствует присоединение Индии к своим региональным организациям. Безусловно, участие в индийских региональных институтах и включение Индии в собственные региональные институты способны открыть Китаю возможность выйти на индийский рынок и даже на рынки Южной Азии и Индийского океана, а также усилить влияние в регионе.

Однако возглавляемые Китаем региональные институты пока не выработали эффективного режима сотрудничества, чтобы успешно «заставить» или «привлечь» Индию к активному участию в них. Интерес Индии к активному развитию возглавляемых Китаем региональных институтов по-прежнему ограничен. Хотя Индия согласилась участвовать в китайских институтах, таких как КНИЭК и ЭКБКИМ, она остается в оборонительной позиции и намеренно замедляет процесс их развития.

Стоит отметить, что конкурирующий характер китайского и индийского подходов к регионализму в той или иной степени способствовал принятию многими малыми соседями, которые стремятся уравновесить силу двух держав, так называемой «стратегии хеджирования» – одновременного присоединения к созданным Китаем и Индией конкурирующим региональным институтам.

В заключение отметим, что эволюция подходов Индии и Китая к регионализму в их общем соседстве условно была разделена на три этапа, в описании которых показано постепенное расширение региональной конкуренции между двумя растущими державами. Намерение двух стран укрепить региональное сотрудничество после 2008 г. осуществляется и продвигается с трудом, что обусловлено такими факторами, как нерешенные пограничные конфликты и отсутствие взаимного доверия, поэтому их отношения в соседстве остаются скорее конкурирующими, чем кооперативными.

Системный обзор исторической эволюции китайского и индийского подходов к регионализму, помимо возможности определения их общих черт – модели «плюс» и участия одних и тех же государств-членов в их нескольких разных институтах, позволяет разработать модель стратегий игр двух растущих держав с использованием региональных институтов в их общем соседстве. Очевидно, что Индия применяет более широкий спектр тактик по сравнению с Китаем, и ее подход к регионализму носит «эксклюзивный» характер, препятствуя региональному сотрудничеству между Китаем и Индией. Ретроспективно можно предположить, что существуют следующие три схемы.

Во-первых, асимметрия сил двух растущих держав приводит к различиям в их выборе стратегий и тактик. Инклюзивная стратегия «включения» с большей вероятностью выбирается сильной стороной, в то время как стратегия «бойкота» – слабой. При этом слабая сторона с большей вероятностью и готовностью обратится к третьей региональной державе, дабы совместно сдержать более могущественную сторону. В качестве примеров стоит привести совместные усилия Индии и Японии по сдерживанию Китая в рамках ВРЭП и ВАС, а также факт создания их инициативы AAGC в борьбе с китайской инициативой «Пояс и путь».

Во-вторых, выбор стратегий и тактик растущими державами меняется в зависимости от изменения международной ситуации и национальных интересов. Несомненно, использованные Индией в ходе восьмилетних переговоров по ВРЭП стратегии во многом менялись на разных этапах от «участия» до «отказа». Такая ситуация применима и к Китаю, который «возражал» против присоединения Индии к ШОС на втором этапе, однако согласился на ее включение на третьем этапе.

В-третьих, стратегия неконтактного типа часто приводит к снижению вероятности регионального институционного сотрудничества для растущих держав, зато в некоторых случаях позволяет создать больше региональных институтов с малыми странами. Зачастую это способствует возникновению феномена «миски спагетти» (spaghetti bowl) в регионе. Например, появилось множество механизмов регионального сотрудничества со схожими функциями в субрегионе Меконга. В отличие от этого, стратегия контактного типа в определенной степени способствует региональному сотрудничеству между двумя сторонами. Хотя их конкурирующий характер может замедлить процесс регионального сотрудничества, некоторые проекты все же могут быть реализованы.

Примечания

1. Пакистан, Непал, Бутан и Бангладеш, Китай, Мьянма, Индонезия, Таиланд, Шри-Ланка и Мальдивы.
2. К этой категории относятся регион Индийского океана, прибрежные районы Восточной Африки, регион Персидского залива, Афганистан, Центральная Азия и страны Юго-Восточной Азии.
3. 20 стран непосредственно граничат с Китаем по суше и морю: Россия, Северная Корея, Южная Корея, Монголия, Япония, Филиппины, Лаос, Малайзия, Мьянма, Бруней, Индонезия, Вьетнам, Афганистан, Пакистан, Бутан, Непал, Индия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.
4. Составлено авторами на основе анализа документов по региональной политике Индии и работы китайских исследователей (Лу Гуаншэна и Ни Цзяо).
5. ВА – страны-члены институтов из Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, включая также Австралию и Новую Зеландию; ЮА – Южная Азия; СА – Средняя Азия; Трансрег. – страны-члены институтов из двух или более перечисленных ранее регионов.

Список источников

1. 邢瑞磊. 比较地区主义: 概念与理论演化. 北京: 中国政法大学出版社, 2014. 241 p. [Син Ж. Сравнительный регионализм: концептуальная и теоретическая эволюция. Пекин : Изд-во Китайского ун-та политических наук и права, 2014. 241 с.]
2. Acharya A. Ideas, Identity and Institution-building: From the “ASEAN Way” to the “Asia-Pacific Way”? // The Pacific Review. 1997. № 10 (3). P. 319–346.
3. 杜志远.印度“新区域主义”战略：“邻国优先”政策 // 世界经济与政治论坛. 2020. № 1. P. 27–55. [Ду Ч. Индийские стратегии «нового регионализма»: политика «соседства прежде всего» // Форум мировой экономики и политики. 2020. № 1. P. 27–55.]
4. Песцов С.К. Регионализм как тактика: политика Индии «Соседство прежде всего» // Россия и АТР. 2023. № 3. С. 2.
5. Песцов С.К. Регионализм в интерпретации Китая: Эволюция теоретических взглядов и практической политики // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 18. С. 36–64.
6. He B. Regionalism as an instrument for global power contestation: The case of China // Asian Studies Review. 2020. № 44 (1). P. 79–96.
7. Yhome K., Maini T.S. India’s evolving approach to regionalism: SAARC and beyond // Rising Powers Quarterly. 2017. № 2 (3). P. 147–165.

8. Ли Ц., Савкович Е.В. Исследования китайско-индийских отношений в региональном аспекте в КНР: историография в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 106–113.
9. Савкович Е.В. Развитие отношений Индии с государствами Центральной Азии и позиция Китая // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3 (19). С. 114–120.
10. Freeman C.P. China's 'regionalism foreign policy' and China-India relations in South Asia // Contemporary Politics. 2018. № 24 (1). P. 81–97.
11. Rüland J, Michael A. Overlapping regionalism and cooperative hegemony: how China and India compete in South and Southeast Asia // Cambridge Review of International Affairs. 2019. № 32 (2). P. 178–200.
12. Scott D. India's "extended neighborhood" concept: power projection for a rising power // India Review. 2009. № 8 (2). P. 107–143.
13. India, China and the US: the new geopolitical landscape // Financial Times. 2021. 20 May. URL: https://newgeopoliticallandscape.live.ft.com/agenda/session/498583 (accessed: 28.05.2024).
14. Neighborhood First Policy // MEA India. URL: https://www.mea.gov.in/Images/CPV/LS97_00.pdf (accessed: 28.05.2024).
15. 石源华, 祁怀高. 中国周边国家概览. 北京:世界知识出版社. 2017. Vol. 2. [Ши У., Ци Х. Обзор соседних с Китаем стран. Пекин : Всемирная пресса знаний, 2017. Т. 2.]
16. 卢光盛,聂姣.从"共同周边"到"竞争周边"——俄欧在共同周边的互动教训对中印的启示 // 南亚研究. 2022. № 1. P. 1–26. [Лу Г., Не Ц. От общей периферии к конкурентной периферии – уроки, извлеченные Россией и Европой на общей периферии, для Китая и Индии // Исследование Южной Азии. 2022. № 1. P. 1–26.]
17. 中国与周边国家的关系 // 中国政府网. [Отношения Китая с соседними странами // Правительственный портал КНР]. URL: https://www.gov.cn/test/2005-06/30/content_11177.htm (дата обращения: 29.05.2024).
18. Sachdeva G. India's Attitude towards China's Growing Influence in Central Asia // China and Eurasia Forum Quarterly. 2006. Vol. 4, № 3. P. 23–24.
19. 中华人民共和国和印度共和国关于二十一世纪的共同展望. 中国外交部. 2008. [Общее видение Китайской Народной Республики и Республики Индия на XXI век. МИД. 2008] URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/1207_677232/200801/t20080115_9307483.shtml (дата обращения: 29.05.2024).
20. Mishra R. BBIN: A new Tool in India's Sub-regional Diplomacy // Indian Council of word Affairs. 2015. URL: https://www.icwa.in/showfile.php?lang=1&level=3&ls_id=502&lid=477 (accessed: 29.05.2024).
21. About AAGC // Asia Africa growth corridor. URL: https://aagc.ris.org.in/en/about-aagc (accessed: 29.05.2024).
22. Piekos W., Economy E.C. The risks and rewards of SCO expansion // Council on Foreign Relations. 2015. URL: https://www.cfr.org/expert-brief/risks-and-rewards-sco-expansion (accessed: 29.05.2024).
23. He B. Chinese expanded perceptions of the region and its changing attitudes toward the Indo-Pacific: A hybrid vision of the institutionalisation of the Indo–Pacific // East Asia. 2018. № 35. P. 117–132.
24. 中印举行边界问题特别代表第十七次会晤. 中国外交部. 2014. [17-я встреча китайских и индийских специальных представителей по пограничным вопросам. МИД. 2014]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201402/t20140211_326498.shtml (дата обращения: 30.05.2024).
25. Nepal leaders, experts call for China's active role in SAARC // Xinhua. 2014. URL: http://www.ecns.cn/2014/11-24/143904.shtml (accessed: 30.05.2024).
26. Sajjanhar A. India and Shanghai Cooperation Organization // The Diplomat. 2016. 19 June. URL: http://the diplomat.com/2016/06/india-and-the-shanghai-cooperation-organization/ (accessed: 30.05.2024).
27. 张力, 彭景. "孟中印缅"地区合作机制:推动因素与制约因素 // 南亚研究季刊. 2005. № 1. P. 16–22. [Чжан Л., Пэн Ц. Механизм регионального сотрудничества «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма»: способствующие факторы и сдерживающие факторы // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии. 2005. № 1. С. 16–22].
28. Mohapatra N.K. View: Navigating India's geopolitical engagement in Central Asia // The Economic Times. 2022. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/view-navigating-indias-geopolitical-engagement-in-central-asia/articleshow/89013779.cms?from=mdr (accessed: 30.04.2024).
29. At SCO meet, India refuses to back China's BRI project // The Indian Express. 2023. https://indianexpress.com/article/india/sco-meet-india-refuses-to-back-xis-bri-project-8752543/ (accessed: 30.04.2024).
30. Fearing debt trap, Pak cuts spending on CPEC project // Hindustan Times. 2018. 9 Oct. URL: https://www.hindustantimes.com/search?q=Maldives:-India-should-not-rest-on-its-oars (accessed: 30.04.2024)/
31. 吴兆礼. 印度推进"孟不印尼"次区域合作的政策路径——兼议其与中国经济走廊倡议对接的愿景 // 太平洋学报. 2017. № 25 (5). pp. 34–43. [У Ч. Политики Индии в отношении субрегионального сотрудничества BCIM и их возможности соединения с инициативой экономического коридора Китая // Тихоокеанский журнал. 2017. № 25 (5). С. 34–43.]
32. Muratbekova A. China's and India'a Summits with Central Asia: Latest Developments // Eurasian Research Institute. 2022. № 341. URL: https://www.eurasian-research.org/wp-content/uploads/2022/03/Weekly-e-bulletin-07.02.2022-13.02.2022-No-341.pdf (accessed: 18.05.2024).

References

1. Xing, J. (2014) *比较地区主义: 概念与理论演化* [Comparative regionalism: conceptual and theoretical evolution]. Beijing: 中国政法大学出版社.
2. Acharya, A. (1997) Ideas, Identity and Institution-building: From the "ASEAN Way" to the "Asia-Pacific Way"? *The Pacific Review*. 10(3). pp. 319–346.
3. 杜志远. (2020) 印度"新区域主义"战略："邻国优先"政策. *世界经济与政治论坛*. 1. pp. 27–55.
4. Pestsov, S.K. (2023) Regionalizm kak taktika: politika Indii "Sosedstvo prezhde vsego" [Regionalism as a Tactic: India's "Neighborhood First" Policy]. *Rossiya i ATR*. 3. p. 2.
5. Pestsov, S.K. (2018) Regionalizm v interpretatsii Kitaya: Evolyutsiya teoreticheskikh vzglyadov i prakticheskoy politiki [Regionalism as Interpreted by China: Evolution of Theoretical Views and Practical Policy]. *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. 18. pp. 36–64.
6. He, B. (2020) Regionalism as an instrument for global power contestation: The case of China. *Asian Studies Review*. 44(1). pp. 79–96.
7. Yhome, K. & Maini, T.S. (2017) India's evolving approach to regionalism: SAARC and beyond. *Rising Powers Quarterly*. 2(3). pp. 147–165.
8. Li, C. & Savkovich, E.V. (2024) Issledovaniya kitaysko-indiyskikh otnosheniy v regional'nom aspekte v KNR: istoriografiya v XXI veke [Research of Chinese-Indian relations in the regional aspect in the PRC: Historiography in the 21st century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 106–113. (In Russian).
9. Savkovich, E.V. (2012) Razvitie otnosheniy Indii s gosudarstvami Tsentral'noy Azii i pozitsiya Kitaya [Development of India's Relations with the States of Central Asia and China's Position]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(19). pp. 114–120.
10. Freeman, C.P. (2018) China's 'regionalism foreign policy' and China-India relations in South Asia. *Contemporary Politics*. 24(1). pp. 81–97.
11. Rüland, J. & Michael, A. (2019) Overlapping regionalism and cooperative hegemony: how China and India compete in South and Southeast Asia. *Cambridge Review of International Affairs*. 32(2). pp. 178–200.
12. Scott, D. (2009) India's "extended neighborhood" concept: power projection for a rising power. *India Review*. 8(2). pp. 107–143.
13. *Financial Times*. (2021) India, China and the US: The new geopolitical landscape. 20th May. [Online] Available from: https://newgeopoliticallandscape.live.ft.com/agenda/ session/498583 (Accessed: 28th May 2024).

14. MEA India. (n.d.) *Neighborhood First Policy*. [Online] Available from: https://www.mea.gov.in/Images/CPV/LS97_00.pdf (Accessed: 28th May 2024).
15. Shi, W. & Qi, H. (2017) 中国周边国家概览 [Review of countries neighboring China]. *北京:世界知识出版社*. 2.
16. Lu, G. & Ne, C. (2022) 从“共同周边”到“竞争周边”——俄欧在共同周边的互动教训对中印的启示 [From Common Periphery to Competitive Periphery: Lessons Learned by Russia and Europe on the Common Periphery for China and India]. *南亚研究*. 1. pp. 1 – 26.
17. China's Government Portal. (n.d.) *中国与周边国家的关系*. [Online] Available from: https://www.gov.cn/test/2005-06/30/content_11177.htm (Accessed: 29th May 2024).
18. Sachdeva, G. (2006) India’s Attitude towards China's Growing Influence in Central Asia. *China and Eurasia Forum Quarterly*. 4(3). pp. 23–24.
19. 中国外交部. (2008) *中华人民共和国和印度共和国关于二十一世纪的共同展望*. [Online] Available from: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/1207_677232/ 200801/t20080115_9307483.shtml (Accessed: 29th May 2024).
20. Mishra, R. (2015) *BBIN: A new Tool in India’s Sub-regional Diplomacy*. [Online] Available from: https://www.icwa.in/showfile.php?lang=1&level=3&ls_id=502&lid=477 (Accessed: 29th May 2024).
21. Asia Africa growth corridor. (s.n.) *About AAGC*. [Online] Available from: https://aagc.ris.org.in/en/about-aagc (Accessed: 29th May 2024).
22. Piekos, W. & Economy, E.C. (2015) *The risks and rewards of SCO expansion*. [Online] Available from: https://www.cfr.org/expert-brief/risks-and-rewards-sco-expansion (Accessed: 29th May 2024).
23. He, B. (2018) Chinese expanded perceptions of the region and its changing attitudes toward the Indo-Pacific: A hybrid vision of the institutionalisation of the Indo–Pacific. *East Asia*. 35. pp. 117–132.
24. 中国外交部. (2014) *中印举行边界问题特别代表第十七次会晤*. [Online] Available from: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201402/t20140211_326498.shtml (Accessed: 30th May 2024).
25. Xinhua. (2014) *Nepal leaders, experts call for China's active role in SAARC*. [Online] Available from: http://www.ecns.cn/2014/11-24/143904.shtml (Accessed: 30th May 2024).
26. Sajjanhar, A. (2016) India and Shanghai Cooperation Organization. *The Diplomat*. 19th June. [Online] Available from: http://the diplomat.com/2016/06/india-and-the-shanghai-cooperation-organization/ (accessed: 30.05.2024).
27. Zhang, L. & Peng, Q. (2005) “孟中印缅”地区合作机制:推动因素与制约因素. *南亚研究季刊*. 1. pp. 16–22.
28. Mohapatra, N.K. (2022) *View: Navigating India’s geopolitical engagement in Central Asia*. [Online] Available from: https://economictimes. indiatimes.com/news/defence/view-navigating-indias-geopolitical-engagement-in-central-asia/articleshow/89013779.cms?from=mdr (Accessed: 30th April 2024).
29. The Indian Express. (2023) *At SCO meet, India refuses to back China's BRI project*. [Online] Available from: https://indianexpress.com/article/india/sco-meet-india-refuses-to-back-xis-bri-project-8752543/ (Accessed: 30th April 2024).
30. *Hindustan Times*. (2018) Fearing debt trap, Pak cuts spending on CPEC project. 9th October. [Online] Available from: https://www.hindustantimes.com/search?q=Maldives:-India-should-not-rest-on-its-oars (Accessed: 30th April 2024).
31. In, Ch. (2017) 印度推进“孟不印尼”次区域合作的政策路径——兼议其与中国经济走廊倡议对接的愿景. *太平洋学报*. 25(5). pp. 34–43.
32. Muratbekova, A. (2022) China’s and India’a Summits with Central Asia: Latest Developments. *Eurasian Research Institute*. 341. [Online] Available from: https://www.eurasian-research.org/wp-content/uploads/2022/03/Weekly-e-bulletin-07.02.2022-13.02.2022-No-341.pdf (Accessed: 18th May 2024).

Сведения об авторах:

Ли Цимоу – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: liqimou@mail.ru

Савкович Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: holly@ngs.ru

У Яньбинь – соискатель факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: yanbinwu@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Li Qimou – Postgraduate student of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liqimou@mail.ru

Savkovich Yevgeni V. – Doctor of Historical Sciences, Professor department of Oriental Studies of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: holly@ngs.ru

Wu Yanbin – Degree-seeking applicant at department of World Politics of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: yanbinwu@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 19.06.2024; accepted for publication 15.11.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 9(47):930.1
doi: 10.17223/19988613/92/13

Екатерина II и французские просветители: некоторые аспекты дореволюционной историографии

Мария Васильевна Егорова

Южно-уральский государственный медицинский университет, Челябинск, Россия, m_egorova@inbox.ru

Аннотация. Проанализированы взгляды дореволюционных историков на взаимоотношения Екатерины II и французских просветителей. Исследователи дореволюционной России попытались проследить, как идеи французского Просвещения повлияли на становление личности императрицы и ее законодательную деятельность. Также их интересовало и то, что подтолкнуло к этим отношениям самих французских просветителей, чего они добивались и к чему стремились, устанавливая связи с русской императрицей.
Ключевые слова: Екатерина II, французские просветители, дореволюционная историография, идеология, просвещенный абсолютизм

Для цитирования: Егорова М.В. Екатерина II и французские просветители: некоторые аспекты дореволюционной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 106–112. doi: 10.17223/19988613/92/13

Original article

Catherine II and the French enlightners: some of the aspects of pre-revolutionary historiography

Maria V. Egorova

South-Urals State Medical University, Chelyabinsk, Russian Federation, m_egorova@inbox.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze the views of historians of the pre-revolutionary period of the relationship between Catherine II and the French enlighteners, and to identify the most characteristic and common opinions for researchers of this era.

The author of the article analyzed the works of Shcherbatov, Karamzin, S. Solovyov, Brickner, Lubavsky, Platonov, Kallash, Bogoslovsky, N. Solovyov, Valishevsky, Klyuchevsky, Kiesewetter, Bilbasov, Groth. Belonging to different historical schools, they expressed opposite points of view on these relationships. However, from Prince Shcherbatov to Platonov, they all recognized that this influence was not in vain for Russia and had its direct impact, both on the empress herself, and on the public consciousness, and sometimes on the life of the vast empire. Researchers of the period under review also made an attempt to find out the following question: what prompted the French enlighteners to this relationship, what they wanted and what they sought, establishing ties with the Russian empress. What conclusion was drawn from the results of studying the works of pre-revolutionary historians, what views did they hold on the topic of the relationship between Catherine II and the French enlighteners?

1. Familiarity with the ideas of the French enlighteners negatively affected the morality of Catherine II (Shcherbatov). 2. Catherine II wanted to apply the ideas of the French Enlightenment in Russia (Karamzin, Solovyov, Brickner, Lubavsky, Platonov, Kallash, Bogoslovsky, N. Solovyov). 3. The desire to get acquainted with the French enlighteners was caused by vanity (Valishevsky, Klyuchevsky). 4. Catherine II very skilfully used the French enlighteners to advertise her stormy activities abroad (Kiesewetter, Callash). 5. The desire for acquaintance was caused by boredom (Klyuchevsky, Lubavsky). 6. The introduction to the ideas of the French Enlightenment was educational in nature (Bilbasov, Grot). 7. On the part of the French enlighteners, the desire to get acquainted with Catherine II was caused by the desire for honors and glory (Karamzin, Solovyov, Kiesewetter, Callash). 8. The "Nakaz" of Catherine II was a political program or manifesto of the

© М.В. Егорова, 2024

young empress, according to which she was going to rebuild the entire system of state administration (Karamzin, Ulanov). 9. In the "Nakaz" of Catherine II, according to Brickner, Lubavsky, Platonov, there were liberal principles. 10. In the "Nakaz" there was more conservatism (Valishevsky). 11. "Nakaz" was the same test of the pen as the dramatic works of Catherine II (Klyuchevsky, Kiesewetter).
Keywords: Catherine II, French enlighteners, pre-revolutionary historiography, ideology, enlightened absolutism

For citation: Egorova, M.V. (2024) Catherine II and the French enlightners: some of the aspects of pre-revolutionary historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 106–112. doi: 10.17223/19988613/92/13

Идеи, идеология всегда играли в жизни общества большую роль. Появившись вместе с обществом, идеология в разные периоды его существования оказывала на это общество большее или меньшее влияние. Так что же такое идеология? В современном словаре иностранных слов мы находим следующее определение: идеология – «система идей и взглядов: политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, выражаются интересы социальных групп» [1. С. 223].

В XVII в. возникла новая идеология – идеология Просвещения, получившая свое дальнейшее развитие в XVIII в. В идеологии Просвещения берут свое начало идеи либерализма и правового государства. Сегодня эти идеи далекого XVIII в. как никогда актуальны. Запад жил с этими идеями и воплощал их в жизнь в течение двух веков, мы же открыли их для себя совсем недавно. За предыдущий период эти идеи в России успели обрасти ненужной «мишурой». В XX же веке их вообще пытались подстроить под новую идеологию или же отказаться от них вообще. Открывая для себя сегодня идеи либерализма и правового государства, необходимо вернуться к их классической первооснове и в то же время осмыслить их и в новом варианте, более подходящем для сегодняшних дней.

В XVIII в. также были различные варианты использования идей Просвещения. Одним из таких вариантов был просвещенный абсолютизм. Среди научной общественности не утихают споры: существовал ли в действительности просвещенный абсолютизм в России, а главой государства на практике использовались идеи французских просветителей? Быть может, напротив, идеи французского Просвещения были лишь красивой теорией и не оказали никакого влияния на личность и деятельность Екатерины II.

Цель данного исследования – проанализировать взгляды историков дореволюционного периода на взаимоотношения Екатерины II и французских просветителей и выявить наиболее характерные и общие позиции исследователей этой эпохи. Для достижения данной цели нами используется сравнительно-исторический метод, позволяющий проводить необходимые сравнения различных взглядов на данную проблему для выявления, с одной стороны, общих черт, с другой – особенностей.

Обратившись к данной проблеме, сразу же можно столкнуться с тем, что до сих пор нет серьезной и глубокой монографии по данной теме в отечественной историографии. Такой труд не появился ни в XVIII, ни XIX, ни в XX, ни в начале XXI в. В то же время нельзя отрицать, что в разные периоды разные историки обращались в своих исследованиях к данной проблеме, даже посвящали ей целые главы книг.

Так, историк XVIII в. князь М. Щербатов в конце XVIII столетия создал труд под названием «О повреждении нравов в России», в котором он первым из всех коснулся царствования Екатерины II. Основной идеей книги является исследование того, как, начиная с Петра I, портится нравственность при дворе. Период же Екатерины II является как бы выводом, иллюстрацией того, к чему пришли царственные особы и их окружение за многие годы, начиная с Петра I и заканчивая Екатериной II. М. Щербатов, говоря о чтении и переводе Екатериной II произведений французских просветителей, дает этому занятию резко отрицательную оценку. Он говорит о том, что мораль Екатерины II, построенная «на основании новых философов» [2. С. 119] нетверда, ибо отрицает Закон Божий. Вообще этому вопросу князь М. Щербатов посвящает буквально несколько строк, хотя из них сразу видно негативное отношение историка к французским просветителям. Он дает понять, что государю (государыне) «не пристало» увлекаться таким чтением.

В XIX в. историкам предоставляется право взглянуть на эту тему, так сказать, со стороны. Прошел определенный период времени, за который сменились государи, изменились общественные взгляды, проявились некоторые результаты деятельности предыдущих поколений; «…счеты потомства с Екатериной II сведены, – писал Ключевский, – для нас она не может быть ни знаменем, ни мишенью; для нас она только предмет изучения. Сотая годовщина ее смерти располагает не судить ее жизнь, а вспомнить ее время; оглянуться на свое прошлое, а не тревожить старые могилы, и среди похвальных слов и обличительных памфлетов осторожно пройти к простым итогам давно окончившейся деятельности» [3. С. 311].

В 1801 г. в связи с восшествием на престол Александра I Николай Михайлович Карамзин пишет «Историческое похвальное слово Екатерине II» [4]. Эта небольшая работа, конечно же, полна пафоса и всяческих возвышенных и одобрительных слов в адрес императрицы. Однако в своей небольшой работе Карамзин уделил несколько строк и взаимоотношениям Екатерины II с просветителями. По мнению автора, французские философы боготворили императрицу и лично хотели выразить ей свое восхищение и почтение. Екатерина II же, по мнению Карамзина, достаточно трезво и объективно относилась к идеям французского просвещения и с большой осторожностью претворяла их в жизнь. Ее мудрость политического лидера не позво-

ляла ей некритично внедрять на практике идеи философов [4. С. 35, 37]. Интересно, что уже в этом небольшом труде Н.М. Карамзин говорит и о той роли, которую должен был сыграть «Наказ», написанный под влиянием просветителей. Вот что он пишет: «Наказ долженствовал быть для депутатов ариадниною нитью в лабиринте государственного законодательства; но он, открывая им путь, означая все важнейшее не сем пути, содержит в своих мудрых правилах и душу главных уставов, политических и гражданских, подобно как зеркало заключает в себе вид и плод растения» [4. С. 20–21].

Заканчивая свою работу «История России с древнейших времен» [5] периодом царствования Екатерины II, С.М. Соловьев посвящает теме «Екатерина II и французские просветители XVIII века» уже целые страницы. Причем он не просто дает описание взаимоотношений Екатерины II и французских просветителей, а пытается выстроить определенную структуру исследования данной темы. Вначале он дает характеристики Вольтеру и Монтескье, Дидро и Д'Аламберу, Гельвецию и Руссо. Затем говорит о том, чем вызвано было такое активное стремление и с той и с другой стороны к общению. Он видит со стороны Екатерины не только желание приобрести сильных союзников и место покровительницы европейского Просвещения, но и стремление применить результаты этого движения у себя, в России [5. С. 491]. Со стороны же, например, Вольтера, как считает Соловьев, было лишь тщеславное стремление «к известности, почестям и отличиям» [5. С. 487]. И еще одним подтверждением того, что взаимоотношения Екатерины II с просветителями были не пустым занятием, а делом государственной важности, является тщательный анализ «Наказа» Екатерины II, в котором во всей полноте проявились результаты серьезного труда над произведениями французских просветителей, в особенности над трудом Монтескье «Дух законов».

В 1875 г. в первом томе ежемесячного журнала «Древняя и новая история России» появилась работа академика Я.К. Грота, посвященная воспитанию Екатерины II. Несколько строк в этой работе посвящены знакомству и переписке императрицы с Вольтером. Хотя эта работа носит в большей степени характер констатации событий, повлиявших на становление характера будущей правительницы России, есть здесь и личное мнение ученого по поводу взаимоотношений Екатерины и Вольтера. По мнению Я.К. Грота, Екатерина хоть и была очарована умом Вольтера и считала себя его ученицей, однако в важных вопросах, касавшихся управления государством, религии, общественных отношений, сохраняла свое собственное мнение, стараясь высказать его как можно мягче своему учителю [6. С. 120–121].

В 1885 г. появилась книга А.Г. Брикнера «История Екатерины Второй». В обширном труде этого русского историка царствование императрицы Екатерины II рассмотрено с позиций историка-монархиста. Не придерживаясь строго хронологического порядка, автор разделил свой труд на несколько частей. В первой изложены события до переворота 1762 г. включительно; во второй говорится об опасностях, угрожавших престолу Екатерины II, в особенности со стороны разных претендентов и самозванцев, до 1775 г.; третья часть посвящена истории внешней политики при Екатерине II; четвертая – законодательству и администрации; наконец, в пятой рассказывается о последних годах царствования Екатерины II. Автор считает, что Екатерина II пыталась на практике использовать идеи Просвещения. «С самого первого времени своего царствования, – пишет А. Брикнер, – она старалась применять к практике идеи о благосостоянии народа, законности, свободе; не щадя ни труда, ни времени, она изучала весьма тщательно вопросы законодательства и администрации, причем обращала особое внимание на общие правила человеколюбия и либерализма» [7. С. 524]. Интересную мысль высказал Брикнер по поводу «Наказа» Екатерины II. Он считал, что в «Наказе» императрицы были либеральные начала, но члены партии консерваторов (Орлов, Панин, Сиверс, Бибиков) устранили их, когда императрица дала им «Наказ» для ознакомления.

Если А. Брикнер не отказывает Екатерине II в приверженности к либеральным идеям, то следующий автор смотрит на это несколько иначе. Польский историк, писатель и публицист К. Валишевский опубликовал в 1893 г. книгу «Роман императрицы». Эта работа дает описание всей жизни великой императрицы. Есть здесь и описание взаимоотношений Екатерины II и французских просветителей. Вот что думает об этом Валишевский: «Екатерина была другом Вольтера и всех философов вообще. Ей нравилось, – или она делала вид, что ей нравится, – общество писателей, ученых, художников. Она любила, – или думала, что любит, – книги, произведения живописи, ваяния и архитектуры. Она купила библиотеку Дидро, библиотеку Фернейского патриарха, и поставщики ее музеев, Гримм и Рейффенштейн, выбивались из сил, чтобы удовлетворить всем ее требованиям... По отношению к западу она играла роль мецената, главным образом потому, что это служило ей рекламой» [8. С. 404]. Говоря о «Наказе» Екатерины II, в отличие от предыдущего автора, Валишевский считает, что в нем было более консерватизма, чем либерализма.

В 1890–1896 гг. еще один историк и публицист обратился к периоду царствования Екатерины II, – это был В.А. Бильбасов. К сожалению, его труд «История Екатерины II» оказался незаконченным, напечатаны лишь первые два тома, где дается подробное описание жизни и деятельности Екатерины II до 1764 г.

В первом томе этой работы мы можем прочитать следующее: «Чтение "Духа законов" принесло большую пользу Екатерине, не получившей политического образования: из него она познакомилась с общими положениями государственного права, узнала юридические основы взаимных отношений, усвоила политические тенденции» [9. С. 296]. Как видим, автор признает влияние французских просветителей, и в частности Монтескье, на Екатерину II. Это влияние сказалось в первую очередь в том, что оно имело образовательный характер.

В 1910–1911 гг. В.О. Ключевский пишет пятую часть своего «Курса русской истории», где, в частности,

идет речь и о царствовании Екатерины II. Ключевский высказывает свое ви́дение причин взаимоотношений императрицы с французскими просветителями. Он считает, интерес к ним со стороны Екатерины был вызван, во-первых, скукой (18 лет замужества), во-вторых, тщеславием, стремлением быть всегда на виду, слышать разговоры и лестные отзывы о себе, выступать для окружающих защитницей гонимых просветителей. «Задумав дело, она больше думала о том, что скажут про нее, чем о том, что выйдет из задуманного дела; обстановка и впечатление были для нее важнее самого дела и его последствий» [3. С. 33].

Своеобразен отзыв Ключевского на «Наказ». Его он считал такой же пробой пера, как и драматические произведения Екатерины II. Своим «Наказом» она лишь несколько раздражала слух окружающих, заигрывала с ними, «допускала косвенное и даже прямое участие общества в управлении» [3. С. 83], однако все нити самодержавия она крепко держала в своих руках.

Ученик В.О. Ключевского А.А. Кизеветтер поддерживал своего учителя и считал, что вся деятельность Екатерины II носила поверхностный характер. Уже в своей докторской диссертации, а затем и в других работах, посвященных Екатерине II, он утверждал, что вся ее законодательная деятельность была направлена на рекламу своей бурной деятельности и в меньшей степени на действительное преобразование жизни подданных. Вот что он писал в очерке о Екатерине II: «Еще более важную роль в “ремесле правителей” она отводила рекламе. Здесь ее искусство не знало границ. В одинаковой мере она рекламировала сама себя и пользовалась в этом деле другими людьми как своими орудиями. Реклама была ее родная стихия. Здесь каждый ее шаг, каждое ее движение стояли наверху мастерства» [10. С. 126]. И именно в этих целях использовала она и французских просветителей. Нередко она напрямую просила своих партнеров по переписке распространить нужные ей сведения за границей, что те с большой охотой и делали, особенно ей это было необходимо в тревожные моменты, в годы внутренних «передряг» или периоды внешней опасности. И той и другой стороне было очень лестно обоюдное внимание. Екатерине льстило называть себя ученицей Вольтера, тот же вместе с другими коллегами по цеху были рады повергнуть к ее ногам свои литературные дарования и свои имена «и стали на все лады славословить “северную Минерву или Семирамиду”, не скупясь на лесть, не останавливаясь ни перед какими гиперболами» [10. С. 130]. Правда, отмечает А.А. Кизеветтер, бывали между философами и императрицей и небольшие разногласия. Иногда они пытались указать ей на недостатки правительственной системы, однако Екатерина, по мнению автора, всегда умела в ироничной форме указать на то, что рассуждать и философствовать легче, чем иметь дело с живыми людьми.

Вообще в своих изысканиях А.А. Кизеветтер приходит к интересному выводу, касающемуся характера Екатерины II. По его мнению, она была крайне самоуверенной, обладающей природным эгоистическим оптимизмом, ей были чужды приступы сомнения в своих силах и разочарования в достигнутых результатах. У нее были природное влечение к самоудовлетворенному спокойствию души, несокрушимая уверенность в неизменном успехе всех своих начинаний. Она бралась писать законы для всех областей жизнедеятельности государства, порой совершенно не понимая сути проблемы. Также она выступала и в роли драматурга, и в роли журналиста, и даже историка. Но все это было на уровне посредственности. «Этот всеобъемлющий дилетантизм выражал натуру бодрую, жадную до впечатлений бытия, но направленную именно на вбирание в себя всей полноты этих впечатлений и гораздо менее – на борьбу с окружающей действительностью» [10. С. 135–136]. И именно вот эти качества императрицы сыграли, по мнению А.А. Кизеветтера, свою негативную роль в совершенно неудовлетворительной законодательной деятельности Екатерины. Она всего лишь подновляла и перекрашивала «фасад государственного здания» [11. С. 261]. В целом изучение исследований А.А. Кизеветтера приводит к выводу, что автор рассматривал деятельность императрицы отдельно, оторвано от исторических реалий, не учитывая окружающую ее обстановку, неготовность российского общества того периода к радикальным переменам. Объективные условия жизни екатерининского периода выносятся как бы за рамки изучения деятельности императрицы.

Близкой позиции придерживался и историк М.К. Любавский. Весной 1911 г. он прочитал курс «История царствования Екатерины II» в Императорском Московском университете. Он также считал, что читать французских философов Великая княгиня Екатерина Алексеевна начала от скуки, «молодая княгиня не встречала ни ласки мужа, ни занятий, ни дела и поэтому скучала, от скуки Екатерина принялась за чтение... В 1746 году Екатерина стала читать сочинения Вольтера, которые много способствовали образованию и просвещению ее ума и головы... Чтение оказало могучее влияние на духовную жизнь Екатерины, на ее понятия и чувства» [12. С. 38–39].

Весьма оригинальную мысль высказал этот историк по поводу демографического аспекта жизни Российской империи рассматриваемого периода. «Екатерина, будучи поклонницей французской просветительной литературы, верила, что в том государстве процветают образование, наука, искусство, торговля и промышленность, в котором много населения» [12. С. 64]. В связи с этим 15 октября 1762 г. она повелевает Сенату принимать в Россию всех иностранцев, кроме евреев. Колонистам давались самые разные льготы, а также получали они и денежное пособие, тем самым было положено начало заселению Поволжья и южных степей. Надеялась она и на то, что иностранцы будут благоприятно влиять на культуру и образование русских, однако этого не произошло, так как иностранные колонисты предпочитали жить особняком.

В 1912 г. выходит исторический сборник «Три века. Россия от Смуты до нашего времени» под редакцией В.В. Каллаша, четвертый том которого посвящен второй половине XVIII в. Ряд работ из этого издания рассматривают разные стороны жизни Российской империи в годы правления Екатерины II. Сам редактор

данного сборника также написал очерк, в котором дал свое ви́дение жизни и деятельности великой императрицы. Затрагивая вопрос о взаимоотношениях Екатерины II и французских просветителей, он отметил, что «…не одна мода или случайность натолкнули ее на просветительскую литературу: она сразу должна была почувствовать, насколько просветительные идеи родственны основным особенностям ее натуры» [13. С. 469]. По мнению автора, она жадно впитывала эти идеи и видела серьезный контраст между той жизнью при дворе, которая существовала, и тем, что проповедовали просветители. Она искренне желала блага стране, в которой оказалась по воле случая. Однако по прошествии времени императрица начала понимать, что мысли просветителей, которые были ей столь близки, очень часто вступали в противоречие с требованиями разных сословий и особенно дворян, и она, по мнению автора, все чаще идет по пути наименьшего сопротивления, берет из идей просветителей только то, что не вызывает протеста в среде ее окружения. Только чистый политический расчет руководил ею во всех начинаниях. Но был и другой интерес: переписка с французскими философами «создавала репутацию, популярность, отчасти руководила общественным мнением Европы, была звеном полезных и интересных связей, знакомила с лучшими произведениями, новинками, сплетнями, помогала вызывать нужных специалистов и делать заказы, была, наконец, развлечением, забавой» [13. С. 483]. «Французским же философам было лестно и важно иметь коронованных поклонников и поклонниц, и они смотрели сквозь пальцы на некоторые противоречия и шероховатости» [13. С. 482]. Некоторые из философов, по мнению автора, придавали слишком серьезное значение этим отношениям, за что и поплатились. Так произошло, например, с Дидро. После приезда в Петербург и общения с императрицей он понял, что серьезных шагов по изменению жизни в России не стоит ждать. И это, в свою очередь, привело к взаимному охлаждению и разочарованию.

Однако В.В. Каллаш отдает должное Екатерине II; он отмечает, что благодаря ей в землю просвещения народа были брошены хорошие семена. Императрица внесла свою лепту в развитие образования, в том числе и женского, она благоприятно повлияла на развитие литературы и журналистики, да и в исторической науке ею был оставлен свой след.

В этом же сборнике мы находим и статью В. Уланова, посвященную «Наказу» Екатерины II. Автор подтверждает признание Екатерины II, что она действительно использовала в своем «Наказе» труд Монтескье «Дух законов» и работу Беккариа «О преступлениях и наказаниях». «Впрочем, Екатерина заимствовала из этих трудов только то, – пишет он, – что казалось ей наиболее безвредным для самодержавной власти и “естественного положения сего государства”» [13. С. 504]. Говоря о работе Уложенной комиссии, автор отмечает, что среди депутатов от разных сословий была непримиримая рознь, которая стала одной из причин закрытия работы Комиссии. Императрица получила все необходимые ей сведения о состоянии дел в стране и теперь могла самостоятельно заняться законодательной деятельностью, не рискуя получить подчас неожиданности со стороны этого собрания.

Следующая статья, которую мы находим в этом сборнике, посвящена учреждению об управлении губерний и жалованным грамотам дворянству и городам. Автор данной работы М. Богословский утверждает, что идеи французских просветителе, в частности Монтескье, отразились в этих законах, хотя и признает, что они были серьезно переработаны. В основе данных законодательных актов лежали все же наказы от сословий, составленные депутатами Уложенной комиссии, но «налет» просветительских идей все-таки присутствовал [13. С. 522–534].

Последняя статья этого сборника, которую хотелось бы отметить, посвящена школе екатерининской эпохи. Автор Н. Соловьев пишет, что в период правления Екатерины II начинается целое педагогическое движение: «Идейное движение возникает под непосредственным воздействием западноевропейской мысли, но эта мысль часто усваивается нашими школьными реформаторами поверхностно и своеобразно, хотя и порождает смелые начинания» [13. С. 561]. Автор отмечает, что идеи французских просветителей не остались только на бумаге в указах и постановлениях, но обрели свои реальные черты на практике. Сама Екатерина писала Гримму о том, что в Петербурге наконец-то появились нормальные школы, основанные по всем правилам, где учились более тысячи учеников.

Авторы последних двух работ попытались показать, что идеи французских просветителей не остались только на бумаге, но и реально были воплощены в жизнь.

В 1917 г. выходит работа С.Ф. Платонова «Полный курс лекций по русской истории». Говоря о влиянии идей Просвещения на Екатерину II, он впервые отмечает, что либеральная французская философия, которая была близка императрице, не могла быть применена к практической жизни русского государства в силу объективных обстоятельств. «Екатерина образовалась на либеральной французской философии XVIII в., усвоила и даже высказывала открыто ее “вольнодумные” принципы, но не могла провести их в жизнь или по неприложимости их, или вследствие противодействия окружающей ее среды» [14. С. 461].

Следует также сказать несколько слов об отечественной периодике XIX – начала XX в., так как личность великой императрицы волновала не только профессиональных историков, но и широкий круг образованных людей. Небольшие исследования, мнения, высказывания о Екатерине II, публикации ее писем, трудов, произведений – все это мы можем найти во многих журналах дореволюционной России: «Вестнике Европы», «Отечественных записках», «Русском архиве», «Сборниках русского исторического общества» и др. В данной статье мы не предполагаем изучение этих публикаций, так как считаем, что этому интереснейшему аспекту должно быть посвящено отдельное исследование, которое покажет взгляды широкой публики на взаимоотношения Екатерины II и французских просветителей.

Таким образом, первые попытки дать оценку взаимоотношениям Екатерины II с французскими просве-

тителями предприняли историки и исследователи XVIII – начала XX в. Принадлежа к разным историческим школам, они высказывали порой совершенно противоположные точки зрения на эти взаимоотношения. Однако начиная с князя Щербатова и заканчивая Платоновым, все они признавали, что это влияние не прошло даром для России и оказало свое непосредственное воздействие как на саму императрицу, так и на общественное сознание, а порой и на жизнь огромной империи. Многие исследователи данного вопроса старались найти факты, указывающие на необходимость этих взаимоотношений для развития страны или, напротив, на их пагубное влияние на нравы соотечественников и самой императрицы. Именно исследователи дореволюционной России попытались проследить, как Екатерина II, увлекшись еще в юности идеями французского просвещения, пронеся их практически через всю свою жизнь, создавала свои проекты законов, которые в той или иной мере реализовывались на практике. Влияние идей французского просвещения лежало не только в плоскости государственной законодательной практики, но и в сфере культуры и образования. Интересно, что исследователи рассматриваемого периода сделали попытку выяснить и то, что подтолкнуло к этим отношениям самих французских просветителей, чего они добивались и к чему стремились, устанавливая связи с русской императрицей.

Какой же вывод можно сделать по результатам изучения работ дореволюционных историков, каких воззрений они придерживались относительно темы взаимоотношений Екатерины II и французских просветителей?

1. Знакомство с идеями французских просветителей отрицательно влияло на нравственность Екатерины II (Щербатов).

2. Екатерина II хотела применить идеи французского Просвещения в России (Карамзин, Соловьев, Брикнер, Любавский, Платонов, Каллаш, Богословский, Н. Соловьев).

3. Стремление к знакомству с французскими просветителями вызвано тщеславием (Валишевский, Ключевский).

4. Екатерина II очень умело использовала французских просветителей, чтобы рекламировать свою бурную деятельность за границей (Кизеветтер, Каллаш).

5. Стремление к знакомству вызвано скукой (Ключевский, Любавский).

6. Знакомство с идеями французского Просвещения имело образовательный характер (Бильбасов, Грот).

7. Со стороны французских просветителей стремление к знакомству с Екатериной II вызвано стремлением к почестям и славе (Карамзин, Соловьев, Кизеветтер, Каллаш).

8. «Наказ» Екатерины II – это политическая программа или манифест молодой императрицы, согласно которому она собиралась перестроить всю систему государственного управления (Карамзин, Уланов).

9. В «Наказе» Екатерины II, как считают Брикнер, Любавский, Платонов, были либеральные начала.

10. В «Наказе» было более консерватизма (Валишевский).

11. «Наказ» – такая же проба пера, как и драматические произведения Екатерины II (Ключевский, Кизеветтер).

Список источников

1. Современный словарь иностранных слов / ред. Е.А. Гришина. М. : Рус. язык, 1992. 740 с.
2. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева : факсимильное изд. М. : Наука, 1983. 176 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения : в 8 т. М. : Изд-во соц.-экон. лит, 1958. Т. V, ч. 5. 504 с.
4. Карамзин Н. Историческое похвальное слово Екатерине II // Екатерина II. Памятник моему самолюбию. М. : Изд-во Эксмо, 2003. С. 5–39.
5. Соловьев С.М. История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Мысль, 1965. Кн. XIII. 647 с.
6. Грот Я.К. Воспитание Екатерины II // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 1, № 2. С. 110–125.
7. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. М. : Современник, 1991. 932 с.
8. Валишевский К. Роман императрицы: Екатерина II императрица всероссийская. М. : Квадрат, 1994. 416 с.
9. Бильбасов В.А. История Екатерины II. Берлин : Изд. Ф. Готтенгейнера, 1990. Т. 1. 659 с.
10. Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 480 с.
11. Кизеветтер А.А. Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии : исторические очерки. М. : Территория будущего, 2006. 448 с.
12. Любавский М.К. История царствования Екатерины II. СПб. : Лань, 2001. 256 с.
13. Три века. Россия от Смуты до нашего времени : в 6 т. : сб. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов; ред. В.В. Каллаш. М. : ГИС : Патриот, 1992. Т. 4: XVIII век, вторая половина. 576 с.
14. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов н/Д : Феникс, 2000. 576 с.

References

1. Grishin, E.A. (ed.) (1992) *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Shcherbatov, M. & Radishchev, A. (1983) *O povrezhdenii nravov v Rossii knyazya M. Shcherbatova i Puteshestvie A. Radishcheva* [On the corrupted morals in Russia by Prince M. Shcherbatov and the Journey of A. Radishchev]. Moscow: Nauka.
3. Klyuchevsky, V.O. (1958) *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 vols.]. Vol. 5. Moscow: Izd-vo sots.-ekon. lit.
4. Karamzin, N. (2003) Istoricheskoe pokhval'noe slovo Ekaterine II [Historical praiseworthy word to Catherine II]. In: Catherine II. *Pamyatnik moemu samolyubiyu* [A Monument to My Self-Esteem]. Moscow: Eksmo. pp. 5–39.
5. Solovyov, S.M. (1965) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 kn.* [History of Russia since ancient times. In 15 vols]. Vol. 13. Moscow: Mysl'.
6. Grot, Ya. K. (1875) Vospitanie Ekateriny II [Education of Catherine II]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*. 1(2). pp. 110–125.
7. Brickner, A.G. (1991) *Istoriya Ekateriny Vtoroy* [History of Catherine The Second]. Moscow: Sovremennik.
8. Valishevsky, K. (1994) *Roman imperatritsy: Ekaterina II imperatritsa vserossiyskaya* [The novel of the Empress: Catherine II Empress of all Russia]. Moscow: Kvadrat.
9. Bilbasov, V.A. (1990) *Istoriya Ekateriny II* [History of Catherine II]. Vol. 1. Berlin: F. Ottenheimer.
10. Kiesewetter, A.A. (1997) *Istoricheskie siluety* [Historical Figures]. Rostov on don: Feniks.

11. Kiesewetter, A.A. (2006) *Iz istorii politicheskikh idey. Shkola i prosveshchenie. Russkiy gorod v XVIII stoletii. Iz istorii Rossii v XIX stoletii: istoricheskie ocherki* [Historical essays: From the history of political ideas. School and education. Russian city in the 18th century. From the history of Russia in the 19th century]. Moscow: Territoriya budushchego.
12. Lubavsky ,M.K. (2001) *Istoriya tsarstvovaniya Ekateriny II* [History of the reign of Catherine II]. St. Petersburg: Lan'.
13. Kallash, V.V. (ed.) (1992) *Tri veka. Rossiya ot Smuty do nashego vremeni: v 6 t.* [Three centuries. Russia from the Troubles to our time. In six vols]. Vol. 4. Moscow: GIS, Patriot.
14. Platonov, S.F. (2000) *Polnyy kurs lektsiy po russkoy istorii* [A Comprehensive Course of Lectures on Russian History[. Rostov-on-Don: Feniks.

***Сведения об авторе*:**
Егорова Мария Васильевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного медицинского университета (Челябинск, Россия). E-mail: m_egorova@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Egorova Maria V. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Social Sciences and Humanities of the South Ural State Medical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: m_egorova@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2021; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 22.02.2021; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 904'18.47(Крым)
doi: 10.17223/19988613/92/14

«Старый дворец» близ Симферополя: отечественная историография о мечети Эски-Джами

Дмитрий Анатольевич Ломакин

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, LomakinDA@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена история исследования средневековых историко-археологических памятников, расположенных на современной территории с. Пионерское близ Симферополя (Республика Крым). Выделены основные этапы изучения, обобщен опыт идентификации в отечественной историографии. Охарактеризованы первые попытки сохранения и охраны архитектурных объектов, связанные с деятельностью Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) в конце XIX в. Представлен опыт археологического освоения памятника. Подчеркнута дальнейшая необходимость археологических исследований сохранившихся объектов.
Ключевые слова: с. Пионерское, мечеть Эски-Джами, памятник архитектуры, объект культурного наследия, история изучения, историография

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

Для цитирования: Ломакин Д.А. «Старый дворец» близ Симферополя: отечественная историография о мечети Эски-Джами // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 113–126. doi: 10.17223/19988613/92/14

Original article

“Old Palace” near Simferopol: domestic historiography on the Esqi-Jami Mosque

Dmitry A. Lomakin

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation, LomakinDA@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to accumulate, systematize and generalize the experience of studying of the medieval buildings located in today’s village of Pionerskoe, first of all, the mosque under the conventional name of Esqi-Saray and ruined remains of, presumably, a caravanserai – landmarks of Central Crimea Muslim architecture – whose current stage of studying gave rise to numerous hypotheses, ideas and theories, often mutually contradictory and based both on scientific facts and unsubstantiated guesses. The author sets the task to fill the gaps in the history of studying of these architectural and archaeological sites, from the last quarter of the 18th century to the present.

Research materials: travel notes made by numerous travellers who visited the Crimean peninsula both for personal purposes and in the performance of duty, starting from the last quarter of the 18th century (A. N. Demidov, F. DuBois de Montperreux, Ch. Montandon, P. S. Pallas, P. I. Sumarokov); results of studies carried out by domestic researchers in the field of landmark studies, in particular, of Muslim historical and archaeological sites of the Crimean peninsula (B. N. Zasypkin, E. D. Zilivinskaya, V. P. Kirilko, A. L. Yakobson and others). Earlier historical sources (works by Evliya Celebi and others), as well as materials from the cartographic stock of the A. Ch. Steven Taurica Scientific Library of the Taurida Central Museum (Simferopol) were also used.

Results and novelty of the research: This work includes the history of studying of the medieval history and archaeology landmarks located in today’s village of Pionerskoe near Simferopol (Republic of Crimea). The main stages of study are highlighted and the experience of identification is generalized in domestic historiography. The author also described the first attempts to preserve and protect architectural sites associated with the activities of the Taurida Scientific Archival Commission in the late 19th century and presented the experience of archaeological study of the landmark.

The following main stages of study of the landmark were singled out: 1. The end of the 18th century – the first half of the 19th century: sketches in the travel notes of travellers who visited Crimea in large numbers after it became the part of Russia. The earliest details of landmarks appearing in Russian historiography; 2. The late 19th century – the 1920s: the first scientific experience in landmark studies. Attempts to attract the attention of the authorities and the public to the problem of preservation of cultural heritage sites on the territory of the village. The first successful restoration of the mosque; 3. The 1960s – the present: the revival of scientific interest in Pionerskoe’s landmarks, the beginning of archaeological research on the territory of the settlement. Public registration of the Esqi-Jami mosque.
Keywords: village of Pionerskoe, Esqi-Jami Mosque, architectural monument, cultural heritage site, history of study, historiography

© Д.А. Ломакин, 2024

Acknowledgements: This work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2023-0004 «Historical Experience of Interethnic Interaction in the Crimea from Antiquity to Modernity» supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Lomakin, D.A. (2024) “Old Palace” near Simferopol: domestic historiography on the Esqi-Jami Mosque. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 113–126. doi: 10.17223/19988613/92/14

На современной территории с. Пионерское Добровского сельского поселения (Симферопольский район, Республика Крым), на правом берегу р. Салгир, в ее пойме, расположены руинированные остатки средневековой мечети Эски-Джами. Памятник расположен по адресу: Республика Крым, Симферопольский район, сельское поселение Добровское, с. Пионерское, ул. Эски-Джами, д. 2, литера «А». Взят на учет постановлением Совета министров Украинской ССР от 24 августа 1963 г. № 970. Учетный номер 300-Н. Решением Крымского областного исполнительного комитета от 22 мая 1979 г. № 284 установлена охранная зона в радиусе 50 м от здания. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2015 г. № 2073-р имеет статус памятника федерального значения. (рис. 1, 2).

Территория вокруг памятника в советское время подвергалась регулярной распашке, в 1990-е гг. была самовольно застроена.

Первые упоминания мусульманских памятников поселения в отечественной историографии относятся к концу XVIII в. и связаны с исследовательской деятельность П.С. Палласа. Академик, находясь в Крыму, обратил внимание на неизученные к тому моменту объекты старины: «…Заметна деревня Ески-Сарай в расстоянии почти 12 верст от Ак-Мечети на левой стороне вышеназванной речки (Салгир. – *Д.Л.*) как самая любопытная по находящейся в ней старой крепости, состоящей из неправильной четырехугольной стены, построенной подле горы, с четырьмя башнями, все на известковом растворе; может быть, она составляет работу генуэзцев. В этой деревне, красиво расположенной, есть большая мечеть» [1. С. 87].

Оригинальный тезис в 1802 г. был предложен П.И. Сумароковым. Чиновником сделано ничем не обоснованное предположение о первоначальном месте строительства Белой мечети, давшей в дальнейшем название поселению, на территории близ Эски-Сарая: «В 1500 году Ибрагим-Бей за счастливый поход против россиян получил от хана по Салгиру места себе в награду, и от построения им тут Белой мечети селение то назвалось Ак-мечеть. Кажется, не подвержено сомнению, что та Ак-мечеть существовала верстах в 12 отсюда, вверх по Салгиру близ деревни Магмут-Султан[1], где по ныне видны каменные стены небольшой крепостцы и опустелая мечеть. <…> Но, наконец, неизвестно по какой причине оная оттуда перенесена была» [2. С. 114]. Смелое утверждение всерьез воспринято не было и в дальнейшем не рассматривалось.

Рис. 1. Мечеть Эски-Джами. Вид с северо-востока. Фото автора. 2018 г.

Рис. 2. Мечеть Эски-Джами. Вид с юго-востока. Фото автора. 2018 г.

Попытки осуществить ремонт значительно поврежденной к тому моменту мечети Эски-Джами предпринимались в 20-х гг. XIX в. Детали не увенчавшихся успехом начинаний известны благодаря публикации на страницах «Известий Таврической ученой архивной комиссии» (ИТУАК) ряда дел из архива канцелярии Таврического губернатора А.Х. Стевеном, работавшим в тот момент над составлением археологической карты Таврической губернии [3]. Информативным является дело № 170 «О поддержании достопамятных древностей Тавриды», раскрывающее отдельные результаты экспедиции в Крым академика Е.Е. Кёлера и архитектора Эжена Паскаля в 1821 г. [4; 5; 6. С. 77–80]. В отчете о поездке была названа сумма в 41 тыс. рублей ассигнациями, необходимая на реставрацию памятников Крыма, из которой 5 тыс. было предусмотрено на ремонт «укреплений мечети в Эски-Сарае» [3. С. 37; 4. С. 385]. Министром внутренних дел графом В.П. Кочубеем, со ссылкой на консультации с Таврическим губернатором Н.И. Перовским, в смету были внесены существенные корректировки. Общая сумма сокращалась до 10 тыс. рублей [4. С. 402] и предназначалась исключительно для поддержания укреплений Балаклавы, Мангупа и Судака; мусульманские памятники пред-

полагалось привести в порядок за счет пожертвований местного населения. Мечеть в Эски-Сарае «нужно отделать только внутри, для отправления в ней богослужения, мера эта предохранит ее от дальнейшего разрушения. Для приведения оной в исполнение можно пригласить к пожертвованиям жителей окрестных мест <…> не вводя казну в излишние издержки» [3. С. 39].

Н.И. Перовский с целью предотвращения разорения памятников древности предпринял самостоятельную попытку получить информацию о их состоянии, обратившись к владельцам имений, где они располагались. «Мемет-мурза Крымтаев отвечал, что древние стены и мечеть в Эски-Сарае принадлежат ему и по возможности будут поддерживаться от разорения. Чтобы отделать мечеть, нужен капитал, а для нынешних жителей для отправления богослужения достаточен и притвор к мечети, который поддерживается в своем виде» [3. С. 40]. Далее Н.И. Перовским, после одобрения муфтия, была открыта «между магометанами добровольная подписка для поддержания и отделки евпаторийской и эски-сарайской мечетей» [3. С. 41]. Подводя итог, А.Х. Стевен был вынужден констатировать, что «все благие начинания окончились лишь этой канцелярской перепиской» [3. С. 41].

Швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший Крымский полуостров в начале 30-х гг. XIX в., в своих подорожных записях оставил скудные описания, вероятно, относящиеся к руинам караван-сарая, располагавшегося некогда близ мечети. Последняя не была удостоена внимания: «…Эски-Сарай – загадочное сооружение, окруженное высокой стеной в форме параллелограмма и увенчанное зубцами, которое татары считают незаконченным дворцом одного из своих ханов» [7. С. 129].

Практически отсутствуют сведения о мечети в записках еще одного уроженца Швейцарии, автора первого путеводителя по Крыму Шарля Монтандона, любовавшегося, как и его предшественник, величественными остатками постоялого двора, принимая их то ли за генуэзскую крепость, то ли за разрушенный ханский дворец: «Деревня и хорошо сохранившиеся руины, которые заметны слева на небольшом расстоянии от дороги, называются Эски-Сараем. По словам татар, это ханский дворец, который не был достроен. Господин Паллас предполагает, что это небольшая генуэзская крепость. Большая деревня, которую пересекаем в трех верстах оттуда, называется Султан-Махмудом. <…> Мечеть и прекрасные фруктовые сады возле дома мурзы придают этому месту изящество, которое не встречается в других селениях долины» [8. С. 113–114].

Подобные рассуждения присутствуют и в путевых записях А.Н. Демидова, посетившего Крым в 1837 г.: «Мы переехали через реку Салгир по Джольмскому мосту и видели невдалеке оттуда развалины, известные под именем Эски-Сарая, что на татарском языке значит “Старый дворец”. По уверению туземцев, развалины эти составляют остатки дворца, начатого ханами, только недостроенного. Но если верить ученому Палласу, историку, географу и натуралисту Тавриды, которую он изучал с особенной к ней любовью, то стены Эски-Сарая, еще до сих пор не упавшие, есть не что иное, как остатки небольшого генуэзского укрепления» [9. С. 431; 10. С. 192].

Руины массивного сооружения привлекли внимание и автора «Крымского сборника» П.И. Кёппена, в своей работе отметившего, что «нельзя не упомянуть мимоходом о Эски-Сарайской постройке, которую едущие из Симферополя в Алушту видят за рекой, влево от дороги, ведущей к первой станции (в Мамут-Султан). <…> Что касается Эски-Сарайской развалины, то мне кажется, что это остатки находившегося там монетного двора, по упразднении которого устроен новый в Феодосии (в марте месяце 1784 года)» [11. С. 335–337]. При этом, сомневаясь в своем предположении, он добавил: «Странно однако же то, что этот Эски-Сарайский монетный двор, сколько мне известно, ориенталистами не упоминается в числе мест, где чеканилась монета» [11. С. 337]. П.И. Кёппен по поводу домыслов П.И. Сумарокова заключил, что «нет сомнения, Сумароков говорит об Эски-Сарайской постройке, которую Паллас несправедливо приписывал генуэзцам» [11. С. 337].

Информативные сведения содержит опубликованный текст третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии 1889 г. Преподаватель истории Ф.Ф. Лашков впервые указал на наличие погребений непосредственно у стен мечети, которые экскурсанты тогда могли наблюдать. При этом автор подчеркнул их «древность», сославшись на характерные признаки в устройстве могильных памятников. Ф.Ф. Лашков отметил наличие «древнего кладбища на ближайшей горе по другую сторону Салгира» [12. С. 43]. Он же предположил единовременность постройки караван-сарая и мечети, относя их возведение ко времени Крымского ханства. Бездоказательная, но популярная тогда идея о функционировании на территории поселения монетного двора в работе не фигурирует. Устройство малой мечети Ф.Ф. Лашков сравнил с мавзолеями Бахчисарая. Он же впервые обратил внимание на наличие наружной алтарной ниши: «Древнейшее поселение татар на Салгире было, вероятно, в Мамут-Султане, в долине, где возле не очень старой мечети есть старые могилы (по своему устройству). На одну из них указывают как на принадлежавшую бывшему владельцу – Крымтаеву, первому, принявшему магометанство в этой долине. <…> Эски-Сарайская крепость и мечеть существуют и в настоящее время, на 12-й версте от Симферополя. По характеру постройки одновременны. Характер постройки не древний и, скорее, – татарских времен. Цель постройки – закрепить долину Салгира. Ни в крепости, ни в мечети жители ничего не находили. В крепости попадались изредка совершенно истлевшие кости. Мечеть – лучшая татарская постройка в Крыму: четырехугольное большое здание с круглым куполом. При ней пристроена маленькая мечеть для владельца (говорят – хана) – напоминает азизы и памятники в Бахчисарае. Население было большое, потому что молящиеся, очевидно, не вмещались в мечети, и поэтому снаружи была приделана алтарная часть» [12. С. 43].

В 1891 г. на страницах ИТУАК опубликована «Записка о древностях Таврической губернии», состав-

ленная А.Х. Стевеном. Автором представлено наиболее полное на тот момент описание руинированных остатков караван-сарая, исключено его генуэзское происхождение: «На реке Салгир, при татарской деревне Эски-Сарай, находится на покате горы небольшое древнее укрепление. Некоторые полагают, что оно генуэзское, но мнение это не имеет основания, так как нет точных сведений, что генуэзцы имели пребывание в этой части полуострова, не имеется признаков, каковы встречаются в крепостях, действительно ими построенных. Укрепление это составляет четырехугольник из высоких, зубчатых и четырьмя четырехугольными же башнями укрепленных, каменных, на извести положенных стен. Оно значительно повреждено. Из башен одной только некоторая часть уцелела, а прочие разрушились. В стенах имеется два пролома. Внутри укрепления видны остатки какого-то строения, совершенно разрушившегося» [3. С. 52]. А.Х. Стевен обратил внимание на значительные повреждения купола мечети, грозившего обрушением: «В недалеком от сего укрепления расстоянии находится древняя каменная на извести кладенная мечеть. Она не может равняться с главными старинными здешними мечетями, какова, например, евпаторийская, однако же заслуживает примечания. Стены оной довольно хорошо сохранились, но свод очень поврежден и частью обрушился. Как укрепление, так и мечеть находятся в имении крымского помещика Мехмет-Мурзы Крымтаева и ему принадлежат» [3. С. 52].

В 1896 г. на страницах «Записок Крымского горного клуба» также была высказана обеспокоенность состоянием памятника: «Развалины, известные под именем Эски-Сарай, находятся на частновладельческой земле и представляют куполообразное здание, окруженное стеной. <...> Нельзя поручиться, что не пройдет и несколько лет, как рухнет купол Эски-Сарая и вообще развалины эти будут уничтожены на камень, как уничтожено уже немало старинных памятников в Тавриде» [13. С. 32]. В качестве выхода из сложившейся ситуации автор публикации предлагал «экспроприировать развалины Эски-Сарай из частной собственности и передать в ведение губернского строительного отделения. Еще лучше, если бы какое-нибудь археологическое общество приобрело эти развалины» [13. С. 32]. Был предложен оригинальный тезис о том, что памятник является ничем иным, как «остатками единственного подлинного ханского дворца, потому что Бахчисарайский дворец есть собственно исторически архитектурная фальсификация, так как он заново устроен во времена русские по старым следам сгоревшего дворца» [13. С. 32].

Регулярная выемка камня из памятников старины селения Эски-Сарай местными жителями для собственных нужд, что привело летом 1895 г. к обрушению части стен караван-сарая, вызвала серьезные опасения членов Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) за дальнейшую судьбу мечети, располагавшейся там же. Вопрос сохранения древностей был поднят на заседании ТУАК 22 февраля 1896 г.: «Правитель дел обратил внимание членов Комиссии на продолжающееся уничтожение памятников древности в губернии, в пример чего указал на сломку без ведома Императорской археологической комиссии летом истекшего года части каменных стен (правда, сильно пострадавших от времени) в деревне Эски-Сарай, окружавших в старину, по преданию, ханский дворец или, по мнению некоторых, монетный двор» [14. С. 160]. Участниками заседания было принято решение «обратиться к Его Сиятельству князю Долгорукову как владельцу Эски-Сарая с покорнейшей просьбой Комиссии, не найдет ли он возможным принять меры к прекращению сломки означенных стен, а также к поддержке все более и более разрушающейся древней мечети устройством в ней крыши, дверей и окон, а если окажется нужным, то и контрфорсов, чтобы предохранить этот изящный памятник восточной архитектуры в Крыму от окончательной гибели» [14. С. 160].

На заседании ТУАК 25 сентября 1899 г. секретарь Комиссии уведомил присутствующих, что «ходатайство Комиссии перед светлейшим князем Долгоруким, владельцем имения Мамут-Султан, о необходимости ремонта развалин находящейся в его имении Эски-Сарай древней мечети было уважено, и князь Долгорукий препроводил в распоряжение Таврического губернатора 500 рублей на ремонт означенной мечети» [15. С. 116]. По распоряжению последнего летом 1899 г. под руководством губернского инженера С.П. Иванова были произведены ремонтные работы, «состоявшие в возобновлении обрушившегося купола мечети и исправлении обвалившихся в некоторых местах карнизов. Реставрация сделана внимательно, и первоначальный вид мечети восстановлен вполне. При этом правитель дел передал для музея Комиссии сделанные С.П. Ивановым рисунки мечети в Эски-Сарай, представляющие вид ее, план и разрез» [15. С. 116].

В картографическом фонде научной библиотеки «Таврика» им. А.Х. Стевена Центрального музея Тавриды (Симферополь) выявлен уникальный документ со штампом библиотеки ТУАК под инвентарным номером 34803, имеющий название «Остатки существующей древней мечети в имении князя Долгорукого Мамут-Султан» (рис. 3). Чертеж с указанием фрагментов реставрации мечети выполнен губернским инженером С.П. Ивановым на листе плотной бумаги (34 × 68 см), датирован 25 сентября 1899 г. Впервые опубликован в 2007 г. Л.И. Королёвой [16. С. 142].

П.В. Никольский, автор краеведческого очерка о Симферополе и его окрестностях, на страницах последнего в 1923 г. впервые указал на возможное наличие азиза в поселении Эски-Сарай, «в саду, по левую сторону дороги (Ялтинское шоссе. – *Д.Л.*)» [17. С. 27]. Исследователь наблюдал надгробную плиту и «ротонду над ней сравнительно недавнего происхождения – начала 90-х годов» [17. С. 27]. Он упомянул «остатки какого-то большого здания неизвестного назначения, которые известный исследователь Крыма Кеппен считал остатками монетного двора» [17. С. 28]. П.В. Никольский также заметил, что «на горке напротив находятся следы большого татарского кладбища, указывающего на многолюдство в прошлом этого поселения» [17. С. 28].

Автором очерка представлено наиболее полное к тому моменту описание мечети: «Мечеть представляет

из себя совершенно квадратное здание, над которым на восьмиугольном основании возвышается просторный купол. Стены сложены из хорошо отделанных известковых плит, в нижней части более крупных, достигают солидной толщины в 1 арш. 11 вер. На высоте верхней части нижних окон в толщину всей стены проходят массивные деревянные балки хорошей сохранности. Здание освещается пятью окнами с каждой стороны <...>. Четыре ничем не орнаментированных паруса <...> служат переходом от четырехугольной нижней к круглой верхней форме здания. Напротив входной двери, орнаментированной глухой стрельчатой аркой, над которой сохранилось углубление от вытянутой металлической или мраморной доски, расположен михраб, свод которого, в верхней части постепенно суживающийся, украшен характерными для мусульманского искусства сталактитами. Весьма интересная орнаментация идет и по бокам ниши. У задней стены на высоте 4 арш. 7 вер. сохранились остатки балок, некогда поддерживавших хоры» [17. С. 29] (рис. 4).

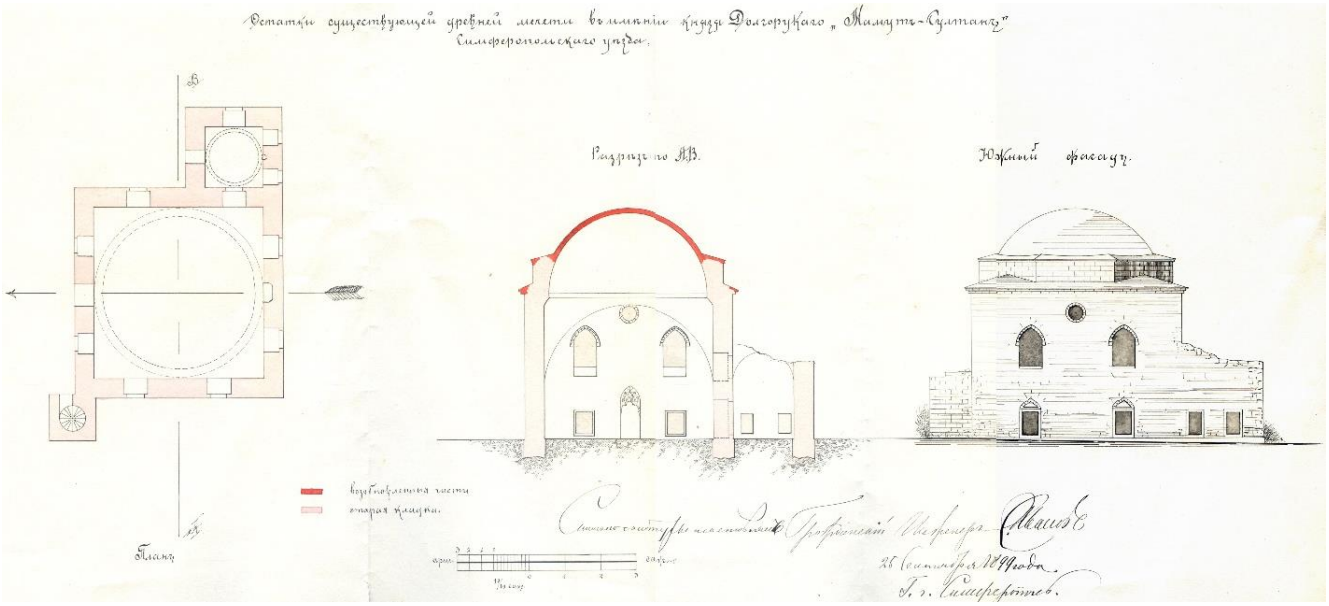

Рис. 3. «Остатки существующей древней мечети в имении князя Долгорукого «Мамут-Султан» Симферопольского уезда». Чертеж губернского инженера С.П. Иванова. 1899 г. Картографический фонд библиотеки «Таврика» им. А.Х. Стевена Центрального музея Тавриды (Симферополь), инв. № 34803

Рис. 4. Мечеть Эски-Джами до разрушения купола. Вид с юго-запада. 20-е гг. XX в.

П.В. Никольский не обошел вниманием и малую пристроенную мечеть: «К восточной стене мечети примыкает меньших размеров также квадратное помещение, более низкое, но увенчанное такой же формы куполом. Между двух окон, выходящих на юг, с прекрасным видом на Чатыр-Даг, помещается весьма похожий на только что описанный михраб. Эта малая мечеть не сообщалась с большой, так как широкое окно, соединяющее их, носит на себе следы решетки. Верхние окна заделаны. С внешней стороны крыша этой мечети представляет собой полукупол, примыкающий к стене главного помещения» [17. С. 29]. Интересна ремарка автора, в которой он упомянул «под окном (малой мечети. – *Д.Л.*) надгробный памятник. Старый на вид, украшенный по борту изображениями полумесяца» [17. С. 29]. Судьба данного памятника неизвестна, дальнейших упоминаний о нем не выявлено.

Опираясь на ряд сомнительных построений, П.В. Никольский датировал сооружение мечети концом XV – началом XVI в.: «Если допустить, что название Эски (старый) сарай (дворец) имеет связь с Ак-Мечетью – Симферополем, где уже с начала XVI в. существовал сарай Калги-Султана и с 1508 г. была своя мечеть – Кебир-Джами, то расцвет Эски-Сарая надо отнести ко времени более раннему. <...> Аналогией к данному случаю может служить другое урочище, в Бахчисарае – Эски-Юрт <...>» [17. С. 30].

Б.Н. Засыпкин, опубликовавший в 1927 г. на страницах журнала «Крым» обширную статью по мусульманской архитектуре Крыма, ставшую его своеобразным отчетом о командировке с целью обследования древностей полуострова, лишь бегло в общем контексте упомянул мечеть Эски-Джами: «Есть еще целый ряд памятников, мало исследованных и даже совсем не обследованных, главным образом из числа тех, кои находятся в руинах или от коих остались холмы, требующие археологических раскопок. <…> Настойчиво требуют дальнейшего исследования купольные мечети Евпаторийского района, развалины мечети Султан-Сале в пос. Джанкой, развалины мечети около Коктебели, мечеть у дома Мамут-Султан, купольная мечеть XIV в., в д. Эски-Сарай» [18. С. 156]. Обращает на себя внимание то, что зачастую излишне педантичный архитектор, оставивший по результатам поездки детальные архитектурные описания целого ряда мусульманских памятников полуострова, лишь вскользь упомянул на тот момент хорошо сохранившуюся мечеть близ Симферополя.

Возрождение интереса к древностям Эски-Сарая пришлось на 60-е гг. XX в. Памятник начал фигурировать на страницах различных научных и научно-популярных трудов. В академическом издании Ю.С. Асеева и Г.А. Лебедева по архитектуре Крыма 1961 г. Эски-Джами отнесена к «первым мусульманским мечетям» полуострова, отмечено, что она имеет сульджукские черты. Объект датирован XIV в.: «Наиболее ранним из сохранившихся памятников этого периода являются мечеть и медресе хана Узбека в Старом Крыму (1314 г.), мечети в Судаке, Эски-Сарае, в Дуванкое» [19. С. 23]. Крымские мечети авторами были разделены на два типа, Эски-Джами отнесена ко второму – купольному: «Купола мечетей второго типа опираются либо на тромпы, либо на паруса. Стены построек сложены из бута на известковом растворе с чередованием полос кирпичной кладки по византийскому обычаю в некоторых памятниках. Резьбой украшаются порталы и особенно михрабы» [19. С. 23].

А.Л. Якобсон, рассматривая влияние османских традиций на архитектуру Крыма, отметил, что «ханская мечеть в Гезлеве была единственным крупным произведением столичного турецкого зодчества на почве Крыма. Другие многочисленные татарские мечети XVII–XVIII вв. были намного скромнее, большей частью представляя собой каменный нерасчлененный куб, перекрытый куполами на восьмигранном основании или просто с деревянным перекрытием. Таковы мечети в Феодосии (Муфтии-Джами, перестроенная в 1623 г.), <…> в Дуванкое (совр. с. Подгорное Кировского района). Реже кубическое пространство мечети расчленено на три нефа, как в мечети Бахчисарайского дворца, с таким же, как там, деревянным перекрытием (например, мечеть Шор-Джами в Карасубазаре)» [20. С. 147]. К первому типу автором была отнесена и мечеть Эски-Джами.

15 марта 1967 г. комиссия областной секции археологии Симферопольского городского отделения Украинского общества охраны памятников истории и культуры обследовала мечеть Эски-Джами. Результаты были отражены в специальном акте, направленном в Общество охраны памятников и в отдел охраны памятников архитектуры областного исполнительного комитета. Документ опубликован на страницах журнала «Ватан» в 1993 г. [21. С. 3–4]. Осмотр выявил удручающую картину состояния памятника: «Разрушены и обвалены внутри мечети купол и его восьмиугольное основание. Почти целиком уничтожено и примыкающее к восточной стенке помещение, которое первоначально также было увенчано куполом. Из стен основного здания извлечены деревянные балки, многие плиты, слагающие мечеть, обрушены. Особенно пострадали северная и южная стенки, около стен, дверного проема. Это привело к образованию трещин на всю высоту стен, которые угрожают сохранности мечети» [21. С. 4]. Члены комиссии, председатель секции археологии Симферопольского городского отделения Украинского общества охраны памятников истории и культуры А.А. Щепинский и его заместитель Е.Н. Черепанова, пришли к выводу, что «если в самое ближайшее время здесь не будет осуществлен капитальный ремонт выломанных участков стен, мечеть обрушится, что приведет к гибели этого интересного и… недостаточно изученного памятника средневековой архитектуры Крыма» [21. С. 4]. Для спасения памятника от разрушения комиссией был предложен ряд мер: «В текущем году до начала курортного сезона провести капитальный ремонт мечети. К ремонту привлечь с/з “Перевальненский”, на территории которого находится памятник. Установить вокруг мечети ограду и дополнительную охранную доску. Убрать территорию памятника от мусора. Обязать с/з “Перевальненский”, на территории которого находится мечеть, обеспечить охрану данного памятника, для чего составить на него

охранное обязательство» [21. С. 4]. К сожалению, реакции на данный документ ни со стороны общественности, ни со стороны государственных органов не последовало.

Продолжением борьбы за памятник стала газетная публикация А.А. Щепинского три года спустя с призывом принять срочные меры для его спасения. Автор отметил, что «ценнейший памятник средневековой архитектуры Крыма находится в крайне запущенном, аварийном состоянии. Купол обрушен, балки из стен вывернуты, северная стена едва держится на одном ряде камней. Областная секция археологии, обследовав еще три года назад мечеть, составила акт, который был направлен в Президиум Общества охраны памятников, но никаких мер до настоящего времени так и не принято. Не сегодня, так завтра это здание может обвалиться. Необходимо принять срочные меры к его спасению. Как минимум надо немедленно закрепить стенку, грозящую рухнуть, а всю мечеть обнести металлической сеткой. Все это потребует небольших затрат и вполне под силу даже совхозу “Перевальненский”, на территории которого находится уникальное здание и который обязан его охранять» [22]. Понадобилось еще несколько лет, прежде чем местными властями была найдена возможность укрепления памятника, что, увы, уже не могло спасти полностью обрушившийся к тому моменту купол. Были проведены работы по консервации памятника: произведены инъекции трещин, частично восстановлена кладка нижнего ряда оконных проемов, изнутри стены укреплены железобетонным поясом [23. С. 333].

Отсутствие детальных натурных исследований мечети продолжало порождать многочисленные теории и концепции, касающиеся датировки и происхождения мечети, ее первоначального устройства, зачастую являющиеся далекими от истины. В четырехтомной академическом издании о памятниках архитектуры УССР мечети Эски-Джами уделен один незначительный по объему абзац, включивший в себя лишь общую архитектурную справку о памятнике. При этом в издании допущена серьезная недоработка: основание минарета было принято за контрфорс [23. С. 333].

В 1991 г. Горно-Крымской археологической экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины проведены исследования памятника. Археологические работы велись внутри обоих помещений мечети и на участках, примыкающих к строению снаружи. Результаты работ были частично опубликованы лишь в 2012 г. в обстоятельной работе одного из участников экспедиции В.П. Кирилко [24]. Результаты исследований позволили ему сделать ряд выводов и наблюдений. Закладка шурфа в юго-восточном углу помещения дала возможность утверждать, что здание мечети было поставлено на необжитом месте, так как ниже уровня строительного горизонта признаков культурного слоя выявлено не было. На поверхности пола обнаружено 27 ям, большинство из которых, по мнению В.П. Кирилко, имеет кладоискательный характер [24. С. 287].

В результате исследований В.П. Кирилко пришел к выводу, что малая мечеть – более поздняя пристройка к основному объему здания. На это указывает отсутствие перевязи в нижней части между кладками обоих мечетей. Кроме того, фундаменты обоих сооружений впущены с разных уровней дневной поверхности, перепад которых составил 0,25 м. В связи с этим высказано предположение, что «возведение малой мечети изначально не планировалось, а архитектурный замысел подвергся изменению уже в процессе строительства, после того как стены главной части сооружения были подняты до уровня перекрытия окон первого яруса» [24. С. 281].

Археологические находки представлены коваными железными гвоздями, фрагментами черепицы и столовой посуды, которая отнесена исследователем к XVIII–XX вв. В горизонте, расположенном между мощным слоем строительного мусора и уровнем пола, внутри кострища была найдена красноглиняная курительная трубка, датированная В.П. Кирилко второй половиной XVIII в. [24. С. 285]. Перед входом в малую мечеть в верхней части слоя обнаружен обломок полустертой бронзовой монеты конца XIV – начала XV в., по определению С.М. Жука – времени правления Токтамыша [24. С. 291]. «Ключевая находка», относящаяся ко времени возведения мечети, по мнению В. П. Кирилко, была сделана у западной стены: обнаружена донная часть небольшого толстостенного фаянсового сосуда открытого типа на низком кольцевом поддоне с двусторонней росписью синим и черным пигментами. Изделие интерпретировано автором публикации как «фрагмент кофейной чашечки, которая может быть определена как турецкий полуфаянс, соотносимый с керамическими мастерскими Кютахьи» [24. С. 292]. На основании находки В.П. Кирилко сделан однозначный вывод: «Чашечка предварительно может быть отнесена к XVIII в., а, учитывая условия находки, ее дату следует определить как terminus post quem строения» [24. С. 292].

Подтверждением данной датировки возведения памятника, по мнению В.П. Кирилко, является обнаруженный в кладочном растворе основного объема мечети бесформенный осколок прозрачного стекла без каких-либо признаков иризации. Кроме того, исследователь обратил внимание на отсутствие в структуре культурного слоя внутри мечети седиментных признаков (подновление пола, накопление мусора), что, по его мнению, объясняется тем, что вскоре после завершения строительства произошло серьезное повреждение купола, вследствие чего действующей какое-то время продолжала оставаться лишь малая мечеть. Высказано предположение, что в качестве деструктивного фактора могло выступить семибалльное землетрясение 1751 г. с эпицентром в районе Керченского полуострова [24. С. 293]. Это позволило уточнить дату строительства здания и отнести ее ко второй четверти XVIII в. Подобная датировка памятника фигурирует и в более поздней публикации автора [25. С. 707]. Были предложены аналогии мечети в Эски-Сарае, выполненные в стиле османской архитектуры классического периода: мечеть в селении Колечь и мечеть Валиде-Шериф (Симферополь). Автором публикации выполнен скрупулезный исчерпывающий архитектурный анализ строения.

В.П. Кирилко упомянул наличие граффити на поверхности памятника. Справа от входа, на западной части наличника, были обнаружены изображения трех суден: две парусные лодки и один трехмачтовый корабль. Автор справедливо отметил, что «вследствие условности рисунков тип и возможная дата представленных на граффити суден определению не поддается. Подобные изображения во все времена были достаточно популярными, получив распространение повсеместно» [24. С. 269]. На боковой поверхности входа в минарет была обнаружена тамга Гераев [24. С. 277]. На боковой поверхности дверного проема малой мечети выявлена монограмма в виде латинской буквы N, которая, по мнению В.П. Кирилко, представляет собой схематически изображенный вензель Наполеона Бонапарта [24. С. 294].

А.А. Щепинский, считая мечеть «одним из самых ранних мусульманских памятников Крыма» с ярко проявившимися чертами сельджукской архитектуры [21. С. 6], в 1993 г. также указал на наличие граффити, «тамгообразных и других знаков на внешней стороне южной стенки». Он подчеркнул, что «все они концентрируются на участки, примыкающие к оконным проемам, на высоте от 0,95 до 1,2 м от земли. Наибольшую группу составляют тонко процарапанные, очень ровные круги диаметром от 4,5–5 см. В некоторых случаях они перекрывают друг друга или расположены группами. В их геометрическом центре – одинарные меньшие круги диаметром до 7–8 см. Всего таких циркульных кругов 60. Иногда они сочетаются с рядами глубоких вертикальных полос. Привлекает внимание выполненный в той же технике сложный тамгообразный знак высотой 10 см <…> К другому типу изображений относится четкая фигура креста (10 × 8 см)» [21. С. 7]. Автором впервые была предпринята попытка проследить происхождение строительного материала, использованного при возведении памятника: по его мнению, стены сложены из «камней, добытых из рядом расположенного карьера мелкозернистого песчаника, обрамление окон, дверей и ниш – из тщательно обработанных блоков мшанковых известняков, доставленных из карьера у с. Скалистого на р. Бодрак, купол легкого пористого туфа, добытого у Кизил-Кобинских пещер, близ села Перевального» [21. С. 5]. Около мечети, по замечанию автора, «находилось татарское кладбище, а на холме, в 0,3 км к северо-востоку, второе, очевидно, более древнее» [21. С. 9].

Автором детально описаны руинированные остатки близ мечети: «Постройка частично врезана в склон долины правого берега р. Салгир. <…> В плане она имела прямоугольную форму. Вход находился в южной части со стороны мечети. Ориентация <…> строго по сторонам света. Лучше всего сохранились руины северной стены <…>. В этом месте ее высота достигает 4 м, толщина – 1,3–1,5 м, протяженность сохранившейся части – 15 м. В 10–15 м восточнее – второй ее фрагмент длиной 8–10 м и высотой до 4–4,5 м. <…> Несколько хуже сохранилась восточная оконечность стены. <…> Верхняя ее часть обвалена, основание местами засыпано грунтом. <…> Толщина основания стены на обследованном участке до 2 м. <…> Стена сложена из специально подобранных, но не обработанных камней местного плитчатого песчаника. <…> С внутренней стороны стены, на высоте 1,7–1.8 м от земли на расстоянии 3,0–3,5 м друг от друга (по одной линии) небольшие подпрямоугольные окошки размером 0,2 × 0,2 м <…>. Второй ряд таких же окошек находится и в верхней части стены. В разрезе видно, что стена состоит из двух, внешнего и внутреннего, панцирей. <…> Между панцирями забутовка из более мелких и менее тщательно уложенных камней» [21. С. 9]. А.А. Щепинский указал на наличие источника пресной воды во внутренней части постройки, у основания средней части северной стены. Вдоль северной стены, на террасообразном уступе, автор наблюдал «руины и развалы каменных строений, кладок, возраст и назначение которых неясны» [21. С. 9]. Исходя из сохранившихся остатков постройки и опроса старожилов, А.А. Щепинский предположил, что сооружение близ мечети являлось караван-сараем, возведенным в XIV–XVI вв. и имевшим длину 90 м, ширину не менее 75 м.

К оригинальному выводу пришел Е.В. Крикун. Указывая на расположение дворцового комплекса калги-султана в Петровской балке Симферополя, он считает, что в Эски-Сарае могла находиться еще одна резиденция должностного лица, так называемая «старая» или более ранняя [26. С. 70–71; 27. С. 96]. Представив общий архитектурный анализ мечети Эски-Джами, автор датировал памятник периодом Золотой Орды [26. С. 71; 27. С. 96]. Е.В. Крикун заключил: «Архитектура сооружений Солхата в XIV в. и позже послужила, вероятно, образцом для аналогичных построек в других местах Крыма. Это относится, прежде всего, к резьбе по камню. Похожую можно встретить в мечети XIV–XV вв. у нынешнего села Пионерского Симферопольского района» [28. С. 19].

Л.И. Королёва считает, что «относительно древностей Эски-Сарая (мечети и руин здания неизвестного назначения) можно утверждать, что построены они были в разное время. <…> Мы определяем более позднюю датировку мечети, а именно: XVI–XVIII вв. <…> Мечеть, судя по ее размерам и наличию дополнительного михраба снаружи, была соборной, малая мечеть служила для посещений высокопоставленного сановника (очевидно, калги-султана). Мечеть в Эски-Сарае по ряду особенностей является уникальной и к тому же одной из немногих среди уцелевших памятников периода Крымского ханства в Симферопольском районе» [16. С. 145; 29. С. 32]. Далее дата возведения мечети автором была уточнена на основании путевых записей Эвлии Челеби, посетившего Крымский полуостров в 1666 г. В детальном описании путешествия, несмотря на наличие описания двух соборных и трех квартальных мечетей владений калги-султана [30. С. 69; 31. С. 139; 32. С. 153], нет упоминаний мечети Эски-Сарая. По мнению Л.И. Королёвой, «в связи с этим можно предположить, что исследуемая мечеть на момент 1666 г. вообще не существовала и была построена после этой даты. Ясно одно, что ее строительство было приурочено к определенному месту, это могло быть обычное поселение, или старый дворцовый комплекс калги-султана, или монетный двор» [16. С. 145;

29. С. 32]. По поводу руинированных остатков строения близ мечети автор отметила, что «существует две версии: либо это остатки монетного двора, либо старый дворец калги-султана. Первая версия не подтверждается данными нумизматики. В пользу последней версии говорит тот факт, что Эски-Сарай переводится, как “старый дворец”» [16. С. 145; 29. С. 32]. Версия о возможности расположения на территории средневекового поселения караван-сарая Л.И. Королёвой не рассматривается.

На основе архитектурного анализа мечети Э.Д. Зиливинская отнесла ее, «без сомнения, к эпохе Крымского ханства», отметив при этом, что «золотоордынские купольные мечети Крыма имеют несколько другую структуру: они значительно ниже, перекрыты куполами на треугольных тромпах и не имеют пристроек. Купольные мечети в виде высокого призматического здания с лишенными внешнего декора стенами, прорезанными окнами в несколько ярусов, и перекрытого куполом на парусах весьма типичны именно для османской архитектуры» [33. С. 35; 34. С. 182]. В качестве аналогии приведена мечеть султана Баязида II в г. Эдирне. Автор, в целом соглашаясь с выводами В.П. Кирилко, оставила ряд скептических замечаний, касающихся прежде всего достаточно узкой датировки памятника: «Датировать археологический объект по одному, даже самому достоверному артефакту нельзя. Да и сама кютахьинская керамика имеет широкую дату. Фрагмент стекла вообще ни о чем не говорит, так как степень иризации зачастую зависит не от возраста стекла, а от его химического состава. Что касается отсутствия мусора внутри здания – это абсолютно естественно: в мечети заходят босиком, полы там обычно застелены коврами, полы регулярно выметаются, а ковры вытряхиваются» [33. С. 35; 34. С. 182]. Научная полемика была продолжена в 2019 г.: В.П. Кирилко указал на ряд неточностей в публикациях Э.Д. Зиливинской, касающихся рассматриваемого архитектурного объекта [25. С. 707–708].

Э.И. Сейдалиев, отметив, что «традиционно мечеть датируется XIV–XV вв.», ссылаясь на результаты исследований В.П. Кирилко, пришел к выводу, что «эта мечеть может быть отнесена ко времени Крымского ханства и считать ее золотоордынской на данном этапе исследований нет оснований» [35. С. 198]. Диаметрально противоположной точки зрения придерживается А.Е. Гайворонский. Опираясь на подобранные им аналогии, к каковым отнесены утраченные в настоящий момент мечети в поселениях Колеч и Карагоз, он считает все три сооружения памятниками золотоордынской эпохи, которые «по своему возрасту едва ли намного моложе 700-летней мечети Узбека в Старом Крыму» [36. С. 35].

Интересна мысль исследователя о назначении малой мечети: «Можно предположить, что большая мечеть служила для всего населения округи, тогда как малая была устроена при каком-нибудь закрытом религиозном заведении: медресе или текие при основной мечети» [36. С. 34]. А.Е. Гайворонский одним из первых предпринял попытку проследить историю происхождения топонима «Эски-Сарай». Автор склонен считать, что на месте современного Симферополя могло существовать крупное золотоордынское поселение, предшественник Ак-Мечети [36. С. 38], косвенным подтверждением чему является обнаруженный в 1967 г. Симферопольский клад [37].

А.Е. Гайворонский высказал еще одно заслуживающее пристального внимания предположение, основанное на упоминании в ряде документов, подписанных крымскими калга-султанами в первой половине XVII в., дворца Орда-Сарай [38. С. 19, 84, 119, 265, 329]: «Было ли это одним из нескольких названий калгайского дворца в Акмесджиде (что выглядит более вероятным), либо же под Орда-Сараем следует понимать какую-то иную, отдельную резиденцию? Не она ли оставила топонимический след в наименовании села Эски-Орда неподалеку от Эски-Сарая, и не она ли подала повод к упорным преданиям о некоем дворце в этой местности?» [36. С. 38].

В одной из последних работ о древностях Симферополя по-прежнему высказано мнение о золотоордынском происхождении мечети. При этом автор, М.В. Кутайсова, не приводя убедительной аргументации, указывает на наличие близ памятника монетного двора: «В долине Салгира, которой владел калга-султан, в селении Эски-Сарай, или Старый дворец (теперешнее Пионерское-2), в XIV в. были выстроены мечеть, носившая черты сельджукской архитектуры, и монетный двор. Мечеть Эски-Сарай сохранилась еще с ордынского времени» [39. С. 18].

Анализ выявленных сведений в отечественной историографии об историко-археологических памятниках на территории современного с. Пионерское близ Симферополя указывает, что некогда в данной местности мог располагаться крупный мусульманский центр (торговый, возможно, и культовый), имеется ряд косвенных подтверждений данной гипотезы. При этом с полной уверенностью об этом утверждать нельзя: фактически полное отсутствие каких-либо исследований на территории поселения (кроме археологических раскопок мечети в 1991 г.) сводит на нет наличие серьезно аргументированных тезисов как «за», так и «против».

Мечеть, архитектурные формы которой практически полностью сохранились до наших дней, продолжает вызывать у современных исследователей массу требующих серьезных научных изысканий вопросов. Одним из центральных, бесспорно, остается датировка памятника. Археологические исследования не поставили точку в этом вопросе. Несмотря на достаточно узкие хронологические рамки возведения мечети, определенные В.П. Кирилко, тезисы ряда исследователей с ними не совпадают, а порой и отличаются кардинальным образом. Возможно, свою роль сыграло то, что выводы участников экспедиции были опубликованы относительно недавно (2012), по прошествии более чем 20 лет после полевых работ, сделав их доступными широкой научной аудитории. При этом тезисы В.П. Кирилко относительно датировки объекта не были восприняты за абсолютную истину.

К настоящему моменту в отечественной историографии представлены различные варианты датировки памятника: XIV в. (Б.Н. Засыпкин, 1927; Ю.С. Асеев,

Г.А. Лебедев, 1961; отнесена авторами к «первым мусульманским мечетям» Крыма); XIV–XV вв. (Е.В. Крикун, 1977, 1998, 2001); период Золотой Орды, мечеть «едва ли намного моложе 700-летней мечети Узбека в Старом Крыму» (А.Е. Гайворонский, 2016); памятник «татарских времен» (Ф.Ф. Лашков, 1890); конец XV – начало XVI в. (П.В. Никольский, 1923); XVI–XVIII вв. (Л.И. Королёва, 2007, 2013); XVII–XVIII вв. (А.Л. Якобсон, 1964); 2-я четверть XVIII в. (В.П. Кирилко, 2012); мечеть «эпохи ханства» (Э.Д. Зиливинская, 2014; Э.И. Сейдалиев, 2014). Выводы В.П. Кирилко из всех представленных вариантов делают мечеть наиболее «молодой», отодвигая дату ее возведения к последним десятилетиям существования Крымского ханства.

Ряд свидетельств указывает на наличие погребений в непосредственной близости с мечетью. Последнее из упоминаний датировано 1923 г., когда П.В. Никольский отметил наличие под одним из оконных проемов с наружной стороны надгробного памятника, «старого на вид», с изображением полумесяца. Его судьба остается неизвестной, дальнейших свидетельств не выявлено. При этом следует отметить важное наблюдение участников археологической экспедиции 1991 г., заключивших, что захоронений на вскрытых участках не было обнаружено.

Не исключено, что ранее в этой местности мог располагаться как минимум один из азизов. Ф.Ф. Лашков указывал на наличие могилы первого принявшего ислам жителя долины реки Салгир. П.В. Никольский наблюдал «надгробную плиту и ротонду над ней». Кто был удостоен столь богатого захоронения – неясно. По данным крымского муфтията, близ рассматриваемой мечети ранее могли находиться следующие азизы: Джалман-азизи, Кильбурун-азизи, Эски-Орда-азизи. Стоит ли их сопоставлять с приведенными описаниями Ф.Ф. Лашкова и П.В. Никольского, – на данном этапе однозначного ответа нет.

Интересно назначение практически утраченных к настоящему моменту расположенных в непосредственной близости от мечети руин. Отсутствие информации породило множество домыслов, зачастую не выдерживающих критики. Более чем за полтора столетия постройка была трактована как генуэзская крепость (П.С. Паллас), крепость «татарских времен» (Ф.Ф. Лашков), «небольшое древнее укрепление» (А.Х. Стевен), «незавершенный дворец ханов» (Ф. Дюбуа де Монпере, Ш. Монтандон, А.Н. Демидов), «остатки единственного подлинного ханского дворца» («Записки Крымского горного клуба», 1896), монетный двор (П.И. Кёппен), караван-сарай (А.А. Щепинский, А.Е. Гайворонский), «старый» дворец калги-султана (Л.И. Королёва). Монументальность постройки, конфигурация сооружения говорят о том, что ранее руины являлись типичным образцом караван-сарая. Массивные стены, защищенные по углам оборонительными башнями, наличие внутри источника пресной воды позволяли выдержать продолжительную осаду, что делало постройку идеальным пристанищем для многочисленных торговцев.

При этом огульно отвергать свидетельства о расположении здесь некоего ханского дворца не стоит. Об этом практически слово в слово упоминали в своих путевых записках различные вояжеры (Ф. Дюбуа де Монпере, А.Н. Демидов), визиты которых датированы 30-ми гг. XIX в. Логично предположить, что источником информации о древностях для них являлись местные старожилы, в один голос твердившие о существовании ранее ханской резиденции. Несмотря на то, что это, скорее всего, не более чем народные предания, стоит учитывать, что они зачастую имеют определенные реальные основания. Народная память сильна, предания, с трансформациями или без, передаются из поколения в поколение. Наличие дворца нет оснований связывать с руинированными остатками постройки близ мечети. Гипотетически он мог располагаться в данной местности, и местоположение его в настоящий момент может не иметь явных признаков, учитывая интенсивную распашку в советский период и хаотическую застройку в дальнейшем.

Любопытными представляются данные, полученные в результате анализа местных топонимов. Название села «Эски-Сарай», что в переводе означает «старый дворец», указывает на наличие подобного сооружения в данной местности. К этому стоит добавить, что соседнее с Пионерским с. Лозовое до 1945 г. носило название Эски-Орда. Слово orda в современном крымскотатарском языке не используется, однако в прошлом как в крымскотатарском, так и в других тюркских языках применялось в значении «ставка», «лагерь», «расположение командующего войском». Историческое название села означает в переводе «старая ставка», «старый лагерь». Если на территории современного с. Пионерское ранее располагался некий «старый» дворец, то логично предположить, что должен был быть и новый. Теоретически в качестве последнего мог выступать дворец калги-султана в Акмесджите[2], место расположения которого хорошо известно. Он был построен, предположительно, в конце XV – начале XVI в. [40. С. 68], разрушен в последней четверти XVIII в. Имелась ли более старая резиденция по сравнению с этой – неизвестно. Любопытным является одно из наиболее ранних упоминаний дворца, принадлежащее итальянскому священнослужителю, монаху Доминиканского ордена Джованни да Лукка, посетившему Крымский полуостров в 20–30-х гг. XVII в. В «Описании Перекопских и Ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин», говоря о дворцах, принадлежавших Гераям, он отметил: «У хана пять дворцов, у (калги. – *Д.Л.*)-султана – два. <…> Дворцы султана находятся в Ак-Мечети» [41. С. 483]. Джованни из Лукки явно говорит о двух дворцах калги в районе современного Симферополя, но, к сожалению, из его повествования неясно, где именно они располагались.

Определенный интерес вызывают логические построения Л.И. Королёвой, указывающей на возведение мечети после 1666 г., т.е. после визита в Крым Эвлии Челеби, не оставившего сведений о постройке в своих описаниях. При этом автор ссылается на то, что место для возведения крупной мечети, коей бесспорно являлась Эски-Джами, тщательно выбиралось, «строительство должно было быть приурочено к определенному значимому месту», коим вполне могла являться бывшая резиденция калги-султана. К выводу о располо-

жении дворца калги-султана на территории современного с. Пионерское пришел и Е.В. Крикун. Здесь же следует вспомнить кажущиеся на первый взгляд нелепыми рассуждения П.И. Сумарокова о том, что именно в этом районе была построена первоначальная Белая мечеть, позже, по его мнению, отсюда перенесенная.

До настоящего момента не установлено назначение так называемой малой мечети, пристроенной с восточной стороны основного строения. Л.И. Королёва считает, что она могла служить для посещения высокопоставленным чиновником, коим вполне мог являться калга. А.Е. Гайворонский, не исключая возможности существования при мечети текие или медресе, видит назначение малой мечети в ее посещении служителями или учениками этих заведений.

Ряд источников указывает на расположение мусульманского кладбища на возвышенности к северо-востоку от здания мечети. Первые его упоминания относятся к концу XIX в. (Ф.Ф. Лашков). В 1923 г. П.В. Никольский отметил наличие «большого татарского кладбища на горке напротив». Спустя 70 лет А.А. Щепинский подчеркнул, что «на холме в 0,3 км» от мечети расположено «более древнее» кладбище по сравнению с захоронениями близ самого памятника. Детальные описания как самого кладбища, так и отдельных надгробий отсутствуют. До настоящего момента специальные исследования не проводились, поэтому утверждать что-либо о времени захоронений или его границах возможности нет. Тем не менее ряд исследователей, используя в качестве одного из аргументов присутствие «большого древнего» кладбища, предполагают наличие в этой местности крупного золотоордынского поселения. П.В. Никольский связывал его упадок со временем строительства дворца калги-султана в Акмеджите в начале XVI в. В качестве аналогий им указано поселение Эски-Юрт (район современного Бахчисарая). На наличие крупного золотоордынского торгового центра, утратившего свое значение и запустевшего ко времени образования Крымского ханства, указывает А.Е. Гайворонский. В качестве возможного доказательства автором приведен Симферопольский клад, обнаруженный в 1968 г. Еще одним косвенным подтверждением догадки может служить наличие внешнего михраба на северной стене мечети, необходимого для удовлетворения религиозных потребностей большого количества населения, так как внутренний объем мечети некогда, видимо, не вмещал всех желающих.

В настоящий момент с полной уверенностью можно говорить лишь о том, что все подобные рассуждения нуждаются в весомых аргументах и доказательствах. Для выяснения даже общих данных о характере существовавшего поселения осуществленных в 1991 г. изысканий явно недостаточно. Требуется проведение комплекса полномасштабных исследований междисциплинарного характера, центральное место среди которых должно быть отведено археологическим работам. Перспективными направлениями могут стать работы на территории предполагаемого караван-сарая, мусульманского кладбища, прилегающей к мечети территории, требуется доисследование и самой мечети, изучение которой нельзя считать завершенным. Во многом уникальный объект культурного наследия также нуждается в более пристальном внимании со стороны памятникоохранных органов полуострова.

Примечания

[1] Мамут-Султан (с 1945 г. – Доброе) – село в Симферопольском районе Республики Крым, центр Добровского сельского поселения.
[2] Акмеджит – крупное татарское поселение, располагавшееся на месте современного Симферополя. Место пребывания калги-султана.

Список источников

1. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / РАН; отв. ред. Б. В. Левшин. М. : Наука, 1999. 246 с. (Сер. «Научное наследство»; вып. 27).
2. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду : в 2 ч. СПб. : Имп. типография, 1803. Ч. 1. 226 с.
3. Стевен А. Дела архива Таврического Губернского Правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1891. № 13. С. 33–54.
4. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных / публ. В.Г. Тизенгаузена, примеч. Н.Н. Мурзакевича // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. 8. С. 363–403.
5. Тункина И.В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е.Е. Кёлера (новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 197–214.
6. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX века. СПб. : Наука, 2002. 676 с.
7. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым : в 6 т. Париж, 1843. Т. 5-6 / под ред. Т.М. Фадеевой. Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
8. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / сост., подгот. текста и вступ. ст. В.В. Орехова; пер. В.В. Орехова при участии Л.Ю. Алексеевой и др. Киев : Стилос, 2011. 416 с.
9. Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное под руководством г-на Анатоля Демидова гг. Сансоном, Гюйо, Левелье, Раффе, Руссо, Нордманом и Дю Понсо. М. : Тип. Семена, 1853. 543 с.
10. Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году // Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов (к 200-летнему юбилею Н.В. Гоголя). Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. С. 95–256.
11. Кёппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1837. 409 с. [Назв. обл.: «Крымский сборник»].
12. Лашков Ф.Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: Симферополь. Симферополь : Тип. П.Т. Гордиевского, 1890. 137 с.
13. Из газет // Записки Крымского горного клуба. 1896. № 2. С. 30–34.
14. Протоколы заседания Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 22 февраля 1896 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 25. С. 159–161.

15. Протоколы заседания Таврической ученой архивной комиссии. Заседание 25 сентября 1899 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1899. № 30. С. 108–118.
16. Королёва Л.И. О древней мечети в Эски-Сарае (письменные свидетельства, история охраны памятника) // VII Таврические научные чтения, Симферополь, 19 мая 2006 г. : сб. материалов / Крымский республиканский краеведческий музей. Симферополь, 2007. Ч. 1. С. 139–147.
17. Никольский П.В. Симферополь и его окрестности: историко-археологические экскурсии. Симферополь : Крымиздат, 1923. 48 с.
18. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2 (4). С. 113–168.
19. Асеев Ю.С., Лебедев Г.А. Архитектура Крыма / Академия строительства и архитектуры УССР. Киев : Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре УССР, 1961. 240 с.
20. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры / ЛОИА АН СССР. М. ; Л. : Наука, 1964. 233 с.
21. Щепинский А. Памятники крымскотатарской культуры. Мечеть XIV – XV вв. при дер. Эски-Сарай // Ватан. 1993. № 3. С. 3–10.
22. Щепинский А. Под охранной доской // Правда Украины. 1970. 19 марта.
23. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР : иллюстрированный справочник-каталог : в 4 т. / отв. ред. И.А. Игнаткин. Киев : Будивельник, 1983. Т. 2. 336 с.
24. Кирилко В.П. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское) // Stratum plus. 2012. № 6. С. 261–297.
25. Кирилко В.П. Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э. Д. Зиливинской // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Ин-т археологии им. А.Х. Халикова; под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань, 2019. С. 691–740. (Сер. «Археологические источники Восточной Европы»).
26. Крикун Е.В. Памятники крымско-татарской архитектуры (XIII–XX вв.). Симферополь : Крымучпедгиз, 1998. 112 с.
27. Крикун Ю.В. Пам'ятники кримськотатарської архітектури (XIII–XX століття). Сімферополь : Таврiда, 2001. 168 с.
28. Крикун Е. Архитектурные памятники Крыма / под ред. О.И. Домбровского. Симферополь : Таврия, 1977. 58 с.
29. Королёва Л.И. О древней мечети в Эски-Сарае (письменные свидетельства, история охраны памятника) // Культура народов Причерноморья. 2013. № 261. С. 30–32.
30. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму: 1641–1667 гг. / пер. М.Б. Кизилова; ред. П.В. Коньков. Симферополь : Таврия, 1999. 240 с.
31. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь : Доля, 2008. 272 с.
32. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 312 с.
33. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Казань : Отечество, 2014. Ч. 1: Культовое зодчество. 448 с.
34. Зиливинская Э.Д. Мечети Крыма и их место в культовой архитектуре Золотой Орды // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым), Коктебель, 14–18 октября 2014 г. / Крымский инж.-пед. ун-т, Крымскотатарский музей искусств. Симферополь : Тарпан, 2014. С. 175–193.
35. Сейдалиев Э.И. Мусульманские культовые памятники Крыма периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым), Коктебель, 14–18 октября 2014 г. / Крымский инж.-пед. ун-т, Крымскотатарский музей искусств. Симферополь : Тарпан, 2014. С. 194–204.
36. Гайворонский О. Страна Крым. Очерки о памятниках истории Крымского ханства. Симферополь : ФЛ Аблаева Н.Ф., 2016. 336 с.
37. Мальм В.А. Симферопольский клад. М. : Внешторгиздат, 1987. 28 с.
38. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению Императорской Академии наук, из Московского главного архива Министерства иностранных дел / изд. В.В. Вельяминов-Зернов. СПб. : тип. Императорской Акад. наук, 1864. 941 с.
39. Кутайсова М.В. Симферопольская старина в фотографиях и описаниях. Симферополь, 2017. 254 с.
40. Абдульваап Н. Калга-султан Крыма и его дворец в Акмесджите // Qasevet. 2014. № 42. С. 56–73.
41. Описание Перекопских и Ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена // Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Т. 11. С. 473–493.

References

1. Pallas, P.S. (1999) *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during a journey through the southern viceroyalties of the Russian state in 1793–1794]. Moscow: Nauka.
2. Sumarokov, P.I. (1803) *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu* [Leisure time of a Crimean judge or a second journey to Taurida]. Vol. 1. St. Petersburg: Imp. Tipografiya.
3. Steven, A. (891) Dela arkhiva Tavricheskogo Gubernskogo Pravleniya, otnosyashchiesya do razyskaniya, opisaniya i sokhraneniya pamyatnikov stariny v predelakh Tavricheskoy gubernii [Files from the archive of the Tauride Provincial Government relating to the search, description, and preservation of ancient monuments within the Tauride province]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 13. pp. 33–54.
4. Tiesenhausen, V.G. (1872) O sokhranenii i vozobnovlenii v Krymu pamyatnikov drevnosti i ob izdanii opisaniya i risunkov onykh [On the Preservation and Restoration of Ancient Monuments in Crimea and the Publication of Descriptions and Drawings thereof]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 8. pp. 363–403.
5. Tunkina, I.V. (2013) Akademicheskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya v Novorossiyskiy kray 1821 g. pod rukovodstvom akademika E.E. Këlera (novye arkhivnye materialy) [Academic Archaeological Expedition to the Novorossiysk Territory in 1821 under the Leadership of Academician E. E. Köhler (new archival materials)]. *Vestnik drevney istorii*. 1. pp. 197–214.
6. Tunkina, I.V. (2002) *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii: XVIII – seredina XIX veka* [Russian Science on Classical Antiquities of the South of Russia: 18th – Mid-19th Century]. St. Petersburg: Nauka.
7. Dubois de Montpere, F. (2009) *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziyu, Armeniyu i Krym* [Journey through the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Georgia, Armenia and Crimea]. Vol. 5–6. Translated from French. Simferopol: Biznes-Inform.
8. Montandon, Ch. (2011) *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyy kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyy vvedeniem o raznykh sposobakh pereezda iz Odessy v Krym* [Traveler's Guide to Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an introduction on different ways of moving from Odessa to Crimea]. Translated from French by V.V. Orekhov. Kiev: Stilos.
9. Demidov, A.N. (1853) *Puteshestvie v Yuzhnuyu Rossiyu i Krym cherez Vengriyu, Valakhiyu i Moldaviyu, sovershennoe pod rukovodstvom g-na Anatolya Demidova gg. Sansonom, Gyuyo, Level'e, Raffe, Russo, Nordmanom i Dyu Ponso* [Journey to Southern Russia and Crimea via Hungary, Wallachia and Moldova, made under the leadership of Mr. Anatole Demidov by Messrs. Sanson, Guyau, Levelier, Raffe, Russo, Nordman and Du Ponsot]. Moscow: Tip. Semena.
10. Demidov, A.N. (2011) Puteshestvie v Yuzhnuyu Rossiyu i Krym cherez Vengriyu, Valakhiyu i Moldaviyu, sovershennoe v 1837 godu [Journey to Southern Russia and Crimea via Hungary, Wallachia and Moldova, made in 1837]. In: Petrova, E.B. & Prokhorova, T.A. *Krymskie puteshestviya:*

N.N. Murzakevich, A.N. Demidov (k 200-letnemu yubileyu N.V. Gogolya) [Crimean travels: N.N. Murzakevich, A.N. Demidov (on the 200th anniversary of N.V. Gogol)]. Simferopol: Biznes-Inform. pp. 95–256.
11. Këppen, P.I. (1837) *O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [On the Antiquities of the Southern Coast of Crimea and the Tauride Mountains]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
12. Lashkov, F.F. (1890) *Tret'ya uchebnaya ekskursiya Simferopol'skoy muzhskoy gimnazii: Simferopol'* [The Third Study Tour of the Simferopol Male Gymnasium: Simferopol]. Simferopol: P.T. Gordievsky.
13. *Zapiski Krymskogo gornogo kluba*. (1896) Iz gazet [From the Newspapers]. 2. pp. 30–34.
14. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. (1896) Protokoly zasedaniya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Zasedanie 22 fevralya 1896 g. [Minutes of the Meeting of the Tauride Scientific Archival Commission. Meeting of February 22, 1896]. 25. pp. 159–161.
15. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. (1899) Protokoly zasedaniya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Zasedanie 25 sentyabrya 1899 g. [Minutes of the meeting of the Tauride Scientific Archival Commission. Meeting of September 25, 1899]. 30. pp. 108–118.
16. Korolyova, L.I. (2007) O drevney mecheti v Eski-Sarae (pis'mennye svidetel'stva, istoriya okhrany pamyatnika) [About the ancient mosque in Eski-Saray (written evidence, history of the monument's protection)]. *VII Tavricheskie nauchnye chteniya* [VII Tauride Scientific Readings]. Proc. of the Conference. Simferopol, May 19, 2006. Simferopol. Vol. 1. pp. 139–147.
17. Nikolskiy, P.V. (1923) *Simferopol' i ego okrestnosti: istoriko-arkheologicheskie ekskursii* [Simferopol and its environs: historical and archaeological excursions]. Simferopol: Krymizdat.
18. Zasypkin, B.N. (1927) Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar [Monuments of architecture of the Crimean Tatars]. *Krym*. 2(4). pp. 113–168.
19. Aseev, Yu.S. & Lebedev, G.A. (1961) *Arkhitektura Kryma* [Architecture of Crimea]. Kiev: Academy of Civil Engineering and Architecture of the Ukrainian SSR.
20. Yakobson, A.L. (1964) *Srednevekovyy Krym. Ocherki istorii i istorii material'noy kul'tury* [Medieval Crimea. Essays on the History and History of Material Culture]. Moscow; Leningrad: Nauka.
21. Shchepinskiy, A. (1993) Pamyatniki krymskotatarskoy kul'tury. Mechet' XIV – XV vv. pri der. Eski-Saray [Monuments of the Crimean Tatar culture. Mosque of the 14th – 15th centuries near the village of Eski-Saray]. *Vatan*. 3. pp. 3–10.
22. Shchepinskiy, A. (1970) Pod okhrannoy doskoy [Under the security board]. *Pravda Ukrainy*. 19th March.
23. Ignatkin, I.A. (1983) *Pamyatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoy SSR: illyustrirovannyy spravochnik-katalog* [Monuments of urban planning and architecture of the Ukrainian SSR: an illustrated catalogue]. Vol. 2. Kiev: Budivel'nik.
24. Kirilko, V.P. (2012) Mechet' v Eski-Sarae (Pionerskoe) [Mosque in Eski-Saray (Pionerskoye)]. *Stratum plus*. 6. pp. 261–297.
25. Kirilko, V.P. (2019) Kul'tovaya arkhitektura zolotoordynskogo Kryma: versiya E. D. Zilivinskoy [Cult architecture of the Golden Horde Crimea: E.D. Zilivinskaya's version]. In: Bocharov, S.G. & Sitdikov, A.G. (eds) *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Kazan: Institute of Archeology. pp. 691–740.
26. Krikun, E.V. (1998) *Pamyatniki krymsko-tatarskoy arkhitektury (XIII–XX vv.)* [Monuments of Crimean Tatar architecture (13th–20th centuries)]. Simferopol: Krymuchpedgiz.
27. Krikun, Yu.V. (2001) *Pam'yatniki krims'kotatars'koï arkhitekturi (XIII–XX stolittya)* [Monuments of Crimean Tatar architecture (13th–20th centuries)]. Simferopol: Tavrida.
28. Krikun, E. (1977) *Arkhitekturnye pamyatniki Kryma* [Architectural monuments of Crimea]. Simferopol: Tavriya.
29. Korolyova, L.I. (2013) O drevney mecheti v Eski-Sarae (pis'mennye svidetel'stva, istoriya okhrany pamyatnika) [About the ancient mosque in Eski-Saray (written evidence, history of the monument's protection)]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 261. pp. 30–32.
30. Çelebi, E. (1999) *Kniga puteshestviy Evlii Chelebi. Pokhody s tatarami i puteshestviya po Krymu: 1641–1667 gg.* [A Book of Travels of Evliya Celebi. Campaigns with the Tatars and Travels in Crimea: 1641–1667]. Translated from Turkish by M.B. Kizilov. Simferopol: Tavriya,
31. Çelebi, E. (2008) *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.)* [A Book of Travel. Crimea and Adjacent Regions (extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century)]. Translated from Turkish by E.V. Bakhrevskiy. Simferopol: Dolya.
32. Çelebi, E. (2017) *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti: izvlechenie iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.* [A Book of Travel. Crimea and Adjacent Regions (extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century)]. Translated from Turkish by E.V. Bakhrevskiy. Simferopol: The I. Gasprinsky Mediacenter.
33. Zilivinskaya, E.D. (2014a) *Arkhitektura Zolotoy Ordy* [Architecture of the Golden Horde]. Vol. 1. Kazan: Otechestvo.
34. Zilivinskaya, E.D. (2014b) Mecheti Kryma i ikh mesto v kul'tovoy arkhitekture Zolotoy Ordy [Mosques of Crimea and their place in the religious architecture of the Golden Horde]. *Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma* [Topical problems of studying and preserving the Islamic heritage of Crimea]. Proc. of the Conference. Koktebel, October 14–18, 2014. Simferopol: Tarpan. pp. 175–193.
35. Seydaliev, E.I. (2014) Musul'manskie kul'tovye pamyatniki Kryma perioda Zolotoy Ordy. Sovremennoe sostoyanie problemy [Muslim religious monuments of Crimea during the Golden Horde period. Current state of the problem]. *Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma* [Topical problems of studying and preserving the Islamic heritage of Crimea]. Proc. of the Conference. Koktebel, October 14–18, 2014. Simferopol: Tarpan. pp. 194–204.
36. Gayvoronskiy, O. (2016) *Strana Krym. Ocherki o pamyatnikakh istorii Krymskogo khanstva* [The Country of Crimea. Essays on the historical monuments of the Crimean Khanate]. Simferopol: FL Ablaeva N.F.
37. Malm, V.A. (1987) *Simferopol'skiy klad* [The Simferopol treasure]. Moscow: Vneshtorgizdat.
38. Velyaminov-Zernov, V.V. (ed.) (1864) *Materialy dlya istorii Krymskogo khanstva, izvlechennye, po rasporyazheniyu Imperatorskoy Akademii nauk, iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del* [Materials for the history of the Crimean Khanate, extracted, by order of the Imperial Academy of Sciences, from the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
39. Kutaysova, M.V. (2017) *Simferopol'skaya starina v fotografiyakh i opisaniyakh* [Simferopol antiquity in photographs and descriptions]. Simferopol: [s.n.].
40. Abdulvaap, N. (2014) Kalga-sultan Kryma i ego dvorets v Akmesdzhite [Kalga-sultan of Crimea and his palace in Aqmescit]. *Qasevet*. 42. pp. 56–73.
41. Luc, J. de (1879) Opisanie Perekopskikh i Nogayskikh tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Lyuka, monakha Dominikanskogo ordena [Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrelians and Georgians by Jean de Luc, monk of the Dominican Order]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 11. pp. 473–493.

***Сведения об авторе*:**
Ломакин Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: LomakinDA@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Lomakin Dmitriy A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: LomakinDA@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2021; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 20.02.2021; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 94 (470): 911. 373: 82-343
doi: 10.17223/19988613/92/15

Бытовые сказки о барской спеси, жадности и глупости как аксиологический источник по системе взаимоотношений помещика и крестьян в русской деревне

Владимир Анатольевич Шаповалов[1], Ирина Владимировна Истомина[2]

[1, 2] Белгородский национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
[1] shapovalov@bsu.edu.ru
[2] istomina_iv@bsu.edu.ru

Аннотация. Бытовые сказки почти не используются в качестве источника при анализе различных сфер жизни русской деревни XVIII – начала XX в. Однако авторы придавали героям сказок из деревенского цикла различные элементы узнаваемости, добиваясь этого в первую очередь аксиологическими приемами, оттеняя те или иные социально-психологические и нравственные нюансы. Именно эти аксиологические доминанты применительно к сказочным героям из различных слоев деревенского социума имеют исследовательский интерес. В них сочинители сказок подчеркивают элементы поведенческого кода представителей конкретной сословной общности.
Ключевые слова: бытовая сказка, фольклор, барин, мужик, русская деревня, аксиология

Для цитирования: Шаповлов В.А., Истомина И.В. Бытовые сказки о барской спеси, жадности и глупости как аксиологический источник по системе взаимоотношений помещика и крестьян в русской деревне // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 127–135. doi: 10.17223/19988613/92/15

Original article

Household tales about lordly arrogance, greed and stupidity as an axiological source on the system of relations between the landowner and peasants in the Russian village

Vladimir A. Shapovalov[1], Irina V. Istomina[2]

[1, 2] Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation
[1] shapovalov@bsu.edu.ru
[2] istomina_iv@bsu.edu.ru

Abstract. The aim of this article is to identify axiological dominant in the image of a landlord (master) in Russian household fairy tales about landowner arrogance, greed and stupidity. These stories make up the clear majority of fairy tales about the property owner and peasant man. Folklore tests often act as sources on various research problems, which cannot be said about fairy tales, including household ones. Certainly, tales are not real stories, but fiction. This discourse does not allow considering these stories as a historical source, despite the fact that the heroes of these fairy tales are the entire society of the Russian village (landowner, priest, peasants, courtyards, retired soldier, etc.). It makes no sense here to look for social processes and phenomena; they are replaced by fabulous plots. Nevertheless, the fairy-tale heroes, in relation to the Russian village, have recognition of the behavioral code (program) of the class nature. So, the master in fairy tales is powerful, cruel, greedy, does not understand simple everyday matters, lazy and arrogant. This feature takes place in all Russian household tales. A peasant man, on the contrary, is a hard worker, a smart, cunning, is looking for benefits from communication with the landowner. The researcher, through the prism of his perception, passes the obvious historical bias of fairy-tale characters, but at the same time, this bias and hypertrophy of images is extremely important for understanding the reflection of these images in the public consciousness of contemporaries. The writers of fairy tales realized that fairy-tale heroes without their class identification, albeit in a satirical form, would not be uninteresting for listeners. The landlord was supposed to look like a master, priest - as priest, although inscribed in a fabulous canvas. Exactly this recognition intensifies the emotional component of the perception of the plot of a fairy tale. A peasant man outwits the landowner and this causes the emotional satisfaction of the listeners. The writers of fairy tales endowed their heroes with a certain behavioral code, translating the word into an image, but already with axiological dominants, based on the estate status of the character. This feature is manifested in the analysis of everyday tales about lordly arrogance, greed and stupidity, which make up more than 60 percent of the total number of tales about a master and a peasant. The landlord can't be confused with a peasant man, or the priest with a retired soldier. These axiological nuances, combined with various historical sources, can significantly expand the researcher's ideas about the landlord as a subject and at the same time the object of functioning of the life of the Russian village, considering that such sources are not often used in the scientific literature and the researcher misses many necessary fragments of the image of everyday life.

© В.А. Шаповлов, И.В. Истомина, 2024

Keywords: household tale, folklore, landlord, peasant man, Russian village, axiology

For citation: Shapovalov, V.A., Istomina, I.V. (2024) Household tales about lordly arrogance, greed and stupidity as an axiological source on the system of relations between the landowner and peasants in the Russian village. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 127–135. doi: 10.17223/19988613/92/15

Многоплановость, разновекторность, противоречивость и одновременная цельность фольклорных текстов привлекает к ним большое количество исследователей различных направлений и школ. Б.Н. Путилин в этой связи весьма точно подчеркивает: «Фольклор как память традиции и – одновременно – как актуальное действо не позволяет применять к нему односторонних оценок. Его специфическая сила именно в многообразии, противоречивости, наличии взаимоисключающих тенденций» [1. С. 68]. Фольклорные тексты часто используют в качестве исторического источника, чего не скажешь о его отдельных жанрах, в частности бытовых сказках. Бытовые сказки выделяются как особый вид сказочного эпоса; в них воспроизводятся картины обыденной жизни – без чудес, характерных для волшебных сказок, и без комического маскарада, свойственного сказкам о животных [2. С. 128]. Тем не менее события, о которых повествуется в бытовой сказке, совершенно невозможны в жизни по своей необычайности. В них никто не верит, и в этом их привлекательность. Цель бытовой сказки – не изображение действительности, а художественное развлечение [3. С. 287–288].

Так что же может привлечь исследователя в бытовых сказках в качестве аксиологического источника? Здесь необходимо учитывать, что реально традиция доносит до нас не столько информацию о прошлом, сколько матрицы общественного сознания, точнее, исторические воспоминания, структурированные сообразно данным матрицам. Использованные в фольклоре повествовательные матрицы, как указывает С.Ю. Неклюдов, играют роль своеобразного бредня, в ячейках которого оседают определенные «исторические воспоминания», затем трансформированные в обобщения [4. С. 77, 84]. Именно эти обобщения на основе фольклорных текстов, в частности бытовых сказок, наиболее близких по форме, но не по сути, к реальной действительности, имеют исследовательский интерес. В этой связи В.Я. Пропп отмечает: «Эти сказки могут служить средством изучения крестьянского мировоззрения и крестьянской житейской философии» [3. С. 284]. То есть в качестве объекта исследования могут выступать поведенческие стереотипы бар, отношение сказочных героев к помещику. Например, барин – обладатель богатств и крепостных крестьян; помещик – распорядитель судеб крестьян; барин – земельный собственник, мало знакомый с тонкостями работы на земле; помещик – человек из другого мира, с особой культурой, образованностью и недосягаемым сословным статусом; помещик – человек которому от рождения даны всевозможные привилегии, блага и т.д. Здесь должен быть весьма тонкий текстовой анализ, где необходимо уловить доминантные аксиологические нюансы, характеризующие барина, и не придать сюжету сказки социальную окраску.

Авторам известно более 100 бытовых сказок о барине и мужике. Центральное место в этом сюжетном цикле занимают сказки о помещичьей спеси, жадности и глупости. Их насчитывается около 60, и они собраны в сборнике «Русские народные сказки. Барин и мужик» [5. С. 61–178], юбилейном сборнике к 150-летию отмены крепостного права «К воле. Крепостное право в народной поэзии» [6. С. 91–93, 119, 126, 136, 145], многотомнике «Библиотека русского фольклора» [7. С. 148, 153], сборниках «Русская бытовая сказка» [8. С. 54–57, 70, 95] и «Русская сатирическая сказка» [9. С. 47, 231], региональных сборниках сказок [10. С. 12, 118]. Объединить в рамках одной темы исследования понятий барской спеси, жадности и глупости позволяет их тесная, фактически неразрывная, внутренняя сюжетная связь, опосредованная нравственными и интеллектуальными свойствами героев. Недаром в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля спесь трактуется как «…глупое самодовольство, ставящее себе в заслугу сан, чин, внешние знаки отличия, богатство, высокий род свой и пр.» [11. Стб. 438]. То есть глупость лежит в основе человеческой спеси. Глупость подразумевает под собой определенное интеллектуальное свойство человека, а глупый – это «…неразумный, скудоумный, недальний, ограниченного ума; непонятливый, тупой, тупоумный» [12. Стб. 882]. Жадный характеризуется как «…ненасытный, падкий на что-либо» [12. Стб. 1307], что рассматривалось как проявление ограниченного ума. Таким образом, доминантой для рассматриваемых понятий является глупость.

Столь большое количество сказок о спеси, жадности и глупости бар опосредовано в немалой степени представлениями крестьян о житейской неприспособленности помещиков и отсутствии у них хозяйской хватки. Знаток крестьянской психологии Глеб Успенский в данном контексте отмечал: «У крестьянина прочно сложилось какое-то в самую кровь въевшееся убеждение, что барин не понимает ровно ничего. Не понимает “житейского”, не понимает того, что держит человека на земле, что заправляет его жизнью, душой и думой. Барин может купить, потому что у него есть деньги…» [13. С. 18]. Утверждение «не понимает ровно ничего» несет в себе элемент сарказма, но в целом с точки зрения крестьянской житейской философии справедливо. Помещики в своей основе, особенно в дореформенный период, не знали нюансов работ на земле, простых крестьянских житейских премудростей, что снижало в глазах мужиков и баб их статусность как хозяев имений. И параллельно с этим крестьяне преклонялись перед магией дворянского достоинства, культурой и образованностью представителей «голубой крови». В данном контексте это все увязано в жанровой специфике сказок о барине и мужике. Ловкий и умудренный жизненными заботами мужик

выходит победителем в спорах, конфликтных ситуациях с помещиком. При этом помещик, естественно, далек от житейских реалий, он спесив, ленив, глуп и жаден. Именно это и способствовало тому, что в сказках о барине и мужике верх берет последний. В целом это является отражением народной сказочной философии о борьбе угнетаемых с угнетателями, ее привлекательностью для широкого круга слушателей. В ней нет прямых слепков с реальной действительностью. Сказка остается сказкой.

Также необходимо учитывать, что сказка обладает символической языковой структурой. Здесь слово, смысл переводятся в образ. Поэтому сказка оперирует образцами – типами отношений, связей действий [14. С. 145]. В то же время в реальной жизни набор типовых программ поведения (социальных кодов поведения) специфичен для каждого коллектива [15. С. 5], общества в целом с учетом его стадиальности. Данная стадиальная система кодов поведения не могла в той или иной степени не найти отражения в бытовых сказках. Например, в демонстрации сословной структуры общества, патриархальной семьи, пусть и с определенными смысловыми допусками. В подтверждение вышесказанного можно указать на определенные ожидания от типовых программ поведения. Авторитетный американский социолог, социальный психолог Эрвинг Гоффман подчеркивает, что мы часто ожидаем подтверждения, согласованности между внешним видом и манерами, различиями в поведении в зависимости от социального статуса [16. P. 15]. Подобные ожидания запрограммированы в нашем сознании, исходя из жизненного опыта.

Классификация бытовых сказок по нравственным, интеллектуальным критериям их героев – задача трудновыполнимая. Содержание сказок синтезирует многие из них, и не всегда легко выделить основной. Например, классификация, предложенная Ю.М. Соколовым в сборнике русских народных сказок «Барин и мужик», это демонстрирует [5]. Выделенные им пять критериев классификации бытовых сказок о барине и мужике: барские жестокость, жадность, спесь, безделье, глупость, – в определенной степени схематичны, и немалое число сказок можно переместить из одного раздела в другой, особо не теряя категориальной привязанности. Стит Томпсон, американский фольклорист и исследователь народных сказок, специально указывает, что отдельная сказка может входить в различные сюжетные группы [17. P. 418]. Тем не менее определение смысловых доминант в каждой отдельной сказке из указанного сборника позволило Ю.М. Соколову предложить свою классификацию сказок о барине и мужике. Несмотря на замечания, автор настоящей статьи опирался в своем исследовании именно на данную классификацию.

В ходе предстоящего анализа сказочных сюжетов необходимо учитывать, что бытовые сказки о барине и мужике создавались в крестьянской среде, и все вышеуказанные нравственные и интеллектуальные категории (спесь, жадность, глупость) преломлялись через социопсихологические представления крестьян о социальной справедливости, житейской мудрости, порядочности, материальной разумной достаточности и т.д. То есть здесь необходимо опираться на социопсихологическое понятие «диффузное сознание» – безотчетную экстраполяцию (перенесение) своих личных представлений и опыта моделирования поступков и рассуждений других людей, «подстановки» своих взглядов и убеждений в сознание окружающих, представителей самых различных слоев общества [18. С. 28]. Для такого типа мышления характерно перенесение «ближайших» (привычных, изученных) ситуаций на широкий круг явлений с целью упорядочивания новой информации [18. С. 29].

С другой стороны, мужик осознавал непреодолимую социальную пропасть между собой и барином. В его сознании последний был представителем «голубой крови», а он сам рожден для того, чтобы «рыться в навозе» [19. С. 16], и своему рабскому состоянию находил объяснение, исходя из того, что «…на земле все рабы либо друг другу, либо самим себе… а все мы вместе рабы перед Господом Богом» [20. С. 28]. Все это, вместе взятое, не могло не найти в той или иной мере себе место в содержании бытовых сказок о барской спеси, жестокости и лени.

Непосредственное рассмотрение указанных сказочных сюжетов начнем с барской спеси. Помещичья спесь, откровенная пренебрежительность – это то, с чем подавляющая часть крестьян постоянно прямо или косвенно сталкивалась в своей повседневной жизни. Барская спесь проявлялась в систематическом подчеркивании ничтожности социального статуса крепостного крестьянина, выпячивании своего благородного происхождения и т.п. В данном анализе необходимо указать, что для народных сказок характерен принцип противопоставленности, т.е. большинство сказочных функций расположено попарно (оппозиционная парность): запрет–нарушение, борьба–победа, преследование–спасение и т.д. [15. С. 136]. В сказках о барской спеси данная оппозиционная парность проявляется в следующих функциях: величие–ничтожество, благородство–низкая статусность. При этом в рассматриваемых сказках о спеси барское величие окрашено саркастическими красками с элементами трикстериады. Спесь помещика и ее проявления выставляются сказочными героями на смех. Далеки от реальной действительности сюжетные линии, но они полностью вписываются в сказочную канву. В четырех бытовых сказках о спеси из восьми барин подчеркивает не только свою социальную противоположность крестьянам, но и физиологическую, указывая, что его «порода» принадлежит к другому миру. Так, в сказке «Прыщи на женах» помещик удивленно спрашивает крестьянина, почему вдруг у его жены появились прыщи на лице [5. С. 103]. Ведь, с его точки зрения, этого не должно быть. Ответ помещику был следующим: «Это барин, такая сыпь. Только, как видно, что у барыни на лице, то у моей женки на заднице» [5. С. 103]. Ответ мужика барину отражает те поступки, «для которых в русском языке есть очень выразительное слово, не переводимое на другие языки, – одурачивание» [21. С. 77]. Приравнивание лица барыни и задницы крестьянки как места для сыпи и есть проявление указанных проступ-

ков. Одурачивание – главный сюжетный стержень в комедийном повествовательном фольклоре, в частности в сатирических сказках [21. С. 79].

В сказках «Почему барская собака не ест сала» (вариация «Пан с легавой»), «Господских детей не накормишь» с юмором и в рамках трикстериады показана барская спесь на уровне претензий на социальную недосягаемость, элитарность вкусовых пристрастий. В первой из указанных сказок барин уверяет крестьянина, что его собака по изысканности своих вкусов превосходит мужика в его пищевых пристрастиях. Но брошенный мужиком кусок сала собака не взяла без приказа барина, хотя желание у нее было большое. Мужик, подыгрывая барину, говорит: «…вижу, что она одной с вами породы» [5. С. 104]. Здесь уместно упомянуть высказывание С. Томпсона, что исследователь сказки должен постоянно спрашивать себя: «Как сказка служит потребностям социальной группы?» [18. P. 6]. Через словесное одурачивание помещика мужик уравнивает в своих пристрастиях барина и собаку. По сути, крестьянин словами, что барин с собакой одной породы, ставит между ними знак тождества. Среди слушателей из крестьянской среды подобных словесная эквилибристика должна была вызвать смех и одобрение.

Барская спесь в бытовых сказках комично проявляется и в проецировании «неведомого» образа помещика. В указанном дискусе примечательна сказка «Барбос и барин». В ней показывается восприятие облика барина, которого до этого прежде крестьяне не видели. Помещик приехал в свое село, где его никто до этого не знал. Он вышел из кареты и зашел в «горницы», а его «меделянская собака» осталась в карете. У одной крестьянки взыграло любопытство – как же выглядит барин? Переговорив с мужем, она подошла к карете и «подивилась». После возвращения домой муж ее спрашивает:

«– А, что, жена, видела барина?

– А как же?

– А какой он на вид?»

– Да какой? Совсем как наш Барбос, только уши длиннее» [5. С. 105].

Комизм в этой сказке выстроен на основе алогизма. Глупость, неспособность элементарно правильно наблюдать, связывать причины и следствия вызывает смех. Алогизм подразделяется на явный и скрытый. Первый из указанных комичен сам по себе для тех, кто видит или слышит проявление. Во втором случае требуется разоблачение, и смех наступит в момент данного разоблачения. Для слушателя, читателя разоблачение скрытого алогизма может совершится в форме неожиданной и остроумной реплики собеседника, который своим ответом вскрывает несостоятельность суждения говорящего [22. С. 84]. Это вызывает смех. Последняя реплика крестьянки о внешнем виде помещика: «Совсем как наш Барбос, только уши длиннее» [5. С. 105], – и является кульминацией алогизма.

В сказках «Я думал, что вы птица», «Любопытный барин» [5. С. 106, 173], «Пан с легавой» [6. С. 142] барские спесь, чванливость соединены с любопытством и находчивостью крестьян.

Сословное пренебрежение поместных дворян к крестьянам подтверждают и немногочисленные пословицы, зародившиеся в барской среде: «Мужичья кость собачьим мясом обросла», «Из хама не будет пана», «Холоп на господина не доказчик» [23. С. 236].

Нравственная категория «жадность» имеет определенный общечеловеческий знаменатель, включающий стремление взять себе, получить, иметь у себя как можно больше, чем это необходимо. В то же время в крепостной и пореформенной России жадность воспринималась через призму социальной идентификации, опосредованной сословным традиционализмом спектра обладания и потребления. У крестьян и помещиков уважение к частной собственности было различным. У первых это чувство не было развито, особенно к собственности помещиков. Заповедь «не укради» по отношению к барам не работала. С точки зрения крестьян, лес, вода, земля, дикие звери, птицы и рыбы считались Божьими, созданными для всех людей. Порубки барского леса тоже не считались ими большим грехом: они говорили, что лес не сам помещик растил, а Бог [23. С. 76-77]. Отстаивание своей собственности помещиками из вышеуказанных категорий и нежелание ею делится с крестьянами у последних ассоциировалось с жадностью, неправедным владением. При этом крепостные крестьяне рассматривали барское добро отчасти и своим. Это видно из «любимого изречения» мужиков в разговоре с помещиками: «И вы наши, и мы ваши!» [24. С. 127]. То есть смешивались понятия собственности помещика и крестьян. Современники называли данные воззрения мужиков «коммунизмом крестьянина с помещиком» [24. С. 127].

Обмануть помещика считалось у крестьян богоугодным делом, ведь, как они считали, барин своим милосердием спасает собственную душу [25]. С другой стороны, дворянская культура повседневности была совершенно непонятна крестьянам. В первую очередь, они не могли понять необходимость большого количества у бар одежды, обуви, предметов роскоши, перемены немалого количества блюд и т.д. Это тоже в определенной степени отождествлялось с барской алчностью, ставшей производной для неоправданной расточительности, показательной спеси. В сказочных сюжетах это напрямую не просматривается, оттеняя социальную сторону, но на уровне подсознания у сочинителей сказок данный аспект не мог не найти отражения.

Авторам известно 16 сказок о барской жадности. Но, как отмечалось выше, жадность в этих сказках тесно соседствует с помещичьей глупостью и сословной заносчивостью. В сказках, например, «Барин и кучер», «Липунюшка», «Жернов и певун», «Горшеня», «Царь Иван и лапотник», «Жена – докащица», «Скупый пан» помещик показан алчной личностью, старающейся заполучить что-либо, принадлежащее крестьянам, либо сэкономить не только на крестьянах, но и на себе [5. С. 61–66, 72, 127–132, 160–162; 26. С. 91–95].

Помещик, отбирающий последнее у своих крестьян, наиболее наглядно показан в сказке «Жернов и певун». Сказка начинается с показа нищенского суще-

ствования стариков-крестьян: «Жил старик со старухой. И у них было только что имущества жернов. Они кормились этим жерновом.

Ехал барин с кучером, услыхал этот жернов, послал кучера. Он его унес. Старик и старуха посылают певунка» [5. С. 72]. Певунок (петушок. – *В.Ш.*) дважды просил барина вернуть жернов старикам, но барин приказывал то бросить его в хлев для затаптывания скотом, то зарезать и зажарить. Но певунок оживал и просил вернуть жернов хозяевам. Когда в третий раз барин приказал отсечь голову певуну, он опять ожил и потребовал вернуть жернов старикам. Только после этого помещик вернул жернов [5. С. 72]. Певунок здесь является метафорическим символом социальной справедливости, которую, по мнению создателей сказки, нельзя затоптать, сжечь, зарубить. В данной сказке жадность тесно переплелась с жестокостью.

Сказки «Как мужик с барином обедал», «Хитрый мужичок», «Как Егорий ко Христу ходил», «Горшеня» в контексте рассматриваемой проблемы построены на трюках смекалистого и хитрого трикстера-мужика в отношении антагониста-помещика [5. С. 69, 70–71, 92–94, 127–130]. Игра трикстера строится с учетом точки зрения антагониста, его интересов, целей и способов действовать. Именно в его глазах трикстер стремится предстать способным оказать услугу, помочь добыть объект и т.д. Соответственно, в глазах антагониста трикстер предстает как помощник, верный слуга, т.е. хитрость срабатывает. И если она каким-либо образом отвечает интересам не только самого трикстера, но и антагониста, то ядро трюка составляет провокация: все действия независимо от их тактики призваны побудить антагониста на действия, выгодные самому трикстеру [25. С. 148–149]. Другими словами, в бытовых сказках о барской жадности трикстер-крестьянин превосходно знает социальную психологию помещика, предвидит его дальнейшие шаги в ходе проведения трюка. Так, например, в сказке «Как мужик с барином обедал» мужичок поспорил со своим товарищем, что пообедает с барином. Зная алчность барина, он проводит в отношении него трюк по оценке большого куска золота:

«…прямо к барину пришел спросить, что будет стоить вот такой слиток золота?

И показал ему на руку» [5. С. 69].

Барин угощает мужика обедом с водкой, спрашивая, где же такой кусок золота лежит? Мужик ответил, что не знает, он просто спросил о стоимости такого количества золота. Помещик его прогнал, но мужик выиграл в споре два вола.

В сказке «Хитрый мужик» герой проделывает трюк с барином и своей женой. Мужичку приснился сон с точным указанием места клада с деньгами. Но, зная болтливость и хвастливость своей жены, а также жадность барина, он напек корзину блинов и, идя к месту клада, накалывал их на елки и колышки. После того как они с женой достали клад и пошли домой, на вопрос жены, для чего блины, муж ответил, что сегодня была блинная туча. Когда же услышали вдалеке крик мужиков в поле, жена опять полюбопытствовала, отчего этот крик. Муж ответил, что это барина запрягали в соху, вот он и кричал. Когда мужичок стал расходовать деньги, жена всем рассказывала, что они стали богаты, найдя клад. После этого барин вызвал мужика и потребовал клад принести ему. Мужик отвечает, что у него ничего нет. Барин ссылался на его жену, которая подтвердила правоту своих слов о кладе. Но когда она стала уточнять день находки клада, указывая на блинную тучу и запряганье барина в соху, последний не выдержал и выгнал ее вместе с мужем [5. С. 70–71]. Мужичок спрогнозировал цепь последующих событий в ходе находки клада, точно предугадав болтливость жены и жадность барина, с обязательным требованием передачи ему клада. Но трюк с блинной тучей и впряганьем барина в соху помог ему остаться с деньгами.

Две сказки «Чудесный бочонок» и «Деньги» [5. С. 73–78], в которых главными героями представлены помещик, мужик с женой, лакеи, не вписываются в традиционную канву бытовых сказок о барской жадности. В них жадность показана как нравственное и социальное явление общего плана, присущее представителям всех сословных общностей. В сказке «Чудесный бочонок» старик со старухой в ходе различных злоключений заполучили от ветра необычный бочонок, который выполнял их просьбы по накрытию стола дорогими яствами и напитками. Жизнь для них стала прекрасной без особых трудов. При этом старуха возгордилась и решила по-барски угостить проезжавшего мимо барина. Ей это удалось, но только барин увез с собой и чудесный бочонок. Здесь сказочное действие подчиняется структуре сказки, необходимости противопоставления. Так, старики должны испытать нужду, беспокойство, чтобы затем снова обрести достаток и спокойствие. Парная оппозиция находиться в контексте «нужда–сытость», «беспокойство–спокойствие». Далее по сюжету старуха посылает старика к ветру за новым бочонком, который он получает. Но на просьбу накрыть стол из бочонка выскочили два молодца и стали хлестать плетьми просителя. В этой связи старик решил провести трюк с барином, предложив ему новый бочонок в качестве источника изысканных нарядов, не подходящих простолюдину. Барин согласился и приказал бочонку одеть его, но молодцы из бочонка стали сечь его плетьми. Старик за прекращение порки потребовал у барина вернуть первый бочонок. Он его и получил, но, уходя, прихватил и второй. [5. С. 73–76]. Старик и старуха хотели сытой жизни, не утруждая себя чем-либо. Но, лишившись бочонка, они готовы были на все, чтобы вернуть его, и далее по сюжету старик выступает трикстером, а барин – антагонистом, прервавшим сытую и красивую жизнь стариков. В результате трикстер-старик преуменьшает в глазах антагониста-барина себя как потенциального противника, маскируясь под доверенное лицо помещика, готовое передать нескончаемый источник дорогой одежды. Трюк удался, крестьянин получает назад первый бочонок, но он прихватывает и второй. Однако это нельзя сводить только к банальной жадности, второй бочонок мог ему понадобиться для последующих аналогичных трюков с ним ради дальнейшего обогащения.

Идея данной сказки хорошо укладывается в смысловую канву пословиц «Дай Бог много, а захочется и

больше», «Зоб полон, а глаза голодны», «Не было гроша, да вдруг – алтын» [26. С. 136, 153).

В сказке «Деньги» из облака на землю «вывалилась куча золота». Проходивший мимо дед объяснил внуку, что эти деньги не нужны, у них свои деньги есть, т.е. от неправедно приобретенных денег нужно держаться подальше. Подъехавший барин приказал своим двум лакеям забрать золото. По дороге в город лакеи убили барина, присвоив золото себе. После чего один из лакеев отправился в город за едой и выпивкой, где приобрел и яд, чтобы отравить своего напарника. Делиться он ни с кем не хотел. Но, придя из города к месту, где его ждал второй лакей, он был застрелен выстрелом из пистолета. Оставшийся лакей на радостях выпил вино, но оно было с ядом. В итоге «Померли все трое, и никому не надо стало денег» [5. С. 78].

Заключительные слова сказки являются обличением жадности и зависти, которые приводят к печальным последствиям. Тональность данного высказывания предусматривает закономерность финала сказки. Название сказки «Деньги» и ее сюжет подчеркивают, что «деньги в настоящее время общий кумир», «силу их нельзя не признать», что отражено в пословицах: «Денежка не Бог, пол Бога есть», «После Бога – деньги первые», «Деньги – крылья», «Деньги и камень долбят» [26. С. 148]. Однако сюжет сказки демонстрирует обратную сторону стремления к деньгам – алчность, готовность пойти на преступление ради них или их приумножения. В итоге судьба карает всех, независимо – барин ты или лакей.

Олицетворением жадности в вышерассмотренных сказках является барин, который отбирает что-либо у крестьян или попадает на трюки трикстера-мужика, в ходе которых последний использует его патологическую жадность. В сказке «Деньги» жадный барин стал первопричиной череды убийств из-за стремления разбогатеть на чужом. Барин как символ жадности выбран неслучайно. В крестьянской среде, особенно крепостной, только помещик мог стать сказочным персонажем, вобравшим в себя такие качества, как жадность, жестокость, безразличие к чужому горю.

Авторам известно 35 бытовых сказок о барской глупости. Все они носят явно сатирический характер, открыто высмеивая барскую неприспособленность к жизни, повседневную глупость (дурь). Ю.М. Соколов справедливо отмечает социальный подтекст как один из факторов создания сказок о барской глупости: «…в обрисовке глупости как одного из характерных свойств господских нужно видеть прежде всего стремление крестьянских рассказчиков и их слушателей унизить классового врага в одном из самых чувствительных пунктов. Барин склонен был особенно кичиться перед подвластным ему “серым мужиком” своею образованностью, знаниями, культурой. Как раз именно это и вызывало у крестьян-рассказчиков стремление подчеркнуть в барине недомыслие, непонимание, недогадливость, простоватость и глупость. Барские причуды, капризы, самодурства еще больше убеждали крестьян в правильности их наблюдений над барским умом» [5. С. 23). Это существенный момент, но не объясняющий до конца данный фольклорный феномен. Крупный этнограф рубежа XIX–XX вв. О.П. Семенова-Тян-Шанская в своем исследовании об «Иване» в этой связи тонко подмечает: «…крестьяне по большей части насмешливо относятся к помещикам-дворянам, к их хозяйственным способностям, совсем в них не верят» [19. С. 55]. То есть крестьянам был чужд и непонятен сам праздный образ жизни барина, он был алогичен для них. Отсюда данная неприспособленность в сказочной форме трансформируется в глупость, и именно глупость уже является доминантной в сказке. Это наглядно отражено в белорусской пословице: «У панов дужа много вума, да тольки ён николи дома ни жевец» [6. С. 157].

После вышеприведенных рассуждений необходимо уточнить, что автор не ищет социальной основы в сюжетах бытовых сказок. Социальный же подтекст в форме гиперболизации, комического преувеличения, алогизма барского поведения, проявления неимоверной глупости создавал образ, сочетающий в себе узнаваемые черты владельца имения (властность, жестокость, выпячиваемый сословный статус и т.п.) с причудами различного спектра, выходящими за рамки разумности. При отсутствии социального подтекста бытовая сказка теряла бы привлекательность, ее герои были бы мало узнаваемы для слушателей в плане соотнесения с традиционными образами русской деревни (помещик, поп, мужик и баба, отставной солдат и т.д.).

Здесь также необходимо учитывать, что в жизни индивида, включая сказочного, неизменно участвует кто-то другой – как определенный идеал, наставник, напарник, противник, родственник и т.д. [28. P. 26]. Его поступки опосредованы взаимодействием с «кем-то другим», исходя из положения последнего в общественной, семейной иерархии, но в русле сказочного дискурса.

В отдельных сказках, таких как «Как барин лошадей себе из тыкв высиживал», «Как барин телился», сами названия являются метафорическим указанием на барские умственные способности и хозяйственно-бытовые познания [5. С. 145, 147]. Подобный сатирический взгляд на помещичий хозяйственный кругозор нашел отражение и в народно-поэтической сатире. В частности, «Как у нас сельце в Поливанове»:

Как у нас в сельце Поливанове
Боярин-дурак в решете пиво цедил,
А дворецкий-дурак,
В сарафан пиво сливал [27. С. 35].

Хотя в этой песне в подобном роде высмеивались и представители других сословий, но обзывание боярина дураком, учитывая, что песня записана в 1739 г., указывает на давнюю традицию в народном фольклоре увязывать в единое целое барина и глупость [27. С. 35].

В сказках о барской глупости комизм проявляется по большей части через формы одурачивания и алогизма.

В сказках «Коза» и «Календарь» высмеивается незнание помещиками поведения домашних животных и народных примет сельскохозяйственных циклов [5. С. 153; 8. С. 57]. В первой из этих сказок мужик, идя через лес, натыкается на мертвого волка, а проезжавшему мимо барину говорит, что волка загрызла его

коза. Барин уговорил мужика продать козу за сто рублей. В финале сказки три волка растерзали козу, но барин был уверен, что они ее взяли числом. В сказке «Календарь» помещик не знает народных примет перемены погоды, в то время как крестьянин эти перемены связывает с реагированием на них своей грыжи. В итоге барин предлагает: «Возьми мой календарь, а грыжу-то мне отдай» [8. С. 57]. В сатирической форме одурачивания барские незнания основ хозяйственной жизни и народных примет в сказках трансформируются в глупость, выставляя помещиков в весьма смешном виде.

Другое направление показа барской глупости в бытовых сказках – непонимание помещиками простых житейских вещей, которые банальны и повторяются каждый день. Так, например, через ежедневную процедуру «справления» естественных потребностей в сказке «Барин ищет счастливое место» крестьянин показывает помещику саму суть понятия «счастливое место» применительно к указанному процессу [5. С. 169]. Барин удивляется кучеру, что он быстро «ходит до ветру», а он только тужится. На это кучер ответил, что он знает счастливое место. Барин просит его отвести к нему, но побыстрей, так как ему уже невмочь. Мужик проехал еще некоторое время и, когда барин стал уже сильно кряхтеть, остановился и сказал, что это и есть счастливое место. Барин быстро справил нужду и «тогда стал знать счастливое место» [5. С. 169]. Мужик научил барина осознавать счастливое место в малом – там, где оно нужно в данное время и в первую очередь. Через обычную бытовую сцену физиологического плана в сказке показаны мужицкая житейская мудрость и барская недалекость.

Третье направление сказок о барской глупости тесно связано с трикстериадой и обогащением мужика за счет барина. Эти сказки весьма близки по сюжетной линии со сказками о барской жадности, где трикстериада играет также заметную роль. Но в них барин не выглядит откровенным глупцом, просто в ходе трюка мужик его переигрывает благодаря своей смекалке. В сказках же о барской глупости трикстер-мужик использует в свою пользу помещичью недалекость. Например, в сказке «Как мужик учил осла говорить» бедняк взял у барина три тысячи рублей за обещание последнему через 20 лет научить животное говорить. Соседям, смеющимся над ним, он заявил: «…за двадцать лет-то либо осел сдохнет, либо барин умрет, либо я, а до этого времени я буду жить хорошо» [5. С. 168]. Сюжет данной сказки известен многим народам. В сказке «Барыня и цыплятки» помещица захотела, чтобы курица высидела пятьдесят обязательно черных цыплят. Но она понимает, что курице высидеть их будет невозможно. Ее кучер предложил высидеть цыплят вместо курицы. Но обещал взять дорого. Барыня согласилась, выдала ему дорогую одежду, велела каждый день выдавать водку и еду. Кучер построил в бане гнездо и усадил в него наседку. Сам же с дружками пил и гулял. Но настало время показать барыне пятьдесят черных цыплят. Кучер с дружками устроил в бане, где находилось гнездо с небольшим количеством цыплят, пожар, а сам, на глазах у барыни кидался в горящую баню якобы спасать цыплят. Барыня поверила в искренность кучера, выплатила ему пятьдесят рублей и дала месяц отдыха. Опять же, пользуясь барской доверчивостью вперемешку с глупостью, кучер обогатился и неплохо погулял с дружками.

Две последние сказки демонстрируют желание крестьян, пусть и в рамках сказочного мира, заставить барина поделиться своим богатством. Трикстер одурачивает барина (барыню), используя их незнание обычных вещей, которые известны любому мужику или бабе. Помещичья глупость стала основой для роста материального благополучия мужика и дворового.

Близкими по форме, но не относящимися содержательно к вышерассмотренным нравственным и умственным критериям барина, являются сказки о ловких ворах и находчивых отгадчиках, в которых трикстеры – выходцы из простонародья – с помощью определенных трюков выигрывают различные пари у барина. Но в этих сказках, как, например, «Вор», «О воре Климке» [29. № 383, 384. С. 840–844], «Про Ваню – вора» [8. С. 83], «Где больше дураков» [8. С. 56–57], «Российский знахарь» [10. С. 107–108], помещик не показан с негативной стороны или определенным посмешищем. Он – типичный властный барин, которого перехитрил мужик. Авторам известно более 20 сказок (с вариациями) данной направленности.

Бытовые сказки о спеси, жадности и глупости бар традиционно, как и другие сказки о помещиках, отражают стремление их сочинителей показать барина одураченным и высмеянным вследствие отсутствия у него понятий о сути многих простых вещей и процессов, неимоверного желания все большего богатства, чрезмерной чванливости. Мужик или дворовой в этих сказках в рамках трикстериады ловко одурачивает помещика, так как они, в отличие от последнего, «приземлены» в вопросах хозяйственной деятельности, природных и физиологических явлений, в бытовых деталях. Понятия спеси, жадности и глупости очень близки по своей содержательной сути, и это тонко обыгрывается в сказках. Например, где жадный барин одновременно глуп и спесив. В то же время для слушателей интересна узнаваемость обобщенного образа барина, как, собственно, и других субъектов деревенской повседневности. Без этого терялась бы притягательность самого факта одурачивания сказочного барина. То есть его образ должен иметь социальный подтекст (властность, богатство, кичливость и т.п.) наряду с поступками, выходящими за рамки разумного. Барский образ в сказке легко узнаваем, и в этом одна из «изюминок» сюжета, когда уловки и трюки трикстера-крестьянина усиливают эмоциональное восприятие от данной узнаваемости.

Для исследователя повседневности русской деревни конца XVIII – начала XX в. бытовые сказки могут быть интересны аксиологическими нюансами их героев. Социальные сюжеты в данных сказках искать бессмысленно, сказки – это выдуманные истории, нереальные по своей содержательной сути. Но элементы поведенческих кодов (программ) героев бытовых сказок, представляющих отдельные сословия, четко просматриваются. Барина сложно спутать с попом или

отставным солдатом. В сказках их действия соответствуют определенному поведенческому коду, но вписаны в сказочную канву. Для исследователя особый интерес может вызвать то, что являлось социопсихологической доминантной для составителей сказок о барине. В вышерассмотренных сказках это неприспособленность помещика к хозяйственной деятельности, незнание многих вещей из реальной жизни, стремление к стяжательству, выпячивание своего собственного «Я». Нельзя отрицать, что данные аксиологические доминанты при создании сказочного образа барина во многом перекликались с его реальным прообразом.

Список источников

1. Путилин Б.Н. Фольклор и народная культура. In Memoriam / под ред. А.Н. Анфертьева. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
2. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. М. : Дрофа, 2004. 336 с.
3. Пропп В.Я. Русская сказка. М. : Лабиринт, 2000. 416 с.
4. Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60 : сб. ст. к 60-летию А.К. Байбурина. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2007. С. 77–86.
5. Русские народные сказки. Барин и мужик / под ред. Ю.М. Соколова. М.–Л. : Academia, 1932. 189 с.
6. К воле. Крепостное право в народной поэзии / сост. Н.Л. Бродский. М. : Польза, 1911. 194 с.
7. Библиотека русского фольклора / сост. Ю. Круглов. М. : Сов. Россия, 1989. Кн. 3, т. 2. 624 с.
8. Русская бытовая сказка / сост. В.С. Бахтин. Л. : Лениздат, 1987. 510 с.
9. Русская сатирическая сказка / сост. Дм. Молдавский. Л. : Худож. лит., 1979. 368 с.
10. Народные сказки Воронежской области / сост. А.И. Кретов. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 175 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М. : Т-во М.О. Вольфъ, 1909. Т. 4: С–V. 853 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М. : Т-во М.О. Вольфъ, 1903. Т. 1: А–З. 853 с.
13. Успенский Г. Полное собрание сочинений СПб. : Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1908. Т. 4. 746 с.
14. Горностаева М.В. Смысл и социальная реальность : социология структурного психоанализа. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2003. 236 с.
15. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 240 с.
16. Goffman E. The presentation of self in everyday life. Edinburgh : University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1956. 161 p.
17. Thompson S. The folktale. University of California press. Berkeley ; Los Angeles ; London, 1977. 510 p.
18. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1994. 73 с.
19. Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 22 с.
20. Мельников Н.А. 19 лет на земской службе. Иошкар-Ола : Марийский НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, 2008. 344 с.
21. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М. : Искусство, 1976. 183 с.
22. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2017. 541 с.
23. Безгин В.Б. Мужицкая правда. Обычное право и суд российских крестьян. М. : Common place, 2017. 334 с.
24. Неелов Д.Д. Что должно разуметь под рациональным сельским хозяйством (по поводу статьи г. Арсеньева «О трудностях при введении рационального хозяйства в нашем отечестве») // Русский вестник. 1857. Т. 9. С. 93–139.
25. Новик Е.С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе : сб. в честь 75-летия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М. : Рос. ун-т, 1993. С. 139–152.
26. Сборник пословиц, поговорок, примет и прочее : (русско-народная философия) / сост. отшельник Мери-Хови. СПб. : Губернская тип., 1882. 252 с.
27. Народно-поэтическая сатира / под ред. В.С. Киселева. Л. : Сов. писатель, 1960. 470 с.
28. Easthope A. Poetry and Phantasy. Cambridge et al. : Cambridge University Press, 1989. 227 p.
29. Народные русские сказки : полное издание в одном томе / сост. А.Н. Афанасьев. М. : Альф-Книга, 2014. 1087 с.

References

1. Putilin, B.N. (2003) Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and folk culture]. In: Anfertieva, A.N. (ed.) *In Memoriam*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
2. Kostyukhin, E.A. (2004) *Lektsii po russkomu fol'kloru* [Lectures on Russian Folklore]. Moscow: Drofa.
3. Propp, V.Ya. (2000) *Russkaya skazka* [Russian fairy tale]. Moscow: Labirint.
4. Neklyudov, S.Yu. (2007) Zametki ob “istoricheskoy pamyati” v fol'klore [Notes on “historical memory” in folklore]. In: *AB-60: sb. st. k 60-letiyu A.K. Bayburina* [AB-60: collected articles dedicated to the 60th anniversary of A.K. Baiburin]. St. Petersburg: St. Petersburg European University. pp. 77–86.
5. Sokolov, Yu.M. (ed.) (1932) *Russkie narodnye skazki. Barin i muzhik* [Russian folk tales. A landlord and a peasant man]. Moscow; Leningrad: Academia.
6. Brodskiy, N.L. (ed.) (1911) *K vole. Krepostnoe pravo v narodnoy poezii* [To the will. Serfdom in folk poetry]. Moscow: Pol'za.
7. Kruglov, Yu. (ed.) (1989) *Biblioteka russkogo fol'klora* [The Library of Russian Folklore]. Vol. 3(2). Moscow: Sovetskaya Rossiya.
8. Bahtin, V.S. (ed.) (1987) *Russkaya bytovaya skazka* [Russian household folk tale]. Leningrad: Lenizdat.
9. Moldavskiy, Dm. (ed.) (1979) *Russkaya satiricheskaya skazka* [Russian satirical folk tale]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
10. Kretov, A.I. (ed.) (1977) *Narodnye skazki Voronezhskoy oblasti* [Folk tales of the Voronezh region]. Voronezh: Voronezh University.
11. Dal, V.I. (1909) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. St. Petersburg; Moscow: M.O. Volf.
12. Dal', V.I. (1903) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. St. Petersburg; Moscow: M.O. Volf.
13. Uspenskiy, G. (1908) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. St. Petersburg: A.F. Marks.
14. Gornostaeva, M.V. (2003) *Smysl i sotsial'naya real'nost' : sotsiologiya strukturnogo psikhoanaliza* [Meaning and Social Reality: Sociology Of Structural Psychoanalysis]. Moscow: RAS.
15. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Rituals in traditional culture. A structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka.
16. Goffman, E. (1956) *The presentation of self in everyday life*. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre.
17. Thompson, S. (1977) *The folktale*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California press.
18. Usenko, O.G. (1994) *Psikhologiya sotsial'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vv.* [Psychology of social protest in Russia of the 17th – 18th centuries]. Tver: Tver State University.
19. Shneyder, V.P. (1908) *Pamyati Ol'gi Petrovny Semenovoy* [In the memory of Olga Petrovna Semenova]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

20. Melnikov, N.A. (2008) *19 let na zemskoy sluzhbe* [19 years in zemstvo service]. Ioshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History named after. V.M. Vasiliev under the Government of the Republic of Mari El.
21. Propp, V.Ya. (1976) *Problemy komizma i smekha* [Issues of Comic and Laughter]. Moscow: Iskusstvo.
22. Sokolov, Yu.M. (2017) *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]. Moscow: Moscow State university.
23. Bezgin, V.B. (2017) *Muzhitskaya pravda. Obychnoe pravo i sud rossiyskikh krest'yan* [The man's truth. Customary law and court of Russian peasants]. Moscow: Common place.
24. Neelov, D.D. (1857) Chto dolzhno razumet' pod ratsional'nym sel'skim khozyaystvom (po povodu stat'i g. Arsen'eva "O trudnostyakh pri vvedenii ratsional'nogo khozyaystva v nashem otechestve") [What needs to be understood by rational agriculture (regarding the article by Arsenyev "On the difficulties in the introduction of a rational economy in our Fatherland")]. *Russkiy vestnik*. 9. pp. 93–139.
25. Novik, E.S. (1993) Struktura skazochnogo tryuka [The structure of a fabulous trick]. In: Neklyudov, S.E. & Novik, E.S. (eds) *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Moscow: Rossiyskiy universitet. pp. 139–152.
26. Hermit Mary-Howie. (ed.) (1882) *Sbornik poslovits, pogovorok, primet i prochee: (russko-narodnaya filosofiya)* [A collection of proverbs, sayings, and so on. (Russian folk philosophy)]. St. Petersburg: Gubernskaya tipografiya.
27. Kiselev, V.S. (ed.) (1960) *Narodno-poeticheskaya satira* [Folk poetry satire]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
28. Easthope, A. (1989) *Poetry and Phantasy*. Cambridge et al.: Cambridge University Press.
29. Afanasiev, A.N. (2014) *Narodnye russkie skazki. Polnoe izdanie v odnom tome* [Folk Russian tales. Full edition in one volume]. Moscow: Al'f-Kniga.

***Сведения об авторах*:**
Шаповалов Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия). E-mail: shapovalov@bsu.edu.ru
Истомина Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия). E-mail: istomina_iv@bsu.edu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Shapovalov Vladimir A. – Doctor of Historical Sciences, professor Department of Russian History and Document Science Belgorod National Research University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

Irina V. Istomina – Candidate of Historical Sciences, assistant professor, Department of Russian History and Document Science, Belgorod National Research University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: istomina_iv@bsu.edu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 15.06.2022; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 930.85
doi: 10.17223/19988613/92/16

Культурно-историческая концепция славянофилов в свете современных дискуссий о политическом образовании в России

Марина Алексеевна Широкова[1], Вячеслав Александрович Должиков[2]

[1, 2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[1] mshirokova1@rambler.ru
[2] dolshikov@yandex.ru

Аннотация. Выявляются и анализируются малоизученные аспекты культурно-исторической концепции основоположников классического славянофильства 40–50-х гг. XIX в., которые соотносятся с актуальной проблематикой определения целей, ценностных оснований и содержания политического образования в современной России. Обращается внимание на соотношение в идейном наследии славянофилов аксиологического и научного компонентов. Акцентируется общественная значимость просветительских взглядов мыслителей данного направления в контексте истории отечественного образования, российской культуры и цивилизации.
Ключевые слова: славянофильство, политическое образование, история России, цивилизация, культура

Для цитирования: Широкова М.А., Должиков В.А. Культурно-историческая концепция славянофилов в свете современных дискуссий о политическом образовании в России // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 136–143. doi: 10.17223/19988613/92/16

Original article

Cultural and historical concept of the Slavophiles in the light of modern discussions on political education in Russia

Marina A. Shirokova[1], Vyacheslav A. Dolzhikov[2]

[1, 2] Altay State University, Barnaul, Russian Federation
[1] mshirokova1@rambler.ru
[2] dolshikov@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to establish a continuity between the cultural and historical concept of the early Slavophiles, developed in the second quarter of the 19th century, and the actual problems of the development of the modern Russian system of political education in the context of the challenges facing Russia as a state-civilization. The author uses the civilizational approach as the methodological basis of this work. The authors of the article formulate the conclusion that it was the Slavophiles who were the first in Russian history to identify the specific systemic features of the national civilization. At the time of the genesis of Slavophilism, the term "civilization" (or "education") was just beginning to enter literary circulation. For the thinkers of this trend, it was part of a broader concept, namely "enlightenment," the purpose of which was not only to disseminate scientific knowledge, but also to root in the national "soil" the foundations of culture, which formed the "integrity of the spirit" in human being and maintained the integrity of the state and society as a single social organism.

The complex of ideas of Slavophilous worldview heritage, defined by a number of modern researchers as "innovative conservatism" or "innovative traditionalism", largely coincides with the value orientation of the project "DNA Russia", which is currently being developed by the expert community, within the framework of which a new subject "Foundations of Russian statehood" has been introduced in Russian universities since 1 September 2023. It is noteworthy that in the concept of the CMT of this discipline, representatives of Slavophilism are named among the personalities whose heritage should be in demand for the formation of the historical and political foundation of the self-consciousness of the generations entering life in order to bring the ideas of citizenship and patriotism into it.

According to the final conclusion of the article, the cultural-historical concept of the Slavophiles is synthetic. It balances national and universal principles, formal and substantive aspects of civil social life, scientific, religious and philosophical discourses. At the same time, the main task of the educational process is the harmonious relationship of the educational (spiritual and moral) component with the scientific and technological knowledge used as means of teaching.
Keywords: Slavophilism, political education, history of Russia, civilization, culture

For citation: Shirokova, M.A., Dolzhikov, V.A. (2024) Cultural and historical concept of the Slavophiles in the light of modern discussions on political education in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 136–143. doi: 10.17223/19988613/92/16

© М.А. Широкова, В.А. Должиков, 2024

Сегодня в российском научном и педагогическом сообществе разворачивается очередной виток дискуссий относительно роли политического образования как одной из доминантных сфер системы формирования мировоззренческой ориентации вступающих в самостоятельную жизнь поколений, осознания ими своей связи со страной, ее прошлым, настоящим и будущим. Со стороны действующей государственной власти выбор оптимальной стратегии для реализации этих задач в сфере образования может рассматриваться в качестве основополагающего фактора, оказывающего непосредственное влияние на перспективы политического развития России, но и одновременно как индикатор такого процесса.

Исследователи справедливо замечают, что с учетом современных внешних и внутренних вызовов, стоящих перед государством, становится чрезвычайно актуальной задача повышения гражданской активности, а также уровня доверия граждан к отечественным политическим институтам. А для этого, в свою очередь, необходима «всесторонняя и глубокая коммуникация между властью и обществом, обеспечить которую призвано политическое образование». Некоторыми авторами формулируется достаточно радикальный вывод о том, что «в сложившейся социально-экономической и геополитической обстановке вопросы целостности и безопасности общества являются более приоритетными, чем идеалы плюрализма и научной объективности» [1. С. 19]. Однако в любом случае российской системе образования предстоит решать целый комплекс сложных задач. Необходимо прежде всего воспитывать компетентных граждан, обладающих культурной и цивилизационной идентичностью и способных осмысленно воспринимать национальные интересы для того, чтобы подготовить молодых людей к самореализации в общественно-политической жизни, сознательной вовлеченности в нее и выполнению основных социальных ролей.

Таким образом, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой определения ценностных оснований политического образования в России, его целей и содержания. Когда заходит речь о выборе стратегии для нашей страны, как правило, сопоставляются так называемые консервативная и либеральная образовательные парадигмы. Так, по мнению Т.П. Днепровой, именно эти два варианта идеологических ориентиров «представляют собой дуальную оппозицию» в функционировании российской образовательной системы. «Первая парадигма ориентируется на отечественные традиции в образовании, – подчеркивает далее этот автор, – и национальные ценности… вторая – на модернизацию образования и общечеловеческие ценности» [2. С. 3]. Анализируя содержание самих понятий «цивилизация» и «культура», помимо прочего, Т.П. Днепрова последовательно проводит мысль о связи консервативной идеи с культурной составляющей, а либеральной – с цивилизационной компонентой. Но если данный исследователь настаивает на необходимости (или возможности) синтеза двух вышеназванных парадигм в содержании и формах образования на основе их гуманистической направленности, то О.В. Парилов обращает внимание на известную антиномичность, поляризацию мнений в российском обществе и образовательной среде. Это свидетельствует, по его мнению, о том, что мы далеки еще от выработки целостного национального самосознания [3]. Указывая на глубинные противоречия как на одну из характерных черт современной российской действительности, О.В. Парилов отмечает: «С одной стороны, на самом высоком уровне государственной власти говорится о выработке национальной идеи, необходимости развития нашей страны на основе национальных самобытных традиций; много появилось в последнее время публикаций, поднимающих тему патриотизма, сохранения исторической памяти. С другой стороны, в экономике, социальном строительстве, в системе образования в настоящее время зачастую происходит некритичное копирование западноевропейских ценностей, выдаваемых за “общечеловеческие”». Особую обеспокоенность у данного автора вызывает определенное выхолащивание нравственно-духовного компонента из образования [3].

Приведенное выше критическое замечание относится к 2015 г. Тем не менее в современном образовательном пространстве в качестве реакции на эту проблему предпринимаются шаги по концептуальной разработке экспертными коллективами преподавателей-обществоведов России учебно-методического комплекса для новой вузовской дисциплины «Основы российской государственности». О введении этого курса президент Российской Федерации В.В. Путин объявил в декабре 2022 г. на заседании Госсовета, посвященном молодежной политике. В январе 2023 г. было подписано поручение о подготовке программных материалов данного курса [4]. Предмет является частью проекта «ДНК России», в учебный процесс всех российских вузов он введен с 1 сентября 2023 г. Как отмечают авторы в обоснование актуальности УМК, за последние десятилетия «фактически общемировой практикой стали ревитализация ценностной составляющей образования, подчеркнутое внимание академического сообщества к историко-политическому фундаменту образовательной подготовки». Наблюдается «объективное усиление запроса на расширенную социально-гуманитарную подготовку обучающихся всех специальностей и направлений». Историко-политические основания российского государства-цивилизации, указывается в директивном документе, должны быть представлены рядом течений отечественной философской и политической мысли, в числе которых выделены консерватизм и русская религиозная философия [5]. Действительно, ведущие идеологи упомянутых направлений внесли весьма значительный вклад в теоретическую проработку различных сторон образовательного процесса и предлагали собственную трактовку комплекса базовых ценностей российской цивилизации и культуры, выводимых из национальных традиций и отечественного исторического опыта. В связи с этим чрезвычайно востребованным становится наследие А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина и других основоположников русского славянофильства.

По мнению Р.А. Лопина и С.С. Почепцова, поднятые славянофилами темы «во многом определяют кон-

сервативно-патриотический вектор в философии современной России» [6. С. 47]. Несколько парадоксальная характеристика славянофильского мировоззрения как «новаторского традиционализма», или «новаторского консерватизма», в целом свойственна многим современным исследователям. Такое определение акцентирует двойственную роль славянофильских идей в истории русской мысли. С точки зрения О.А. Платонова, «то, что славянофилы осознали и сформулировали в 1840–1850-е, было отражением многовекового духовного развития России с первых веков после принятия христианства. Корни славянофильства следует искать в “Слове о законе и благодати” митр. Илариона, в трудах святых Нила Сорского, Тихона Задонского, Серафима Саровского, Паисия Величковского и старцев Оптиной пустыни» [7. С. 6] То есть, с одной стороны, согласно убеждениям самих славянофилов, они являются продолжателями русской духовной и идейно-политической традиции, прерванной искусственно государственной властью во времена реформ Петра I, но сохранявшейся в сознании церкви и народной жизни. С другой же стороны, славянофилы выступили своеобразными новаторами в условиях «николаевской России» второй четверти XIX в., когда необходимость формирования идентичности и выбора собственных культурно-исторических координат, а также специфических для нашей страны оснований прогрессивного общественного развития была выдвинута на повестку дня русским образованным обществом после разгрома восстания декабристов.

Мыслящие современники сознавали, что некритическое восприятие европейских либеральных и радикальных политических доктрин может привести к дальнейшим попыткам революционного слома отечественной государственности. Именно с этим тезисом А.С. Пушкин выступал как эксперт в своих рекомендациях по совершенствованию образовательной системы в России, подготовив «Записку о народном воспитании», поданную новому императору. «Недостаток просвещения и нравственности, – поясняет он, – вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий» [8]. Поэт и мыслитель связывал столь негативные последствия с увлечением современной публики «либеральными идеями», которые стали «необходимой вывеской хорошего воспитания». Моду на зарубежные политические доктрины, не учитывающие специфику исторического опыта России и ее насущные нужды, он именовал «чужеземным идеологизмом», влияние которого «пагубно для нашего отечества». Однако суть проблемы кроется не только в этом. «Воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания, – как считал Пушкин, – есть корень всякого зла». Необходимо прежде всего формировать историческое сознание юношества, преподавать русскую историю «по Карамзину». Вообще, констатировал с горечью поэт, «Россия слишком мало известна русским», и потому отдельными учебными предметами должны стать «ее статистика, ее законодательство» [8]. Как известно, рекомендации Пушкина в сфере народного воспитания не были в достаточной степени восприняты правительством Николая I. Но в то же самое время, по верной оценке современного автора, и «весьма абстрактная декларация патриотизма в теории «официальной народности» С.С. Уварова не могла заполнить определенный идеологический вакуум в русском обществе этого периода» [9. С. 16]. Стремясь разрешить проблемную ситуацию, представители русской культуры и философии активно включились в создание самостоятельной отечественной «системы мышления», в том числе концептуального ядра русского консерватизма.

Ту систему идей, которая сформировалась у Пушкина в зрелые годы, П.А. Вяземский назвал «свободным консерватизмом». Сходство с характеристикой консерватизма славянофилов здесь неслучайно. Ряд исследователей склонны усматривать в творчестве великого поэта «раннее вызревание славянофильского идейного комплекса», и даже более того, они называют Пушкина «главным творцом славянофильского дискурса, объединившего православный монархизм с убежденностью в необходимости русской гражданской свободы» [10]. Хотя такая точка зрения представляется нам не совсем бесспорной, она дает возможность по-новому взглянуть на ключевые ценности мировоззрения поэта, названного И.А. Ильиным создателем «солнечного центра нашей истории» [11]. Еще в 1900 г. Н.И. Черняев писал, что Пушкин в своих исторических произведениях «довершил дело Карамзина и устанавливал верный тон для воспроизведения русской старины» [12. С. 517]. Другой автор, М.И. Гиллельсон, оценивал статью будущего классика славянофильства И.В. Киреевского «Девятнадцатый век» в качестве пролога к славянофильским воззрениям мыслителя. Заметим, что эту работу Киреевского в историографии принято интерпретировать как «дославянофильскую» или даже, скорее, «западническую», поскольку она являлась программной, открывавшей в 1832 г. издание журнала с символическим названием «Европеец». Гиллельсон затрагивает и взаимоотношения Пушкина и Киреевского. Хотя поэт и философ не были близкими друзьями, каждый из них сумел увидеть место другого в развитии национального самосознания. А.С. Пушкин с симпатией отзывался об утверждении Киреевского, что, «восприняв плоды европейского просвещения, Россия, в свою очередь, эмансипируется от западного влияния и проявит свое превосходство, имманентно присущее русской народности» [13. С. 125]. Здесь имеется в виду тезис И.В. Киреевского из статьи «Обозрение русской словесности за 1829 год», во многом предвосхищающий последующие разработки самого философа и других членов славянофильского кружка в отношении русской культуры и цивилизации (в то время для их обозначения чаще использовались термины «просвещение» и «образованность»). «Судьба каждого из государств Европейских зависит от совокупности всех других; – писал Киреевский, – судьба России зависит от одной России. Но судьба России заключается в ее просвещении: оно есть условие и источник всех благ. Когда же эти все

блага будут нашими, – мы ими поделимся с остальною Европою и весь долг наш заплатим ей сторицею» [14. С. 61]. В той же статье молодой критик высказывался довольно жестко об «отсутствии» в России литературы как «полного отражения умственной жизни народа». Но при этом он замечает, что «у нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества» [14. С. 60]. В немалой степени такие надежды Киреевский связывал с творчеством А.С. Пушкина. Хронологически следующая литературно-критическая статья будущего славянофила – «Обозрение русской литературы за 1831 год» – содержит во многом не потерявший своей актуальности анализ содержания пушкинской трагедии «Борис Годунов». Кроме того, именно здесь мы обнаруживаем характеристику своего рода цивилизационной миссии литературы в России. «Между тем как в других государствах литература есть одно из второстепенных выражений образованности, – отмечал критик, – у нас она главнейшее, если не единственное» [15. С. 80–81]. Далее И.В. Кириевский подчеркивает, что «не чужие уроки, но собственная жизнь, собственные опыты должны научить нас мыслить и судить» [15. С. 83].

Славянофилы, по словам М.Н. Громова, «представляли собой таран, ударную силу, которая стремилась поколебать сложившийся порядок вещей, разнести окаменевшие стереотипы, пробиться к живительным родникам первородной жизни: прорубить, перефразируя известное выражение, окно обратно в полузабытую Древнюю Русь, однако не путем социальных катаклизмов, но путем очищения основ общественного бытия, пробуждения творческого потенциала народа» [16. С. 127]. Будучи сторонниками традиционного самобытного культурно-исторического бытия России, родоначальники славянофильства, по замечанию Л.Е. Шапошникова, хотели «переломить пренебрежительное отношение к русской культуре как “примитивным проявлениям неразвитого духа” и показать ее неповторимое своеобразие и мировую значимость» [17. С. 5].

Для достижения своих целей славянофилы стремились вернуть религиозные основания в науку и философию, провести своеобразную «ресакрализацию» этих сфер, причем на фоне длительной эпохи секуляризационных процессов, захвативших как Европу, так и Россию. Один из авторов предлагаемой статьи рассматривает славянофилов в качестве родоначальников русского «религиозно-философского ренессанса», подробнее анализируя вышеупомянутый аспект их творчества в другой своей публикации [18]. Согласимся в данном случае с утверждением А.С. Куренкова о том, что с учетом напряженной интеллектуальной атмосферы той эпохи «введение религиозных начал в само философствование можно рассматривать в качестве духовного прогресса, которым отмечено учение славянофилов» [19. С. 12].

Ситуация начала XXI в. демонстрирует новый виток усложнения взаимоотношений между научным, религиозным и философским дискурсами, характерный для «постсекулярного общества». Данный термин, как принято считать, возник в ходе философского обсуждения работы Юргена Хабермаса «Религия и публичность» [20] Комментируя взгляды этого мыслителя, Б. Тернер пишет, что старое клише об «упадке, исчезновении религии» в обществах, переживших модернизацию и секуляризацию, не соответствует фактическому положению дел [21]. В связи с этим и возрастает общественное значение наработок русской религиозной философии. Подтверждая данный вывод, приведем высказывание испанских исследователей о том, что «постсекулярный контекст подчеркивает актуальность философско-религиозного синтеза русской христианской мысли» [22. С. 223]. В ней далеко не последнее место, без сомнения, принадлежит славянофилам. Обращение к отечественным традициям обусловливает созидательный характер их учения, «движение вперед на основе традиционализма». Именно такая направленность мысли позволяет назвать славянофилов создателями оригинальной версии отечественной философии. Причем творческой способности русского самосознания дойти до обобщений философского уровня они придавали колоссальное методологическое и практическое значение. «Нам необходима философия: все развитие нашего ума, – писал Киреевский в уже упоминавшейся работе “Обозрение русской словесности за 1829 год”, – требует ее. Ею одною живет и дышит наша поэзия; она одна может дать душу и целость нашим младенствующим наукам, и самая жизнь наша, может быть, займет от нее изящество стройности» [14. С. 51]. Точка зрения славянофилов по данному вопросу отчетливо перекликается с позицией современных авторов, обращающихся к наследию русской религиозной философии. В том числе это происходит и при разработке ценностных оснований учебного курса «Основы российской государственности», имеющего целью формирование «духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины» [5].

Согласно выводам современных исследователей Р.А. Лопина и С.С. Почепцова, «русская философская мысль в своей истории, в контексте истории культуры в целом раскрывает тот факт, что выбор вектора в философском обосновании социокультурного развития в конечном итоге регламентирует процессы в культурной и общественной жизни» [6. С. 51]. Философия обосновывает и раскрывает сущностную основу национальной идентичности, определяя представления общества о самом себе и, соответственно, созидательные или деструктивные процессы в его социально-политическом и духовном развитии.

Здесь уместно вновь обратиться к употреблению славянофилами понятия «просвещение», которое в настоящее время связывается преимущественно с образовательным процессом. Однако в период создания славянофильской доктрины просветительская идея охватывала гораздо более широкую сферу жизнедеятельности общества и человека. Признанный глава славянофильства А.С. Хомяков интегрировал в содержание этого понятия не только собственно «образо-

ванность», иными словами, приобщение к научным знаниям, накопленным предыдущими поколениями, и в дальнейшем самостоятельное участие в развитии наук, но и другие составляющие духовной культуры личности и общества, формирующие «цельность духа», веру в самом широком смысле. Он включал сюда как религиозную веру, так и мыслительные способности человека, его убеждения и нравственность. Именно такого типа просвещение в допетровской Руси, как утверждал ведущий идеолог славянофильства, долгое время «соединяло в одно цельное единство весь общественный организм», но оказалось утрачено высшими сословиями с началом петровской «европеизации». Сохранившееся в духовной жизни народа, истинное просвещение может и должно соединиться с наукой. Хотя оно, по мнению Хомякова, «сильно и без наукообразного знания»; наука же, развивающаяся односторонне, без просвещения, «бессильна и ничтожна» [23. С. 102]. Нельзя не заметить, насколько эти слова мыслителя из его статьи «Мнение иностранцев о России» (1845) перекликаются с проблематикой современных дискуссий о соотношении аксиологического (нравственно-духовного) и научного компонентов в содержании образования. Выше нами уже цитировалось высказывание В.А. Фурса и А.А. Федосеева о том, что сегодня для России вопросы целостности и безопасности общества более приоритетны, чем идеалы плюрализма и так называемой научной объективности.

Т.П. Днепрова анализирует ту же самую проблему в аспекте соотношения целей и средств в образовании. Мы разделяем ее позицию, в соответствии с которой «модернизация отечественного образования жизненно необходима и естественна, что предполагает информатизацию и технологизацию образовательной системы». Но применение в процессе обучения новых информационно-технологических методов, как и сама по себе «чистая наука» (сциентизм) должно быть «лишь средством (инструментом), предлагающим оптимальные способы достижения образовательной цели». Ведь «чистая наука» и технология имеют дело с человеком почти исключительно в качестве объекта исследования или даже недобросовестного манипулирования в процессе обучения. Модернизация образования должна осуществляться только в неразрывной связи с его гуманизацией, предполагающей отношение к человеку как субъекту, способному «ставить цели, отстаивать ценности, наделять смыслом свою жизнь и жизнь общества» [2. С. 4–5].

А.С. Хомяков противопоставлял истинное просвещение и «наукообразное знание» точно так же, как в актуальном дискурсе порой противопоставляются понятия «культура» и «цивилизация». Целостное просвещение, которое русский философ определяет как «разумное просветление духа человеческого», по его убеждению, «есть тот живой корень, из которого развиваются и наукообразное знание, и так называемая цивилизация, или образованность» [23. С. 102]. Как видим, термин «цивилизация» уже присутствует в лексиконе славянофилов 1840-х гг., хотя и встречается довольно редко. В Европе это понятие стали использовать при изучении общественного развития с XVIII в. В русском же языке первые упоминания «цивилизации» (или в иной, не устоявшейся форме – «сивилизации») относятся к 30-м гг. XIX в. Вновь сошлемся на А.С. Пушкина, которому русский литературный язык во многом обязан своим существованием. Действительно, поэт использует в дневниковой записи от 30 ноября 1833 г. выражение «подвиг сивилизации» [24]. Причем это слово появляется в разговоре поэта с иностранцем, Джоном Блаем, английским поверенным в делах России, выразившим недовольство «распространением» экспансии российской государственности не только на земли Азии, но и в Европу. Впоследствии в статье «Джон Теннер», датированной 1836 г., т.е. последним годом жизни Пушкина, уже четырежды встречается форма «цивилизация» (в том числе «цивилизация европейская», «христианская цивилизация», а также термин «цивилизация» в значении «эпоха в развитии человечества и отдельного народа, следующая за дикостью и варварством») [25]. Спустя десятилетие родоначальники славянофильства начнут формирование цивилизационного подхода на русской почве. «Славянофилы одними из первых в нашей отечественной историософии, – отмечает современный автор, – глубоко и всесторонне поднимают проблему особого характера развития нашей отечественной цивилизации» [26]. Вместе с тем для них «цивилизация» выступает лишь частью «просвещения». Именно на просветительство русские мыслители возлагали надежды, говоря о воспитании будущих поколений: «Просвещение есть общее достояние, – и сила целого общества и целого народа. Этою силою отстоялся русский человек от многих бед в прошедшем, и этою силою будет он крепок в будущем» [23. С. 102]. Впоследствии славянофильский взгляд на просвещение ляжет в основу теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. А сегодня такой подход в целом соответствует используемой экспертами проекта «ДНК России» идентификации нашей страны как «государства-цивилизации».

Что касается понятия «культура», то в России оно входит в употребление на несколько десятилетий позже понятия «цивилизация» – в 60-е гг. XIX в. В исследовательской литературе часто повторяется тезис о том, что сегодня насчитывается более 500 определений культуры. К той парадигме в образовании, которой придерживались славянофильские авторы и которая обозначена Т.П. Днепровой как «консервативная», более всего подходит интерпретация культуры как сферы духовной жизни людей, связанной с традициями и социальным наследием общества, определяющими основы жизни и деятельности (поведения) человека [2]. В данном случае культура имеет целью сохранение накопленных обществом ценностей и норм, а также национального исторического опыта для их передачи от поколения к поколению. Тогда как цивилизация трансформирует эти ценности в текущей ситуации для получения более эффективного результата.

Если говорить о соотношении национального и общечеловеческого (по терминологии Т.П. Днепровой, «культурного» и «цивилизационного» или «содержательного» и «формального») в концепции славянофилов,

то эти два начала следует рассматривать как диалектические противоположности, стремящиеся к синтезу. В целом славянофильское учение носит ярко выраженный синтетический характер. Выявляя огромное количество противоречий как между Россией и Западом, так и в самой духовной и практической жизни России, всякое противоречие русские мыслители склонны были доводить до синтеза, показывая тем самым перспективы социальной динамики. В этом и заключается суть славянофильского понимания прогресса.

Постоянно апеллируя в своих работах к «народности», классики славянофильства никогда не отождествляли ее с национализмом и не замыкались на национальном партикуляризме. Д.Ф. Самарин, отстаивая взгляды своего старшего брата и других «ранних» славянофилов 40–50-х гг. XIX в. в полемике с В.С. Соловьевым неоднократно повторял, что «ни вообще в национализме, ни исключительно в русских началах славянофилы не полагали критерий истины» [27. С. 491]. В доказательство он приводил слова А.С. Хомякова: «Недоступная для отдельного мышления, истина доступна только совокупности мышлений, связанных любовью» [28. С. 149]. Таким образом, истина, под которой славянофилы подразумевали истину христианства, принадлежит не какому-либо одному народу, а всему человечеству, и открывается в «соборном» общении. Философ Соловьев неправ, делает вывод Самарин, подвергая критике «узко-национальное (по его мнению) учение славянофилов с точки зрения вселенских идеалов, как он их понимает» [27. С. 478]

Заметное сближение позиций славянофилов и западников касательно национального и общечеловеческого начал фиксируется в статье С.А. Воробьевой, которая полагает, что «и славянофилы, и западники, несмотря на полемику и очевидные разногласия по вопросу основ народного самосознания, национальное оценивают с позиций культурного и цивилизационного вклада в общечеловеческое» [9. С. 20]. Так, В.Г. Белинский, отвергая в качестве крайностей как «фантастическую народность», так и «фантастический космополитизм во имя человечества», писал: «Разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала – значит впасть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм» [29]. У славянофилов понятие «общечеловеческое» часто встречается в значении «наиболее ценное». Но общечеловеческое существует для них не как абстрактный концепт, оно воплощается в индивидуальном сознании, а также в сознании народа как «соборной личности». В этом смысле «народность» есть условие исторического бытия человечества, а оценка исторической роли того или иного конкретного народа, с точки зрения славянофилов, зависит от того, насколько его сознание воплощает в себе общечеловеческое. Ни один народ не обладает монополией на общечеловеческие истины, но каждый способен приобщиться к ним. Об этом четко заявил «передовой боец славянофильства» К.С. Аксаков: «Русский народ имеет прямое право, как народ, на общечеловеческое, а не чрез посредство и не с позволения Западной Европы» [30. С. 144]. Интересно, что Белинский, выступавший в качестве такого же «передового бойца» противоположного лагеря, совершенно так же трактовал отдельные народности как целостные «личности человечества». И если славянофилы, как правило, отождествляли общечеловеческие ценности с ценностями христианства, то, по мнению С.А. Воробьевой, та же мысль обнаруживается и у западников. «Мостом», соединяющим западничество и славянофильство, стало, как полагает исследователь, «выявление гуманистического, христианского смысла в образе национального бытия, духовное самоопределение нации, выдвигаемое в качестве основы общественного прогресса» [9. С. 20].

Подводя итоги, выделим еще раз те положения культурно-исторической концепции славянофилов, которые сохраняют свою актуальность для современной России в контексте выбора стратегии политического образования или, если брать шире, историко-политического фундамента отечественной системы образования в целом. Диалектика целей и средств, которые могут быть задействованы в ней, перекликается с диалектикой соотношения «просвещения» (впоследствии – духовной культуры) и «образованности» (цивилизации) в славянофильской концепции. Согласно философии русских мыслителей этого направления, основополагающим должен быть, прежде всего, духовно-нравственный (аксиологический) компонент образования. Научные и технологические знания также необходимы в образовательном процессе. Однако сами по себе они в ценностном отношении нейтральны, поскольку не определяют цель и смыслы формирования «образа будущего» для государства и общества, как и для каждого индивидуума. Подобным же образом соотносятся в славянофильском идейном наследии прогрессизм (новаторство) и политический консерватизм, общечеловеческие и общенациональные ценности. Будучи диалектическими противоположностями, перечисленные выше парадигмы, с точки зрения русских мыслителей-славянофилов, тем не менее стремятся к своему синтезу, обеспечивая цивилизации дополнительный мощный ресурс развития.

Список источников

1. Фурс В.А., Федосеев А.А. Проблема критичности современного политического образования // Культура и безопасность. 2021. № 2. С. 12–20.
2. Днепрова Т.П. Консервативная и либеральная педагогические парадигмы в культурно-цивилизационной континуальной реальности // Образование и наука. 2008. № 9 (57). С. 3–13.
3. Парилов О.В. Педагогические воззрения славянофилов и современная реформа российского высшего образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=23327 (дата обращения: 14.08.2023).
4. Методика преподавания основ российской государственности // СДО Центра РКЦТ. URL: https://learn.cdto.tech/mod/book/view.php?id=2971 (дата обращения: 14.08.2023).
5. Основы российской государственности : проект концепции УМК // FGOSVO : портал федеральных государственных стандартов высшего образования. 2023. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (дата обращения: 14.08.2023).
6. Лопин Р.А., Почепцов С.С. Проблема новаторского традиционализма философии славянофилов. // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2022. № 47 (1). С. 47–52. doi: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-47-52

7. Славянофилы : историческая энциклопедия. М. : Ин-т русской цивилизации, 2009. 736 с.
8. Пушкин А.С. О народном воспитании // Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. Д.Д. Благого и др. М. : Худож. лит., 1962. Т. 7. С. 355–360. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/04official/1177.htm (дата обращения: 14.08.2023)
9. Воробьева С.А. Диалектика национальных и общечеловеческих ценностей в социальных идеалах славянофилов и западников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 3. С. 16–22. doi: 10.21638/11701/ spbu17.2016.302
10. Шульгин В.Н. А.С. Пушкин как духовный наследник Н.М. Карамзина и предтеча славянофилов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2009. Вып. 1. С. 14–21.
11. Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина. 1937. URL: http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/ilin/prorocheskoe-prizvanie.htm (дата обращения: 14.08.2023)
12. Черняев Н.И. Критические заметки о Пушкине. Харьков : Тип. Южного Края, 1900. 639 с.
13. Гиллельсон М.И. Проблема «Россия и Запад» в отзывах писателей пушкинского круга // Русская литература. 1974. № 2. С. 121–130.
14. Киреевский И.В. Обозрение русской словесности 1829 года // Киреевский И.В. Избранные статьи. М. : Современник, 1984. С. 40–61.
15. Киреевский И.В. Обозрение русской литературы за 1831 год // Киреевский И.В. Избранные статьи. М. : Современник, 1984. С. 80–92.
16. Громов М.Н. Славянофильство: историософский аспект // История философии. 1999. № 4. С. 125–133.
17. Шапошников Л.Е. Глашатай новаторского традиционализма // Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М. : Высш. школа, 2005. С. 5–32.
18. Широкова М.А. Философия славянофилов как начало «религиозно-философского ренессанса» в России первой половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 96–100. doi: 10.17223/15617793/448/12
19. Куренков А.С. Историософская миссия славянофилов: направление и концепции // Труды Белгородской духовной семинарии. 2020. № 10. С. 9–17.
20. Хабермас Ю. Религия и публичность // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М. : Весь мир, 2011. С. 109–141.
21. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2 (30). С. 21–22.
22. Мровчинский-Ван А.А., Монтьель Г.С. Аспекты русской традиции философско-религиозного синтеза в постсекулярном контексте: о. Г. Флоровский, о. С. Булгаков, А. Бадью и «карлик теологии» // Софиология и неопатристический синтез: богословские итоги философского развития : сб. науч. ст. М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 211–224.
23. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А.С. О старом и новом : статьи и очерки. М. : Современник, 1988. С. 82–103.
24. Пушкин А.С. Дневник 1833–1835 гг. // Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. Д.Д. Благого и др. М. : Худож. лит., 1962. Т. 7. С. 312–343. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/03memoires/1160.htm (дата обращения: 14.08.2023).
25. Пушкин А.С. Джон Теннер // Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. Д.Д. Благого и др. М. : Худож. лит., 1962. Т. 6: Статьи и заметки 1824–1836. С. 165–191. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/01criticism/0436sovr/0956.htm (дата обращения: 14.08.2023).
26. Пушкин С.Н., Шапошников Л.Е. Славянофильско-евразийское понимание отечественной цивилизации // Вестник Мининского университета. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanofilsko-evraziyskoe-ponimanie-otechestvennoy-tsivilizatsii/viewer (дата обращения: 14.08.2023).
27. Самарин Д.Ф. Поборник вселенской правды. Возражение В.С. Соловьеву на отзывы о славянофилах 40-х и 50-х годов // Славянофильство: pro et contra. СПб. : РГХА, 2006. С. 477–500.
28. Хомяков А.С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского // Философские науки. 1991. № 11. С. 134–149.
29. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Худож. лит., 1948. Т. 3: Статьи и рецензии, 1843–1848. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1846.shtml (дата обращения: 14.08.2023)
30. Аксаков К.С. О русском воззрении. Еще несколько слов о русском воззрении // Русская идея : сб. произведений русских мыслителей. М. : Айрис-пресс, 2002. С. 143–154.

References

1. Furs, V.A & Fedoseev, A.A. (2021) Problema kritichnosti sovremennogo politicheskogo obrazovaniya [The problem of the criticality of modern political education]. *Kul'tura i bezopasnost'*. 2. pp. 12–20.
2. Dneprova, T.P. (2008) Konservativnaya i liberal'naya pedagogicheskie paradigmy v kul'turno-civilizatsionnoy kontinual'noy real'nosti [Conservative and liberal pedagogical paradigms in cultural and civilizational continual reality]. *Obrazovanie i nauka*. 9(57). pp. 3–13
3. Parilov, O.V. (2015) Pedagogicheskie vozzreniya slavyanofilov i sovremennaya reforma rossiyskogo vysshego obrazovaniya [Pedagogical views of the Slavophiles and the modern reform of Russian higher education]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. [Online] Available from: http://science-education.ru/ru/article/view?id=23327 (Accessed: 14th August 2023).
4. CDTO. Center. (n.d.) *Metodika prepodavaniya osnov rossiyskoy gosudarstvennosti* [Methods of teaching the foundations of Russian statehood]. [Online] Available from: https://learn.cdto.tech/mod/book/view.php?id=2971 (Accessed: 14th August 2023).
5. FSESHO: portal of federal state standards of higher education. (2023) *Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti: proekt kontseptsii UMK* [Fundamentals of Russian statehood. Draft concept of the educational and methodological complex]. [Online] Available from: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (Accessed: 14th August 2023)
6. Lopin, R.A. & Pocheptsov, S.S. (2022) The problem of innovative traditionalism in Slavophile philosophy. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 47(1). pp. 47–52. (In Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-1-47-52
7. Platonov, O.A. (ed.) (2009) *Slavyanofily. Istoricheskaya entsiklopediya* [Slavophiles. Historical Encyclopedia]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
8. Pushkin, A.S. (1962a) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 7. [Online] Available from: https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/04official/1177.htm (Accessed: 14th August 2023).
9. Vorobieva, S.A. (2016) Dialectics of national and universal values in the social ideals of Slavophiles and Westerners. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*. 3. pp. 16–22. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/ spbu17.2016.302
10. Shulgin, V.N. (2009) A.S. Pushkin kak dukhovnyy naslednik N.M. Karamzina i predtecha slavyanofilov [A.S. Pushkin as the spiritual successor of N.M. Karamzin and the forerunner of the Slavophiles]. *Vestnik RGU im. I. Kanta*. 1. pp. 14–21.
11. Ilin, I.A. (1937) *Prorocheskoe prizvanie Pushkina* [Pushkin's prophecy vocation]. [Online] Available from: http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/ilin/prorocheskoe-prizvanie.htm (Accessed: 14th August 2023).
12. Chernyaev, N.I. (1900) *Kriticheskie zametki o Pushkine* [Critical notes about Pushkin]. Kharkov: Tip. Yuzhnogo Kraya.
13. Gillelson, M.I. (1974) Problema “Rossiya i Zapad” v otzyvakh pisateley pushkinskogo kruga [The problem of “Russia and the West” in the reviews of writers of the Pushkin circle]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 121–130.
14. Kireevskiy, I.V. (1984a) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow: Sovremennik. pp. 40–61.
15. Kireevskiy, I.V. (1984b) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow: Sovremennik. pp. 80–92.
16. Gromov, M.N. (1999) Slavyanofil'stvo: istoriosofskiy aspekt [Slavophilism: The historiosophical aspect]. *Istoriya filosofii*. 4. pp. 125–133.
17. Shaposhnikov, L.E. (2005) Glashatay novatorskogo traditsionalizma [The herald of innovative traditionalism]. In: Berdyaev, N.A. *Aleksey Stepanovich Khomyakov*. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 5–32.

18. Shirokova, M.A. (2019) The Philosophy of the Slavophiles as the Beginning of the "Religious-Philosophical Renaissance" in Russia in the First Half of the 19th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 448. pp. 96–100. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/12
19. Kurenkov, A.S. (2020) Istoriosofskaya missiya slavyanofilov: napravlenie i kontseptsii [The mission of the Slavophiles: Direction and concepts]. *Trudy Belgorodskoy dukhovnoy seminarii*. 10. pp. 9–17.
20. Habermas, J. (2011) *Mezhdu naturalizmom i religiey* [Between naturalism and religion]. Moscow: Ves' mir. pp. 109–141.
21. Turner, B. (2012) Religiya v postsekulyarnom obshchestve [Religion in a post-secular society]. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov'*. 2(30). pp. 21–22.
22. Mrovchinskiy-Van, A.A. & Montiel, G.S. (2013) Aspekty russkoy traditsii filosofsko-religioznogo sinteza v postsekulyarnom kontekste:
o. G. Florovskiy, o. S. Bulgakov, A. Bad'yu i “karlik teologii” [Aspects of the Russian tradition of philosophical and religious synthesis in a post-secular context: Fr. G. Florovsky, Fr. S. Bulgakov, A. Badiou and the “dwarf of theology”]. In: Antonov, K.N. & Vaganova, N.A. (eds) *Sofiologiya i neopatristicheskiy sintez: bogoslovskie itogi filosofskogo razvitiya* [Sophiology and neopatristic synthesis: Theological results of philosophical development]. Moscow: PSTGU. pp. 211–224.
23. Khomyakov, A.S. (1988) *O starom i novom: stat'i i ocherki* [About the old and the new. Articles and essays]. Moscow: Sovremennik. pp. 82–103.
24. Pushkin, A.S. (1962b) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 7. pp. 312–343. [Online] Available from: https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/03memoires/1160.htm (Accessed: 14th August 2023)
25. Pushkin, A.S. (1962c) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 6. pp. 165–191. [Online] Available from: https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/01criticism/0436sovr/0956.htm (Accessed: 14th August 2023)
26. Pushkin, S.N. & Shaposhnikov, L.E. (2017) Slavyanofil'sko-evraziyskoe ponimanie otechestvennoy tsivilizatsii [Slavophile-Eurasian understanding of the Russian civilization]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanofilsko-evraziyskoe-ponimanie-otechestvennoy-tsivilizatsii/viewer (Accessed: 14th August 2023)
27. Samarin, D.F. (2006) Pobornik vselenskoy pravdy. Vozrazhenie V.S. Solov'evu na otzyvy o slavyanofilakh 40-kh i 50-kh godov [Defender of universal truth. Objection to V.S. Solovyov on reviews of the Slavophiles of the 40s and 50s] In: *Slavyanofil'stvo: pro et contra* [Slavophilism: pro et contra]. St. Petersburg: RGKhA. pp. 477–500.
28. Khomyakov, A.S. (1991) Po povodu otryvkov, naydennykh v bumagakh I.V. Kireevskogo [Regarding the passages found in the papers of I.V. Kireevsky]. *Filosofskie nauki.* 11. pp. 134–149.
29. Belinskiy, V.G. (1948) *Sobranie sochineniy v 3 t.* [Collected Works in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1846.shtml (Accessed: 14th August 2023).
30. Aksakov, K.S. (2002) O russkom vozzrenii. Eshche neskol'ko slov o russkom vozzrenii [About the Russian outlook. A few more words about the Russian outlook]. In: Vasiliev, E.A. et al. (eds) *Russkaya ideya: sb. proizvedeniy russkikh mysliteley* [The Russian Idea: A collection of works of Russian thinkers]. Moscow: Ayris-press. pp. 143–154.

***Сведения об авторах*:**
Широкова Марина Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: mshirokova1@rambler.ru
Должиков Вячеслав Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: dolshikov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Shirokova Marina A. – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Political Science of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mshirokova1@rambler.ru
Dolzhikov Vyacheslav A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dolshikov@yandex.ru.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 22.01.2024; accepted for publication 15.11.2024

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья
УДК 902; 39
doi: 10.17223/19988613/92/17

Заяц в воззрениях палеоселькупов и селькупов по материалам археологии и этнографии

Юрий Иванович Ожередов

Научно-образовательный центр «Циркумполярная Чукотка» – Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета, Анадырь, Россия, nohoister@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному археолого-этнографическому исследованию места и роли зайца в сакральной сфере палеоселькупов и селькупов в контексте погребальной символики. В основу исследования легли археологические материалы из раскопок Кустовского могильника на р. Кёнга, проведенных П.И. Кутафьевым в 1936 г. и автором настоящих строк в 1990–1992 гг. Со стороны этнографии археологические источники получили развернутые комментарии, позволяющие понять семантику отдельных действий и церемоний при отправлении умерших в загробный мир.
Ключевые слова: палеоселькупы, селькупы, заяц в погребальном обряде

Для цитирования: Ожередов Ю.И. Заяц в воззрениях палеоселькупов и селькупов по материалам археологии и этнографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 144–152. doi: 10.17223/19988613/92/17

Original article

The Hare in the views of Paleoselkups and Selkups based on the materials of archeology and ethnography

Yuri I. Ozheredov

Scientific and Educational Center "Circumpolar Chukotka" – Chukotka branch of the Northeastern Federal University, Anadyr, Russia, E-mail: nohoister@gmail.com

Abstract. The sacralization of animals, which grew into their cult, was formed by the corresponding rituals, originated in human society long before the emergence of a civilized society. The remains of past visions have reached modern times in myths, as well as traces of ceremonial burial places and relics of holy sites. The research conducted by means of the methods of archeology, linguistics and ethnography over the past century has led to the accumulation of representative material and the solution of a number of ethnocultural problems of various ethnic groups: from large, called peoples, to the smallest, in the status of dialect-local groups. This study examines the cult of the hare in the views of one of the smallest ethnic groups in western Siberia, the southern or Narym Selkups. The southern definition clarifies the geographical localization in the Narym region, distinguishing them from the northern Tazov-Turukhansk group, formed by immigrants from the Narym territory in the 16-17 centuries.

The main archaeological source on this topic everywhere is the torevtika of different eras, bearing the image of a hare, and its international nature significantly complicates the identification of the manufacturer and carrier of the ideological context. However, there are exceptions in archaeology that give a different type of source with an undisputed "biography." These include the burial from the Kustovsky necropolis on the river Gyeonga, in which in 1936 the burial was cleared, where on the feet of the buried, a bag with the remains of a hare dismembered in two was laid. According to some reliable data, the necropolis belonged to the ancestors of the historical Selkups of the river basin. Parabel (the Gyeonga River is its right tributary). Anthropological analysis found that the deceased was a girl of 14-16 years old. And to send the hare to another world, they used a woman's bag for needlework and personal belongings of the deceased. Its outer side was decorated with four bronze pendants in the shape of the paws of waterfowl ("clawed"), which made it possible to date the burial within the boundaries of the 13-16 centuries.

In the mythology and ethnography of the Selkups, there is information about the hare, symbolizing the female deity and the clan totem. So, for example, the mother goddess in the hypostasis of the hare was worshiped by the Selkup parab

© Ю.И. Ожередов, 2024

of the Yelsky Gara (a union of three exogamous genera) r. Parabel. The old people of this gara in the recent past did not kill hares and did not eat hares, because the hare changes color. They believed that such animals and birds could turn into humans. Perhaps in honor of the goddess din from the tributaries of Parabeli, Nevaga (Hare River) was named.
As a result of the study, archaeological material was a convincing confirmation of folklore and ethnographic sources. Examples from the ethnography of Selkups, neighboring and remote peoples of Eurasia convincingly show the symbolism of the hare in connection with the image of a woman, the idea of fertility and reproduction. The sacralization of the hare served to personify it in the image of a female deity and elevate it into a totemic.
Keywords: Paleoselkups, Selkups, a hare in a funeral rite

For citation: Ozheredov, Yu.I. (2024) The Hare in the views of paleoselkups and selkups based on the materials of archeology and ethnography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 144–152. doi: 10.17223/19988613/92/17

Мифология зайца охватывает обширную сферу культуры человечества, почти не ограничиваясь во времени и пространстве. При этом сам он до сих пор остается «одним из наиболее загадочных», «во многом неразгаданным персонажем мирового фольклора» [1. С. 415; 2]. Вместе с тем обычное человеческое желание материализовать, или визуализировать, и тем самым преобразить ментифакт в артефакт возникло уже в далекой древности. Данное стремление привело к тому, что мифологемы, бытовавшие в вербальном формате, со временем обрели изобразительную, часто вещную форму, превратившись в памятники изобразительного искусства; в такой форме образы, символически значимые для человека, и дошли до наших дней. Процесс визуализации коснулся если не всех, то многих представителей мировой фауны. Заяц также не остался в стороне от внимания фольклора и дальнейшего овеществления в пластическом искусстве.

В ходе исследования собран корпус археологических и этнографических источников по указанной теме, проведены их систематизация и сравнительный анализ. В работе использованы вещественные, архивные и литературные материалы, соотносимые с палеоселькупами и историческими селькупами Нарымского Приобья.

Согласно литературным сведениям, образ зайца на территории Евразии раньше всего проявился в предметах энеолита и ранней бронзы степной и лесостепной полосы европейской части материка. При этом отмечено, что «кости данного зверька крайне редко встречаются в погребальных комплексах и поселенческих культовых комплексах бронзового века». В результате детального исследования вопроса о месте и роли зайца в воззрениях населения эпохи бронзы авторы резюмировали: «1) заяц был связан с хтоническим потусторонним миром; 2) заяц в некоторых культурах бронзового века являлся апотропеем; 3) заяц в эпоху бронзы мог являться жертвенным животным; 4) заяц ассоциировался с представлениями о власти» [3. С. 70, 73, 75].

В эпоху раннего железа образ зайца одинаково фигурирует в сасанидском и степном скифском мировоззрении и искусстве, а в традициях античной Греции это персонаж олицетворяет самую жизнь. К примеру, на предметах из Амудаьинского клада, шкатулке из Тахт-и Сангина, на штукатурке храма Адониса в Дура Европос. Примечательно, что в собрании сасанидских резных камней Эрмитажа заяц изображен на десяти экземплярах [4. С. 89]. Уже до начала новой эры образ зайца упрочился в среде постарийского степного населения Евразии, владевшего глубоко эшелонированным мировоззрением. В древностях скифских племен Днепровской и Донской лесостепи, Прикубанья и Северного Кавказа в начале нулевых годов XXI в. научно зафиксировано 80 предметов металлопластики, несущих образ зайца [1. С. 415, 419]. В дальнейшем изобразительная традиция существенно продвинулась в Средневековую эпоху и оказалась настолько популярной, что на пороге Нового времени наш герой неоднократно отметился в европейском изобразительном искусстве, в живописи и графике. Его можно увидеть в миниатюре из манускрипта «Декреталии Григория IX» (Франция, начало XIV в.), на полотнах Пьеро ди Козимо «Венера, Марс и Купидон» (Италия, 1505 г.), Тициана Вечеллио «Мадонна с кроликом (Италия, 1525 г.) и гравюре А. Дюрера «Заяц» (Германия, 1502 г.).

В сибирской зоне материка «заячья» тематика нашла место в «погребениях бронзового века Прибайкалья (Приольхонья)», кротовских комплексах Новосибирской области и погребениях каракольской культуры Алтая [3. С. 75]. И.В. Ковтун проводит параллели между каракольскими персонажами с «заячьими ушами» / «ушами-перьями», афанасьевским решетчатым антропоморфом из Колбак-Таш, раннеокуневской мелкой пластикой и петроглифами Среднего Енисея» [5. С. 8. Рис. 3]. Далее образ зайца известен в древностях скифского времени Казахстана, Минусы, Алтая. К примеру, уникальное изображение зайца обнаружено на деревянной пластине из 3-го Пазырыкского кургана [1. С. 415, 419]. В Дальневосточном регионе особенно ярко и многопланово заяц позиционируется в мифологии и ритуалах Северного Китая [1. С. 415; 6. С. 209–210]. Самые ранние изображения зайца здесь представлены на рукоятке ножа и бронзовой чашке из захоронений во Внутренней Монголии [4. С. 89].

Продолжение история сибирского зайца нашла в эпоху Средневековья. В Западной Сибири постскифский его образ довольно рельефно выведен в обобщающем исследовании Л.М. Плетневой, охватывающем культуры Обь-Иртышского междуречья второй половины I – начала II тыс. н.э. [7. С. 133]. В работе приводится почти исчерпывающий в количественном отношении археологической материал, состоящий преимущественно из предметов торевтики, где преобладают изделия, ассоциирующиеся с украшениями (подвески, накладки, нашивки). Судя по сводной таблице, изучено 17 находок [7. Табл. 1].

Однако, учитывая интернациональный характер большинства предметов архаического литья, обычно

очень сложно установить природу их происхождения и доказать этническую принадлежность. К примеру, Н.Г. Гондатти в своей книге «Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири» (1888) отметил со слов стариков, что литые фигурки людей, птиц и животных «не делались на месте, а привозились». Поэтому современные определения такого рода, как правило, исходят из стилистических особенностей и иконографии, присущих конкретному времени. Этническая характеристика в таком случае возможна лишь гипотетически, чего явно недостаточно при решении вопросов этногенеза.

Однако в археологии, как и везде, случаются исключения, дарующие источники другого рода. К таковым можно отнести находку в кургане № 7 Кустовского могильника на р. Кёнга (правый руслообразующий приток р. Парабель). Впервые этот могильник – под местным названием «Ямки» – раскапывал в 1936 г. директор Нарымского окружного музея П.И. Кутафьев. В ходе стационарного исследования было изучено четыре кургана (№ 1, 2, 7, 8) [8. С. 200–201]. Словами исследователя, «из всех вскрытых курганов наибольший интерес представляют курганы 7 и 8». Под насыпью номера семь (диаметр 6,5 м при высоте 1,3 м) было обнаружено два захоронения, расположившихся на двух нивелировочных горизонтах с разницей в 10 см: коллективное погребение на обугленной площадке с размерами примерно 2 × 3 м и одиночное вне зоны кострища. Первое было выполнено по обряду кремации на месте похорон, а второе – по обряду ингумации (трупоположение) с ориентаций головой на юг. По данным П.И. Кутафьева, в первом залегали останки двух разновозрастных женщин, во втором – «мужчины 50–55 лет» [9. С. 19–20].

В последнем на стопах ног погребенного лежала сумка, сшитая из оленьей кожи. П.И. Кутафьев писал в своем отчете в ОПИ АН СССР: «В сумку положен разрубленный пополам заяц, надо полагать, в сыром виде. К этому выводу приводит то положение, что одна половинка зайца естественно мумифицировалась и сохранилась (сплюснутая тяжестью земли). Другая половина зайца сохранилась лишь в виде костей. Голова животного отсутствует совершенно и, очевидно, при погребении положена не была». В мумифицированной части сохранились позвонки, ребра и две конечности. «Две другие конечности найдены в костях другой половины» [9. С. 21–25]. На лицевой стороне сумки разместились четыре бронзовые подвески в форме лапок водоплавающих птиц (лапчатые), две из которых дошли в удовлетворительном состоянии, а две другие сохранили следы сильного бытового износа.

По утверждению заведующего кабинетом антропологии Томского государственного университета кандидата исторических наук В.А. Дрёмова, использованная П.И. Кутафьевым методика антропологического определения по костным останкам неверна, а приведенные в его отчете результаты ошибочны. На этом основании автором данных строк был организован новый анализ половозрастных характеристик антропологических находок 1930-х гг. Исследовались зубы погребенных из Кустовского и Гребенщиковского могильников, доставленные в 1994 г. к В.А. Дрёмову из Колпашевского краеведческого музея. Итоги показали следующее:

«Могильник “Ямки” у пос. Кустово. К.7. Коронки двух прорезавшихся постоянных коренных зубов (один верхний, другой нижний), слегка потерты бугорки. Возраст 14–16 лет. Пол трудно определим, скорее, женский.

Гребенщиковский курганный могильник, р. Кёнга, приток Парабели. Курган I. Обожженный обломок нижней челюсти и три обожженных зуба… Пол мужской. 40–50 лет. Здесь же верхний коренной необожженный зуб молодого субъекта» [10].

Судя по отчету П.И. Кутафьева, на р. Кёнге он раскопал три палеоселькупских могильника – «Тунгусское кладбище», Кустовский и Гребенщиковский. При этом захоронение по способу кремации имелось только в Кустовском могильнике. Следовательно, образцы, полученные с трех некрополей и зарегистрированные по месту их хранения в окружном музее, оказались, вернее всего, перемешанными. Следовательно, «обожженный обломок нижней челюсти и три обожженных зуба» мужчины 40–50 лет принадлежат кустовскому кургану с кремацией. А это означает, что в кустовском костре сожгли взрослого мужчину и возможно, женщину, а ингумирована была девушка 14–16 лет, зубы которой не имели следов огня. Следовательно, сумка с зайцем лежала на ее ногах, а зверек был отправлен в иной мир в качестве символической пищи для покойной и, возможно, приношения богине парабельской *гары*.

К данному суждению склоняет и форма сумки, напоминающая женские образцы для рукоделия, широко известные у ненцев, от которых они попадали к манси, северным и восточным хантам. Такие сумки относились к разряду приватных хранилищ предметов, с которыми женщина не расстается в реальной жизни и забирает с собой после смерти. Для эстетической привлекательности сумки декорировали мехом, цветным сукном, ровдугой, бусами и металлическими подвесками [11. С. 190]. Помимо декоративного значения, лапчатые подвески отличались известными сакральными свойствами апотропея. В современной археологии они являются надежным хронологическим маркером. Согласно существующей классификации кустовские подвески укладываются в рамки XIII–XVI вв. [12. С. 148, 151, 152–153. Рис. 25, 28, *5–8*].

Приведенная аналогия вполне уместна, учитывая тот факт, что кустовский некрополь располагается во фронтирной зоне, еще недавно заселенной васюганскими хантами, с которыми селькупы Кёнги, безусловно, имели контакты вплоть до брачных.

По прошествии более чем полувека после раскопок П.И. Кутафьева на Кустовском могильнике была сделана новая находка из «заячьей» темы. На вершине кургана № 5 автором настоящих строк были расчищены остатки намогильного столба-дерева. Древесную крону на обработанном стволе хвойной породы (кедр?) имитировала связка березовых веток, среди которых найдены приношения, некогда подвешенные на «дерево», служившее метафизическим медиатором при кон-

тактах миров живых и мертвых. Самой ценной находкой в коллекции приношений стала «европейская» фабричная тарелка из оловянного сплава. Аналогичная тарелка с клеймом английской мануфактуры найдена А.И. Бобровой в некрополе Бедеревский Бор 2 на р. Тым [13. С. 213]. Научное значение обеих определилось не только материальной, но и метафизической духовной стороной. Последнее более наглядно коснулось кустовской находки, у которой на обороте кустарным способом прочерчена композиция из орнаментального элемента, именуемого в угорской традиции «заячьи уши» [14. № 193, 205]. В завершение перечня нарымских находок нелишне привести пример из более отдаленного прошлого обитателей р. Парабель. Две плоские фигурки бегущих зайцев были обнаружены в «парабельской коллекции», собранной на участке, где «первоосновой святилища являлось погребение знатного лица, обладавшего особым социальным статусом (богатырь, вождь, шаман)» [15. С. 140]. Несмотря на то, что памятник датируется финалом кулайского времени (V в. н.э.), стилистически фигурки близки к началу раннего Средневековья. А собственно к эпохе раннего Средневековья отнесены образцы из могильников Архиерейская Заимка близ г. Северска (спутник Томска) и Рёлка у р.ц. Молчаново [7. С. 133, 137]. Приведенные примеры отчетливо демонстрируют стройную хронологическую канву пребывания зайца в воззрениях и погребальной практике нарымских палеоселькупов и их преемников исторических селькупов от раннего железа до позднего Средневековья.

По результатам исследования Л.М. Плетнева отметила: «Подводя итог, можно прийти к заключению… что заяц как один из почитаемых животных связан с культом плодородия, который выражен в художественной металлопластике в разных проявлениях… Можно предположить, что украшения на женских халатах и шубах с орнаментом “заячьи уши” в прошлом осознавались как связанные с плодородием и охранительными функциями» [7 С. 137, 138].

По сведениям П.И. Кутафьева, полученным от коренных обитателей, Кустовский некрополь возник на традиционной селькупской территории. На момент сбора информации бассейн р. Парабели с притоками занимали представители локально-диалектной группы чумылькуп [9. С. 24; 16 С. 68]. Однако появление здесь данной группы обусловлено миграционными подвижками, инициированными русской колонизацией в XVI–XVII вв. Предки исторических чумылькупов заняли территории Большого Васюганья, освободившиеся после ухода на север другой локальной группы палеоселькупов, именуемой *шиешгула*. Это предки исторических шёшкупов, известных на Оби под прозванием «сондоровские», по месту обитания у юрт Сондоровских [17. С. 49–57, 61; 18. С. 61]. По данным лингвистики и этнографии, территория проживания «сондоровских» распространялась на иванкинское и тогурско-колпашевское побережье Оби и ряд прилегающих территорий (подробнее см.: Сайнакова, 2017 [18]). В недалеком соседстве Г.И. Пелих отметила ареал проживания другой группы, называемой *тегула*. Данный термин «селькупы переводят на русский язык как “заячьи люди”. Так же зовут их русские старожилы (юрты Зайкины). Сходный термин в том же значении зафиксирован Л.И. Калининой «у васюганских хантов (Тогьир – заяц, Тогьыр-куренг-йыгьай – речка с заячьими лапками и т.д.)» (цит. по: [17. С. 63]). Как видно из источников, преобладающая часть археологических находок получена из бассейна Парабели, занятой до глобальных миграционных подвижек диалектно-локальной группой *шиешгула,* а позднее их малочисленными и разрозненными потомками шёшкупами [18. С. 5, 9, 35]. Однако это не означает, что на других территориях их нет. Причина тому, вероятнее всего, в слабой изученности.

Широкий набор натурфилософских воззрений о зайце дает «Словарь символов и знаков», где можно познакомиться с широкой палитрой архаических суждений. В частности, можно узнать следующее: «Заяц выступает, как правило, в качестве символа плодовитости, быстроты, пугливости. Древние египтяне почитали в зайце образ демиурга; иероглиф, обозначающий зайца, являлся знаком-детерминативом для обозначения живых существ в целом. С другой стороны, в готическом искусстве заяц становится аллегорией быстроты и усердия. В Китае он рассматривался как олицетворение женского начала *инь*. В даосизме заяц связывается с бессмертием, а персонаж, обитающий на луне, символизирует циклическое обновление мира; согласно даосскому преданию, лунный заяц толчет в ступе снадобье бессмертия. Китайские буддисты считали зайца вещим животным, который был вознесен на луну Буддой за свою добродетельность… Также заяц был второй из двенадцати эмблем китайского императора» [19. С. 61].

Большинство перечисленных сообщений объединяется упоминанием устойчивой связи зайца с луной и женскими божествами. Последние часто персонифицируются в облике зайчихи. А в народной религии Китая заяц является популярным персонажем женского праздника луны [6. С. 209–210]. Вера в лунного зайца была распространена уже в глубокой древности, так же, впрочем, как и в древней Индии. В праздничном лунном ритуале заяц со ступкой исполняет роль создателя порошка – элексира бессмертия, а в празднике луны играет роль, похожую на кредо его европейского пасхального аналога. В обрядовой практике представления, связанные с зайцем, имеют сильную коннотацию женской репродуктивности, обусловленную плодовитостью этого животного.

В специальном исследовании В.А. Завьялова подчеркивается многозначность восприятия данного зверька. Например, у славян он беззащитный персонаж с невысоким мифологическим рангом и мало чем примечательной биографией. В других местах существуют поверья, где перебежавший дорогу заяц уподобляется черной кошке, знаменующей беду [2].

Символическая роль зайца в евразийском ритуале наглядно представлена в исследовании, посвященном данному персонажу в эпоху бронзы [3. С. 70, 73, 75]. Авторы не поскупились на этнографические параллели самого широкого круга. Насколько правомерны использованные ими сведения для реконструкции воз-

зрений эпохи бронзы, – предмет отдельного разговора. Однако представленный материал хорошо ложится в аналитику поздних археологических комплексов (как в нашем случае), состоящих в тесной преемственной связи с этнографией.

Применительно к северной группе селькупов тазовско-туруханского района О.Б. Степанова пишет следующее: «Образ зайца в мифологических представлениях селькупов изучен плохо по причине скудности известных данных. Следующий пищевой запрет из сообщения В. Морокова говорит о вере селькупов в магические качества зайца и косвенно подтверждает существование в прошлом у селькупов рода Зайца: “У зайца голову и сердце молодые не едят. Старики могут. Молодым голову не дают, чтобы у их детей заячьей губы не было. Сердце молодым не дают, вот таким отдать бояться будут, как зайцы”. Поставить зайца в ряд тотемных предков селькупов позволил сравнительно недавно ставший известным миф о том, как у зайца появилась заячья губа, у лягушки ее маленькие размеры, а у человека – олени. В этом мифе заяц и лягушка выступают как тотемные предки двух родов / половин народа, дарующие народу культурные блага – оленей» [20. С. 125]. В этой связи примечательно метафорическое сближение зайца и оленя в истории ненецкого «ворожея», следовавшего по следам оленя, принявшего облик зайца [21. С. 106]. У северных селькупов известно предание, повествующее о битве селькупского «старика» Немаль порга (Заячья парка) с ненцами. «Когда ненцы гнались, они хватались за заячью парку, но она рвалась, и герой уходил от погони» [22. С. 34]. Возвращаясь к археологии, стоит отметить, что находки изображений зайцев в пределах расселения обских угров и самодийцев (Кинтусовский и Сайгатинский могильники, селькупское святилище на р. Таз и пантеон «домашних духов» семьи Е. Морокова) указывают, что культ этого животного восходит к эпохе раннего Средневековья [12. С. 153; 23. С. 186–187].

Сведения о зайце у южных селькупов также весьма скудны и разрозненны. Тем не менее в гидронимике р. Парабель отмечен приток под названием Невага, что в переводе означает Заячья река: *нева* – заяц, *га* / *кы* – река [16. С. 69]. Ассоциативное натурфилософское мышление таежных автохтонов неотвратимо уподобляло реальное и символическое. Часто имя или название, в том числе топоним, имело свой изоморфный прототип, обычно воплощение родового тотема. Й. Хэкель писал: «Старикам было известно, что “половина Орла соответствует там клану зайца и неба”» [24. С. 93]. Заупокойное приношение зайца у южных селькупов в определенной мере разъясняет Г.И. Пелих, выяснившая, что «объектом поклонения парабельской *гары* (союз трех экзогамных родов) было женское божество *нега* – заяц. До сих пор старики из этой *гары* не убивают и не едят зайцев. Объясняют этот запрет тем, что “заяц шерсть меняет, зимой он белый, а летом серый”. Поверье о том, что животные и птицы, “меняющие цвет”, могут превращаться в человека и обратно, широко распространено среди селькупов Нарымского края» [25. С. 195].

Напомню, что Кустовский некрополь возник в среднем течении р. Кёнги, одного из двух притоков, образующих русло р. Парабель. При этом имеются сведения, что парабельские селькупы являются выходцами с Кёнги и состоят, таким образом, в близких с ними отношениях. Вероятно, «кустовской» погребальной церемонией с зайцем сородичи отметили принадлежность умершей к заячьей *гаре*, снабдили ее сопроводительной пищей и одновременно отправили символическое приношение богине-покровительнице. Примечательно, что в могилу положили зайца без головы. В контексте вспоминается озвученный выше запрет у северных селькупов: молодым запрещено употребление головы в пищу во избежание возникновения у их детей «заячьей губы». В нашем случае (учитывая возраст умершей), безголовость зайца вполне закономерна, особенно при условии его отправления в загробный мир в качестве сопроводительной пищи.

В бытовых проявлениях народов Сибири утилитарная и сакральная функции нередко настолько тесно переплетены, что их сложно разделить и понять, какая из них явилась первопричиной. Такой полиморфизм, к примеру, развился у восточных соседей селькупов енисейцев – кетов. В быту этноса сохранилось множество старинных обычаев, связанных с рождением ребенка. В качестве подстилки новорожденному служила мягко выделанная шкурка зайца, а одежда для малышей именовалась *бесем* – «заячья одежда». Но точно так же звучало понятие «душа» ребенка. [26. С. 321].

Репрезентабельная информации обнаруживается в воззрениях обских угров. Относительно утилитарного использования заячьего меха А.В. Головнев записал, что у манси люлька, в которой ребенку предстоит провести первые семь дней жизни… называется *амп тэн сан*… в ней уложено одеяльце из шкурки лебедя или зимней шкурки зайца [27. С. 531]. В свою очередь К. Доннер, совершивший длительное путешествие с «самоедами», отметил в долгом пути по тундре: «Самые маленькие ночью и в дороге спят в колыбелях из бересты на подстилке из гнилушек, впитывающих влагу. Их закутывают в одеяло из вываренной бересты и в мягкие заячьи шкурки. Холод им нипочем» [28. С. 104].

В сакральной сфере много больше разнообразия и наблюдается сходство угорских персонажей с образом парабельской «богини зайчихи» селькупов. В сходной заячьей ипостаси пребывали верховные женские божества (Богини Матери, «Старухи», угорских народов – мансийская Колташ-эква и хантыйская Анки-пугос). При этом, точно как у селькупов, заяц осмысливался предком-тотемом [29. С. 41; 30. С. 145]. К примеру, мансийская Калтась-эква (Калтащ-эква) позиционировалась в заячьем обличье «под именем “как бабочка (легкая) зайчиха”», по-другому «покровительница в шапке из зимнего заячьего меха». Призывали ее словами: «Летний заяц, нежная женщина, осенний заяц, нежная женщина…» Калтащ вместе с Нуми-Торумом участвовала в сотворении людей, охраняет рожденных, определяет судьбу детей и дает им душу. С другой стороны, она считается богиней земли, может выступать в трех образах: зайца, гуся и березы, а носит название «Бабушка легкого зайца» [31. С. 47]. По этому

поводу А. Каннисто писал, что на Верхней Сосьве верят, будто Калтащ богиня «в шапке из зимнего заячьего меха, в шапке из летнего заячьего меха, наша мать покровительница, которая нас породила» живет где-то в районе Березова в деревне своего имени [32. С. 75, 76]. В другом варианте Калтащ именуется «пожилая женщина с весенней или осенней заячьей шкуркой на голове» [33. С. 71].

По данным некоторых исследователей, зайцы в искусстве бронзового литья VI–XII вв., «не просто животные, а божества» [23. С. 186–187]. Героический эпос манси сообщает, что для победы над врагом героические предки превращались в животных, в том числе в зайца. А в окружении мужского и женского божества в святилище на Оби имелась деревянная фигурка зайца, так как «люди *Мось*» мыслят себя связанными с этим зверьком. Вероятно, раньше существовало ритуальное поедание зайца. И сейчас тот, кто съест голову зайца, должен рассказать семь историй, ибо голова зайца называется «голова, владеющая рассказами». Вогулы вообще не убивают зайцев. Голова зайца является любимым мотивом для вырезания… Изображения головы зайца можно увидеть на больших черпаках, рукоятке женского весла, на опорах крыш» [24. С. 30, 31, 47]. Тема сакрального зайца находит место и много дальше на восток. Так, на берегу р. Колымы В.И. Иохельсон обнаружил у юкагиров «образ зайца-предка Табукана в виде деревянного идола» [24. С. 77, 84].

В мифологии и ритуальной практике сибирских тюрков точно так же, как у северных этносов, находим многочисленные сведения о причастности зайца, точнее, божества в зооморфном облике, к сакральной сфере. Хакасы-качинцы почитают «идола белой заячьей груди» в качестве хозяина-предка [24. С. 91–93], а лицевую, ударную часть шаманского жезла *орба* хакасы обтягивали зимней шкурой зайца-самца. Величали такой жезл «мой золотой кнут… со снаряжением из белого зайца». «Если *орба* обтягивалась заячьей шкурой, то на поверхности бубна изображался заяц, считавшийся духом-покровителем жезла» [34. С. 156]. В качестве культурного героя заяц встречается у калмыков (бурхан-бакши). По представлениям южных сойотов (тувинцев), один из двух мифических небесных праотцов и прашаманов Кудай-окту персонифицируется в облике белого зайца [24. С. 91–93].

Очень часто у них, как и у северных народов, заяц ассоциируется с женским божеством. В алтайской традиции облик зайчихи имеет женщина-дух Jazъl кап, изображавшаяся в виде лент и зайца между двумя березами [35. С. 166–167, 175–176]. А.В. Анохин писал в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии о том, что для музея Академии наук им приобретены «изображения духов, сделанные из веревки, лент и шкуры зайца» [36. С. 8]. В животном календаре монголов заяц – символ слабости, а при делении юрты согласно тому же календарю – это место для женщин [37. С. 95]. Своеобразным символом феминной причастности стала заячья шкурка, прикрепленная к миниатюрной модели лука со стрелой на шаманском костюме. Считают, что такое сочетание является знаком материнского чрева [38. С. 37]. В данном контексте привлекает внимание сообщение С.Н. Соломатиной о том, что у тувинцев и стрела, и заяц рассматриваются как порождающая символика [39. С. 232].

По данным палеолингвистики, культ зайца зародился в глубокой древности в символизме прокреативности и плодовитости [26. С. 321]. В древнегреческой мифологии заяц – животное, посвященное любви, символически он сопровождает Афродиту [40. С. 132–133]. В скифско-нартовском эпосе заяц оборачивается дочерью водного божества и выходит замуж за героя-победителя. Д.С. Раевский говорит, что «плодовитость, плодородие в архаических концепциях трактуется как эквивалент благополучия вообще, любого богатства, успеха, могущества» [41. С. 62]. Согласно мифу, заяц считался животным, посвященным Гекате, богине луны и ночных призраков. Будучи олицетворением сексуальности, в иудейской и позднее в христианской традиции он наделялся негативным значением. Так, например, евреи считали его «нечистым животным». Раббан Мавр видел в нем символ сладострастия и плодовитости [19. С. 61]. Иной модели прочтения скифского заячьего кода придерживается В.Ю. Михайлин. По его мнению, заяц у скифов – не более чем метафора низшей возрастной категории воинов, состоящей из юношей, отрабатывающих *балц*, боевой этап инициации, необходимый для включения в категорию статусных воинов. Что касается вопросов прокреативности, плодородия и благополучия, то, словами исследователя, плодородие и секс – вещи отнюдь необязательно тесно связанные между собой, в том числе и в архаических культурах. Заячье мясо в античной культуре – афродизиак, а любовные сцены с участием зайца даже «на персидских миниатюрах – тоже, судя по всему, далеко не супружеские» [42. С. 44, 47].

Судя по литературе, в мировоззрении сибирских автохтонов Нового времени вопрос причастности зайца к символизму репродуктивности не является предметом дискуссии и решается в пользу такового. Что, впрочем, не отменяет наличия сексуальных отношений вне вопроса плодовитости и, соответственно, роста численности этноса и его домашней живности. Как такое суждение соотносится с древним населением Сибири, в том числе «скифского» круга, остается только догадываться. Но для культур и этносов II тыс. н.э. моделирование посредством материалов этнографии определенно допустимо и надежно аргументировано.

Таким образом, в ходе исследования проанализирован корпус доступных археологических и этнографических источников, проведены их систематизация и сравнительный анализ. В работе использованы вещественные, архивные и литературные материалы, соотносимые с средневековым и историческим населением бассейна р. Парабель.

На основании прямых и косвенных сведений, использованных в работе, становится понятно, что у селькупов и многих этносов в их ближнем и дальнем окружении заяц являлся сакральным животным, имевшим статус родового тотема. Семантика зооморфного кода дает понимание причины почитания зайца, основанного на природных качествах, прежде всего его плодови-

тости, являвшейся в первобытных обществах важным фактором выживания социума.

Кроме того, установлено, что многие элементы ритуалов, связанных с зайцем, имеют выходы на ритуальную практику культур и народов южной, внетаежной зоны Евразии и таким образом лишний раз подтверждают мнение о существовании уже в древности и Средневековье у народов тайги тесных связей с южными соседями. Таким образом, археологический источник, положенный в основу исследования, подтвердил преемственность селькупской истории от средневековых предков и достоверность некоторых мифологем, бытующих в фольклорных памятниках нарымских селькупов.

Список источников

1. Полидович Ю.Б., Вольная Г.Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего Средневековья : сб. ст. М. : Ин-т археологии РАН, 2005. С. 415–436.
2. Заяц – неразгаданный персонаж мирового фольклора. URL: https://alindomik.livejournal.com/4828791.html (дата обращения: 04.10.2024).
3. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Заяц в обрядах и верованиях степных и лесостепных культур эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья : сб. науч. тр. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2017. Вып. 13. С. 70–89.
4. Завьялов В.А. Лунный заяц // Записки ИИМК РАН. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. Вып. 1. С. 83–93.
5. Ковтун И.В. Персонажи с лучезарным ореолом эпохи ранней бронзы Южной Сибири (часть II) // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2024. Вып. 19. С. 5–34.
6. Грубе В. Духовная культура Китая. СПб. : Брокгауз и Ефрон, 1912. 238 с.
7. Плетнева Л.М. Образ зайца в мировоззрении населения Прииртышья и Приобья в I–II тыс. н.э // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 133–140.
8. Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том ун-та. 1990. Т. 1. 340 с.
9. Кутафьев П.И. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 год // Архив Музея археологии и этнографии Сибири. № 116-1. 45 с., ил.
10. Дрёмов В.А. Результаты предварительного определения костных антропологических материалов из поздних могильников Парабельского района Томской обл., раскопки П.И. Кутафьева в 1936 г. // Архив Кабинета антропологии ТГУ. Список 211.
11. Бурдик Н.П. О роли заимствованной утвари в культуре манси // Самодийцы : материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск : ОмГУ, 2001. С. 190–191.
12. Коноваленко М.В., Балуев Ю.В. Археологические исследования комплекса Кинтусовское 4 в Нефтеюганском районе ХМАО–Югры в 2012 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 15. С. 124–155.
13. Ожередов Ю.И. Ритуальное дерево в погребальном обряде палеоселькупов Приобья (по материалам археологии) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 212–216.
14. Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 239 с.
15. Мец Ф.И. О возможной сакральной первооснове возникновения Парабельского святилища // След на песке : материалы и исследования по археологии. Томск ; Северск : Дельтаплан, 2010. С. 140–154.
16. Тучкова Н.А. Селькупы реки Парабели (этнографический очерк) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Т. IX. С. 68–98.
17. Пелих Г.И. Селькупы XVII в. : (очерки социально-экономической истории). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1981. 176 с.
18. Сайнакова Н.В. Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX–XX вв. : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2017. 270 с.
19. Адамчик В.В. Словарь символов и знаков. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2006. 240 с.
20. Степанова О.Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). URL: https://sibshaman.forum2x2.ru/t2043-topic (дата обращения: 04.10.2024).
21. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 136 с.
22. Селькупская мифология / сост. Г.И. Пелих. Томск : Изд-во ИТЛ, 1998. 80 с.
23. Белич И.В. Предметы из культового комплекса тазовских селькупов Кассыль-по в коллекциях Тобольского музея-заповедника // Самодийцы : материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск : ОмГУ, 2001. С. 184–189.
24. Хэкель Й. Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 108 с.
25. Пелих Г.И Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Сибирский этнографический сборник. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Вып. IV. С. 176–196.
26. Филимонов М.В. Древние культы енисейцев и проблемы их лингвоэногенеза по данным языка, мифологии и лингвоархеологии // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения : сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск : Томск. ун-т, 2008. С. 316–328.
27. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
28. Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск : Ветер, 2008. 176 с.
29. Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 92 с.
30. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1986. 192 с.
31. Мансийская мифология в картинках / Подг. О.Н. Постоногова, М.В. Линина. Лангепас, 2022. URL: https://solnyshko4.hmansy.prosadiki.ru/media/2022/11/28/1286494072/Mansijskaya_mifologiya_v_kartinkax.pdf (дата обращения: 04.10.2024).
32. Каннисто А. Materialien sur mythologie der Wogulen. Helsinki. Материалы к мифологии вогулов / пер. Р.А. Моссиенко // ГПНТБ СО АН СССР. Новосибирск, 1988. № 14382/1. 310 с.
33. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут : Северный дом ; Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. 208 с.
34. Бутанаев В.Я. Ритуальные жезлы хакасских шаманов // Г.Н. Потанин и народы Алтае-Саянского горного региона: через поколения в будущее. Горно-Алтайск: 2005. С. 153–159.
35. Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманству) // Советская этнография. 1935. № 4-5. С. 160–183.
36. Письма А.В. Анохина // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1912. Сер. II. № 1. С. 7–8.
37. Даажав Б. Юрта-основа монгольского зодчества // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии : материалы Междунар. симпозиума, 7–9 мая 1973 г., Улан-Батор. Улан-Батор : Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Уйлдвэр, 1974. С. 89–103.
38. Шаманский костюм / авт.-сост. О.А. Чернявская. Иркутск : Артиздат, 2004. 80 с.
39. Соломатина С.Н. Символическая культура народов Южной Сибири: кулинарный код ритуала // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы Четвертых Сибирских чтений, 12–14 октября 1998 г. СПб. : МАЭ РАН, 2000. С. 228–234.
40. Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб. : Сенатская тип., 1913. 326 с.

41. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М. : Наука, 1985. 256 с.
42. Михайлин В.Ю. Золотое лекало судьбы: пектораль из Толстой Могилы и проблема интерпретации скифского звериного стиля // Власть. Судьба : интерпретация культурных кодов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 6–169.

References

1. Polidovich, Yu.B. & Volnaya, G.N. (2005) Obraz zaytsa v skifskom iskusstve [The image of the hare in Scythian art]. In: Gulyaev, V.I. (ed.) *Drevnosti Evrazii ot ranney bronzy do rannego Srednevekov'ya* [Antiquities of Eurasia from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages]. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. pp. 415–436.
2. Alindomik. (2014) *Zayats – nerazgadannyy personazh mirovogo fol'klora* [The hare is an unsolved character of world folklore]. [Online] Available from: https://alindomik.livejournal.com/4828791.html (Accessed: 4th October 2024).
3. Podobed, V.A., Usachuk, A.N. & Tsimidanov, V.V. (2017) Zayats v obryadakh i verovaniyakh stepnykh i lesostepnykh kul'tur epokhi bronzy [The hare in the rites and beliefs of the steppe and forest-steppe cultures of the Bronze Age]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region]. Vol. 13. Orenburg: OSAU. pp. 70–89.
4. Zavyalov, V.A. (2006) Lunnyy zayats [The lunar hare]. *Zapiski IIMK RAN*. 1. pp. 83–93.
5. Kovtun, I.V. (2024) Personazhi s luchezarnym oreolom epokhi ranney bronzy Yuzhnoy Sibiri (chast' II) [Characters with a radiant halo of the Early Bronze Age of Southern Siberia (part II)]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya pisanitsa."* 19. pp. 5–34.
6. Grube, V. (1912) *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [The spiritual culture of China]. St. Petersburg: Brokgauz i Efron.
7. Pletneva, L.M. (2021) The Image of the Hare in the Worldviews of the Peoples Inhabiting the Irtysh and the Ob Regions in the 1st and 2nd Millennium AD. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomks State University Journal*. 465. pp. 133–140. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/465/18
8. Chindina, L.A., Yakovlev, Ya.A. & Ozheredov, Yu.I. (1990) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [The archaeological map of the Tomsk region]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
9. Kutafiev, P.I. (1938) *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Narymskomu okrugu za 1938 god* [Report on archaeological research in the Narym district for 1938]. The Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia. № 116-1.
10. Dremov, V.A. (1936) *Rezul'taty predvaritel'nogo opredeleniya kostnykh antropologicheskikh materialov iz pozdnikh mogil'nikov Parabel'skogo rayona Tomskoy obl., raskopki P.I. Kutaf'eva v 1936 g.* [Results of preliminary determination of bone anthropological materials from late burial grounds of Parabelsky district of Tomsk region, excavations of P.I. Kutafiev in 1936]. The Archive of the Cabinet of Anthropology of Tomsk State University. List 211.
11. Burdik, N.P. (2001) O roli zaimstvovannoy utvari v kul'ture mansi [On the role of borrowed utensils in the Mansi culture]. *Samodiytsy* [Samoyeds]. Proc. of the Fourth Siberian symposium "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia." Tobolsk; Omsk: OmSU. pp. 190–191.
12. Konovalenko, M.V. & Baluev, Yu.V. (2017) Arkheologicheskie issledovaniya kompleksa Kintusovskoe 4 v Nefteyuganskom rayone KhMAO–Yugry v 2012 g. [Archaeological studies of the Kintusovskoye 4 complex in the Nefteyugansk district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra in 2012]. In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Vol. 15. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University. pp. 124–155.
13. Ozheredov, Yu.I. (2017) Ritual'noe derevo v pogrebal'nom obryade paleosel'kupov Priob'ya (po materialam arkheologii) [Ritual tree in the burial rite of the Paleo-Selkups of the Ob region (based on archaeological materials)]. In: *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule–Belokurikhe* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul–Belokurikha]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 212–216.
14. Lukina, N.V. (1979) *Al'bom khantyyskikh ornamentov (vostochnaya gruppa)* [The Album of Khanty ornaments (the eastern group)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Mets, F.I. (2010) O vozmozhnoy sakral'noy pervoosnove vozniknoveniya Parabel'skogo svyatilishcha [On the possible sacred basis for the emergence of the Parabel sanctuary]. In: *Sled na peske: materialy i issledovaniya po arkheologii* [Trace in the sand: materials and research on archeology]. Tomsk; Seversk: Del'taplan. pp. 140–154.
16. Tuchkova, N.A. (1996) Sel'kupy reki Parabeli (etnograficheskiy ocherk) [Selkups of the Parabel River (an ethnographic essay)]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 9. pp. 68–98.
17. Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII v.: (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii)* [Selkups of the 17th century: (essays on socio-economic history)]. Novosibirsk: Nauka.
18. Saynakova, N.V. (2017) *Obskie sheshkupy: rasselenie, formirovanie i etnicheskaya kul'tura v XIX–XX vv.* [Ob Sheshkups: settlement, formation, and ethnic culture in the 19th–20th centuries]. History Cand. Diss. Tomsk.
19. Adamchik, V.V. (2006) *Slovar' simvolov i znakov* [Dictionary of symbols and signs]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest.
20. Stepanova, O.B. (2014) Severnye sel'kupy: sistema traditsionnykh vzglyadov v zerkale odnogo interv'yu [Northern Selkups: The system of traditional views in the mirror of one interview]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2(25). [Online] Available from: https://sibshaman.forum2x2.ru/t2043-topic (Accessed: 4th October 2024).
21. Lekhtisalo, T. (1998) *Mifologiya yurako-samoedov (nentsev)* [Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets)]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Pelikh, G.I. (ed.) (1998) *Sel'kupskaya mifologiya* [Selkup mythology]. Tomsk: ITL.
23. Belich, I.V. (2001) Predmety iz kul'tovogo kompleksa tazovskikh sel'kupov Kassyl'-po v kollektsiyakh Tobol'skogo muzeya-zapovednika [Objects from the cult complex of the Taz Selkups Kassyl-po in the collections of the Tobolsk Museum-Reserve]. *Samodiytsy* [Samoyeds]. Proc. of the Fourth Siberian symposium "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia." Tobolsk; Omsk: OmSU. pp. 184–189.
24. Haeckel, J. (2001) *Pochitanie dukhov i dual'naya sistema u ugrov (k probleme evraziyskogo totemizma)* [Worship of Spirits and the Dual System among the Ugrians (to the Problem of Eurasian Totemism)]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Pelikh, G.I. (1962) Kol'tsevaya svyaz' u sel'kupov Narymskogo kraya [Ring Communication among the Selkups of the Narym Territory]. In: *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Vol. 4. Moscow: USSR AS. pp. 176–196.
26. Filimonov, M.V. (2008) Drevnie kul'ty eniseytsev i problemy ikh lingvoenogeneza po dannym yazyka, mifologii i lingvoarkheologii [Ancient Cults of the Yeniseians and Problems of Their Lingvoenogenesis Based on Language, Mythology, and Lingvoarchaeology]. In: *Kul'tury i narody Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and Peoples of Northern Asia and Adjacent Territories in the Context of Interdisciplinary Study]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 316–328.
27. Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrB RAS.
28. Donner, K. (2008) *U samoedov v Sibiri* [Among the Samoyeds in Siberia]. Tomsk: Veter.
29. Polosmak, N.V. & Shumakova, E.V. (1991) *Ocherki semantiki kulayskogo iskusstva* [Essays on the Semantics of Kulai Art]. Novosibirsk: Nauka.
30. Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (1986) *Religiya naroda mansi. Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.)* [The Religion of the Mansi people. Cult Places (19th – early 20th century)]. Novosibirsk: Nauka.
31. Postonogova, O.N. & Linina, M.V. (eds) (2022) *Mansiyskaya mifologiya v kartinkakh* [Mansi mythology in pictures]. Langepas, 2022. [Online] Available from: https://solnyshko4.hmansy. prosadiki.ru/media/2022/11/28/1286494072/Mansijskaya_mifologiya_v_kartinkax.pdf (Accessed: 4th October 2024).

32. Kannisto, A. (1988) Materialien sur mythologie der Wogulen. *The State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences*. № 14382/1.
33. Rombandeeva, E.I. (1993) *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [History of the Mansi (Vogul) People and Their Spiritual Culture (Based on Folklore and Rituals)]. Surgut: Severnyy dom; Sev.-Sib. region. kn. izd-vo.
34. Butanaev, V.Ya. (2005) Ritual'nye zhezly khakasskikh shamanov [Ritual wands of the Khakass shamans]. In: *G.N. Potanin i narody Altae-Sayanskogo gornogo regiona: cherez pokoleniya v budushchee* [G.N. Potanin and the Peoples of the Altai-Sayan Mountain Region: Through Generations into the Future]. Gorno-Altaysk: [s.n.]. pp. 153–159.
35. Karunovskaya, L.E. (1935) Predstavleniya altaytsev o vselennoy (materialy k altayskomu shamanstvu) [Altaians' Concepts of the Universe (Materials on Altai Shamanism)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4-5. pp. 160–183.
36. Anokhin, A.V. (1912) Pis'ma A.V. Anokhina [Letters of A.V. Anokhin]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. 2(1). pp. 7–8.
37. Daazhav, B. (1974) Yurta-osnova mongol'skogo zodchestva [Yurt—the Basis of Mongolian Architecture]. *Rol' kochevykh narodov v tsivilizatsii Tsentral'noy Azii* [The Role of Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia]. Proc. of the InternationalSymposium. Ulaanbaatar, May 7–9, 1973. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaany Akademiyn Khevlekh Uyldver. pp. 89–103.
38. Chernyavskaya, O.A. (ed.) (2004) *Shamanskiy kostyum* [The shamanic costume]. Irkutsk: Artizdat.
39. Solomatina, S.N. (2000) Simvolicheskaya kul'tura narodov Yuzhnoy Sibiri: kulinarnyy kod rituala [Symbolic culture of the peoples of Southern Siberia: The culinary code of ritual]. In: *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa* [Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North]. Proc. of the Fourth Siberian Readings. October 12–14, 1998. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 228–234.
40. Kagarov, E.G. (1913) *Kul't fetishey, rasteniy i zhivotnykh v Drevney Gretsii* [The cult of fetishes, plants, and animals in Ancient Greece]. St. Petersburg: Senatskaya tip.
41. Raevskiy, D.S. (1985) *Model' mira skifskoy kul'tury* [Model of the World of Scythian Culture]. Moscow: Nauka.
42. Mikhaylin, V.Yu. (2003) *Vlast'. Sud'ba: interpretatsiya kul'turnykh kodov* [Power. Destiny: Interpretation of Cultural Codes]. Saratov: Saratov State University. pp. 6–169.

***Сведения об авторе*:**
Ожередов Юрий Иванович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра «Циркумполярная Чукотка» – Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Анадырь, Россия). E-mail: nohoister@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Ozheredov Yuri I. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Scientific and Educational Center "Circumpolar Chukotka" – Chukchi Branch of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov (Anadyr, Russian Federation). E-mail: nohoister @gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 01.11.2024; accepted for publication 15.11.2024

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; принята к публикации 15.11.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья
УДК 93:378(571.16)"19"
doi: 10.17223/19988613/92/18

Развитие научно-образовательной среды Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники в советский период (1971–1991 гг.)

Антон Геннадьевич Костерев

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия,
antonkosterev@rambler.ru

Аннотация. Затрагивается проблема социального гомеостаза современного технического университета. Различные аспекты внутривузовской жизни рассматриваются сквозь призму средового подхода. На примере ТИАСУРа предпринимается попытка вскрыть структурные, коммуникативные и антропологические основания этого феномена. Анализу подвергаются элементы научно-образовательной среды ТИАСУРа в их динамике на протяжении двух десятилетий ее эволюции в советский период. Дается оценка роли организационных усилий лидеров научно-педагогического коллектива вуза в формировании ее системных параметров. Организационно-структурное развитие вуза тесно увязывается с траекториями научного поиска, проводившегося в его стенах.
Ключевые слова: история науки и высшего образования, средовой подход, радиоэлектроника, Сибирь, ТУСУР

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2024-0014.

Для цитирования: Костерев А.Г. Развитие научно-образовательной среды Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники в советский период (1971–1991 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 153–159. doi: 10.17223/19988613/92/18

Original article

Development of the scientific and educational environment of the Tomsk Institute of Automated Control Systems and Radio Electronics in the Soviet period (1971–1991)

Anton G. Kosterev

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation,
antonkosterev@rambler.ru

Abstract. The article examines the problems of homeostasis of a modern technical university in order to identify indivisible and unchanging structural elements of its socio-professional identity. The Tomsk Institute of Automated Control Systems and Radio Electronics (TIASUR) is directly considered for two decades of its history in the Soviet period. The body of sources attracted for this is represented mainly by the memories of contemporaries. The research involves an environmental approach that focuses on the scientific and educational environment of a specialized technical university. On this basis, the processes of organizational development of the institute, the communication processes that took place within it, as well as the processes of building relationships with the external environment are subjected to structural and functional analysis. As a result, a combination of external and internal factors is revealed that had their decisive influence on the trajectory of the evolution of the scientific and educational environment. The influence exerted by the leaders of the scientific and pedagogical team on the formation of a special internal atmosphere of the institute is revealed, within which professional engineers were brought up, who turned out to be in demand and managed to adapt to the changed conditions of the second half of the 1980s. The importance of including the research institute of automation and electromechanics in the structure of the university and the impact that ambitious studies carried out there had on folding the unique appearance and image of TIASUR is separately assessed. Based on this, theoretically significant conclusions are drawn regarding the direction and nature of the institutional development of its scientific and educational environment, which expanded both "in breadth" and "in depth": the source and at the same time the priority of this development was the strong scientific and production ties of various teams of the university with external partners, which ultimately gave the most scientific and educational environment the necessary dynamism and adaptive potential.

© А.Г. Костерев, 2024

Keywords: history of science and higher education, environmental approach, radio electronics, Siberia, TUSUR

Acknowledgements: The work is funded within the framework of the basic part of the state task “Science” FEWM-2024-0014.

For citation: Kosterev, A.G. (2024) Development of the scientific and educational environment of the Tomsk Institute of Automated Control Systems and Radio Electronics in the Soviet period (1971–1991). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 153–159. doi: 10.17223/19988613/92/18

Тематика исследования лежит в плоскости проблем гомеостаза современного технического университета – его способности обеспечивать преемственность в обустройстве своего внутреннего пространства, и в тех практиках, что протекают внутри него, поддерживая тем самым собственную самобытность и ее осознанность, что именуется ныне идентичностью.

Основная задача состоит в том, чтобы проследить эволюцию важнейших аспектов вузовской жизни (организация научных исследований и учебного процесса, структура внутренних формальных и неформальных иерархий, направленность и характер коммуникаций преподавательского состава и студентов, отношения с внешней средой) в поисках ответов на вопросы о том, что именно в таком достаточно узко специализированном техническом вузе, как ТУСУР (в 1971–1993 гг. – ТИАСУР), остается неизменным за всю историю его существования, неся при этом полезную функциональную нагрузку, задающую черты его уникального облика.

Полученные на эти вопросы ответы, как видится, должны поспособствовать приближению к адекватному социально-антропологическому пониманию «человека тусуровского» как ученого, инженера и преподавателя посредством «вживания» в его коллективный профессиональный опыт и ощущение через это «внятности» обустраиваемой им внутривузовской научно-образовательной среды. В конечном счете все это должно вывести нас на пути постижения базовых констант структур тусуровского менталитета, предоставив инструменты и масштаб его картирования.

В этом отношении статья является логичным продолжением цикла работ, посвященных истории ТИРиЭТа–ТИАСУРа–ТАСУРа–ТУСУРа [1–3], до недавних пор обделенной отдельным исследовательским вниманием.

Исходя из обозначенных приоритетов, отправной точкой в проведении работ по первому этапу будет средовой подход к расцениванию социально-профессиональных результатов образовательных практик высшей школы. Сам по себе этот подход насчитывает уже почти столетие своего применения, но при этом до сих пор остаются окончательно не установленными как границы его применимости, так и собственно основные дефиниции, из которых он складывается. Причем в равной степени это относится и к средовому подходу вообще и к его упоминаниям в различных контекстах педагогических исследований. В последние десятилетия, справедливости ради, надо сказать, формируется представление о необходимости системного рассмотрения феномена образовательной среды во всей его фрактальности по отношению к выше- и нижестоящим системам.

Затрагивая вопрос о содержании центрального для нас понятия научно-образовательной среды вуза, имеет смысл, пожалуй, идти по пути наименьшего усложнения и определить ее, вслед за целым рядом исследователей, максимально широко – в качестве особой социально-педагогической реальности (причем по большей части, виртуальной), содержащей в себе специальные условия, созданные в результате организации пространственно-предметного окружения участников образовательного процесса.

Отправляясь от такого понимания, мы избавляем себя от нужды в дальнейшем теоретизировании этого понятия путем жесткого детального дробления названной среды на структурные сегменты, ее субъект-объектного дихотомирования, объект-предметной дифференциации и прочих избыточных для нас с точки зрения полезности результата действий. Здесь необходимо и достаточно лишь указать на первостепенное свойство среды как таковой – детерминировать выбор погруженными в нее субъектами способов взаимодействия между собой и с нею самой. И тут, нельзя не отметить, буквально напрашивается расширение понятия среды до границ культуры (как социально-культурной среды), что, в общем-то, далеко не удивительно в свете того, что и в одном и в другом случае мы имеем дело с одним и тем же функционалом – трансмиссией социальной информации. Но, тем не менее, их все-таки нужно разграничить, поэтому уточним, что вузовская среда является одной из точек входа в культуру через интеллектуально-познавательную деятельность.

Единственное касающееся используемого нами понятия научно-образовательной среды теоретико-методологически значимое обстоятельство, требующее своего уточнения, заключается в соотношении категорий «пространство» и «среда». Современное широкое их использование к месту и не к месту в исследованиях образовательных процессов (порою, если не чаще всего, в качестве синонимов) зачастую приводит к терминологической путанице. Данная ситуация осложняется еще и тем, что категория «среда» прочно заняла свое место в понятийном аппарате теории систем и системного анализа, поэтому их привлечение к изучению образовательных структур и практик выливается в дублирование и самих этих понятий, и сокрытых в них смыслов.

Признавая безусловное право на существование всех возможных толкований пространства и среды, необходимо тем не менее также признать и недопустимость их отождествления, – исходя хотя бы из соображений элементарного словообразовательного и семантического разбора слов. Не ввязываясь в бессмыс-

ленные заочные дискуссии о тонкостях словоприменения, остановимся на том, что пространство для нас будет понятием более широким, а среда более узким, – соответственно первое будет включать в себя второе, но не исчерпываться им. Ключевой критерий их различения при этом будет состоять в значимости и значении образующегося субъекта, без выделения которого вполне возможно рассмотрение пространства, но не имеет смысла говорить о среде как о системно организованных условиях. Выражаясь проще, пространство – категория скорее объективная, а среда – субъективная. Субъективная в том плане, что именно и только субъект экзистенциально параметрирует обитаемую и обживаемую им часть объективно данного ему пространства, выделяя ее в свою среду. Пространство (наряду со временем) выглядит мерой бытия осознавшей себя материи, среда же – мерой ее событийности.

Научно-образовательное пространство почти всегда многомерно и неоднородно, вбирая в себя множество локаций, обладающих собственными научно-образовательными средами. Специфика же взаимоналожения этих двух понятий кроется в том, что расширенная трактовка пространства как некоей протяженности или сферы позволяет наделить научно-образовательную среду уже своим внутренним пространством, или пространствами, внутри которых происходит межсубъектный взаимообмен действиями (смысловое и коммуникативное пространство, пространство творческих и административных решений). Резюмируя, будет весьма важным заметить, что и научно-образовательное пространство и научно-образовательная среда отдельных локаций (вузов) есть не столько структуры объективной реальности, сколько коллективно воображаемые топосы, конвенциональные конструкты, сообразующие материально-технические объекты научно-образовательной инфраструктуры с принятыми в данный момент времени ценностями и смыслами, векторами и приоритетами научного и образовательного модусов посредством многостороннего взаимодействия их носителей – пространственно локализованных средовых субъектов.

Думается, нет особой нужды в подробных пояснительных комментариях к тому, что такой вариант соотнесения этих двух понятий предполагает анализ научно-образовательной среды в едином неразрывном комплексе с научно-образовательным пространством, совокупно составляющими общий контекст реализации тех или иных образовательных моделей и конкретных практик. Сообразно этому и эволюция научно-образовательной среды ТИАСУРа будет разбираться в теснейшей увязке с логикой организации общесоюзного научно-образовательного пространства.

Здесь же во избежание путаницы придется упомянуть и еще один, за последнее время ставший встречаться все чаще, термин – (научно-)образовательная экосистема. Мода на использование самого понятия экосистемы вполне понятна, но формулировки трактовок именно научных и образовательных экосистем на сегодняшний день видятся предельно размытыми. При этом они, с одной стороны, фактически синонимируют понятие научно-образовательной среды, а с другой – переплетают его с категорией научно-образовательного пространства. Поэтому мы, не оспаривая оправданность применения к высшему образованию и науке экосистемного подхода и признавая за современным университетом всю его экосистемную сущность, но придерживаясь также и принципа неумножения сущностей, определим университетскую экосистему синонимом его среды, подразумевая под ними взаимосвязанную совокупность обитателей пространства и условий их обитания.

В 1972 г. ректором переименованного годом ранее из ТИРиЭТа в ТИАСУР института стал профессор И.П. Чучалин, возглавлявший его до 1981 г. За годы его ректорства, равно как и за весь рассматриваемый период в целом, научно-образовательная среда вуза развивалась как «вширь», так и «вглубь»: путем выделения новых структурных подразделений, а также за счет насыщения материально-техническим ресурсами и укрепления учебно-лабораторной базы. Учебные и научные лаборатории института существенно пополнились новейшим оборудованием, был создан один из лучших в Минвузе вычислительный центр коллективного пользования. Специально созданная лаборатория управления вузом (ЛУВ), занимавшаяся разработкой и внедрением различных автоматизированных подсистем АСУ вуза в других учебных заведениях, руководилась непосредственно И.П. Чучалиным. Участие ректора сыграло далеко не последнюю роль в чутком воспринятии технических идей и педагогических возможностей информатики, а также вероятных социальных последствий информатизации – уже с середины 1970-х гг. началось широкое использование в учебном процессе электронно-вычислительной техники.

В 1972 г. прикладная направленность научных изысканий ТИАСУР была усилена его приобщением к новой для себя организационной форме – научно-исследовательским институтам при вузе (не получившей особого развития в целом по стране, но достаточно широко распространенной благодаря особенностям местной науки в Томске). Первым НИИ в его составе стал институт автоматики и электромеханики (НИИАЭМ), обеспечивавший в дальнейшем до 50% объема НИР [4. С. 53], включение которого сразу же весьма радикально изменило сам характер научно-образовательной среды вуза, протянув внутри нее непосредственные связи между учебным процессом, наукой и производством: вуз теперь мог передавать предприятиям электронной и электротехнической промышленности не только готовые к внедрению результаты разработок, но и молодых специалистов-выпускников, участвовавших в них, предоставляя тем самым кадровое обеспечение внедрения.

Вливание НИИАЭМ в структуру ТИАСУРа ознаменовало приход туда Ф.И. Перегудова, личность которого уже сама по себе была важнейшим элементом научно-образовательной среды, являясь точкой мощнейшего научно-педагогического притяжения для коллег и студентов. Именно тут инженер и ученый в полном объеме раскрылся как крупнейший организатор томской вузовской науки.

Еще накануне передачи института в систему ТИАСУРа там уже велись перспективные исследования и опытно-конструкторские разработки по теории и методам проектирования автоматизированных систем управления территориальными хозяйственными комплексами. Широкую общесоюзную известность коллектив НИИАЭМ получил благодаря реализации проекта по созданию автоматизированной системы управления народным хозяйством Томской области. Группа ученых под руководством Ф.И. Перегудова занималась реализацией этой идеи, нашедшей понимание и поддержку со стороны руководства областного обкома партии в лице Е.К. Лигачёва. Проектирование АСУ Томской области осуществлялось совместными усилиями научных коллективов кафедры оптимальных и адаптивных систем управления (ТИАСУР; заведующий В.П. Тарасенко) и отдела кибернетики Сибирского физико-технического института (ТГУ; заведующий Ф.П. Тарасенко). В партийно-государственных кулуарах города и области эта команда фигурировала под названием «группа Перегудова». Головной организацией при этом фактически являлся НИИАЭМ.

В рамках реализации данного проекта разрабатывались методика, комплекс содержательных и формальных моделей проектирования систем управления сложными организационными комплексами, на основе которых впервые в стране были созданы генеральная схема управления и структура автоматизированной системы управления региональным хозяйственным комплексом. В 1978 г. впервые в СССР по выделенным каналам связи был произведен межмашинный обмен между ЭВМ, установленными в Томске, Ташкенте, Москве, Киеве. Помимо этого, НИИАЭМ стал также и головной организацией по созданию экспериментально-производственных комплексов (ЭПК) высшей школы Западной Сибири (под руководством Ю.А. Шурыгина). Здесь велись разработки методологических основ развития межвузовского кооперирования и создания Томского ЭПК.

Проведение всех этих работ, даже безотносительно оценок практического значения их конкретного результата, существенно меняло научно-образовательную среду ТИАСУРа, наращивая порядок ее системной сложности через установление новых соотношений между уже существующими элементами. Так, к примеру, кафедра АСУ была самой необычной среди кафедр ТИАСУРа – она являлась одним из важнейших структурных элементов созданной Ф.И. Перегудовым сети по разработке и реализации АСУ ТО. Это позволяло вовлекать в учебный процесс все второе отделение НИИАЭМ, учебно-лабораторной базой для студентов кафедры при этом стали ВЦ ТИАСУР, ВЦ КП и другие объекты АСУ ТО. Вместе с тем создавались и новые структурные единицы: в 1973 г. на пике внутренней актуализации разработок проблем автоматизации управления ТИАСУР пополнился новым факультетом – систем управления, на долгие годы ставшим наряду с радиотехническим внутривузовским лидером по учебным и научным показателям.

В самом же НИИАЭМ ведущиеся по заказам промышленных партнеров разработки выливались в складывание целого ряда научных школ и направлений, что, в свою очередь, позволяло ему с первых дней вхождения в состав научно-образовательной среды ТИАСУРа вести для вуза интенсивную работу по подготовке кадров высшей научной квалификации.

Ярчайшим примером удачной взаимной конвертации результатов научного роста и учебного процесса в плоскость технологических решений, востребованных индустриальным сектором, стала научная школа радиотехнических систем и распространения радиоволн, сложившаяся под руководством Г.С. Шарыгина и снабжавшая результатами своих работ не только оборонно-промышленный комплекс, но и предприятия гражданских отраслей. Ее расцвет пришелся на рассматриваемый период, а сама она, несмотря на все возраставшую конкуренцию со стороны сначала «системщиков», а потом и «программистов», по-прежнему являлась краеугольным камнем научно-образовательной среды ТИАСУРа.

Г.С. Шарыгин в течение более чем полувека был идейным вдохновителем и бессменным организатором работ по изучению дальнего тропосферного распространения радиоволн для создания систем загоризонтной радиотехнической разведки и целеуказания. Его персона и образ имели для развития научно-образовательной среды вуза приблизительно такое же значение, как и Ф.И. Перегудова. Труды возглавляемого им научно-педагогического коллектива наглядно демонстрировали широкий спектр интегративных возможностей вузовской науки: Г.С. Шарыгин руководил комплексными НИР, входившими в государственные планы и программы, координируя в рамках одного научного направления работы целого «конгломерата» – одновременно нескольких организаций, подведомственных Госкомвузу, Академии наук, Госкомгидромету, Министерству радиопромышленности. Это, опять же, расширяло и усложняло научно-образовательную среду ТИАСУРа, насыщая ее коммуникационное пространство связями со средой внешней.

Постепенно подтягивались в этом направлении и другие подразделения. Кафедра промышленной электроники в 1977 г. стала инициатором создания одного из первых в стране учебно-научно-производственного комплекса (УНПК). При активном участии заведующего кафедрой и будущего ректора института А.В. Кобзева был создан филиал кафедры при Томском электромеханическом заводе, где проводились практические занятия со студентами. Совместно со специалистами завода были организованы учебная лаборатория и вычислительный центр. На кафедре уделяли много внимания практическим занятиям и внедрению элементов научных исследований в учебный процесс, целенаправленно организовывали самостоятельную работу студентов. После завершения практики студенты защищали свои отчеты на предприятии. Параллельно кафедрой было организовано эффективное взаимодействие с научно-исследовательским институтом автоматики и электромеханики. Приведенный сюжет любопытен тем, что динамика научно-образовательной среды вуза в данном случае по своему духу и смыслу предвосхищала перестроечную реформу высшего профессионального образования.

Теоретически в перспективе углубление практик УНПК, создаваемых в качестве филиалов при промышленных предприятиях, могло существенным образом изменить внутреннюю среду ТИАСУРа, значительно повысив уровень сложности ее структурной организации. Эти комплексы потенциально несли в себе возможность развиться в нечто вроде втузов – узкоспециализированных высших учебных заведений, своим субстратом имевших заводскую производственную базу, выступавшую одновременно в качестве учебно-лабораторной для студентов (по примеру Томского политехнического института, имевшего завод-втуз при Юргинском машиностроительном заводе). Но для этого уже не было отпущено ни должных ресурсов, ни руководящей воли, ни самое главное, времени. Сегодня, как известно, этот, ввиду деиндустриализации уже успевший порядком позабыться, опыт вновь признан актуальным [5].

Исключительно важным для развития научно-образовательной среды ТИАСУРа стал короткий период ректорства Ф.И. Перегудова (1981–1984). Именно в это время тенденции в ее эволюции вышли на устойчивую траекторию перерастания институтом, казалось бы, уготовленной ему изначально узконаправленной роли отраслевого вуза, обслуживающего нужды радиотехнической промышленности. Симптоматичная для той поры актуализация общих проблем управления вкупе с инициативой и усилиями лидеров вузовской науки при должной организационной и материально-финансовой поддержке сверху были вполне способны превратить ТИАСУР и редкие ему подобные структуры в средоточие научно-исследовательских и экспертно-аналитических практик (по сути своей – советский аналог think tank), предоставляющее консультационные услуги для сфер производства и принятия решений, создавая тем самым для них новые грани соприкосновения, что потенциально могло бы помочь советской системе преодолеть накрывший ее кризис индустриализма. Глубоко символичным в этом плане видится изменение названия вуза, на первое место поставившее уже не радиоэлектронику, а как раз таки системы управления. Как бы то ни было, но представляется, что научно-образовательная среда самого ТИАСУРа с имевшимся уже в его составе факультетом систем управления была к этому внутренне готова.

Основной точкой приложения организационных усилий Ф.И. Перегудова на всех занимаемых им постах были поиск оптимальных форм интеграции и налаживание системного взаимодействия образования, науки и производства. В этом направлении под его общим руководством в 1980–1981 гг. был осуществлен эксперимент по организации на договорной основе учебно-научно-производственного комплекса (УНПК) «Конструктор» на базе кафедры конструирования электронно-вычислительной аппаратуры, отдела 12 НИИАЭМ, ОКБ регистрирующей аппаратуры Томского радиотехнического завода и Томского ПО «Контур». При этом к участию в проводимых НИР широко привлекались студенты.

Деятельность УНПК «Конструктор» предусматривала от каждой задействованной стороны выполнения ряда определенных по срокам и объемам обязательств. Промышленные предприятия обеспечивали практику студентов, помощь в обеспечении учебного процесса оборудованием и комплектующими, осуществляли финансирование НИР по своим заказам и внедрение в производство их результатов. Кафедра КЭВА и отдел 12 вели для этих предприятий целевую подготовку молодых специалистов, выполняли НИР, разработку и поставку заказанных устройств, обеспечивали работу по повышению квалификации инженерно-технического персонала предприятий. НИР проводились по следующим основным направлениям: «Методы и средства автоматизации технологических процессов», «Управление промышленными роботами», «Диагностика устройств с числовым программным управлением», «Автоматизация проектирования электронной аппаратуры», «Автоматизация управления скоростными поездами типа ЭР-200» (по заказам Рижского электромашиностроительного завода) [6. С. 228–229].

Нарастание к началу 1980-х гг. кризисных явлений в социально-экономической сфере привело, в частности, к снижению престижности высшего технического образования и, как следствие, падению конкурса на специальности ТИАСУРа. Ф.И. Перегудов как пионер системного анализа в Томске видел системную взаимообусловленность этой ситуации с общими проблемами содержания образовательных программ и качества самого образовательного процесса. Это позволило ему сформулировать идею об ориентации абитуриентов на институт с использованием возможностей современных ЭВМ. В результате в 1983 г. в составе ТИАСУРа был организован первый в СССР вузовский автоматизированный центр профориентации школьников и абитуриентов, явившийся принципиально новой формой компетентностной подготовки инженерных кадров. В рамках реализации этого проекта в учебный процесс был внедрен ряд подсистем АСУ–ВУЗ, создано 11 дисплейных классов на 84 экрана, класс на 30 посадочных мест для профориентационной работы. Налицо прорастание научно-образовательной среды ТИАСУРа вглубь – на уровень нижерасположенных ярусов регионального образовательного пространства.

В 1984 г. ректором института стал профессор И.Н. Пустынский, руководивший им до 1999 г. Во многом именно благодаря его усилиям научно-образовательной среде института удавалось не только расширяться и усложняться во второй половине 1980-х, но и окончательно не рассыпаться в сложных условиях 1990-х гг.

Вообще необходимо подчеркнуть, что годы перестройки серьезно оживили научно-образовательную среду ТИАСУРа, сообщая ей новые стимулы к дальнейшему развитию. Начавшиеся с середины 1980-х гг. поиски новых форм научно-исследовательской и образовательной деятельности давали надежды на скорое превозмогание накопившихся трудностей и во все большем количестве осознающихся системными ограничений. Демократические импульсы, испускавшиеся сверху, в какой-то мере возвращали атмосферу шестидесятых, заставляя немалую долю ветеранов вуза вспомнить столь свойственную ей свободу научной и

организационной инициативы, особенно поощрявшуюся в случае достижения значимого результата. В глазах же значительной части абитуриентов и студентов ТИАСУР по-прежнему оставался молодым вузом, открывавшим своим выпускникам широкие профессиональные перспективы. В новых условиях эта молодость обретала новые смыслы: отсутствие громоздкой закостеневшей иерархии виделось соответствующим духу времени, а специализация в сверхактуальных тогда областях электроники и программирования вступала в очевидный резонанс с ожиданиями скорого прорыва науки и техники, освобожденных от политических оков. Во всяком случае на ранних порах происходившие изменения социально-экономических и социально-политических условий внешней среды для ТИАСУРа были временем открытия новых возможностей [6. С. 225].

В рамках следования взятому в верхах курсу на «ускорение» с 1985 г. согласно приказу хозрасчетного научного объединения Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР в вузах было введено положение о комплексном обеспечении единства научно-исследовательской и учебно-воспитательной деятельности. Оно требовало соответствия научно-исследовательской работы институтов профилю подготовки специалистов, внедрения в учебный процесс результатов научных исследований кафедр, лабораторий, научно-исследовательских институтов (НИИ), активного вовлечения студентов в научно-исследовательскую и конструкторскую деятельность.

Институт начал осуществлять интенсивную целевую подготовку специалистов по прямым связям с организациями. Вуз заключал комплексные договоры с предприятиями, научными учреждениями, научно-производственными объединениями в целях совместной целевой подготовки специалистов, ускорения внедрения в народное хозяйство результатов научных исследований. Внутри института по уже понятным вышерассмотренным причинам наибольшее распространение такая подготовка получила на кафедре промышленной электроники.

Продолжавшееся широкое развертывание научной деятельности ТИАСУРа в первые годы перестройки прочнее встраивало его в пока еще целостную систему межведомственных и территориальных хозяйственных связей благодаря умелому нахождению точек баланса между НИР по заказам со стороны предприятий военно-промышленного комплекса, хоздоговорными работами и участием в реализации стратегических государственных программ, что позволяло расширять контакты со старыми и находить новых индустриальных партнеров. Этому способствовало и имевшее место расширение пространства самостоятельных решений руководства вуза. В 1987 г., после включения ТИАСУРа в число ведущих вузов постановлением Совета Министров СССР, в нём была создана научно-исследовательская часть (НИЧ), обладавшая статусом научного учреждения.

Здесь нужно особо отметить, что по ходу перестройки, несмотря на постепенную дезорганизацию и последовавший вслед за этим распад общесоюзных производственных связей и цепочек, совместная работа с основными партнерами не прекращалась вплоть до самого ее конца, что в дальнейшем несколько облегчит протекание восстановительного периода. И даже более того – как только в стране был дан зеленый свет частному предпринимательству, научно-образовательная среда ТИАСУРа немедленно стала обрастать какими-никаким, но собственным бизнес-окружением, а внутри нее начались процессы поиска путей коммерциализации наиболее ценных и перспективных интеллектуальных активов, что чисто объективно немало поспособствует потом обретению своей рыночной ниши [7].

В 1989 г. ввиду бурного развития информационных технологий и вычислительной техники структура вуза в очередной была расширена путем открытия факультета вычислительных систем, выделенного из состава радиоконструкторского факультета.

В 1990 г. по инициативе и при активном участии Ф.И. Перегудова (в то время – первого заместителя председателя Государственного комитета СССР по народному образованию) в НИИАЭМ был открыт первый в стране научно-технологический парк «Технопарк», призванный стать новой формой интеграции науки, образования, производства и предпринимательства. В перспективе «Технопарк» должен был играть роль внешнего контура научно-образовательной среды ТИАСУРа, одновременно являясь и витриной ее достижений, и точкой подключения к ней новых структурных элементов.

Рубеж 1980–1990-х гг. подвел своего рода итоговую черту под тридцатилетним советским этапом развития ТИАСУРа и его научно-образовательной среды. Почти всю вторую половину 1980-х гг. в большей или меньшей степени, но продолжался как минимум количественный, если не качественный ее рост. Сам факт появления внутри нее новых субсистем уже свидетельствует о том, что потенциал модели развития вуза, принятой еще два десятилетия назад, к тому моменту далеко не исчерпал себя и был вполне способен давать определенный результат даже в стремительно изменявшихся обстоятельствах. К концу советского периода научно-образовательная среда ТИАСУРа была одним из ключевых элементов межотраслевого градообразующего комплекса, одновременно закрепляя за Томском статус крупнейшего центра не только высшего образования, но и вузовской науки Сибири.

Принимая во внимание общесоюзный масштаб нисходящего тренда в динамике высшей школы, наполненного такими негативными явлениями, как так и не изжитый материально-финансовый дефицит, постепенный отток кадров, проблемы с набором абитуриентов и т.д., стоит все же отметить, что ТИАСУР, будучи вузом, во-первых, специализированным, а во-вторых, относительно компактным, переносил перечисленные трудности чуть легче, нежели остальные высшие учебные заведения Томска. Но, конечно же, не в последнюю очередь это стало возможным опять-таки благодаря еще и тому заделу прочности, обусловленному адаптивной гибкостью его внутренней среды, что был сделан за предыдущие годы.

Безусловно, не приходится отрицать того, что в любом случае научно-образовательная среда ТИАСУРа, как и вся субсистема науки и высшего образования вместе с самой советской социальной системой, в то время пребывала в критическом состоянии. Впрочем, если быть точнее, это было время попыток выхода из того кризиса, что обозначил себя задолго до этого. Другое дело, что рассмотренные сюжеты указывают на то, что пока еще это был кризис развития, а не деградации.

Список источников

1. Костерев А.Г., Расколец В.В., Ким М.Ю. Томский институт радиоэлектроники и электронной техники в контексте развития регионального научно-образовательного пространства (1960–1970-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 186–196.
2. Расколец В.В., Костерев А.Г., Ким М.Ю. Томский институт радиоэлектроники и электронной техники: научный вклад в развитие профильных отраслей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 149–161.
3. Костерев А.Г., Ким М.Ю. Идейные и организационные предпосылки открытия Томского института радиоэлектроники и электронной техники (1945–1962 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 44–51.
4. Кто есть кто в истории ТУСУРа / сост. В.В. Подлипенский, Г.С. Шарыгин; под общ. ред. Ю.А. Шурыгина. Томск : Том. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2009. 216 с.
5. Стародубцев В.А. Практико-центрированное обучение в высшей школе // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 75–87.
6. 50 лет Томскому государственному университету систем управления и радиоэлектроники / сост. В.В. Подлипенский, Г.С. Шарыгин; под общ. ред. Ю.А. Шурыгина. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. 520 с.
7. Кетова Н.В., Павлова И.А., Пудкова В.В., Уваров А.Ф. Опыт ТУСУР как предпринимательского университета: достижения и перспективы // Инновации. 2014. № 8 (190). С. 14–22.

References

1. Kosterev, A.G., Raskolets, V.V. & Kim, M.Yu. (2022) Tomsk Institute of Radio Electronics and Electronic Engineering in the Context of Development of Regional Scientific and Educational Space (1960–1970s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 186–196. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/80/21
2. Raskolets, V.V., Kosterev, A.G. & Kim, M.Yu. (2022) Tomskiy institut radioelektroniki i elektronnoy tekhniki: nauchnyy vklad v razvitie profil'nykh otrasley [Tomsk Institute of Radio Electronics and Electronic Engineering: Scientific Contribution to the Development of Profile Industries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 149–161. DOI: 10.17223/15617793/480/18
3. Kosterev, A.G. & Kim, M.Yu. (2024) Ideynye i organizatsionnye predposylki otkrytiya Tomskogo instituta radioelektroniki i elektronnoy tekhniki (1945–1962 gg.) [Ideological and Organizational Prerequisites for the Opening of Tomsk Institute of Radio Electronics and Electronic Engineering (1945–1962)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 44–51.
4. Shurygin, Yu.A. (ed.) (2009) *Kto est' kto v istorii TUSURa* [Who's Who in the History of TUSUR]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
5. Starodubtsev, V.A. (2021) Praktiko-tsentrirovannoe obuchenie v vysshey shkole [Practice-centered learning in higher education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 30(5). pp. 75–87.
6. Shurygin, Yu.A. (ed.) (2012) *50 let Tomskomu gosudarstvennomu universitetu sistem upravleniya i radioelektroniki* [50 years of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
7. Ketova, N.V., Pavlova, I.A., Pudkova, V.V. & Uvarov, A.F. (2014) Opyt TUSUR kak predprinimatel'skogo universiteta: dostizheniya i perspektivy [TUSUR experience as an entrepreneurial university: Achievements and prospects]. *Innovatsii*. 8(190). pp. 14–22.

***Сведения об авторе*:**
Костерев Антон Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kosterev Anton G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 05.11.2024; accepted for publication 15.11.2024

Научная статья
УДК 93/94(571.16):378
doi: 10.17223/19988613/92/19

Наука позднего сталинизма в призме теории «центр–периферия» (на примере вузов Томска)

Виктор Владимирович Расколец

Томский государственный университет, Томск, Россия, predator-101@mail.ru

Аннотация. На основе законодательно-нормативных документов, делопроизводственной документации и периодической печати исследуется научное развитие вузов Томска в период позднего сталинизма с позиции теории «центр–периферия». На основе этой теории автор приходит к выводу, что Томск представлял собой «полупериферию», для которой характерно сочетание сильной исследовательской составляющей при ограниченных институциональных условиях, не позволяющих стать «центром». Исследование корректирует и расширяет имеющиеся в историографии точки зрения на развитие вузовской периферийной науки в 1945–1953 гг.
Ключевые слова: наука высшей школы, вузы Томска, позднесталинский СССР, теория «центр-периферия», советская наука

Благодарности: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Расколец В.В. Наука позднего сталинизма в призме теории «центр–периферия» (на примере вузов Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 160–170. doi: 10.17223/19988613/92/19

Original article

Science of late Stalinism in the prism of the theory of “center-periphery” (on the example of Tomsk universities)

Viktor V. Raskolets

Tomsk State University, Tomsk, Russiam Federation, predator-101@mail.ru

Abstract. The article examines the scientific development of Tomsk universities during the late Stalinism period from the standpoint of the "center-periphery" theory. This research is based on legislative and regulatory documents, as well as office documentation and periodicals. It notes the unequal position of the USSR higher education institution in the structure of scientific knowledge, which was assigned with the role of training personnel rather than conducting scientific research. The Tomsk scientific community, being a university community, tried in every possible way to improve its status by organizing academic institutions in Tomsk. The indicators of the personnel, material, technical and living conditions of Tomsk universities are analyzed. It is concluded that the external conditions in which Tomsk universities operated were not favorable for them and did not encourage strengthening the research component. Various attempts by the Tomsk scientific community to establish the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in Tomsk are examined. The discourse of power in relation to the scientific community is analyzed. The desire of the authorities to mobilize the community to conduct scientific research in limited institutional conditions is noted. It is emphasized that informal personal communications between scientists, as well as between scientists and the authorities, played a major role in this matter. The topics of scientific research at Tomsk universities are studied for the purpose of identifying both continuity and novelty. The thesis in historiography that science in the east of the USSR during the late Stalinism period, on the one hand, secured the region’s status as a “raw materials appendage”, on the other hand, was oriented towards the needs of the military-industrial complex and its key projects: nuclear and radar, is partially confirmed. It is concluded that Tomsk was a “semi-periphery”, characterized by a combination of a strong research component with limited institutional conditions that did not allow it to become a “center”.
Keywords: higher education science, Tomsk universities, late Stalinist USSR, “center-periphery” theory, soviet science

Acknowledgements: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2024-0008.

For citation: Raskolets, V.V. (2024) Science of late Stalinism in the prism of the theory of “center-periphery” (on the example of Tomsk universities). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 160–170. doi: 10.17223/19988613/92/19

© В.В. Расколец, 2024

Актуальность исследования и постановка проблемы

Изучение научно-исследовательского потенциала советской высшей школы – один из трендов историографии российской науки на протяжении многих лет. Пристальное внимание к ней обусловлено спецификой «разделения труда» в производстве научного знания и научно-технологического развития СССР, столь непохожего на западные варианты. Успехи здесь более чем существенны: исследователям, изучающим советскую высшую школу, удалось дать абрис ее положения в пространстве научно-технологического развития СССР, изучить институциональные ограничения и возможности [1].

Потенциал исследования советской высшей школы, однако, далеко не исчерпан. Генерализирующие обобщения при характеристике положения высшей школы (при всех оговорках авторов) неизбежно редуцируют действительность на тех или иных исторических этапах. В особенности это характерно для советской науки, где всегда имелся четко выраженный исследовательский «центр» (Москва и Ленинград), «полупериферия» и «периферия». И если по поводу статуса «центра» дискутировать непродуктивно, то проблематика изучения взаимоотношений внутри сети «центр-периферийных» отношений представляется достаточно интересной с точки зрения объяснения динамики развития науки.

Позднесталинский период – это, с одной стороны, годы становления «большой науки», когда ведущие мировые державы переходили к сознательно выстраиваемой научной политике, а занятие наукой приобрело массовый характер. С другой стороны, в ходе Великой Отечественной войны советское правительство стало уделять больше внимания регионам страны, что выразилось в резком расширении сети академических и отраслевых научных учреждений. Исследователи, однако, подчеркивают, что сеть этих учреждений, будучи ориентированной на нужды ВПК, была очень слабо связана с потребностями региональной экономики (как в случае с закрытыми научными городками) либо же закрепляла за регионами уже сложившиеся экономические «центр-периферийные» отношения, исследуя преимущественно производительные силы территории [2; 3. 68–72]. Это, в частности, было характерно для таких регионов, как Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Положение Томска в этих условиях являлось более чем уникальными. Находясь далеко на востоке СССР, на территории политико-экономической «периферии», ориентированной на ресурсное снабжение «центра», он располагал целым рядом научных направлений, имеющих общегосударственный и даже мировой авторитет. Гипотеза данного исследования заключается в том, что Томск в период позднего сталинизма занимал «полупериферийное» положение в науке СССР, претендуя на роль ведущего «центра» на востоке государства. Однако данная гипотеза нуждается в доказательстве. В конечном итоге нас интересуют два ключевых вопроса: каковы были институциональные условия развития науки в Томске и каким образом томское вузовское сообщество пыталось закрепить за городом статус «центра» науки на востоке СССР.

Теоретико-методологические рамки исследования

Теория «центр-периферийных» отношений зародилась и известна прежде всего в области экономической географии и политики [4, 5].

Плодотворное использование данной теории применительно к развитию науки на востоке СССР дано в работах Г.Е. Водичева и Ю.И. Узбековой [3, 6]. Ю.И. Узбекова описывает «центр» как «комплекс научных учреждений, отвечающий ряду критериев и обладающий обязательной способностью к распространению своих моделей организации исследований и управления» [3. С. 38.]. «Центральность», однако, не складывается исключительно из этого критерия. Соответственно, «периферия» – «это такие комплексы научных учреждений, которые в результате своего развития настроены на восприятие новшеств, но не способны к их самостоятельному формированию и трансляции» [3. С. 39]. Нельзя не согласиться с ее утверждением о том, что взаимоотношения центра и периферии имеют сложную динамичную иерархию и не сводятся просто к форме зависимости и конфликтному взаимодействию. Между «центром» и «периферией» исследования располагается «полупериферия», представляющая собой «достаточно сильный в научном плане комплекс, которому, однако, не хватает возможностей для генерации собственных инноваций и превращения в самостоятельный «центр». Ю.И. Узбекова также вводит понятие «внутренней периферии» – территории, находящейся под влиянием регионального центра.

Для того чтобы определить иерархию и пространственную конфигурацию «центр-периферийных» отношений научно-исследовательских учреждений СССР, Ю.И. Узбекова выделяет следующие критерии:

1. Географический подход и статистические параметры (формальная удаленность от центров науки, степень концентрации научного потенциала, численность квалифицированного персонала в учреждениях и т.д.).

2. Качественно-содержательные параметры. Формы институциональной организации (соответствие запросу времени, оригинальность и эффективность исследовательских разработок и т.д.); наличие дисциплин и направлений исследований, соответствующих мировой науке; уровень фундаментальности исследований, степень включенности в мировую науку.

3. Способность «центра» к диффузии (распространению) своих новшеств на «периферию», а также возможность оказывать влияние на формирование научной политики в регионе [3. С. 42–43].

Таким образом, концепция «центр-периферийных» отношений в научном развитии разработана и апробирована. Однако она использовалась Ю.И. Узбековой применительно к изучению развития академической науки на востоке СССР, где «центром» выступала Академия наук, а ее филиалы рассматривались как «периферия». После создания Сибирского отделения

Академии наук СССР Новосибирск со временем также стал «центром», вокруг которого выстроилась «периферия» из научных центров в сибирских регионах. Объектом данного исследования же выступает советская высшая школа, которая занимала особое положение в структуре производства научного знания СССР.

Высшая школа СССР в структуре производства научного знания

Институциональные возможности и – в еще большей степени – ограничения широко изучены в российской и зарубежной историографии [7]. Ввиду этого лишь кратко укажем на основные из них.

Институциональные ограничения советской высшей школы были обусловлены двумя причинами. Во-первых, специфика существования вузов в советской России, а затем и в СССР заключалась в почти полном отсутствии у них автономии и субъектности в отношении государственных и партийных органов власти. Исследователи Высшей школы экономики (Я.И. Кузьминов, Д.С. Семенов, И.Д. Фрумин и др.) считали, что роль советских вузов была ограничена в отношении не только к экономике и обществу, но даже к собственному развитию [8. С. 22]. Большей автономией обладали другие учреждения в области науки, например Академия наук СССР, ее отделения и институты. Однако и они с начала 1930-х гг. были целиком ориентированы на нужды советской индустриализации и модернизации. Степень субъектности в этих условиях, равно как «центральность», определялась встроенностью научных учреждений в модернизационную повестку. На самом острие этой повестки находились нужды военно-промышленного комплекса.

Наука подчинялась задачам развития народного хозяйства, была некоторым «придатком» экономической системы. Поэтому на протяжении долгого времени орган управления наукой в СССР отсутствовал. Лишь после Великой Отечественной войны возникла некая «протополитика» в научной сфере. Создается отдельное Министерство высшего образования (1946). Возникают отделы науки в регионах, – при томском областном комитете ВКП(б) такой отдел был образован в 1946 г. В 1948 г. создается Государственный комитет Совета министров СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство. Последний, однако, по замечанию исследователя Е.А. Долговой, играл лишь координирующую роль и не имел реальных полномочий по управлению наукой [1. С. 91]. Ими он стал располагать лишь после 1965 г., когда в ходе очередной реорганизации был создан Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике (ГКНТ). Таким образом, управление советское наукой как самодостаточной величиной началось лишь при Л.И. Брежневе.

Однако ориентация на нужды военной сферы, равно как и ограниченность автономии научных (в том числе вузовских) учреждений, осталась непременной чертой советской науки. Характерным в связи с этим стало принятие конституции 1977 г., в проект которой были внесены достаточно радикальные, по мнению исследователя М.О. Окуневой, предложения гарантий свободы научного исследования, научных дискуссий и запрет на преследования за научные идеи. Конституционная комиссия согласилась лишь с предложением о свободе научного творчества в СССР, отклонив остальные предложения [1. С. 146].

Подчиненность высшей школы задачам социалистического строительства означала вместе с тем и ее встроенность в иерархию других научных учреждений, где она в сравнении с академической и отраслевой наукой занимала подчиненное положение. Научные исследования никогда не были запрещены в вузах, однако начиная с 1930-х гг. высшая школа была ориентирована преимущественно на массовую подготовку кадров [1. С. 305] для отраслей промышленности, здравоохранения и образования (преимущественно институты), а также для воспроизводства управленческих региональных элит и кадрового обеспечения научно-исследовательских учреждений (преимущественно университеты).

Представители власти на разных уровнях постоянно подчеркивали необходимость сочетания учебной и исследовательской работы в вузах при подготовке студентов, принимали многочисленные акты, направленные на улучшение научно-исследовательской работы. Понимая, что высшая школа обладает огромным количеством квалифицированных исследователей, они постоянно требовали усиления научной работы, однако не собирались кардинально менять ее положение в структуре производства научного знания. Это подтверждается статистическими данными, согласно которым доля вузов в общем числе научных организаций сократилась в период 1940–1955 гг. на треть (с 39 до 26%) и продолжала снижаться вплоть до периода перестройки [9. С. 9].

Обладая наибольшей научной квалификацией, сотрудники вузов вносили скромный научный вклад в сравнении с академической или отраслевой наукой. В записке в адрес бюро Совмина СССР министра государственного контроля Л.З. Мехлиса, написанной по итогам проверки работы 92 вузов СССР, отмечалось, что лишь 64% штатных преподавателей принимают участие в госбюджетной НИР [1. С. 305].

Таким образом, при том что советская наука находилась в подчиненном состоянии относительно задач развития народного хозяйства, вузовская наука была в еще более дискриминируемом положении, поскольку ей отводилась роль преимущественно «кузницы кадров».

Состояние томской вузовской науки и ее институциональные ограничения в позднесталинский период

Г.Е. Водичев, исследуя научный потенциал советской науки в восточных регионах страны, пришел к выводу, что из трех ключевых форм организации научных исследований – академической, отраслевой, вузовской – первенство в позднесталинский период принадлежало последней. В то время как на территории Сибири и Дальнего Востока в высшей школе работало 3 882 научных работника, в отраслевых учре-

ждениях – 963 работника, в учреждениях Академии наук – лишь 115[1] [10. С. 145]. И если в плане академической науки «центром» являлся Новосибирск, в отраслевом – Свердловск, то в вузовском секторе ведущие позиции занимал Томск. Уступая другим городам Западной Сибири по количеству высших учебных заведений[2] (5 против 6 в Новосибирске и 6 в Омске), Томск резко выделялся количеством (1/4 всех кадров Западной Сибири) и в еще большей степени научной квалификацией научно-преподавательского состава (1/3 всех кадров Западной Сибири, имеющих ученые степени и звания). Ситуация принципиально не изменилась и в последующие десятилетия: в 1950–1960-х гг. в Томске работал каждый четвертый доктор наук Сибири [11. С. 176].

В то же время научный потенциал томских исследователей не стоит переоценивать. В одном из донесений томского обкома КПСС отмечалось: из примерно 800 научных работников в 1946 г. лишь около 150–200 сотрудников (18,75–25%) были «серьезно заняты разработкой важнейших теоретических прикладных научных проблем». Отмечалась и основная причина такого положения дел: чрезвычайная загруженность преподавательской, общественной или даже хозяйственной работой (500–700 и даже 800 часов). Когда в 1948 г. ректор ТПИ А.А. Воробьев спросил, почему политехнический институт выполняет хоздоговора на сумму в 500 тыс. руб., в то время как Уральский политех – 5 млн руб., а Ленинградский – 12 млн руб., присутствующие (профессор А.М. Розенберг, доценты И.Д. Кутявин, А.Т. Мартыненко) в первую очередь сослались на чрезвычайную загруженность, неудобный рабочий график и низкий научный уровень предлагаемых предприятиями хоздоговорных работ [12. Р.-816. Оп. 1. Д. 106].

Число ведущих научных работников примерно соответствовало степени их квалификации. По состоянию на 1 января 1947 г. в Томске работали 78 профессоров, 176 доцентов и 419 ассистентов и преподавателей. Наиболее квалифицированным составом располагал Томский медицинский институт – здесь трудились 28 профессоров, 49 доцентов и 172 ассистента и преподавателя. При этом для плодотворной работы на кафедрах томских вузов недоставало 19 профессоров, 35 доцентов, 14 ассистентов и преподавателей, чего в совокупности (за исключением числа ассистентов) хватило было для обеспечения профессорско-преподавательским составом еще одного томского вуза.

К весне 1952 г. контингент научных работников в Томске вырос на треть (1 132 человек, из них 1 028 – в вузах). В их числе были 1 действительный член и 3 члена-корреспондента АН СССР, 1 действительный член и 2 члена-корреспондента АМН СССР, 4 заслуженных деятеля науки и техники, 7 лауреатов сталинской премии, 57 профессоров, 209 доцентов – кандидатов наук, около 800 ассистентов и преподавателей.

Однако с учетом открытия новых факультетов, кафедр и специальностей, расширения набора студентов для томских вузов по-прежнему была характерна недоукомплектованность профессорско-преподавательским составом. Так, в ТПИ на 499 штатных единиц ППС работали 373 человека. В ТГУ «критический недостаток специалистов», грозящий срывом преподавания, наблюдался по некоторым естественным, точным и гуманитарным специальностям. В ТМИ из-за отсутствия приемлемых материально-бытовых условий за четвертую пятилетку контингенты профессорско-преподавательского состава и студентов не увеличились. В то же время за 1941–1951 гг. произошло значительное сокращение административно-хозяйственного аппарата (с 423 до 157 человек) и обслуживающего персонала клиник (с 790 до 535 человек), грозящее дезорганизацией деятельности учебного заведения [13. Д. 1335. Л. 33–37].

В то же время число студентов в городе увеличилось в 1946–1952 гг. на 57% (с 5 до 11,5 тыс. чел.) [13. Д. 1772. Л. 80–81]. Оно росло опережающими темпами по сравнению с профессорско-преподавательским составом, что, в свою очередь, увеличивало преподавательскую нагрузку. В еще большей степени это относилось к нагрузке на учебно-лабораторную базу и общежития.

Если в отношении кадровой базы дела томских вузов обстояли относительно благополучно, то материально-техническая база и бытовое положение являлись ключевыми препятствиями для роста его научного потенциала.

Самыми трудными стали первые послевоенные годы. В протоколе заседаний томского обкома ВКП(б) констатировалось: «Нам снаба не организовали» [13. Д. 569. Л. 171]. Многочисленные донесения членов бригады обкома ВКП(б) по обследованию деятельности вузов г. Томска единодушно свидетельствовали о необходимости расширения учебно-научных площадей томских вузов, укрепления их материальной базы, приобретения учебного и лабораторного оборудования, создания элементарных материальных и бытовых условий труда для сохранения имеющихся кадров и привлечения новых [13. Д. 569. Л. 15].

Не хватало учебной и научной литературы, в особенности работ Академии наук и зарубежных ученых. Отдельным препятствием являлось отсутствие приемлемой полиграфической базы для печатания трудов томских исследователей. В качестве временного выхода из этого положения было решено массово печатать лекции и конспекты литографским способом.

Если в первые послевоенные годы трудности материально-технического и бытового характера могли объясняться восстановлением народного хозяйства, то в конце 1940-х – начале 1950-х гг. они были обусловлены резким ростом количества факультетов в вузах, а также числа студентов. Наиболее быстро в этом отношении рос Томский политехнический институт, где число факультетов увеличилось за годы четвертой пятилетки с 5 до 11. В результате площади для обучения и проживания студентов в 1951/1952 учебном году в ТПИ были в два раза ниже нормативных, в Томском государственном университете – в 1,5 раза [13. Д. 1556. Л. 7, 166]. Заведующий отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б) А. Дубровский обращался в правительство и Минвуз, констатируя срыв выполнения принятых Советом министров СССР постановлений

о строительстве для ТПИ учебных и жилых площадей в 1950–1951 гг. общим объемом 13 тыс. кв. м.

Таким образом, в начале 1950-х гг. институциональные условия работы томских вузов были немногим лучше, чем в первые послевоенные годы.

Томск на карте «центр-периферийных» отношений: попытки обретения «центральности»

Руководство томских вузов понимало уязвимость положения в области науки и неоднократно предпринимало попытки усилить его. В конце 1930-х гг. была выдвинута инициатива по организации Западно-Сибирского филиала Академии наук (ЗСФАН) в Томске. Однако тогда филиал так и не был создан.

С началом Великой Отечественной войны в Томске был создан комитет ученых (ТКУ). На первый взгляд он являлся подходящим примером для подтверждения «центральности» Томска, поскольку позднее комитеты ученых по его примеру были созданы в других городах Сибири (Новосибирск, Омск, Кемерово, Новокузнецк). Томск стал своеобразным «центром диффузии инноваций» в области координации усилий власти, ученых и промышленности. Однако данный пример не подходит для нашего исследования по двум причинам:

1) комитеты подчинялись городским и областным партийным инстанциям и функционировали автономно, между ними не было создано какого-либо координационного органа, где руководящую роль играли бы томские исследователи. В то же время определенный обмен опытом организации комитетов, координации и внедрения исследований присутствовал;

2) будучи «детищами войны», данные комитеты были упразднены после ее окончания. В Томске данный комитет был реорганизован в Научный совет при томском облисполкоме. Источники, посвященные его деятельности, на данный момент исследователями не обнаружены.

Начиная с весны 1943 г. видные представители томских вузов (директор СФТИ профессор В.Д. Кузнецов, директор Томского индустриального института профессор К.Н. Шмаргунов, председатель Томского комитета ученых профессор Б.П. Токин) пытались выиграть борьбу у новосибирской группы, поддерживаемой академиками, за организацию Западно-Сибирского филиала Академии (ЗСФАН) наук в Томске[3]. Свою позицию они обосновывали тем, что именно здесь трудились ведущие исследователи региона, а также уже имелась определенная материально-техническая база. Если бы их инициатива увенчалась успехом, томская наука значительно усилилась в кадровом и материально-техническом отношении. Но главное – вырос бы ее статус, что повлекло бы изменение пространственной конфигурации «центр-периферийных» отношений.

Однако данный проект не получил поддержку ключевого актора – Академии наук СССР. Решение томских профессоров баллотироваться в Академию наук СССР и тем самым усилить свой статус окончилось безрезультатно: избранные профессора А.А. Заварзин и С.П. Сыромятников, эвакуированные в Томск в годы войны, вскоре вернулись в Ленинград и Москву.

Определенную роль в выборе места ЗСФАН, надо полагать, сыграл и тот факт, что Томск до августа 1944 г. входил в состав Новосибирской области, что давало Новосибирску дополнительный административный ресурс.

Попытка группы томских ученых из ТИИ, минуя новосибирские партийные инстанции, обратиться напрямую к ЦК ВКП(б) также окончилась безрезультатно. Исследователь С.А. Красильников отметил характерный момент: письмо томской группы даже не рассматривалось в ЦК ВКП(б), а было передано в Президиум АН СССР для вынесения окончательного решения [14. С. 48]. Таким образом, партийное руководство СССР отказывалось признавать томское научное сообщество в качестве самостоятельного равноправного игрока, способного влиять на принятие важных решений в области развития науки.

Организация ЗСФАН в Новосибирске предопределила и последующее основание здесь СО АН СССР в конце 1950-х гг., хотя и тогда томские ученые (преимущественно политехники под руководством ректора А.А. Воробьева) настаивали на организации отделения в Томске.

История с выбором центра ЗСФАН позволяет внести дополнительный критерий в концепцию «центр–периферия» применительно к советской науке. «Центральность» и «периферийность» в науке определяются не только количественным и качественным уровнем развития или возможностью «распространения своих моделей организации исследований и управления». В системе советского властного патернализма особую роль не могли не играть неформальные связи и коммуникации между членами внутри научного сообщества, с одной стороны, и членами научного сообщества и властью – с другой. Эти «союзы» позволяли научным сообществам географического и научно-дисциплинарного характера оказывать влияние на управленческие решения советского руководства.

Период позднего сталинизма располагает внушительным количеством примеров для подтверждения данного тезиса. На его полюсах два диаметрально противоположных примера: августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. и не состоявшаяся сессия по разгрому релятивистской физики, намеченная на март 1949 г. Как отмечал исследователь Н.Л. Кременцов, «…физики победили не потому, что их дисциплина оказалась более “твердой”, чем генетика, а потому, что они обладали более эффективными связями с партийной верхушкой. Иными словами, они добились успеха точно тем же способом, что и Лысенко, использовав свои контакты с высшими партийными чиновниками для достижения своих собственных целей. Вовлеченность академических физиков в ядерные исследования – высший приоритет для партийного руководства в тот момент – дала им возможность убедить партаппарат в необходимости остановить кампанию, организованную их оппонентами» [15. С. 905].

Новой попыткой томских ученых укрепить свое положение в качестве «центра» сибирской науки можно считать проект постановления, подготовленный инициативной группой ТГУ в январе 1948 г. и, по-видимому, поддержанный Коллегией Министерства

высшего образования СССР. Этот проект был приурочен к 60-летнему юбилею университета, который планировалось использовать как обоснование проведения целого ряда преобразований.

Проект постановления содержал целый ряд предложений. Выдвигалось основание открытия четырех новых факультетов: юридического (1948), ядерной физики (1948), радиофизического (1948) и философского (1949). Физико-математический факультет предлагалось разделить на два самостоятельных: физический и механико-математический. Вместе с тем ТГУ просил о восстановлении четырех закрытых в период войны кафедр, а также открытии 16 новых кафедр и научно-вспомогательных подразделений. На новых факультетах и кафедрах (не считая радиофизического факультета и факультета ядерной физики, проекты которых подавались через специальную часть) предполагалось открыть 11 новых лабораторий (аэродинамическая, реактивная, фотолаборатория, вычислительное бюро, электроанализа, вакуумная, химия редких элементов, оптические методы анализа, микропалеоботаника и петрография ископаемых углей, рентгенометрическая, физика почв, музей геологии Сибири).

Но и на этом инициативы по научному развитию ТГУ не закончились. С одобрения Совета министров СССР в ТГУ должен был быть восстановлен упраздненный в конце 1930-х гг. научно-исследовательский институт математики и механики (НИИ ММ) и закрытый в начале Великой Отечественной войны научно-исследовательский институт биологии и биофизики (НИИ ББ). Помимо них должны были быть открыты два новых НИИ: химический и геолого-географический. На их организацию университет запрашивал дополнительные ассигнования в размере 2 500 тыс. руб. [12. Р-815. Оп. 1. Д. 985. Л. 5].

Здесь необходимо остановить наше повествование для раскрытия другого принципиального для понимания тех событий фактора. Стремление ТГУ, равно как и других томских вузов, кардинальным образом усилить свою исследовательскую составляющую не только обусловливалось интересами его сотрудников, но и всячески подпитывалось областными органами партии. 9 февраля 1946 г. на предвыборном собрании избирателей И.В. Сталин произнес: «Я не сомневаюсь, что, если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» [16]. Особо он упомянул строительство «всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы» [16]. Эта речь была воспринята партийными ячейками на местах в качестве доминанты, которую они ретранслировали научным сообществам. Признавая сложности материально-технического, бытового и кадрового характера, партийные органы Томска приступили к мобилизации научного сообщества на выполнение новых задач по развитию науки и народного хозяйства.

Комплекс выдвинутых властью мер был обширен и в первые послевоенные годы включал в себя кампанию за полное вовлечение всего преподавательского состава (вплоть до уровня ассистентов) в научную работу. Здесь задача, поставленная перед томскими вузами, заключалась в том, чтобы отдельные направления под руководством ведущих исследователей (В.Д. Кузнецов, М.А. Большанина, А.Г. Савиных, Н.В. Вершинин, Д.Д. Яблоков, К.В. Радугин, Л.П. Кулёв, И.Н. Бутаков и др.) сделать массовым явлением, организовать «сплошной фронт научной работы». Задача эта оказалась трудновыполнимой. «Неравенство» в области исследований наблюдалось и на уровне кафедр одного факультета (кафедра являлась основной научной ячейкой), и на уровне факультетов (например, между санфаком и лечфаком ТМИ), и между вузами Томска. Научная работа ТЭМИИТа в 1946 г., например, была признана «неудовлетворительной», а в Томском пединституте НИР занималось всего несколько человек.

Кафедры вузов были ориентированы на устранение мелкотемья и «бесперспективных / непродуктивных» научных проблем. Научная работа кафедры должна была быть выстроена по принципу: одна кафедра – одна научная школа – «хотя бы одно научное направление, обещающее в случае успешной работы достижение вершин мировой науки и победы советской науки» [13. Д. 569. Л. 139]. Соответствующим образом переключалось внимание сотрудников вузов: от практических задач текущего удовлетворения запросов местной промышленности им надлежало перейти (или вернуться) к разработке более существенных фундаментальных проблем. В качестве иллюстрации преподносилась деятельность одного из выдающихся профессоров Томска И.В. Геблера, чей «антинакипингумат» был полезен в годы войны, но уступал по значимости работам в области коксуемости кузнецких углей [13. Д. 569. Л. 91].

Партия определяла и ведущие направления, по которым должна была протекать научная работа. На первом месте стояли проблемы физики атомного ядра, а также способы высвобождения внутриатомной энергии. Здесь кадровый потенциал томских физиков составлял около 50 человек. Упоминались и другие научные проблемы: исследования свойств веществ при температуре, близкой к абсолютному нулю, изучение солнца и звезд с помощью спектрального анализа и других методов, газодинамические процессы с большими скоростями, химическая связь, по энергетике и строению химических соединений, над механизмами химических превращений и изучением ядерной реакции, проблемы изыскания новых ископаемых, железа, нефти, составление почвенных, грунтовых и растительных карт и т.д. [13. Д. 1772. Л. 79, 569]. В большинство этих направлений томские ученые способны были сделать научный вклад, над некоторыми («изыскание новых ископаемых, железа, нефти, составление почвенных, грунтовых и растительных карт» и др.) работали в течение долгих лет.

Памятуя о необходимости строительства НИИ, о которых упоминал И.В. Сталин, и ссылаясь на мнение научных работников, Томский обком ВКП(б) уже в середине 1946 г. призвал к развертыванию в Томске новых форм организации научных деятельности, в том числе НИИ в области геологии, биологии, энергетики, а также теоретической и прикладной химии [13. Д. 569.

Л. 94]. Возможно, что, во многом опираясь на это решение, руководством ТГУ и был выдвинут амбициозный проект 1948 г. В случае полной реализации данного постановления это закрепило бы за ТГУ статус ведущего исследовательского центра на востоке СССР. Исследования в области ядерной физики, радиофизики, полупроводников, математики и небесной механики имели всесоюзное значение в контексте разворачивающейся холодной войны, внимания руководства СССР к разработке атомного, ракетного и радиолокационного проектов.

Эти области также имели вполне конкретное кадровое приложение, в том числе на уровне макрорегиона. В Томске еще в 1942 г. на базе эвакуированных ленинградского завода «Радист» и «Московского радиозавода № 2 НКО» был создан Государственный союзный завод № 625, впоследствии Томский радиотехнический завод. В Новосибирске в 1946 г. был открыт достаточно известный впоследствии Бердский радиозавод. Радиозаводы также функционировали в Красноярске, Иркутске и других городах Сибири.

В ядерной же отрасли ключевое место занимал Сибирский химический комбинат, образованный Постановлением Совета Министров СССР 26 марта 1949 г. на территории Почтового ящика № 5 (современный ЗАТО Северск). Это было предприятие, занимавшееся вопросами производства ядерного оружия. Еще раньше, 25 сентября 1948 г., было принято Постановление Совета Министров СССР о строительстве в Новосибирске Государственного завода по переработке уранового сырья (впоследствии Новосибирский завод химконцентратов). Эти и другие предприятия Сибири требовали квалифицированных кадров, которые удобнее всего было готовить в Томске.

Какова же была судьба проекта, выдвинутого ТГУ в 1948 г.? Он был реализован лишь в некоторых аспектах. В частности, удалось получить разрешение на разделение физико-математического факультета на физический (ФФ) и механико-математический (ММФ) с открытием ряда новых кафедр и лабораторий. При этом, согласно воспоминаниям доцента ТГУ Э.С. Воробейчикова, каких-либо мер по укреплению материальной базы новых факультетов принято не было [17]. Из запрашиваемых четырех новых факультетов в 1948 г. был открыт лишь юридический. Факультет ядерной физики не был организован вовсе. Ни один из указанных выше НИИ не был открыт при университете в позднесталинский период (НИИ ПММ и НИИ ББ были открыты при ТГУ лишь в 1968 г.).

Радиофизический факультет был открыт осенью 1953 г. – спустя полгода после окончания периода позднего сталинизма. Анализ событий из истории его открытия позволяет проиллюстрировать на конкретном примере важность неформальных коммуникаций в развитии советской науки.

После Великой Отечественной войны со стороны ВПК (точных сведений об инициирующей инстанции обнаружить не удалось) физико-математическому факультету ТГУ было предложено организовать подготовку специалистов в области радиолокации. Однако, ссылаясь на отсутствие необходимых кадров, помещений и оборудования, сложности с постановкой учебно-методического процесса, физико-математический факультет отказался от предложения без предварительного получения этих ресурсов.

По воспоминаниям Э.С. Воробейчикова, в годы войны в ТГУ функционировала ионосферная станция, где работала жена А.Н. Щукина – радиоспециалиста, члена Комитета по радиолокации при Государственном комитете обороны СССР, впоследствии занимавшего высокие правительственные должности. А.Н. Щукин заинтересовался работой ионосферной станции и познакомился с несколькими учеными Томска, в том числе с сотрудником лаборатории дефектоскопии СФТИ Б.П. Кашкиным. Установившиеся связи между представителями науки «периферии» и «центра» привели к организации новой специальности. Роль А.Н. Щукина сложно переоценить, поскольку именно он, пригласив в Москву Б.П. Кашкина, убедил его организовать подготовку специалистов в области радиолокации. Впоследствии опасения представителей физико-математического факультета ТГУ подтвердились: для подготовки студентов по новой специальности первоначально не было ни помещений, ни оборудования, ни специалистов, которых приглашали из самых различных учреждений. Однако эти обстоятельства не без жертв и громадного напряжения сил удалось преодолеть. Вскоре на основе специальности при ТГУ была открыта кафедра радиофизики, а впоследствии и факультет [18. С. 217–219].

Научные направления и тематика томских исследований: старое и новое

Оценка уровня и перспектив научных исследований Томска заслуживает отдельной научной работы, тщательного всестороннего исследования. Здесь мы ограничимся лишь изучением тематики томских вузов на предмет ее преемственности и новизны, рассматривая последнюю с точки соответствия требованиям мировой науки. Количественные показатели НИР будут оставлены за скобками, а эффективность и уровень исследований будут рассматриваться как производные от величины научных фигур, которые ими заняты.

Томский государственный университет (как и подобает статусу университета) работал по множеству направлений точных, естественных и гуманитарных наук. Актуальными являлись исследования в области палеонтологии и стратиграфии Кузбасса, Норильского угленосного бассейна, районов Саяно-Алтайской горной страны (профессор В.А. Хахлов), минералогии и кристаллографии (профессор И.К. Баженов), петрографии (профессор А.Я. Булынников), гляциологии Алтая (профессор М.В. Тронов), флористики и систематики растений (доцент Л.П. Сергиевская), лекарственных растений (профессор В.В. Ревердато), ихтиологии (профессор Б.Г. Иоганзен), почвоведения (профессор К.А. Кузнецов), теории однолистных функций (профессор П.П. Куфарев), баллистики (профессор М.С. Горохов) топохимических реакций (профессор А.П. Бунтин), химии комплексных соединений (профессор Б.В. Тронов). Гуманитарные направления в

университете (история, филология, философия, юриспруденция) являлись самыми молодыми и уступали в этот период по числу кадров и работ другим направлениям.

Исследования физико-математического (затем физического) факультета ТГУ реализовывались на базе СФТИ. Если говорить о тематике исследований СФТИ, его уровне и достижениях в позднесталинский период, то здесь перед нами предстанет противоречивая картина.

Тематика исследований СФТИ не претерпела кардинальных изменений по сравнению с довоенным периодом. Институт работал в уже традиционных для него областях, сформировавшихся в 1930-е гг.: физика твердого тела (профессора В.Д. Кузнецов, М.А. Большанина, доцент В.А. Жданов), спектроскопия и люминесценция (профессор Н.А. Прилежаева), распространение радиоволн и ионосфера (доцент Н.А. Корниевская), электрические и магнитные методы контроля (профессор А.Б. Сапожников), физика диэлектриков (профессор К.А. Водопьянов), а также баллистика (после ликвидации НИИ ММ в 1941 г.).

Эти направления имели большое значение для развития народного хозяйства и обороноспособности страны, были признаны как внутри СССР, так и за рубежом. В фонде В.Д. Кузнецова (Ф. Р-1562) хранится около 10 архивных дел, посвященных просьбам самых разных учреждений (академических институтов, высших учебных заведений, заводов и др.) о присылке «Физики твердого тела», завершающий том которой вышел в 1949 г. Методы сверхскоростного резания металлов, разрабатываемые в СФТИ под руководством В.Д. Кузнецова, использовались в США, Японии и Австралии. Результаты измерений ионосферной станции СФТИ активно использовались НИИ земного магнетизма АН СССР, Арктическим институтом, печатались в Космическом бюллетене НИИЗМ и Lonospheric data национального бюро стандартов в Вашингтоне.

Несмотря на это, неблагоприятные условия развития препятствовали расширению и углублению деятельности СФТИ. В 1952 г. она, например, характеризовалась следующим образом: «Физико-технический институт выполняет 54 задания… Из этих заданий только 7 имеют особую важную ценность, т.е. действенность этой помощи института недостаточна, коэффициент полезного действия слишком низок для такого первоклассного учреждения, как СФТИ с его лабораториями и первоклассными научными силами…» [13. Д. 1772. Л. 79].

Ни в ТГУ, ни в СФТИ не получили развитие дисциплины, находившиеся на переднем крае физики, – ядерная физика и теория относительности. В 1930-е гг. в СФТИ и ТГУ имелся соответствующий кадровый потенциал – здесь работала ленинградская группа «сосланных» по различным причинам физиков-теоретиков: П.С. Тартаковский, М.И. Корсунский и Д.Д. Иваненко. Однако научная конкуренция с М.А. Большаниной и В.Н. Кессенихом, сопровождающаяся идеологическими кампаниями по борьбе с идеализмом в физике и за максимальную ориентацию на нужды народного хозяйства, привела к отъезду из Томска этих ученых, что практически лишило ТГУ и СФТИ возможности вести исследования в этой области в период позднего сталинизма [19. С. 325–327].

ТМИ, как уже было сказано, обладал наиболее квалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами. Основанный на базе медицинского факультета Императорского Томского университета в 1878 г., он имел в своем составе целый ряд ведущих научных школ.

В соответствии с пятилетним планом научно-исследовательской работы, согласованным с Минздравом РСФСР и Академией медицинских наук, в ТМИ предполагалось продолжить разрабатывать уже существующие проблемы: «Анатомия лимфатической системы» (рук. профессор Д.А. Жданов), «Экспериментальное и клиническое изучение сибирских лекарственных растений и препаратов, из них приготовленных» (рук. профессора Н.В. Вершинин, Д.А. Яблоков), «Клиника и лечение огнестрельных ранений и их последствий в условиях глубокого тыла» (рук. профессор В.Т. Серебров), «Этиопатагенез, клиника и лечение болезней пищевода, кардии и диафрагмы» (рук. профессор А.Г. Савиных), «Краевая эпидемиология, клиника, лечение и профилактика ряда инфекционных заболеваний» (рук. профессор С.П. Карпов), «Вопросы гигиены и благоустройства населенных мест» (рук. профессор К.М. Гречищев), «Физиология и патология центральной нервной системы» (рук. профессор Б.И. Баяндуров и профессор А.А. Перельман).

Наряду с ними были выдвинуты новые проблемы: «Некоторые вопросы физиологии и патологии эритроцитов при токсических анемиях» (рук. профессор Д.И. Гольдберг), «Клиника и новые методы лечения болезней легких» (рук. профессора С.П. Ходкевич, Д.Д. Яблоков), «Проблема реактивности» (рук. профессор И.В. Воробьев), «Вопросы онкологии» (рук. профессор Б.С. Пойзнер).

Представленные проблемы планировалось разрабатывать в рамках около 400 тем из которых 38 должны были быть представлены в виде докторских, а 90 – в форме кандидатских диссертаций [12. Ф. Р-561. Оп. 1. Д. 877. Л. 3].

Направления развития ТПИ также имели преемственность, ученые продолжали тематику исследований, сложившуюся в 1930-е гг. и в годы Великой Отечественной войны[4]. В пятилетний план научно-исследовательской работы вошли следующие крупные темы: «Управление горным давлением», «Стратиграфия и металлогения Западной Сибири» (рук. профессора Л.Л. Халфин, М.К. Коровин), «Угли Сибири», «Литой инструмент» (рук. профессор А.Н. Добровидов), «Теория процессов резания металлов» (рук. профессор А.М. Розенберг), «Пирогения газовых углей Кузбасса» (рук. профессор И.В. Геблер), «Исследование каталитических процессов» (рук. профессор Б.В. Тронов), «Электрохимическое и кинетическое исследование комплексных соединений» (рук. профессор Б.В. Тронов), «Использование тепла низкого потенциала» (рук. профессор И.Н. Бутаков) и др. Практически все эти темы были включены Минвузом в свой тематический план [12. Ф. Р-816. Оп. 1. Д. 989. 109].

Кроме того, ученые ТПИ продолжили выполнять работы по закрытой тематике, начатой в годы войны: «Индикация фосфор-фторосодержащих отравляющих веществ» и «Изыскание специфической и высокочувствительной цветной реакции на парообразный иприт» (рук. профессор Л.П. Кулёв), «Исследование катионитовых свойств гумусовых бурых углей» (рук. профессор И.В. Геблер) [12. Ф. Р-816. Оп. 1. Д. 1128. Л. 3–4].

Наряду с ними в ТПИ было заложено несколько направлений, стоявших на переднем крае науки. Работа П.С. Тартаковского в СФТИ не осталась напрасной. Один из его учеников А.А. Воробьев (впоследствии профессор, доктор физико-математических наук, ректор ТПИ в 1944–1970 гг.) продолжил исследования в области физики электрического пробоя в диэлектриках. Исследования были закреплены в институте в 1946 г. с созданием электрофизического факультета.

Параллельно с этим под руководством А.А. Воробьева были заложены основы еще двух направлений: радиационной физики диэлектриков, а также ядерной физики и техники. В рамках последнего направления в 1947 г. группой ученых под руководством А.А. Воробьева был разработан первый в СССР индукционный ускоритель – бетатрон (инструмент для исследования ядерно-физических процессов и физики ядра), спустя шесть лет после его создания в США [20. С. 160]. К 1954 г. в лабораториях ряда вузов (в том числе МГУ и ЛГУ) и АН СССР работало уже около 20 бетатронов, изготовленных в ТПИ. Для их эксплуатации также требовались квалифицированные кадры, которые готовились в Томске [21. С. 190].

Постановлением Совета министров СССР от 7 мая 1949 г. создавались физико-технические факультеты в Уральском политехническом и Томском политехническом институтах. В ТПИ физико-технический факультет начал работу в 1950 г. выделившись из электрофизического факультета[5]. За этим, казалось бы, абстрактным названием стояла вполне себе конкретная специализация – ядерная техника и физика. По мнению физиков-ядерщиков ТПУ, основанием для организации факультета выступали две причины: строящиеся предприятия атомной промышленности Сибирского региона, а также наличие научно-педагогической базы для наукоемкой развивающейся отрасли [22. С. 4]. Новый факультет занимался подготовкой кадров и исследованиями: от теоретических работ до поиска редких и радиоактивных элементов, ядерной техникой и технической электроникой, химической технологией и др. Как и в подавляющем большинстве случаев того периода, он начал работу в условиях отсутствия учебно-научных и бытовых площадей, разработанных учебных планов и программ, нехватки учебной и научной литературы, лабораторного оборудования. Все эти недостатки преодолевались преимущественно за счет личностного фактора: квалифицированного состава преподавателей и мотивированных студентов-отличников.

В 1950 г. из электрофизического факультета выделился еще один факультет – радиотехнический, который был создан на базе кафедры радиотехники, открытой в 1946 г. Характерными чертами нового факультета являлись тесные связи, с одной стороны, с нуждами народного хозяйства, в особенности с военно-промышленным комплексом, с другой – с представителями радиофизического сообщества Томска, в частности ТГУ. Сложности в организации здесь были точно такими же, как при организации других факультетов в Томске [13. Д. 1335. Л. 382; 23]. Однако это не помешало факультету уже в 1953 г. приступить к выполнению своей первой крупной работы по заданию АН СССР – проектированию опытного образца радиолокационной станции наблюдения за метеорными следами («Тема 300») для подготовки к Международному геофизическому году (МГГ) [24. С. 189]. Учебно-исследовательская деятельность факультета оказалась достаточно актуальной, чтобы в 1962 г. на базе его и факультета электрорадиоуправления ТПИ образовать новый Томский институт радиоэлектроники и электронной техники (ТИРиЭТ – современный ТУСУР).

Что касается ТЭМИИТа, то здесь крупные научные исследования, за исключением работы кафедры под руководством профессора Азбукина, практически не велись. То же можно утверждать и в отношении Томского пединститута, ориентированного отнюдь не на научные задачи.

Выводы исследования

Вузовская наука в СССР находилась в неравноправном положении по сравнению с академической и отраслевой. Это осознавалось томским вузовским научным сообществом, которое начиная с конца 1930-х гг. неоднократно предпринимало попытки добиться создания в городе учреждений академической науки и тем самым поднять научный статус города.

На протяжении всего позднесталинского периода томская наука характеризовалась неблагоприятными институциональными условиями функционирования: скудностью финансирования, отсутствием необходимых учебно-научных и бытовых площадей, научного оборудования и литературы, возможности печатать научные труды. Менее ощутимой, но все же значимой проблемой в условиях постоянного роста студенческого контингента была нехватка учебно-вспомогательного и профессорско-преподавательского составов, что приводило к перегрузке имеющихся сотрудников.

Некоторые исследования томских вузов имели огромное значение в рамках тех дисциплин, в которых работали исследователи. Однако сама тематика исследований томских ученых в позднесталинский период практически не претерпела изменений и была в большинстве своем ориентирована на нужды макрорегиона (ботаника, зоология, геология и др.) либо же являлась традиционной для той или иной дисциплины (физика твердого тела). Наиболее новаторскими в Томске, по-видимому, стоит считать медицинские исследования, а также исследования в области ядерной физики и техники и радиолокации. Последние же традиционно были ориентированы на нужды ВПК. Таким образом, на примере вузов Томска в целом подтверждается уже устоявшийся для историографии тезис, согласно которому наука на востоке СССР в период позднего сталинизма, с одной стороны, закрепляла за регионом статус

«сырьевого придатка», с другой – была ориентирована на нужды ВПК и его ключевых проектов: ядерного и радиолокационного. Здесь, однако, нужны дополнительные исследования для более точной характеристики: исследования ТМИ никак не укладываются в данную картину.

Обобщение условий и достижений вузовской науки Томска в позднесталинский период позволяет характеризовать ее как науку «полупериферии», для которой характерно сочетание сильной исследовательской составляющий при ограниченных институциональных условиях, не позволяющих стать «центром». Попытки стать этим «центром» предпринимались неоднократно с конца 1930-х по конец 1950-х гг. и были связаны с созданием в Томске Сибирского отделения Академии наук СССР. Однако восторжествовала другая историческая альтернатива. После основания СО АН СССР в Новосибирске Томск, несмотря на пик финансирования и институционального роста в 1960-е гг., все больше стал утрачивать авторитет ведущего исследовательского центра в Азиатской части СССР.

Причины же создания ЗСФАН и СО АН СССР в Новосибирске – тема отдельного исследования, представляющего актуальность для продолжения заявленной в этой работе тематики. На данный момент привлекательной является гипотеза об особом значении неформальных коммуникаций для «центр-периферийных» отношений в советской науке.

Примечания

[1] Несмотря на преобладание вузовского сегмента в структуре научного знания, число вузовских научных работников Сибири и Дальнего Востока было сравнительно невелико – 4,76% от всех вузовских работников СССР (3 882 из 81,5 тыс. чел.).

[2] Томский государственный университет, Томский политехнический институт, Томский медицинский институт, Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта, Томский педагогический институт. В 1952 г. был открыт шестой вуз – Томский институт по подготовке инженеров по строительству элеваторов (современный ТГАСУ).

[3] Это противостояние началось еще в конце 1930-х гг., однако тогда филиал так и не был создан.

[4] Указанные направления даны в архивных материалах без привязки к руководителям. Фамилии руководителей установлены на основе знаний автора данной статьи.

[5] Факультет должен был начать свою работу в 1948/1949 учебном году, однако из-за материально-технических трудностей не смог приступить к ней в срок.

Список источников

1. Грибовский М.В., Дежина И.Г., Долгова Е.А. и др. Наука большой страны: советский опыт управления / под ред. Е.А. Долговой. М. : РГГУ, 2023. 625 с.
2. Водичев Е.Г. Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.): маркеры и метаморфозы // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 41–53.
3. Узбекова Ю.И. «Центр» и «периферия» в развитии академической науки в восточных регионах страны XX в. : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2009. 195 с.
4. Friedmann J. Regional Development Policy: a Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. 279 p.
5. Валлерстайн И. Конец знакомого мира : социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2003. 368 с.
6. Водичев Е.Г. На периферии науки: вузы на востоке СССР в период «позднего сталинизма» // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 92–104.
7. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с.
8. Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69.
9. Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. Наука в СССР: о чем говорит статистика? М. : ИЦ РГГУ, 2023. 40 с.
10. Водичев Е.Г. В технологическом тупике: отраслевая наука на востоке СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 139–147.
11. Водичев Е.В., Коробкова Н.П. Высшее образование в Сибири во второй половине XX в.: основные тенденции развития // Культурный потенциал Сибири в XX веке: управление, структура, кадры : сб. науч. тр. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. 220 с.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО).
13. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Томский областной комитет КПСС (1944–1991). Оп. 1.
14. Красильников С.А. Организация Западно-Сибирского филиала АН СССР: от разработки решения к его реализации (март 1943 – январь 1944 г.) // Сибирские исторические исследования. 2013. № 2. С. 42–54.
15. Кременцов Н.Л. Советская наука и холодная война // Наука и кризисы : историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 830–908.
16. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года // Центр гуманитарных наук 21-го века. URL: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t16/t16_01.htm (дата обращения: 05.08.2024).
17. Воробейчиков В.С. Как это было. Субъективные заметки очевидца того, как рождалась и была реализована идея создания радиофизического факультета в Томском университете // Архив кафедры радиоэлектроники Томского государственного университета.
18. Степнов А.О., Некрылов С.А., Грибовский М.В., Расколец В.В. Деканы физико-математических факультетов Томского государственного университета (1948–2023 гг.) / науч. ред. Г.В. Майер, С.А. Некрылов. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. Ч. 1. 600 с. (Деканы Томского университета).
19. Костерев А.Г., Ким М.Ю., Расколец В.В. Владимир Николаевич Кессених: советский физик между центром и периферией // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. Т. 44, № 2. С. 307–340.
20. Становление и развитие научных школ Томского политехнического университета : исторический очерк / под ред. Ю.П. Похолкова, В.Я. Ушакова. Томск : ТПУ, 1996. 249 с.
21. Бойко В.И., Кошелев Ф.П., Дядик В.Ф., Селиваникова О.В. Вклад томских физико-техников в развитие атомной промышленности России // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316, № 4. С. 187–193.
22. Бойков В.И., Вергун А.П., Долматов О.Ю. и др. Становление физико-технического образования в Сибири // Атомная энергия. 2021. Т. 131, вып. 1. С. 3–8.
23. Первый в Сибири // За кадры. 1960. 11 мая.
24. Расколец В.В., Костерев А.Г., Ким М.Ю. Радиофизическое сообщество г. Томска в 1910–1960-е гг.: институционализация направления и роль лидеров в развитии // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 183–196.

References

1. Gribovskiy, M.V., Dezhina, I.G., Dolgova, E.A. et al. (2023) *Nauka bol'shoy strany: sovetskiy opyt upravleniya* [Science of a Big Country: Soviet Management Experience]. Moscow: RSUH.
2. Vodichev, E.G. (2014) Sovetskaya nauchnaya politika v period “pozdnego stalinizma” (vtoraya polovina 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.): markery i metamorfozy [Soviet Science Policy in the Period of “Late Stalinism” (Second Half of the 1940s – Early 1950s): Markers and Metamorphoses]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(28). pp. 41–53.
3. Uzbekova, Yu.I. (2009) *“Tsentr” i “periferiya” v razvitii akademicheskoy nauki v vostochnykh regionakh strany XX v.* [“Center” and “Periphery” in the Development of Academic Science in the Eastern Regions of the Country in the 20th Century]. History Cand. Diss. Tomsk.
4. Friedmann, J. (1966) *Regional Development Policy: a Case Study of Venezuela*. MIT Press.
5. Wallerstein, I. (2003) *Konets znakomogo mira: sotsiologiya XXI veka* [The End of the Familiar World: Sociology of the 21st Century]. Translated from English by V.L. Inozemtsev. Moscow: Logos.
6. Vodichev, E.G. (2020) Na periferii nauki: vuzy na vostoke SSSR v period “pozdnego stalinizma” [On the Periphery of Science: Universities in the East of the USSR during the Period of "Late Stalinism"]. *Istoricheskiy kur'er*. 1(9). pp. 92–104.
7. Kuzminov, Ya.I. & Yudkevich, M.M. (2021) *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: How It Works]. Moscow: HSE.
8. Kuzminov, Ya.I., Semenov, D.S. & Frumin, I.D. (2013) Struktura vuzovskoy seti: ot sovetskogo k rossiyskomu “master-planu” [The structure of the university network: From the Soviet to the Russian “master plan”]. *Voprosy obrazova-niya*. 4. pp. 8–69.
9. Dolgova, E.A. & Streltsova, E.A. (2023) *Nauka v SSSR: o chem govorit statistika?* [Science in the USSR: What do the statistics say?]. Moscow: RSUH.
10. Vodichev, E.G. (2018) V tekhnologicheskom tupike: otraslevaya nauka na vostoke SSSR vo vtoroy polovine 1940-kh gg. [At a technological dead end: Sectoral science in the east of the USSR in the second half of the 1940s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 139–147.
11. Vodichev, E.V. & Korobkova, N.P. (2005) Vysshee obrazovanie v Sibiri vo vtoroy polovine XX v.: osnovnye tendentsii razvitiya [Higher education in Siberia in the second half of the 20th century: main development trends]. In: *Kul'turnyy potentsial Sibiri v XX veke: upravlenie, struktura, kadry* [Cultural potential of Siberia in the 20th century: Management, structure, personnel]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
12. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO).
13. The Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. Tomsk Regional Committee of the CPSU (1944–1991). List 1.
14. Krasilnikov, S.A. (2013) Organizatsiya Zapadno-Sibirskogo filiala AN SSSR: ot razrabotki resheniya k ego realizatsii (mart 1943 – yanvar' 1944 g.) [Organization of the West Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences: from Development of the Decision to Its Implementation (March 1943 – January 1944)] *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2. pp. 42–54.
15. Krementsov, N.L. (2003) Sovetskaya nauka i kholodnaya voyna [Soviet Science and the Cold War]. In: Kolchinskiy, E.I. (ed.) *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical and Comparative Essays]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 830–908.
16. Stalin, I.V. (1946) *Rech' na predvybornom sobranii izbirateley Stalinskogo izbiratel'nogo okruga goroda Moskvy 9 fevralya 1946 goda* [Speech at the pre-election meeting of voters of the Stalin electoral district of the city of Moscow on February 9, 1946]. [Online] Available from: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t16/t16_01.htm (Accessed: 5th August 2024).
17. Vorobeychikov, V.S. (n.d.) *Kak eto bylo. Sub"ektivnye zametki ochevidtsa togo, kak rozhdalas' i byla realizovana ideya sozdaniya radiofizicheskogo fakul'teta v Tomskom universitete* [How it was. Subjective notes of an eyewitness of how the idea of creating a radiophysics department at Tomsk University was born and implemented]. The Archive of the Department of Radio Electronics of Tomsk State University.
18. Stepnov, A.O., Nekrylov, S.A., Gribovskiy, M.V. & Raskolets, V.V. (2024) *Dekany fiziko-matematicheskikh fakul'tetov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (1948–2023 gg.)* [Deans of the Physics and Mathematics Faculties of Tomsk State University (1948–2023)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
19. Kosterev, A.G., Kim, M.Yu. & Raskolets, V.V. (2023) Vladimir Nikolaevich Kessenikh: sovetskiy fizik mezhdu tsentrom i periferiey [Vladimir Nikolaevich Kessenikh: Soviet Physicist between the Center and the Periphery]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 44(2). pp. 307–340.
20. Pokholkov, Yu.P. & Ushakov, V.Ya. (eds) (1996) *Stanovlenie i razvitie nauchnykh shkol Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: istoricheskiy ocherk* [Formation and Development of Scientific Schools of Tomsk Polytechnic University: A Historical Essay]. Tomsk: TPU.
21. Boyko, V.I., Koshelev, F.P., Dyadik, V.F. & Selivanikova, O.V. (2010) Vklad tomskikh fiziko-tekhnikov v razvitie atomnoy promyshlennosti Rossii [Contribution of Tomsk Physicists and Engineers to the Development of the Russian Nuclear Industry]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 316(4). pp. 187–193.
22. Boykov, V.I., Vergun, A.P., Dolmatov, O.Yu. et al. (2021) Stanovlenie fiziko-tekhnicheskogo obrazovaniya v Sibiri [Formation of Physics and Engineering Education in Siberia]. *Atomnaya energiya*. 131(1). pp. 3–8.
23. *Za kadry*. (1960) Pervyy v Sibiri [First in Siberia]. 11th May.
24. Raskolets, V.V., Kosterev, A.G. & Kim, M.Yu. (2020) Tomsk Radiophysical Community in the 1910s–1960s: Institutionalization of the Direction and the Role of Leaders in Development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 68. pp. 183–196. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/68/26

***Сведения об авторе*:**
Расколец Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Raskolets Viktor V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 17.08.2024; accepted for publication 15.11.2024

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья
УДК 378:316.472.4
doi: 10.17223/19988613/92/20

Магистерская программа «Сибирские исследования» в социальной сети «ВКонтакте»: опыт коммуникации с абитуриентами и студентами

Вячеслав Вениаминович Шевцов

Томский государственный университет, Томск, Россия, totleben@yandex.ru

Аннотация. Обобщен опыт более чем трехлетней работы автора по созданию и развитию группы магистратуры «Сибирские исследования» – коммуникативной, образовательной, информационной и просветительской площадки в социальной сети «ВКонтакте» для абитуриентов, студентов, преподавателей, ученых и всех интересующихся прошлым, настоящим и будущим Сибири.
Охарактеризованы причины создания сообщества, его содержание и направленность, методика расширения числа подписчиков, проблемы развития и ресурсного обеспечения. Сделан вывод о необходимости присутствия образовательных программ в социальных сетях.
Ключевые слова: магистратура, «Сибирские исследования», «ВКонтакте», научная коммуникация

Для цитирования: Шевцов В.В. Магистерская программа «Сибирские исследования» в социальной сети «ВКонтакте»: опыт коммуникации с абитуриентами и студентами // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 171–178. doi: 10.17223/19988613/92/20

Original article

Master's program “Siberian Studies” on the VKontakte social network: communication experience with applicants and students

Vyacheslav V. Shevtsov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, totleben@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to present the author’s experience of more than three years of work on the creation and development of the master’s group “Siberian Studies” - a communicative, educational, information and educational platform on the social network “VK” for applicants, students, lecturers, scientists and everyone interested in the past, present and future of Siberia.
The main source is the «Siberian Studies» group in the «VK» (https://vk.com/siberianresearch) which was created on December 25, 2020. At the beginning, there were 100 people, and by now there are already 2100 subscribers. Its content and focus, methods for expanding subscribers, problems of development and resource provision are described. The main headings of the group were planned when it was created, some of them appeared already in the process of filling it. By now there are: news; conferences; facts and events from the history of Siberia; advertising and information materials for applicants to the master's program "Siberian Studies"; literature and sources on Siberia; monographs of facultiy staff about Siberia; competitions for subscribers; review; author's poems; author's Siberian photography; information about lecturers; author's video lectures; author's videos; links to related resources; research work of master's degree lecturers; research work of master's students; reviews of applicants admitted to the master's program; reviews of master's degree graduates; congratulations; results of admission campaigns; information messages; reports on master's theses defences; commemoration.
The reasons for creating the master's group "Siberian Studies" were the need to separate the personal profile of the head of the master's program in VK from the job profile of the head of the master's program; the necessity to expand the target audience of the master's program and searching for new applicants; mastering a new format of scientific communication; increasing the visibility of master's programs in the modern information space.
Through social networks, lecturers and students present their research results, create messages and see the reactions of readers, create and maintain long-term connections with graduates, and a sense of solidarity between students of different courses and years of admission.

© В.В. Шевцов, 2024

The results of admissions campaigns over 4 years demonstrate a steady increase in the demand for the master's program among applicants. One of the reasons for this is the presence of the Siberian Research group in the VK social network.
Keywords: master's degree, “Siberian studies”, VKontakte, scientific communication

For citation: Shevtsov, V.V. (2024) Master's program “Siberian Studies” on the VKontakte social network: communication experience with applicants and students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 171–178. doi: 10.17223/19988613/92/20

Величие древних греков в том, что они смогли очень хорошо не только сказать, но и записать о себе, в отличие, скажем, от финнов, чей эпос «Калевала» не менее глубок и увлекателен, но не получил такой известности, как античная мифология. В современном информационном мире действует то же правило: нет широкого освещения предстоящего / прошедшего события – нет и самого события или, во всяком случае, количество вовлеченных в него участников ограничено. Социальные сети, без которых уже невозможно представить себе современный мир, предоставляют новые возможности в организации и функционировании образовательных программ и при соответствующих навыках и подходах могут использоваться в качестве эффективного инструмента их продвижения.

Российская социальная сеть «ВКонтакте» существует с 2006 г. К настоящему времени ее общая месячная аудитория составляет 100 млн пользователей, отправляющих 15 млрд сообщений в сутки, доступны 82 языковые версии платформы [1]. 25 декабря 2020 г. руководителем магистерской программы В.В. Шевцовым была создана группа «ВКонтакте» «Сибирские исследования» – коммуникативная, образовательная, информационная и просветительская площадка для абитуриентов, студентов, преподавателей, ученых и всех, интересующихся прошлым, настоящим и будущим Сибири. Через два месяца у группы было 100 подписчиков, через два года – 1 000 подписчиков, через три с половиной года – 2 100.

Магистерская программа «Сибирские исследования» реализуется преподавателями факультета исторических и политических наук (ФИПН) Национального исследовательского Томского государственного университета с 2011 г. Программа длится два учебных года и направлена на формирование и совершенствование научных знаний о историческом прошлом и современности Сибири, этнических, социальных и конфессиональных процессах, опыте межкультурных и трансграничных контактов, механизмах формирования и трансформации сибирской идентичности, проблемах и перспективах экономического развития Сибири, формах коммуникации властных институтов и общества, развитии науки, образования и средств массовой информации в регионе. Практические способности подразумевают возможность компетентно и научно обосновано презентовать сибирский регион, его историю и современность в образовательных, исследовательских и медийных текстах, осуществлять экспертно-аналитическую оценку и прогнозирование региональных политических, экономических и этнокультурных процессов, оценивать и проектировать возможности для развития социально-экономического и культурного потенциала региона, анализировать процессы и перспективы взаимодействия Сибири по направлениям регион–центр, регион–регион, регион–мировое сообщество, формулировать практические рекомендации для государственных, общественных и коммерческих организаций, заинтересованных в сотрудничестве с сибирским регионом.

Магистратура «Сибирские исследования» поддерживает и развивает исследовательские традиции одной из фундаментальных научных школ первого университета за Уралом по изучению истории Сибири – хозяйственного освоения региона, аграрного и индустриального развития, сибирского крестьянства и рабочего класса, предпринимательства, социально-политической истории, революции 1917 г. и Гражданской войны в Сибири, истории высшего образования и науки, этнической истории и культуры русского и коренного населения Сибири.

Причины создания группы магистратуры «Сибирские исследования» «ВКонтакте» заключались в необходимости отделения личного профиля руководителя магистратуры от его должностного профиля, в расширении целевой аудитории магистерской программы и поиске новых абитуриентов, освоении нового формата научной коммуникации, повышении видимости магистратуры в электронном информационном пространстве.

Кроме того, в 2019–2020 гг. при поддержке Благотворительно фонда Вл. Потанина руководителем магистерской программы был создан онлайн-курс «Современные методы и подходы к анализу источников по истории Сибири XVII – начала XXI в.», который предусматривал запись преподавателями видеолекций и выполнение студентами медийных заданий – подготовка поста, видеосюжета, лонгрида, фотопрезентации. Для этой же цели 5 июля 2020 г. был создан образовательный YouTube-канал, который к настоящему времени имеет 104 подписчика, 41 видео и 6 701 их просмотров [2].

Основные рубрики группы магистратуры «Сибирские исследования» «ВКонтакте» были запланированы при ее создании, а некоторые появились уже в процессе ее наполнения. К настоящему времени они представлены следующим перечнем:

1) новости;
2) конференции;
3) факты и события из истории Сибири;
4) рекламно-информационные материалы для абитуриентов;
5) литература и источники по Сибири;
6) монографии преподавателей ФИПН о Сибири;
7) конкурсы для подписчиков;
8) опросы;
9) авторские стихи;

10) авторская сибирская фотография;
11) информация о преподавателях магистратуры;
12) авторские видеолекции;
13) авторские видеосюжеты;
14) ссылки на смежные ресурсы;
15) научно-исследовательская работа преподавателей магистратуры;
16) научно-исследовательские работы студентов магистратуры;
17) отзывы абитуриентов, поступивших в магистратуру;
18) отзывы выпускников магистратуры;
19) поздравления;
20) итоги приемных кампаний;
21) информационные сообщения;
22) сообщения о защитах магистерских диссертаций;
23) коммеморация.

Самый сложный период для развития группы – это первые месяцы, когда усилия и время, потраченные на создание постов, конвертируются в интерес со стороны всего лишь нескольких десятков читателей.

Задача увеличения числа подписчиков группы решалась следующим образом. В день создания группы на нее по личному приглашению ближайшего автору круга общения подписались 16 человек, включая и студентов-магистрантов I и II курса. По прошествии месяца подписчиков было уже 60: высылалось формальное приглашение к подписке через саму группу – часто такие приглашения игнорируются или отклоняются, поэтому основную роль играло личное неформальное приглашение «друзьям» администратора группы (руководителя магистерской программы) в персональном приглашении с объяснениями, для чего нужна эта подписка и чем она может быть полезна. Таким образом, круг читателей вырос за счет студентов-бакалавров (потенциальных абитуриентов), выпускников «Сибирских исследований» прошлых лет, преподавателей курсов магистратуры. Прошло 2 месяца, и число подписчиков выросло до 154 человек. Основными методами по-прежнему оставались формальное приглашение к подписке через саму группу и неформальное приглашение «друзьям» администратора – коллегам и студентам ФИПН, коллегам по ТГУ и другим вузам Сибири, студентам факультета журналистики, филологического факультета, Института искусств и культуры ТГУ как будущим потенциальным абитуриентам. Через 3 месяца количество подписчиков достигло отметки в 439 человек – был успешно опробован способ первоначального добавления в «друзья» в личный профиль администратора «Сибирских исследований», а затем уже приглашение в группу через формальное приглашение (менее действенный подход) или посредством личного неформального приглашения в группу с краткой характеристикой ее содержания и направленности (более действенный подход). Через 4 месяца, когда число подписчиков преодолело отметку в 500 и контент стал заслуживать внимания в виде увеличения просмотров, «лайков», комментариев и «перепостов», началось самостоятельное добавление ранее неизвестных администратору подписчиков из Томска, городов Сибири и других регионов. Порог в более 1 000 подписчиков привел к тому, что группа приобрела устойчивый и «видимый» характер «ВКонтакте», самоподписка стала ее основным ресурсом.

Через 3 года группа стала жить самостоятельной жизнью, к 25 апреля 2024 г. число ее подписчиков достигло 2 000, в основном они стали добавляться самостоятельно, без всякого формального или неформального приглашения со стороны администратора, ориентируясь только лишь на интерес к контенту. В среднем ежемесячный рост составляет 30–40 человек. Основная аудитория сообщества «Сибирские исследования» – это интересующиеся обучением в магистратуре и интересующиеся историей Сибири. Отметим, что в процессе жизни группы наблюдалось и самоудаление подписчиков, которое, однако, не повлияло на общую тенденцию увеличения их количества.

Таким образом, создать группу «ВКонтакте» очень легко: нажатие нескольких клавиш, заполнение нескольких строк, размещение иллюстрации или фото для стартового профиля. Ресурс «личных» связей, как правило, без труда позволяет набрать первые 100 подписчиков. Однако на этом никак нельзя останавливаться. Важно не просто создать группу (что называется «для галочки», как у всех), а сделать ее живой, растущей и полезной для читателя.

Каким образом можно увеличить количество подписчиков? Ответ прост – необходим контент! Качественный – сугубо научный, но не скучный. Исключительно авторский – «перепосты» из других групп или скопированные тексты не будут восприниматься алгоритмами «ВКонтакте» как оригинальные и, следовательно, не попадут в ленту новостей у подписчиков. Разнообразный – необходимо чередование рубрик и контент-план как минимум на две недели, чтобы посты создавались не в «пожарном» порядке, а были подготовлены неспешно и заранее и появлялись в определенное время, с определенной последовательностью. Оптимальной по затрачиваемому времени на подготовку представляется периодичность 1–2 поста в неделю. Излишняя частота делает группу назойливой и может не поддерживаться новостной лентой, редкость же и скупость сообщений может привести к тому, что о существовании группы ее участники начнут забывать.

2 000 подписчиков за три года – это много и мало? Все познается в сравнении. Согласно сведениям за май 2024 г., с факультетом исторических и политических наук ТГУ аффилированы 32 сообщества в «ВКонтакте» (табл. 1).

Мы видим, что «Сибирские исследования» занимают 4-е место по количеству подписчиков (при этом она создана позже групп, находящихся на 1–3 местах). Отметим, что наибольшее количество подписчиков у главной группы Томского государственного университета (https://vk.com/tomskuniversity), созданной в 2007 г. (почти ровесницы ВК) – почти 50 тыс. человек.

Что делать для долгой и плодотворной жизни группы в ВК?

1. Понимать, что энтузиазм первых месяцев может быстро иссякнуть и группа приобретет «археологический характер» – с аудиторией в сто человек, эпизодическими и хаотическими сообщениями.

Таблица 1

Сообщества «ВКонтакте», аффилированные с ФИПН ТГУ (май 2024 г.)

НАЗВАНИЕ ГРУППЫ В ВК	ССЫЛКА	ПОДПИСЧИКИ	ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ
American Studies\Американские исследования	https://vk.com/american_studies	4361	10 апреля 2015 г.
ФИПН ТГУ | Студенты	https://vk.com/fipn_tsu	2816	31 августа 2013 г.
Факультет исторических и политических наук ТГУ	https://vk.com/tsu.fipn	2670	19 июля 2013 г.
Сибирские исследования	**https://vk.com/siberianresearch**	2050	**25 декабря 2020 г.**
ФИПН ТГУ | Научное общество	https://vk.com/naukafipn_tsu	1266	25 декабря 2012 г.
СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ТГУ	https://vk.com/club41768621	1017	10 августа 2012 г.
Японский клуб ТГУ Томск	https://vk.com/japaneseclub_tsu	917	10 февраля 2016 г.
Музей истории ТГУ	https://vk.com/museum_tsu	586	19 августа 2019 г.
Кафедра востоковедения ФИПН ТГУ	https://vk.com/club57675676	580	28 августа 2013 г.
МАЭС ТГУ	https://vk.com/maestsu	565	3 сентября 2015 г.
ОМО ФИПН ТГУ	https://vk.com/dir_tsu	437	**5 января 2008 г. (старейшая)**
Department of Political Science TSU КАФЕДРА ПОЛИТОЛОГИИ ТГУ (ТОМСК)	https://vk.com/politology_tsu	386	13 февраля 2012 г.
Абитуриент ФИПН ТГУ - 2024	https://vk.com/abiturient_fipn	381	18 февраля 2020 г.
Томский Международный Дискуссионный Клуб	https://vk.com/tsu_idc	377	22 ноября 2015 г.
XIX Всероссийская конференция ФИПН ТГУ (2024)	https://vk.com/fipn_tsu_conf	320	17 декабря 2022 г.
Научное студенческое общество (НСО) ФИПН ТГУ	https://vk.com/scientificcoup	309	28 февраля 2023 г.
Магистратура по ВЭД "Евразийская интеграция"	https://vk.com/euraisanintegration_tg	277	6 мая 2018 г.
Кафедра новой, новейшей истории и МО ФИПН ТГУ	https://vk.com/kafedra_nini_mo	265	12 октября 2021 г.
Кафедра истории и документоведения НИ ТГУ	https://vk.com/kafhisdoc	264	1 апреля 2016 г.
Корея и Япония в ТГУ	https://vk.com/public183111430	255	5 июня 2019 г.
Кафедра мировой политики (ФИПН ТГУ)	https://vk.com/khir_tsu	255	3 апреля 2013 г.
Электронная энциклопедия ТГУ	https://vk.com/club92805092	206	25 апреля 2015 г.
Регионоведение России	https://vk.com/club69270378	143	3 апреля 2014 г.
Афро-азиатский клуб ФИПН ТГУ	https://vk.com/afroasianclub	139	17 сентября 2022 г.
Центр стран Востока (ОМО ТГУ)	https://vk.com/omo_orient	117	5 декабря 2012 г.
ФИПН Социальный	https://vk.com/club189253247	96	27 ноября 2019 г.
Кабинет Антропологии им. Н. С. Розова - ТГУ	https://vk.com/public219650599	94	29 марта 2023 г.
Центр израилеведения и иудаики ТГУ	https://vk.com/club182531472	82	20 мая 2019 г.
Кафедра истории древнего мира, средних веков и м	https://vk.com/club101890203	76	9 сентября 2015 г.
Магистерская программа ТГУ "История памяти"	https://vk.com/memorystudies_fipn	57	**25 января 2024 г. (новейшая)**
Студенческое сообщество Американистов ТГУ.	https://vk.com/sca_tsu	50	19 октября 2013 г.
Кафедра антропологии и этнологии ТГУ	https://vk.com/anthrodept	33	12 сентября 2018 г.

2. Руководитель образовательной программы должен взять на себя функции основного администратора, редактора и автора группы, не исключая и частичного делегирования этой очень ответственной работы.

3. Размещать в группе медийные задания, выполненные студентами в рамках учебных курсов магистратуры. Когда в группе много подписчиков, то такая публикация выглядит более значимой и «продвигается» посредством «лайков», комментариев и перепостов.

4. Приглашать к созданию контента студентов, аспирантов, преподавателей и других заинтересованных лиц.

5. Указывать авторство текстового и иллюстративного материала, приводить ссылки на источники и литературу, что делает публикацию более фундированной и авторитетной, в отличие от безымянных и взятых «из открытых источников».

6. Поддерживать доверие аудитории – избегать рекламы (во всяком случае не относящейся к основному содержанию группы), не прибегать к «накруткам» – платным и «по обмену» с другим группами, не добавлять «пустые» фиктивные профили, не приглашать «случайных» людей и не частить с розыгрышами призов, которые их как раз и привлекают.

7. Пресекать попытки электронного хулиганства («буллинга», «троллинга» и пр.), для чего администратору группы необходимо практически 24/7 видеть, что происходит на странице вверенного ему сообщества.

Отдельная проблема – поиск дополнительных ресурсов для роста и развития группы. Обычная ситуация для образовательных и научных групп – работа одного или нескольких энтузиастов в свободные от основной деятельности часы. В то же время, несмотря на то, что «деньги уже давно уперлись сами в себя», они крайне необходимы – для использования рекламного кабинета «ВКонтакте» с возможностью таргетирования информационных сообщений для абитуриентов, для оплаты труда дизайнера, фотографа, видеографа, контент-менеджера и, наконец, автора.

Что возможно сделать для расширения ресурсов, не располагая значительным материальными средствами?

1. Знать и расширять круг хороших людей, которые готовы помочь безвозмездно (как правило, такая помощь носит однократный характер).

2. Предлагать линейку тематических изданий, которые выпускаются структурным подразделением (факультетом, кафедрой), осуществляющим данную образовательную программу. Отметим, что данные издания в печатном виде обладают небольшим спросом, и информация о них носит скорее научный и образовательный, чем коммерческий характер, поскольку они размещаются в свободном доступе на библиотечных ресурсах.

3. Создать линейку сувенирной продукции образовательной программы на основе ее логотипа и слогана. Например, основная идея магистратуры «Сибирские исследования» воплощена в слогане: «Вовлечем Сибирь в развитие мира и мир в развитие Сибири!» Сувенирные кружки, ручки, футболки, блокноты, наклейки, значки и тому подобное могут быть использованы в качестве призов в розыгрышах, подарков на встречах с абитуриентами, во время вручения дипломов, других знаковых событий. Помощь в этом деле может оказать рекламно-издательский отдел ТГУ.

4. Использовать бесплатные возможности продвижения: сообщества с уникальным контентом и повы-

шенным вниманием читательской аудитории получают от сети «ВКонтакте» так называемый «огонек Прометея». Сообщества и публикации с «огоньком» попадают в рекомендации пользователям с похожими интересами, в результате чего кратно увеличиваются охваты просмотров и количество релевантных подписчиков. «Огонек» выдается на 7 дней, но получить его можно неограниченное количество раз. В результате, например, пост с фотографией строящегося здания первого университета в Сибири просмотрели 21 тыс. человек, а фото- и видеосюжет, снятые в Казачьем остроге с. Семилужки Томской области, – 80 тыс.

5. Принимать участие в программах повышения квалификации по методам научной коммуникации. Например, участие в программе «Научная коммуникация в образовательных и музейных проектах» Центра научной коммуникации Университета ИТМО и Благотворительного фонда Вл. Потанина, 6–30 апреля 2021 г. позволило руководителю магистратуры защитить очень полезную в практическом смысле проектную работу «Коммуникационный план магистратуры “Сибирские исследования”» и поделиться опытом создания онлайн-курса с заинтересованными коллегами [3].

Почему группа «ВКонтакте» необходима для образовательной программы?

1. Это оперативный канал коммуникации с абитуриентами, студентами и преподавателями. Расширяются возможности обратной связи с подписчиками по поводу размещаемой информации, генерации новых идей и расширения круга общения до уровня всей страны и мира. Преподаватели и студенты в современном и востребованном формате могут презентовать результаты своих работ, генерировать сообщения и видеть реакцию читателей («лайки», комментарии, дискуссии, «перепосты»).

2. Создание и сохранение в цифровом, открытом и общедоступном виде портрета абитуриента и выпускника. Интересно как самим авторам, так и читателям сравнить отзывы после зачисления на образовательную программу (мотивы выбора, обстоятельства поступления, ожидания от обучения) и отзывы выпускников (степень удовлетворенности, подтвердившиеся или не подтвердившиеся ожидания, впечатления о пройденных курсах, дальнейшие планы и, наконец, пожелания новым абитуриентам).

3. Формирование чувства солидарности между выпускниками, студентами I и II годов обучения. Уже после завершения обучения комьюнити выпускников не распадается, они сохраняют между собой долговременные личностные и профессиональные связи.

4. Повышение «видимости» образовательной программы в интернет-пространстве, создание ее информационного и содержательного репутационного капитала, что существенным образом улучшает ситуацию с новым набором, растет конкурс при поступлении. Абитуриенты обращаются с вопросами о поступлении в течение всего календарного года, а не только поле объявления официальной приемной кампании.

5. Группа становится цифровым онлайн-архивом образовательной программы, ее многолетней электронной летописью, которая по прошествии времени сама может стать историческим источником.

Наконец, статистическая информация «ВКонтакте» предоставляет материал для анализа интересов подписчиков, их пола, возраста, места проживания, динамики охвата аудитории и посещаемости, что позволяет использовать эту информацию для экспериментов с контентом и его подачей, учитывать ее при запуске рекламы и настройке целевой аудитории. Так, в интересы подписчиков группы «Сибирские исследования» входят такие рубрики: культура и искусство, образование, красота и дом, дом и семья, путешествия. Женская аудитория в возрасте от 35 лет существенно превалирует над мужской, а в молодежном сегменте от 21 до 27 лет (потенциальные абитуриенты-бакалавры) обе группы практически равны (рис. 1)

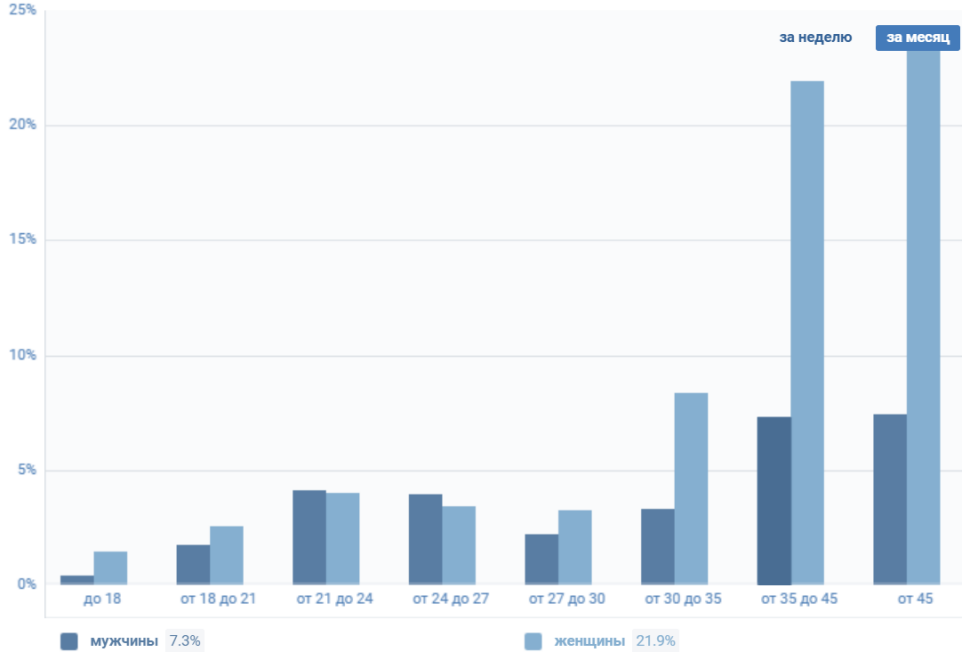

Рис. 1. Охват аудитории группы «Сибирские исследования» по полу и возрасту (июнь 2024 г.)

Территориально подавляющее большинство подписчиков локализовано в Российской Федерации – 94,56%. Жители Томска в этом списке занимают первое место (35,91%), далее следуют Новосибирск (7,16%), Москва (6,06%), Красноярск (5,81%), Санкт-Петербург (5,4%). В категорию «другие» (39,66%) входят другие населенные пункты (рис. 2). Очевидно, что группа по причине ее происхождения и специфики связана главным образом с Томским государственным университетом. Но присутствие сибирских городов-миллионников и столиц показывает, что группа растет и ей есть куда расти в дальнейшем, потому что в первый год своего существования она практически не выходила за рамки города своего возникновения.

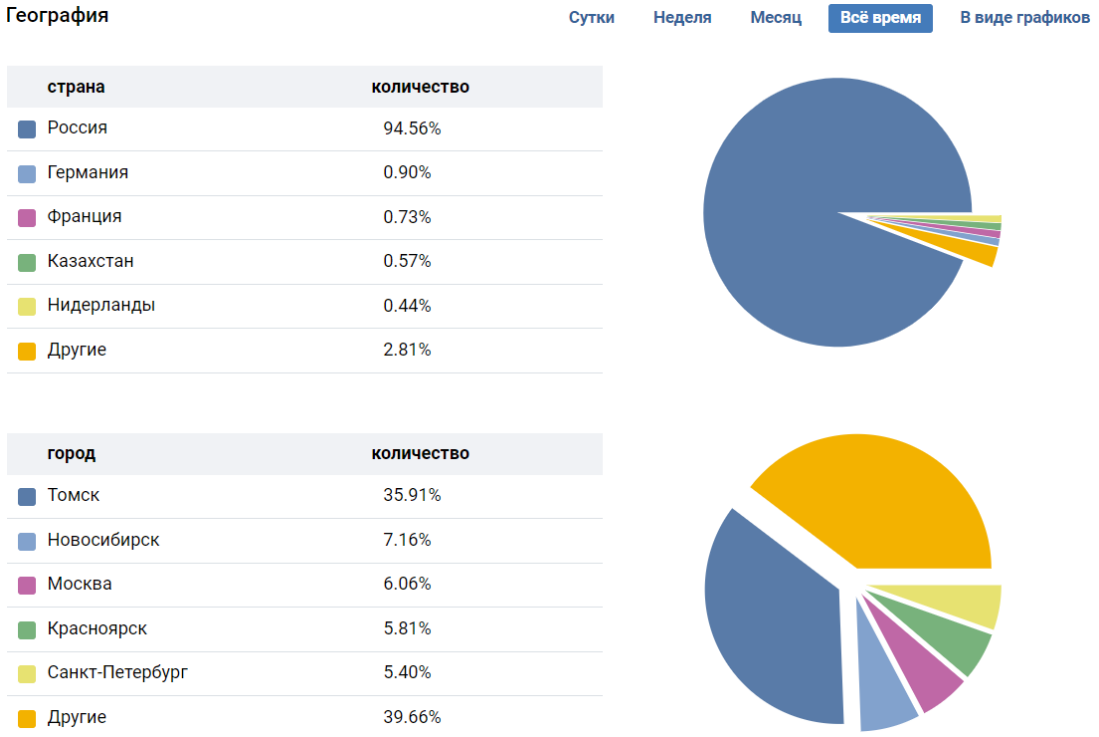

Рис. 2. Источники перехода в группу «Сибирские исследования» (за весь период существования)

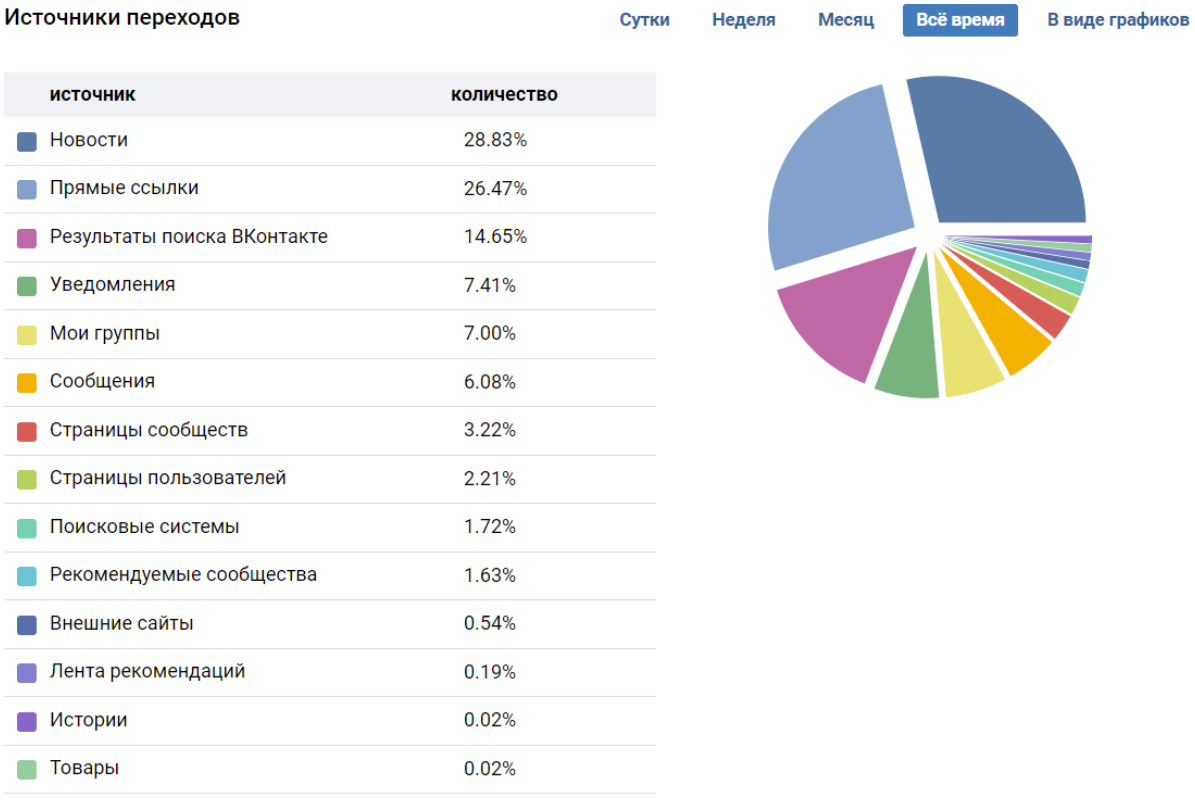

Рис. 3. География аудитории группы «Сибирские исследования» (за весь период существования)

Особый вид «служебной» информации «ВКонтакте» представлен источниками перехода в группу, которая требует специального пояснения (рис. 3).

1. «Новости» – переход в группу из новостной ленты. Новостная лента, исходя из алгоритмов «ВКонтакте», показывает пользователям не все сообщения, а только отмеченные большим количеством «лайков» и комментариев. Показатель высокий.

2. «Прямые ссылки» – переход в группу через закладки браузера; переход по ссылке в адресной строке; обновление или возврат к странице; все другие переходы, в которых «ВКонтакте» не распознает источник переходов. Показатель высокий.

3. «Результаты поиска «ВКонтакте» – переходы из общего поиска и поиска по сообществам. Показатель высокий.

4. «Уведомления» – переход в группу из раздела уведомлений (колокольчика), когда в группе публикуется новый пост. Показатель средний.

5. «Мои группы» – постоянная аудитория группы, которая намеренно заходит в группу из раздела «Мои группы» у себя на странице. Показатель средний.

6. «Сообщения» – переход в группу из сообщений в диалоге; переход по публикации со стены сообщества, которую переслали в диалог; переход из сообщений сообщества; переход из упоминания сообщества в сообщении. Показатель средний.

7. «Страницы сообществ» – переход со страниц других групп, которые поделились записью или рассказали о ней на своей стене. Показатель низкий.

8. «Страницы пользователей» – переход со страниц пользователей, которые поделились записью или рассказали о ней на своей стене. Показатель низкий.

9. «Поисковые системы» – яндекс, гугл и др. Показатель низкий.

10. «Рекомендуемые сообщества» – переходы из блока «Похожие сообщества» и из топа сообществ, рекомендуемых «ВКонтакте». Рекомендуемые сообщества подбираются «ВКонтакте» по проявленным интересам пользователя. Показатель низкий.

11. «Внешние сайты» – упоминание сообщества другими ресурсами. Показатель низкий.

12. «Лента рекомендаций» – переходы из подраздела «Рекомендации» в разделе «Новости» или «Интересное». Алгоритмы «ВКонтакте» подбирают публикации на основе предпочтений пользователя. Показатель низкий.

13. «Истории» – переходы по клику на аватар сообщества в «Истории» или упоминание в Истории при просмотре историй, на которые пользователь подписан. Показатель низкий.

Таблица 2

Магистратура «Сибирские исследования»: наборы студентов в 2020–2023 гг.

Годы	Количество заявлений	Бюджетные места (зачислено абитуриентов)	География абитуриентов
2020	16	9	4: Томск, Красноярск, Новосибирск, Шушенское
2021	19	14	4: Томск, Красноярск, Сургут, Шушенское
2022	30	17	11: Томск, Красноярск, Лесосибирск, Новокузнецк, Иркутск, Улан-Удэ, Сургут, Барнаул, Енисейск, Якутск, Нижний Новгород
2023	32	15	11: Томск, Новосибирск, Кемерово, Красноярск, Тюмень, Улан-Удэ, Тыва, Казань, С.-Петербург, Москва

В заключение отметим, что вызовы «эпохи ковида» 2020–2021 гг. не повлияли на устойчивое функционирование магистратуры «Сибирские исследования» благодаря (среди прочего) группе «ВКонтакте», записанным преподавателями видеолекциям и онлайн-курсу «Современные методы и подходы к анализу источников по истории Сибири XVII – начала XXI в.», подготовленному при поддержке Благотворительно фонда Вл. Потанина. Автором статьи были опробованы такие онлайн-формы проведения занятий, как чат-лекция и чат-семинар, которые организовывались посредством беседы «ВКонтакте» и до сих пор хранят в себе текстовые записи, изображения, комментарии и пр. За последние четыре года существенно расширились география абитуриентов и количество поданных на программу заявлений (табл. 2), решен вопрос основного набора на бюджетные места уже в первую волну вступительных испытаний.

Список источников

1. Главное сообщество команды ВКонтакте. URL: https://vk.com/about (дата обращения: 30.06.2024).
2. Вячеслав Шевцов. Сибирские исследования. URL: https://www.youtube.com/@Siberian_Research (дата обращения 30.06.2024).
3. Шевцов В.В. Возможности электронного обучения в магистратуре «Сибирские исследования» Томского государственного университета // Векторы развития магистратуры будущего в условиях глобальных вызовов : сб. ст. участников Международной конференции «Магистратура 2025 – содружество стейкхолдеров. Работая вместе, строим будущее», 15–31 октября 2020 г. Н. Новгород : Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 94–98.

References

1. VKontakte. (n.d.) *Glavnoe soobshchestvo komandy VKontakte* [The main community of the VKontakte team]. [Online] Available from: https://vk.com/about (Accessed: 30th June 2024).
2. Shevtsov, V. (n.d.) *Sibirskie issledovaniya* [Siberian Studies]. [Online] Available from: https://www.youtube.com/@Siberian_Research (Accessed: 30th June 2024).
3. Shevtsov, V.V. (2020) Vozmozhnosti elektronnogo obucheniya v magistrature “Sibirskie issledovaniya” Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Opportunities for e-learning in the Master's program “Siberian Studies” of Tomsk State University]. In: Makarova, S.D. & Prokhorova, M.V. (eds) *Vektory razvitiya magistratury budushchego v usloviyakh global'nykh vyzovov* [Vectors of Development of the Master's Program of the Future in the Context of Global Challenges]. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. pp. 94–98.

***Сведения об авторе*:**
Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: totleben@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Shevtsov Vyacheslav V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: totleben@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 05.07.2024; accepted for publication 15.11.2024

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия
УДК 94(4)"1945/..."
doi: 10.17223/19988613/92/21

Из тупика: Германия в 1945–1955 гг.: Рец. на кн.: Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы: 1945–1955. М.: Individuum, 2024, 496 с.

Владимир Николаевич Барышников[1], Олег Юрьевич Пленков[2], Таисия Максимовна Демичева[3], Анатолий Васильевич Смолин[4]

[1, 2, 3, 4] *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
[1] *v.baryshnikov@spbu.ru*
[2] *o.plenkov@spbu.ru*
[3] *t.demicheva@spbu.ru*
[4] *a.smolin@spbu.ru*

Аннотация. Рецензируется монография Харальда Йенера «Волчье время. Германия и немцы в 1945–1955». Тема выживания в Германии после ужасной войны в современной Германии вызвала огромный интерес, о чем свидетельствуют тираж книги и награды автору. Харальд Йенер первым взялся описать это состояние Германии с разных точек зрения, привлекая материалы по истории повседневности: черный рынок, грабежи, рационирование продуктов, процесс «перевоспитания» немцев союзниками. В рецензии обращается внимание на некоторые намеренные и ненамеренные упущения Харальда Йенера, связанные с экономической историей, в частности с диалектикой развития корпоративного государства в ФРГ, революцией в сельскохозяйственной сфере и др.
Ключевые слова: преодоление нацистского прошлого, социальная история ФРГ, социальная история ГДР, молодежная субкультура в ФРГ, история повседневности, демократизация ФРГ, немецкое экономическое чудо, преодоление нацистского прошлого

Для цитирования: Барышников В.Н., Пленков О.Ю., Демичева Т.М., Смолин А.В. Из тупика: Германия в 1945–1955 гг.: Рец. на кн.: Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы: 1945–1955. М.: Individuum, 2024, 496 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 179–184. doi: 10.17223/19988613/92/21

Book review

Out of the impasse: Germany in 1945–1955. Review on the book: Jähner H. Wolfszeit: Deutschland und die Deutschen 1945–1955. Berlin, Rowohlt, 2019. 480 S.

Vladimir N. Baryshnikov[1], Oleg Yu. Plenkov[2], Taisiia M. Demicheva[3], Anatoly W. Smolin[4]

[1, 2, 3, 4] *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*
[1] *v.baryshnikov@spbu.ru*
[2] *o.plenkov@spbu.ru*
[3] *t.demicheva@spbu.ru*
[4] *a.smolin@spbu.ru*

Abstract. The article is a response to Harald Jähner's monograph "Wolf Time. Germany and the Germans in 1945-1955. Moscow, 2024. The topic of survival in Germany after a terrible war, in which the Germans themselves were to blame, aroused great interest in modern Germany, as evidenced by the circulation of the book and the awards to the author. The fact is that the exaltation of the Deutsche Wirtschafswunder and the undoubted successes of the FRG and the GDR in eliminating the Nazi past, the creation and establishment of a modern democratic culture in Germany, as it were, overshadowed those monstrous problems of the Germans after the war, which seemed to have no end and there were no prospects to sort out this rubble. The newspaper Kölnische Rundschau noted in 1946 that "it is not the parties and trade unions that determine our lives, not the young democratic government or the occupation authorities, but hunger, just hunger." In addition, there is unemployment, a quarter of the destroyed housing stock. Refugees from the east of the country were received extremely poorly – the aggressive rejection of solidarity and cruelty were so strong that the allies feared a civil war. Sometimes locals were forced to accept refugees under arms. In Bavaria, peasants could even choose who to

© В.Н. Барышников, О.Ю. Пленков, Т.М. Демичева, А.В. Смолин, 2024

let into the house – the most beautiful women, men for work, and the weak and helpless were driven away. Instead of democratic values, racist ones dominated – the once-related "Aryan" Volksgenossen turned into "Poles", and in Protestant regions – into despicable Catholics. In a very original way, Jähner believed that for the Germans the black market had become a vital experience, as a result of which they acquired the most important market skills that made adjustments to the fetish of national unity – a relic of the Third Reich.

Harald Jähner was the first to describe this state of Germany from different points of view, using materials on the history of everyday life: the black market, robberies, rationing of products, the process of "re-education" of Germans by the allies. The authors in this review note some intentional and unintentional omissions of Harald Jähner related to economic history, in particular the dialectic of the development of the corporate state in Germany, the revolution in the agricultural sector and some others.

Keywords: overcoming the Nazi past, the social history of Germany, the social history of the GDR, youth subculture in Germany, the history of everyday life, the democratization of Germany, the German economic miracle, overcoming the Nazi past

For citation: Baryshnikov V.N., Plenkov O.Yu., Demicheva T.M., Smolin A.W. (2024) Out of the impasse: Germany in 1945–1955. Review on the book: Jähner H. Wolfszeit: Deutschland und die Deutschen 1945–1955. Berlin, Rowohlt, 2019. 480 S. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 179–184. doi: 10.17223/19988613/92/21

Ныне Германия – одна из самых стабильных и процветающих демократий мира, народ которой является одним из самых открытых, доброжелательных и готов принимать иммигрантов даже из стран, которые не имеют к европейской культуре и традициям никакого отношения. Между тем путь к нынешнему благолепию был первоначально весьма тернистым, – именно к описанию этих проблем и обратился автор рецензируемой монографии бывший редактор *Berliner Zeitung* Харальд Йенер. Его книга сразу же стала бестселлером после публикации в Германии в 2019 г., и автор получил весьма престижный приз Лейпцигской книжной ярмарки за проницательно сбалансированный взгляд на послевоенную Германию. В самом деле, это увлекательная и хорошо документированная история послевоенных первых десяти лет второй немецкой республики.

Автор начинает свое повествование с того момента, когда заканчивались бои за Берлин и в городе царили полное безвластие, хаос и спутник всего этого – мародерство. Люди взламывали продовольственные склады, квартиры, брали все, что попадало под руку. Собственно, данную монографию можно отнести к жанру истории повседневности – этот жанр обычно трудно читаем, поскольку концептуального единства и структурной ясности в такого рода исследованиях очень тяжело достигнуть уже в силу самого объекта исследования, бесформенного, аморфного и развивающегося вне всякой логики. В этом ключе Йенер обращается к ощущениям людей в разбомбленных городах, настроениям возвращающихся из плена солдат, к рационированию продуктов, голоду, черному рынку, проституции, даже к маниакальной и иррациональной танцевальной мании в разрушенной стране, деталям возникновения новой урбанистики (на примере построения в Вольфсбурге на пустом месте города «Фольксваген»). Несмотря на эту пестроту, Йенеру удалось создать в самом деле интегральную картину страны. он сумел показать, как и почему Германия смогла радикально трансформироваться от зловещей нацистской политической системы в современное демократическое государство. Автор представил обширный обзор этого периода, охватывающий политическую, социальную и географическую сферы, чтобы нарисовать ясный портрет страны, страдающей от суровых последствий того, что она оказалась проигравшей в ужасной войне. Можно считать, что автору удалось объяснить, как большинству немцев, при всем их упорном неприятии личной вины, в то же время в итоге удалось избавиться от менталитета, который сделал возможным нацистский режим. Как писал Аристотель в одном из своих этических текстов «Никомахова этика», «каждый может разозлиться – это легко; но разозлиться на того, на кого нужно, и настолько, насколько нужно, и тогда, когда нужно, и по той причине, по которой нужно, и так, как нужно, м это дано не каждому». Немцы со временем смогли по всем пунктам разозлиться на того, кого нужно, и как нужно – это их достижение значимо до сих пор.

Тема, избранная Йенером, особенно занимательна тем, что Германия была первой страной мира, которая в новое время потерпела тотальное поражение и лишилась суверенитета, – как восточная часть страны, ГДР (до 1989 г.), так и ФРГ (до подписания договора о суверенитете 5 мая 1955 г.), – и 12 сентября 1990 г. состоялось объединение страны. Иными словами, первые десять лет у ФРГ не было собственной истории – она находилась под властью оккупационных войск, это обстоятельство Йенер особенно часто подчеркивает. Он пишет, что то, что объединяло немцев до конца войны, после войны было полностью уничтожено. Старый порядок был разрушен, новым еще и не пахло, решением насущных проблем пока занимались победители-союзники. 75 миллионов человек, которые сбились в кучу летом 1945 г. на территории, некогда называвшейся Германией, едва ли можно было назвать народом. Эту эпоху стали называть «безвременьем», или «волчьим временем», когда человек человеку стал волком. Собственно, эту метафору из старинной латинской поговорки (*Homo homini lupus est*) Йенер использовал в названии рецензируемой книги.

Автора интересовало прежде всего то, каким образом после 12 лет нацистской диктатуры немцы на востоке смогли стать образцовым, хотя и нелюбимым, учеником СССР, а на западе – образцовым подражателем и учеником США, Великобритании и Франции. Неслучайно самая большая глава книги «Перевоспитатели» посвящена процессу *Reeducatation*. Надо отдать должное автору, он не пытается представить этот про-

цесс как протекавший гладко и без препятствий: разумеется, одна из самых культурных наций Европы не могла принимать это перевоспитание без чувства отторжения, поскольку никакие поражения не могут задевать так сильно, как указание на культурную ущербность, культурную отсталость или несоответствие требованиям времени в сфере культуры.

Довольно подробно Йенер описывает страсти по изобразительному искусству, разгоревшиеся в послевоенной Германии. Если при нацистах дегенеративное (абстрактное) искусство находилось под запретом, то с его крушением запреты рухнули. Первая выставка состоялась в 1946 г. в Дрездене, в советской зоне оккупации. Анализ отзывов показал, что 65% посетителей высказались негативно о современном искусстве. Полное равнодушие к нему выразила молодежь. В то же время 82% иностранных посетителей высоко оценили современное искусство. Подобная реакция была характерна и на выставке «Экстремальная живопись» в Аугсбурге. Такая ситуация обеспокоила западные оккупационные власти, поскольку показала, что вкусы широкой публики и элиты – не одно и то же [1. С. 353]. Согласно опросу Алленсбахского института опросов общественного мнения, даже в 1956 г. две трети граждан предпочитали обычные картины с пейзажами или портреты, а абстрактное искусство выбирали только 3% опрошенных. Стараниями оккупационных западных властей вскоре абстрактное искусство стало доминировать в Боннской республике. По словам автора, «…каждый начальник считал своим святым долгом украсить кабинет абстрактной живописью. Уже очень скоро стал очевидным факт, что вкусы широких слоев населения и элиты разошлись. Искусство решило, что больше не нуждается в одобрении народа, а народ перестал узнавать себя на семейном портрете республики» [1. С. 359]. В ГДР процесс пошел другим путем: там искусству предъявлялось требование быть близким и понятным народу.

При этом, как справедливо замечает Йенер, американцы очень быстро поняли возможность использования абстрактного искусства в качестве инструмента идеологической борьбы. Поэтому они всячески поощряли абстрактное искусство, учреждали стипендии для молодых художников, финансировали их выставки, не жалели денег на приобретение картин. Художники, «перевоспитанные» американцами, затем возвращались в Германию и обучали бесплатно в Доме Америки своих учеников. Таким образом Америка утверждала свое искусство на международной арене, а стратеги холодной войны распространяли его по миру, хотя понимали, что конгресс не выделит средств на экспорт этого искусства, кощунствующих пачкунов, в Европу. Благодаря целенаправленной выставочной политике, проводимой госдепартаментом и специалистами по психологической войне, художники-абстракционисты стали идеальными представителями Америки. Этим занимался также и отдел международных организаций ЦРУ.

Особенно раздражала немцев американская денацификационная анкета с ее совершенно невнятными вопросами. «Невнятными» по той причине, что американские юристы, не жившие в условиях тоталитарной действительности, судили людей, которые находились в совершенно отличных от демократических стран условиях, когда свободы выбора не было вообще. В 1951 г. Эрнст фон Заломон написал роман «Анкета» [2], ставший одним из главных бестселлеров послевоенного времени. Используя злополучную анкету как каркас романа, он натянул на него огромное автобиографическое полотно на шесть сотен страниц и попытался доказать, что сложная жизнь немецкого интеллектуала, придерживающегося национал-консервативных взглядов, отнюдь не исчерпывается сводом каких-то нелепых вопросов [1. С. 10]. В итоге у Заломона получалось, что цепочка событий, приведших Гитлера к власти в 1933 г., была настолько плотной, что втиснуть туда возможность какой-то инвариантности нет никакой возможности. Йенер, наверное, из свойственной современным немцам склонности к самоуничижению (преодоление прошлого) даже не комментировал формулированное Заломоном утверждение о том, что после объединения страны в 1871 г. за два поколения было создано самое высокоразвитое в экономическом отношении государство Европы с правопорядком и четкой административной юрисдикцией, неподкупной и эффективной бюрократией, высокоразвитой системой образования (едва ли не лучшей в мире; так, один немецкий чиновник в 1947 г. сказал, что немецкая школа достигла своего высшего уровня в 1880 г. – к восстановлению этого уровня и нужно стремиться [3. S. 328]), самыми значительными в мире научными достижениями к концу XIX в. И, конечно, сами немцы даже в жутких условиях послевоенной разрухи не могли забыть об этом прошлом, несмотря на усилия по «перевоспитанию», предпринимаемые оккупационными войсками.

Некоторое неприятие вызывает «нейтральная» позиция Йенера в отношении особенностей организации экономики и непонимание преемственности достижений Третьего рейха и благополучия ФРГ. Читая эту часть монографии, можно подумать, что немецкое экономическое чудо свалилось с неба. На деле же еще при Гитлере под давлением военной необходимости нацисты использовали новые методы менеджмента, новые технологии, что и было использовано после 1945 г. Очень важной посылкой эффективности военной промышленности и последующих послевоенных успехов была реформа управления и планирования в рамках промышленных союзов. Система «корпоративного рыночного хозяйства» кайзеровской Германии придала немецкой экономике в конце XIX в. необыкновенную динамику. Эта система была извращена в Веймарскую республику до карикатурного *Verbändestaat* (корпоративного государства), а потом окончательно уничтожена «государственным корпоративизмом» и нацистской командной экономикой. С началом же войны существенная часть реформ рейхсминистров вооружений и боеприпасов Фрица Тодта (до гибели в 1942 г.) и Альберта Шпеера состояла в том, чтобы заменить государственное регулирование промышленным самоуправлением. Система комитетов и объединений (*Ringen*) значительно ограничивала автономию отдельных предпринимателей, но зато на корпоратив-

ном уровне усиливала роль промышленных объединений. «Система Шпеера» создала новый тип управленцев, имевших довольно значительную свободу рук, поэтому в условиях тотальной экономической мобилизации возник новый тип менеджера, самостоятельно действовавшего и принимавшего решения. Эти питомцы «детского сада Шпеера» и после 1945 г. играли ведущую роль в организации экономики. Система Шпеера хорошо сочеталась с «социальной рыночной экономикой», в которой слово «рыночная» не было пустым звуком. Теория и практика социальной рыночной экономики находилась под влиянием университетов, институтов изучения конъюнктуры, экономических отделов банков и промышленности, определяла образ мышления и действий предпринимателей и менеджеров. После войны все элементы шпееровской системы управления и планирования повлияли на возникновение специфической смеси мероприятий западногерманской *Ordnungspolitik*, которая позволила в полной мере раскрыть все преимущества немецкого корпоративного рыночного хозяйства [4. S. 531–533]. Эти преимущества сформировались исторически, а не были просто одномоментно сформированы в ФРГ после 1945 г.

Канцлер Конрад Аденауэр прекрасно понимал преимущества этой системы, не меньше чем министр экономики в 1949–1963 гг. профессор Эрхард, и не только в экономике; он смог сохранить восприимчивую к традиции и эффективную властную структуру немецкой бюрократии на всех уровнях власти – федеральном, земельном и в общинах. Неслучайно он сам был прусским администратором и чрезвычайно почитал эту традицию крупного протестантского государства, которое союзники в 1947 г. объявили «преступным» и ликвидировали. Это было, конечно, исторически несправедливым, поскольку прежняя милитаристская и воинственная Пруссия канула в Лету, а Пруссия в межвоенный период была оплотом социал-демократов.

Такой подход к прусской традиции административной юрисдикции совпадал с максимой Макса Вебера, что государство прежде всего выражается в управлении повседневной жизнью. Решение сохранить бюрократию в форме немецкого профессионального чиновничества первоначально оспаривалось (вплоть до 1953 г.) по той причине, что значительная часть этого чиновничьего корпуса сотрудничала с государством Гитлера. Репутация чрезвычайно эффективной и неподкупной части государства не допустила реформирования бюрократии, несмотря на настоятельные советы союзников. Поэтому никаких значительных персональных изменений не произошло: не обращая внимания на членство в НСДАП чиновников из прусской администрации, администрация Аденауэра их приняла на работу [5. S. 12]. В ФРГ в 1950 г. около 40% бывших членов партии занимали, как и прежде, свои административные посты [6. S. 267]. Йенер же сосредоточился не причинах оставления прежней бюрократии, а на отдельных случаях критики прежних государственных бюрократов, оставленных Аденауэром на своих постах. Правда, со временем, особенно после «революции 1968 г.» люстрации в ФРГ продолжились с новой силой.

Нападкам за нацистское прошлое подвергались и политики (почти всегда несправедливо, что Йенер игнорирует). Так, на президентских выборах 1964 г. в ФРГ с подачи пропагандистов ГДР Генрих Любке, избранный на этот пост в итоге, был обвинен в том, что в нацистские времена работал архитектором в фирме, которая проектировала бараки для концлагерей. В глазах западногерманской молодежи то обстоятельство, что обвинение было инициировано из ГДР, ничуть не снижало его значимости и важности. Также президент Теодор Хойсс был обвинен в том, что, будучи членом Демократической партии, в 1933 г. голосовал в рейхстаге за чрезвычайные полномочия Гитлеру. Под огнем критики более десяти лет находился госсекретарь ведомства канцлера Ханс Глобке. Почти семь лет работал министром по делам беженцев Теодор Оберлендер, который в нацистские времена был замешан в преступления СС на Восточном фронте.

При этом публика (и Йенер) часто не замечала, что эти нападки были совершенно несправедливы. К примеру, Ганс Глобке на посту шефа канцелярии канцлера был совершенно незаменим, обладая огромными, даже по немецким масштабам, работоспособностью, чувством долга, ответственностью, памятью и прилежанием. Стандартной фразой Аденауэра при возникновении затруднительных ситуаций была: «Поговорите с господином Глобке». Аденауэр предлагал ему пост министра внутренних дел, но он отказался. *Süddeusche Zeitung* отмечала, что Глобке, безусловно, второй по значимости политик в ФРГ, он производил впечатление директора лицея, который предпочитал преподавать в младших классах. Кроме того, Глобке во многом способствовал сближению и примирению с Израилем. Именно по этой причине, когда соответствующие службы ГДР предложили Израилю компрометирующий материал на этого «убийцу евреев» (*Judenmörder*), израильтяне поблагодарили, но отклонили предложение и не приняли эти материалы. Примечательно, что издатель газеты *Allgemeine Wochenzeitung der Juden in Deutschland* Карл Маркс принадлежал к числу защитников Глобке, полагая, что последний взялся за написание комментариев к Нюрнбергским законам потому, что другие сделали бы это гораздо более радикально и жестоко [7. S. 53, 63]. Кроме того, Глобке был верующим католиком и не был членом нацистской партии.

В процессе расширения этих нападок на политиков или других людей, как-либо связанных с нацистским прошлым, и возникло «критическое сознание» немецких активистов 68-го, оно формировалось на протяжении нескольких лет и не было результатом простого желания протестовать, а развилось в ходе конфликта поколений по вопросу «фашизма» и его преодоления. В 1968 г. в немецкой молодежной среде не раз звучали вопросы, обращенные к поколению отцов. Следует уточнить: вопросы некритического характера. Ибо приговор был вынесен еще до того, как была доказана справедливость обвинений. Йенер следовал преимущественно такой же логике «революционеров» 1968 г. В ФРГ, впрочем, это часть леволиберальной политической культуры.

Одной из центральных тем Йенера была тема беженцев и изгнанных – миллионов обездоленных и ли-

шенных всего людей с восточных немецких территорий. С 1945 по 1974 г. ФРГ переживала огромный приток населения. Из 14 млн беженцев и изгнанных погибли более двух миллионов. Погиб каждый шестой фольксдойч. В 1939 г. на территории современной ФРГ проживали 39,4 млн человек, а в 1950 г. 47,7 млн. К 1960 г. приблизительно четверть немецкого населения состояла из беженцев и изгнанных. Без беженцев и изгнанных население ФРГ к 1974 г. составляло бы всего 41 млн человек [5. S. 35]. Для того чтобы представить себе масштабы этой проблемы, вспомним, что «всего» около полумиллиона арабов с территории Израиля были выселены и / или бежали, ныне их проживает в разных арабских странах гораздо больше, но ассимилироваться с местным населением, не отличающимся от них ни по языку, ни по религии, большинство из них не желает. Это поныне составляет проблему мирового масштаба, главная черта которой – терроризм. Если бы себя подобным образом повели 13–14 млн изгнанных и лишенных родины немцев, трудно было бы даже представить себе такой ад.

Конечно, в исторической литературе эта проблема всегда была в центре внимания, хотя и вполне в политкорректной форме (беженцы и изгнанные платили по счетам злодеев Третьего рейха – такой подход доминирует и ныне), но Йенер подошел к этой проблеме с иной стороны: эти беженцы внесли решительный вклад в модернизацию страны. Автор писал, что многие переселенцы сыграли важную роль в том социальном и культурном смешении всех элементов, которыми молодая республика так гордилась. Переселенцы буквально перемешали страну, как карточную колоду, нивелировали региональные отличия и в значительной мере способствовали тому, что спустя несколько десятилетий немцы выбрали такую абстрактно-рациональную идентичность, как конституционный патриотизм. Это способствовало исчезновению местных диалектов в некоторых регионах. Дети переселенцев стеснялись своего родного диалекта, старались говорить в школе на идеальном литературном немецком языке, и их примеру вскоре последовали и дети местных жителей. Переселенцы из балласта вскоре превратились в приобретение для немецкой экономики. Обычно они были более активны и быстрее приспосабливались к новым обстоятельствам, чем коренные немцы. Это можно объяснить и тем, что большинство из них были протестантами, отличавшимися лучшей трудовой этикой и особенно упорным характером в преодолении жизненных трудностей. К тому же вместе со своей родиной они утеряли и многие иллюзии, стали более гибкими и честолюбивыми. Две трети переселенцев, имевших когда-то свою коммерцию или ремесло, после переселения сменили профессию. 90% бывших крестьян вынуждены были начать поиски других источников доходов. Это была целая армия работников, готовых, не торгуясь, вкалывать до седьмого пота. Быстрый экономический подъем после хозяйственной реформы 1948 г. был бы невозможен без трудового энтузиазма переселенцев. Ко всему прочему многие из них имели прекрасное образование и высокую квалификацию. Весьма неожиданно Йенер обратил внимание на то, что, несмотря на все интеграционные успехи, последние большие лагеря для переселенцев освободились лишь к 1966 г. До этого миллионы несчастных изгнанников годами жили в бараках из гофрированного железа по 20 человек в комнате. Они жили в переоборудованном концлагере Дахау и других филиалах преисподней, хотя и в более благоприятных условиях [1. С. 106]. Вместе с тем автор все время напоминает, что процесс интеграции не был мгновенным – для послевоенного немецкого общества был характерен высокий уровень ксенофобии, причем не только национальной, но и локальной. Она распространялась на недавних жертв нацизма (иностранных рабочих), победителей (девушки, выходившие замуж за американских солдат, часто сталкивались с осуждением) и даже соотечественников с востока Германии. Очень удачно Йенер эту часть своей работы иллюстрировал важным артефактом – кинофильмом Р.В. Фасбиндера «Замужество Мери Браун», которым Фассбиндер в 1979 г. воздвиг памятник послевоенным «неверным» немкам. И хотя в этом фильме материальный мотив стоит на первом плане, все же чувство собственного достоинства, излучаемое исполнительницей главной роли великолепной актрисой Ханной Шигуллой, свидетельствует об определенном уважении к данной жизненной позиции [1. С. 202]. Это был один из самых удачных акцентов в рассматриваемой монографии.

Еще одна очень важная тема монографии Йенера – компенсации утерянной собственности переселенцев, самое грандиозное в современной истории перераспределение собственности. Именно эти средства помогли изгнанным и лишенным родины начать новую жизнь, и это перераспределение прошло удивительно гладко и без всяких проблем [5. S. 56]. В соответствии с «Законом о равном распределении тягот» 1952 г. каждый западный немец должен был в течение 30 лет выплатить государству половину стоимости той собственности, которой он владел по состоянию на июнь 1948 г.; вырученные деньги шли на компенсации тем, кто по итогам войны лишился своего имущества. Удивительно, что в бундестаге никаких особенных возражений со стороны собственников не было, и это при немецкой бережливости и экономности… Такое перераспределение собственности стало возможным вследствие невероятно высокой экономической конъюнктуры, которую Йенер оставил практически без внимания, за исключением главы о Вольфсбурге, городе «фольксвагена», написанной в весьма критическом ключе.

Также Йенер игнорировал сферу сельского хозяйства, а там произошла настоящая революция, в ходе которой удивительно безболезненно удалось перестроить аграрный сектор, который за 20 лет потерял 3,2 млн рабочих мест (две трети занятых на селе). Доля аграрного сектора упала с 25% в 1949 г. до 13,3% в 1960 г., 7% в 1973 г., 5,3% в 1980 г. и 2% в 2000 г. При этом за счет всякого рода модернизации производительность аграрного сектора выросла на 60%, а доходы, благодаря всякого рода субсидиям, – на 500%. Поразительно, но эта драматическая деаграризация не вызвала никаких общественных потрясений, не говоря уже о политических трудностях. Самое грандиозное

перераспределение собственности в пользу изгнанных и беженцев на селе также прошло удивительно гладко и без всяких проблем [5. S. 56].

Нацизм после войны в Германии испарился моментально. Он исчез, во-первых, потому, что был осужден как международным, так и немецким судом. Во-вторых, потому что большинство населения им не проникло глубоко: вчерашние нацисты, пробудившись от воздействия идеологии, не увидели ясной связи между идеологическими обещаниями и действительностью [8. С. 32]. Все это усиливало тенденцию, проявившуюся сразу после окончания войны: немцы видели в роли жертв в первую очередь себя. Тезис о том, что в послевоенной Германии «молчали о прошлом», не совсем верен: о прошлом говорили часто и многословно, описывая беды, незаслуженно свалившиеся на немецкий народ, в лице сначала нацистов, а потом оккупационных держав.

В итоге Йенер поясняет свое невнимание к экономическим успехам восстановления Германии, поскольку «пусть немецкое послевоенное общество упрекают в недостатке любви к правде, зато ему нельзя не отдать должное и не отметить следующее: оно дало такие результаты по вытеснению, что из них до сих пор извлекают огромную пользу потомки. То, что, несмотря на упорное нежелание дать объективную оценку прошлому, несмотря на массовое возвращение представителей прежней элиты на прежние посты и должности, в обоих немецких государствах утвердилось очищенное от нацизма мировоззрение, – это гораздо большее чудо, чем *Deutsche Wirtschafswunder*» [1. С. 409]. С точки зрения современной Германии это в самом деле так.

Список источников

1. Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы:1945–1955. М. : Individuum, 2024. 496 с.
2. Заломон Э. Анкета. СПб. : Владимир Даль, 2019. 933 с.
3. Bundesrepublikanisches Lesebuch. Drei Jahrzehnte geistiger Auseinandersetzung / Hrsg. von H. Glaser. Wien : Fischer, 1978. 445 S.
4. Abelshauser W. Kriegswirtschaft und Wirtschafswunder // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1999. H. 4. S. 528–550.
5. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Fünfter Band Bundesrepublik und DDR 1949–1990. München : Beck, 2008. 529 S.
6. Vincent M.-B. Une nouvelle Histoire de l'Allemagne XIX–XXI siècle. Paris : Perrin, 2020. 408 S.
7. Ramge Th. Die großen Politik-Skandale. Eine andere Geschichte der Bundesrepublik. Frankfurt am Main : Campus Verlag, 2003. 278 S.
8. Безансон А. Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. М. : МИК, 2000. 103 с.

References

1. Yener, H. (2024) *Volch'e vremya. Germaniya i nemtsy:1945–1955* [A Time of Wolfs. Germany and the Germans: 1945–1955]. Translated from German. Moscow: Individuum.
2. Salomon, E. (2019) *Anketa* [The Questionnaire]. Translated from German. St. Petersbrug: Vladimir Dal'.
3. Glaser, H. von (ed.) (1978) *Bundesrepublikanisches Lesebuch. Drei Jahrzehnte geistiger Auseinandersetzung*. Wien: Fischer.
4. Abelshauser, W. (1999) Kriegswirtschaft und Wirtschafswunder. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* 4. pp. 528–550.
5. Wehler, H.-U. (2008) *Deutsche Gesellschaftsgeschichte*. Vol. 5. München: Beck.
6. Vincent, M.-B. (2020) *Une nouvelle Histoire de l'Allemagne XIX–XXI siècle*. Paris: Perrin.
7. Ramge, Th. (2003) *Die großen Politik-Skandale. Eine andere Geschichte der Bundesrepublik*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
8. Besançon, A. (2000) *Bedstvie veka. Kommunizm, natsizm i unikal'nost' Katastrofy* [The Disaster of the Century: Communism, Nazism, and the Uniqueness of the Catastrophe]. Translated from French. Moscow: MIK.

***Сведения об авторах*:**

Барышников Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru

Пленков Олег Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: o.plenkov@spbu.ru

Демичева Таисия Максимовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: t.demicheva@spbu.ru

Смолин Анатолий Васильевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.smolin@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Baryshnikov Vladimir N. – Dr. Sci. (History), Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.baryshnikov@spbu.ru

Plenkov Oleg Yu. – Dr. Sci. (History), Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.plenkov@spbu.ru

Demicheva Taisiia M. – PhD (History), Senior Lecturer, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: t.demicheva@spbu.ru

Smolin Anatoly W. – Dr. Sci. (History), Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.smolin@spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 20.03.2024; accepted for publication 15.11.2024

Рецензия
УДК 94(73)
doi: 10.17223/19988613/92/22

Рецензия: Digging our own graves: Smith B. E., Dotter E. Coal miners and the struggle over black lung disease. Haymarket Books, 2020. 250 p.

Герман Артурович Минзафаров

Томский государственный университет, Томск, Россия, gimli0311@gmail.com

Аннотация. Рецензия посвящена вышедшему в 2020 г. второму изданию монографии Б.Э. Смит и Э. Доттера «Копая наши собственные могилы: угольные шахтеры и борьба с заболеванием черных легких». Выделяется ключевая особенность книги как сложного биополитического кейса и пересказывается сюжет всех глав. Главным преимуществом этого труда является огромное количество интервью с участниками движения «черных легких», раскрывающих всю боль и бессилие людей, которых приносят в жертву ради подземной добычи угля в США.
Ключевые слова: шахтеры, пневмокониоз, протестные движения, биополитика

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Минзафаров Г.А. Рецензия: Smith B. E., Dotter E. Digging our own graves: Coal miners and the struggle over black lung disease. Haymarket Books, 2020. 250 p. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 185–188. doi: 10.17223/19988613/92/22

Book review

Review: Smith B. E., Dotter E. Digging our own graves: Coal miners and the struggle over black lung disease. Haymarket Books, 2020. 250 p.

German A. Minzafarov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, gimli0311@gmail.com

Abstract. The review is devoted to the second edition of B.E. Smith and E. Dotter's book «Digging Our Own Graves: Coal Miners and the Fight Against Black Lung Disease», published in 2020. The monograph focuses on the tangled history of the protest movements of American miners in the Appalachian Mountains, their struggle against corporations, the medical community, and government officials for their rights and justice. The book consists of 8 chapters that reveal a complex biopolitical case study. The text of the monograph is accompanied by photographs by Earl Dotter, who was an activist with Volunteers in Service to America (VISTA), a photographer for Miners for Democracy (MFD), and the magazine of the United Mine Workers of America (UMWA). The author of the review highlights the abundance of empirical material with participants in the black lung movement, revealing the pain and powerlessness of the people who are sacrificed for underground coal mining in the United States. In her text, Ellen Smith provides a large number of excerpts from interviews (about fifty) she conducted in the late 1970s with activists in the black lung movement - workers, disabled miners, their wives and widows, lawyers, community organizers, and doctors. This one-sided and emotional stance of the author is meant to counter the «history written by the victors». The main problem with the book is the chaotic movements between different historical periods within chapters. Such jumps can confuse the reader unfamiliar with the history of «black lung» as a group of diseases, the development of trade union organizations and protest movements in the United States. In the opinion of the reviewer, Digging Our Own Graves is an excellent example of a book that speaks first and foremost to the ability of people to come together to fight for social justice. The theme of the book allowed it to bring to the surface not only the stories of miners' fates, but also to make an important contribution to discussions about biopolitics. The book is recommended for researchers who want to join the debate about mining issues, past and present status of workers and residents of resource regions.
Keywords: miners, pneumoconiosis, protest movements, biopolitics

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Government grant, project № 075-15-2021-611 “Man in the Changing Space of the Urals and Siberia”.

For citation: Minzafarov, G.A. (2024) Review: Smith B. E., Dotter E. Digging our own graves: Coal miners and the struggle over black lung disease. Haymarket Books, 2020. 250 p.. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 185–188. doi: 10.17223/19988613/92/22

© Г.А. Минзафаров, 2024

Подземная добыча угля до сих пор является одним из существенных направлений в развитии горнодобывающей промышленности многих стран (Китай, США, Австралия, Индия, Россия, Индонезия, ЮАР), несмотря на экологические, социальные и экономические проблемы, которые влекут за собой добыча и использование этого ресурса. Миллионы горняков жертвуют своими жизнями и здоровьем, погружаясь в темную бездну шахт, страдая от оглушительных взрывов и удушающей угольной пыли.

В течение XX в. протестные движения шахтеров играли значительную роль в политической жизни США, Великобритании, Испании, СССР и многих других стран. Причины этих восстаний чаще всего были связаны с борьбой трудящихся за свои трудовые права, низкой оплатой труда и дефицитом товаров. Б.Э. Смит и Э. Доттер в своей работе знакомят нас с кейсом иного рода. Его специфика заключена в борьбе шахтеров и их семей за признание группы заболеваний (пневмокониоз, бронхит и кислородная недостаточность), объединяемых общим понятием «черные легкие» (black lung). Зарывая в землю свое здоровье в настоящем, они готовы до последнего отстаивать свое право на будущее.

Монография «Копая наши собственные могилы» впервые была опубликована в 1987 г. на волне кампаний за признание проблемы болезни «черных легких», которые происходили в Западной Вирджинии: шахтеры, их жены и вдовы бросали вызов могущественным политическим институтам, формирующим угольную отрасль в США. Именно это и побудило Б.Э. Смит к работе в Ассоциации «Черные легкие» (BLA).

Писательница и философ Барбара Эллен Смит бóльшую часть своей жизни посвятила участию в движениях за социальную справедливость, права и здоровье горных рабочих в США. Ее статьи позволяют нам услышать голос шахтеров среди представителей профсоюзов и корпораций, медицинских работников, государственных чиновников и юристов. Сейчас Б.Э. Смит является почетным профессором Технологического института в Вирджинии, активно занимается проектами по изучению миграции латиноамериканского населения и гендерными исследованиями.

Главы из обновленной монографии сопровождают фотографии Эрла Доттера, который был активистом «Волонтеров на службе Америки» (VISTA), фотографом движения «Шахтеры за демократию» (MFD) и журнала Объединения горняков Америки (UMWA). Он до сих пор продолжает документировать жизнь и работу представителей опасных профессий и его снимки в этой монографии дают возможность читателю вместе с шахтерами пройти путь от ощущения бессилия до превращения в могучую политическую силу, заявившую о себе в ходе протестов в Вашингтоне.

Современное издание «Копая наши собственные могилы: угольные шахтеры и борьба с заболеванием черных легких» 2020 г. Эллен Смит решила дополнить фотоматериалами Эрла Доттера и двумя новыми главами. Если фотографии наполняют предыдущее издание трагедией шахтерских судеб, то новые главы, представляющие собой рефлексию над историей провала профсоюзного движения в конце XX в., позволяют читателям лучше понять причины и ощутить последствия поражения шахтерского движения в борьбе за свои права и социальную справедливость.

На данный момент мы наблюдаем возрождение болезни «черных легких». Так, недавний отчет Национального института охраны труда и здоровья (NIOSH) [1] показывает рост заболеваемости болезнью «черных легких» среди шахтеров-угольщиков в США. Этот показатель наиболее выражен в центральной части Аппалачей, которая была местом зарождения протестного движения «Черные легкие». В обновленной версии монографии Б.Э. Смит задается не только вопросом, почему рост заболеваемости до сих пор продолжается, но и что приводит к «омоложению» болезни, когда более молодые шахтеры заболевают самой прогрессирующей формой «черных легких»?

Эти вопросы актуальны и в современной России и постсоветской Сибири, изувеченной процессами добычи полезных ископаемых. Несмотря на то, что история протестного движения 1960-х гг. в Западной Вирджинии разворачивалась совсем в другом политическом и культурном контексте, сама материальная и технологическая основа угольной промышленности воспроизводит похожие проблемы в разных регионах мира.

Современная добыча угля в России с каждым годом растет, а вместе с ней наблюдается устойчивый рост показателей поражения органов дыхания [2. С. 103]. По мнению экспертов в России, обструктивная болезнь легких (ХОБЛ) уже к 2030 г. выйдет на 3-е место среди причин смертности, уступив место инсульту и ишемической болезни сердца [3. С. 43]. Ежегодно от ХОБЛ умирают около 2,75 млн человек, что составляет 4,8% всех причин смерти. В России ХОБЛ занимает 1-е место (55%) среди болезней органов дыхания, и 15–20% случаев связано с производственным фактором [3. С. 43–44]. Монография Б.Э. Смит и Э. Доттера позволяет взглянуть на тяжелые политические последствия экстрактивизма, борьбу с коррупцией и бессилие профсоюзных организаций. Нам давно пора начать говорить о мерах поддержки, которые мы можем предпринять, чтобы как можно меньше людей страдали от этого смертельного, но предотвратимого заболевания легких.

Начало монографии Эллен Смит посвящает поиску причин, которые способствуют возрождению болезни «черных легких» в XXI в. Исследовательница фокусирует взгляд читателя на том, что недостаточно преодолевать только технологические причины. Размер шахты, марка угля, повышенные показатели воздействия кремнезема не способны влиять на здоровье горняков без связки с социальными отношениями, экономическими стимулами и возможностями противостоять неконтролируемой эксплуатации своих тел (увеличение рабочего дня, тяжелые условия труда). Б.Э. Смит утверждает, что распространение заболевания во многом стало возможным из-за провалов в нормативно-правовом регулировании, которое должно осуществлять Управление по безопасности и охране труда при добыче полезных ископаемых (MSHA). Отсутствие стандартов и попустительство чиновников во время проверок позволили владельцам шахт беспрепятственно лишать работников дыхания на протяжении 44 лет.

Вторая глава прослеживает полуторавековую историю изучения «черных легких» и формирования различных научных взглядов на этот комплекс заболеваний. Что стало причиной возникновения 150-летнего дискурса о профессиональных заболеваниях шахтеров в медицинском сообществе? Чтобы ответить на этот вопрос, автор обращает внимание на ограниченность концептуализации комплексного заболевания в рамках научной модели причинно-следственной связи. Эта связь не позволяет понять сложные взаимодействия между многочисленными агентами и болезнями, вынуждая шахтеров и их семьи бросить вызов научным авторитетам, могущественным корпорациям и тем правительственным чиновникам, которые покушались на их будущее.

Следующую главу Смит посвящает изучению особенностей рабочего места шахтеров, где болезнь «черных легких» приобретается и становится причиной борьбы рабочих за улучшение своих условий труда. Источником повсеместного распространения «черных легких» среди шахтеров была власть капитала, пренебрежение техническими инновациями, тяжелые условия труда и иерархия на производстве. На протяжении более 50 лет ядром коллективной борьбы шахтеров за права, справедливое отношение и здоровье являлся профсоюз Объединение горняков Америки. Профсоюз рухнул из-за коррупции и тирании руководства, а вместе с ним были погребены жизни десятков тысяч шахтеров.

В главе «Заразное распространение бунтарства» Эллен Смит объясняет читателю причины аккумуляции протестных сил среди шахтеров и их семей. Если представить, что падение выплат из Фонда социального и пенсионного обеспечения для шахтеров-инвалидов, вдов и сирот, репрессии и коррупция в профсоюзе, постоянная бедность и протесты были дровами, заложенными эксплуатирующей капиталистической системой США, то последней искрой, породившей протест сотен тысяч работников и движение «Черные легкие», стала гибель 78 рабочих в шахте № 9 около Фарминг-тона 20 ноября 1968 г.

Пятую главу Смит посвящает истории протестной протеста Ассоциации «Черные легкие», которая прекрасно иллюстрирует острую биополитическую борьбу вокруг целого круга вопросов: Кто будет определять федеральную политику в области компенсаций? Кто и как будет устанавливать критерии инвалидности, связанной с работой? Кто будет контролировать определение «черных легких»?

Глава «Возрождение движения» рассказывает о профсоюзном кризисе начала 1970-х гг., ставшем причиной появления диссидентского движения «Шахтеры за демократию» (MFD) внутри UMWA. За этим событием последовали постоянная борьба за власть внутри объединений, ратификация регрессивного контракта 1978 г. и кампания Рональда Рейгана против профсоюзов. Все это дало возможность Конгрессу США пересмотреть определение «черного легкого», а Министерству труда ограничить выплаты и отклонять более 90% всех заявлений.

Монография завершается главой, в которой исследовательница рефлексирует по поводу полного бессилия профсоюзного движения шахтеров в конце XX в., влекущего за собой экономическую эксплуатацию рабочих, нарушения в сфере контроля за нормами пыли, отсутствие рычагов давления на руководство угледобывающих предприятий для улучшения условий труда и профилактики. Следствием всего этого стало возрождение уровня заболеваемости «черными легкими» среди шахтеров, но уже в XXI в.

Одним из главных преимуществ монографии является богатство эмпирического материала. Автор приводит большое количество выдержек из интервью (около пятидесяти), которые она взяла в конце 1970-х гг. у активистов движения «черных легких» – рабочих, шахтеров-инвалидов, их жен и вдов, адвокатов, общественных организаторов и врачей. Эти интервью наиболее полно раскрывают всю боль и бессилие тех, кого приносят в жертву ради прибылей американских угольных магнатов. Такая односторонняя и эмоциональная позиция автора призвана противостоять «истории, написанной победителями». Ведь именно они решат, какие документы будут лежать в архиве и чьи голоса будут услышаны в «большой» истории.

При прочтении монографии Эллен Смит читатель может заблудиться в хаотичных перемещениях между разными историческими периодами внутри глав. Такие прыжки способны запутать человека, незнакомого с историей «черных легких» как группы заболеваний, развития профсоюзных организаций и протестных движений в США.

В монографии болезнь «черных легких» не является объективной реальностью, а конструирует ее [4]. Используя метафору социолога Эмиля Дюркгейма, в данном случае болезнь – это «социальный клей», который объединяет вокруг себя рабочих и профсоюзы, шахтеров-инвалидов, их жен и вдов, адвокатов, общественных активистов и врачей. Эти люди организовали политическое движение «Черные легкие», сформулировали проблему и сформировали образ профессиональной болезни для американского общества и всего мира.

Совсем иная история складывалась во времена перестройки и в постсоветской России, где восстания рабочих (забастовки шахтеров в 1989–1990-е и «рельсовая война» в 1998 г.) возникали как ответ на нарушение их трудовых прав, задержки заработной платы, дефицит товаров, слабые социальные льготы и отсутствие самоуправления в отрасли. Проблемы здоровья и безопасности рабочих слабо артикулировались в требованиях протестующих, но так же, как и движение «Черные легкие», забастовщики пытались бороться с той несправедливостью, которая возникла из-за их чрезмерной эксплуатации.

Подводя итог, скажем, что «Копая наши собственные могилы» является примером монографии, которая в первую очередь говорит о способности людей объединяться ради борьбы за социальную справедливость. Тема, взятая Б.Э. Смит, позволила не только поднять на поверхность истории шахтерских судеб, но и сделать важный вклад в дискуссии о биополитике. Монография станет отличным подспорьем для исследователей, которые хотят присоединиться к дискуссии

о проблемах добычи полезных ископаемых, прошлом и настоящем положении рабочих и жителей ресурсных регионов.

Монография будет полезна для историков, изучающих протестные движения рабочих, проблему «ресурсного проклятия», медицинских антропологов, занимающихся исследованиями биополитики, корпоративных или профсоюзных менеджеров и юристов, работающих в сфере добычи ресурсов, всех исследователей, интересующихся темой социальной и экологической справедливости при добыче полезных ископаемых.

Список источников

1. Blackley D.J., Halldin C.N., Laney A.S. Continued Increase in Prevalence of Coal Workers' Pneumoconiosis in the United States, 1970–2017 // American Journal of Public Health. 2018. Vol. 108 (9). P. 1220–1222. doi: 10.2105/AJPH.2018.304517
2. Finkelman R.B., Wolfe A., Hendryx M.S. The future environmental and health impacts of coal // Energy Geoscience. 2021. Vol. 2, is. 2. P. 99–112. doi: doi 10.1016/j.engeos.2020.11.001
3. Бондарев О.И., Семенов Д.Е., Лапий Г.А., Бугаева М.С., Казицкая А.С. Патоморфологические изменения в органах при сочетании новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и пневмокониоза у работников угольной промышленности Кузбасса // Медицина в Кузбассе. 2020. № 4. С. 42–51.
4. Сонтаг С. Болезнь как метафора. М. : Ad Marginem, 2016. 176 с.

References

1. Blackley, D.J., Halldin, C.N. & Laney, A.S. (2018) Continued Increase in Prevalence of Coal Workers' Pneumoconiosis in the United States, 1970–2017. *American Journal of Public Health*. 108(9). pp. 1220–1222. DOI: 10.2105/AJPH.2018.304517
2. Finkelman, R.B., Wolfe, A. & Hendryx, M.S. (2021) The future environmental and health impacts of coal. *Energy Geoscience*. 2(2). pp. 99–112. DOI: 10.1016/j.engeos.2020.11.001
3. Bondarev, O.I., Semenov, D.E., Lapiy, G.A., Bugaeva, M.S. & Kazitskaya, A.S. (2020) Patomorfologicheskie izmeneniya v organakh pri sochetanii novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19) i pnevmokonioza u rabotnikov ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa [Pathomorphological changes in organs with the combination of new coronavirus infection (COVID-19) and pneumonia in workers of the Kuzbass coal industry]. *Meditsina v Kuzbasse*. 4. pp. 42–51.
4. Sontag, S. (2016) *Bolezn' kak metafora* [Disease as a metaphor]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.

***Сведения об авторе*:**
Минзафаров Герман Артурович – аспирант кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: gimli0311@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Minzafarov German Arturovich – PhD Student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gimli0311@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 26.10.2023; accepted for publication 15.11.2024

Рецензия
УДК [94(73) "196":327] (049.32)
doi: 10.17223/19988613/92/23

О столпах западного альянса в 1960-е годы. Рец. на монографию: Лекаренко О.Г. Европейская политика США в годы президентства Л. Джонсона (1963–1969 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 2023. 206 с.

Людмила Николаевна Смолякова

Томский государственный университет, Томск, Россия, smol_ln@mail.ru

Аннотация. Рецензируется научная монография доктора исторических наук О.Г. Лекаренко, в которой рассматриваются основные направления европейской политики администрации Л. Джонсона, направленные на обновление трансатлантических отношений в рамках программы «Великого проекта» Дж. Кеннеди. На основе широкого круга источников автор анализирует процесс реализации идей «взаимозависимости» и «равноправного партнерства» между США и ЕЭС. Отмечаются ценность и значимость представленного в монографии фактического материала и сделанных автором выводов для осмысления процесса развития и сути западного альянса.
Ключевые слова: европейская политика США, администрация Л. Джонсона, многосторонние ядерные силы, ЕЭС, «раунд Кеннеди», Ш. де Голль, трансатлантические отношения

Для цитирования: Смолякова Л.Н. О столпах западного альянса в 1960-е годы. Рец. на монографию: Лекаренко О.Г. Европейская политика США в годы президентства Л. Джонсона (1963–1969 гг.). // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 189–193. doi: 10.17223/19988613/92/23

Book review

About the pillars of the Western Alliance in the 1960s. Review of the monograph: Lekarienko O.G. The European policy of the United States during the presidency of L. Johnson (1963–1969). Tomsk: Tomsk State University Press, 2023. 206 p.

Lyudmila N. Smolyakova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, smol_ln@mail.ru

Abstract. The scientific monograph of O.G. Lekarienko, Doctor of Historical Sciences, presents the results of the study of the main European policy directions of the L. Johnson administration aimed at updating transatlantic relations within the framework of the "Great Project" program of J. Kennedy. Based on a wide range of sources, the author analyzes the process of implementing the ideas of "interdependence" and "equal partnership" between the United States and the EEC. The value and significance of the factual material presented in the monograph and the conclusions drawn by the author for understanding the development process and the essence of the Western alliance are noted.

A comprehensive analysis of US European policy during the presidency of L. Johnson allowed the author to draw some conclusions about a significant revision of the program of the "Great Project" and about a change in the attitude of the American administration towards European integration. Already in the first chapter, the author convincingly shows the unreality of some of the proposals of the "Great Project" of John F. Kennedy and explains the reasons for the refusal of the American side from the project of creating multilateral nuclear forces. A significant place in the monograph is devoted to the analysis of trade and economic contradictions between Atlantic partners. The policy of the United States to solve this difficult task is presented by the author through an analysis of the Trade Expansion Act of 1962 and a description of the process of organizing its implementation, as well as negotiations within the framework of the GATT, called the "Kennedy Round". A separate chapter of the monograph is devoted to the role of the French President Sh. de Gaulle in the development of European integration and opposition to the United States. The author pays special attention to the study of US policy in connection with France's withdrawal from the NATO military organization. The third chapter deals with the issue of completing negotiations within the framework of the Kennedy Round. The author emphasizes the importance of the economic and political consequences of these GATT negotiations. At the end of the book, the UK's second attempt to join the EEC is being considered, using the crisis of the "empty chair". The study is an example of an in-depth study of the European policy of the United States during the presidency of L. Johnson, the achievements of which the author formulated in conclusion.

The author concludes that the main success of the government of L. Johnson was the completion of negotiations with the EEC in the GATT. This has reduced the degree of economic contradictions in relations between transatlantic partners, and the policy of the Johnson administration regarding European integration has not undergone drastic changes.

© Л.Н. Смолякова, 2024

Keywords: US European policy, the Johnson administration, multilateral nuclear forces, the EEC, trade liberalization, the Kennedy Round, Sh. de Gaulle, the Western alliance, transatlantic relations

For citation: Smolyakova, L.N. (2024) About the pillars of the Western Alliance in the 1960s. Review of the monograph: Lekarienko O.G. The European policy of the United States during the presidency of L. Johnson (1963–1969). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 189–193. doi: 10.17223/19988613/92/23

Комплексного исследования европейской политики США периода президентства администрации Л. Джонсона в отечественной литературе пока не было, имело место лишь изучение отдельных сюжетов данного направления. Так, в 2005 г. на кафедре новой, новейшей истории и международных отношений Томского госуниверситета, заведующей которой сейчас является Оксана Геннадьевна, была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Политика Соединенных Штатов Америки в отношении ФРГ в связи с планами создания многосторонних ядерных сил НАТО: 1960–1966 гг.» Е.Л. Кузнецовым.

В предисловии к своей монографии О.Г. Лекаренко подчеркивает, что основные направления европейской политики, осуществлявшиеся администрацией Л. Джонсона, были разработаны при Дж. Кеннеди. Речь идет о программе «Великого проекта», предусматривавшей обновление концепции трансатлантических отношений на основе идей «взаимозависимости» и «равноправного партнерства» между США и формирующейся единой Европой [1. С. 14], реализация которой должна была привести к созданию многосторонних ядерных сил (МЯС) и либерализации торговли между США и ЕЭС в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ).

Всесторонний анализ европейской политики США в период президентства Л. Джонсона, проведенный на основе широкого круга источников и с учетом смещения американских внешнеполитических интересов в Азию, позволил автору сделать выводы о существенной переработке программы «Великого проекта» и изменении отношения американской администрации к европейской интеграции, что в дальнейшем привело к пересмотру некоторых оснований европейской политики США в 1970-е гг.

Уже в первой главе автор убедительно показывает нереалистичность некоторых предложений «Великого проекта» Дж. Кеннеди, нацеленного «на укрепление экономического и политического единства западноевропейских стран» в качестве «непременного условия развития прочного атлантического партнерства» [1. С. 14]. Противоречия в интересах между различными европейскими странами, проектами создания единой Европы и планами обновления трансатлантических отношений со стороны США подробно описываются в каждой из трех глав монографии.

Проект создания многосторонних ядерных сил (МЯС) был предложен администрацией Дж. Кеннеди и рассматривался как путь к созданию политически единой Европы. Управляемые смешанными экипажами надводные корабли с ракетами «Поларис» должен был контролировать комитет из представителей стран-участниц МЯС, обладающий правом вето в вопросе о использовании ядерного оружия. Однако, отмечает автор, Франция выступила против коллективных ядерных сил НАТО, Великобритания предложила свой проект многонациональных ядерных сил, и только руководство ФРГ увидело возможность приобщиться к ядерному оружию. Автору также удалось проследить внутриполитические противоречия как правящих сил наиболее заинтересованных стран в реализации проекта МЯС – между «атлантистами» и «франкофилами» в ФРГ, так и структур силового блока и законодательной власти в США, а также объяснить причины отказа американской стороны от этого проекта.

Значительное место в монографии отведено анализу торгово-экономических противоречий между атлантическими партнерами, которые были связаны с вытеснением американских товаров с европейского рынка в связи с ростом взаимной торговли между странами ЕЭС и проблемой растущего дефицита платежного баланса США. Выходом из сложившейся ситуации для Соединенных Штатов могло стать увеличение экспорта американских товаров, объемы которого в начале 1960-х гг. не превышали 4% ВНП. Политика правящих кругов США по решению этой непростой задачи представлена автором через анализ Закона о расширении торговли 1962 г. и описание процесса организации его реализации, а также переговоров в рамках ГАТТ, получивших название «раунд Кеннеди» (1964–1967).

О.Г. Лекаренко удалось достаточно подробно проанализировать переговорный процесс «раунда Кеннеди», а также лежащие в его основе положения, организационные мероприятия, цели сельскохозяйственной политики ЕЭС и предлагаемую им систему рыночно-ценовых инструментов (целевые, низкие, пороговые цены; импортный сбор; экспортные субсидии), позиции европейских стран-экспортеров продукции аграрного сектора (Франция, Нидерланды) и государств-импортеров (ФРГ, Бельгия). Однако более значимым вкладом автора можно считать детальное отражение процесса реализации интересов США и преодоления торгово-экономических противоречий с европейскими странами. Для завоевания рынка Европы Соединенным Штатам было выгодно проведение либерализации цен путем внедрения метода «линейного» снижения пошлин, ЕЭС был заинтересован в сохранении протекционизма в рамках осуществления Общей сельскохозяйственной политики (ОСП) и готов был договариваться с США только о снижении тарифов на промышленные товары. Автор подчеркивает, что американской стороне важно было не допустить образования единого европейского фронта на переговорах [1. С. 14]. Привлечение более широкого круга участников переговоров в рамках «раунда Кеннеди», перенесение перего-

ворного процесса с пленарного уровня в четыре подкомитета (по тарифным переговорам, по нетарифным барьерам, по торговле сельскохозяйственными товарами и по торговле с развивающимися странами), подготовленные Соединенными Штатами списки товаров, а также вынужденная серия компромиссов со стороны США позволили успешно завершить торговые переговоры с Общим рынком.

Отдельная глава монографии посвящена роли президента Франции Ш. де Голля (1959–1969) в развитии европейской интеграции и противостоянии Соединенным Штатам. Автор отмечает, что «единую Европу де Голль видел как независимую от США конфедерацию суверенных государств во главе с Францией» [1. С. 71], был против укрепления наднациональных институтов в европейских сообществах, что противоречило главным идеям «Великого проекта». Именно Ш. де Голлю принадлежала идея создания Европейского политического союза, представленная «планом Фуше», который предусматривал проведение регулярных консультаций глав государств «шестерки» по вопросам экономики, внешней политики, обороны и культуры. Де Голль согласился со слиянием рабочих органов Европейских сообществ и созданием наднациональных структур ЕЭС (Комиссии и Европейского парламента), однако потребовал изъять из текста Римского договора принцип принятия решений квалифицированным большинством голосов, ведущий к нарушению национального суверенитета. В результате европейское интеграционное объединение оказалось в состоянии кризиса, известного как кризис «пустого кресла». США заняли позицию наблюдателя в этот период, поскольку, по мнению автора, они были заинтересованы в создании Европейского политического союза, а действия французской стороны лишь замедляли этот процесс, временно смещая центр тяжести в сообществе от институтов к национальным правительствам [1. С. 74].

Использование широкого круга документальных источников позволяет читателю вслед за автором с интересом отслеживать непростой процесс продвижения Соединенных Штатов по пути дальнейшей либерализации торговли, ради которой администрация Л. Джонсона пошла на некоторые уступки ЕЭС, в частности, отказавшись от выработки общих правил для ведения переговоров по сельскому хозяйству и согласившись на составление списков предложений по конкретным сельскохозяйственным товарам. Особый интерес у читателя вызывает подробное освещение возникающих проблем в процессе переговоров, а также способов их решения американской стороной: ожидание завершения согласования Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС для возобновления работы в рамках ГАТТ, дополнение многостороннего процесса согласования исключений из правила «линейного» сокращения тарифов двусторонними переговорами между отдельными делегациями для защиты их торговых интересов, учреждение специальных групп по отдельным отраслям промышленности для устранения конфликтных ситуаций и др. О.Г. Лекаренко убедительно показывает, что американская администрация сознательно шла на уступки для достижения всеобщего соглашения на «раунде Кеннеди» и укрепления атлантического партнерства.

Особого внимания заслуживает исследование автором политики США в связи с выходом Франции из военной организации НАТО. Больше всего в этом решении де Голля, как доказательно убеждает нас автор, Л. Джонсона беспокоили угроза единству альянса [1. С. 118], купирование центробежных сил в НАТО. Избежать дипломатической войны в военно-политическом блоке удалось благодаря усилиям американской администрации – отказу от публичной конфронтации с де Голлем и изоляции Франции на международной арене, преподнесению кризиса в НАТО общественному мнению как конфликта Франции с остальными членами организации, заверениям Франции в ее поддержке и гарантиях со стороны НАТО. Администрации Л. Джонсона, отмечает О.Г. Лекаренко, важно было не только «не допустить перетекания кризиса НАТО в ЕЭС» [1. С. 120], но и сохранить ФРГ в рамках политики интеграции с Западом, удержать ее от односторонних политических и военных действий. Решением этой задачи в условиях отказа США от реализации проекта МЯС стало создание постоянного комитета НАТО по вопросам ядерной обороны и подчиненной ему группы ядерного планирования, что было воспринято европейскими странами как разделение ядерной ответственности с правом участия в разработке ядерной стратегии, но отсутствием контроля над ядерным оружием [1. С. 129].

В третьей главе рассматривается вопрос завершения переговоров в рамках «раунда Кеннеди», проходивших с сентября 1966 г. Американская сторона была заинтересована в успешных итогах их проведения до истечения срока полномочий своей делегации 30 июня 1967 г. Главным камнем преткновения между США и ЕЭС, замечает автор, по-прежнему оставалась торговля сельскохозяйственной продукцией. Цены на сельскохозяйственную продукцию в ЕЭС были в два раза выше, чем в США, что могло привести к дальнейшему сокращению американского импорта в Европу. Анализ переговорного процесса проявил интересы обеих сторон: Соединенные Штаты отстаивали только снижение тарифов, страны ЕЭС настаивали на включении мер защиты фермеров, сохранении системы пороговых цен и подвижных импортных сборов. Автору удалось отчетливо показать давление на участников переговорного процесса со стороны США заинтересованных американских структур – Федерации американских фермеров, Национального совета по экспорту фруктов, сенаторов аграрных штатов, требовавших получения свободного доступа на экспортные рынки и защиты в первую очередь экономических интересов в угоду политическим. Автор выявляет причины, объясняющие успешное завершение «раунда Кеннеди»: смена специального представителя президента США по торговым переговорам, который дистанцировался от изначальной политической цели по созданию партнерства между США и единой Европой и сконцентрировал внимание на узких технических деталях торговых переговоров, его тактика использования только взаимных уступок, а также переход к составлению позитив-

ных списков вместо американского плана «линейного» снижения пошлин по широкой номенклатуре товаров. О.Г. Лекаренко приводит разные оценки американских экспертов итогов «раунда Кеннеди» – от защиты американских экспортных интересов в качестве главного достижения до указания на иные факторы роста мировой торговли вместо ее либерализации. Подводя итоги переговорного процесса и достигнутых условий соглашений «раунда Кеннеди», автор справедливо отмечает рост торговли между США и ЕЭС промышленными товарами и сокращение товарооборота сельскохозяйственной продукцией, а также сохранение тенденции к регионализации [1. С. 154]. Автор подчеркивает большое политическое значение переговоров в ГАТТ, поскольку их успех сыграл важную роль в снятии напряжения в трансатлантических отношениях и способствовал укреплению единства ЕЭС, а также роли его Комиссии, впервые выступавшей от имени Общего рынка.

В завершение работы рассматривается вторая попытка Великобритании вступить в ЕЭС, используя кризис «пустого кресла». Мотивы, считает автор, по которым правительство Г. Вильсона собиралось предпринять новую попытку вступить в ЕЭС, в целом оставались прежними: Великобритания все также стремилась занять лидирующие позиции в Европе. Автор указывает на трудности, которые имели место в связи со второй попыткой вступления Великобритании в ЕЭС, – выдвигаемые условия по улучшению состояния британской экономики, незавершенный «раунд Кеннеди», сопротивление Ш. де Голля, различные оценки степени важности Л. Джонсоном и госдепартаментом времени присоединения Великобритании к европейскому объединению, а также критические настроения министерств финансов и обороны США относительно «добровольного отказа европейских стран от конвертации долларов в золото и увеличение вклада европейцев в совместную оборону» [1. С. 170]. В то же время О.Г. Лекаренко обращает внимание на новый конструктивный элемент в европейской политике Великобритании – признание в первую очередь политического характера и цели процесса европейской интеграции. В работе подробно описываются действия британского премьер-министра Г. Вильсона, предпринятые для присоединения к ЕЭС: вояж по странам «шестерки», выдвинутая им идея создания технологического сообщества, использование инициативы расширения сообщества, присоединение к тактике «массированного дипломатического наступления» на Париж. Автор убедительно объясняет причины и последствия срыва переговоров о расширении европейского сообщества, в том числе вступления в него Великобритании. Особенно значимым выводом для понимания сути европейской политики США является положение автора об использовании Соединенными Штатами разногласий в ЕЭС для укрепления роли НАТО. Французский лидер был вынужден одобрить «доклад Армеля» о будущем Североатлантического союза, фактически признав его легитимность в эпоху разрядки, подчеркивает автор.

Главным успехом правительства Л. Джонсона, считает автор, стало завершение переговоров с ЕЭС в ГАТТ, которое снизило степень экономических противоречий в отношениях между трансатлантическими партнерами, а политика администрации Л. Джонсона в отношении европейской интеграции не претерпела кардинальных изменений.

Идея единой Европы, имеющей вес в мировых делах, все еще сохраняла свою привлекательность, а Л. Джонсон сохранил приверженность курсу на поддержку европейской интеграции и построение равноправного партнерства между США и единой Европой. Кардинальное переосмысление европейской политики США произошло, отмечает автор, уже в период президентства Р. Никсона [1. С. 189].

Исследование является примером глубокого изучения европейской политики США периода президентства Л. Джонсона, достижения которой автор сформулировала в заключении. Отказавшись от проекта создания МЯС, правительство США вместе со своими европейскими союзниками по НАТО сосредоточились на поиске иных средств решения проблемы разделения ядерной ответственности в альянсе. Администрация Л. Джонсона завершила комплекс мероприятий, связанных с подготовкой к «раунду Кеннеди» в ГАТТ. Даже с началом войны во Вьетнаме укрепление атлантической солидарности и единства стран Западной Европы посредством европейской интеграции оставалось в числе приоритетных задач. Л. Джонсон разработал собственную стратегию в отношениях с де Голлем: избегать конфликта с французским лидером, но изолировать его через сотрудничество с другими союзниками, что позволило справиться с его «двойным вызовом» ЕЭС и НАТО.

В заключение монографии О.Г. Лекаренко также представила суть данного исследования, которая заключается в том, что столпами западного альянса являются атлантическое партнерство и европейская интеграция, и администрация Р. Никсона следовала этой формуле Дж. Кеннеди. Конкретными достижениями основных направлений европейской политики США названы достигнутое взаимовыгодное торговое соглашение с ЕЭС о существенном снижении тарифов на промышленные товары и создание группы ядерного планирования НАТО, позволившей европейским странам участвовать в разработке ядерной стратегии. Существенным выводом представляется выделение факторов, определивших преемственность политики правительства Л. Джонсона в отношении европейской интеграции несмотря на то, что «Великий проект» атлантического партнерства Дж. Кеннеди не был реализован.

Значимость данной работы неоспорима и для специалистов, и для «просто» интересующихся историей США и Европы. Ценность выполненной автором работы представляется также в том, что достаточно подробное описание событий истории европейской политики администрации Л. Джонсона на основе изученных документов дает читателю возможность делать собственные выводы, опираясь на свои знания. Так, для рецензента на примере политики в отношении ЕЭС важной стала возможность оценить опыт США: во-первых, по использованию слабого звена в борьбе с сильным соперником в деле защиты своих интере-

сов, во-вторых, по поддержке создания многосторонних наднациональных институтов, с помощью которых упрощается процесс принятия важных решений для всего объединения.

Список источников

1. Лекаренко О.Г. Европейская политика США в годы президентства Л. Джонсона (1963–1969 гг.). Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. 206 с.

References

1. Lekarenko, O.G. (2023) *Evropeyskaya politika SShA v gody prezidentstva L. Dzhonsona (1963–1969 gg.)* [The European policy of the United States during the presidency of L. Johnson (1963–1969)]. Tomsk: Tomsk State University.

***Сведения об авторе*:**
Смолякова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: smol_ln@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Smolyakova Lyudmila N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smol_ln@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.09.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 26.09.2024; accepted for publication 15.11.2024

Рецензия
УДК 94 (571)
doi: 10.17223/19988613/92/24

Рецензия: Климова О.Г. Организация изучения истории сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: АлтГТУ, 2021. 334 с.

Михаил Константинович Чуркин

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия;
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Россия, proffchurkin@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена анализу монографии О.Г. Климовой «Организация изучения истории сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в.» Отмечаются антропологически ориентированный подход к исследованию проблемы, разработка автором модели осмысления и анализа генезиса и функционирования историографической традиции предпринимательства в Сибири с учетом социокультурно обусловленных форм организации научных школ и индивидуальных характеристик творческой деятельности историков.
Ключевые слова: сибирское предпринимательство, историографическая традиция, научный дискурс, научное сообщество

Для цитирования: Чуркин М.К. Рецензия: Климова О.Г. Организация изучения истории сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: АлтГТУ, 2021. 334 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 194–198. doi: 10.17223/19988613/92/24

Book review

Review: Klimova O.G. Organization of studying the history of Siberian entrepreneurship in the second half of the XIX – early XX centuries. Barnaul: AltGTU, 2021. 334 p.

Mikhail K. Churkin

Omsk State Pedagogical University Omsk, Russian Federation;
Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tobolsk, Russian Federation, proffchurkin@yandex.ru

Abstract. The published materials are a review of the monograph by O.G. Klimova, dedicated to the organization of the study of the history of entrepreneurship in pre-revolutionary Siberia. The structural composition of the monograph, the theoretical and methodological approaches to the author's reception of the institutional forms of historiography, and the use of historiographic sources are evaluated. Particular attention in the review is paid to the author's ideas about the genre features of the representation of the history of Siberian entrepreneurship, the process of creating and functioning of scientific schools and trends, the reconstruction of the historiographic life of the scientific community based on the prosopographic method and the approaches of the new cultural-intellectual and new biographical stories. The anthropologically oriented format of historiography and construction of the scientific and communicative space of the historiography of Siberian entrepreneurship accompany the research of O.G. Klimova, which allowed her to identify the main “platforms” for the representation of the historiographic reflection of the history of Siberian entrepreneurship in pre-revolutionary Soviet and modern Russian historical science, as well as the ways for the scientific community to translate the ideas about the logic of the development of Siberian entrepreneurship in a long historical period. An important element of the monographic study was the author's desire to reveal the mechanisms and algorithms of research activities of scientists, which predetermined the author's desire to penetrate the inner world of historians, their historiographic life, revealing the social, political, ideological and cultural formations of research strategies of scientists within scientific schools and directions. In the process of working on the monograph and preparing a review, it was found that the work of O.G. Klimova is a serious scientific study, which basically solves an important research problem that contributes to the systematization of historiographic material on the history of regional entrepreneurship in the second half of the 19th - early 20th centuries. The version of the study of the genesis and historiographic tradition of entrepreneurship in Siberia proposed by the author can be perceived as an effective model for understanding and describing the contribution of scientific schools and their individual representatives to constructing the image of the region, taking into account a wide range of intellectual factors and approaches that have developed in the situation of the anthropological turn in the humanities.
Keywords: Siberian entrepreneurship, historiographic tradition, scientific discourse, scientific community

© М.К. Чуркин, 2024

For citation: Churkin, M.K. (2024) Review: Klimova O.G. Organization of studying the history of Siberian entrepreneurship in the second half of the XIX – early XX centuries. Barnaul: AltGTU, 2021. 334 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 194–198. doi: 10.17223/19988613/92/24

Опыт и практики научной рефлексии профессиональным сообществом отечественных историков широкого спектра проблем генезиса, организации, статуса и функций российского и регионального (сибирского) предпринимательства в пореформенную эпоху позволяют говорить о существовании долгосрочной историографической традиции и накоплении «критической массы» трудов, требующих дальнейшей проработки, структуризации и переосмысления с учетом современного состояния исторического знания.

Рецензируемая монография Ольги Геннадьевны Климовой, посвященная организационным аспектам формирования и функционирования историографии сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в., органично вписывается в современную историографическую ситуацию. В качестве оправданных оснований для подготовки и публикации работы, в которой акценты смещены от описания отдельных суждений историков к осмыслению интеллектуальной деятельности научных школ, сложившихся жанров в историографической рефлексии истории сибирского предпринимательства, выступают существенные изменения в подходах и практиках историописания, переформатировавшие аксиологию ремесла историка [1]. Прагматический и культурный повороты второй половины XX столетия рельефно обозначили горизонты антропологически ориентированной истории и способствовали формированию антропологического подхода в историографии, когда в предметную область истории науки помимо формулируемых представлений о сюжетах исторической реальности вплетается «историографический быт», презентующий внутренний мир науки, неявно выраженные конвенции и процедуры научной жизнедеятельности, являющиеся важными элементами функционирования сообщества ученых. Обращение к данному понятию позволяет не только реконструировать научную повседневность и расширить проблематику историографических исследований, но и в плане раскрытия историографической традиции регионального предпринимательства выявить социокультурный контекст формирования представлений историков о изучаемом вопросе, обозначить преемственность и разрывы в его трактовке на разных этапах деятельности научных сообществ, что, по выражению Ж. Ревеля, даст возможность историку решить главную научную задачу – на основе научных штудий концептуализировать социальное [2. С. 52].

Расположенность к антропологически ориентированному приему историописания и конструирования научно-коммуникативного пространства историографии сибирского предпринимательства рельефно отражена в структурной композиции монографии О.Г. Климовой, выбравшей в качестве фундаментальных опор исследования ситуации оформления научных жанров историографии регионального предпринимательства сюжеты, связанные с разработкой программ и алгоритмов деятельности научных школ в рамках разновременных историографических традиций, связанных личными биографиями ученых, во многом определившими их исследовательский опыт.

Своеобразной преамбулой к раскрытию и оценке организационных форм изучения истории сибирского предпринимательства в заявленных хронологических координатах в монографии выступает раздел, посвященный восприятию и реакции научного сообщества на долгосрочный опыт осмысления историографической традиции предпринимательства в Азиатской России. Решая поставленные в первой главе задачи, О.Г. Климова выявила основные «площадки» репрезентации историографической рефлексии истории сибирского предпринимательства в дореволюционной, советской и современной российской исторической науке, в числе которых – материалы либеральной, консервативной и демократической прессы, обобщающие монографии историографического характера, библиографические справочники, учебные пособия, сборники научных статей и отдельные публикации, отразившие не только исследовательские подходы к проблеме, но и внутренний мир историков, социальный, политический и культурный контексты формирования исследовательских стратегий ученых в рамках научных школ и направлений.

В целом соглашаясь с фундаментальными выводами автора о состоянии изучения истории сибирского предпринимательства на разных этапах разработки историографии вопроса, трудно не обратить внимания на некоторую трафаретность и шаблонность ее умозаключений. Внимательное знакомство с содержанием текста вызывает устойчивое ощущение чрезмерной акцентуации автором внешних, по преимуществу количественных аспектов исследовательской активности ученых в ущерб осмыслению процедурных состояний и тенденций в научном сообществе. За границами исследовательской оптики О.Г. Климовой остается интеллектуальная культура эпох как генератор творческих решений и исследовательской деятельности ученых, рассмотрение которой дало бы возможность фиксировать не только постоянный прирост публикаций, расширение жанровых рамок и источниковой базы темы предпринимательства [3. С. 41], но и скрытые механизмы функционирования и продуцирования научного знания. В этой связи структурная логика первой главы выглядит непродуктивной, особенно в части оценки вклада дореволюционной исторической науки в изучение историографии сибирского предпринимательства. Автор констатирует, что дореволюционная историография не поднялась до уровня специальных исследований, а ее вклад в обсуждение вопроса сводился главным образом к разработке отдельных сюжетов истории предпринимательства и введению в научный оборот нормативных и делопроизводственных матери-

алов, мемуаров и т.д. [3. С. 16]. Между тем, принимая во внимание тот факт, что исследователи истории сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. являлись непосредственными свидетелями и бытописателями генезиса и территориального продвижения форм и видов предпринимательской деятельности, было бы правомерно маркировать их научные штудии как историографический источник, позволяющий отразить социокультурный контекст времени, смещаясь от описания событий к характеристике состояний: коммуникации ученых, их повседневных практик, условий, факторов, способов и результатов трансляции научного знания.

Столь же одиозной представляется и авторская модель описания включенности советской исторической науки в исследование общего состояния и тенденций историографии сибирского предпринимательства. Прежде всего бросаются в глаза автономность, замкнутость и историко-культурная однородность советского времени как контекста функционирования исторического знания. Следует заметить, что общепринятая и широко растиражированная в ранний постсоветский период декларация о классовом характере советской историографии, существующей в условиях доминирования марксистско-ленинской моноидеологии, не может рассматриваться в качестве единственной демаркационной линии, разделявшей историков этого периода с их предшественниками и последователями. Во-первых, в силу того, что во второй половине XIX – начале XXI в., несмотря на все идеологические расхождения, «зоной комфорта» для историков оставались позитивистские подходы и практики с присущим им стремлением к накоплению фактического материала, описательности и созданию глобальных метанарративов. Во-вторых, социокультурный и политический фон советского времени был достаточно гетерогенен, что периодически предоставляло ученым возможность отклоняться от традиционных, заданных идеологией правил исследования, возвращаясь к тем сюжетам, которые осваивались на более ранних стадиях историографии. О.Г. Климова вполне обоснованно утверждает, что тема сибирского предпринимательства была включена в историографический дискурс советского сибиреведения в части исследования региональных социальных отношений, быта и культуры народов Сибири [3. С. 21]. Однако процесс организации историографического творчества в данной сфере осмысляется автором формально, равно как и об институциональных «площадках» сообществ историков (университетских, академических и т.д.), их научной и вненаучной коммуникации, к сожалению, в блоке, посвященном советской историографии проблемы, говорится мало.

В характеристике научных жанров историографического освоения истории предпринимательства Сибири второй половины XIX – начала XX в., что выступило предметом второй главы монографии, автор избрала оригинальную модель построения текста, двигаясь последовательно к решению поставленных задач от концепта «научный дискурс» к формам его репрезентации. Отмечая несомненную новизну исследовательского подхода О.Г. Климовой, верно оценившей перспективу рефлексии дискурсивных практик историков в исследовании сюжетных линий сибирского предпринимательства, стоит обратить внимание на довольно одностороннюю, сильно упрощенную авторскую интерпретацию понятия «исторический научный дискурс», которая уводит ее от выявления акторов, способов трансляции и историографического наполнения осваиваемого дискурса к периферийным вопросам технологической оснащенности дискурсивных практик. Так, автор монографии подчеркивает, что «для научного дискурса характерно равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям». Однако, пишет она, «в научном мире, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, есть ведущие специалисты, чье мнение для многих других исследователей служит эталоном» [3. С. 45]. По всей вероятности, здесь речь идет не о дискурсе как виртуальном мире, в котором тексты продуцируют образы и мысли, рождаемые своей онтологической связью и вмонтированностью в социокультурный контекст времени их создания, а лишь о научной коммуникации с часто характерными для нее негласными этическими правилами. Во всяком случае операционные возможности использования дискурсивного метода в исследовании сибирского предпринимательства предполагают нечто большее, чем простое объяснение данного концепта, и простираются значительно дальше технической презентации «площадок» историографического дискурса (монографий, статей, сборников конференций и пр.). В данном отношении выделение О.Г. Климовой основных научных жанров историографии сибирского предпринимательства представлено в декларативном и описательном форматах. Отмечаемые автором родовые (типичные и общеизвестные) признаки жанров не сопровождаются глубоким дискурс-анализом материала, который позволил бы говорить об участниках научной коммуникации истории сибирского предпринимательства, их идентичности, формах и видах контактов внутри научного сообщества, тематических блоках дискурса и эмоциональной его составляющей.

Блок монографии, презентующий сложный и многоступенчатый процесс становления и эволюции научных школ историографии сибирского предпринимательства следует признать наиболее удачно выстроенным и освоенным в работе О.Г. Климовой. Следуя уже апробированной модели предварять основной текст кратким понятийным вступлением, автор вполне логично и аргументировано определяет научную школу как исторически обусловленную интеллектуальную и эмоционально-ценностную общность ученых, констатируя, что результатом долгосрочных исследований сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. стало формирование устойчивой историографической традиции и, как следствие, научной консолидации ученых. Относительно институционализации историографии предпринимательства в Сибири О.Г. Климова в качестве критерия оформления

научной школы выделяет фактор пространственно-временного единства, что, по ее мнению, является определяющим условием сохранения и приумножения фактологической базы и приращения методологического исследовательского арсенала [3. С. 92].

Автором в рамках проблемно-хронологического подхода выстроена иерархическая модель формирования и функционирования сообществ историков, профессионально осваивавших тематику истории и состояния предпринимательской деятельности в Сибири. Ею установлено, что эпицентром научных исследований в области регионального предпринимательства являлся Томский государственный университет, ученые которого рассматривали данную тематику в контексте социально-экономической истории обширного колонизуемого региона. Автор справедливо замечает, что сложившиеся здесь научные школы и направления положили начало систематическому исследованию широкого круга проблем отечественной и всеобщей истории, а во второй половине XX в. основной акцент был сделан на изучении хозяйственного освоения Сибири, развитии ее производительных сил, промышленности, предпринимательства, сельского хозяйства, деятельности политических партий, а также крестьянства и рабочего класса. Определение круга исследовательских проблем и их перспективного освоения в дальнейшем способствовало детализации научного интереса региональных историков, а интенсивные коммуникации сообщества в системе конференций, круглых столов, семинаров и таких форм координации научной деятельности, как аспирантура и докторантура, стимулировали специализацию отдельных представителей научного знания, что привело к исследовательской консолидации ученых и созданию новых научных школ историографии сибирского предпринимательства на площадках ИИ СО РАН (Новосибирск), АлтГУ, БГПУ. Как считает О.Г. Климова, решающим фактором, определившим продуктивность исследований сюжетов истории сибирского предпринимательства в системе координат научных школ, является поколенческая преемственность, создающая в условиях постоянного взаимодействия представителей школ комфортную среду для обмена мнениями, дискуссий по ключевым вопросам социально-экономической истории Азиатской России, внедрения новых подходов и исследовательских практик изучения регионального предпринимательства в исторической ретроспективе.

Оправданным и перспективным с научно-историографической точки зрения представляется просопографический метод конструирования интеллектуальных биографий историков сибирского предпринимательства, положенный в основу четвертой главы монографии. В этой связи заметим, что обращение О.Г. Климовой к инструментальным приемам новой культурно-интеллектуальной истории, достижение одной из фундаментальных задач которой – обоснование дискурсивных практик историка, способов построения и выражения его мысли, недостижимо без погружения в творческие биографии исследователей. Как свидетельствует Н.Н. Алеврас, «творческие биографии трудно поддаются типологизации как научные феномены. Жизненные коллизии и идейные предпочтения, испытанные социокультурные и научные влияния… и целый ряд других обстоятельств накладывают отпечаток на жизнь ученых и формируют оригинальный узор их научной судьбы» [4. С. 80].

Следуя в этом направлении, автор монографии выделила 17 биографий представителей разных поколений научного сообщества, чей исследовательский путь и жизненный опыт были тесно сопряжены с рефлексией истории предпринимательской деятельности в Сибири в хронологических границах второй половины XIX – начала XX в. Биографические очерки, включенные в монографию, позволяют не только выявить гамму сюжетных линий историографии сибирского предпринимательства посредством обращения к научным биографиям историков, но, главным образом, составить представление о жизненном укладе лидеров научных школ (Л.М. Горюшкин, В.А. Скубневский, Д.Я. Резун и др.), их научных связях и вненаучных коммуникациях, запечатлевших «историографический быт» как внутренний мир науки с присущими ему на индивидуальном уровне правилами и процедурами исследовательской деятельности. Антропологический подход, на который опирается в своем исследовании историографической традиции сибирского предпринимательства О.Г. Климова, позволяет переключить внимание с хорошо в целом известных теоретических положений и выводов историков на рецепцию и описание творческого уклада их работы, устройство исследовательских лабораторий, что способствует более полной и всесторонней оценке состояния и результатов научных упражнений, раскрытию теоретико-методологических приемов историописания предпринимательства в Сибири. Общим недостатком рецензируемого раздела является отсутствие лаконичных выводов по главе, как, впрочем, и вразумительного заключения по всей монографии, что позволило бы в концентрированном виде представить итоги изучения сибирского предпринимательства в отечественной историографии, обнаружить основные траектории приращения научного знания в данной области и предметно оценить новизну проведенного исследования.

В целом монография О.Г. Климовой представляет собой серьезный научный труд, в котором поставлена и частично решена важная исследовательская проблема, направленная на обобщение и систематизацию массива историографического материала, посвященного предпринимательству Сибири второй половины XIX – начала XX в. Выявленные недочеты формального и содержательного характера не отменяют основного достижения: автором предложена антропологически ориентированная версия генезиса и функционирования историографической традиции предпринимательства в Сибири, что может восприниматься как эффективная модель осмысления и описания вклада научных школ и их отдельных представителей в конструирование такого образа региона, в котором человеческое измерение будет проявляться максимально рельефно.

Список источников

1. Репина Л.П. Ситуация в современной историографии. Общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня : теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2012. С. 3–13.
2. Бухараев В.М., Мягков Г.П. По обе стороны от «средней позиции: что же дальше, историческое познание? // Методологический синтез : прошлое, настоящее, возможные перспективы. М. : Изд-во ИВИ РАН, 2005. С. 42–72.
3. Климова О.Г. Организация изучения истории сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : АлтГТУ, 2021. 334 с.
4. Алеврас Н.Н. Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). Философия. Социология. Культурология. Вып. 27. С. 79–85.

References

1. Repina, L.P. (2012) Situatsiya v sovremennoy istoriografii. Obshchestvennyy zapros i nauchnyy otvet [The situation in modern historiography. A public inquiry and a scientific response]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoricheskaya nauka segodnya; Teorii, metody, perspektivy* [History Today. Theories, Methods, Perspectives]. 2nd ed. Moscow: LKI. pp. 3–13.
2. Bukharaev, V.M. & Myagkov, G.P. (2005) Po obe storony ot sredney pozitsii: chto zhe dal'she, istoricheskoe poznanie? [On either side of the middle position: What comes next, historical knowledge?] In: *Metodologicheskiy sintez: proshloe, nastoyashchee, vozmozhnye perspektivy* [Methodological synthesis: Past, present, and possible prospects]. Moscow: RAS. pp. 42–72.
3. Klimova, O.G. (2021) *Organizatsiya izucheniya istorii sibirskogo predprinimatel'stva vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Organization of the study of the history of Siberian entrepreneurship in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul: AlSTU.
4. Alevras, N.N. (2012) Istoriograficheskoe znanie i problema istoriograficheskogo byta: smysl i proiskhozhdenie nauchnoy kategorii [Historiographic knowledge and the problem of historiographic life: The meaning and origin of the scientific category]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22(276). Iss. 27. pp. 79–85.

***Сведения об авторе*:**
Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия); главный научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН (Тобольск, Россия). E-mail proffchurkin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Churkin Mikhail K. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation); Chief Researcher of the Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail proffchurkin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 20.08.2023; accepted for publication 15.11.2024

Рецензия
УДК [94(73) "196":327] (049.32)
doi: 10.17223/19988613/92/25

Перепись 1897 г. как этнографический источник по проблеме межэтнического разделения труда в Азиатской России. Рец. на монографию В.П. Зиновьева «Межэтническое разделение труда в Азиатской России по переписи 1897 г.». Томск: Изд-во ТГУ, 2024 г. 210 с.

Людмила Ивановна Шерстова

Томский государственный университет, Томск, Россия, Sherstova58@mail.ru

Аннотация. Ставится проблема расширения источниковой базы этнологических исследований. На примере монографии В.П. Зиновьева показан потенциал использования статистических материалов для исследования результатов трансформации традиционных хозяйственно-культурных типов доиндустриальных обществ Азиатской России в результате ее вхождения в состав Российского государства и этнокультурных контактов с пришлым русским населением.
Ключевые слова: Азиатская Россия, перепись 1897 года, хозяйственно-культурные типы, миграции, сословие, идентичность**,** демография, межэтническое разделение труда

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Шерстова Л.И. Перепись 1897 г. как этнографический источник по проблеме межэтнического разделения труда в Азиатской России. Рец. на монографию В.П. Зиновьева «Межэтническое разделение труда в Азиатской России по переписи 1897 г.». Томск: Изд-во ТГУ, 2024 г. 210 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 199–202. doi: 10.17223/19988613/92/25

Book review

The 1897 Census as an ethnographic source on the problem of the interethnic division of labor in Asian Russia. Review of V.P. Zinoviev's monograph “Interethnic division of labor in Asian Russia according to the census of 1897”. Tomsk: Tomsk State University Press, 2024. 210 p.

Liudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Sherstova58@mail.ru

Abstract. Further development of ethnographic and historical research requires the expansion of the source base. At the same time, it is important not only to increase the number of types of sources used, but also the ability to look at them from a different angle, formulating the research problem in a new way. In the monograph V.P. Zinoviev's "Interethnic division of labor in Asian Russia according to the 1897 census" statistical materials are used to solve the problem of the socio-economic functioning of a multiethnic state, such as the Russian Empire was, from the angle of identifying the predominant occupations of the peoples of its Asian part. Based on the materials of the 1897 census, V.P. Zinoviev recreates the process of gradual incorporation of Asian territories into the Russian Empire, emphasizing the compromise nature of interaction between the central government, the newcomer and the local population. The author defines the stages of transformation of the inter-ethnic division of labor as a consequence of the natural process of coexistence in a multi-ethnic state. The inclusion of a significant number of Germans, Poles, and others in the administrative and military system of the Russian government once again emphasizes the Eurasian features of the Russian Empire. Without directly using the concept of economic and cultural types proposed by Soviet ethnographers M.G. Levin and N.N. Cheboksary for preindustrial societies in V.P. Zinoviev's monograph, it is, in fact, its theoretical basis. He concludes that the flexibility of an ethnic group allows it not only to switch to a more developed HCT, but also to rely on less developed forms of economy in order to adapt to an unfavorable natural environment. This approach actualizes the need for further study of the influence of natural and climatic conditions, calling into question the absolutization of technological development in the sustainable development of pre-industrial ethnic groups.
Keywords: Asian Russia, 1897 census, economic and cultural types, migrations, class, identity, demography, interethnic division of labor

© Л.И. Шерстова, 2024

Acknowledgements: The study was conducted under the support of the Tomsk State University Development Program (Priority-2030).

For citation: Sherstova, L.I. (2024) The 1897 Census as an ethnographic source on the problem of the interethnic division of labor in Asian Russia. Review of V.P. Zinoviev's monograph “Interethnic division of labor in Asian Russia according to the census of 1897”. Tomsk: Tomsk State University Press, 2024. 210 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 199–202. doi: 10.17223/19988613/92/25

Результативность развития исторической науки, в том числе этнографии, во многом опирается на расширение ее источниковой базы. При этом важным является не только увеличение количества используемых видов источников, но и способность посмотреть на них под иным углом, сформулировав по-новому проблему исследования. В монографии В.П. Зиновьева «Межэтническое разделение труда в Азиатской России по переписи 1897 г.» статистические материалы привлекаются для решения проблемы социально-экономического функционирования полиэтничного государства, каким была Российская империя, под углом выявления преимущественных занятий народов ее азиатской части.

Структура монографии достаточно логична и обусловлена началом процесса переселения и постоянного присутствия русских в Азиатской России с начала XVII в. и, следовательно, их раннего включения в межэтническое разделения труда региона. К началу XX в. в Западной Сибири русские не только составили основную массу городского и сельского, земледельческого населения, но и занимались побочными видами деятельности, в большей степени присущими аборигенному населению и обусловленными природными особенностями Сибири – охотой, рыболовством, собирательством. Можно согласиться с В.П. Зиновьевым, что к началу XX в. в Тобольской и Томской губерниях межэтнические границы разделения труда были значительно размыты.

Более позднее присоединение Приамурья, Приморья, о. Сахалина, территории казахских степей и среднеазиатских государств как бы повторяет уже пройденный в Сибири начальный этап формирования системы межэтнического разделения труда – через первоначальное утверждение административной и военной системы имперского управления, представленной по преимуществу русскими. Именно пришлое население, полиэтничное по своему составу (русские, поляки, евреи, татары и т.д.), сосредоточивается в основанных русскими городах Степи и, таким образом, также включается в межэтническое разделение труда. Однако в традиционных городских центрах Средней Азии в конце XIX в. пришлое население по численности далеко уступало местным народам. В этом регионе сохранялось четкое межэтническое разделение труда между сельским и городским населением, а также между земледельцами и скотоводами.

Значительное число поляков в азиатской администрации объясняется практикой формирования местной власти еще со времен Северной войны начала XVIII в., когда пленные шведы переселялись в Сибирь и в условиях нехватки образованных людей могли поступать как на административную, так и на военную службу. Такая политика продолжилась и позже, и значительное число поляков во властных структурах Азиатской России были либо участниками, либо потомками ссыльных участников антирусских восстаний в Польше в 1830 и 1863 гг.

Что же касается еврейского компонента городов, то его основная масса оказалась в составе Российской империи после разделов Речи Посполитой. В России на них во многом было перенесено то отношение, которое сложилось в европейских странах, где в условиях земельного дефицита им запрещалось заниматься земледелием. Вследствие этого они занимали нишу городского населения: ремесленники, купцы, ростовщики и т.д. Их потомки, будучи горожанами, позже приобретали специальности врачей, учителей, инженеров, художников, музыкантов и т.д., находя свое место в интеллектуальной и творческой элите Российской империи.

На основании материалов переписи 1897 г. В.П. Зиновьев воссоздает процесс постепенного включения азиатских территорий в состав Российской империи, подчеркивая компромиссный характер взаимодействия центральной власти, пришлого и местного населения. Он выделяет этапы трансформаций межэтнического разделения труда как следствие естественного процесса совместной жизни населения полиэтничного государства. Включение значительного числа немцев, поляков и представителей других народов в административно-военную систему российской власти еще раз подчеркивает евразийские черты российской империи.

Следует заметить, что обращение к материалам переписи 1897 г. при характеристике численности, занятий и уровня жизни, в частности аборигенных народов Сибири, впервые было представлено в монографии С. Патканова «О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вымирания первобытных племен» (1911) [1]. Выводами этого исследования пользовались многие историки и этнографы Сибири. Однако данная работа содержала главным образом частично обработанный статистический материал переписи, аналитические выводы были представлены слабо.

В монографии В.П. Зиновьева, прежде всего, предварительно была проделана работа по выявлению и составлению сводных таблиц именно тех статистических материалов переписи, которые в большей степени могли стать основой для анализа проблемы межэтнического разделения труда в Азиатской России. И уже на основании их анализа автором сделаны важные выводы, во-первых, о естественном характере разделения труда между местным и пришлым населением, во-вторых, о трансформациях традиционных хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и их влиянии на смену идентичностей как аборигенных народов, так и части русских сибиряков.

Непосредственно не используя концепцию хозяйственно-культурных типов, предложенную советскими этнографами М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым для доиндустриальных обществ, в своей монографии В.П. Зиновьев фактически делает ее теоретической основой исследования. Распространение того или иного ХКТ зависело от уровня социально-экономического развития общества и той природно-географической среды, в которой данный этнос обитал. Выделялось три основных ХКТ: первый – охотники, рыболовы и собиратели, второй – ручные (мотыжные земледельцы), третий – пашенные земледельцы и скотоводы. Самым низкопродуктивным был первый ХКТ, что же касается ручных и особенно пашенных земледельцев, то эти типы давали постоянный прибавочный продукт и способствовали увеличению численности человеческих популяций [2. С. 80–81]. Произошедший в конце XX – начале XXI в. отказ в отечественной этнографии от советского научного наследия и, соответственно, дальнейшей научной разработки этого положения, к сожалению, в какой-то степени исказил представление о причинах «вымирания» некоторых народов севера Сибири, что отметил и автор данной монографии.

Между тем понимание, что первый ХКТ предполагает в лучшем случае простое воспроизводство населения именно в силу своей низкопродуктивности, объясняет незначительный прирост численности народов Сибири, занимавшихся в основном охотой, рыболовством, собирательством. Именно поэтому вплоть до неолитической революции численность населения планеты прирастала очень медленно.

Известный советский этнограф Ю.М. Симченко, анализируя экономику охотников на северного оленя, считал, что до появления домашнего оленеводства численность охотников на дикого северного оленя от Чукотки до Скандинавии едва достигала 10–11 тыс. человек, что объяснялось необходимостью обширной кормовой базы для объектов охоты, а также потребностью мяса как основного продукта традиционного рациона питания и шкур для изготовления одежды и покрышек для чумов [3. С. 83–84].

К началу XX в. охота по-прежнему занимала важное место у части нганасан, эвенков, юкагиров, чукчей. Если также принять во внимание последствия ясачной политики и разбалансировки традиционного хозяйства сибирских народов, а порой и их деградацию, формирование пассивного отношения к собственному положению, то становятся понятными, во-первых, низкая численность таких народов, во-вторых, стремление тех, которые проживали в менее суровых природных условиях, перейти к земледелию, в том числе и пашенному, что в наибольшей степени проявилось у татар Тобольской и Томской губерний и бурят Иркутской губернии. При этом смена ХКТ народами Сибири являлась результатом не столько политики русификации, сколько осознанием местным населением большей экономической выгоды, стабильности развития, увеличения численности собственных популяций. Именно это способствовало переходу к земледелию в пригодных для этого природно-климатических условиях разных групп сибирских татар, части хантов и манси, шорцев, хакасов, западных бурят.

Таким образом, не отрицая негативного воздействия последствий переориентации хозяйства народов Сибири, связанного с необходимостью сдачи ясака, с пушной охотой, из комплексного к специализированному, следует понимать влияние природно-географической среды, климата на возможности обеспечения прироста численности населения при первом ХКТ. Однако гибкость этноса позволяет ему не только переходить на более развитый ХКТ, но и для того, чтобы адаптироваться в неблагоприятной природной среде, опереться на менее развитые формы экономики. Именно этим объясняется переход части раннего русского населения Сибири в сословие «инородцев».

Учитывая, что первоначально русские двигались от Урала к Тихому океану по таежной зоне Сибири, где занятия земледелием были ограничены или вообще невозможны, они вынуждены были отказаться от ХКТ района исхода в европейской части, т.е. пашенного земледелия, и прейти к охоте и рыболовству. С течением времени эти виды хозяйственной деятельности не только оставались побочными практически у всей русской Сибири, как это отмечает В.П. Зиновьев, но и для отдельных групп русских становились основными. Вслед за изменением основных занятий следовали серьезные трансформации материальной и духовной культуры, вплоть до размывания этнической идентичности. Инородцы Якутской области – это субэтносы русских, известные как индигирщики, колымчане, якутяне. Рыболовство стало основным видом их хозяйственной деятельности, земледелие, оказавшись невозможным, уступило место самому раннему хозяйственно-культурному типу. Точно так же русские в горах Алтая, отошедшие от земледелия, практиковавшие охоту и скотоводство, составили еще одну группу «инородцев» – каменщиков.

Монография В.П. Зиновьева имеет важное методологическое значение для развития этнологии. Подчас увлекаясь исследованиями политических, культурных, социальных феноменов, разных идеологических конструктов и их влиянием на состояние этносов, упускается значимость изучения экономического базиса любого народа, любой культуры. При этом подразумевается, что развитие предполагает прежде всего технологический прогресс, что автоматически обесценивает опыт ХКТ доиндустриального общества. Между тем климат, природно-географические особенности, а также их возможные изменения по-прежнему оказывают и будут оказывать влияние на межэтническое разделение труда.

И, наконец, последнее. Эта монография посвящена памяти дочери. Обычно дети продолжают дело родителей… Я знала Елизавету Васильевну, Лизу. Это был удивительно светлый и искренний человек, увлеченный, умеющий отстаивать свою позицию в науке. Нет сомнения, что ее кандидатская диссертация была преддверием большой и серьезной научной работы. Не получилось. Пока о нас помнят, мы живы. Возможно, поэтому эта научная монография получилась такой трогательной и пронзительной.

Список источников

1. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири : статистические материалы для освещения вымирания первобытных племен. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 206 с.
2. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 158 с
3. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей в северной Азии. М. : Наука, 1976. 310 с.

References

1. Patkanov, S. (1911) *O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri: statisticheskie materialy dlya osveshcheniya vymiraniya pervobytnykh plemen* [On the growth of the non-Russian population of Siberia: Statistics to illuminate the extinction of primitive tribes]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Its, R.F. (1974) *Vvedenie v etnografiyu* [Introduction to Ethnography]. Leningrad: Leningrad State University.
3. Simchenko, Yu.B. (1976) *Kul'tura okhotnikov na oleney v severnoy Azii* [The Culture of Reindeer Hunters in Northern Asia]. Moscow: Nauka.

***Сведения об авторе*:**
Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия), E-mail: Sherstova58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Sherstova Lyudmila I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Sherstova58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 10.11.2023; accepted for publication 15.11.2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Научная статья
УДК 378::364.1
doi: 10.17223/19988613/92/26

Научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов»

Егор Андреевич Федосов

Томский государственный университет, Томск, Россия, E.A.Fedosov@yandex.ru

Аннотация. Подводятся итоги прошедшей в Томском государственном университете ежегодной научной конференции «Славянский мир в условиях современных вызовов», состоявшейся в октябре 2024 г. Рассказывается об общей концепции заседаний, составе участников, тематических направлениях докладов. Показано разнообразие предметных областей, источникового материала и исследовательских оптик, которые объединяются для совместного обсуждения под эгидой мероприятия.
Ключевые слова: конференция, гуманитарные науки, славянские исследования, международные отношения, Томский государственный университет

Для цитирования: Федосов Е.А. Научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов» // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 203–205. doi: 10.17223/19988613/92/26

Original article

Scientific conference “The Slavic World: Responding to New Challenges”

Egor A. Fedosov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, E.A.Fedosov@yandex.ru

Abstract. The paper informs about the 8th All-Russian scientific conference with international participation «The Slavic World: Responding to New Challenges», which took place in Tomsk State University during October 10-11, 2024. The event has a traditional disposition and is organized by the Faculty of Historical and Political Studies joint with the International Historical Journal «Rusin». The conference’s main aim is to serve as the panel for discussion past and present of Slavic peoples, their statehood, culture, languages in the context of global processes. Also, its constant concepts are interdisciplinarity, broad thematic patterns and flexibility of format (face-to-face or online). This year the final program included 38 reports, and totally some about 50 participants joined the event as speakers, discussants and attendees. They were the representatives of 20 educational and scientific institutions of Tomsk, Novosibirsk, Sankt-Petersburg, Moscow, Samara, Kazan, Volgograd, Stavropol, Yekaterinburg, Astana (Kazakhstan) and Taraclia (Moldova). The conference sessions lasted for two days. The first session topics of speeches chronologically matched to the pre-Revolutionary period of Russian history. The second one chronologically covered the problematic of contemporary history till nowadays. All the reports form several key directions of Slavic studies: literary and historiographical traditions; geopolitical transformations of past and present; ethnocultural memory, media and ideological practices; self-identity and value orientations; socio-economic cases; personalities. The content of conference was featured by specificity, informativity, originality of source base or research optics. The participants noticed such advantages of the conference as high scientific quality of the reports; the productivity of discussions, despite the time limits; increasing representation of speakers; successful organizational and technical support of the sessions. The results of the conference will be published as the series of articles in journals «Rusin», «Tomsk State University Journal» and «Tomsk State University Journal of History».
Keywords: conference, humanities, Slavic studies, interethnic relations, Tomsk State University

For citation: Fedosov, E.A. (2024) Scientific conference “The Slavic World: Responding to New Challenges”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 203–205. doi: 10.17223/19988613/92/26

© Е.А. Федосов, 2024

Томский государственный университет 10–11 октября 2024 г принимал VIII Всероссийскую научную конференцию с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов», организованную факультетом исторических и политических наук совместно с редакцией международного исторического журнала «Русин». Данное мероприятие уже несколько лет служит площадкой, на которой представители различных городов, вузов и научных школ обсуждают прошлое и настоящее славянских народов, их государственность, культуру, письменные традиции на фоне глобальных процессов. Междисциплинарность и широкие тематические рамки ежегодно объединяют научные интересы историков, филологов, культурологов, философов, международников и др. Отличительной чертой конференции является и гибкость формата работы, предусматривающего как очное, так и дистанционное участие, что позволяет эффективно обеспечивать исследовательскую коммуникацию, несмотря на географические расстояния.

Следует особо отметить, что вокруг конференции сформировался постоянный костяк участников, а в рамках отдельных выступлений были представлены результаты очередных этапов продолжающихся исследований, тематика которых уже затрагивалась на заседаниях прошлых лет. Вместе с тем к работе присоединяются и новые исследователи, заметно расширяя географию мероприятия. В нынешнем году в итоговую программу вошло 38 докладов, а всего в качестве докладчиков, участников дискуссий и слушателей в конференции поучаствовали около 50 человек. Они представляли 11 регионов России и ближнего зарубежья, а также 20 учебных и научных учреждений – Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томский университет систем управления и радиоэлектроники, Сибирский государственный медицинский университет (Томск), Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный технический университет, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Всероссийскую академию внешней торговли (Москва), Институт российской истории РАН (Москва), Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва), Институт Европы РАН (Москва), Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Самарский государственный социально-педагогический университет, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Волгоградский государственный университет, Северо-Кавказский Федеральный университет (Ставрополь), Уральский государственный университет путей сообщения (Екатеринбург), Национальный архив Республики Казахстан (Астана), Тараклийский государственный университет (Молдавия). В составе участников конференции – 13 докторов, 23 кандидата наук, научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, магистрант и студент.

В рамках открытия конференции с приветственным словом к присутствующим обратились ее идейные вдохновители и постоянные организаторы профессор В.П. Зиновьев (Томск, Россия) и профессор С.Г. Суляк (Тараклийский университет, Молдавия). Они рассказали о истории возникновения, опыте проведения и целевых установках конференции, отметили ее роль в продвижении изучения славянской, в частности русинской, тематики в отечественной науке, а также пожелали участникам продуктивной работы. Заседание продолжилось пленарными докладами С.Г. Суляка о малоизученных военных подвигах священника-русина А.Г. Тарноруцкого, ушедшего добровольцем на Первую мировую войну, и профессора В.А. Есиповой (ТГУ), которая рассказала об обнаруженном в фонде Научной библиотеки ТГУ издании с автографами И.П. Менделеева, отца великого русского химика, пролившими свет на некоторые ранее неизвестные детали истории его семьи.

Дальнейшая программа выступлений была выстроена по хронологическому принципу, и в первый день были преимущественно заслушаны доклады, относящиеся к дооктябрьскому периоду истории. На второй день участники конференции осветили сюжеты, охватывающие новейшее время вплоть до современности. Но при всех различиях в предметных областях, методологических принципах и временны́х рамках исследований, представленных докладчиками, все они сводятся к ряду ключевых направлений, которые на сегодня определяют характер славянской проблематики. Первым таким направлением можно считать изучение книжных и историографических традиций в славянских государствах. Так, доклады профессора Д.В. Карнаухова (НГПУ / НГТУ), доцента В.А. Спесивцевой (НГПУ), а также молодых ученых из СПбГУ Ю.А. Чупрыны и К.М. Медведева были посвящены историописанию в Речи Посполитой и Московском царстве периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Проблему трактовок исторического прошлого затронул доцент Д.С. Боровков (УГУПС), проанализировавший отображение обстоятельств Куликовской битвы в современной учебной литературе.

Другое направление формируют доклады, связанные с темой положения славянских народов и государств в условиях различных геополитических трансформаций прошлого и настоящего. В частности, позициям России и русского населения в Северном Причерноморье после Кючук-Кайнарджийского договора и в Средней Азии XIX в. были посвящены выступления доцента А.А. Вологдина (ВАВТ) и научного сотрудника И.Р. Прохорова (Национальный архив Республики Казахстан). Попытки налаживания военно-дипломатических связей между различными антибольшевистскими силами времен Гражданской войны отражены в докладе доцента А.А. Чемакина (СПбГУ) о миссии полковника Я.Д. Ноги в Галичину. Перипетии современных международных отношений, связанные с проблемами дипломатии, миграции, экспорта образования на постсоветском и европейском пространстве, освещены в представленных исследованиях ведущего научного сотрудника М.В. Ведерникова (ИЕ РАН),

профессора Е.В. Хахалкиной (ТГУ), а также доцентов С.М. Юна и А.М. Погорельской (ТГУ).

Еще один крупный пласт докладов лежал в области изучения роли этнокультурной памяти и информационно-идеологических практик в исторической судьбе славянского мира. Так, профессор А.Н. Кошечко (СибГМУ) рассказала о влиянии творчества Ф.М. Достоевского на русскую национальную культуру. Памятные мероприятия в Российской империи начала XX в. стали темой выступления доцента А.С. Лизогуб (ОмГУ). Доцент Д.В. Воронин раскрыл отношение томских газетчиков к полякам на фоне Первой мировой войны. Сразу несколько докладчиков представили исследования о том, как карпаторусская проблематика отражалась в прессе и политической публицистике: на предреволюционном этапе – в докладах доцента Д.И. Стогова (СПбГЭТУ «ЛЭТИ») и аспиранта Е.О. Ковалевой (СПбГУ); в условиях Гражданской войны – в докладах заведующего кафедрой ФИПН ТГУ Д.Н. Шевелева и заведующего отделом НБ ТГУ К.А. Конева. Идеолого-пропагандистские факторы взаимоотношений СССР и славянских стран социалистического лагеря нашли отражение в выступлениях независимого исследователя из Москвы М.К. Бисенгалиева – о деятельности А.А. Жданова и И.Б. Тито в Коминформе, и старшего преподавателя Е.А. Федосова (ТГУ) – о визуализации чехословацких событий 1968 г. в советских печатных СМИ.

К отдельному, хотя и смежному, направлению можно отнести доклады, связанные с изучением самоидентификационных и ценностных ориентиров у различных общественных и этнических групп, входящих в славянский мир. В рамках исторического материала данные процессы рассмотрели профессор О.А. Чернов (СГСПУ) на примере самарских добровольцев – участников войн на Балканах в 1877–1878 гг., студент А.П. Нигамедзянов (МГУ) в контексте зарождения македонской национальной идентичности на рубеже XIX–XX вв., а также старший преподаватель А.О. Степнов и профессор С.А. Некрылов (ТГУ) применительно к украинским ученым позднеимперского и советского периодов. Современная ситуация отражена в результатах продолжающего социологического исследования этнической идентичности в многонациональной среде студентов ТУСУРа, проведенного исследовательской группой данного вуза, которые представила доцент В.И. Зиновьева. О выявленных ценностях студентов славянских вузов рассказал старший преподаватель И.А. Дунбинский (ТГУ). Место идентичностных категорий в риториках балканских политиков стало предметом анализа научного сотрудника Т.И. Попадьевой (ИМЭМО РАН).

Ряд докладов был посвящен социально-экономической проблематике. Так, профессор В.П. Зиновьев и соискатель Ю.В. Семенов (ТГУ) в своих выступлениях обратились к материалам всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по западным губерниям. Магистрант Н.С. Скляренко (ТГУ) рассмотрел, как вопросы помощи слепым освещались в дореволюционной малороссийской епархиальной периодике. Доцент А.Л. Афанасьев (ТУСУР) раскрыл перипетии второго всероссийского съезда (1912) по борьбе с пьянством.

Наконец, отдельные выступления выстраивались вокруг изучения биографий конкретных личностей, чья деятельность была неразрывно связана со славянской идеей. К их числу относился волынский священник Петр Антонович, один из духовных отцов православных русин, деятельность которого стала темой доклада профессора С.Г. Суляка. Частью славянского наследия является коллекция журнальной периодики, собранная дореволюционным филологом П.А. Кулаковским, о личной библиотеке которого рассказала заведующая отделом НБ ТГУ Е.В. Ивановская.

Прозвучавшие доклады отличались конкретикой, информативностью, разнообразием источникового материала и исследовательских оптик. Большинство выступлений иллюстрировалось презентациями. Они вызывали живой отклик у слушателей в форме вопросов к докладчикам и последующих дискуссий. По завершении заседаний были подведены итоги конференции. Участники отметили такие сильные ее стороны, как достаточно высокие научные качества представленных докладов; продуктивность дискуссий, несмотря на узкие временные рамки регламента, растущее представительство, успешное организационное и техническое сопровождение работы. Вместе с тем итоги заседаний показывают, что представленный на них состав участников и охваченные тематические рамки требуют расширения формата мероприятия. Результаты прошедшей конференции будут представлены исследовательскому сообществу в виде серии публикаций в журналах «Русин», «Вестник Томского государственного университета. История» и «Вестник Томского государственного университета».

***Сведения об авторе*:**
Федосов Егор Андреевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: E.A.Fedosov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fedosov Egor A. – Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of the Department of Russian History of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: E.A.Fedosov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.10.2024; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 27.10.2024; accepted for publication 15.11.2024

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2024 № 92

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 27.12.2024 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 25,8. Усл. печ. л. 23,9. Тираж 50 экз. Заказ № 6179. Цена свободная.

Дата выхода в свет 15.01.2025 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru